ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

А. А. ВАСИЛЬЕВ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

От начала Крестовых походов до падения Константинополя

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. ВАСИЛЬЕВ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

От начала Крестовых походов до падения Константинополя

АЛЕТЕЙЯ

**ББК 189120 В. (Рос.)
А. А. Васильев 98(2)**

Редколлегия серии «Византийская библиотека»:

Г. Г. Литаврин (председатель), О. Л. Абышко (со-председатель), И. А. Савкин (со-председатель), С. С. Аверинцев, М. В. Бибиков, С. П. Карпов, Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева, Я. Н. Любарский, И. П. Медведев, Д. Д. Оболенский, Г. М. Прохоров, А. А. Чекалова, И. И. Шевченко

В научном наследии выдающегося русского византиниста и арабиста А. А. Васильева (1867–1953) особое место занимают работы общего плана, охватывающие всю историю Византии вплоть до падения Константинополя в 1453 году. На русском языке в первой четверти XX веке в Петрограде—Петербурге—Ленинграде вышли следующие его работы: 1) Лекции по истории Византии. Время до Крестовых походов (до 1081 года); 2) История Византии и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081–1184) и Ангелов (1185–1204); 3) История Византии. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204–1261); 4) История Византии. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261–1453).

После эмиграции А. А. Васильева, данные работы неоднократно переиздавались им на иностранных языках, с дополнениями и изменениями, обретя во втором американском издании — Hystory of the Byzantine Empire 324–1453. Madison, 1952 — качество всеобъемлющего монографического исследования, одного из важнейших в мировой византинистике. Этим и определяется актуальность издания работы в полном объеме на русском языке в настоящее время.

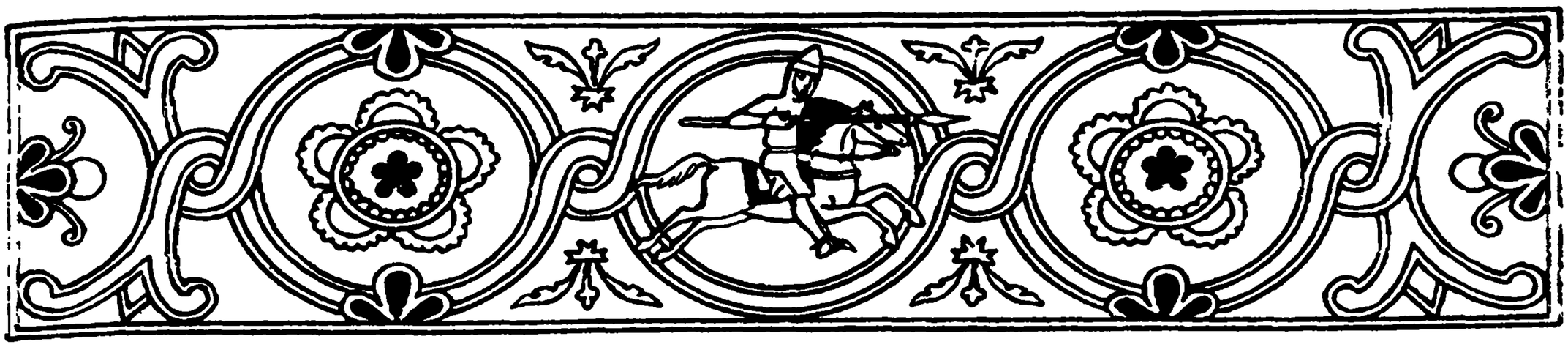
«Истории Византийской империи» А. А. Васильева свойственны два основных качества — яркость, живописность, образность изложения, позволяющая каждому читателю быть живым свидетелем описываемых событий, целиком и полностью присутствовать в той бесконечно далекой и одновременно немыслимо близкой эпохе, а также скрупулезнейшая научная точность, почти педантичность (но без наукообразного занудства) в характеристике исторических фактов, событий и процессов. Увеличение количества комментариев и примечаний от издания к изданию говорит о предельно серьезном отношении автора к своему сочинению, о стремлении А. А. Васильева ко все более высокому научному идеалу, об учете самых последних достижений византинистики.

Все дополнения А. А. Васильева переведены с английского. Из второго американского издания взяты также все примечания, отсутствующие в русском тексте, библиография и индексы. Новому русскому изданию предпослана вступительная статья о жизненном и научном пути А. А. Васильева. Текст книги заново отредактирован.

Для самого широкого круга читателей.

ISBN 5–89329–072–5

© Издательство «Алетейя» (г. СПб) — 1998 г.
© А. Г. Грушевой — 1998 г.



От редактора

Второй том данного издания включает в себя главы, посвященные позднему периоду истории Византии — от четвертого крестового похода до падения Константинополя в 1453 году. Соответствующая русская версия этих разделов была написана в виде трех небольших книг в 1923—1925 гг., упоминавшихся во введении к первому тому.

Один аспект текстологии последних трех глав «Истории Византийской империи» А. А. Васильева заслуживает особого внимания. Видимо, потому, что сам А. А. Васильев специально не занимался поздним периодом византийской истории, соотношение английского текста второго американского издания и русской версии 1923—1925 гг. еще более неожиданное, по сравнению с главами первого тома и исходной русской версии 1917 г. Если в последнем случае количество вставок и дополнений в основной текст было достаточно большим и лишь 50—60% текста составляло прямой перевод с русского, то в главах этого тома количество вставок и дополнений в основной текст составит 15—20% авторского текста. *Иными словами, 75—80% английского текста второго американского издания представляет собой прямой перевод с русского.*

Как и при подготовке первого тома, научный редактор исходил из убеждения, что излишне переводить на русский язык то, что и так уже на русском языке существует. Именно поэтому:

— текст первой главы второго тома (во втором американском издании это седьмая глава) — это, с незначительными изменениями, полностью учтенными по второму американскому изданию, текст книги А. А. Васильева «История Византии. Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081—1185) и Ангелов (1185—1204)». Петроград, 1923;

— текст второй главы второго тома (во втором американском издании это восьмая глава) — это, с незначительными изменениями, полностью учтенными по второму американскому изданию, текст книги А. А. Васильева «История Византии. Латинское вла-

дычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204—1261)».[1] Петроград, 1923;

— текст третьей главы второго тома (во втором американском издании это девятая глава) — это, с незначительными изменениями, полностью учтенными по второму американскому изданию, текст книги А. А. Васильева «История Византии. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261—1453)». Ленинград, 1925.

Несколько слов о примечаниях. Они, как и в первом томе, взяты из второго американского издания. Как и раньше, примечания сверялись с французским изданием, но на этот раз они сверялись и с примечаниями исходных русских версий. Книги 1923—1925 гг. содержат иногда в примечаниях информацию важную или интересную для русского читателя, но не существенную для англоязычных читателей. Именно поэтому А. А. Васильев не включал такую информацию в последующие издания «Истории Византийской империи». При подготовке русского издания сочинения А. А. Васильева эта информация была восстановлена.

Библиография данного издания полностью повторяет библиографию второго американского издания за одним исключением. Согласно принятым в России нормам, исследования на русском языке выделены отдельно и помещены перед исследованиями на западноевропейских языках. В библиографии сохранены и выделены курсивом краткие пометки А. А. Васильева с характеристикой работ. Работы, отмеченные в примечаниях научного редактора, в библиографию не вносились. О причинах появления в библиографии отдельных работ, изданных после выхода в свет второго американского издания, речь шла во введении к первому тому.

Индекс составлен на основе индекса второго американского издания.

---

[1] В этой главе существенные изменения коснулись лишь одного из пунктов. Именно в восьмую главу А. А. Васильевым был включен важный в теоретическом отношении раздел о византийском феодализме. В данном издании к этому пункту дано много примечаний научного редактора, чтобы показать иные точки зрения и развитие взглядов на византийский феодализм в последующие годы.

История Византии

Византия и крестоносцы

Эпоха Комнинов (1081–1185) и Ангелов (1185–1204)

ГЛАВА 1

ВИЗАНТИЯ И КРЕСТОНОСЦЫ

Комнины и их внешняя политика

Революция 1081 года возвела на престол Алексея Комнина, дядя которого, Исаак, в течение короткого времени уже был императором в конце пятидесятых годов (1057—1059).

Греческая фамилия Комнинов, упоминаемая в источниках впервые при Василии II, происходила из одной деревни в окрестностях Адрианополя. Позднее, приобретя большие имения в Малой Азии,[1] Комнины сделались представителями крупного малоазиатского землевладения. Как Исаак, так и его племянник Алексей выдвинулись благодаря военным талантам. В лице последнего на византийском престоле восторжествовали военная партия и провинциальное крупное землевладение, и вместе с тем закончилось смутное время империи. Первые три Комнина сумели подолгу удержаться на престоле и мирно передавали его от отца к сыну.

Энергичное и умелое правление Алексея I (1081—1118) с честью вывело государство из целого ряда суровых внешних опасностей, грозивших иногда самому существованию империи. Еще задолго до смерти, Алексей назначил наследником своего сына Иоанна, чем причинил большое неудовольствие своей старшей дочери Анне, знаменитому автору «Алексиады», которая, будучи замужем за кесарем Никифором Вриеннием, тоже историком, составила сложный план как добиться от императора удаления Иоанна и назначения наследником ее супруга. Однако, престарелый Алексей остался тверд в своем решении, и после его смерти Иоанн был провозглашен императором.

Вступив на престол, Иоанн II (1118—1143) должен был сразу же пережить тяжелые минуты: был раскрыт заговор против него,

---

[1] См.: *F. Chalandon*. Les Comnène: Études sur l'empire byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vol. I. Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène. Paris, 1900, p. 21. Недавно была высказана гипотеза о валашском происхождении Комнинов. — *G. Murnu*. L'origine des Comnènes. — Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine. Vol. XI, 1924, pp. 212—216.

во главе которого стояла его сестра Анна и в котором замешана была его мать. Заговор не удался. Иоанн очень милостиво отнесся к виновным, большая часть которых лишилась только имущества. Своими высокими нравственными качествами Иоанн Комнин заслужил всеобщее уважение и получил прозвание Калоиоанна (Калояна), т. е. Хорошего Иоанна. Интересно, что в высокой оценке нравственной личности Иоанна сходятся как греческие, так и латинские писатели. Он был, по словам Никиты Хониата, «венцом всех царей (κορωνις), которые восседали на римском престоле из рода Комнинов».[1] Суровый в оценке византийских деятелей Гиббон писал об этом «лучшем и величайшем из Комнинов», что сам «философ Марк Аврелий не пренебрег бы его безыскусственными доблестями, проистекавшими от сердца, а не заимствованными из школ».[2]

Противник ненужной роскоши и излишней расточительности, Иоанн наложил соответствующий отпечаток на свой двор, который при нем жил экономной и строгой жизнью; былых развлечений, веселья и громадных трат при нем не было. Царствование этого милостивого, тихого и в высокой степени нравственного государя было, как мы увидим ниже, почти одной сплошной военной кампанией.

Полной противоположностью Иоанну явился его сын и преемник Мануил I (1143—1180). Убежденный поклонник Запада, латинофил, поставивший себе идеалом тип западного рыцаря, стремившийся постигнуть тайны астрологии, новый император сразу совершенно изменил суровую придворную обстановку отца. Веселье, любовь, приемы, роскошные празднества, охота, устраиваемые на западный образец поединки-турниры, — все это широкой волной разлилось по Константинополю. Посещения столицы иностранными государями, Конрадом III германским, Людовиком VII французским, Кылыч-Арсланом, султаном Иконийским, и различными латинскими князьями Востока, стоили необычайных денег.

Громадное число западноевропейских выходцев появилось при византийском дворе, и в их руки стали переходить наиболее выгодные и ответственные места в империи. Оба раза Мануил был женат на западных принцессах: первая жена его была сестра жены германского государя Конрада III, Берта Зульцбахская, переименованная в Византии в Ирину; вторая жена Мануила была дочь антиохийского князя, Мария, по происхождению француженка, замечательная красавица. Все правление Мануила было обусловлено

---

[1] *Nicetas Choniates.* Historia, ed. I. Bekker (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae). Bonn, 1835, pp. 64—65. Всюду ниже ссылка дается как — Bonn ed.

[2] *E. Gibbon.* The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Ed. J. B. Bury, vol. V, p. 229.

его увлечением западными идеалами, его несбыточной мечтой восстановить единую Римскую империю через отнятие при посредстве папы императорской короны у германского государя и его готовностью заключить унию с западной церковью. Латинское засилье и пренебрежение туземными интересами вызывали в народе общее неудовольствие; настоятельно чувствовалась необходимость в перемене системы. Однако, Мануил умер, не увидев крушения своей политики.

Сыну и наследнику Мануила, Алексею II (1180—1183), едва было двенадцать лет. Регентшей была объявлена его мать Мария Антиохийская. Главная власть перешла в руки племянника Мануила протосеваста Алексея Комнина, любимца правительницы. Новое правительство искало опоры в ненавистном латинском элементе. Народное раздражение поэтому росло. На столь популярную раньше императрицу Марию стали смотреть, как на «иностранку». Французский историк Диль сравнивает положение Марии с положением в эпоху великой французской революции Марии-Антуанетты, которую народ называл «австриячкой».[1]

Против могущественного протосеваста Алексея составилась сильная партия, во главе которой встал Андроник Комнин, одна из любопытнейших личностей в летописях византийской истории, интересный тип как для историка, так и для романиста. Андроник, племянник Иоанна II и двоюродный брат Мануила I, принадлежал к младшей, отстраненной от престола линии Комнинов, отличительным признаком которой была необычайная энергия, направляемая иногда по ненадлежащему пути. Эта линия Комнинов в своем третьем поколении дала государей Трапезундской империи, которые известны в истории под названием династии Великих Комнинов. «Князь-изгой» XII века, «будущий Ричард III византийской истории», в душе которого было «нечто похожее на душу Цезаря Борджиа», «Алкивиад средневизантийской империи», Андроник *являл собой «законченный тип византийца XII века со всеми* его достоинствами и пороками».[2] Красивый и изящный, атлет и воин, хорошо образованный и обаятельный в общении, особенно с женщинами, которые его обожали, легкомысленный и страстный, скептик и, в случае нужды, обманщик и клятвопреступник, чес-

---

[1] *Ch. Diehl.* Figures byzantines, vol. II. Paris, 1909, p. 112. Русский перевод — Византийские портреты. М., 1914 (пер. М. Безобразовой), т. 2, с. 125.

[2] *В. Г. Васильевский.* Союз двух империй. В кн.: Славянский Сборник, т. 2. СПб., 1877, с. 255—257. То же в трудах В. Г. Васильевского — т. 4. Л., 1930, с. 68—70; *Ch. Diehl.* Figures byzantines, vol. II, pp. 90, 93. Русский перевод — с. 100, 104; *R. von Scala.* Das Griechentum seit Alexander dem Grossen, in: *H. F. Helmolt.* Weltgeschichte, Bd. V, Leipzig, Wien, 1905, S. 95.

толюбивый заговорщик и интриган, в старости страшный своей жестокостью, Андроник, по мнению Диля, был той гениальной натурой, которая могла бы создать из него спасителя и возродителя изнуренной Византийской империи, для чего ему, может быть, недоставало немного нравственного чувства.[1]

Современный Андронику источник (Никита Хониат) писал о нем: «Кто родился из столь крепкой скалы, чтобы быть в состоянии не поддаться потокам слез Андроника и не быть очарованным вкрадчивостью речей, которые он изливал наподобие темного источника». Тот же историк в другом месте сравнивает Андроника с «многообразным Протеем»,[2] старцем-прорицателем древней мифологии, известным своими превращениями.

Находясь, несмотря на внешнюю дружбу с Мануилом, у него на подозрении и не находя себе деятельности в Византии, Андроник большую часть царствования Мануила провел в скитаниях по различным странам Европы и Азии. Будучи отправлен сначала императором в Киликию, а затем к границам Венгрии, Андроник, обвиненный в политической измене и в покушении на жизнь Мануила, был заключен в константинопольскую тюрьму, где провел несколько лет и откуда, после ряда необычайных приключений, ему по заброшенной водосточной трубе удалось бежать для того, чтобы снова быть пойманным и заключенным еще на несколько лет в темницу. Снова бежав из заключения на север, Андроник нашел убежище на Руси, у князя Галицкого Ярослава Владимировича. Русская летопись отмечает под 1165 годом: «Прибеже ис Царягорода братан царев кюр (т. е. кир — господин) Андроник к Ярославу у Галич и прия и Ярослав с великой любовью, и да ему Ярослав неколико городов на утешение».[3] По сведениям византийских источников, Андроник встретил у Ярослава радушный прием, жил в его доме, ел и охотился с ним вместе и даже участвовал в его советах с боярами.[4] Однако, пребывание Андроника при дворе Галицкого князя казалось опасным Мануилу, так как беспокойный родственник последнего вступал уже в сношения с Венгрией, с которой у Византии начиналась война. Мануил в таких обстоятельствах решил простить Андроника, который «с великой честью»,

---

[1] *Ch. Diehl.* Figures byzantines, vol. II, p. 93; *L. Bréhier.* Andronic (Comnène). — Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques, vol. II, p. 1782.

[2] *Nicetas Choniates.* Historia, Bonn ed., pp. 317, 319.

[3] Ипатьевская летопись под 6673 годом (изд. Археограф. комм.), с. 359, или Воскресенская летопись под тем же годом (Полн. собр. русск. летописей, т. VII, с. 78).

[4] *Ioannis Cinnami* Historia, Bonn ed., p. 232; *Nicetas Choniates.* Historia, Bonn ed., p. 172.

по словам русской летописи,[1] был отпущен Ярославом из Галиции в Константинополь.

Получив в управление Киликию, Андроник недолго пробыл на новом месте. Через Антиохию он прибыл в Палестину, где у него разыгрался серьезный роман с Феодорой, родственницей Мануила и вдовой Иерусалимского короля. Разгневанный император отдал приказ ослепить Андроника, который, будучи вовремя предупрежден об опасности, бежал с Феодорой за границу и в течение нескольких лет скитался по Сирии, Месопотамии, Армении, пробыв некоторое время даже в далекой Иверии (Грузии).

Наконец, посланцам Мануила удалось захватить страстно любимую Андроником Феодору с их детьми, после чего он сам, не будучи в состоянии перенести этой потери, обратился с просьбой о прощении к императору. Прощение было дано, и Андроник принес Мануилу полное раскаяние в поступках своей прошлой, бурной жизни. Назначение Андроника правителем малоазиатской области Понта, на побережье Черного моря, явилось как бы почетным изгнанием опасного родственника. В это время, а именно в 1180 году, умер, как известно, Мануил, после которого императором сделался малолетний сын его Алексей II. Андронику тогда было уже шестьдесят лет.

Такова была в главных чертах биография лица, на которое население столицы, раздраженное латинофильской политикой правительницы Марии Антиохийской и ее любимца Алексея Комнина, возлагало все свои надежды. Очень искусно выставляя себя защитником попранного права малолетнего Алексея II, попавшего в руки злых правителей, и другом ромеев (φιλορώμαιος), Андроник сумел привлечь к себе сердца измученного населения, которое его боготворило. По словам одного современника (Евстафия Солунского), Андроник «для большинства был дороже самого бога» или, по крайней мере, «тотчас следовал за ним».[2]

Подготовив в столице надлежащую обстановку, Андроник двинулся к Константинополю. При известии о движении Андроника многочисленная столичная толпа дала волю своей ненависти по отношению к латинянам: она с остервенением набросилась на латинские жилища и начала избиение латинян, не различая пола и возраста; опьяненная толпа громила не только частные дома, но и латинские церкви и благотворительные учреждения; в одной больнице были перебиты лежавшие в постелях больные; папский посол после поругания был обезглавлен; много латинян было продано в рабство на турецких рынках. Этим избиением латинян 1182 года, по словам Ф. И. Успенского, «действительно, если не

---

[1] Ипатьевская летопись или Воскресенская летопись.

[2] *Eustathii* De Thessalonica a Latinis capta, Bonn ed., 1842, p. 338.

посеяно, то полито зерно фанатической вражды Запада к Востоку».[1] Всесильный правитель Алексей Комнин был заточен в темницу и ослеплен. После этого Андроник совершил торжественный въезд в столицу. Для укрепления своего положения он начал постепенно уничтожать родственников Мануила и велел задушить императрицу-мать Марию Антиохийскую. Затем, заставив провозгласить себя соимператором и дав, при ликовании народа, торжественное обещание охранять жизнь императора Алексея, он несколько дней спустя отдал распоряжение тайно его задушить. После этого, в 1183 году, Андроник, шестидесяти трех лет от роду, сделался полновластным императором ромеев.

Появившись на престоле с задачами, о которых речь будет ниже, Андроник мог поддерживать свою власть лишь путем террора и неслыханных жестокостей, на что и было направлено все внимание императора. Во внешних делах он не проявил ни силы, ни инициативы. Настроение народа изменилось не в пользу Андроника; недовольство росло. В 1185 году вспыхнула революция, возведшая на престол Исаака Ангела. Попытка Андроника бежать не удалась. Он подвергся страшным мучениям и оскорблениям, которые перенес с необыкновенной стойкостью. Во время своих нечеловеческих страданий он лишь повторял: «Господи, помилуй! Зачем вы сокрушаете сломанный тростник?»[2] Новый император не позволил, чтобы растерзанные останки Андроника удостоились хоть какого-либо погребения. Такой трагедией закончила свое существование последняя славная на византийском престоле династия Комнинов.

Алексей I и внешняя политика до первого крестового похода

По словам Анны Комниной, образованной и литературно одаренной дочери нового императора Алексея, последний в первое время после своего вступления на престол, ввиду турецкой опасности с востока и норманской с запада, «замечал, что царство его находится в предсмертной агонии».[3] Действительно, внешнее

---

[1] *Ф. И. Успенский.* Царь Алексей II и Андроник Комнин. — ЖМНП, т. CCXIV, 1881, с. 73. *Ф. И. Успенский.* Последние Комнины. Начало реакции. — Византийский временник, т. 25, 1927—1928, с. 14.

[2] *Nicetas Choniates.* Historia, Bonn ed., p. 458. Многочисленные источники о смерти Андроника проанализированы в: *N. Radojčič.* Dva posljednja Komnena na carigradskom prijestolu. Zagreb, 1907, p. 94, note 1.

[3] *Anna Comnena.* Alexias III, 9. (Здесь и далее мы цитируем по новейшему изданию: *А. Комнина.* Алексиада. Перевод с греческого Я. Н. Любарского. Изд. «Алетейя», СПб., 1996, с. 133. — Всюду ниже даются ссылки на книгу, главу и страницу. *Науч. ред.*)

положение империи было очень тяжелым и с годами становилось еще более затруднительным и сложным.

Норманская война. Герцог Апулии, Роберт Гуискар, покончив с завоеванием византийских южно-итальянских владений, имел гораздо более широкие замыслы. Желая нанести удар в самое сердце Византии, он перенес военные действия на Адриатическое побережье Балканского полуострова. Оставив управление Апулией старшему сыну Рожеру, Роберт с младшим сыном Боемундом, известным впоследствии деятелем первого крестового похода, располагая уже значительным флотом, выступил в поход против Алексея, имея ближайшей целью приморский город в Иллирии Диррахий (прежний Эпидамн; по-славянски Драч; теперь Дураццо). Диррахий, главный город одноименной образованной при Василии II Болгаробойце фемы-дуката, т. е. области с дукой во главе управления, прекрасно укрепленный, по справедливости считался ключом к империи на западе. От Диррахия начиналась построенная еще в римское время известная военная Егнатиева дорога (via Egnatia), шедшая на Солунь и дальше на восток к Константинополю. Поэтому вполне естественно, что главное внимание было направлено Робертом на этот пункт. Эта экспедиция была «прелюдией крестовых походов и подготовкой для франкского господства в Греции».[1] «Предкрестовый поход Роберта Гуискара был его самой большой войной против Алексея Комнина».[2]

Алексей Комнин, чувствуя невозможность одними своими силами справиться с норманской опасностью, обратился за помощью на Запад, между прочим к германскому государю Генриху IV. Но последний, испытывая в это время затруднения внутри государства и не закончив еще своей борьбы с папой Григорием VII, не мог быть полезным византийскому императору. Отозвалась на призыв Алексея Венеция, преследовавшая, конечно, собственные цели и интересы. Император обещал республике св. Марка за оказанную помощь флотом, которого у Византии было мало, обширные торговые привилегии, о чем речь будет ниже. В интересах Венеции было помочь восточному императору против норманнов, которые, в случае успеха, могли захватить торговые пути с Византией и Востоком, т. е. захватить то, что венецианцы надеялись сами со временем получить в свои руки. Кроме того, для Венеции была налицо и непосредственная опасность: норманны, завладевшие Ионическими островами, особенно Корфу и Кефалонией, и западным побережьем Балканского полуострова, закрыли бы для венецианских судов Адриатическое море.

---

[1] *K. Hopf*. Geschichte Griechenlands vom Beginne des Mittelalters bis auf die neuere Zeit. Leipzig, 1867, Bd. I, S. 141.

[2] *H. Grégoire, R. de Keyser*. La Chanson de Roland et Byzance ou de l'utilité du grec pour les romanistes. — Byzantion, vol. XIV, 1939, p. 274.

Норманны, завоевав остров Корфу, осадили Диррахий с суши и с моря. Хотя подошедшие венецианские корабли освободили осажденный город со стороны моря, но прибывшее во главе с Алексеем сухопутное войско, в состав которого входили македонские славяне, турки, варяго-английская дружина и некоторые другие народности, потерпело сильное поражение. В начале 1082 года Диррахий отворил ворота Роберту. Однако на этот раз вспыхнувшее восстание в Южной Италии заставило Роберта удалиться с Балканского полуострова, где оставшийся Боемунд после нескольких успехов был в конце концов побежден.[1] Предпринятый Робертом новый поход против Византии окончился также неудачей. Среди его войска открылась какая-то эпидемия, жертвой которой пал и сам Роберт Гуискар, умерший в 1085 году на острове Кефалонии, о чем до сих пор еще напоминает своим названием небольшая бухта и деревня у северной оконечности острова Фискардо (Гвискардо, от прозвания Роберта «Гуискар» — Guiscard). Со смертью Роберта норманское нашествие в византийские пределы прекратилось, и Диррахий снова перешел к грекам.[2]

Отсюда видно, что наступательная политика Роберта Гуискара на Балканском полуострове потерпела неудачу. Но зато вопрос о южно-итальянских владениях Византии был при нем решен окончательно. Роберт основал итальянское государство норманнов, так как ему первому удалось соединить в одно целое различные графства, основанные его соплеменниками, и образовать Апулийское герцогство, пережившее при нем свой блестящий период. Наступивший после смерти Роберта упадок герцогства продолжался около пятидесяти лет, когда основание Сицилийского королевства открыло новую эру в истории итальянских норманнов. Однако, Роберт Гуискар, по словам Шаландона, «открыл для честолюбия своих потомков новую дорогу: с тех пор итальянские норманны будут обращать свои взоры к востоку: за счет греческой империи Боемунд, двенадцать лет спустя, задумает создать для себя княжество».[3]

Венеция, оказавшая помощь флотом Алексею Комнину, получила от императора громадные торговые привилегии, которые создали для республики св. Марка совершенно исключительное положение. Помимо великолепных подарков венецианским церквям и почетных титулов с определенным содержанием дожу и венеци-

---

[1] См.: *R. B. Yewdale*. Bohemund I, Prince of Antioch. Princeton, 1924, pp. 18—22.

[2] *F. Chalandon*. Les Comnène... Vol. I, pp. 64—92; *Idem*. The Earlier Comneni. Cambridge Medieval History, vol. IV, pp. 329—330. Место смерти Роберта Гуискара точно не установлено. Шаландон (Les Comnène... Vol. I, p. 93, note 9) и Йудейл (Bohemund I... p. 23) пишут, что Гуискар умер в Кассиопе на Корфу.

[3] *Idem*. Les Comnène... p. 94.

анскому патриарху с их преемниками, императорская грамота Алексея, или хрисовул, как назывались в Византии грамоты с золотой императорской печатью, предоставлял венецианским купцам право купли и продажи на всем протяжении империи и освобождал их от всяких таможенных, портовых и других, связанных с торговлей, сборов; византийские чиновники не могли осматривать их товары. В самой столице венецианцы получили целый квартал с многочисленными лавками и амбарами и три морских пристани, которые назывались на Востоке скалами (maritimas tres scalas), где венецианские суда могли свободно грузиться и разгружаться. Хрисовул Алексея дает любопытный список наиболее важных в торговом отношении византийских пунктов, приморских и внутренних, открытых для Венеции, в северной Сирии, Малой Азии, на Балканском полуострове и Греции, на островах, кончая Константинополем, который в документе назван Мегалополис, т. е. Великий Город. В свою очередь венецианцы пообещали быть верными подданными империи.[1]

Дарованные венецианским купцам льготы ставили их в более благоприятное положение, чем самих византийцев. Хрисовулом Алексея Комнина было положено твердое основание колониальному могуществу Венеции на Востоке и созданы такие условия для ее экономического преобладания в Византии, которые, казалось, должны были на долгое время сделать невозможным появление других конкурентов в данной области. Однако, эти же исключительные экономические привилегии, дарованные Венеции, послужили впоследствии, при изменившихся обстоятельствах, одной из причин политических столкновений Восточной империи с республикой св. Марка.

Борьба империи с турками и печенегами

Турецкая опасность с востока и севера, т. е. со стороны сельджуков и печенегов, столь грозная при предшественниках Алексея Комнина, еще более усилилась и обострилась при нем. Если победа над норманнами и смерть Гуискара позволили Алексею возвратить византийскую территорию на западе до Адриатического побережья, то на других границах, благодаря нападениям турок и печенегов, империя значительно уменьшилась в своих размерах. Анна Ком-

---

[1] См.: *G. F. L. Tafel, G. M. Thomas.* Urkunden zur ältern Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. (Fontes rerum austriacarum. Diplomata et acta, XII—XIV). Wien, Bd. I, 1856, S. 51—54; *F. Dölger.* Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neuern Zeit. Bd. I (1). München, Berlin, 1924, S. 27—28. Работа содержит очень хорошую библиографию.

нина пишет, что «в то время, о котором идет речь, восточную границу Ромейского владычества образовывал соседний Боспор, западную — Адрианополь».[1]

Казалось, что в Малой Азии, почти целиком завоеванной сельджуками, обстоятельства складывались благоприятно для империи, так как среди малоазиатских турецких правителей (эмиров) шла междоусобная борьба за власть, что ослабляло турецкие силы и приводило страну в состояние анархии. Но Алексей не мог направить всего своего внимания на борьбу с турками ввиду нападений на империю с севера печенегов.

Последние в своих действиях против Византии нашли союзников внутри империи в лице живших на Балканском полуострове павликиан.* Павликиане представляли собой восточную дуалистическую религиозную секту, одну из главных отраслей манихейства, основанную в III веке Павлом Самосатским и преобразованную в VII веке. Живя в Малой Азии, на восточной границе империи, и твердо отстаивая свое вероучение, они были вместе с тем прекрасными воинами, доставлявшими немало хлопот византийскому правительству. Как известно, одним из излюбленных приемов византийского правительства было переселение различных народностей из одних областей в другие, так например, славян в Малую Азию, а армян на Балканский полуостров. Подобная судьба постигла и павликиан, которые в большом количестве были переселены с восточной границы во Фракию в VIII веке Константином V Копронимом и в X веке Иоанном Цимисхием. Центром павликианства на Балканском полуострове сделался город Филиппополь. Поселив восточную колонию в окрестностях этого города, Цимисхий, с одной стороны, достиг удаления упорных сектантов из их укрепленных городов и замков на восточной границе, где с ними трудно было справляться; а с другой стороны, он рассчитывал, что на месте нового поселения павликиане будут служить крепким оплотом против частых нападений на Фракию северных «скифских» варваров. В X же веке павликианство распространилось по Болгарии благодаря преобразователю этого учения попу Богомилу, по имени которого византийские писатели называют его последователей богомилами. Из Болгарии богомильство позднее перешло в Сербию и Боснию, а затем и в Западную Европу, где последователи вос-

---

[1] *Анна Комнина*. Алексиада, VI, 11, с. 196. (Перевод с греческого Я. Н. Любарского. Изд. «Алетейя». СПб., 1996, с. 196.)

* А. А. Васильев в соответствующем примечании второго американского издания отсылает к началу пятой главы, где также есть краткое упоминание о павликианах. Здесь представляется, однако, не менее актуальным отметить более новое исследование. — *Р. М. Бартикян*. Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван, 1961. (Здесь и далее * отмечены примечания научного редактора.)

точного дуалистического учения носили различные названия: патарены в Италии, катары в Германии и Италии, побликаны (т. е. павликиане) и альбигойцы во Франции и т. д.

Византийское правительство, однако, ошиблось в своих расчетах на роль поселенных на Балканском полуострове восточных сектантов. Во-первых, оно не предполагало возможности быстрого и широкого распространения ереси, что на самом деле случилось. Во-вторых, богомильство сделалось выразителем национальной славянской и политической оппозиции против тяжелого византийского управления в церковной и светской областях, особенно в пределах покоренной при Василии II Болгарии. Поэтому вместо того, чтобы защищать византийские пределы от северных варваров, богомилы призывали печенегов для борьбы против Византии. К печенегам присоединились куманы (половцы).

Борьба с печенегами, несмотря на временные удачи, была очень тяжела для Византии. В конце восьмидесятых годов Алексей Комнин потерпел у Дристра (Силистрии), на нижнем Дунае, страшное поражение и сам едва спасся от плена. Только раздоры из-за дележа добычи, возникшие между печенегами и куманами, не позволили первым на этот раз вполне использовать свою победу.

После короткого отдыха, купленного у печенегов, Византия должна была пережить ужасное время 1090—1091 годов. Вторгшиеся снова печенеги после упорной борьбы дошли до стен Константинополя. Анна Комнина рассказывает, что в день празднования памяти мученика Феодора Тирона жители столицы, посещавшие обычно в громадном числе находившийся в предместье за городской стеной храм мученика, не могли сделать этого в 1091 году, так как нельзя было открыть городских ворот из-за стоявших под стенами печенегов.[1]

Положение империи сделалось еще более критическим, когда с юга стал грозить столице турецкий пират Чаха, проведший молодые годы в Константинополе при дворе Никифора Вотаниата, пожалованный византийским чином и убежавший в Малую Азию при вступлении на престол Алексея Комнина. Овладев Смирной и некоторыми другими городами западного побережья Малой Азии и островами Эгейского моря при помощи созданного им флота, Чаха задумал нанести удар Константинополю с моря, отрезав таким образом для него пути к пропитанию. Но желая, чтоб задуманный им удар был действительнее, он вступил в сношения с печенегами на севере и с малоазиатскими сельджуками на востоке. Уверенный в успехе своего предприятия, Чаха уже заранее называл себя императором (василевсом), украшал себя знаками императорского

---

[1] *Анна Комнина*. Алексиада, VIII, 3. (Перевод с греческого Я. Н. Любарского. Изд. «Алетейя». СПб., 1996, с. 231).

достоинства и мечтал сделать Константинополь центром своего государства. Не надо упускать из виду и того, что как печенеги, так и сельджуки были турками, пришедшие благодаря сношениям к сознанию своего родства. В лице Чахи для Византии явился враг, который, по словам В. Г. Васильевского, «с предприимчивой смелостью варвара соединял тонкость византийского образования и отличное знание всех политических отношений тогдашней восточной Европы, который задумал сделаться душой общего турецкого движения, который хотел и мог дать бессмысленным печенежским блужданиям и разбоям разумную и определенную цель и общий план».[1] Казалось, что на развалинах Восточной империи должно было основаться турецкое сельджуко-печенежское царство. Византийская империя, по выражению того же В. Г. Васильевского, «тонула в турецком нападении».[2] Другой русский византинист, Ф. И. Успенский, так пишет о данном моменте: «Положение Алексея Комнина в зиму 1090—1091 года может быть сравнимо разве с последними годами империи, когда османские турки окружили Константинополь со всех сторон и отрезали его от внешних сношений».[3]

Алексей понимал весь ужас положения империи и, следуя обычной византийской дипломатической тактике настраивать одних варваров против других, обратился к половецким ханам, этим «союзникам отчаяния», которых просил помочь ему против печенегов. Хорошо известные русской летописи дикие и суровые половецкие ханы, Тугоркан и Боняк [4] были приглашены в Константинополь; где встретили самый льстивый прием и получили роскошную трапезу. Византийский император униженно просил о помощи варваров, державших себя с императором панибратски. Дав Алексею слово, половцы сдержали его. 29 апреля 1091 года произошла кровопролитная битва, в которой вместе с половцами, вероятно, участвовали и русские. Печенеги были разгромлены и беспощадно истреблены. По этому поводу Анна Комнина замечает: «Можно было видеть необычайное зрелище: целый народ, считавшийся не десятками тысяч, но превышавший всякое число, с женами и детьми, целиком погиб в этот день». Только что упо-

---

[1] *В. Г. Васильевский.* Византия и печенеги. — Труды, т. 1, с. 76. О Чахе есть турецкая монография. — Akdes Nimet Kurat. Çaka. (В сводной библиографии эта работа отсутствует. Поэтому информацией о выходных данных этой книги редактор не располагает. — *Науч. ред.*)

[2] *В. Г. Васильевский.* Там же, с. 77.

[3] *Ф. И. Успенский.* История крестовых походов. СПб., 1900, с. 8.

[4] *Анна Комнина.* Алексиада, VIII, 4. (Перевод с греческого Я. Н. Любарского. СПб., 1996, с. 233). ὁ Τογορτάκ, ὁ Μανιάκ. См. также по этому вопросу: *В. Г. Васильевский.* Византия и печенеги. — Труды, т. 1, с. 98, прим. 2.

мянутое сражение нашло отражение в сложенной тогда византийской песне: «Из-за одного дня скифы (так Анна Комнина называет печенегов) не увидели мая».[1]

Своим вмешательством в пользу Византии половцы оказали громадную услугу христианскому миру. «Их предводители, — по словам историка, — Боняк и Тугоркан, должны быть по справедливости названы спасителями Византийской империи».[2]

Алексей с торжеством возвратился в столицу. Лишь небольшая часть пленных печенегов не была перебита, и эти остатки столь страшной орды были поселены на восток от реки Вардара и вошли позднее в ряды византийской армии, где составляли особый род войска. Печенеги же, успевшие спастись от истребления за Балканы, были настолько ослаблены, что в течение тридцати лет не предпринимали ничего в Византии.

Страшный для Византии Чаха, не успевший своим флотом помочь печенегам, потерял часть завоеваний в столкновении с греческими морскими силами. А затем император сумел возбудить против него никейского султана, который, пригласив Чаху на пир, собственноручно убил его, после чего вступил в мирное соглашение с Алексеем. Так счастливо для Византии разрешилось критическое положение 1091 года, и следующий 1092 год протекал уже для империи в совершенно изменившейся обстановке.

В страшные дни 1091 года Алексей искал себе союзников не только в лице варварских половцев, но и среди людей Латинского запада. Анна Комнина пишет: «Он приложил все усилия, чтобы письмами вызвать отовсюду наемное войско».[3] То, что такие послания были отправлены на Запад, видно и из другого пассажа того же автора, которая пишет, что вскоре Алексей получил «наемное войско из Рима».[4*]

В связи с изложенными событиями, историками разбирается обыкновенно известное в литературе послание Алексея Комнина к его старому знакомому, проезжавшему за несколько лет перед тем из Святой Земли через Константинополь, графу Роберту Фландр-

---

[1] *Анна Комнина.* Алексиада, VIII, 5, с. 236—238.

[2] *В. Г. Васильевский.* Византия и печенеги. — Труды, т. 1, с. 107.

[3] *Анна Комнина.* Алексиада, VIII, 3, с. 232.

[4*] *Анна Комнина.* Алексиада, VIII, 5, с. 235. А. А. Васильев не вполне прав, говоря, что из данного пассажа можно сделать вывод об отправке Алексеем Комнином писем о помощи на Запад. Анна пишет о том, что Алексей давал уклончивые ответы послам «скифов» на их предложения о мире, желая внушить мысль послам, что к нему скоро должно подойти войско наемников из Рима. В примечании (прим. 841, с. 541) к этому месту Я. Н. Любарский пишет, что, судя по по западным источникам, Алексей Комнин отправлял посольство к папе, возможно, прося его о помощи.

скому. В этом послании император рисует отчаянное положение «святейшей империи греческих христиан, сильно утесняемой печенегами и турками», говорит об убийствах и поруганиях христиан, детей, юношей, жен и дев, о том, что почти вся территория империи занята уже врагами; «остался почти лишь один Константинополь, который враги угрожают в ближайшем времени у нас отнять, если к нам не подоспеет быстрая помощь божия и верных христиан латинских»; император «бегает перед лицом турок и печенегов» из одного города в другой и предпочитает отдать Константинополь в руки латинян, чем язычников. Послание, для возбуждения ревности латинян, перечисляет длинный ряд святынь, хранившихся в столице, и напоминает о накопленных в ней бесчисленных богатствах и драгоценностях. «Итак, спешите со всем народом вашим, напрягите все ваши силы на то, чтобы такие сокровища не попали в руки турок и печенегов... Действуйте, пока имеете время, дабы христианское царство и, что еще важнее, Гроб Господень не были для вас потеряны и дабы вы могли получить не осуждение, но награду на небеси. Аминь!»[1]

В. Г. Васильевский, относивший это послание к 1091 году, писал: «В 1091 году с берегов Босфора донесся до Западной Европы прямой вопль отчаяния, настоящий крик утопающего, который уже не может различать, дружеская или неприязненная рука протянется для его спасения. Византийский император не усомнился теперь раскрыть перед глазами посторонних всю ту бездну стыда, позора и унижения, в которую была низвергнута империя греческих христиан».[2]

Этот документ, рисующий в столь ярких красках критическое положение Византии около 1090 года, вызвал целую литературу. Дело в том, что он дошел до нас лишь в латинской редакции. Мнения ученых разделились: в то время, как одни ученые, и между ними русские ученые В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский считают послание подлинным, другие (из более новых — француз Риан) считают его подложным. Новейшие историки, занимавшиеся данным вопросом, склоняются с некоторыми ограничениями к подлинности послания, т. е. признают существование не дошедшего до нас оригинала послания, адресованного Алексеем Комнином Роберту Фландрскому. Французский историк Шаландон признает, что средняя часть послания была составлена при помощи оригинального письма; дошедшее же до нас латинское послание в целом было со-

---

[1] *P. E. Riant*. Alexii I Comneni ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria, Geneva, 1879, 10—20; *H. Hagenmeyer*. Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088—1100. Innsbruck, 1901, S. 130—136; *F. Dölger*. Corpus der griechischen Urkunden, Bd. II, S. 39—40 (n. 1152).

[2] *В. Г. Васильевский*. Византия и печенеги. — Труды, т. 1, с. 90.

ставлено кем-нибудь на Западе для возбуждения крестоносцев незадолго до первого похода (в виде excitatorium, т. е. ободрительного послания).[1] В существенных чертах соглашается с мнением В. Г. Васильевского относительно подлинности послания и позднейший издатель и исследователь последнего, немецкий ученый Гагенмейер.[2] В 1924 году Б. Лейб писал, что это письмо является ничем иным, как преувеличением (amplification), сделанным вскоре после собора в Клермоне на основе бесспорно подлинного послания, которое послал император Роберту с целью напомнить об обещанных подкреплениях.[3] Наконец, в 1928 г. Л. Брейе писал: «Возможно, если следовать гипотезе Шаландона, что, прибыв во Фландрию, Роберт забыл о своих обещаниях. Алексей тогда послал к нему посольство и письмо с текстом, конечно, полностью отличным от того, который дошел до нас. Что же касается этого апокрифического письма, то оно могло быть составлено с помощью подлинного, в момент осады Антиохии, в 1098 году, чтобы попросить поддержки на Западе. Письмо Алексея не имеет, таким образом, ничего общего с предысторией крестового похода».[4] В своей истории первого крестового похода Х. Зибель рассматривал письмо Алексея Роберту Фландрскому как официальный документальный источник, имеющий отношение к крестовому походу.[5]

---

[1] *F. Chalandon*. Les Comnène... Vol. I, appendice, pp. 325—336, в особенности — p. 331, 334 и 336. Он же излагает историю этого письма и проблемы, связанные с его интерпретацией.

[2] *H. Hagenmeyer*. Der Brief des Kaisers Alexios I Komnenos an den Grafen Robert I von Flandern. — Byzantinische Zeitschrift. Bd. VI, 1897, S. 26; *H. Hagenmeyer*. Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088—1100, S. 38—40. См. также: *H. Pirenne*. À propos de la lettre d'Alexis Comnène à Robert le Frison, comte de Flandre. — Revue de l'instruction publique en Belgique, vol. L, 1907, pp. 217—227; *G. Caro*. Die Berichterstattung auf dem ersten Kreuzzuge. — Neue Jahrbücher für das klassiche Altertum. Bd. XXIX, 1912, S. 50—62.

[3] *B. Leib*. Rome, Kiev et Byzance à la fin du XIe siècle. Paris, 1924, p. 122. Издание содержит краткий французский перевод письма — pp. 188—189.

[4] *L. Bréhier*. L'Église et l'Orient du Moyen Âge; Les Croisades. Paris, 1928, p. 58; Н. Йорга (Essai de synthèse de l'histoire de l'humanité. Vol. II. Histoire du moyen âge. Paris, 1927, pp. 276—277) отказывает этому письму в каком-либо историческом значении. *G. Buckler*. (Anna Comnena. A Study. Oxford, London, 1929, p. 457, note 1) объявляет это письмо если не полностью, то большей частью подложным. См. также: *C. Erdmann*. Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens. Stuttgart, 1935, S. 365. Он объявлял письмо по меньшей мере интересным, вне зависимости от того, был подлинный прототип у фальсифицированного текста, или нет.

[5] *H. Sybel*. Geschichte des ersten Kreuzzuges. Leipzig, 1881, S. 7—9. (См. также более новый обзор точек зрения: *Анна Комнина*. Алексиада, прим. 777, с. 535—536; прим. 970, с. 557—559.)

Я остановился несколько подробнее на вопросе о послании Алексея Комнина к Роберту Фландрскому, так как с ним связан отчасти важный вопрос о том, призывал ли император Запад к крестовому походу, или нет, о чем будет сказано ниже. Во всяком случае, исходя из точного указания современницы Анны Комниной о том, что Алексей отправлял послания на Запад, мы можем признавать и факт отправления им послания к Роберту Фландрскому, легшего в основу разукрашенного дошедшего до нас латинского текста. Очень вероятно, что это послание Алексея было отправлено именно в критический для Византии 1091 год.[1] Весьма также возможно, что в 1088—1089 гг. послание императора было послано хорватскому королю Звонимиру с просьбой принять участие в борьбе Алексея «против язычников и неверных».[2]

Успех в отношении внешних врагов сопровождался таким же успехом по отношению к врагам внутренним. Заговорщики и претенденты, хотевшие в своих выгодах воспользоваться затруднительным положением государства, были разоблачены и наказаны.

Еще до времени первого крестового похода, кроме выше упомянутых народов, при Алексее Комнине стали играть уже некоторую роль сербы и мадьяры. Во второй половине XI века Сербия добилась независимости, которая была оформлена принятием сербским князем титула короля (краля). Это было первое сербское королевство со столицей в Шкодре (Шкодер, Скадар, Скутари). Сербы участвовали в войске Алексея во время уже известной нам войны его с норманнами, но покинули в опасный момент императора. После же возвращения Византией от норманнов Диррахия у Алексея с Сербией начались враждебные действия, которые, ввиду рассказанных уже тяжелых условий для империи, не могли быть особенно успешными для императора. Однако, незадолго до крестового похода между сербами и империей был заключен мир.

Отношения к Венгрии (Угрии), которая принимала еще раньше деятельное участие в болгаро-византийской борьбе X века при Симеоне, также несколько осложнились во время Алексея Комнина благодаря тому, что в конце XI века континентальная Венгрия при государях из династии Арпада стала стремиться на юг к морю, а именно к побережью Далмации, что вызывало недовольство как со стороны Венеции, так и со стороны Византии.

Итак, международная политика империи ко времени первого крестового похода сильно разрослась и усложнилась и ставила государству новые задачи.

---

[1] *F. Dölger*. Corpus der griechischen Urkunden. Bd. II, S. 39 (no. 1152). Исследователь относит это письмо к 1088 г.

[2] *F. Sišić*. Geschichte der Kroaten. Zagreb, Bd. I, 1917, S. 315—316.

Однако, к середине девяностых годов XI века Алексей Комнин, освободившийся от многочисленных грозивших империи опасностей и создавший, казалось, для государства условия мирной жизни, мог постепенно собраться с силами для борьбы с восточными сельджуками. Для этой цели императором был предпринят ряд оборонительных работ.

Но в это время Алексей Комнин услышал о приближении к границам своего государства первых крестоносных отрядов. Начинался первый крестовый поход, изменивший планы Алексея и направивший его и империю по новому, сделавшемуся позднее роковым для Византии пути.

Первый крестовый поход и Византия

Эпоха крестовых походов является одной из наиболее важных в мировой истории, особенно с точки зрения экономической истории и культуры в целом. Длительное время религиозные проблемы заслоняли другие стороны этого сложного и разнородного движения. Первой страной, где была полностью осознана значимость крестовых походов, была Франция, где в 1806 году Французская Академия и затем Национальный Институт учредили специальную премию за лучшую работу на тему: «О влиянии крестовых походов на гражданскую свободу европейских народов, их цивилизацию и прогресс науки, торговли и промышленности». Конечно, в начале XIX века было еще преждевременно обсуждать эту проблему всесторонне. Она и теперь еще не решена. Однако важно отметить, что с этого момента о крестовых походах перестали говорить исключительно с религиозной точки зрения. Две работы были отмечены Французской Академией в 1808 году. Одна из них — исследование немецкого ученого А. Херена (A. Heeren), опубликованная одновременно на немецком и французском под заголовком «Исследование о влиянии крестовых походов на Европу»,* и работу французского автора Шуазель-Делькура — «О влиянии крестовых походов на состояние европейских народов».** Хотя с современной точки зрения обе они устарели, эти книги представляют интерес, особенно первая.

---

* В библиографии эта работа не упомянута. Приводимое далее французское заглавие книги взято из французского издания «Истории Византийской империи» т. 2, с. 19. — *A. Heeren.* Essai sur l'influence des Croisades sur l'Europe.

** В библиографии эта книга отсутствует. Приводимое далее французское название взято, как и в предыдущем случае, со с. 19 французского издания второго тома «Истории Византийской империи» А. А. Васильева. — *M. Choiseul-Daillecourt.* De l'influence des Croisades sur l'état des nations européennes.

Крестовые походы были, конечно, самой важной эпохой в истории борьбы двух мировых религий — христианства и ислама — борьбы, тянувшейся с седьмого века. В этом историческом процессе играли роль не только одни религиозные мотивы. Уже в первом крестовом походе, наиболее сильно отразившем в себе идею крестоносного движения за освобождение святых мест из рук неверных, можно отметить мирские цели и земные интересы. «Среди рыцарей было две партии — партия религиозно настроенных (the religious-minded) и партия политиков».[1] Цитируя эти слова немецкого ученого Б. Куглера, французский ученый Ф. Шаландон добавляет: «Это утверждение Куглера совершенно верно».[2] Однако, чем более внимательно историки изучают внутренние условия жизни Западной Европы в XI веке, в особенности экономическое развитие итальянских городов этого времени, тем более они убеждаются, что экономические явления также сыграли весьма значительную роль в подготовке и проведении первого крестового похода. С каждым новым крестовым походом эта мирская струя пробивалась в них все сильнее, чтобы одержать наконец окончательную победу над первоначальной идеей движения во время четвертого крестового похода, когда крестоносцы взяли Константинополь и основали Латинскую империю.

Византия играла настолько важную роль в данной эпохе, что изучение Восточной империи совершенно необходимо для более глубокого и всестороннего понимания как генезиса, так и самого хода развития крестовых походов. Более того, большинство исследователей, которые изучали крестовые походы, рассматривали проблему с излишне «западной» точки зрения, с тенденцией сделать из Греческой империи «козла отпущения всех ошибок крестоносцев».[3]

Со времени своего первого выступления на арене всемирной истории в тридцатых годах VII века арабы, как известно, с поразительной быстротой завоевали Сирию, Палестину, Месопотамию, восточные области Малой Азии, прикавказские страны, Египет, северное побережье Африки, Испанию. Во второй половине VII века и в начале VIII они дважды осаждали Константинополь, от которого были оба раза не без труда отбиты благодаря энергии и талантам императоров Константина IV Погоната и Льва III Исавра. В 732 году вторгнувшиеся из-за Пиренеев в Галлию арабы были остановлены Карлом Мартеллом при Пуатье. В IX веке арабы завоевали

---

[1] *B. Kugler*. Kaiser Alexius und Albert von Aachen. — Forschungen zur deutschen Geschichte. Bd. XXIII, 1883, S. 486.

[2] *F. Chalandon*. Les Comnène... Vol. I, p. 161.

[3] *F. Chalandon*. Histoire de la première croisade jusqu'à l'élection de Godefroi de Bouillon. Paris, 1925, préface I.

остров Крит, а к началу X века в их руки перешли остров Сицилия и большая часть южно-итальянских владений Византии.

Эти арабские завоевания имели очень большое значение для политической и экономической ситуации в Европе. Как сказал А. Пиренн, «молниеносное продвижение арабов изменило облик мира. Их внезапное вторжение разрушило древнюю Европу. Оно положило конец средиземноморскому союзу, который составлял ее силу... Средиземное море было римским озером. Оно стало в значительной мере озером мусульманским».[1] Это утверждение бельгийского историка должно быть с некоторыми оговорками принято. Экономические связи Западной Европы с восточными странами были ограничены мусульманами, но не прерваны. Торговцы и паломники продолжали путешествовать в обе стороны и экзотические восточные продукты были в Европе доступны, например, в Галлии.[2]

Первоначально ислам отличался терпимостью. Отдельные случаи нападений на церкви христиан, не имевшие по большей части под собой религиозной подкладки, бывали в X веке; но подобные прискорбные факты являлись лишь случайными и преходящими. В отвоеванных у христиан областях они, по большей части, сохраняли церкви, христианское богослужение и не творили препятствий для дел христианской благотворительности. В эпоху Карла Великого, в начале IX века, в Палестине восстанавливались и строились новые церкви и монастыри, для чего Карлом посылалась обильная «милостыня»; при церквах устраивались библиотеки. Паломники беспрепятственно ездили по святым местам. Эти взаимоотношения между франкской империей Карла Великого и Палестиной, в связи с обменом несколькими посольствами между западным монархом и халифом Гарун ар-Рашидом, привели к выводу, поддерживаемому некоторыми учеными, что в Палестине при Карле Великом был установлен своего рода франкский протекторат — настолько, насколько затрагивались христианские ин-

---

[1] *H. Pirenne*. Mahomet et Charlemagne. — Revue belge de philologie et d'histoire. T. I, 1922, p. 85. — «Без ислама империя франков, наверное, никогда бы не существовала, и Карл Великий без Мухаммеда был бы немыслим»; *Idem*. Medieval Cities. Princeton, 1925, pp. 24, 26. Французское издание этой же книги — Les villes du Moyen âge. Bruxelles, 1927, pp. 25, 28. См. также: *R. S. Lopez*. Mohammed and Charlemagne: A Revision. — Speculum, vol. XVIII, 1943, pp. 14—38.

[2] См.: *L. Halphen*. La Conquête de la Méditerranée par les Européens au XIe et au XIIe siècle. — Mélanges d'histoire offerts à H. Pirenne. Bruxelles—Paris, 1926, t. I, p. 175; *J. Ebersolt*. Orient et Occident. Recherches sur les influences byzantines et orientales en France avant les Croisades. Vol. I. Paris, 1928, pp. 56—57; *N. Iorga* в журнале «Revue historique du Sud-Est europeen», t. VI, 1929, p. 77.

тересы в Святой Земле; политическая же власть халифа в этой стране оставалась неизменной.[1] С другой стороны, другая группа историков, отрицая важность этих отношений, говорит, что протекторат никогда не существовал и что «это миф, подобный легенде о крестовом походе Карла в Палестину».[2] Заглавие одной из последних статей по этому вопросу — «Легенда о протекторате Карла в Святой Земле».[3] Термин «франкский протекторат», как и многие другие, условен и достаточно неопределенен. Здесь важно то, что с начала IX века франкская империя имела весьма обширные интересы в Палестине. Это был очень важный факт для последующего развития международных отношений, которые предшествовали крестовым походам.

Во второй половине X века блистательные победы византийского оружия при Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии над восточными арабами сделали Алеппо и Антиохию вассалами (vassal states) империи, и после этого византийская армия, возможно, вошла в Палестину.* Эти военные успехи Византии имели свой отклик (repercussion) в Иерусалиме, так что в результате французский историк Л. Брейе считал возможным говорить о византийском протекторате в Святой Земле, который положил конец протекторату франкскому.[4]

---

[1] См.: *А. А. Васильев*. Карл Великий и Гарун ар-Рашид. — Византийский временник, т. XX, 1913, с. 63—116; *L. Bréhier*. Les Croisades, p. 22—34; *Idem*. Charlemagne et la Palestine. — Revue historique, vol. CLVII, 1928, pp. 277—291. У Брейе есть полная библиография по этому вопросу.

[2] *E. Joranson*. The Alleged Frankish Protectorate in Palestine. — American Historical Review, vol. XXXII, 1927, p. 260. См. также: *В. В. Бартольд*. Карл Великий и Гарун ар-Рашид. — Христианский Восток, т. 1, 1912, с. 69—94.

[3] *A. Kleinclausz*. La Légende du protectorat de Charlemagne sur la Terre Sainte. — Syria, vol. VII, 1926, pp. 211—233; *S. Runciman*. Charlemagne and Palestine. — English Historical Review, vol. L, 1935, pp. 606—619. Рансимен пишет (с. 619), что теория о протекторате Карла в Палестине должна быть отвергнута как миф.

* В соответствующем примечании второго американского издания А. А. Васильев отсылает к началу шестой главы, где подробно рассказано о военных успехах на Востоке императоров Македонской династии и где А. А. Васильев цитирует отрывок из одного армянского историка, говорящего о вступлении византийских войск в Палестину. Хотелось бы отметить, что в дальнейшем А. А. Васильев заявлял о значительных преувеличениях успехов византийского оружия в изображении армянского историка.

[4] *L. Bréhier*. Charlemagne et la Palestine. — Revue historique, vol. CLVII, 1928, pp. 38—39.

Переход Палестины во второй половине X века (969 г.) под власть египетской династии Фатимидов, по-видимому, не внес сначала какого-либо существенного изменения в благоприятное положение восточных христиан и в безопасность приезжавших паломников. Однако, в XI веке обстоятельства изменились. Из этого времени для нашего вопроса необходимо отметить два важных факта. Сумасшедший фатимидский халиф ал-Хаким, этот «египетский Нерон»,[1] открыл жестокое гонение на христиан и иудеев на всем пространстве своих владений. По его велению, в 1009 году храм Воскресения и Голгофа в Иерусалиме подверглись разрушению. В своей ярости разрушения церквей он остановился только потому, что боялся аналогичной судьбы мечетей в христианских областях.[2]

Когда Л. Брейе писал о византийском протекторате в Святой Земле,* он имел в виду утверждение арабского историка одиннадцатого века Йахйи Антиохийского. Последний рассказывает, что в 1012 году один вождь кочевников восстал против халифа, захватил Сирию и обязал христиан восстановить храм Рождества в Иерусалиме и назвал одного епископа по своему выбору патриархом Иерусалимским. Потом этот бедуин «помог этому патриарху построить заново церковь Рождества и восстановил много мест, по мере своих возможностей».[3] Анализируя этот текст, В. Р. Розен заметил, что бедуин действовал так «возможно, с целью завоевать благорасположение греческого императора».[4] Л. Брейе приписал гипотезу Розена тексту Йахйи. В этих условиях невозможно с такой уверенностью, как это делает Л. Брейе, утверждать истинность теории византийского протектората над Палестиной.[5]

Однако, в любом случае, только в начале реставрации в Святой Земле, после смерти ал-Хакима в 1021 году, для христиан наступило время терпимости. Между Византией и Фатимидами был

---

[1] *G. Schlumberger*. L'Épopée byzantine à la fin du dixième siècle, vol. II. Paris, 1900, p. 442.

[2] *M. Canard*. Les Expéditions des arabes contre le Constantinople dans l'histoire et dans la légende. — Journal Asiatique, vol. CCVIII, 1926, p. 94.

* Здесь нельзя не отметить известной нелогичности организации материала. Объяснение А. А. Васильева о причинах употребления Л. Брейе термина «византийский протекторат» были бы более к месту абзацем выше, непосредственно после первого упоминания о взглядах французского историка.

[3] *В. Р. Розен*. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, с. 47 (арабский текст), с. 49 (русский перевод). *Yahiya Ibn Saïd Antiochensis*. Annales, ed. L. Cheikho. Beyrouth—Paris, 1909, p. 201.

[4] *В. Р. Розен*. Там же, с. 356.

[5] Л. Брейе цитирует Йахйю по сочинению: *G. Schlumberger*. L'Épopée byzantine... t. 2, p. 448. Шлюмберже, в свою очередь, цитирует Йахйю по сочинению В. Р. Розена, давая гипотезе Розена правильную оценку.

заключен мир, и византийские императоры получили возможность приступить к восстановлению храма Воскресения, постройка которого была закончена в половине XI века при императоре Константине Мономахе. Христианский квартал был обнесен крепкой стеной. Паломники после смерти ал-Хакима снова получили свободный доступ в Святую Землю, и источники за это время отмечают среди других лиц одного из наиболее знаменитых пилигримов, а именно — Роберта Диавола, герцога Нормандского, который умер в Никее в 1035 году, по пути из Иерусалима.[1] Может быть, в это же время, то есть в тридцатых годах XI века, приезжал в Иерусалим со скандинавской дружиной, пришедшей вместе с ним с севера, и знаменитый варяг той эпохи Гаральд Гардрад, сражавшийся против мусульман в Сирии и Малой Азии.[2] Преследования христиан вскоре возобновились. В 1056 году храм Гроба Господня был закрыт и более трехсот христиан было выслано из Иерусалима.[3]

Храм Воскресения был, очевидно, восстановлен после разрушения с надлежащим великолепием, о чем свидетельствует, например, русский паломник игумен Даниил, посетивший Палестину в первые годы XII века, т. е. в первое время существования Иерусалимского королевства, основанного в 1099 году, после первого крестового похода. Даниил перечисляет колонны храма, говорит о выложенном мраморном поле и шести дверях и дает интересные сведения о мозаиках. У него же мы находим сообщения о многих церквах, святынях и местах Палестины, связанных с новозаветными воспоминаниями.[4] По словам Даниила и современного ему англосак-

---

[1] См.: *E. Freeman*. The History of the Norman Conquest of England, vol. I. Oxford, 1870, p. 473; vol. II. Oxford, 1870, p. 187; *J. Ebersolt*. Orient et Occident, vol. I, p. 79; *L. Bréhier*. Charlemagne et la Palestine. — Revue historique, vol. CLVII, 1928, p. 45.

[2] См: *В. Г. Васильевский*. Варяжско-русское и варяжско-английское войско (дружина) в Константинополе в XI и XII веках. — Труды, т. 1, СПб., 1908, с. 265—266; *K. Gjerset*. History of the Norwegian People. New York, t. I, 1915, p. 278.

[3] Miracula S. Wulframni — Acta Sanctorum ordina S. Benedicti in saeculorum classes distributa. Saeculum XI. Collegit D. Lucas d'Achery ac cum eo edidit D. T. Mabillon. Paris, 1668—1701, pp. 381—382; *J. Ebersolt*. Orient et Occident, p. 74.

[4] Житие и хождение Даниила, игумена земли русской. — Православный Палестинский Сборник, вып. 3, СПб., 1887, с. 15—16. Французский перевод: Vie et pèlerinage de Daniel, hégoumène russe. — Itinéraires russes en Orient, traduction par B. Khitrovo. Genève, 1889, t. I, p. 12 ff. (Есть новое издание — Хождение игумена Даниила. Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова. В кн.: Памятники литературы Древней Руси. XII век. Вступительная статья Д. С. Лихачева, составление и общая редакция Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1980, с. 1—115; 627—645 — комментарии. — *Науч. ред.*). См. также: *H. Vincent, F.-M. Abel.*

сонского паломника Зевульфа, «погани срацини» (т. е. арабы) были неприятны тем, что скрывались в горах и пещерах, нападали иногда с целью грабежа на проезжавших по дорогам пилигримов. «Сарацины всегда устраивали западни для христиан, прячась в горных долинах и пещерах скал, сторожа день и ночь за теми, на кого они могли напасть».[1]

Мусульманская терпимость в отношении христиан проявлялась и на Западе. Когда, например, в конце XI века испанцы отняли у арабов город Толедо, то, к своему удивлению, нашли христианские храмы в городе нетронутыми и узнали, что в них беспрепятственно совершалось богослужение. Одновременно, когда в конце того же XI века норманны завоевали у мусульман Сицилию, они, несмотря на более чем двухвековое господство последних на острове, нашли на нем громадное число христиан, свободно исповедовавших свою веру. Итак, первым событием XI века, которое больно отозвалось на христианском Западе, было разрушение храма Воскресения и Голгофы в 1009 году. Другое событие, связанное со Святой Землей, произошло во второй половине XI века.

Турки-сельджуки, после того как они разбили византийские войска при Манцикерте в 1071 году, основали Румийский, иначе Иконийский, султанат в Малой Азии и стали затем успешно продвигаться во всех направлениях. Их военные успехи имели отзвук в Иерусалиме: в 1070 году турецкий полководец Атциг направился в Палестину и захватил Иерусалим. Вскоре после этого город восстал, так что Атциг вынужден был начать осаду города снова. Иерусалим был взят вторично и подвергнут страшному разграблению. Затем турки захватили Антиохию в Сирии, обосновались в Никее, Кизике и Смирне в Малой Азии и заняли острова Хиос, Лесбос, Самос и Родос. Условия пребывания европейских паломников в Иерусалиме ухудшились. Даже если преследования и притеснения, которые приписываются туркам многими исследователями, преувеличены, весьма сложно согласиться с мнением В. Рамзая (W. Ramsay) о мягкости турок по отношению к христианам: «Сельджукские султаны управляли своими христианскими подданными в очень мягкой и терпимой форме, и даже с предубеждением относящиеся к ним историки Византии позволяли себе лишь немного намеков по поводу христиан, во многих случаях предпочитавших власть султанов власти императоров... Христиане под властью Сельджукидов были счастливее, чем в сердце Визан-

---

Jérusalem. Recherches de topographie, d'archéologie et d'histoire, vol. II. Paris, 1914, p. 258.

[1] Itinéraires russes en Orient... t. I, p. 12 ff. Pilgrimage of Saewulf to Jerusalem and the Holy Land. (Palestine Pilgrim's Text Society). London, 1898, p. 8. (По изданию Г. М. Прохорова см. с. 32—33. — *Науч. ред.*)

тийской империи. Самыми же несчастными из всех были византийские пограничные области, подвергавшиеся постоянным нападениям. Что касается религиозных преследований, то нет ни одного их следа в сельджукидский период».[1]

Таким образом, разрушение храма Воскресения в 1009 году и переход Иерусалима в руки турок в 1078 году были теми двумя фактами, которые глубоко подействовали на религиозно настроенные массы Западной Европы и вызвали в них сильный порыв религиозного воодушевления. Многим, наконец, стало ясно, что в случае гибели Византии под натиском турок весь христианский Запад подвергнется страшной опасности. «После стольких столетий ужаса и опустошений, — писал французский историк, — падет ли снова Средиземноморье под натиском варваров? Таков болезненный вопрос, который поднялся к 1075 году. Западная Европа, медленно перестроившаяся в XI веке, возьмет на себя тяжесть ответа на него: на массовое наступление турок она готовится ответить крестовым походом».[2]

Ближайшую же опасность от все возрастающего усиления турок испытывали византийские императоры, которые после манцикертского поражения, как им казалось, уже не могли справиться с турками одними собственными силами. Взоры их были направлены на Запад, главным образом на папу, который, как духовный глава западноевропейского мира, мог своим влиянием побудить западноевропейские народы оказать посильную помощь Византии. Иногда же, как мы уже видели на примере обращения Алексея Комнина к графу Роберту Фландрскому, императоры обращались и к отдельным светским правителям на Западе. Алексей, однако, имел в виду скорее некоторое количество вспомогательных сил, чем мощные и хорошо организованные армии.

Папы отнеслись весьма сочувственно к призывам восточных василевсов. Помимо чисто идейной стороны дела, а именно помощи Византии, а с нею и всему христианскому миру, и освобождения святых мест из рук неверных, папы, конечно, имели в виду и интересы католической церкви в смысле дальнейшего усиления,

---

[1] *W. Ramsay*. The Cities and Bishoprics of Phrygia, vol. I. Oxford, 1870, pp. 16, 27. Ему следует *J. W. Thompson*. An Economic and Social History of the Middle Ages. New York, London, 1928, p. 391. Здесь, однако, дается неверная ссылка на статью В. Рамзая. — The War of Moslem and Christian for the Possession of Asia Minor. — Contemporary Review, vol. XC, 1906, pp. 1—15. По поводу турок в Палестине в конце XI века см.: *P. E. Riant*. Inventaire critique des lettres historiques de croisades. — Archives de l'orient latin, vol. I, 1881, p. 65.

[2] *L. Halfen*. Les Barbares: des grandes invasions aux conquêtes turques du Xe siècle. Paris, 1926, p. 387. См. также: *C. Erdmann*. Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens, S. 363—377.

в случае успеха предприятия, папской власти и возможности возвращения восточной церкви в лоно церкви католической. Церковного разрыва 1054 года папы забыть не могли. Первоначальная мысль византийских государей получить с Запада лишь вспомогательные наемные отряды превратилась впоследствии, постепенно, преимущественно под влиянием папской проповеди, в идею о крестовом походе Западной Европы на Восток, т. е. о массовом движении западноевропейских народов с их государями и наиболее выдающимися военными вождями.

Еще во второй половине XIX века ученые полагали, что первая идея о крестовых походах и первый призыв к ним вышел в конце X века из-под пера знаменитого Герберта, бывшего папой под именем Сильвестра II. Но в настоящее время в этом послании «От лица разоренной Иерусалимской церкви к церкви вселенской», находящемся в собрании писем Герберта, где Иерусалимская церковь обращается к вселенской с просьбой прийти ей на помощь своими щедротами, лучшие знатоки вопроса о Герберте видят, во-первых, подлинное произведение Герберта, написанное им еще до времени папствования, вопреки мнению некоторых о позднейшей фальсификации послания, и, во-вторых, видят в нем не проект крестового похода, а простое окружное послание к верующим для побуждения их к посылке милостыни на поддержание христианских учреждений Иерусалима.[1] Не надо забывать и того, что в конце X века положение христиан в Палестине не давало еще никаких оснований для крестового предприятия.

Еще до Комнинов, под угрозой сельджукской и узо-печенежской опасности, император Михаил VII Дука Парапинак обратился с посланием к папе Григорию VII, прося его о помощи и обещая за последнюю соединение церквей. Папа отправил целый ряд посланий с увещеваниями помочь гибнущей империи. В письме к графу Бургундскому он писал: «Мы надеемся... что, после подчинения норманнов, мы переправимся в Константинополь на помощь христианам, которые, будучи сильно удручены частыми нападениями сарацин, жадно просят, чтоб мы им протянули руку помощи».[2] В другом письме Григорий VII упоминает «о жалкой судьбе столь великой империи».[3] В письме к германскому государю Генриху IV папа писал о том, что «бóльшая часть заморских христиан истребляется язычниками в неслыханном поражении и наподобие скота

---

[1] *T. Havet.* Lettres de Gerbert (983—997). Paris, 1889, p. 22, note 3; *Н. Бубнов.* Сборник писем Герберта как исторический источник. II. СПб., 1890, с. 230, прим. 137. См. также: *H. Sybel.* Geschichte des ersten Kreuzzuges, S. 458—459.

[2] PL, vol. CXLVIII, col. 326.

[3] PL, vol. CXLVIII, col. 329.

ежедневно избивается, и что род христианский уничтожается»; они смиренно молят нас о помощи, «чтобы христианская вера в наше время, чего не дай Боже, совершенно не погибла»; послушные папскому убеждению, итальянцы и другие европейцы (ultramontani) готовят уже армию свыше 50 000 человек и, поставив, если возможно, во главе экспедиции папу, хотят подняться против врагов Бога и дойти до Гроба Господня. «К этому делу, — пишет далее папа, — меня особенно побуждает также и то обстоятельство, что Константинопольская церковь, не согласная с нами относительно Святого Духа, стремится к согласию с апостольским престолом».[1]

Как видно, в этих письмах речь идет далеко не только о крестовом походе для освобождения Святой Земли. Григорий VII рисовал план экспедиции в Константинополь для спасения Византии, этой главной защитницы христианства на Востоке. Принесенная папой помощь обусловливалась воссоединением церквей, возвращением в лоно католической церкви «схизматической» церкви восточной. Получается впечатление, что в вышеприведенных письмах идет речь более о защите Константинополя, чем об отвоевании святых мест, тем более, что все эти письма были написаны ранее 1078 года, когда Иерусалим перешел в руки турок, и положение палестинских христиан ухудшилось. Поэтому является возможным предположить, что в планах Григория VII священная война против ислама стояла на втором месте, и что папа, вооружая западное христианство на борьбу с мусульманским востоком, имел в виду «схизматический» восток. Последний же для Григория VII был более ужасен, чем ислам. В одном послании о землях, занятых испанскими маврами, папа открыто заявлял, что он предпочел бы эти земли оставить в руках неверных, т. е. мусульман, чем увидеть, чтобы они попали в руки непокорных сынов церкви.[2] Считая послания Григория VII первым планом крестовых походов, нужно отметить связь между этим планом и разделением церквей 1054 года.

Подобно Михаилу VII Парапинаку, Алексей Комнин, особенно переживая ужасы 1091 года, также обращался к Западу, прося о присылке наемных вспомогательных отрядов. Но, благодаря вмешательству половцев и насильственной смерти турецкого пирата Чахи, опасность для столицы миновала без западной помощи, так что в следующем 1092 году, с точки зрения Алексея, вспомогательные западные отряды казались уже ненужными для империи. Между

---

[1] PL, vol. CXLVIII, col. 386.

[2] PL, vol. CXLVIII, col. 290. См. также: *C. Kohler* в журнале «Revue historique», vol. LXXXIII, 1903, pp. 156—157; *C. Erdmann*. Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens, S. 149.

тем, дело, начатое на Западе Григорием VII, приняло широкие размеры, главным образом благодаря убежденному и деятельному папе Урбану II. Скромные просьбы Алексея Комнина о вспомогательных войсках были забыты. Речь шла теперь о массовом вторжении.

Историческая наука, еще со времени первого критического исследования первого крестового похода немецким историком Зибелем (первое издание его книги вышло в 1841 году),[1] отмечает следущие главные — с западной точки зрения — причины крестовых походов: 1) Общее религиозное настроение средневековья, усилившееся еще в XI веке благодаря клюнийскому движению; в обществе, подавленном сознанием греховности, замечается стремление к аскетизму, отшельничеству, к духовным подвигам, к паломничеству; под таким же влиянием находились тогдашние богословие и философия. Это настроение являлось первой общей причиной, поднявшей массы населения на подвиг освобождения Гроба Господня. 2) Возвышение папства в XI веке, особенно при Григории VII. Для папства крестовые походы представлялись в высшей степени желательными, так как открывали для дальнейшего развития их могущества широкие горизонты: в случае успеха предприятия, инициаторами и духовными руководителями которого они должны явиться, папы распространят свое влияние на ряд новых стран и возвратят в лоно католической церкви «схизматическую» Византию. Идеальные стремления пап помочь восточным христианам и освободить Святую Землю, особенно характерные для личности Урбана II, перемешивались таким образом с их стремлениями увеличить папскую власть и могущество. 3) Мирские, светские интересы также играли значительную роль у различных общественных классов. Феодальное дворянство, бароны и рыцари, участвуя в общем религиозном порыве, видели в крестоносном предприятии прекрасный случай удовлетворить свое славолюбие, воинственность и увеличить свои средства. Подавленные тяжестью феодального бесправия крестьяне, увлеченные религиозным чувством, видели в крестовом походе, по крайней мере, временное освобождение от тяжелых условий феодального гнета, отсрочку в уплате долгов, уверенность в защите оставляемых семей и скудного имущества со стороны церкви и избавление от грехов. Позже другие явления были подчеркнуты историками в связи с истоками первого крестового похода.*

---

[1] *H. Sybel.* Geschichte des ersten Kreuzzuges. Leipzig, 1881. (Второе издание).

* В исходной русской версии 1923 г. (с. 30) эти «другие явления» были раскрыты яснее: «Гораздо меньшее значение в возникновении крестового похода имели торговые, коммерческие интересы, представителями которых являлись города; последние жили в Западной Европе в тяжелых

В XI веке западные паломничества в Святую Землю были особенно многочисленны. Некоторые паломничества организовывались очень большими группами. Помимо индивидуальных паломничеств, предпринимались и целые экспедиции. Так, в 1026—1027 гг. семьсот паломников, среди которых был французский аббат и большое количество норманских рыцарей, посетило Палестину. В том же году Вильям, граф Ангулемский, в сопровождении определенного количества аббатов запада Франции и большого количества знати, совершил путешествие в Иерусалим. В 1033 году было такое количество паломников, какого не было когда-либо ранее. Однако самое знаменитое паломничество произошло в 1064—1065 гг., когда более 7000 человек (обычно говорят, что более 12 000) под руководством Гюнтера, епископа германского города Бамберга, отправились на поклонение святым местам. Они прошли через Константинополь и Малую Азию и, после многочисленных приключений и потерь, достигли Иерусалима. Источник по поводу этого большого паломничества утверждает, что «из семи тысяч отправившихся вернулось меньше двух тысяч», и те, кто вернулся, «значительно обеднели». Сам Гюнтер, глава паломничества, скончался рано. «Одна из многочисленных жизней, потерянных в этой авантюре» [1] (adventure).*

В связи с этими мирными докрестовыми паломничествами встал вопрос, можно ли рассматривать XI век, как это часто уже делалось, в качестве периода перехода от мирных паломничеств к военным экспедициям крестоносного времени. Многие исследователи стремились обосновать это, ввиду того, что вследствие новой ситуации в Палестине после турецкого завоевания, группы паломников начали путешествовать вооруженными, чтобы защитить самих себя от возможных нападений. Теперь же, когда, благодаря Е. Джорансону, точно установлено, что крупнейшее паломничество XI века было осуществлено исключительно невооруженными людьми, со всей неизбежностью встает вопрос: «Было ли какое-либо из паломничеств времени до крестовых походов экспедицией с условиях феодального быта и в торговом отношении большой роли пока не играли; лучше других было положение приморских итальянских городов. В развитии торгового значения городов сами крестовые походы постепенно сыграли громадную роль, открыв Европе прямые пути для торговых сношений с Левантом».

[1] См.: *E. Joranson*. The Great German Pilgrimage of 1064—1065. В кн: The Crusades and Other Historical Essays Presented to D. C. Munro by His Former Students. New York, 1928, p. 39. (текст в целом — с. 3–43 данной книги).

* Это слово, как известно, допускает два толкования — приключение, авантюра. В данном контексте второе значение представляется более умест-

оружием?»[1] Конечно, иногда рыцари-паломники были вооружены, однако, «хотя некоторые из них носили кольчуги, они еще были мирными паломниками» и не являлись крестоносцами.[2] Они сыграли значительную роль в предыстории крестовых походов благодаря той информации, которую они несли в Западную Европу о положении в Святой Земле, пробуждая и поддерживая к ней интерес.[3] Все эти экспедиции паломников имели место до того, как турки завоевали Палестину. Результатом одного из новейших исследований о паломничествах в XI веке до турецкого завоевания стало открытие притеснений паломников арабами задолго до сельджукского завоевания,[4] так что утверждение «пока арабы владели Иерусалимом, христианские паломники из Европы могли передвигаться беспрепятственно»,[5] является слишком оптимистичным.

Нет никакой информации о паломничествах в XI веке из Византии в Святую Землю. Византийский монах Епифаний, автор первого греческого итинерария в Святую Землю, составил описание Палестины до крестовых походов, однако его время жизни нельзя определить с точностью. Мнения исследователей расходятся: от конца VIII века до XI.[6]

До первого Крестового Похода Европа испытала уже три настоящих крестовых похода * — войну Испании против мавров, норманское завоевание Апулии и Сицилии и норманское завоевание Англии в 1066 году. Более того, в Италии в XI веке возникло — с центром в Венеции — особое экономическое и политическое движение. Мир на берегах Адриатики послужил солидной основой экономического могущества Венеции, и знаменитый документ от 1082 года, данный Венеции Алексеем Комнином, открыл Респуб-

---

[1] *E. Joranson.* The Great German Pilgrimage... p. 40.

[2] *О. А. Добиаш-Рождественская.* Эпоха крестовых походов: Запад в крестоносном движении. Петроград, 1918, с. 16.

[3] О паломничествах XI века см.: *L. Bréhier.* Les Croisades... pp. 42—50; *E. Joranson.* The Great German Pilgrimage... p. 4, note to p. 3; 40, note 141. В книге: The Legacy of the Middle Ages, ed. C. Crump, E. Jacob. Oxford, 1926, p. 63 есть следующее неправильное утверждение — эпоха паломничеств усилила интерес европейских государств к Ближнему Востоку и затем последовали крестовые походы.

[4] *E. Joranson.* The Great German Pilgrimage... p. 42.

[5] *H. Loewe.* The Seljūqs. — Cambridge Medieval History, vol. IV. Cambridge, 1923, p. 316.

[6] См.: *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 420; *H. Vincent, F.-M. Abel.* Jérusalem. Recherches de topographie, d'archéologie et d'histoire, vol. II, S. 37.

* Сохранены особенности орфографии А. А. Васильева, выделяющего название первого крестового похода на Ближний Восток прописными буквами и употребляющего выражение «крестовый поход» в переносном

лике Святого Марка византийские рынки. «С этого дня началась мировая торговля Венеции».[1] В то время Венеция, как многие другие южно-италийские города, которые до сих пор оставались под византийской властью, торговали с мусульманскими портами. В то же время Генуя и Пиза, которые в X и в начале XI века многократно подвергались нападениям мусульманских пиратов Северной Африки, предприняли в 1015—1016 годах экспедицию на Сардинию, которая была в руках мусульман. Им удалось отвоевать Сардинию и Корсику. Корабли обоих городов заполнили порты северо-африканского побережья, и в 1087 году, с благословения папы, они успешно атаковали город Мехдия на побережье Северной Африки. Все эти экспедиции против неверных объяснялись не только религиозным энтузиазмом или духом приключений, но и экономическими причинами.

Другим фактором в истории Западной Европы, который связывают с началом крестовых походов, является возрастание численности населения в некоторых странах, которое началось около 1100 года. Совершенно точно известно, что численность населения возросла во Фландрии и во Франции. Одним из аспектов передвижения масс людей в конце XI века была средневековая колониальная экспансия из некоторых западноевропейских стран, особенно из Франции. Одиннадцатый век во Франции был временем постоянного голода, неурожаев, сильных эпидемий и суровых зим. Эти суровые условия жизни привели к уменьшению населения в областях, ранее полных изобилия и процветания. Принимая во внимание все эти факторы, можно прийти к выводу, что к концу XI века Европа была духовно и экономически готова к крестоносному предприятию в широком смысле слова.

Общая ситуация перед первым крестовым походом была совершенно отличной от ситуации перед вторым. Эти пятьдесят один год, 1096—1147, были одними из самых важных эпох в истории. В течение этих лет экономические, религиозные и все культурные аспекты европейской жизни изменились радикально. Новый мир был открыт для Западной Европы. Последующие крестовые походы не очень много добавили в жизнь этого периода. Они были лишь развитием процессов, которые происходили в эти годы между первым и вторым крестовым походами. И странно читать у одного итальянского историка, что первые крестовые походы были «бесплодным безумием» (sterili insanie).[2]

Первый крестовый поход является первым организованным наступлением христианского мира против неверных, и это наступ-

---

[1] *Ch. Diehl.* Une République patricienne. Venise. Paris, 1928, p. 33.

[2] *F. Cerone.* La Politica orientale di Alfonso d'Aragona. — Archivio storico per le provincie Napolitane, vol. XVII, 1902, p. 425.

ление не ограничивалось центральной Европой, Италией и Византией. Он начинался в юго-западном углу Европы, в Испании, и кончался в бескрайних степях России.

Что касается Испании, папа Урбан II в своем письме 1089 г. испанским грандам (counts), епископам, vice comites и другим знатным и могущественным лицам призывал их остаться в своей собственной стране вместо того, чтобы идти в Иерусалим, и направить свою энергию на восстановление христианских церквей, разрушенных маврами.[1] Это был правый фланг крестоносного движения против неверных.

На северо-востоке Русь отчаянно сражалась с дикими ордами половцев (куманов), которые появились в южных степях около середины XI века, разорили страну и привели в расстройство торговлю, заняв все дороги, ведущие из Руси на восток и на юг. В. О. Ключевский писал в этой связи: «Эта почти двухвековая борьба Руси с половцами имеет свое значение в европейской истории. В то время как Западная Европа крестовыми походами предприняла наступательную борьбу на азиатский Восток, когда и на Пиренейском полуострове началось такое же движение против мавров, Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления. Но эта историческая заслуга Руси стоила ей очень дорого: борьба сдвинула ее с насиженных днепровских мест и круто изменила направление ее дальнейшей жизни».[2*] Таким образом, Русь участвовала в общем западноевропейском крестоносном движении, защищая себя и в то же время Европу

---

[1] Булла Урбана II от 1 июля 1089 года см. в: *J. D. Mansi.* Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, vol. XX, p. 701; PL, vol. CLI, col. 302—303; *P. Jaffé.* Regesta Pontificum Romanorum, vol. I. Leipzig, 1885, p. 663 (no. 5401). См. также: *P. E. Riant.* Inventaire critique des lettres historiques de croisades. — Archives de l'orient latin, vol. I, 1881, pp. 68—69. Риан немного колебался, правда, без достаточных на то оснований, в подлинности этой буллы. См. также: *C. Erdmann.* Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens, S. 295, note 38.

[2*] (А. А. Васильев во втором американском издании цитирует английский перевод В. О. Ключевского. В данном издании информация об английском переводе опущена, цитата взята из новейшего русского издания — *В. О. Ключевский.* I. Курс русской истории. Часть I. М., 1987, с. 284—285. Следующая после скобок информация воспроизводит без изменений оставшуюся часть соответствующего примечания второго американского издания — *Науч. ред.*) См. также: *B. Leib.* Rome, Kiev et Byzance... p. 276, n.1, 277. Хотя русские хронисты ничего не сообщают о крестовых походах, крестоносное движение должно было быть известным в России в одиннадцатом веке. *Н. Йорга* (Choses d'Orient et de Roumanie. Bucharest, Paris, 1924, p. 39—40) отбрасывает всякую связь России с крестоносным движением. См. также: *Д. А. Разовский.* Половцы. IV. Военная история половцев. — Annales de l'Institut Kondakov, vol. XI, 1940, p. 98.

от варваров-язычников (infidels).* «Если бы русские подумали принять крест,** — писал Б. Лейб, — им можно было бы сказать, что их первая обязанность служить христианству заключается в защите своей собственной страны, как писал папа испанцам».[1]

Скандинавские царства также участвовали в первом крестовом походе, однако они присоединялись к основной армии небольшими соединениями. В 1097 году датский дворянин Свейн (Svein) привел отряд крестоносцев в Палестину. В северных странах избыточный религиозный энтузиазм не проявлялся и, насколько известно, большая часть скандинавских рыцарей была движима менее степени христианскими устремлениями, чем любовью к войне и приключениям, надеждой добычи и славы.[2]

В это время было две христианские страны на Кавказе — Армения и Грузия. Однако после поражения византийской армии при Манцикерте в 1071 году, Армения попала под власть турок, так что не было даже вопроса об участии кавказских армян в первом крестовом походе. Что касается Грузии, то сельджуки захватили страну в XI веке, и только после того как крестоносцы захватили Иерусалим в 1099 году, Давид Строитель изгнал турок. Это произошло около 1100 года, или, как утверждает грузинская хроника, тогда, когда «франкская армия двинулась вперед и, с Божьей помощью, взяла Иерусалим и Антиохию, Грузия стала свободной, и Давид стал могущественным».[3]

---

* Хотелось бы отметить, что этот вывод, видимо, типичный для исторической науки рубежа XIX—XX вв., с современных позиций выглядит неоправданным. Можно говорить о совпадении в чем-то сходных явлений, однако, если подойти к событиям непредвзято, то нельзя не отметить, что между походами западноевропейских рыцарей на Ближний Восток, направленными далеко не только на освобождение Святой Земли от рук неверных, и борьбой Руси с половцами, никаких святынь христианства не захватывавших, нет и не может быть ничего общего даже по формальным моментам. Эти два очень разных исторических явления сближает только одно — борьба христиан с неверными. Однако условия борьбы, ее мотивы, формы, задачи и цели настолько разные, что включение Руси в крестоносное движение с современных позиций представляется невозможным.

** Имеется в виду следующее: западноевропейские рыцари, собираясь в крестовый поход, нашивали на одежду большие кресты.

[1] *B. Leib*. Rome, Kiev et Byzance... p. 276, note 1.

[2] *K. Gjerset*. History of the Norwegian People. New York, 1915, vol. I. pp. 313—314; *P. E. Riant*. Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte. Paris, 1865, pp. 127—171.

[3] *M. Brosset*. Histoire de la Géorgie, vol. I. St.-Petersbourg, 1849, pp. 352—353. См. также: *A. Dirr*. Géorgie. — Encyclopédie de l'Islam, vol. II, pp. 139—140; *W. E. D. Allen*. A History of the Georgian People. London, 1932, pp. 95—97.

Когда в 1095 году, в связи со всеми западноевропейскими осложнениями и проектируемыми реформами, победоносный (victorious) * папа Урбан II собрал собор в Пьяченце, туда же прибыло посольство от Алексея Комнина с просьбой о помощи. Этот факт некоторыми учеными отрицался, однако современные исследователи этой проблемы пришли к выводу, что Алексей действительно обратился в Пьяченце за помощью.[1] Конечно, это событие еще не было «решающим фактором», приведшим к крестовому походу, как утверждал Зибель.[2] Как и раньше, если ** Алексей обратился за помощью в Пьяченце, то он не думал о крестоносных армиях, он хотел не крестового похода, а наемников против турок, которые за последние три года [до описываемых событий — *Науч. ред.*] стали представлять большую опасность в их успешном продвижении в Малой Азии. Примерно в 1095 году Кылыч Арслан был избран султаном в Никее. «Он вызвал в Никею жен и детей тех воинов, которые в то время там находились, поселил их в городе и вновь сделал Никею резиденцией султанов».[3] Иными словами, Кылыч Арслан сделал Никею своей столицей. В связи с этими турецкими успехами, Алексей мог обратиться за помощью в Пьяченцу, однако, в его намерения крестовый поход в Святую Землю не входил. Его интересовала помощь против турок. К сожалению, об этом эпизоде в источниках мало информации. Один современный исследователь заметил: «От собора в Пьяченце

---

* Этот эпитет появляется только во втором американском издании книги. Он представляется не очень удачным, так как о «победоносности» папы в данном историческом контексте можно говорить только после крестового похода.

[1] См.: *D. C. Munro*. Did the Emperor Alexius I Ask for Aid at the Council of Piacenza, 1095? — American Historical Review, vol. XXVII, 1922, pp. 731—733; *J. Gay*. Les Papes du XIe siècle et la chrétienté. Paris, 1926, p. 366; *B. Leib*. Rome, Kiev et Byzance... p. 180; *L. Bréhier*. Charlemagne and Palestine. — Revue historique, vol. CLVII, 1928, pp. 61—62; *F. Dölger*. Corpus der griechischen Urkunden, Bd. II, S. 43 (n. 1176). Ф. Шаландон (*F. Chalandon*. Histoire de la première croisade... pp. 17—18, 156) считает, что послы Алексея приезжали в Пьяченцу для возобновления переговоров о воссоединении церквей. В середине XIX века Ф. Палгрейв придумал фантастическую теорию, согласно которой греческие послы в Пьяченце были переодетыми агентами Боемунда Тарентского. См.: *F. Palgrave*. The History of Normandy and of England, vol. IV. London, 1864, pp. 509—510. Ср. также: *R. B. Yewdale*. Bohemund I, Prince of Antioch, p. 34, note 1.

[2] *H. Sybel*. Geschichte des ersten Kreuzzuges, S. 182.

* Оттенок модальности (частица if) появляется только во втором американском издании. Во французском издании соответствующая фраза выдержана без оттенков сомнения.

[3] *Анна Комнина*. Алексиада, VI, 12, с. 199.

до прибытия крестоносцев в Византийскую империю, взаимоотношения Востока и Запада покрыты мраком».[1]

В ноябре 1095 года в Клермоне (в Оверни, в центральной Франции) собрался знаменитый собор, на который съехалось так много народа, что в городе не нашлось достаточно жилья для всех прибывших и многие разместились под открытым небом. По окончании собора, на котором был рассмотрен ряд наиболее важных текущих дел, Урбан II обратился к собравшимся с пламенной речью, подлинный текст которой до нас не дошел. Записавшие же речь на память некоторые очевидцы собрания сообщают нам тексты, сильно отличающиеся друг от друга.[2] Папа, обрисовав в ярких красках преследования христиан в Святой Земле, убеждал толпу поднять оружие на освобождение Гроба Господня и восточных христиан. С криками «Dieu le veut»! («Deus lo volt» в хронике) толпа бросилась к папе. По его предложению, будущим участникам похода были нашиты на одежду красные кресты (отсюда название «крестоносцы»). Им было объявлено отпущение грехов, прощение долгов и защита их имущества церковью на время их отсутствия. Крестоносный обет считался непреложным, и его нарушение влекло за собой отлучение от церкви. Из Оверни воодушевление распространилось на всю Францию и в другие страны. Создавалось обширное движение на Восток, истинные размеры которого на Клермонском соборе нельзя было и предвидеть.

Поэтому движение, вызванное на Клермонском соборе и вылившееся в следующем году в форму крестового похода, является личным делом Урбана II, нашедшего для осуществления этого предприятия в жизненных условиях западноевропейского средневековья второй половины XI века в высшей степени благоприятные условия.*

Ввиду того, что [турецкая] ** опасность в Малой Азии становилась все более угрожающей, вопрос о первом крестовом походе был практически решен в Клермоне. Новости об этом решении дошли до Алексея как неожиданный и приведший в замешательство сюрприз. Новость приводила в замешательство, ибо он не ждал и не

---

[1] *F. Duncalf*. The Pope's Plan for the First Crusade. — The Crusades and Other Historical Essays... pp. 48—49.

[2] См.: *D. C. Munro*. Speech of Pope Urban II at Clermont, 1095. — American Historical Review, vol. XI, 1906, pp. 231—242.

* Весь предшествующий текст А. А. Васильева показывает, что личной заслугой Урбана II является не столько организация на Клермонском соборе движения, подготавливавшегося многочисленными причинами на протяжении XI века, сколько умение в нужный момент почувствовать настроение людей и направить его в нужном для себя направлении.

** В тексте второго американского издания этого слова нет, однако последующее указание на Малую Азию практически исключает какую-либо другую интерпретацию «опасности».

Иоанн II Комнин и его сын Алексей. Миниатюра из Евангелия Ватиканской библиотеки.

хотел помощи в виде крестового похода. Когда Алексей призывал наемников с Запада, он приглашал их для защиты Константинополя, то есть, иными словами, своего собственного государства. Идея же освобождения Святой Земли, которая не принадлежала империи более четырех столетий, имела для него второстепенное значение.

Для Византии проблема крестового похода в XI веке не существовала. Религиозный энтузиазм не процветал ни в массах, ни у императора, не было и проповедников крестового похода. Для Византии политическая проблема спасения империи от ее восточных и северных врагов не имела ничего общего с далекой экспедицией в Святую Землю. Византия имела свои собственные «крестовые походы». Были блистательные и победоносные экспедиции Ираклия против Персии в VII веке, когда Святая Земля и Крест Животворящий были возвращены империи. Были победоносные кампании при Никифоре Фоке, Иоанне Цимисхии и Василии II против арабов в Сирии, когда императоры планировали окончательно вернуть себе власть над Иерусалимом. Этот план не осуществился, и Византия, под угрожающим нажимом ошеломляющих турецких успехов в Малой Азии в XI веке, отказалась от всякой надежды возвращения Святой Земли. Для Византии палестинская проблема в это время была избыточна. В 1090—1091 гг. она была в двух шагах от гибели, и когда Алексей обратился за западной помощью, а в ответ получил известие о приближении крестоносцев, его первой мыслью стало спасение империи. В написанных Алексеем ямбическими стихами «Музах», поэме, являющейся, как можно думать, своего рода политическим завещанием сыну и наследнику Иоанну, имеются следующие интересные строчки о первом крестовом походе:

«Вспоминаете ли вы о том, что случилось со мной? От движения Запада к этой стране произойти должно уменьшение высокого достоинства Нового Рима и императорского трона. Вот почему, мой сын, необходимо думать о достаточном накоплении, чтобы наполнить открытые рты варваров, которые дышат ненавистью против нас, на тот случай, если против нас поднимется и на нас бросится многочисленная армия, которая в своем гневе стала бы бросать против нас молнии, в то время как большое количество врагов окружило бы наш город».[1]

С этим фрагментом из «Муз» Алексея можно сравнить следующий отрывок из «Алексиады» Анны Комниной, также о первом крестовом походе:

---

[1] *P. Maas*. Die Musen des Kaisers Alexios I. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXII, 1913, S. 357—358, строчки 328—329. Если не ошибаюсь, этот пассаж до сих пор еще не использовался в связи с историей первого крестового похода.

«И вот, у мужчин и женщин возникло стремление, подобного которому не знала ничья память. Люди простые, искренне хотели поклониться Гробу Господню и посетить святые места. Но некоторые, в особенности такие, как Боемунд и его единомышленники, таили в себе иное намерение: не удастся ли им впридачу к остальной наживе захватить и сам царственный город».[1]

Эти два утверждения — императора и его ученой дочери — ясно показывают отношение Византии к крестовым походам. В оценке Алексея крестоносцы отнесены в ту же категорию, что и варвары, угрожающие империи, турки и печенеги. Что касается Анны Комниной, то она лишь мимоходом упоминает о «простых» людях среди крестоносцев, искренне собиравшихся посетить Святую Землю. Идея крестового похода была абсолютно чужда византийскому менталитету конца XI века. У правящих кругов Византии было одно желание — отвернуть грозную турецкую опасность, угрожавшую с востока и севера. Потому-то первый крестовый поход был исключительно западным предприятием, политически лишь слегка связанным с Византией. По правде говоря, Византийская империя предоставила крестоносцам некоторое количество воинских соединений, которые, однако, не выходили за пределы Малой Азии. Византия не принимала никакого участия в завоевании Сирии и Палестины.[2]

Весной 1096 года, благодаря проповеди Петра Амьенского, называемого иногда «Пустынником», которому отвергнутая теперь историческая легенда приписывает возбуждение крестоносного движения, во Франции собралась толпа, по большей части из бедных людей, мелких рыцарей, бездомных бродяг с женами и детьми, почти без оружия, и двинулась через Германию, Венгрию и Болгарию к Константинополю. Это недисциплинированное ополчение * под предводительством Петра Амьенского и другого проповедника, Вальтера Неимущего, не дававшее себе отчета, где оно проходило, и не приученное к повиновению и порядку, по пути своего прохождения грабило и разоряло страну. Алексей Комнин с неудовольствием узнал о приближении крестоносцев, и это неудовольствие превратилось в некоторое опасение, когда до него дошли вести о грабежах и разорениях, чинимых крестоносцами по дороге. Подойдя к Константинополю и расположившись в его окрестностях, кресто-

---

[1] *Анна Комнина.* Алексиада, X, 5, с. 277.

[2] См. интересную статью *М. Канара* (*M. Canard*). La Guerre sainte dans le monde islamique et dans le monde chrétien. — Revue africaine, vol. LXXIX, 1936, pp. 605—623. Канар также подчеркивает, что идея крестового похода как священной войны не существовала в Византии в XI веке.

* В исходной русской версии 1923 г. для характеристики этих «крестоносцев» употреблено иное слово — «невежественное ополчение».

носцы стали по обыкновению заниматься грабежом. Обеспокоенный император поспешил переправить их в Малую Азию, где они без труда были почти все перебиты турками около Никеи. Петр Пустынник еще до последней катастрофы возвратился в Константинополь.

История с неудачным ополчением Петра и Вальтера была как бы введением в первый крестовый поход. Неблагоприятное впечатление, оставленное этими крестоносцами в Византии, распространялось и на последующих крестоносцев. Турки же, легко покончив с неподготовленными толпами Петра, получили уверенность в такой же легкой победе и над другими крестоносными ополчениями.

Летом 1096 года на Западе началось крестоносное движение графов, герцогов и князей, т. е. собралось уже настоящее войско.

Ни один из западноевропейских государей не принял участия в походе. Германский государь Генрих IV был всецело занят борьбой с папами за инвеституру. Французский король Филипп I находился под церковным отлучением за свой развод с законной женой и женитьбу на другой женщине. Вильгельм Рыжий Английский, благодаря своему тираническому правлению, находился в беспрерывной борьбе с феодалами, церковью и народными массами и с трудом удерживал в руках власть.

Среди предводителей рыцарских ополчений были следующие наиболее известные лица: Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, которому позднейшая молва придала настолько церковный характер, что трудно отличить его действительные черты; на самом деле, это был не лишенный религиозности, но далеко не идеалистически настроенный феодал, желавший вознаградить себя в походе за потери, понесенные им в своем государстве. С ним отправились два брата, среди которых был Балдуин — будущий король Иерусалимский. Под предводительством Готфрида выступало лотарингское ополчение. Роберт, герцог Нормандский, сын Вильгельма Завоевателя и брат английского государя Вильгельма Рыжего, принял участие в походе из-за неудовлетворенности незначительной властью в своем герцогстве, которое он за известную сумму перед отправлением в поход заложил английскому королю. Гуго Вермандуа, брат французского короля, исполненный тщеславия, искал известности и новых владений и пользовался большим уважением среди крестоносцев. Грубый и вспыльчивый Роберт Фриз, сын Роберта Фландрского, также принял участие в походе. За свои крестоносные подвиги его прозвали Иерусалимским.[1] Последние три лица стали во главе трех ополчений: Гуго Вермандуа

---

[1] О Роберте II Фландрском см.: *M. M. Knappen.* Robert II of Flanders in the First Crusade. — The Crusades and Other Historical Essays... pp. 79—100.

во главе среднефранцузского, Роберт Нормандский и Роберт Фриз во главе двух северофранцузских ополчений. Во главе южнофранцузского, или провансальского, ополчения встал Раймунд, граф Тулузский, известный боец с испанскими арабами, талантливый полководец и искренне религиозный человек. Наконец, Боемунд Тарентский, сын Роберта Гуискара, и его племянник Танкред, ставшие во главе южноитальянского норманского ополчения, приняли участие в походе без каких-либо религиозных оснований, а в надежде, при удобном случае, свести свои политические счеты с Византией, по отношению к которой они являлись убежденными и упорными врагами и, очевидно, Боемунд нацелил свои желания на овладение Антиохией.[1] Норманны внесли в крестоносное предприятие чисто мирскую, политическую струю, которая шла вразрез с основным положением крестоносного дела. Армия Боемунда была, возможно, подготовлена лучше всех других крестоносных отрядов, «ибо в ней было много людей, которые имели дело с сарацинами в Сицилии и с греками в Южной Италии».[2] Все крестоносные армии преследовали самостоятельные задачи; не было ни общего плана, ни главнокомандующего. Как видно, главная роль в первом крестовом походе принадлежала французам.

Одна часть крестоносных ополчений направилась в Константинополь сухим путем, другая часть — морем. По дороге крестоносцы, наподобие предыдущего ополчения Петра Амьенского, грабили проходимые местности и производили всяческие насилия. Современник этого прохождения крестоносцев, Феофилакт, архиепископ Болгарский, в письме к одному епископу, объясняя причину своего долгого молчания, обвиняет за это крестоносцев; он пишет: «Мои губы сжаты; во-первых, прохождение франков, или нападение, или, я не знаю, как это назвать, настолько всех нас захватило и заняло, что мы даже не чувствуем самих себя. Мы вдосталь испили горькую чашу нападения... Так как мы привыкли к франкским оскорблениям, то переносим легче, чем прежде, несчастья, ибо время есть удобный учитель всему».[3]

К таким защитникам Божьего дела Алексей Комнин должен был питать недоверие. Не нуждаясь вообще в данный момент ни

---

[1] *R. B. Yewdale.* Bohemund I, Prince of Antioch, p. 44. Во время пересечения Балканского полуострова Боемунд постарался подчиниться желаниям, выраженным Алексеем и его представителями (p. 40). Однако далее Йудейл замечает: «Каковы были точные планы Боемунда, какую точную цель имел он в голове, когда надел крест, за пределами общих и неопределенных планов личного величия, всего этого мы, вероятно, никогда не узнаем» (p. 44).

[2] Ibid., p. 38.

[3] Theophylacti archiep. Bulgariae Epistola XI. (PG, vol. CXXVI, col. 324—325).

в какой иностранной помощи, император с неудовольствием и опасением взирал на приближавшиеся к его столице с разных сторон крестоносные ополчения, не имевшие по своей численности ничего общего с теми скромными вспомогательными отрядами, о которых взывал к Западу император. Выставляемые прежде историками обвинения Алексея и греков в вероломстве и обмане по отношению к крестоносцам должны теперь отпасть, особенно после того, как было обращено должное внимание на грабежи, разбои и пожары, учиняемые крестоносцами во время похода. Отпадает также жесткая и антиисторическая характеристика Алексея, данная Гиббоном, который писал: «В стиле менее важном, чем стиль истории, я, может быть, сравнил бы императора Алексея с шакалом, который, как говорят, идет по следам льва и пожирает его объедки».[1] Конечно, Алексей не представлял собой человека, смиренно подбиравшего то, что оставляли ему крестоносцы. Алексей Комнин проявил себя государственным человеком, понявшим, какую грозную опасность несут с собой для существования его империи крестоносцы; поэтому главной мыслью его и было переправить, как можно скорее, беспокойных и опасных пришельцев в Малую Азию, где они должны были делать то дело, за которым и пришли на Восток, т. е. вести борьбу с неверными. Ввиду этого между пришедшими латинянами и греками сразу создалась атмосфера взаимного недоверия и недоброжелательства; в их лице встретились не только схизматики, но и политические противники, которые впоследствии должны будут решить между собой спор оружием. Один просвещенный греческий патриот и ученый литератор XIX века Викелас писал: «Для Запада крестовый поход является благородным следствием религиозного чувства; это есть начало возрождения и цивилизации, и европейская знать может ныне по праву гордиться тем, что она — внучка крестоносцев. Но восточные христиане, когда они увидели, как эти варварские орды грабят и разоряют византийские провинции, когда они увидели, что те, кто называли себя защитниками веры, убивали священников под тем предлогом, что последние были схизматики, — восточные христиане забыли, что эти экспедиции имели первоначально религиозную цель и христианский характер». По словам того же автора, «появление крестоносцев знаменует собой начало упадка империи и предвещает ее конец».[2] Новейший историк Алексея Комнина, француз Шаландон, считает возможным приложить отчасти ко всем крестоносцам характеристику, данную Гиббоном

---

[1] *E. Gibbon*. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire, ed. J. B. Bury, chap. 59.

[2] *D. Bikélas*. La Grèce byzantine et moderne. Paris, 1893, p. 29; *Idem*. Seven Essays on Christian Greece. London, 1890, pp. 35—36.

спутникам Петра Амьенского, а именно: «Разбойники, которые следовали за Петром Пустынником, были дикими зверьми, без разума и человечности».[1]

Итак, в 1096 году началась эпоха крестовых походов, столь чреватая многообразными и важными последствиями как для Византии и Востока вообще, так и для Западной Европы.

Первый рассказ о впечатлении, которое произвело на народы Востока начало крестоносного движения, исходит от арабского историка двенадцатого века Ибн ал-Каланиси: «В этом году (490-й год хиджры — от 19 дек. 1096 г. до 8 дек. 1097 г.) начала приходить целая серия сообщений о том, что армии франков появились со стороны моря в Константинополе с силами, которые невозможно сосчитать из-за их множества. Когда эти сообщения стали следовать одно за другим и передаваться из уст в уста повсеместно, людей охватил страх и растерянность».[2]

После того, как крестоносцы постепенно собрались в Константинополе, Алексей Комнин, рассматривая их ополчения как наемные вспомогательные дружины, высказал желание, чтобы он был признан главой похода, и чтобы крестоносцы принесли ему вассальную присягу и дали обещание передавать ему, как их сюзерену, завоеванные крестоносцами области на Востоке. Крестоносцы исполнили это желание императора: присяга была принесена и обещание дано. К сожалению, текст вассальной клятвы, которую дали лидеры крестоносного движения, в подлинном виде не сохранился. По всей вероятности, требования Алексея в отношении различных земель были неодинаковы. Он искал прямых приобретений в тех областях Малой Азии, которые незадолго перед тем были утеряны империей после поражения при Манцикерте (1071 г.) и которые являлись необходимым условием силы и прочного существования Византийского государства и греческой народности. Что же касается Сирии и Палестины, уже давно потерянных Византией, император не выставлял подобных требований, а ограничивался притязаниями верховного ленного господства.[3]

Переправившись в Малую Азию, крестоносцы приступили к военным действиям. В июне 1097 года после осады крестоносцам сдалась Никея, которую они, несмотря на нежелание, должны были в силу заключенного с императором договора передать ви-

---

[1] *F. Chalandon.* Histoire de la première croisade... pp. 159—160.

[2] The Damascus Chronicle of the Crusaders. Extracted and translated from the Chronicle of Ibn al-Qalanisi by H. A. R. Gibb. London, 1932, p. 41.

[3] *R. B. Yewdale.* Bohemund I... p. 44; *G. de Jerphanion.* Les inscriptions cappadociennes et l'histoire de l'Empire Grec de Nicée. — Orientalia Christiana Periodica, vol. I, 1935, pp. 244—245.

зантийцам. Следующая победа крестоносцев при Дорилее (теперь Эски-Шехир) заставила турок очистить западную часть Малой Азии и отойти внутрь страны, после чего Византии представлялась полная возможность восстановить свою власть на малоазиатском побережье. Несмотря на природные затруднения, климатические условия и сопротивление мусульман, крестоносцы продвинулись далеко на восток и юго-восток. Балдуин Фландрский завладел в Верхней Месопотамии городом Эдессой и образовал из его области свое княжество, явившееся первым латинским владением на Востоке и оплотом христиан против турецких нападений из Азии. Но пример Балдуина имел свою опасную, отрицательную сторону: другие бароны могли последовать его примеру и основать свои княжества, что, конечно, должно было послужить к великому ущербу самой цели похода. Это опасение впоследствии оправдалось.

После долгой изнурительной осады главный город Сирии, прекрасно укрепленная Антиохия сдалась крестоносцам, после чего дорога к Иерусалиму была свободна. Однако, из-за Антиохии разыгралась жестокая распря между вождями, закончившаяся тем, что Боемунд Тарентский, следуя примеру Балдуина, сделался владетельным антиохийским князем.[1] Ни в Эдессе, ни в Антиохии крестоносцы уже не приносили вассальной присяги Алексею Комнину.

Так как с вождями, основывавшими свои княжества, оставалось и большинство их ополчения, то к Иерусалиму подошли лишь жалкие остатки крестоносцев, в числе 20 000—25 000 человек; пришли они изнуренными и совершенно ослабевшими.

В это самое время Иерусалим перешел от сельджуков в руки сильного египетского халифа из династии Фатимидов. После ожесточенной осады укрепленного Иерусалима, крестоносцы 15 июля 1099 года штурмом взяли Святой Город, конечную цель их похода, произвели в нем страшное кровопролитие и разграбили его; многие сокровища были увезены вождями; знаменитая мечеть Омара была разграблена. Завоеванная страна, занимавшая узкую береговую полосу в области Сирии и Палестины, получила название Иерусалимского королевства, королем которого был избран Готфрид Бульонский, согласившийся принять титул «Защитника Гроба Господня». Устроено новое государство было по западному феодальному образцу.

Крестовый поход, вылившийся в форму образования Иерусалимского королевства и нескольких отдельных латинских княжеств на Востоке, создал сложную политическую обстановку. Византия,

---

[1] О деталях происходивших событий см.: *R. B. Yewdale*. Bohemund I... pp. 52—84; *F. Chaladon*. Histoire de la première croisade... pp. 177—249.

довольная ослаблением турок в Малой Азии и возвращением значительной части последней под власть империи, была в то же время встревожена появлением крестоносных княжеств в Антиохии, Эдессе, Триполи, которые стали представлять собой для Византии нового политического врага. Подозрительность империи постепенно усиливается настолько, что Византия в XII веке, открывая враждебные действия против своих прежних союзников — крестоносцев, не останавливается перед заключением союзов с прежними врагами — турками. В свою очередь, крестоносцы, обосновавшиеся в своих новых владениях, боясь опасного для себя усиления империи со стороны Малой Азии, точно также заключают союзы с турками против Византии. В одном этом уже заключается полное вырождение в XII веке самой идеи крестоносных предприятий.

О полном разрыве Алексея Комнина с крестоносцами говорить нельзя. Император, если и был недоволен особенно образованием латинянами выше упомянутых самостоятельных княжеств, не приносивших Алексею вассальной присяги, тем не менее не отказывал крестоносцам в посильной помощи, например, при перевозке их с Востока домой, на Запад. Разрыв состоялся между императором и Боемундом Тарентским, который чрезмерно, с точки зрения интересов Византии, усилился в Антиохии за счет соседей, слабых турецких эмиров, и византийской территории. Антиохия и сделалась главным центром стремлений Алексея, с которым сблизился глава провансальского ополчения Раймунд Тулузский, недовольный своим положением на Востоке и видевший также в Боемунде своего главного соперника. Судьба Иерусалима для Алексея имела в данный момент интерес второстепенный.

Борьба между императором и Боемундом была неминуема. Удобный момент для Византии, казалось, настал тогда, когда Боемунд неожиданно был захвачен в плен турками, а именно эмиром из династии Данишмендов, завоевавших в самом конце XI века Каппадокию и образовавших самостоятельное владение, которое во второй половине XII века, однако, было уничтожено сельджуками. Переговоры Алексея с эмиром о выдаче ему за известную сумму денег Боемунда не удались. Выкупленный другими, последний возвратился в Антиохию и на требование императора, ссылавшегося на заключенные с крестоносцами условия, передать ему Антиохию ответил Алексею решительным отказом.

В это время, а именно в 1104 году, мусульмане одержали большую победу над Боемундом и другими латинскими князьями при Харране, на юг от Эдессы. Это поражение крестоносцев чуть не повлекло за собой разрушения христианских владений в Сирии, но с другой стороны окрылило надежды как Алексея, так и мусульман; те и другие с удовольствием взирали на неминуемое

ослабление Боемунда. Действительно, Харранская битва разрушила его планы основать на Востоке сильное норманское государство; он понял, что у него нет достаточно сил, чтобы снова вступить в борьбу с мусульманами и со своим заклятым врагом, императором византийским. Дальнейшее пребывание на Востоке уже цели для Боемунда не имело. Для того чтобы сломить византийскую мощь, надо ей нанести удар в Константинополе с новыми набранными в Европе силами. Ввиду всех этих обстоятельств Боемунд сел на корабль и направился в Апулию, оставив вместо себя в Антиохии племянника Танкреда. Анна Комнина сообщает любопытный, написанный не без юмора рассказ о том, как Боемунд, для большей безопасности во время морского путешествия от нападения греков, притворился мертвым, был положен в гроб и в гробу совершил свой путь до Италии.[1]

Возвращение Боемунда в Италию было встречено с большим энтузиазмом. Люди собирались в толпы, чтобы посмотреть на него. Как говорит средневековый автор, «словно они собирались увидеть самого Христа».[2] Собрав войско, Боемунд начал враждебные действия против Византии. Сам папа благословил намерения Боемунда. Его экспедиция против Алексея, объясняет американский историк, «перестала быть просто политическим движением. Оно теперь получило одобрение церкви и обрело достоинство крестового похода».[3]

Войска Боемунда были, вероятнее всего, набраны во Франции и Италии, однако, по всей вероятности, в его армии были также англичане, немцы и испанцы. План его заключался в повторении кампании его отца, Роберта Гуискара, в 1081 году — то есть взять Диррахий (Дураццо) и затем через Салоники идти на Константинополь. Но поход оказался для Боемунда неудачным. Он потерпел под Диррахием поражение и вынужден был заключить с Алексеем мир на унизительных для себя условиях. Вот главные пункты договора: Боемунд объявлял себя ленником Алексея и его сына

---

[1] *Анна Комнина*. Алексиада, XI, 12, с. 318. См. также: *F. Chalandon*. Histoire de la première croisade... vol. I, p. 236, note 6; *R. B. Yewdale*. Bohemund I... p. 102, note 99. Эта легенда нашла распространение на Западе, где в средние века рассказы о мнимоумерших и мнимых похоронах известных лиц не раз встречаются в источниках. См.: *В. Г. Васильевский*. Труды, т. I, с. 234—235.

[2] Historia belli sacri (Tudebodus imitatus et continuatus). — Recueil des historiens des croisades. Ed. D. Bouquet, vol. III. Paris, 1879, p. 228. См. также: *R. B. Yewdale*. Bohemund I... p. 106.

[3] *R. B. Yewdale*. Bohemund I... pp. 108, 115. Эта точка зрения поддерживается также А. К. Креем — *A. C. Krey*. A Neglected Passage in the Gesta and Its Bearing on the Literature of the First Crusade. — The Crusades and Other Historical Essays... pp. 76—77.

Иоанна, обязуясь помогать империи против всех ее врагов, будут ли это христиане или мусульмане; обещал передавать Алексею все завоеванные земли, которые раньше принадлежали Византии; что же касается земель, не принадлежавших Византии и которые в будущем могут быть им отняты у турок или армян, Боемунд должен рассматривать их, как земли, уступленные ему императором; своего племянника Танкреда он будет считать за врага, если тот не согласится подчиниться императору; антиохийский патриарх будет назначаться императором из лиц, принадлежащих к Восточной церкви, чтобы не было бы латинского патриарха Антиохийского. Города и области, гарантировавшиеся Боемунду, перечислены в соглашении. Документ завершается торжественной клятвой Боемунда на кресте, терновом венце, гвоздях и копье Христа в том, что пункты договора будут им соблюдаться.[1]

Этим крушением всех планов Боемунда и заканчивается, собственно говоря, его бурная и, пожалуй, роковая для крестовых походов деятельность. В последние три года жизни он уже никакой роли не играл. Он умер в 1111 году в Апулии.

Смерть Боемунда затруднила положение Алексея, так как Танкред Антиохийский не соглашался исполнять договора своего дяди и передать Антиохию императору. Для последнего предстояло все начинать снова. Был обсуждаем план похода под Антиохию, не приведенный, однако, в исполнение. Очевидно, у империи в данное время не было возможности предпринять эту нелегкую экспедицию. Делу похода под Антиохию даже не помогла смерть Танкреда, умершего вскоре после Боемунда. Последние годы правления Алексея были заняты, преимущественно, почти ежегодными и часто успешными для империи войнами с турками в Малой Азии.

Во внешней жизни империи Алексей выполнил трудную задачу. Очень часто Алексея судили с точки зрения его отношения к крестоносцам, упуская из виду совокупность его внешней деятельности, что является совершенно неправильным. В одном из своих писем современник Алексея архиепископ болгарский Феофилакт, пользуясь выражением псалма (79;13), сравнивает болгарскую фему с виноградной лозой, которую «обрывают все проходящие по пути».[2] Это сравнение, по справедливому замечанию французского историка Шаландона, можно приложить к Восточной империи времени Алек-

---

[1] Текст этого документа, восходящий к оргиналу, есть в «Алексиаде» Анны Комниной. — XIII, 12, с. 367—372. См. также: *R. B. Yewdale.* Bohemund I... pp. 127—129; *F. Dölger.* Corpus der griechischen Urkunden, Bd. II, S. 51—52 (n. 1243). Хорошая библиография.

[2] Theophylacti archiep. Bulgariae Epistola XVI. (PG, vol. CXXVI, col. 529).

сея.[1] Все его соседи старались использовать слабость империи, чтобы вырвать у него те или другие области. Норманны, печенеги, сельджуки и крестоносцы грозили Византии. Алексей, получивший государство в состоянии слабости и смуты, сумел дать им всем надлежащий отпор и остановил этим на довольно продолжительное время процесс распадения Византии. Государственные границы при Алексее, как в Европе, так и в Азии, расширились. Повсюду враги империи должны были отступить, так что с территориальной стороны его правление знаменует собой безусловный прогресс. Обвинения против Алексея, особенно часто высказываемые раньше, за его отношения к крестоносцам должны отпасть, раз мы взглянем на Алексея, как на государя, отстаивавшего интересы своего государства, которым западные пришельцы, охваченные жаждой грабительства и добычи, представляли серьезную опасность. Таким образом, в области внешней политики Алексей, успешно преодолев все трудности, улучшил международное положение государства, расширил его границы и на некоторое время остановил успехи напиравших со всех сторон на империю врагов.

Внешняя политика при Иоанне II

Расширение контактов с западными странами. Сын и наследник Алексея, Иоанн II, представлял собой тип императора-воина, проведшего большую часть своего правления среди войск и военных предприятий. Чего-нибудь нового в области внешней политики этот император не ввел; он являлся, главным образом, продолжателем политики отца, который наметил уже все важные вопросы, европейские и азиатские, наиболее интересовавшие империю. Иоанн задался целью пойти дальше по уготовленному отцом политическому пути; отец остановил нападавших на Византию врагов; сын задумал «отнять у соседей захваченные от греков провинции и мечтал о восстановлении Византийской империи в ее прежнем блеске».[2]

Отчетливо понимая положение вещей, Иоанн мало интересовался европейскими делами. Как мы увидим ниже, он должен был временами вести борьбу и в Европе, но там его войны имели ярко выраженный оборонительный характер. Лишь к концу правления, благодаря грозному усилению норманнов, выразившемуся в соединении Южной Италии с Сицилией и образовании Сицилийского королевства, европейские дела получили для Византии очень большую важность. Главный же интерес внешней политики Иоанна

---

[1] *F. Chalandon.* Histoire de la première croisade, vol. I, pp. 321—322.

[2] *Idem.* Les Comnène. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècle. II. Jean II Comnène et Manuel I Comnène. Paris, 1912, p. 10.

был сосредоточен на Востоке, а именно в Малой Азии. В отношениях Иоанна к Западу, игравших в общем второстепенную роль во внешней политике империи в его время, можно отметить все увеличивавшееся, сравнительно с прошлым, количество западноевропейских государств, с которыми Византии приходилось вступать в те или другие сношения.

Опасность со стороны норманнов заставила Алексея сблизиться с Венецией, обязавшейся помогать Византии флотом, и даровать за это республике св. Марка исключительные по выгоде торговые привилегии. Нахлынувшие в империю, особенно в Константинополь, венецианцы богатели и вскоре составили в столице венецианскую колонию, столь многочисленную и столь разбогатевшую, что она стала иметь преобладающее значение. Мало-помалу, венецианцы, забыв, что они были не у себя на родине и не в покоренной стране, стали вести себя настолько вызывающе и гордо по отношению не только к низшим классам населения империи, но и к высокопоставленным и знатным византийцам, что вызвали сильное неудовольствие в стране. Небольшие торговые привилегии, данные Алексеем Пизе, не могли тревожить Венецию.

Пока жив был Алексей, отношения между византийцами и венецианцами еще не принимали особенно острых форм. Но с его смертью обстоятельства изменились. Иоанн II, зная, что в норманской Апулии происходили смуты, и рассчитывая поэтому на то, что норманская опасность для Византии миновала, решил уничтожить торговый договор отца с Венецией. Рассерженные венецианцы отправили тогда свой флот, который стал нападать на византийские острова Адриатического и Эгейского морей. Видя невозможность оказать надлежащее сопротивление венецианским кораблям, Иоанн вынужден был еще в первые годы своего правления вступить с Венецией в переговоры, которые и привели к полному восстановлению торгового договора 1082 года. Другие итальянские приморские города, Пиза и Генуя, также пользовались при Иоанне некоторыми торговыми привилегиями, ничего общего, конечно, по размерам не имевшими с привилегиями Венеции.

В первые же годы царствования Иоанна был окончательно решен печенежский вопрос. Разгромленные при помощи половцев при Алексее Комнине печенеги в течение тридцати лет не тревожили византийских пределов. В начале правления Иоанна оправившиеся печенеги, перейдя Дунай, вторглись на византийскую территорию. Однако, императорские войска нанесли им тяжкое поражение. В память этой победы Иоанн установил даже особый «печенежский праздник», который, по свидетельству византийского историка Никиты Хониата, совершался еще в конце XII века.[1]

---

[1] *Nicetas Choniates*. Historia, Bonn ed., p. 23.

Со времени поражения печенегов Иоанном последние уже более не играют никакой роли во внешней истории Византии. Лишь внутри государства взятые в плен и поселенные в пределах империи печенеги составили особый род византийского войска, который и принимал участие в военных действиях уже на стороне Византии.

Стремление Венгрии (Угрии) к Адриатическому побережью вызвало, как известно, недовольство Алексея Комнина и обострило его отношения с мадьярами. Брак Иоанна с мадьярской принцессой, казалось, должен был улучшить отношения. Но эта связь, по словам русского историка К. Грота, «не могла уничтожить тех чувств взаимного недоверия и соперничества, которые успели образоваться с течением времени у обеих соседних государств».[1] Помимо опасного для Византии утверждения мадьяр на Далматинском побережье, империя была недовольна и сближением Угрии с сербами. Последние, вынужденные вместе с болгарами подчиниться Византии в начале XI века, при Василии II Болгаробойце, уже в середине этого столетия начали поднимать восстания. Конец XI и начало XII века является для Сербии временем их первого освобождения из-под византийского владычества. При Иоанне замечается особенное сближение Угрии с Сербией, которой первая склонна была помочь в деле ее освобождения. Сербская княжна была выдана замуж за мадьярского Арпадовича. На северо-западе, таким образом, к концу правления Иоанна образовалась новая тревожная для Византии сила в виде сблизившихся Угрии и Сербии.

Военные экспедиции Иоанна против них были весьма успешны, но не имели ясного (definite) результата. Анонимный панегирист Иоанна, однако, восхваляет его военные успехи на Балканах в следующих напыщенных словах: «Сколь славны ваши военные походы против европейских народов. Он [Иоанн] разбил далматинцев, внушил ужас скифам и норманнам, всем народам, живущим в палатках и неорганизованным. Он окрасил Дунай, также как и многие быстро текущие реки, кровью».[2]

В последние десять лет правления Иоанна совершенно изменились отношения с Южной Италией, где после некоторого периода смуты настала новая эпоха силы и могущества. Рожер II соединил в своих руках Сицилию и Южную Италию, и в первый день Рождества 1130 года в торжественной обстановке был венчан в

---

[1] *К. Грот*. Из истории Угрии и славянства в XII веке. Варшава, 1889, с. 26—27.

[2] Fontes rerum byzantinarum, ed. W. Regel, vol. II, fasc. 2. Пгр., 1917, p. 334. До последнего времени никто не использовал этот источник. В число скифов и норманнов панегирист включил печенегов и другие северные народы, нападавшие на Византию.

Палермо королевской короной. Благодаря такому соединению земель Рожер II сразу сделался одним из самых могущественных государей Европы. Для Византии это было страшным ударом. Император теоретически еще сохранял притязания на южноитальянские земли и занятие их норманнами считал лишь временным. Возвращение Италии являлось для императоров XII века излюбленной мечтой. Принятие Рожером королевского титула казалось оскорблением императорскому достоинству; признание же этого титула знаменовало бы отречение византийского василевса от всяких прав на итальянские провинции.

Но внезапное усиление Рожера было нежелательно не только для Византии, но и для германского государя, имевшего в качестве императора Римского важные интересы в Италии. Ввиду общей опасности между Иоанном II и германским государем Лотарем Саксонским, а после смерти последнего Конрадом III Швабским (Гогенштауфеном), произошло соглашение, вылившееся несколько позднее в форму настоящего союза двух империй, имевшего главной целью сломить норманское могущество в Италии. Но этот союз двух империй показал себя главным образом уже при преемнике Иоанна, Мануиле I. Если Иоанну не удалось нанести удара могуществу Рожера, то он, по крайней мере, успел воспрепятствовать ему напасть на Византию. А что такой план был у сицилийского короля, это доказали несколько позднее войны Рожера с Мануилом. Как видно, наиболее важными моментами внешней политики Иоанна на Западе являются его отношение к образованию Сицилийского королевства и создание союза двух империй.

Отношение Иоанна к Востоку. В Малой Азии Иоанн совершал почти ежегодные и большей частью успешные для византийского оружия походы, так что в тридцатых годах XII века смог возвратить империи давно уже ее утерянные территории. После этого Иоанн считал силы турок настолько надломленными, что решил, не нарушая интересов государства, прервать военные действия против них и предпринять новую, более отдаленную, кампанию на юго-восток против армянской Киликии и крестоносного Антиохийского княжества.

Киликийская Армения, или Малая Армения, была основана в конце XI века беженцами из собственно Армении, которые покинули свою страну перед продвижением турок. Среди прочих знатных фамилий фамилия Рупенов (Рубенов) начинает играть главную роль в управлении новой страной. Малая Армения, расширившая свои пределы между прочим за счет Византии, вступила в союзные отношения с латинскими князьями на Востоке, выказав этим свое враждебное отношение к империи. Иоанн Комнин тогда выступил в поход, желая наказать восставшую Малую Армению и вместе с тем решить вопрос об Антиохийском княжестве, которое, как

известно, еще в эпоху первого похода не принесло императору вассальной присяги и позднее не подчинилось ему, вопреки договору Алексея Комнина с Боемундом.

Поход Иоанна увенчался полным успехом. Киликия была покорена, и армянский князь со своими сыновьями отправлен в Константинополь. Увеличенная присоединением Малой Армении византийская территория достигла границ Антиохийского княжества. В борьбе с последним Иоанн также достиг полного успеха. Осажденная Антиохия должна была просить у него мира, который и был дарован Иоанном на условии признания антиохийским князем сюзеренитета империи. Князь получил из рук императора инвеституру на уступаемые земли, а в знак взятия Антиохии Иоанном на антиохийской цитадели был поднят императорский штандарт. Через год император, вернувшись в Антиохию, совершил в качестве сюзерена торжественный въезд в город, окруженный сыновьями, придворными и многочисленными воинами. Триумфальное шествие двигалось по разукрашенным улицам. Рядом с императором, в качестве как бы его оруженосца, ехал антиохийский князь. Встреченный у городских ворот патриархом во главе с его клиром, Иоанн, среди громадной толпы, при пении гимнов и псалмов, при звуках музыки, проехал сначала в собор, а затем во дворец.[1]

Панегирист пишет: «[Антиохия], принимает тебя как человека, любящего Христа, как борца [за дело] Господа, как страстного борца с варварами, как того, кто несет меч Элии. Она вытирает твой пот и нежно обнимает. Все множество жителей города вышло на улицы, все возрасты и оба пола представлены в твоей блистательной процессии. Тебе предоставлен большой триумф... Смешиваются крики и на многих языках: здесь итальянцы, здесь ассирийцы. Здесь полководцы, здесь офицеры и среди них ты блестишь как самая яркая звезда».[2]

Планы императора шли дальше. Судя по некоторым указаниям источников, он мечтал о восстановлении византийского владычества в долине Евфрата и, кажется, хотел вмешаться в дела Иерусалимского королевства;[3] может быть, в представлении Иоанна подобное вмешательство основывалось на возможности признания иерусалимским королем императорского сюзеренитета, как это было в

---

[1] *Willermus Tyrensis* Historia rerum in partibus transmarinis gestarum. XV, 3. (Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux, vol. I). Paris, 1869, pp. 658—659.

[2] *W. Regel.* Fontes rerum byzantinarum, vol. II. fasc. 2, pp. 358—359.

[3] *Ioannis Cinnamis* Historia, Bonn ed., p. 25; *Nicetas Choniates.* Historia, Bonn ed., p. 56; *Willermus Tyrensis* Historia, XV, 21 (Recueil des historiens... vol. I, p. 691).

Антиохии. Об этих планах панегирист пишет: «Мужайтесь! О вы, что любите Христа, и вы, паломники и странники на земле благодаря Христу» (ср.: К Евр. XI: 13). «Не бойтесь более убийственных рук. Император, который любит Христа, надел на них цепи и в крошки разбил их неправедный меч. Ты им показал дорогу к земному и видимому Иерусалиму и ты открыл для себя другую дорогу, более божественную и широкую, дорогу к небесному и святому Иерусалиму».[4]

Однако, этим планам не суждено было сбыться. Во время похода против турок, на охоте в горах Киликии, Иоанн ранил себя в руку отравленной стрелой, вследствие чего и умер в 1143 году вдали от столицы, успев перед смертью назначить наследником своего младшего сына Мануила. С его смертью латинские владетели на Востоке избавились от грозившей им опасности. Посвятив все свое царствование войне против врагов империи, Иоанн передал в руки наследника государство еще более сильным и обширным, чем то, которое он сам получил от своего энергичного и талантливого отца. Панегирист Иоанна, считая его выше Александра Македонского и Ганнибала, восклицает: «Крепок был кельтский дуб, но ты вырвал его с корнями. Киликийский кедр поднялся, а ты, перед нами, его поднял и обратил в пыль».[2]

Внешняя политика Мануила I и второй крестовый поход

Взаимоотношения с турками. Если Иоанн обращал во внешней политике главное внимание на Восток, то преемник его Мануил, особенно благодаря норманским отношениям и своим личным симпатиям к Западу, был вовлечен главным образом в западную политику, что для империи имело печальные последствия. Сельджукская опасность, не находившая в лице Мануила надлежащего отпора, снова стала грозою на восточной границе.

Византийская граница в Малой Азии подвергалась обычным опустошительным набегам мусульман, разорявшим, истреблявшим и изгонявшим христианское население. Мануилу нужно было обеспечить спокойствие в пограничных областях, для чего он построил или восстановил целый ряд укрепленных центров, преимущественно на тех путях, по которым неприятель большей частью производил свои нападения. Нельзя сказать, однако, чтобы военные действия Мануила против турок были удачны. Вступив в первые годы своего правления в союз с мусульманскими эмирами Каппа-

---

[1] *W. Regel.* Fontes... vol. II, fasc. 2, pp. 338, 339.

[2] *Idem.* Fontes... vol. II, fasc. 2, pp. 336, 346, 347, 353. Я думаю, что кельтским дубом панегирист назвал антиохийское французское княжество.

докии, уже упомянутыми выше Данишмендами, Мануил имел своим врагом в Малой Азии одного иконийского, или румского, султана, с которым и начал войну. Императорские войска успешно дошли до главного города султаната, Икония (Конии); но, узнав, вероятно, о полученных султаном подкреплениях, они только разграбили городские предместья и отступили, причем на обратном пути потерпели сильное поражение от сельджуков, чуть не повлекшее за собой настоящей катастрофы для отступавшего войска. Однако, известие о крестовом походе, который являлся угрозой как для императора, так и для султана, заставил обоих врагов искать мира, который и был заключен.

Союз двух империй. Западная политика Мануила в первые годы правления была основана, как и при его предшественнике, на идее союза с Германией, вызванного сознанием общей опасности перед усилением итальянских норманнов. Прервавшиеся за смертью императора Иоанна переговоры с германским государем Конрадом III были возобновлены. Снова поднялся вопрос, начатый еще при Иоанне, о бракосочетании Мануила с родной сестрой жены германского государя, Бертой Зульцбахской. В своем письме к Мануилу Конрад писал, что этот брак должен быть залогом «вечного союза постоянной дружбы», что германский государь обещает быть «другом друзей императора и врагом его врагов»[1] и в случае опасности для империи явиться к ней на помощь не только в виде вспомогательных отрядов, но, если нужно, прийти лично со всеми силами германского государства. Брачный союз Мануила с невесткой Конрада, Бертой Зульцбахской, переименованной в Византии в Ирину, скрепил союз двух империй. Последний давал надежду Мануилу освободиться от опасности, грозившей его государству от Рожера II, который, имея перед собой таких двух противников, как византийский и германский государи, не мог уже с прежними надеждами на успех начать борьбу с Византией.[2]

Но неожиданное событие быстро разрушило мечты Мануила. Второй крестовый поход совершенно, по крайней мере на время, изменил положение вещей: он, как мы увидим ниже, лишил Византию германской поддержки и подверг ее двойной опасности: со стороны крестоносцев и норманнов.

Второй крестовый поход. После первого крестового похода христианские государи на Востоке, т. е. император византийский и латинские правители Антиохии, Эдессы и Триполи, отчасти и

---

[1] *Otto von Freising.* Gesta Friderici I. imperatoris. I, 24 (25). Ed. G. Waitz (Scriptores Rerum Germanicarum in Usum Scholarum, vol. XXXIII), p. 33.

[2] *E. Caspar.* Roger II (1101—1154) und die Gründung der normannisch-sicilischen Monarchie. Innsbruck, 1904, S. 365.

король иерусалимский, вместо того, чтобы общими силами стараться сломить силу мусульман, занялись распрями между собой, смотря с недоверием на политическое усиление своего соседа. Особенно гибельны были для общего дела враждебные отношения Византии к Антиохии и Эдессе. Подобные обстоятельства дали возможность ослабленным и отодвинутым крестоносцами первого похода мусульманам оправиться и снова угрожать христианским владениям со стороны Месопотамии.

В 1144 году один из мусульманских правителей-атабегов Мосула, как назывались сделавшиеся независимыми сельджукские наместники, Зенги неожиданно овладел Эдессой. Анонимная сирийская хроника, недавно переведенная на французский, дает детальное описание осады и взятия Эдессы Зенги. Последний, как говорит хронист, «покинул Эдессу через четыре дня после ее взятия... Жители Эдессы выкупили своих пленников, и город был вновь заселен. Правитель Зайн-эд-Дин, неплохой по характеру своему человек, отнесся к ним очень хорошо».[1] Однако после смерти Зенги в 1146 г., бывший князь Эдессы Жоселин вновь овладел городом. Тогда сын Зенги, Нур-ад-Дин, вновь захватил Эдессу без большого труда. На этот раз произошло избиение христиан. Женщин и детей продавали в рабство и город был почти полностью разрушен. Это было тяжелым ударом для христианского дела на Востоке, так как Эдесское княжество по своему географическому положению являлось форпостом крестоносцев, задачей которого было принимать на себя первую тяжесть мусульманского натиска. Ни Иерусалим, ни Антиохия, ни Триполи помочь эдесскому князю не могли; а между тем, после Эдессы и этим латинским владениям, особенно Антиохии, стала серьезнее угрожать мусульманская опасность.

Падение Эдессы произвело сильное впечатление на Западе. Однако, папа того времени Евгений III не мог стать инициатором и вдохновителем нового крестового предприятия, так как разыгравшееся в сороковых годах в Риме демократическое движение, в котором принимал деятельное участие знаменитый Арнольд Брешианский, создавало для папы в «Вечном Городе» ненадежную обстановку и даже заставило Евгения III на время покинуть Рим. Настоящим инициатором похода был, по-видимому, французский король Людовик VII, а проповедником его, приведшим эту идею в исполнение, был знаменитый монах Бернард из Клерво, огненное слово которого подняло сначала Францию. Перейдя затем в Германию, он убедил принять крест германского государя Конрада III и воодушевил к походу немцев.

---

[1] *J. Chabot*. Un Épisode de l'histoire des croisades. — Mélanges offerts à M. Gustave Schlumberger, vol. I. Paris, 1924, p. 179.

Надо сказать, что западные народы, наученные горьким опытом первого похода и немало разочарованные в его результатах, уже не выказывали прежнего воодушевления, и на собрании в Везеле (в Бургундии) французские феодалы были настроены против похода. Не без труда Бернард одержал победу над ними, благодаря своему пылкому и убедительному красноречию. В представлении Бернарда первоначальный план Людовика VII принял широкие размеры, которые видоизменяли основную идею походов, а именно освобождение святых мест из рук мусульман; крестовые походы стали выражать идею похода вообще против язычников. Так, благодаря Бернарду, одновременно с походом на Восток было решено организовать еще две экспедиции: против мусульман, которые в это время владели Лиссабоном, и против полабских славян-язычников.

Историки сурово относятся к замыслу Бернарда привлечь к крестовому походу Германию. Немецкий ученый, специально занимавшийся вторым походом, Куглер, считает это «в высшей степени несчастной мыслью»; [1] русский ученый Ф. И. Успенский называет это «роковым шагом и большой ошибкой со стороны св. Бернарда» и приписывает участию немцев в походе его печальные результаты.[2] Действительно, вражда между французами и немцами во время похода была одной из его отличительных черт и не могла, конечно, содействовать его успеху.

Весть о крестовом походе обеспокоила Мануила, который в нем видел опасность для своего государства и для своего влияния на латинских князей на Востоке, особенно в Антиохии, которые, получив поддержку с Запада, могли совершенно не считаться с византийским императором. Затем, участие Германии в походе лишало Византию гарантий, положенных в основу союза двух империй. Германский государь, уезжая из своей страны надолго на Восток, не мог уже учитывать западных интересов византийского государства, которое оставалось, таким образом, открытым для честолюбивых замыслов Рожера. Зная, сколь опасны были для столицы первые крестоносцы, Мануил приказал исправить ее стены и башни, не рассчитывая, очевидно, на союзные и родственные отношения к Конраду.

По словам В. Г. Васильевского, «Мануил, без сомнения, питал надежду стоять во главе всего христианского ополчения против общих врагов христианства».[3] Это возможно, так как, помимо

---

[1] *B. Kugler*. Studien zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges. Stuttgart, 1866, S. 96.

[2] *Ф. И. Успенский*. История Крестовых походов. СПб., 1900, с. 55, 57.

[3] *В. Г. Васильевский*. Из истории Византии в XII веке. Союз двух империй (1148—1155). — Славянский сборник, т. II. СПб., 1877, с. 214. То же самое в «Трудах» — т. IV, Л., 1930, с. 22—23.

наибольшей заинтересованности Византии в грядущих судьбах мусульманства на Востоке, для подобной надежды Мануила в эпоху второго похода были и внешние данные: в это время христианский мир имел лишь одного императора, именно Мануила, так как Конрад III Гогенштауфен, не будучи коронован папой в Риме, не носил титула императора.

После переговоров крестоносцы в 1147 году решили двинуться к Константинополю сухим путем, которым шли уже крестоносцы первого похода. Первым через Венгрию выступил Конрад; месяц спустя этой же дорогой направился Людовик. Движение крестоносцев к Константинополю сопровождалось такими же насилиями и грабежами, как и в первый раз.

Когда германские войска остановились у стен столицы, Мануил все усилия употребил на то, чтобы их переправить в Азию до прихода французского ополчения, что, после крупных препирательств с родственником и союзником Конрадом, императору, наконец, удалось. В Малой Азии немцы стали сразу страдать от недостатка пропитания, а затем, подвергшись нападению турок, были перебиты; лишь жалкие остатки германской армии возвратились в Никею. Некоторые историки приписывают эту неудачу германского похода интригам Мануила, который будто бы даже вступил в соглашение с мусульманами, побуждая их к нападению на крестоносцев. Некоторые историки, например, Зибель, за ним Ф. И. Успенский, даже говорят о заключении Мануилом союза с сельджуками.[1]

Но другие исследователи, и в частности Шаландон, склоняются к тому, что подобные обвинения Мануила построены на очень слабых основаниях, не дающих возможности считать императора ответственным за неудачу немцев.[2]

Подступившие к столице вскоре после переправы немцев в Малую Азию французы еще более тревожили Мануила. Людовик VII, с которым незадолго до похода вступил в переговоры Рожер, убеждавший французского короля идти на Восток через его итальянские владения, был особенно подозрителен императору, как возможный тайный союзник Рожера, «неофициальный союзник Сицилии».[3] Подозрения Мануила имели под собой серьезную почву.

---

[1] *H. Sybel.* Ueber den zweiten Kreuzzug. — Kleine Historische Schriften, vol. I, München, 1863, S. 441; *Ф. И. Успенский.* История Крестовых походов, с. 61; *Он же.* Восточная политика Мануила Комнина. — Сообщения Российского Палестинского общества, т. XXIX, 1926, с. 114. См. также: *B. Kugler.* Studien zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges. Stuttgart, 1866, S. 166, note 60.

[2] *F. Chalandon.* Les Comnène... vol. II, p. 287.

[3] *E. Curtis.* Roger of Sicily and the Normans in Lower Italy 1016—1154. New York, London, 1912, p. 227.

Рожер, зная, что Мануил был в это время всецело поглощен крестовым походом и своими отношениями к крестоносцам, забыв об общих интересах христианства и преследуя лишь политические цели, неожиданно захватил остров Корфу и опустошил целый ряд других византийских островов; по свидетельству некоторых западных источников, даже Афины были захвачены. Наконец, высадившиеся отряды норманнов захватили Фивы и Коринф, знаменитые в то время богатством, производством шелка и шелковых тканей. Не довольствуясь захватом большого количества драгоценных материй, «норманны, среди прочих многочисленных пленных, увезли в Сицилию наиболее искусных шелководов и ткачих». На основании этого факта нельзя говорить, как мы иногда находим у историков, что отправленные в Палермо шелководы и ткачихи будто создали там шелковое производство. На самом деле, шелковое производство и разведение шелковичного червя были известны в Сицилии и раньше. Но прибытие пленных гречанок дало там новый подъем этой отрасли промышленности.[1] Афины также не были пощажены норманнами.[2]

Когда известие об успешном набеге норманнов на Грецию дошло до стоявших перед Константинополем французов, то последние, раздраженные уже слухами о соглашении Мануила с турками, заволновались. Некоторые приближенные Людовика даже советовали ему овладеть Константинополем. В столь опасном положении император только и мечтал о том, чтобы переправить французов также в Малую Азию. Наконец, был распространен слух, будто бы немцы успешно действуют в Малой Азии. Людовик согласился тогда переправиться через Босфор и даже принес Мануилу ленную присягу. Только очутившись уже в Малой Азии, Людовик узнал правду о горькой судьбе германского войска. Государи свиделись и вместе направились дальше. Как известно, французско-немецкое ополчение, после целого ряда испытаний и бедствий, потерпело позорную неудачу под Дамаском. Разочарованный Конрад на греческом корабле покинул Палестину и направился в Солунь, где находился Мануил, готовившийся к военным действиям против норманнов. Встретившиеся в Солуни Мануил и Конрад, обсудив общее положение вещей, окончательно заключили союз для общих действий против Рожера. После этого Конрад вернулся в Германию.

Оставшийся на востоке Людовик, видя полную невозможность что-либо сделать с находившимися у него средствами, также через

---

[1] См. по этому вопросу — *F. Chalandon.* Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile, vol. II. Paris, 1907, pp. 135—137; *E. Caspar.* Roger II... Innsbruck, 1904, pp. 376—384.

[2] Только западные источники упоминают захват и разграбление Афин. См.: *E. Caspar.* Roger II... p. 382, note 5.

несколько месяцев через Южную Италию, где имел свидание с Рожером, возвратился во Францию.

Столь блестяще начатый второй поход окончился самым жалким образом. Мусульмане на Востоке не только не были ослаблены; наоборот, нанеся несколько поражений крестоносцам, они укрепились духом и надеялись даже на уничтожение христианских владений на Востоке. Кроме того, раздоры между французскими и немецкими войсками и между палестинскими и европейскими христианами не служили к чести крестоносцев. Мануил был рад окончанию похода, так как это ему развязывало руки для его западной политики против Рожера, закрепленной заключением формального союза с Германией. Но тем не менее, несправедливо было бы возлагать на императора весь неуспех похода; неудачу предприятия скорее надо отнести к недостаточной организации и общей недисциплинированности крестоносцев. Рожер своим нападением на острова и Грецию также внес немало гибельного элемента в дело похода. Вообще, религиозная основа крестоносных предприятий отступала на второй план, и все яснее давали себя чувствовать мирские, политические мотивы.

Внешняя политика Мануила после крестового похода. Еще во время крестового похода Мануил уже принял серьезные меры для борьбы с Рожером, которому желал отомстить за предательский набег на острова и Грецию и который все еще продолжал занимать Корфу. Венеция, смотревшая, как и прежде, с некоторым опасением на усиление норманнов, охотно согласилась поддержать своим флотом византийское предприятие и получила за эту помощь новые торговые привилегии в империи: в Константинополе венецианцам, помимо переданных им по прежним торговым договорам кварталов и пристаней (скал), были отведены новые места и новая пристань (скала).[1] Пока шли эти переговоры, император деятельно готовился к войне против «западного дракона», «нового Амалека»,[2] «островного (т. е. сицилийского) дракона, думавшего изрыгать пламя своего гнева выше кратеров Этны», как характеризовали Рожера современные ему источники.[3] Планы Мануила не ограничивались вытеснением врага с византийской территории; император рассчитывал перенести затем военные действия в Италию и сделать попытку восстановить там прежние византийские владения.

---

[1] *G. L. Tafel, G. M. Thomas.* Urkunden zur ältern Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. (Fontes rerum austriacarum. Diplomata et acta, XII—XIV). Bd. I. Wien, 1856, S. 109—113; *K. E. Zachariä von Lingenthal.* Jus graeco-romanum. Bd. III, S. 525—529.

[2] Ср.: Исход, 17: 8—14.

[3] *K. E. Zacharia von Lingenthal.* Jus graeco-romanum, Bd. III, S. 443; Eustathii Thessalonicensis Manuelis Comneni Laudatio funebris, par. 17. — PG, vol. CXXXV, col. 984.

Временно отвлеченный от подготовленного предприятия переходом через Дунай и нападением на византийские пределы куманов (половцев), с которыми императору удалось быстро справиться, Мануил, при помощи венецианского флота, овладел Корфу.

Рожер, видя, какая опасность может ему грозить от союза Византии с Германией, обещавшей сухопутное войско, и Венецией, приславшей флот, развил искусную дипломатическую деятельность, которая должна была создать Византии всевозможные затруднения. Благодаря сицилийскому флоту и интригам, против Конрада внутри Германии поднялся герцог Вельф, давний враг Гогенштауфенов, что помешало германскому государю выступить в Италию в союзе с Византией; сербы, поддержанные уграми (венграми), также открыли военные действия против Мануила, что отвлекло внимание последнего на север. Наконец, Людовик VII, огорченный неудачей крестового похода, раздраженный против греков и вступивший на обратном пути в дружественное соглашение с Рожером, снова готовил крестовый поход, который грозил Византии неминуемой опасностью. Аббат Сугерий, управлявший Францией во время отъезда Людовика во второй поход, являлся инициатором нового крестоносного предприятия, а знаменитый Бернард Клервоский был даже готов сам стать во главе ополчения. Один французский аббат писал сицилийскому королю: «Наши сердца, сердца почти всех наших французов горят стремлением и любовью к миру с вами; к этому побуждает нас низкое, неслыханное и подлое предательство греков и негодного короля (regis) их в отношении к нашим пилигримам... Восстань на помощь народа Божия... отомсти за толикие обиды!»[1] Рожер сблизился и с папой. Кроме того, Запад вообще относился неодобрительно к союзу «правоверного» германского государя со «схизматическим» византийским императором. В Италии находили, что Конрад был уже заражен греческим непослушанием, и папская курия делала попытки повлиять на его возвращение на путь истины и усердного служения католической церкви. Папа Евгений III, аббат Сугерий и Бернард Клервоский прилагали старания, чтобы разорвать союз двух империй. Таким образом, в середине XII века, по словам В. Г. Васильевского, «против Мануила и Византии готовилась образоваться сильная коалиция, во главе которой стоял король Рожер, к которой уже принадлежала Венгрия с Сербией, к которой готовилась присоединиться Франция, а также и папа, к которой старались привлечь Германию и ее короля. Если бы удалось последнее, то Константинополю уже теперь грозил бы 1204 год».[2]

---

[1] *Petri Venerabilis*, abbatis Cluniacensi, Epistolae, VI, 16 (PL, vol. CLXXIXX, col. 424).

[2] *В. Г. Васильевский*. Союз двух империй... — Славянский сборник, т. 2, 1877, с. 244. То же в «Трудах», т. 4. Л., 1930, с. 55—56.

Однако, опасность для Византии оказалась не столь велика. Проект французского похода не был приведен в исполнение из-за холодного отношения к этой идее французского рыцарства и последовавший вскоре смерти Сугерия. Конрад оставался верным союзу с Восточной империей.

Но в момент, когда Мануил мог ожидать особенной пользы от своего союза с Германией, Конрад III умер (1152). Смерть его в то самое время, когда был решен поход в Италию, вызвала в Германии толки о неестественной смерти короля, будто бы отравленного придворными докторами, которых тогда вообще поставляла Италия, где была знаменитая медицинская школа в Салерно, находившаяся во владениях Рожера. Наследник Конрада, Фридрих I Барбаросса, вступивший на престол с идеями о дарованной ему Богом неограниченной императорской власти, не мог примириться с разделением своей власти в Италии с восточным императором. В трактате, заключенном вскоре после вступления Фридриха на престол между ним и папой, германский государь, величая Мануила rex, а не imperator, как обращался к последнему Конрад, обязывался изгнать из Италии восточного императора и не дать ему возможности там обосноваться. Однако, вскоре, в силу каких-то невыясненных причин, Фридрих изменил свои планы и, по-видимому, хотел возвратиться к идее византийского союза.

В 1154 году страшный враг Византии Рожер II умер. Новый сицилийский король Вильгельм I поставил своей целью расторгнуть союз двух империй и союз Византии с Венецией. Республика св. Марка, знавшая о планах Мануила утвердиться в Италии, не могла им сочувствовать; для нее это было бы тоже самое, если бы на другом берегу Адриатики утвердились норманны, т. е. оба берега находились бы в одних руках, что закрыло бы венецианским судам свободное пользование Адриатическим морем. В таких обстоятельствах Венеция порвала свои союзные отношения с Византией и, получив крупные торговые выгоды в Сицилийском королевстве, заключила союз с Вильгельмом I.

После некоторых удач византийского оружия в Южной Италии, выразившихся во взятии Бари и других городов, Вильгельм нанес войскам Мануила суровое поражение у Брундузия (Бриндизи), которое сразу уничтожило все результаты его экспедиции. Сдавшаяся грекам столица Апулии, Бари, по приказанию Вильгельма, была сравнена с землей. Один современник писал: «Могучая столица Апулии, знаменитая своей славой, сильная своим богатством, гордая благородным и знатным происхождением своих граждан, предмет общего удивления по красоте своих зданий — лежит теперь, обращенная в груду камней».[1]

---

[1] *Hugo Falcandus*. Historia sicula in: *L. A. Muratori*. Scriptores rerum italicarum, vol. VII, p. 269.

Неудачная кампания Мануила в Италии, ясно доказавшая Фридриху Барбароссе, что в данном случае дело шло об утверждении там греков, окончательно порвала и без того уже ослабнувшие узы византийского союза. Современный Фридриху Оттон Фрейзингенский писал: «Хотя (Фридрих) ненавидел Вильгельма, однако, он не желал, чтобы посторонние люди отнимали границы его империи, несправедливо захваченные неистовой тиранией Рожера».[1] Всякая надежда на примирение с Барбароссой у Мануила исчезла, а вместе с этим исчезли и надежды на итальянские завоевания. В 1158 году между Мануилом и Вильгельмом Сицилийским был заключен мир, условия которого точно неизвестны, означавший для Византии отречение от долго лелеемых ею блестящих планов и вместе с тем «разрыв дружбы и союза между двумя империями, завязанных еще при Лотаре Саксонском и Кало-Иоанне и еще более скрепленных личными отношениями Конрада и Мануила». «С этих пор византийские вооруженные силы уже не видали более Италии».[2]

Благодаря создавшимся новым условиям задачи византийской политики изменились. Она должна была противодействовать стремлениям Гогенштауфенов присоединить Италию, которая, с точки зрения Фридриха Барбароссы, должна была признавать его власть. Византийская дипломатия стала деятельно работать в новом направлении. Мануил, желая порвать отношения между Фридрихом и папой, искал у папского престола поддержки в своей борьбе с Фридрихом и соблазнял папу перспективой возможной церковной унии восточной церкви с западной. Вызвав борьбу между папой и германским государем, Мануил надеялся «восстановить Восточную империю во всей полноте ее прав и уничтожить аномалию, которая представлялась его взору в виде Западной империи».[3] Однако, эти переговоры не удались, так как папы вовсе не желали попасть в зависимость от одного императора к другому; наоборот, упоенные теократическими идеалами папы XII века сами хотели достичь верховенства над императором византийским.

Когда открылась борьба между Фридрихом Барбароссой и северо-итальянскими городами, Мануил деятельно помогал последним денежными субсидиями. Разрушенные Фридрихом стены Милана были восстановлены при помощи византийского императора. Особенно деятельны были его сношения с Генуей, Пизой и Вене-

---

[1] *Otto von Freising*. Gesta Friderci I. imperatoris. Ed. G. Waitz, II, 49. (Scriptores Rerum Germanicarum in Usum Scholarum, Bd. XXXIII).

[2] *В. Г. Васильевский*. Южно-итальянская война (1156—1157). — Славянский сборник, т. III, 1876, с. 400. То же самое в «Трудах» — т. IV. Л., 1930, с. 138.

[3] *F. Chalandon*. Les Comnène... vol. II, p. 557.

цией, которая под угрозой немецкой опасности снова обратилась к Византии. Но Мануил, может быть, желая из-за недостатка средств воспользоваться громадными богатствами венецианских купцов на территории его государства, неожиданно велел арестовать всех находившихся в Византии венецианцев и конфисковать их имущества. Возмущенная Венеция отправила против Византии флот, который, однако, благодаря эпидемии должен был вернуться без большого успеха. По всей вероятности, при жизни Мануила добрые отношения между Венецией и Византией восстановлены не были.

Желая ответить на византийскую политику в Италии тем же, Фридрих Барбаросса вступил в сношения с самым опасным врагом Византии на востоке, с Иконийским султаном Кылыч-Арсланом, и убеждал последнего напасть на греческую империю, в надежде, что малоазиатские затруднения отвлекут Мануила от европейских дел.

Между тем, ситуация в Малой Азии становилась все более угрожающей. В Киликии, которая была завоевана Иоанном Комнином, вспыхнуло восстание под предводительством Тороса. Две армии Мануила, посланные против Тороса, потерпели поражение. Ситуация стала еще более тревожной, когда Торос вошел в союз со своим бывшим врагом, князем антиохийским Рено Шатийонским. Они выступили против греков вдвоем. В то же самое время Рено осуществил успешный морской набег на Кипр. Мануил прибыл в Киликию лично. Его прибытие оказалось столь неожиданным, что Торос едва не попал в плен и бежал. В 1158 году Мануил снова стал хозяином положения в Киликии. Торос подчинился императору и был им прощен. Теперь настала очередь Антиохии.

Рено Шатийонский, понимая, что он не в состоянии противостоять византийским войскам, решил добиться прощения Мануила. Император был в Мопсуестии (Мамистра крестоносцев) в Киликии. Рено «появился там как проситель перед Великим Комнином».[1] Далее разыгралась самая унизительная сцена. С голыми ногами, он пал ниц перед императором и протянул ему рукоять своего меча, отдавая себя в его распоряжение. В то же время, как пишет Гийом Тирский, «он кричал о прощении и кричал так долго, что все почувствовали тошноту от этого и многие французы стали его презирать и осуждать».[2] Здесь же присутствовали послы от большинства восточных народов, включая отдаленных абасгов (абхазов)

---

[1] *G. Schlumberger*. Renaud de Châtillon. Paris, 1898, p. 107.

[2] *Willermus Tyrensis*. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum, XVIII, 23. (Recueil des historiens... vol. I), pp. 860—861. На ту же тему есть поэма Феодора Продрома — Recueil des historiens... vol. II. Paris, 1881, pp. 305—310.

и иберов и все находились под сильным впечатлением.[1] «Эта сцена сделала латинян презираемыми во всей Азии».[2] Рено признал себя вассалом империи, так что позже (в 1178—1179 гг.) «некто Роберт был послан ко двору Генриха II, короля Англии, послом от двух стран — Византии и Антиохии».[3] Король иерусалимский Балдуин III лично прибыл в Мопсуестию, где в лагере Мануила он был с почестями принят императором. Однако Балдуин был вынужден заключить с ним договор с обязательством поставлять императору вооруженные силы. Евстафий Фессалоникийский в своей речи, посвященной Мануилу, упоминает короля, который «прибежал к нам из Иерусалима, изумленный славой и деяниями императора и признавая издалека его величие».[4]

Затем, в апреле 1159 г. Мануил торжественно вступил в Антиохию. Эскортом за ним шли пешком и без оружия Рено Шатийонский и другие латинские князья. Король иерусалимский ехал на лошади, но тоже без оружия. Император следовал по улицам, украшенным коврами, драпировками (hangings) и цветами под звуки труб и барабанов и пение гимнов к собору, ведомый патриархом Антиохийским в его патриарших одеждах. Восемь дней императорские штандарты реяли над городскими стенами.[5]

Подчинение Рено Шатийонского и вход Мануила в Антиохию в 1159 году знаменовали триумф византийской политики по отношению к латинянам. Это был результат более чем шестидесяти лет усилий и борьбы. Несмотря на многие трудности и войны, византийские императоры «никогда не упускали из вида проблему антиохийского княжества, проблему, поставленную во время первого крестового похода и с того времени никогда не решенную».[6]

В церкви Рождества в Вифлееме сохранилась надпись, датированная 1169 годом, текст которой гласит: «Эта работа была завершена художником и мозаистом Эфраимом в царствование императора Мануила Багрянородного Комнина и в дни Великого короля иерусалимского Амори, и в дни святейшего епископа святого Вифлеема в год 6677, индикта второго».[7] Связь имени Мануила с

---

[1] *Ioannes Cinnamus*. Historia, IV, 18. Bonn ed., p. 183.

[2] *G. Schlumberger*. Renaud de Châtillon. Paris, 1898, p. 110; *Willermus Tyrensis*. Historia, XVIII, 23 (Recueil des historiens... vol. I), p. 861. Latinitatis gloriam verteret in opprobrium («Слава латинян обернулась позором». — *Науч. ред.*)

[3] The Great Roll of the Pipe for the Reign of King Henry the Second. XXVIII. London, 1907, p. 125. Ниже этот сборник обозначен — Pipe Rolls.

[4] *W. Regel*. Fontes rerum byzantinarum, vol. I, fasc. 1, p. 39.

[5] *F. Chalandon*. Les Comnène... vol. II, pp. 451—452.

[6] *F. Chalandon*. Les Comnène... vol. II, p. 446.

[7] *M. de Vogüé*. Les Églises de la Terre Sainte. Paris, 1860, p. 99. Corpus Inscriptionum graecarum, vol. IV. Berlin, 1877, p. 339, n. 8736; *H. Vincent, F.-M. Abel*. Bethléem: Le Sanctuaire de la Nativité. Paris, 1914, pp. 157—161.

именем Амори может указывать, что известного рода сюзеренитет греческого императора был установлен и над иерусалимским королем.[1]

Что касается взаимоотношений Мануила с мусульманскими лидерами (princes), то он и Кылыч-Арслан несколько лет имели дружеские отношения и в 1161—1162 гг. султан даже приезжал в Константинополь, где ему был устроен торжественный прием императором. Этот прием детально описан в греческих и восточных источниках. Султан провел в Константинополе восемь дней. Все сокровища и богатства столицы были нарочито показаны знаменитому гостю. Ослепленный блеском дворцового приема, Кылыч-Арслан даже не рискнул сесть рядом с императором. Турниры, скачки и даже морской праздник с демонстрацией знаменитого «греческого огня» были организованы в честь султана. Дважды в день еда приносилась ему на золотой и серебряной посуде и затем не забиралась, а оставлялась в распоряжении гостя. Однажды, когда император и султан обедали вместе, вся посуда и украшения стола * были предложены Кылыч-Арслану в качестве подарка.[2]

В 1171 году король иерусалимский Амори I прибыл в Константинополь и был торжественно встречен Мануилом. Гийом Тирский оставил детальное описание этого визита.[3] Это был расцвет славы и могущества Мануила на Ближнем Востоке.

---

[1] *F. Chalandon.* Les Comnène... vol. II, p. 449; *L. Bréhier.* L'Église et l'orient au Moyen Âge: les Croisades, p. 109. Брейе указывает неверную дату — 1172 г. Идею о сюзеренитете Мануила отрицают H. Vincent, F.-M. Abel. (Bethléem... p. 160). Идея эта всячески поддерживается Жерфанионом (*G. de Jerphanion.* Les Inscriptions cappadociennes. — Orientalia Christiana Periodica, vol. I, 1935, pp. 245—246), но отрицается ла Монте (*J. L. La Monte.* To What Extent Was the Byzantine Empire the Suzerain of the Latin Crusading States? — Byzantion, vol. VII, 1932, pp. 253—264, в особенности 263: эта надпись не свидетельствует ни о чем другом, кроме как о даре щедрого и благочестивого императора церкви, которая была одной из самых почитаемых святынь в христианстве). (От себя хотелось бы добавить, что позиция ла Монте в данном вопросе представляется наиболее взвешенной. — *Науч. ред.*)

* Это слово есть только в соответствующем месте французской версии работы.

[2] *Ioannes Cinnamus.* Historia, V, 3. Bonn ed., pp. 204—208; *Nicetas Choniates.* Historia, III, 5—6. Bonn ed., pp. 154—158; Chronique de Michel le Syrien, édit. et transl. J.-B. Chabot, t. III. Paris, 1911, p. 319. На его основе — Gregorii Abulpharagii sive Bar-Hebraei Chronicon Syriacum, édit. Bruns et Kirsch. Leipzig, 1789, pp. 358—359 (латинский перевод). См. также: *F. Chalandon.* Les Comnène... vol. II, p. 463—466; *Ф. И. Успенский.* Восточная политика Мануила Комнина. — Сообщения Российского Палестинского общества, т. 29, 1926, с. 115—117.

[3] *Willermus Tyrensis* Historia... XX, 22—24 in: Recueil des historiens... vol. I, pp. 981—987; *G. Schlumberger.* Campagnes du roi Amaury Ier de Jé-

Однако политические результаты визита Кылыч-Арслана в столицу были не очень важными. Был заключен своего рода договор о дружбе, но короткий по длительности. Несколькими годами позже султан объявил своим друзьям и должностным лицам, что чем больший вред причиняет он империи, тем более ценные подарки получает он от императора.*

В таких обстоятельствах мир на восточной границе долго длиться не мог. Под влиянием различных местных причин, а, может быть, и убеждений Фридриха, вспыхнули военные действия. Мануил сам встал во главе войска. Целью похода была столица султаната Иконий (Кония). Византийские войска в 1176 году углубились в горные ущелья Фригии, где находилась недалеко от границы крепость Мириокефалон. Здесь турки неожиданно напали на них с нескольких сторон 17 сентября 1176 года и нанесли полное поражение.[1] Император с трудом спас свою жизнь и успел избегнуть плена. Византийский историк Никита Хониат писал: «Зрелище было поистине достойно слез, или, вернее сказать, зло было так велико, что его невозможно было оплакать: рвы, доверху наполненные трупами, в оврагах целые холмы убитых, в кустах горы мертвецов... Никто без слез и стонов не проходил мимо, но все рыдали и по именам называли погибших друзей и родственников».[2]

Современный событиям историк, проведший некоторое время в Константинополе в 1179 году, так описывает состояние Мануила после поражения при Мириокефалоне: «С этого дня поражение так крепко запечатлелось в его памяти, что, хотя обычно настроение его было веселым, он никогда больше не показывал, несмотря на все усилия придворных, ни малейшей радости и до своей смерти не обрел своей физической силы, ранее такой большой. Он был настолько раздавлен постоянной пыткой, которую ему создавала мысль об этом поражении, что он не мог ни успокоить свой ум, ни обрести обычное спокойствие духа».[3]

В длинном письме, адресованном своему западному другу, королю Англии Генриху II Плантагенету, Мануил объявляет о своем недавнем поражении, стараясь немного его смягчить. В этом письме

---

rusalem en Egypte, XIIe au XIIe siècle. Paris, 1906, pp. 311—331; *F. Chalandon*. Les Comnène... vol. II, pp. 546—549.

* В соответствующем месте французского издания эта фраза сопровождается следующей ссылкой, почему-то отсутствующей во втором американском издании: *F. Chalandon*. Les Comnène... vol. II, p. 466.

[1] О дате см.: *A. A. Vasiliev*. Das genaue Datum der Schlacht von Myriokephalon. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXVII, 1927, S. 288—290.

[2] *Nicetas Choniates*. Historia, Bonn ed., p. 247.

[3] *Willermus Tyrensis* Historia, XXI, 12, in: Recueil des historiens... vol. I, p. 1025.

Портреты императоров: Алексея IV Ангела, Алексея V Дуки Мурзуфла, Феодора I Ласкаря, Иоанна III Дуки Ватаца, Феодора II Ласкаря, Иоанна IV, Михаила VIII Палеолога, Андроника II и его сына Михаила.

есть детальное описание сражения и, среди прочего, там можно прочесть интересную информацию о роли в сражении англичан, которые с 1066 года были на византийской службе, в частности, в императорской гвардии.[1]

Несмотря на прискорбный результат сражения при Мириокефалоне, анонимный панегирист Мануила ставит само бегство Мануила от турок в разряд его блистательных деяний, говоря: «Столкнувшись с массой захватчиков-исмаилитов [т. е. турок], он [Мануил] обратился в бегство один, не опасаясь такого количества мечей, стрел и копий».[2] Племянник Мануила украсил свой дом картинами, и, среди прочих, «заказал картину, изображающую подвиги султана, иллюстрируя стены своего дома сюжетом, который лучше было бы оставить во мраке».[3] Вероятнее всего, эта неординарная картина изображала судьбоносную (fateful) битву при Мириокефалоне.

Однако, в силу каких-то совершенно загадочных причин Кылыч-Арслан не использовал своей победы и открыл переговоры с императором, которые и привели к заключению терпимого мира.

Сражение при Манцикерте 1071 года было уже смертельным ударом для владычества Византии в Малой Азии. Но современники этого не понимали и все еще надеялись поправить дела и избавиться от сельджукской опасности. Два первых крестовых похода этой опасности не уменьшили. Сражение при Мириокефалоне 1176 года окончательно разрушило последнюю надежду Византии на возможность вытеснения из Малой Азии турок. О какой-либо серьезной наступательной политике империи на Востоке после этого не могло быть и речи. С трудом она могла охранять границу и отражать сельджукские толпы, не переставшие проникать на византийскую территорию. Сражение при Мириокефалоне, по словам историка Куглера, «решило навсегда судьбу всего Востока».[4]

Почти одновременно с этим поражением в Малой Азии Мануил на свое письмо к Фридриху Барбароссе, в котором он изображал положение сельджукского султана как слабое [5] (Фридрих, однако,

---

[1] Это письмо включено в: Chronica Rogeri de Houedene, ed. by W. Stubbs. (Rerum britannicarum medii aevi scriptores, vol. 51). London, 1869, t. II, pp. 102—104.

[2] *S. Lampros.* Ὁ Μαρκιανὸς Κώδιξ. — Νέος Ἑλληνομνήμων, vol. VIII, 1911, p. 149. См. также: *С. П. Шестаков.* Заметки о поэмах «Codex Marcianus gr. 524» — ВВ, т. 24, 1923—1926, с. 46—47.

[3] *Ioannes Cinnamus.* Historia, Bonn ed., p. 267. См. также: *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin, vol. I. Paris, 1925, p. 405.

[4] *B. Kugler.* Studien zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges. Stuttgart, 1866, S. 222.

[5] Фрагмент этого письма сохранился в: Annales Stadenses, ed. K. Pertz. Monumenta Germaniae Historica Scriptores, vol. XVI, p. 349. Дата ошибочно отнесена к 1179 году. См. также: *H. von Kap-Herr.* Die abendländische Politik Kaiser Manuels. Strassburg, 1881, S. 104, n. 6.

знал правду о сокрушительном поражении Мануила), с упреками по поводу его сношений с иконийским султаном, получил от германского государя ответ, в котором тот сообщал следующее. Германские императоры, получившие власть от славных императоров римских, должны управлять не только Римской империей, но и «греческим королевством» (ut non solum Romanum imperium nostro disponatur moderamine, verum etiam regnum grecie ad nutum nostrum regi et sub nostro gubernari debeat imperio); поэтому он приглашает Мануила признать авторитет западного императора и подчиниться авторитету папы и заканчивает свой ответ заявлением, что в будущем он будет сообразовывать свое поведение с поведением Мануила, напрасно сеявшего смуту среди вассалов западной империи.[1] Итак, в представлении властного Гогенштауфена Византийская империя должна подчиниться ему, как западному императору. Как видно, идея о единой империи не перестала жить и в XII веке; сначала о ней вспоминает Мануил, а потом, когда обстоятельства изменились не в его пользу, о единой империи мечтает Фридрих.

Сражение * при Леньяно (1176), закончившееся полным поражением Фридриха в Северной Италии и повлекшее за собой торжество северо-итальянских городов и поддерживавшего их папства, должно было, казалось, несколько поправить дела Мануила в Италии. Но Венецианский конгресс следующего года (1177), в котором участвовали Фридрих, папа и представители итальянских городов, подтвердил самостоятельность последних и примирил германского государя с папой. Другими словами, этим был положен конец той вражде, которая существовала между Германией, ломбардскими городами и папской курией и на которой Мануил строил свои дипломатические расчеты.

По словам Ф. И. Успенского, «Венецианский конгресс был таким же ударом для Византийской империи, как и поражение, нанесенное ей Иконийским султаном при Мириокефале. Сблизив в одно и то же время враждебные Византии элементы на Западе, он был предвозвестником коалиции, завоевавшей в 1204 г. Константинополь и образовавшей на Востоке латинские государства».[2]

---

[1] *H. von Kap-Herr.* Op. cit, p. 156—157, где приведен текст письма.

* В исходной русской версии 1923 г. (с. 53) данный абзац начинался с фразы, не включенной А. А. Васильевым в последующие издания работы: «Сражение при Леньяно (1176 г.), закончившееся полным поражением Фридриха в Северной Италии и повлекшее за собою торжество северо-итальянских городов и поддерживавшего их папства, должно было, казалось, несколько поправить дела Мануила в Италии». Последующее изложение без данной фразы остается не вполне ясным.

[2] *Ф. И. Успенский.* Алексей II и Андроник. — ЖМНП, т. 212, 1880, с. 123—124.

Для Венеции конгресс 1177 года имел чрезвычайное значение, собрав там блестящее европейское общество во главе с западным императором и папой. Более десяти тысяч иностранцев прибыло в Венецию, и все удивлялись красоте, богатству и мощи этого города. Один современный той эпохи источник писал, обращаясь к венецианцам: «О, как вы счастливы, потому что такой мир мог быть заключен у вас. Для вашего имени это будет вечной славой».[1]

Незадолго до смерти Мануилу удалось одержать последний дипломатический успех, а именно женить своего сына и наследника Алексея на восьмилетней дочери французского короля Людовика VII, Агнесе, получившей в Византии имя Анны. Несколько обостренные отношения, установившиеся между Византией и Францией после второго крестового похода, благодаря этому браку должны были, по-видимому, сгладиться. Евстафий Фессалоникийский составил хвалебную речь по поводу прибытия в Мегалополис, т. е. в Константинополь, императорской невесты из Франции.[2]

Более того, после знаменитого письма, посланного Мануилом английскому королю Генриху II после поражения при Мириокефалоне, отношения между двумя государями стали очень дружественными и для последних лет правления Мануила есть некоторые свидетельства о появлении византийских посланников в Вестминстере, принимать которых Генрих II поручил англичанину Джеффри де Хею (Geoffrey de Haie; Galfridus de Haia). Тот же Джеффри был в свою очередь послан в Константинополь.[3] Генрих II, как кажется, хорошо информированный о любимых спортивных занятиях Мануила, среди которых охота была не на последнем месте, даже послал ему свору собак на корабле, отплывшем из Бремена.[4]

Политика Мануила не походила на осторожную и продуманную политику его деда и отца. Будучи охвачен несбыточной мечтой восстановить единство империи и тяготея всем существом своим к западным вкусам и западному укладу жизни, а потому напрягая все усилия на борьбу с Италией и Венгрией, на отношение к Западной империи, Франции, Венеции и другим итальянским городам, Мануил оставил без надлежащего внимания Восток, не сумел помешать дальнейшему развитию Иконийского султаната и,

---

[1] Historia ducum Veneticorum s. a. 1177; *K. Pertz*. Monumenta Germaniae Historica, Bd. XIV, S. 83. См. также: *H. Kretschmayr*. Geschichte von Venedig, t. I, Gotha, 1903, p. 268; *W. C. Hazlitt*. The Venetian Republic: Its Rise, its Growth, and Its Fall. T. I. London, 1915, pp. 231—232. *Ch. Diehl*. Une République patricienne: Venise. Paris, 1915, pp. 45—46.

[2] *W. Regel*. Fontes rerum byzantinarum. Vol. I, fasc. 1, pp. 80—92, см. также pp. XIII—XIV.

[3] Pipe Rolls. XXVI, 166, 187, 192, 208; XXVIII, 125.

[4] Pipe Rolls. XXVII, 19.

в конце концов, увидел крушение всех надежд империи в Малой Азии после разгрома при Мириокефале.

Предпочтение, отдаваемое Мануилом Западу, чуждому Византии и в те времена еще не могшему равняться с культурой византийской, точно также принесло пагубные плоды для государства. Принимая с распростертыми объятиями иностранцев и раздавая им наиболее ответственные и выгодные места, он возбудил столь сильное негодование среди подданных, что можно было ожидать при первом удобном случае кровавых столкновений.

Новейший историк времени Мануила так оценивает его политику: «Мануилу выпало на долю счастье умереть довольно рано, чтобы не видеть печальных последствий своей политики, последствий, которые уже замечали прозорливые умы некоторых его современников. Тяжело было получить наследство императора, и никто из его преемников не сможет восстановить дел империи. В последующие годы падение пойдет весьма быстро вперед: справедливо сказать, что оно началось со времени царствования Мануила».[1]

Может быть, правильнее будет сказать, что падение империи началось гораздо раньше, еще в эпоху Македонской династии, после смерти Василия II Болгаробойцы, т. е. с 1025 г. Первые два Комнина, Алексей и Иоанн, сумели задержать процесс падения, но не смогли вполне его остановить. Ошибочная политика Мануила снова повела империю по пути падения, и на этот раз окончательного. С Мануилом, по словам Герцберга, «навеки погрузился в могилу древний блеск и древнее величие Византии».[2] С этим мнением историка XIX века можно сопоставить слова известного писателя конца XII века, Евстафия Фессалоникийского, современника Комнинов и Ангелов, который писал: «По Божьему определению, со смертью василевса Мануила Комнина погибло все, что еще оставалось целым у ромеев, и всю нашу землю окутал мрак, как бы при затмении солнца».[3]

Такая колоритная фигура как Мануил Комнин не мог не оставить глубокого впечатления далеко за пределами Византийской империи. Его имя и подвиги, последние в основном легендарные, были хорошо известны в русском героическом эпосе, в русских песнях, также как и в русских летописях. Мануил послал княгине

---

[1] *F. Chalandon*. Les Comnène... vol. II, p. 607—608. См. также: *F. Cognasso*. Partiti politici e lotte dinastiche in Bizanzio alla morte di Manuele Comneno. Torino, 1912, p. 216 (4).

[2] *G. F. Hertzberg*. Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches bis gegen Ende des 16. Jahrhunderts. Berlin, 1883, S. 318.

[3] *Eustathius Thessalonicensis*. De Thessalonica a Latinis capta. Ed. Bekker, I, p. 380.

полоцкой Евфросинье икону Божьей Матери Эфесской.[1] Не следует забывать также, что знаменитое легендарное письмо пресвитера Иоанна было адресовано Мануилу.

Внешняя политика при последних двух Комнинах, Алексее II и Андронике I

«Пятилетний период, обнимающий царствование двух последних Комнинов, Алексея и Андроника, — пишет Ф. И. Успенский, — любопытен именно как период реакции и государственных реформ, которые имели вполне народную основу и вызывались совершенно справедливо понятыми недостатками прежней системы управления».[2] Как было уже сказано выше, после смерти Мануила на престоле оказался его двенадцатилетний сын Алексей II (1180—1183); правительницей была объявлена его мать Мария Антиохийская; всеми делами государства распоряжался любимец последней протосеваст Алексей Комнин, племянник Мануила. Ожесточенная борьба придворных партий и продолжавшееся латинское засилье привели к тому, что в столицу был призван знаменитый Андроник, давно уже исполненный честолюбивых замыслов овладеть императорским престолом и выступивший теперь в роли защитника слабого, окруженного злыми советниками императора Алексея II и греческих национальных интересов. Незадолго до его вступления в столицу там разыгралась резня латинян 1182 года. Интересно отметить, что венецианские источники совершенно умалчивают об избиении 1182 года. Тем не менее и венецианские купцы пострадали немало.

В том же 1182 году Андроник вступил в Константинополь и, вопреки торжественным обещаниям, стал явно стремиться к единодержавию. По его приказанию, правительница Мария Антиохийская и немного времени спустя несчастный император Алексей II были задушены. Правитель Алексей Комнин был схвачен и ослеплен. В 1183 году шестидесятитрехлетний Андроник сделался полновластным государем империи. Для укрепления своего положения он женился на вдове Алексея II, Агнесе (Анне) Французской, которой в момент смерти своего фиктивного (так как он имел тогда всего около 14 лет) супруга было лишь 12 лет.

Тот восторг, с которым встретило население Андроника, объясняется определенными ожиданиями народа от нового императора. У последнего было две главных задачи во внутренней жизни им-

---

[1] См.: *А. Седельников*. Эпическая традиция о Мануиле Комнине. — Славия, т. III, 1924—1925, с. 608—618.

[2] *Ф. И. Успенский*. Алексей II и Андроник. — ЖМНП, т. 212, 1880, с. 100.

перии: во-первых, установить национальное правительство и освободить Византию от латинского засилья; во-вторых, ослабить служилую аристократию и крупное поместное дворянство, так как преобладание крупных землевладельцев влекло за собой разорение и гибель земледельческого сословия крестьян. Подобная программа, сколь она ни была трудна для выполнения, конечно, должна была встретить полное сочувствие народа.

Архиепископ Афинский Михаил Акоминат (Хониат), один из наиболее ценных источников по внутреннему положению в империи в XII веке, писал в восторженных тонах: «И прежде всего я хочу напомнить, как в смутное и мучительное время империя ромеев воззвала к своему бывшему любимцу, великому Андронику, чтобы сбросить угнетающую латинскую тиранию, которая, как сорная трава, привилась на молодом побеге царства. И он привел с собой небольшое количество пеших и всадников, однако, вооруженный только справедливостью, он легко шел к любимому городу. Первое, что он дал столице в ответ на ее чистую любовь, было освобождение от тиранической латинской наглости и освобождение империи от варварских примесей».[1]

«С Андроником новая партия пришла к власти».[2] «Этот последний представитель династии Комнинов, — писал Ф. И. Успенский, — был, или по меньшей мере казался, народным царем, царем крестьян. Народ пел песни о нем и слагал поэтические сказания, следы которых сохранились в летописях и пометках на полях неопубликованных рукописей „Истории“ Никиты Хониата».[3] Среди прочих вещей, Никита писал о том, что Андроник велел воздвигнуть себе статую около северного входа в церковь Сорока Мучеников. Император был там представлен не в имперских одеждах, не с золотыми украшениями, подобающими правителю, а в качестве работника (as a worker), утомленного трудом, в весьма скромных одеждах, держащим косу.[4]

Андроник усердно принялся за реформы. Жалование многих чиновных лиц империи было повышено, чтобы сделать их менее доступными подкупу; судьями назначались честные и неподкупные люди; податные тяготы были облегчены, и корыстные сборщики

---

[1] Μιχαὴλ 'Ακομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζόμενα. Ed. S. Lampros, vol. I. Athenae, 1879, p. 157. См. также: *Ф. И. Успенский.* Последние Комнины. Начало реакции. — ВВ, т. 25, 1927—1928, с. 20.

[2] *L. Bréhier.* Andronic (Comnène). — Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques, vol. II, col. 1780.

[3] *Ф. И. Успенский.* Алексей II и Андроник. — ЖМНП, т. 212, 1880, с. 18, 21.

[40] *Ф. И. Успенский.* Там же, с. 15. Успенский говорит не о статуе, а о картине, вероятно — мозаике. См.: *Nicetas Choniates.* Historia, Bonn ed., p. 432.

податей подвергались суровым наказаниям. Против крупных землевладельцев принимались строгие меры, и многие представители византийской аристократии были подвергнуты казни. Михаил Акоминат писал: «Мы уже давно знали, что ты мягок к бедному, ужасен по отношению к алчному, что ты защитник слабого и враг насильника, что ты не склоняешь весы Фемиды ни влево, ни вправо, что у тебя руки чисты от любой коррупции».[1]

Новейшему историку данной эпохи борьба Андроника с аристократией напоминает борьбу Ивана IV Грозного с боярством. «Как Андроник, — пишет этот историк, — намеревался разрушить преобладание византийской аристократии, так Иван — могущество бояр, и оба, но русский царь в большей степени, прибегли, по необходимости, к насильственным средствам. Однако, было плохо то, что, ослабляя аристократию, они оба ослабили государство: Иван IV оказался безоружным перед поляками Стефана Батория, как Андроник перед норманнами Вильгельма II. Иван, государь молодого и крепкого народа, смог быстрыми мерами спасти свое дело и Россию; Андроник пал раньше, чем империя преобразовалась и укрепилась. Старый организм не мог более быть поддержан, а новое органическое тело, о котором мечтал Андроник, было слишком быстро доверено неопытным рукам».[2]

Но, конечно, произвести коренную реформу социального строя, явившегося результатом длительного исторического процесса, было не под силу Андронику. Представители гонимой землевладельческой аристократии ждали только удобного момента, чтобы избавиться от ненавистного государя и заменить последнего лицом, придерживающимся социальных воззрений первых трех Комнинов. Чувствуя повсюду измену и заговоры, Андроник вступил на путь террора, который, разя без разбора правого и виноватого, и не только уже в среде высших классов, создал вокруг государя обстановку раздражения и ненависти. Народ, так недавно еще торжественными криками встречавший своего избранника, отвернулся от него, как от человека, который не дал того, что обещал, и уже искал нового претендента на престол. Никита Хониат дал впечатляющее описание изменчивости настроения константинопольской толпы в это время: «В любом городе толпа лишена разума и подчиняется своим неорганизованным движениям. Толпа же в Константинополе особенно шумна, яростна и изворотливого поведения, ввиду того, что состоит из разных народов... Безразличие

---

[1] *Ф. И. Успенский.* Там же, с. 19; *Михаил Акоминат.* Сочинения в издании С. Ламброса (полное описание в прим. 1 на стр 79. — *Науч. ред.*), с. 142.

[2] *F. Cognasso.* Partiti politici e lotte dinastiche in Bizanzio... p. 290 (78).

по отношению к императорам является их прирожденным недостатком. Того, кого они сегодня поднимают на трон, на следующий год они третируют как преступника».[1]

Сложное и угрожающее внутреннее положение осложнилось еще более неудачами внешней политики. Андроник пришел к выводу, что политическая изоляция империи была невозможной с точки зрения ее основных жизненных интересов. Для спасения ситуации он должен был возобновить отношения с западными державами, к которым он столь явно испытывал отвращение.

И на деле отношение Запада к Византии было исключительно угрожающим. После смерти Мануила в Западной Европе было у Византии два врага: Германия и Сицилийское королевство. Союз двух империй, бывший основой западноевропейской политики в течение некоторого времени правления Мануила, прекратился, а помощь, оказанная Византией ломбардским городам в их борьбе против Фридриха Барбароссы, сделала последнего врагом Восточной империи, который пошел по пути все более тесного сближения с Сицилийским королевством.

Латиняне, бежавшие в 1182 году из Константинополя от учиненного там погрома, явились на Запад в свои государства и, рассказав об ужасах пережитого испытания, просили отомстить за оскорбление и убытки. Особенно были раздражены торговые итальянские республики, понесшие крупные финансовые потери. Представители некоторых знатных византийских фамилий, преследуемые Андроником, также убежали в Италию и побуждали итальянские правительства к открытию военных действий против Византии.

Между тем, западная опасность для Восточной империи все росла. Фридрих Барбаросса устроил брак своего сына и наследника Генриха с наследницей Сицилийского королевства Констанцией, помолвка с которой была объявлена в Германии еще за год до смерти Андроника. Это было очень важным событием, так как после смерти Фридриха его наследник присоединял к владениям германского государя Неаполь и Сицилию. Этим самым для Византии из двух отдельных врагов создавался единый страшный враг, политические интересы которого не могли примириться с интересами Восточной империи. Весьма вероятно даже, что названный брачный союз с норманским королевским домом имел целью создать для западного императора в сицилийском государстве опорный пункт для его замыслов против Византии, чтобы при помощи норманнов легче завоевать «королевство» греков. По крайней мере, один западный средневековый историк пишет: «Император, в р а ж д е б н ы й к о р о л е в с т в у г р е к о в (regno Grecorum

---

[1] *Nicetas Choniates*. Historia, Bonn ed., pp. 304—305.

infestus), старается соединить дочь Рожера, короля Сицилии, со своим сыном».[1]

Современный Андронику сицилийский король Вильгельм II, пользуясь внутренними замешательствами в Византии, подготовил против нее обширную экспедицию, целью которой было, конечно, не только желание отомстить за погром 1182 года или помочь какому-то подозрительному претенденту на византийский трон, а стремление самому завладеть греческим престолом. Андроник же решил начать переговоры как с Западом, так и с Востоком.

Он заключил договор с Венецией до начала 1185 года.[2] В этом договоре, заключенном с республикой св. Марка, «чтобы поддержать империю» (pro firmatione Imperii) Андроник соглашался отпустить венецианцев, находившихся еще в заточении после избиения 1182 г. и обещал платить каждый год известную сумму в возмещение причиненных убытков. Он начал на деле соблюдать этот договор, и первая сумма была уплачена в 1185 году.[3] Он также постарался сблизиться с папой, от которого он явно надеялся получить помощь, обязуясь обеспечить известные гарантии католической церкви. В конце 1182 г. папа Луций III послал легата в Константинополь.[4] Кроме того, одна западная хроника приводит весьма интересный материал, согласно которому в 1185 г. Андроник против воли патриарха построил в Константинополе церковь, которую он снабдил богатым доходом. Там латинские католические священники совершали культ по своему обряду. «До наших дней церковь эта называется Латинской церковью».[5]

---

[1] Annales Colonienses Maximi s. a. 1185, in: *Pertz*. Monumenta Germaniae Historica Scriptores, Bd. XVII, S. 791.

[2] *F. Cognasso*. Partiti politici e lotte dinastiche in Bizanzio... pp. 294—295 (82—83): *L. Bréhier*. Andronic (Comnène). — Dictionnaire d'histoire... vol. II, col. 1781.

[3] *Andrae Danduli* Chronicon, ed. Muratori, Rerum italicarum scriptores, XII, 309 (s. a. 1182). См. также: *H. F. Brown*. The Venetians and the Venetian Quarter in Constantinople to the Close of the Twelfth Century. — Journal of Hellenic Studies, vol. XL, 1920, p. 86.

[4] *F. Cognasso*. Partiti politici e lotte dinastiche in Bizanzio... pp. 298—299 (86—87); *L. Bréhier*. Andronic (Comnène). — Dictionnaire d'histoire et de la géographie écclesiastiques, vol. II, col. 1781.

[5] Benedicti Abbatis Gesta regis Henrici Secundi, ed. W. Stubbs, vol. I, London, 1867 (Rerum britannicarum medii aevi scriptores, vol. 49), p. 257: «construxerat ecclesiam quandam nobilem in civitate Constantinopolis, et eam honore et redditibus multis ditaverat, et clericos Latinos in ea instituit secundum consuetudinem Latinorum, quae usque hodie dicitur Latina». («Построил одну известную церковь в городе Константинополе. Он обогатил ее почетом и многими доходами и в ней учредил латинских священников согласно обычаю латинян. Церковь до сих пор называется латинской». — *Науч. ред.*). См. тот же рассказ в Chronica Rogeri de Houedene, ed.

Наконец, незадолго до смерти, Андроник заключил формальный союз с султаном Египта Саладином. По словам западного хрониста, «движимый болью и огорчением [Андроник] должен был прибегнуть к совету и поддержке Саладина».[1] Условия этого союза, скрепленного клятвой, звучат следующим образом. Если Саладин сможет с помощью советов и помощи императора захватить Иерусалим, Саладин оставит для себя любую другую область, которую они * смогут завоевать. Иерусалим и все побережье, кроме Аскалона, остаются свободными. Однако он будет владеть этими территориями под сюзеренитетом Андроника. Император будет владеть всеми завоеванными у Иконийского султана территориями до Антиохии и Малой Армении, если новые союзники смогут ими овладеть. Однако «вследствие своей смерти, Андроник не смог реализовать этот план».[2] Договор этот показывает, что Андроник был готов уступить Палестину Саладину на условии, что тот призна́ет сюзеренитет империи. Однако ни соглашение с Венецией, ни уступки папе, ни союз со знаменитым Саладином не могли спасти ситуацию, или сохранить власть в руках Андроника.

В восточной части Средиземноморья наместник острова Кипр Исаак Комнин отделился от империи и провозгласил независимость острова под своим правлением. Не имея хорошего флота, Андроник не смог подавить восстание. Кипр был потерян. Потеря Кипра была серьезным ударом для империи, так как она имела там важный стратегический и торговый пункт, приносивший казне большие доходы, особенно благодаря торговле с латинскими государствами на Востоке.

Однако основной и решительный удар был нанесен Андронику с запада, когда хорошо организованная экспедиция Вильгельма II Сицилийского подняла паруса (sailed) против империи. Военные действия открылись, как всегда, у Дураццо, быстро перешедшего в руки норманнов, которые затем по Эгнатиевой военной дороге направились к Фессалонике (Солуни). Туда же прибыл и норман-

---

W. Stubbs, vol. II (Rerum britannicarum medii aevi scriptores, vol. 51). London, 1869, p. 205.

[1] Chronicon Magni Presbiteri (Annales Reicherspergenses), ed. Pertz. Monumenta Germaniae Historica Scriptores, XVII, 511.

* Здесь имеются в виду Андроник и Саладин, выступающие как союзники.

[2] Ibid., XVII, 511. См. также: *R. Röhricht*. Geschichte des Königreichs Jerusalem (1100—1291). Innsbruck, 1898, S. 494; *N. Radojčic*. Dva posljednja Komnena na carigradskom prijestolju, p. 85; *F. Cognasso*. Partiti politici e lotte dinastiche in Bizanzio... p. 297 (85); *F. Dölger*. Corpus der griechischen Urkunden, Bd. II, S. 91. (n. 1563). *L. Bréhier*. Dictionnaire d'histoire et de la géographie ecclésiastiques... vol. II, col. 1781.

ский сильный флот. Венеция в этой войне, по-видимому, придерживалась строгого нейтралитета.

Началась десятидневная осада Фессалоники с моря и суши. Риторический, но тем не менее драгоценный рассказ об этой осаде написан современником и очевидцем ее, фессалоникийским архиепископом Евстафием, откуда черпал свои сведения о норманно-византийской войне другой историк, Никита Акоминат. В августе 1185 года Фессалоника была взята норманнами, которые произвели во втором после Константинополя городе империи страшный разгром и избиение. Это было местью латинян за константинопольскую резню 1182 года. По поводу этого события мы находим у Никиты Акомината следующие знаменательные слова: «Таким образом, между нами и ими утвердилась величайшая пропасть вражды; мы не можем соединиться душами и совершенно расходимся друг с другом, хотя и поддерживаем внешние отношения и часто живем в одном и том же доме».[1]

После нескольких дней грабежа и убийства норманское войско двинулось далее на восток, по направлению к Константинополю.

При известии о взятии Фессалоники и о приближении норманских войск к столице население Константинополя подняло восстание, обвиняя Андроника в нерешительности и слабости. С неожиданной для последнего быстротой был провозглашен императором Исаак Ангел. Андроник был низложен и умер мучительной смертью. Переворотом 1185 года заканчивается эпоха византийских Комнинов. С Исаака Ангела начинается новая династия Ангелов.

Кратковременное правление Андроника I, поставившего при вступлении на престол себе целью защитить земледельческий класс, крестьян,* против всемогущего произвола крупных собственников и освободить государство от иностранного, именно западно-латинского засилья, резко отличается от характера правления всех

---

[1] *Nicetas Choniates*. Historia, Bonn ed., pp. 391—392.

* Весь сообщаемый источниками материал про этого колоритного и умного авантюриста на византийском престоле свидетельствует все же о другом. Андроник был обеспокоен только личным успехом и личной властью. Вся его деятельность (особенно столь характерный для него террор) свидетельствует о внутренней слабости режима и отсутствии у него прочной социальной базы. В этом плане правление Андроника сближается с правлением Фоки (602—610). Что касается защиты народных интересов, то эта иллюзия возникла отчасти из-за того, что Андроник пришел к власти на волне антилатинских настроений, которыми ловко воспользовался, отчасти же — из-за некоторых мер популистского характера, предпринятых Андроником не для защиты земледельческого класса крестьян, как пишет А. А. Васильев, а исключительно из желания хоть как-то подольше удержаться у власти, создавая себе привлекательный образ.

других Комнинов, и уже благодаря этому одному заслуживает внимательного и строго научного исследования. В некоторых отношениях, особенно в сфере социальных вопросов и интересов, время Андроника I, еще далеко не разъясненное, представляет собой благодарную тему для дальнейших разысканий.

Внешняя политика времени Ангелов

Характеристика императоров из дома Ангелов

Династия Ангелов, возведенная на престол революцией 1185 года на смену Комнинов, происходила от современника Алексея Комнина, Константина Ангела, из малоазиатского города Филадельфии, человека незнатного происхождения, женатого на дочери императора Алексея и приходившегося дедом Исааку II Ангелу, первому императору из этого дома, следовательно, по женской линии родственного Комнинам.

Одной из целей покойного Андроника было создание национального правительства. Эта задача ему не удалась, и к концу царствования он стал поворачиваться к Западу. Однако после его смерти необходимость национального правительства была настолько сильно ощутимой, что итальянский историк, исследователь царствования Исаака II Ангела, Ф. Коньяссо, писал: «Революция 12 сентября 1185 г. была в основном национальной и аристократической по своим планам. Так что все классы, кроме византийской аристократии, не получили выгод и преимуществ от этой революции».[1]

Исаак II (1185—1195), представлявший собой, по словам Гельцера, «воплощенную злую совесть, севшую на подгнивший трон цезарей»,[2] не обладал никакими государственными талантами. Чрезмерная роскошь двора и безграничная расточительность, связанные с непомерными и произвольными поборами и хищениями, слабость воли и отсутствие какого-либо определенного плана в управлении государством в соединении с внешними осложнениями, особенно на Балканском полуострове, где создалась новая опасная для империи сила в виде второго Болгарского царства, и в Малой Азии, где продолжалось успешное продвижение турок, не остановленное безрезультатным третьим крестовым походом, — все это создало атмосферу недовольства и возмущения в стране. По временам вспыхивали восстания в пользу того или другого претендента на престол. Однако, наверное, основной причиной общего недо-

---

[1] *F. Cognasso.* Un imperatore Bizantino della decadenza Isacco II Angelo. — Bessarione, anno XIX, vol. XXXI, 1915, p. 44. То же отдельным изданием — Roma, 1915, p. 18.

[2] *H. Gelzer.* Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte. München, 1897, S. 1032.

вольства была «усталость от бесконечного продолжения двух бедствий, отмеченных еще Андроником — ненасытности фискальной администрации и высокомерия знати».[1] Наконец, в 1195 г. против Исаака был составлен заговор его братом Алексеем, который, с помощью некоторой части знати и войска, низложил императора. Исаак был ослеплен и брошен в тюрьму, а его брат Алексей стал императором. Он известен как Алексей III Ангел (1195—1203), или Ангел Комнин, прозываемый иногда Бамбакорабд (Βαμβακοράβδης).[2]

Новый император по своим внутренним качествам и способностям почти ничем не отличался от своего брата. Та же безумная расточительность, то же отсутствие всякого политического таланта и интереса к управлению и военная неспособность быстрыми шагами вели империю по пути распада и унижения. Не без злой иронии замечает об Алексее III историк Никита Акоминат: «Какую бы бумагу ни поднес кто царю, он тотчас подписывал, будь там бессмысленный набор слов, и если бы проситель требовал, чтобы по суше плавали на кораблях, а море пахали, или чтобы переставили горы на середину морей, или, как говорится в басне, чтобы Афон поставили на Олимп».[3] Поведение императора находило подражателей среди столичной знати, которая наперебой друг перед другом старалась соперничать в тратах и роскоши. Восстания происходили как в столице, так и в провинциях. Жившие в Константинополе иностранцы, венецианцы и пизанцы, устраивали кровавые столкновения между собой на улицах столицы. Внешние отношения точно также не отличались успехами.

Между тем, сыну низвергнутого Исаака II, молодому царевичу Алексею удалось бежать на пизанском корабле из Византии в Италию, откуда он проехал в Германию ко двору германского государя Филиппа Швабского, женатого на Ирине, дочери низложенного Исаака Ангела и сестре бежавшего в Западную Европу царевича Алексея. Это было время начала четвертого крестового похода. Царевич просил у папы и у германского государя, своего зятя, помочь вернуть византийский престол слепому отцу Исааку. После целого ряда сложных обстоятельств, Алексею удалось направить крестоносцев на венецианских кораблях вместо предполагавшегося Египта на Константинополь. Крестоносцы в 1203 году захватили столицу Византии и, низложив Алексея III, восстано-

---

[1] *F. Cognasso*. Un imperatore Bizantino... Bessarione, anno XIX, vol. XXXI, 1915, p. 59. То же отдельным изданием — p. 33.

[2] См.: *N. A. Bees*. Bambacoratius, ein Beiname des Kaisers Alexios III Angelos (1195—1203). — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. III, 1922, S. 285—286.

[3] Historia. Bonn ed., pp. 599—600.

вили на престоле престарелого, лишенного зрения Исаака (1203—1204) и посадили его сына Алексея рядом с отцом на троне в качестве соправителя (Алексей IV). Крестоносцы же остались около Константинополя, ожидая от Исаака и Алексея выполнения заключенных с ними условий.

Однако, невозможность со стороны императоров выполнить эти условия и их полное подчинение воле стоявших вблизи крестоносцев, вызвали возмущение в столице, которое завершилось провозглашением императором некоего Алексея V Дуки Мурзуфла (1204), родственника фамилии Ангелов, женатого на дочери Алексея III. Исаак II и Алексей IV погибли во время смуты. Тогда крестоносцы, видя, что главная их опора в столице, в лице двух погибших государей, исчезла, и что Мурзуфл, выступивший под знаменем антилатинского движения, является их врагом, решили взять Константинополь для себя. После упорного штурма латинян и отчаянного сопротивления столицы, Константинополь 13 апреля 1204 года перешел в руки западных рыцарей и подвергся ужасающему разгрому и разграблению. Император Мурзуфл успел бежать из города. Византийская империя пала, и на ее месте образовалась феодальная Латинская империя со столицей в Константинополе и рядом вассальных государств в различных областях Восточной империи.

Греческая по своему происхождению династия Ангелов, или Ангелов—Комнинов, не давшая империи ни одного более или менее талантливого императора, ускорила гибель ослабевшего извне и разъединенного внутри государства.

Отношение к норманнам и туркам. Образование Второго Болгарского царства

В момент революции 1185 года, низвергшей Андроника I и возведшей на престол Исаака Ангела, положение империи было очень опасным. Сухопутные войска норманнов, после взятия Фессалоники, двигались к столице, около которой уже находился норманский флот. Однако, опьяненные своими успехами норманны, занявшись грабежом захваченных областей и относясь пренебрежительно к византийскому войску, потерпели от последнего поражение и вынуждены были очистить Фессалонику и Диррахий. Эта неудача норманнов на суше заставила удалиться из-под Константинополя их корабли. Мирный договор, заключенный между Исааком Ангелом и Вильгельмом II, закончил столь грозную для Византии норманскую войну. Что касается сельджукской опасности в Малой Азии, то Исаак Ангел смог на некоторое время ослабить ее лишь щедрыми подарками и ежегодной данью турецкому султану.

Для Исаака Ангела было в высшей степени крупной удачей прекращение, хотя бы и временное, враждебных действий с норманнами, так как в первые же годы его правления на Балканском полуострове разыгрались события чрезвычайной важности для империи. Покоренная еще во времена Василия II Болгаробойцы Болгария, после нескольких неудачных попыток возвратить себе независимость, свергла византийское иго и в 1186 году образовала так называемое Второе Болгарское царство. В конечном успехе болгарского движения сыграли видную роль не только славяне, но и тюркский элемент в лице половцев, или куманов, и романский элемент в лице валахов, или румын. Особенно валахи принимали живое участие в восстании на стороне болгар.

Во главе этого движения стояли два брата, Петр (или Калопетр) и Асень. Вопрос об их происхождении, так же как и об участии валашского элемента в восстании 1186 года, обсуждался многократно. Историки ранее полагали, что оба брата выросли среди валахов и приняли их язык. «В лице вождей, — говорил В. Г. Васильевский, — воплощалось именно то слияние двух национальностей, болгарской и валашской, в одно целое, которое действительно обнаруживается во всех рассказах о борьбе за освобождение и которое отмечено новыми историками».[1] В последнее время болгарские историки стали связывать происхождение Петра и Асеня с кумано-болгарским этническим элементом на севере Болгарии, стали стремиться уменьшить силу и роль валашско-румынского элемента в 1186 г. и стали считать образование Второго Болгарского царства в Тырново национальным делом болгар.[2] Современные румынские историки, однако, всячески подчеркивают значение той роли, которую сыграли валахи в образовании Второго Болгарского царства и говорят, что династия нового царства была валашского, то есть румынского происхождения.[3]

Известная доля болгарского и румынского национализма оказалась втянутой в рассмотрение этого вопроса, так что представляется необходимым рассмотреть его с максимальной научной беспристрастностью и незаинтересованностью. На основе заслуживающей

---

[1] *В. Г. Васильевский.* Рецензия на соч. Ф. И. Успенского «Образование второго Болгарского царства». — ЖМНП, т. 204, 1879, с. 181.

[2] *П. Мутафчиев.* Владелитѣ на Просекъ. София, 1913, с. 6—7; *В. Златарски.* Потеклото на Петра и Асеня на воданите на възстанието въ 1185 год — Списаникъ на Българската Академия на науките, т. 45, София, 1933, с. 427; *П. Ников.* Второ българскато царство. 1186—1936. София, 1937, с. 23.

[3] См.: *G. Brătianu.* Vicina. I. Contribution à l'histoire de la domination byzantine et du commerce gênois en Dobrogea. — Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine, vol. X, 1923, p. 136; *G. Brătianu.* Recherches sur Vicina et Cetatea Alba. Bucharest, 1943, p. 93.

доверия информации можно сделать вывод о том, что освободительное движение во второй половине XII века на Балканах возникло и энергично поддерживалось в валашской среде предками современных румын. К нему присоединились болгары и в известной мере куманы в областях за Дунаем. Валашское участие в этом важном событии нельзя недооценивать. Лучший современный описываемым событиям греческий источник, Никита Хониат, ясно говорит, что восстание было поднято влахами, что их лидеры, Петр и Асень, принадлежали к тому же народу; что вторая кампания Византийской империи в это время была направлена против влахов; что после смерти Петра и Асеня империя влахов перешла в руки их младшего брата Ивана. Во всех тех случаях, когда Никита упоминал болгар, он упоминал их имя вместе с влахами: болгары и влахи.[1] Западный священнослужитель Анасберт, который сопровождал императора Фридриха Барбароссу в крестовом походе (1189—1190), рассказывал, что на Балканах император должен был сражаться против греков и влахов и называет Петра, или Калопетра, «императором влахов и большей части болгар» (Blacorum et maxime partis Bulgarorum dominus), или «императором влахов и куманов», или просто «император влахов, который назывался ими императором Греции» (Kalopetrus Bachorum [Blachorum] dominus itemque a suis dictus imperator Grecie).[2] Наконец, папа Иннокентий III в своих письмах к болгарскому царю Ивану (Калояну) в 1204 году обращался к нему «царь болгар и влахов» (Bulgarorum et Blacorum rex). В своем ответе папе Иван называет себя «императором всех болгар и влахов» (imperator omnium Bulgarorum et Blacorum), однако же он подписывается «император Болгарии Калоян» (imperator Bulgariae Calojoannes), архиепископ Тырново называет себя «примас всей Болгарии и Влахии» (totius Bulgariae et Blaciae Primas).[3]

Среди валахов, начавших освободительное движение, болгары, без сомнения, играли активную роль и, возможно, немало способствовали внутренней организации нового царства. Куманы также участвовали в этом движении. Новое болгарское царство в этническом смысле было валашско-болгарско-куманским, а его династия, если утверждение Никиты Хониата можно принять, была валашской.[4]

---

[1] *Nicetas Choniates*. Historia, Bonn ed., pp. 482, 485, 487—489, 516, 622.

[2] *Ansbertus*. Historia de expeditione Frederici Imperatoris. (Fontes rerum Austriacarum, Scriptores, V, 1—90). Wien, 1863, pp. 26, 44, 48, 54.

[3] *Innocentii III* Epistolae, VI, VII, VIII, IX, XI, XII. — PL, vol. CCXV, cols. 287, 290, 292—293, 294, 295, 295—296.

[4] По поводу образования Второго Болгарского царства см. старую, но весьма хорошую монографию К. Р. Хёфлера (*K. R. von Höfler*. Abhand-

Причиной восстания было недовольство византийским владычеством, ощущавшееся и валахами, и болгарами, а также их стремление к независимости. Время, казалось, было особенно благоприятно для них, так как империя, переживая еще последствия смуты времени Андроника и революции 1185 года, не могла с надлежащими средствами приступить к ликвидации восстания. Никита Хониат с наивностью пишет о том, что причиной восстания стало отнятие скота у валахов для празднеств по случаю свадьбы Исаака Ангела с дочерью короля Венгрии.[1]

Петр, этот «отпавший лукавый раб», как его назвал митрополит афинский Михаил Акоминат,[2] и Асень сперва понесли несколько поражений от византийских сил, однако они смогли заручиться поддержкой от куманов, живших по ту сторону Дуная. Борьба стала для империи более трудной, и в конце концов Петру и Асеню удалось заключить своего рода соглашение. Петр с самого начала восстания принял царский титул, теперь же он надел подобающие одежды и принял знаки царского достоинства. Новое болгарское царство со столицей в Тырново было признано независимым от Византии. Была признана и независимость национальной церкви.[3] Новое царство известно как Болгарское царство Тырново.[4]

Одновременно с болгарским восстанием происходило аналогичное движение в сербских землях, где основатель династии Неманичей, великий жупан Стефан Неманя, положивший начало

---

lungen aus dem Gebiete der slavischen Geschichte. I. Die Walachen als Begründer des zweiten bulgarischen Reiches der Asaniden, 1186—1257. (Sitzungsberichte der philosophisch-historische Klasse der Akademie der Wissenschaften, Bd. XCV). Wien, 1879, S. 229—245). Если не ошибаюсь, эта монография до 1943 г. никогда не упоминалась исследователями, занимавшимися этим вопросом. См.: *N. Bănescu*. Un problème d'histoire médiévale: Création et caractère du Second Empire Bulgare. Bucharest, 1943, pp. 84—93. Г. А. Острогорский заметил, что в движении, начатом Петром и Асенем, валахи играли значительную роль. (*G. Ostrogorsky*. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940, S. 287, n. 3). См. также: *R. L. Wolff*. The Second Bulgarian Empire. Its Origin and History to 1204. — Speculum, vol. 24, 1949, pp. 167—206.

[1] *Nicetas Choniates*. Historia, Bonn ed., p. 481.

[2] Μιχαὴλ 'Ακομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζώμενα. Ed. S. Lampros, vol. I, pp. 246—247.

[3] *П. Ников*. Приносъ къмъ историческото изворознание на България и къмъ историята на българската църква. — Списание на Българската Академия на науките, т. XX). София, 1921, с. 8—13; *В. Н. Златарски*. История на Българската държава презъ средните векове, т. 2. София, 1934, с. 441—483.

[4] *В. Н. Златарски*. Там же. См. также: *П. Ников*. Българската дипломатия от началото на XIII векъ. — Българската историческа библиотека, т. 1, 1928, с. 76—77.

объединению Сербии, вступил в союзные отношения с Петром болгарским для общей борьбы против империи.[1]

В 1189 году германский государь Фридрих Барбаросса, как участник третьего крестового похода, двигался через Балканский полуостров по направлению к Константинополю. Сербы и болгары возымели намерение использовать момент и при помощи Фридриха добиться своей цели. Во время своего пребывания в Нише германский государь принимал сербских послов и самого великого жупана Стефана Неманю и там же вел переговоры с болгарами. Сербы и болгары предлагали крестоносцам союз против византийского императора, но под тем условием, чтобы Фридрих позволил Сербии присоединить Далмацию и сохранить отвоеванные от Византии земли, а Асеням предоставил бы в бесспорное владение Болгарию и обеспечил за Петром императорский титул. Насколько можно судить, Фридрих не дал им решительного ответа и двинулся дальше.[2] Один историк XIX века, В. Г. Васильевский, по этому поводу замечает: «Был момент, когда разрешение славянского вопроса на Балканском полуострове находилось в руках западного императора; был момент, когда Барбаросса почти готов был принять содействие болгарского и сербского вождей против Византии, что неминуемо повело бы к разрушению Греческой империи».[3]

Вскоре после перехода крестоносцев в Малую Азию византийское войско понесло сильное поражение от болгар. Сам император с трудом спасся от плена. «Многочисленная потеря убитыми, — по словам источника, — наполнила города плачем и заставила деревни петь горькие песни».[4]

В 1195 году, как известно, произошел в Византии государственный переворот, лишивший престола и зрения Исаака и возведший на трон его брата Алексея. Последний должен был прежде всего заботиться об укреплении своем на престоле и начал даже поэтому с болгарами мирные переговоры. Но последние предъявили неприемлемые условия. Спустя некоторое время, в 1196 году, благодаря греческим происками, оба брата — Асень, а позднее Петр, погибли от руки убийц. После этого в Болгарии воцарился их младший брат Иоанн, живший прежде заложником в Константинополе и прекрасно изучивший византийские нравы. Это и был знаменитый царь Калоян, «с 1196 года гроза греков, а после и латинян».[5]

---

[1] См.: *C. Jireček*. Geschichte der Serben, t. I. Gotha, 1911, S. 270.
[2] Там же, S. 271—272.
[3] *В. Г. Васильевский*. Рецензия на сочинение Ф. И. Успенского... — ЖМНП, т. 204, 1879, с. 196—197.
[4] *Nicetas Choniates*. Historia, Bonn ed. p. 565.
[5] *В. Г. Васильевский*. Рецензия на сочинение Ф. И. Успенского... — ЖМНП, т. 204, с. 203.

Византия не могла справиться с новым болгарским государем, который, вступив в сношения с папой Иннокентием III, получил через его легата королевский венец. Болгары признали папу своим верховным главой, и тырновский архиепископ был возведен в звание примаса.

Таким образом, во время династии Ангелов Византия на Балканском полуострове получила сильного соперника в лице болгарского государя. Второе Болгарское царство, усилившееся к концу правления Ангелов, сделалось настоящей грозой для сменившей их Латинской империи.

Третий крестовый поход и Византия

После безрезультатного второго крестового похода положение христианских владений на Востоке продолжало вызывать серьезные опасения: внутренние раздоры между князьями, придворные интриги, споры между духовно-рыцарскими орденами, преследование частных интересов — все это еще более ослабляло христиан и облегчало поступательное движение мусульман. Наиболее важные центры христианских владений, Антиохия и Иерусалим, не обладали достаточной силой для успешной защиты. Энергичный властитель Сирии Нур-ад-Дин Махмуд, завладев в середине XII века Дамаском, стал грозить Антиохии. Но настоящая опасность вышла из Египта, где курд Саладин, талантливый вождь и тонкий политик с широкими планами, свергнув представителя правившей там династии Фатимидов, завладел в конце шестидесятых годов XII века Египтом и основал династию Айюбидов. Воспользовавшись смертью Нураддина, Саладин завоевал Сирию, а затем большую часть Месопотамии и этим самым окружил Иерусалимское королевство с юга, востока и севера.

В Иерусалиме в это время царила сильная смута, о чем Саладин знал. Получив известие о том, что один из мусульманских караванов, в котором находилась его сестра, разграблен христианами, Саладин вступил в пределы Иерусалимского королевства и у Тивериадского озера (при Хиттине) в 1187 году разбил христианское войско. Король иерусалимский и с ним много других владетельных князей попали в плен. Заняв после этого ряд прибрежных пунктов, как-то: Бейрут, Сидон, Яффу и некоторые другие, и отрезав таким образом возможность для христиан получать подкрепления с моря, Саладин направился к Иерусалиму и без особенного труда осенью того же года завладел Священным Городом. Все принесенные Европой жертвы, все ее религиозное воодушевление не привели ни к чему: Иерусалим снова перешел в руки неверных. Новый крестовый поход был необходим.

Папа на Западе деятельно работал в пользу осуществления крестоносного предприятия. Ему удалось поднять трех государей: французский король Филипп II Август, английский король Ричард I Львиное Сердце и германский государь Фридрих I Барбаросса примкнули к движению. В этом столь блестяще начатом походе отсутствовала общая, руководящая идея. Участники похода прежде всего старались обеспечить для себя добрые отношения правителей тех стран, через которые им приходилось идти. Филипп Август и Ричард направились через Сицилию, для чего должны были завязать дружественные отношения с сицилийским королем. Фридрих Барбаросса, собираясь идти на Восток через Балканский полуостров, завязывал сношения с угорским (венгерским) королем, *великим жупаном Сербии, императором Исааком Ангелом* и даже с султаном Иконийским в Малой Азии, врагом Саладина, т. е. мусульманским государем. Политические комбинации и расчеты заставляли государя-крестоносца не гнушаться мусульманским союзником. В то же самое время христиане имели перед собой в виде противника не разрозненные мусульманские силы, как было раньше, а покрытого победоносной славой, особенно после взятия Иерусалима, талантливого и энергичного Саладина, объединившего в своих руках силы Египта, Палестины и Сирии. Услышав о подготовлявшемся крестоносном походе, Саладин призвал мусульман к неутомимой борьбе с христианами, этими «лающими псами», «безумцами», как он их характеризовал в своем письме к брату.[1] Это был своего рода контркрестовый поход против христиан. Средневековая легенда рассказывает, будто сам Саладин перед тем объездил Европу, чтобы ознакомиться с положением христианских стран.[2] По выражению одного историка, «никогда крестовый поход не имел еще столь ясно выраженного характера поединка между христианством и исламом».[3]

Пройдя благополучно Венгрию, Фридрих Барбаросса углубился в области Балканского полуострова и вступил в известные уже нам переговоры с сербами и болгарами. Для успеха дальнейшего его продвижения было в высшей степени важно, какие отношения установятся между Фридрихом и Исааком Ангелом.

Уже со времени избиения латинян в Константинополе в 1182 году отношения между христианским Востоком и Западом были

---

[1] См.: *R. Röhricht*. Geschichte des Königreichs Jerusalem. Innsbruck, 1898, S. 491.

[2] См.: *Fr. J. da Aquis*. Chronica dell'imagine mondo. (Monumenta Historiae Patria Scriptorum), t. III. Torino, 1848, col. 1561. См. также: *G. Paris*. La Légende de Saladin. — Journal des Savants, 1893, mai, pp. 7—34; *A. Thomas*. La Légende de Saladin en Poitou. — Journal des Savants, 1908, pp. 467—471.

[3] *L. Bréhier*. L'Église et l'Orient au Moyen Âge: les Croisades, p. 121.

натянуты. Сближение Фридриха Барбароссы с постоянными врагами Византии — норманнами, выразившееся в упомянутом выше бракосочетании его сына с наследницей королевства Обеих Сицилий, заставило Исаака еще с большим недоверием относиться к германскому государю. Несмотря на договор, заключенный представителем византийского императора с Фридрихом в Нюрнберге перед выступлением последнего в поход, Исаак Ангел начал сношения с Саладином, против которого и направлялся поход. При дворе Исаака появились послы Саладина. Между ними был заключен союз против Иконийского султана; в силу этого Исаак должен был, по возможности, задерживать на пути Фридриха, а Саладин обещал грекам возвратить Святые Места. Положение Исаака по отношению к Фридриху становилось очень сомнительным. Переговоры Фридриха с сербами и болгарами, явно направленные против Византии, в свою очередь, также не могли не тревожить Исаака.

Между тем крестоносное войско Фридриха заняло Филиппополь. Исаак в своем послании к германскому государю, называя последнего «королем Алеманнии»,[1] а себя «императором ромеев»,[2] упрекал его в намерении завоевать греческое государство, но обещал помочь ему переправиться через Геллеспонт в Малую Азию, если только Фридрих даст ему знатных заложников из немцев и обязуется передать ему половину земель, которые немцы завоюют в Азии. Германские послы, находившиеся в Константинополе, были заключены в темницу. Дело дошло до того, что завоевание Константинополя было уже решенным вопросом для Фридриха, который написал своему сыну Генриху, приказывая собрать у берегов Италии флот и добиться у папы проповеди крестового похода против греков. Между тем, войска Фридриха, захватив Адрианополь, заняли Фракию почти до самых стен Константинополя. Источник отмечает: «Весь город Константинополь дрожит, думая, что уже грозит его разрушение и истребление его населения».[3]

В это трудное время Исаак уступил. Между ним и Фридрихом был заключен мир в Адрианополе, главные условия которого заключались в следующем: Исаак давал суда для перевозки войска Фридриха через Геллеспонт в Малую Азию, вручал заложников и обещал снабжать крестоносцев пропитанием. Весной 1190 года переправа немецкого войска через Геллеспонт состоялась.

---

[1] Никита Хониат также называет Фридриха — Φρεδέρικος ὁ τῶν Ἀλαμανῶν ῥήξ (Фридрих — царь аламанов. — *Науч. ред.*).

[2] *Ansbertus*. Historia de expeditione Frederici Imperatoris, V, 37.

[3] Historia peregrinorum in: *K. Zimmert*. Der Deutsch-Byzantinische Konflikt vom Juli 1189 bis Februar 1190. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XII, 1903, S. 63, n. 2.

Как известно, экспедиция Фридриха окончилась полной неудачей. После изнурительного похода по Малой Азии крестоносное ополчение с трудом дошло до границ государства Малой Армении, в пределах Киликии, где император случайно утонул в реке (1190); после чего его войско рассеялось по разным направлениям. В лице Фридриха сошел в могилу самый опасный враг Саладина.

Поход других двух западноевропейских государей, Филиппа II Августа и Ричарда I Львиное Сердце, отправившихся в Палестину морем из Сицилии, затрагивал гораздо менее интересы Византии. Однако, с именем Ричарда связан вопрос об окончательной утрате Византией острова Кипра, важного стратегического пункта в восточной части Средиземного моря.

Еще во время тирании Андроника I Исаак Комнин, отложившись от него, провозгласил себя Независимым правителем Кипра и вступил в соглашение с королем Обеих Сицилий. Попытка Исаака Ангела вернуть остров кончилась неудачей. Во время похода Ричард Львиное Сердце, раздраженный отношением кипрского правителя к потерпевшим крушение у берегов острова его судам, на которых находились сестра и невеста Ричарда, высадился на Кипре и, победив и низложив Исаака Комнина, передал остров, в конце концов, Гвидо Лузиньяну, экс-королю иерусалимскому. Последний в 1192 году сделался государем Кипра, основав там династию Лузиньянов. От своих призрачных прав на непринадлежавшее в то время христианам Иерусалимское королевство он отказался. Новое латинское государство на Кипре должно было, казалось, играть очень важную роль, в виде стратегической базы, для будущих христианских предприятий на Востоке.

Сам поход окончился ничем. Не достигнув никаких ощутительных результатов, оба государя вернулись в Европу. Иерусалим остался в руках мусульман. Христиане сохранили за собой лишь узкую береговую полосу от Яффы до Тира. Саладин вышел полным победителем.

Генрих VI и его восточные планы

Если велика была опасность для Византии при Фридрихе Барбароссе, то она сделалась еще более грозной при сыне и преемнике его Генрихе VI. Последний, проникнутый идеей Гогенштауфенов о неограниченной, дарованной им Богом императорской власти, уже по одному этому не мог дружественно относиться к другому императору византийскому. Но кроме того, унаследовав, как супруг норманской принцессы Констанции, королевство Обеих Сицилий, он вместе с тем унаследовал и всю упорную вражду норманнов к Византии и их завоевательные планы. Казалось, что на долю Генриха VI должно выпасть исполнение того, чего не сделал его

отец, а именно — присоединение Византии к Западной империи. В Константинополь был отправлен род ультиматума, в котором Генрих требовал от Исаака Ангела уступки ему территории на Балканском полуострове, между Диррахием и Солунью, завоеванной раньше норманнами, но потом возвращенной ими Византии; там же шла речь о возмещении убытков, понесенных Фридрихом Барбароссой во время крестового похода,[1] и о помощи Генриху флотом для его палестинской экспедиции. Исаак едва успел отправить к нему посольство, как был в 1195 году низвергнут с престола и ослеплен своим братом Алексеем III.

Со времени последнего государственного переворота в Византии поведение Генриха VI стало еще более угрожающим. Устроив брак своего брата Филиппа Швабского с дочерью низложенного императора Исаака Ириной, он создал для первого некоторые права на Византию. В лице Генриха VI новый византийский император «должен был опасаться не только западного императора, наследника норманских королей и крестоносца, но прежде всего также мстителя за низвергнутого Исаака и его семью».[2] Подготовляемый Генрихом крестовый поход имел целью столько же Константинополь, сколько Палестину. В его планы входило обладание всем христианским Востоком, включая Византию. Обстоятельства, как казалось, благоприятствовали его стремлениям: к Генриху прибыло посольство от правителя Кипра, прося императора дать ему королевский титул и выражая желание быть «навсегда человеком (т. е. вассалом) Римской империи» (homo imperii esse Romani).[3] С подобной же просьбой о королевском титуле обратился к Генриху правитель Малой Армении (Киликии). Если бы Генриху удалось утвердиться в Сирии, то с помощью вассальных государств Кипра и Малой Армении он мог бы окончательно окружить Византийскую империю.

В такой критический момент для Византии на сторону последней стал папа, прекрасно понимавший, что если мечта Штауфенов об универсальной монархии с включением в нее Византии осуществится, то папство осуждено будет на вечное бессилие. Поэтому папа прилагал все старания, чтобы удержать Генриха от завоевательных планов на Восточную империю, «схизматичность» которой в данном случае, по-видимому, не смущала наследника Петра. Никогда, может быть, по мнению одного историка (Нордена),

---

[1] *Nicetas Choniates*. Historia, Bonn ed., pp. 627—628.

[2] *W. Norden*. Das Papsttum und Byzanz. Die Trennung der beiden Möchte und das Problem ihrer Wiedervereinigund bis zum Untergange des byzantinischen Reichs (1453). Berlin, 1903, S. 128.

[3] Annales Marbacenses, ed. K. Pertz. (Monumenta Germaniae Historica). XVII, 167.

греческий вопрос не терял для папства почти совершенно религиозного характера и не представлялся исключительно вопросом политическим, как в настоящем случае. «Что могла значить для курии духовная победа, если таковая была бы куплена ценой политической ликвидации папства!» Для папства казалось второстепенным вопросом, будет ли Византия, как оплот против западного императорства, католическим или схизматическим государством, будет ли сидеть на византийском престоле законный греческий государь или узурпатор: главное было для папства конца XII века, чтобы византийское государство сохранило свою самостоятельность.[1]

Между тем Генрих отправил грозное послание Алексею III, подобное тому, какое раньше было отправлено Исааку. Алексей мог купить мир только за уплату Генриху громадной суммы; для этого он ввел во всем государстве особую подать, называвшуюся «аламанской» (Ἀλαμανικόν), и снял драгоценные украшения с императорских гробниц в Константинополе.[2] Лишь таким унизительным образом он мог купить мир своего страшного врага. В конце лета 1197 года Генрих прибыл в Мессину, чтобы лично присутствовать при отправлении крестового похода. Был собран громадный для того времени флот, имевший, может быть, своей целью не святые места, а Константинополь. Но в это время молодой, полный сил Генрих заболел лихорадкой и осенью того же 1197 года умер. С его смертью рушились обширные планы Генриха; вторично в короткое время Восток ускользал от Гогенштауфенов. Византия с великой радостью встретила смерть Генриха и освобождение от «аланской подати». Свободно вздохнул и папа.

Деятельность Генриха VI, показав полное торжество политической идеи в крестоносных предприятиях, имела и для грядущих судеб Византии очень важное значение: «Генрих определенно поставил вопрос о Византийской империи, разрешение которого вскоре окажется как бы предварительным условием успеха крестовых походов».[3]

Тот факт, что Генрих VI мечтал о мировой монархии и о завоевании Константинополя, теперь некоторыми историкамми решительно отвергается. Они подчеркивают, что подобное утверждение базируется исключительно на авторитете византийского историка этого времени, Никиты Хониата, и что западные историки не сообщают никакой информации по этому поводу. Эти исследователи утверждают, что вывод, подчеркнутый В. Норденом, которому затем последовал Л. Брейе, не является истинным. Они по-

---

[1] *W. Norden*. Das Papsttum und Byzanz, S. 130, 132.
[2] *Nicetas Choniates*. Historia, Bonn ed., pp. 631—632.
[3] *L. Bréhier*. L'Église et l'Orient au Moyen Âge: les Croisades, p. 143.

лагают, что в 1198 г. у Генриха не было серьезных умыслов и замыслов какого бы то ни было нападения на Византию, что крестовый поход Генриха никак не был связан с византийской политикой и что планы основания всемирной монархии Генрихом относятся к области фантазий.[1] Однако нельзя отбросить свидетельство современника, Никиты Хониата, который пишет об агрессивности планов Генриха по отношению к Византии. Такая политика, кроме того, была непосредственным продолжением и результатом политики его отца, Фридриха Барбароссы, который в ходе третьего крестового похода был близок к захвату Константинополя.[2] Вот почему политика Генриха VI была политикой не только крестоносца, но также и политикой человека, поглощенного иллюзорной идеей создания всемирной монархии, в которой Византия должна была стать самой важной частью.

Четвертый крестовый поход и Византия

Четвертый крестовый поход представляет собой в высшей степени сложное историческое явление, в котором нашли свое отражение самые разнообразные интересы и переживания; высокий религиозный порыв, надежда на воздаяние в будущей жизни, жажда духовного подвига и верность взятому на себя крестоносному обету перемешивались с жаждой приключений и наживы, склонностью к путешествиям и феодальной привычкой проводить жизнь в войне. Но в четвертом походе можно отметить специальную черту, которая, правда, давала уже себя чувствовать и в предыдущие походы: в нем получили особенное преобладание мирские чувства и материальные интересы над порывами духовно-религиозными, что с полной очевидностью выразилось во взятии крестоносцами Константинополя и основании Латинской империи.

В конце XII века, особенно в эпоху Генриха VI, германское влияние было преобладающим в Италии, а его уже известные нам восточные планы являлись грозной опасностью для Восточной империи. После его неожиданной смерти обстоятельства изменились.

---

[1] См.: *E. Traub*. Der Kreuzzugsplan Kaiser Heinrichs VI im Zusammenhang mit der Politik der Jahre 1195—1197. Jena, 1910, S. 51—52, 60; *W. Leonhardt*. Der Kreuzzugsplan Kaiser Heinrichs VI. Leipzig, 1913, S. 63, 67, 89. Ср.: *F. Dölger*. Corpus der griechischen Urkunden, Bd. II, S. 101 (n. 1619). Точка зрения Леонхарда принята Й. Халлером — *J. Haller*. Kaiser Heinrich VI. — Historische Zeitschrift, Bd. CXIII, 1914, S. 488—489, и в особенности — S. 503.

[2] См. письмо, отправленное Фридрихом Барбароссой своему сыну и наследнику Генриху из Филиппополя незадолго до своей смерти в 1189 г. Опубликовано в: *J. F. Böhmer*. Acta imperii selecta. Innsbruck, 1870, p. 152.

Новый избранный в 1198 году папа, знаменитый Иннокентий III, задался целью восстановить папский авторитет, подорванный политикой германских государей, в полной силе и стать самому во главе христианского движения против ислама. Италия встала на сторону папы в его борьбе с германским преобладанием. Видя главного врага папства и Италии в Гогенштауфенах, папа стал поддерживать в Германии Оттона Брауншвейгского, избранного частью Германии королем против Гогенштауфена Филиппа Швабского, брата покойного Генриха VI. Казалось, что и для византийских императоров, по мнению одного историка, представлялся прекрасный случай осуществить планы Комнинов, а именно, на месте немецкого универсального государства создать такое же византийское. По крайней мере, в таком смысле, вероятно, писал император Алексей III папе Иннокентию III в год избрания последнего на папский престол: «Мы являемся двумя единственными мировыми силами: единая римская церковь и единая империя наследников Юстиниана; поэтому мы должны соединиться и постараться воспрепятствовать новому усилению могущества западного императора, нашего соперника».[1] В действительности тяжелое внешнее и внутреннее положение Византии не позволяло надеяться на возможность успеха столь обширных планов.

Но Иннокентий III желал видеть в восточном императоре не схизматика, для чего открыл переговоры об унии. Последние затянулись, и раздраженный папа в одном из своих позднейших писем грозил Алексею III, по всей вероятности лишь для виду, в случае упорства последнего, поддержать в правах на византийский престол семью низложенного и ослепленного им Исаака,[2] дочь которого, как выше отмечено, была замужем за германским государем Филиппом Швабским. Алексей III, однако, на унию не соглашался и в одном из своих писем выставил даже положение, что императорская власть выше духовной.[3] Вследствие этого отношения между Римом и Византией сделались несколько натянутыми.

Не переставая вести переговоры с Константинополем и политическую игру в Германии, Иннокентий III проявлял кипучую деятельность в деле организации общего крестового похода, в котором западное и восточное христианство должны были бы слиться воедино для достижения общей цели освобождения святых мест из рук неверных. Папские послания были отправлены ко всем христианским государям; папские легаты обходили Европу, обещая

---

[1] *W. Norden.* Das Papsttum und Byzanz, S. 134. Такой вывод сделан Норденом на основании письма Иннокентия III к Алексею III. См.: *Innocentii III* Epistolae, I, 353. (PL, vol. CCXIV, col. 326—327).

[2] Epistolae, V, 122 (PL, vol. CCXIV, col. 1123—1124).

[3] PL, vol. CCXIV, col. 1082—1083.

участникам похода отпущение грехов и целый ряд мирских, житейских выгод; красноречивые проповедники воодушевляли народные массы. В одном из своих посланий Иннокентий, описав печальное положение Святой Земли и высказав свое негодование против государей и князей его времени, отдававшихся удовольствиям и междоусобным распрям, описывает, что думают и говорят о христианах мусульмане, которых папа называет в послании язычниками. Папа писал: «Наши враги нас оскорбляют и говорят: где ваш Бог, который не может освободить из наших рук ни себя, ни вас? Мы осквернили ваши святыни, протянули руки к предметам вашего почитания, яростно напали на святые места. Мы держим вопреки вам эту колыбель суеверия ваших отцов. Мы ослабили и сломали копья французов, усилия англичан, крепость немцев, героизм испанцев. К чему привела вся эта храбрость, которую вы возбудили против нас? Где же ваш Бог? Пусть Он поднимется и вам поможет! Пусть Он покажет, как Он защищает вас и себя... Нам более ничего не остается, как после избиения защитников, оставленных вами для охраны страны, напасть на вашу землю, чтобы уничтожить ваше имя и память о вас. Что можем мы ответить, — продолжает Иннокентий III, — на подобные нападки? Как отразить их оскорбления? Ведь то, что они говорят, есть отчасти сама истина... Поскольку язычники безнаказанно проявляют свой гнев во всей стране, постольку христиане более не смеют выходить из своих городов. Они не могут в них оставаться без содрогания. Извне их ожидает сабля (неверного), внутри они цепенеют от страха».[1]

Из крупных западноевропейских государей ни один не отозвался на призыв Иннокентия III. Французский король Филипп II Август находился под церковным отлучением за свой развод с женой; английский король Иоанн Безземельный, только что вступивший на престол, должен был прежде всего укрепиться на троне и вел упорную борьбу с баронами; наконец, вспыхнувшая в Германии борьба за престол между Оттоном Брауншвейгским и Филиппом Швабским не позволяла ни одному из них покинуть страну. Лишь король венгерский принял крест. Зато лучший цвет западного рыцарства, особенно из северной Франции, принял участие в походе. Тибо (Теобальд) Шампанский, Балдуин Фландрский, Людовик Блуасский и многие другие приняли крест. В состав крестоносного ополчения вошли французы, фламандцы, англичане, немцы, сицилийцы.

Центральной же фигурой похода был венецианский дож Энрико Дандоло, типичный представитель Венеции по уму и характеру. Несмотря на то, что ему в момент вступления на престол было

---

[1] Epistolae, I, 336. (PL, vol. CCXIV, col. 309).

уже около восьмидесяти лет, а может быть и больше, он по кипучей энергии, по горячему патриотизму и ясному пониманию насущных, главным образом экономических, задач Венеции походил на молодого человека. Когда дело шло о величии и пользе республики св. Марка, Дандоло не стеснялся средствами. Обладая искусством обходиться с людьми, замечательной выдержкой и осторожностью, он представлял собой пример замечательного государственного деятеля, искусного дипломата и, вместе с тем, ловкого коммерсанта.[1]

В момент возникновения четвертого похода отношения между Венецией и Византией не отличались особенным дружелюбием. Легенда рассказывает, что Дандоло лет за тридцать перед тем, во время пребывания в Константинополе в качестве посла, был предательски ослеплен греками при помощи вогнутого зеркала, сильно отражавшего солнечные лучи; это и являлось будто бы причиной глубокой ненависти Дандоло к Византии. Конечно, не на этом факте основывалось взаимное недоверие и соперничество Венеции и Византии. Дандоло, прекрасно понимая, какой неисчислимый источник богатств представлял собой Восток вообще, христианский и мусульманский, для экономического процветания республики, обратил внимание прежде всего на ближайшего соперника, т. е. на Византию. Он требовал, чтобы все торговые привилегии, полученные раньше Венецией в Византии и несколько урезанные при последних Комнинах, начиная с Мануила, были восстановлены в полной мере. Главным образом Дандоло имел в виду уже известные нам события: арест венецианских купцов, захват их судов и конфискацию их имуществ при Мануиле и избиение латинян в 1182 г. Кроме того, дож не мог примириться с тем, что после долгих лет венецианской торговой монополии в Восточной империи, ее императоры стали давать торговые привилегии другим итальянским городам, Пизе и Генуе, чем сильно подрывали венецианское торговое благосостояние. Постепенно в уме дальновидного и хитрого Дандоло созревал план покорения Византийской империи, чтобы таким образом окончательно обеспечить Венеции восточный рынок. Подобно Иннокентию III, Дандоло грозил Алексею III поддержкой прав на престол семье низложенного и ослепленного брата Исаака Ангела.

Итак, в подготовительной истории четвертого крестового похода на первый план выступили два лица: папа Иннокентий III, представитель начала духовного в походе, искренно желавший вырвать святые места из рук мусульман, увлеченный мыслью об унии с Восточной церковью, и дож Энрико Дандоло, представитель начала мирского, житейского, ставивший прежде всего материальные, торговые интересы. Затем немалое влияние на ход похода оказали

---

[1] *Ch. Diehl.* Une République patricienne. Venise, pp. 47—48.

еще два лица: византийский царевич Алексей, сын низложенного Исаака Ангела, бежавший из Константинополя на Запад, и германский государь Филипп Швабский, женатый на дочери того же Исаака Ангела и сестре царевича Алексея.

Главой крестоносного ополчения был избран Тибо Шампанский, который, пользуясь всеобщей любовью и уважением, являлся как бы душой предприятия. Но, к общему горю, Тибо еще до начала похода неожиданно умер. Оставшиеся без вождя крестоносцы избрали нового главу в лице Бонифация, маркиза Монферратского. Руководящая роль в походе вследствие этого перешла из рук Франции в руки итальянского князя.

Палестина в то время, как известно, принадлежала египетской династии Айюбидов, в среде которых в конце XII века, после смерти знаменитого Саладина, вспыхнули распри и раздоры, что, казалось, должно было облегчить задачу крестоносцев. К началу четвертого похода главной опорой латинских христиан на Востоке оставались два крупных промышленных центра, Антиохия и Триполи, и прибрежная крепость Акра (Saint-Jean-d'Acre).

Крестоносцы должны были собраться в Венеции, которая за определенную сумму предложила перевезти их на своих судах. Ближайшей целью похода был Египет, под властью которого находилась в то время Палестина; было намерение сначала завоевать Египет, чтобы потом уже с большей легкостью добиться у мусульман возвращения Палестины. Однако, Венеция не хотела приступить к перевозке крестоносцев до уплаты полностью условленной за корабли суммы. Так как у крестоносцев требуемой суммы не оказалось, то Дандоло предложил им в счет невыплаченных денег помочь ему завоевать город Зару (Задр), лежащий на далматинском побережье Адриатического моря, ввиду того, что он незадолго перед тем отпал от Венеции и был передан венгерскому королю, принявшему также, как было сказано выше, крест. Крестоносцы согласились на просьбу дожа и поплыли к Заре, городу, который должен был участвовать в крестовом походе. Таким образом, поход, предпринятый против «неверных», начинался осадой крестоносцами города, где жили такие же крестоносцы. Несмотря на негодование папы и на угрозы его отлучить крестоносное ополчение от церкви, крестоносцы приступом взяли Зару для Венеции и разгромили ее. Выставленные жителями города на стенах распятия не остановили нападающих. Один историк восклицает: «Прекрасное начало для крестового похода!» [1] Дело под Зарой, нанесшее чувствительный удар престижу крестоносцев, дало Дандоло право торжествовать свою первую в этом походе победу. Услышав о взятии Зары и выслушав жалобы венгерского короля на союзников,

---

[1] *H. Kretschmayr.* Geschichte von Venedig, Bd. I. Gotha, S. 290.

Императрица Ирина. Собор Св. Софии,
Константинополь. Мозаика в южной Галерее

т. е. на крестоносцев и венецианцев, папа предал их отлучению. «Вместо того, чтобы достичь обетованной земли, — писал папа крестоносцам, — вы жаждали крови ваших братьев. Сатана, всемирный соблазнитель, вас обманул... Жители Зары повесили распятия на стенах. Не взирая на Распятого, вы произвели штурм и принудили город сдаться... Под страхом анафемы остановитесь в этом деле разрушения и возвратите послам венгерского короля все то, что было у них отнято. В противном случае знайте, что вы подпадаете отлучению и лишаетесь действительно преимуществ, обещанных всем крестоносцам».[1]

На венецианцев угрозы папы и отлучение не произвели впечатления. Крестоносцы же — «франки», употребляли все средства, чтобы добиться снятия отлучения. Наконец, папа, смилостивившись, даровал им отпущение, оставив под отлучением венецианцев. Однако, он определенно не запретил прощенным крестоносцам сноситься с отлученными венецианцами. Их общие действия продолжались.

Во время осады и сдачи Зары в истории четвертого похода выступает новое лицо — византийский царевич Алексей Ангел, сын низвергнутого и ослепленного Алексеем III брата последнего, Исаака. Царевич Алексей, спасшись из темницы, бежал на Запад с целью добиться помощи для возвращения трона своему несчастному отцу. После безрезультатного свидания в Риме с папой, царевич направился на север, в Германию, к своему зятю, германскому государю Филиппу Швабскому, женатому, как известно, на Ирине, сестре Алексея и дочери Исаака. Ирина, по словам византийского историка той эпохи Никиты Акомината, просила мужа помочь брату, который «без крова и отечества странствует подобно звездам блуждающим и ничего не имеет с собой, кроме собственного тела».[2] Какой-либо ощутительной материальной поддержки Филипп, будучи в данный момент занят борьбой внутри государства с Оттоном Брауншвейгским, оказать царевичу не мог; но он отправил посольство в Зару с просьбой к Венеции и крестоносцам помочь Исааку и его сыну Алексею в восстановлении их на византийском престоле. Царевич обещал за такую помощь подчинить Византию в религиозном отношении Риму, заплатить крестоносцам крупную сумму денег и, после восстановления его отца на престоле, принять лично участие в крестовом походе.

---

[1] Таково в общих чертах содержание письма Иннокентия III — *Innocentii III* Epistolae, V, 161 (PL, vol. CCXIV, col. 1178—1179). См. также: *A. Luchaire*. Innocent III: la question d'Orient. Paris, 1907, pp. 103—105.

[2] *Nicetas Choniates*. Historia, Bonn ed., p. 712.

Таким образом, поднимался вопрос о возможности полного изменения в направлении похода и его характера. Дож Дандоло сразу оценил все выгоды для коммерческой Венеции в предложении Филиппа. Главная роль в походе на Константинополь и в восстановлении низложенного Исаака на византийском престоле открывала дожу обширные горизонты. Но крестоносцы не сразу согласились на предлагаемое изменение и требовали, чтобы поход не уклонялся от своей первоначальной цели. Однако, в конце концов обе стороны пришли к соглашению.

Большая часть крестоносцев решилась принять участие в походе на Константинополь с тем, чтобы после короткого там пребывания направиться, как раньше было определено, в Египет. Итак, в Заре был заключен между Венецией и крестоносцами договор о завоевании Константинополя. Сам царевич Алексей в это время явился в лагерь под Зарой. В мае 1203 года флот с Дандоло, Бонифацием Монферратским и царевичем Алексеем отплыл от Зары и через месяц появился уже перед Константинополем.

Наша Новгородская летопись, в которой сохранился подробный, еще недостаточно обследованный рассказ о четвертом крестовом походе, о взятии крестоносцами Константинополя и об основании Латинской империи, замечает о только что изложенном моменте похода: «Фрязи же и вси воеводы их възлюбиша злато и сребро, иже меняшеть (т. е. обещал) им Исааковиць (т. е. царевич Алексей Исаакович), а царева веления забыша и папина (т. е. папы)».[1] Русская точка зрения, таким образом, заклеймила отклонение крестоносцев от первоначальной цели. Новейший исследователь этого Новгородского сказания П. Бицилли признает его большую ценность и замечает, что «оно дает особую т е о р и ю, объясняющую поход против крестоносцев на Византию», которая заключается в том, что «этот поход был решен с о в м е с т н о папой и Филиппом Швабским, о чем не говорит н и о д и н западноевропейский источник».[2]

Большое количество исследователей занималось проблемой четвертого крестового похода. Главное их внимание было уделено вопросу об изменении направления крестового похода. Одни ученые объясняли весь необычный ход крестоносного предприятия случайными обстоятельствами, являясь представителями так называемой теории случайностей. Другие ученые видели причину изменения в преднамеренной политике Венеции и Германии, являя собой представителей так называемой теории преднамеренности.[3]

---

[1] Новгородская летопись по синодальному харатейному списку. СПб., 1881, с. 181.

[2] *П. Бицилли.* Новгородская летопись о IV крестовом походе. — Исторические известия, 1916, № 3—4, с. 55.

[3] Историю этого вопроса см.: *П. Митрофанов.* Изменение в направлении четвертого крестового похода. — ВВ, т. IV, 1897, с. 461—523. См.

До шестидесятых годов XIX столетия никакого спора по данному вопросу не существовало, так как все историки руководствовались главным образом показаниями главнейшего западного источника четвертого похода и его участника, французского летописца, маршала Шампани, Жоффруа Виллардуэна (Geoffroi de Villehardouin). В его изложении события развивались просто и случайно: крестоносцы, не имея кораблей, наняли их у Венеции, что заставило их собраться там; наняв корабли, они не смогли заплатить республике св. Марка полностью условленную сумму и вынуждены были помочь венецианцам в их распре с Зарой; далее следовало появление царевича Алексея, склонившего крестоносцев к походу на Византию. Здесь не было речи ни о какой-либо измене со стороны Венеции, ни о какой-либо сложной политической интриге.

Впервые в начале шестидесятых годов французский ученый Мас-Латри (Mas-Latrie), автор известной истории острова Кипра, выставил обвинение Венеции в том, что она, имея крупные торговые выгоды в Египте, заключила тайный договор с египетским султаном и вследствие этого искусно заставила крестоносцев оставить первоначальный план похода на Египет и направиться против Византии.[1] Затем немецкий византинист Карл Гопф (Hopf), казалось, окончательно доказал измену венецианцев христианскому делу, утверждая, что договор Венеции с египетским султаном был заключен 13 мая 1202 года.[2] Хотя Гопф не привел текста договора и не указал, где последний находится, авторитет немецкого историка был настолько велик, что его точка зрения у многих не вызывала сомнений. Однако, довольно скоро оказалось, что у Гопфа никакого нового документа в руках не было, а сообщенная им дата поставлена была им произвольно. Французский ученый Аното (Hanotaux), исследовав снова вопрос, опровергнул обвинение венецианцев в измене, а, следовательно, и «теорию преднамеренности», по крайней мере в последнем смысле. Но, по мнению того же ученого, если и считать венецианцев главными виновниками изменения пути четвертого похода, то в этом можно усматривать другие причины: желание подчинить возмутившуюся Зару, восстановить на византийском престоле свою креатуру, отомстить Византии за расположение Алексея III к пизанцам и, может быть, надежду при возможном распадении империи получить что-либо в свою пользу. Во всяком случае, теория Гопфа в настоящее время

также: *E. Gerland*. Der vierte Kreuzzug und seine Probleme. — Neue Jahrbücher für das Klassische Altertum, Bd. XIII, 1904, S. 505—514. *H. Kretschmayr*. Geschichte von Venedig. Bd. I. Gotha, S. 480—489.

[1] *M. L. de Mas Latrie*. Histoire de l'île de Chypre sous le règne des princes de la maison de Lusignan. Vol. I. Paris, 1861, pp. 162—163.

[2] *K. Hopf*. Geschichte Griechenlands vom Beginne des Mittelalters bis auf die neuere Zeit. Bd. I. Leipzig, 1867, S. 188.

может считаться опровергнутой.[1] Если же венецианцы в самом деле могут быть обвинены в измене, то во всяком случае они учинили ее не вследствие тайного договора с мусульманами, а исключительно имея в виду свои торговые интересы в пределах Византийского государства.

Но представители «теории преднамеренности» не ограничились только попытками доказать факт измены Венеции. В 1875 г. появился новый мотив, проводимый особенно французским ученым графом Рианом (comte de Riant), который доказывал, что главным виновником перемены направления похода был не Дандоло, а отвергнутый папою Иннокентием III германский король Филипп Швабский, зять низложенного Исаака Ангела, женатый на его дочери и сестре царевича Алексея. В глубине немецкой земли была сплетена искусная политическая интрига, которая должна была направить крестоносцев на Константинополь. Исполнителем же планов Филиппа на Востоке явился Бонифаций Монферратский. В изменении направления похода граф Риан видит один из эпизодов вековой борьбы папства и империи.[2] Своей руководящей ролью в походе Филипп унижал папу и его идею крестового похода; получив в восстановленном византийском императоре союзника, Филипп мог надеяться на успех в его борьбе с папством и своим соперником в Германии Оттоном Брауншвейгским.[3] Однако этой теории Риана был нанесен удар работой В. Г. Васильевского, который показал, что бегство царевича Алексея на Запад имело место не в 1204 году, как думали историки, а в 1202, так что для «сложной, издалека задуманной политической интриги» Филиппа не остается, пожалуй, места и времени; «немецкая интрига окажется, пожалуй, таким же призраком, как и венецианская».[4] К этому надо прибавить добросовестное исследование француза Тессье (Tessier) о том же походе, где французский исследователь на основании разбора и

---

[1] *G. Hanotaux.* Les Vénitiens ont-ils trahi la chrétienté en 1202? — Revue historique, vol. IV, 1887, pp. 74—102. См. также: *L. Streit.* Venedig und die Wendung des vierten Kreuzzugs gegen Konstantinopel, Anklam, 1877, pp. 33—34 — «Дандоло был „auctor rerum", защитник и затем мститель за Венецию».

[2] Хорошо известно, что Иннокентий III поддерживал Оттона Брауншвейгского, соперника Филиппа Швабского.

[3] См.: *P. E. Riant.* Innocent III, Philippe de Souabe et Boniface de Montferrat. — Revue des questions historiques, vol. XVII, 1875, p. 321—374; vol. XVIII, 1875, pp. 5—75; *P. E. Riant.* Le Changement de direction de la quatrième croisade d'après quelques travaux récents. — Revue des questions historiques, vol. XXIII, 1878, pp. 71—114.

[4] *В. Г. Васильевский* в ЖМНП, т. 204, 1879, с. 340. Точка зрения Васильевского была принята западными исследователями. См.: *H. Kretschmayr.* Geschichte von Venedig. Bd. I. Gotha, S. 483.

оценки современных источников, отрицает исключительную роль германского государя и возвращается к признанию наибольшего значения за рассказом Виллардуэна, т. е. возвращается к тому, что было господствующей точкой зрения до начала шестидесятых годов XIX века, т. е. к «теории случайностей». Тессье говорит, что четвертый крестовый поход был французским крестовым походом и что завоевание Константинополя было не германским, не венецианским достижением, а французским.[1] Что же осталось из «теории преднамеренности» Риана? Осталось лишь то, что Филипп Швабский принимал участие в изменении направления похода и имел притязания, подобно Генриху VI, на Восточную империю; но источники не дают права утверждать, что какой-либо руководящий тонкий план, от которого зависела бы судьба всего похода, существовал.

В конце XIX века немецкий историк В. Норден, отрицая окончательно «теорию преднамеренности» и соглашаясь в принципе с «теорией случайностей», углубил последнюю и рассматривал четвертый крестовый поход в рамках отношений Запада к Востоку, стараясь вскрыть внутреннюю связь между четвертым походом и историей предшествующих ста пятидесяти лет.[2]

В результате, в сложной истории четвертого крестового похода действовали разнообразные силы, исходящие от папы, Венеции и германского государя на Западе и из внешних и внутренних условий Византии на Востоке. Все эти силы, переплетаясь между собой и влияя друг на друга, создали в высшей степени сложное явление, не вполне ясное в некоторых сторонах его и по настоящее время. «Это,* — говорит французский историк Люшер, — никогда не будет известно, и у науки есть возможность сделать что-то лучшее,

---

[1] *J. Tessier.* Quatrième croisade. La diversion sur Zara et Constantinople. Paris, 1884, pp. 183—184. В связи с книгой Тессье, можно обратить также внимание на весьма интересную статью Ф. Чероне — *F. Cerone.* Il Papa ed i Veneziani nella quarta crociata. — Archivio Veneto, vol. XXXVI, 1888, pp. 57—70, 287—297.

[2] *W. Norden.* Der vierte Kreuzzug im Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zu Byzanz. Berlin, 1898, S. 105—108; *W. Norden.* Das Papsttum und Byzanz, S. 152—155.

* Если взглянуть на данную цитату непредвзятым взглядом со стороны, то нельзя не заметить следующего — не ясно, к чему именно относится цитата Люшера и что именно, согласно этому исследователю, наука не будет знать. Во многом сложность проблем, связанных с четвертым крестовым походом, представляется надуманной и — в чем-то — искусственно созданной. Слишком неприглядной представляется во всех этих событиях роль папы и благородного на словах рыцарства, легко забывших о Гробе Господнем ради возможности грабежа своих же собратьев по вере.

чем дискутировать неразрешимую проблему».[1] А. Грегуар недавно зашел столь далеко, что сказал: «на деле нет проблемы четвертого крестового похода».[2]

Однако совершенно ясно, что среди всех планов, надежд и осложнений над всем преобладала твердая воля Дандоло и его непоколебимая решительность развивать торговую деятельность Венеции, для которой обладание восточными рынками обещало неограниченное богатство и блестящее будущее. Кроме того, Дандоло был обеспокоен возрастанием экономического могущества Генуи, которая в это время на Ближнем Востоке и в Константинополе в частности, начинала завоевывать сильные позиции. Экономическое соперничество между Венецией и Генуей также нужно принимать во внимание, когда обсуждается проблема четвертого крестового похода.[3] Наконец, невыплаченный Византией долг Венеции за венецианскую собственность, захваченную Мануилом Комнином, также может иметь известное отношение к изменению направления четвертого крестового похода.[4]

В конце июня 1203 года крестоносный флот появился у Константинополя, который тогда, в глазах людей Западной Европы, по словам современного византийского историка Никиты Акомината «представлял собой в совершенстве знаменитый изнеженностью Сибарис».[5] Участник похода, французский писатель Виллардуэн в таких выражениях описывает глубокое впечатление, произведенное на крестоносцев видом византийской столицы:

---

[1] *A. Luchaire.* Innocent III: La Question d'Orient. Paris, 1907, p. 97. См. также: *Ch. Diehl.* The Fourth Crusade and the Latin Empire. — Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 417.

[2] *H. Grégoire.* The Question of the Diversion of the Fourth Crusade. — Byzantion, vol. XV, 1941, p. 166. (В это утверждение А. Грегуара можно вкладывать разный смысл. В чем-то с ним можно согласиться, ибо никакой принципиальной сложности в осмыслении всех обстоятельств этого похода, нет. Как справедливо пишет А. А. Васильев чуть ниже, составляющих, приведших к хорошо известному исходу четвертого крестового похода, было много, взаимодействие их было непростым, однако над всеми участниками и их эмоциями возвышалась воля венецианского дожа, озабоченного проникновением Венеции на восточные рынки и венецианского господства там. — *Науч. ред.*).

[3] См.: *J. K. Fotheringham.* Genoa and the Fourth Crusade. — English Historical Review, vol. XXV, 1910, pp. 20—57. Те же мысли повторены автором в книге «Marco Sanudo Conqueror of the Archipelago». Oxford, 1915, pp. 16—20.

[4] *H. F. Brown.* The Venetians and the Venetian Quarter in Constantinople to the Close of the Twelfth Century. — JHS, vol. XL, 1920, p. 86. Он при этом ссылается на книгу — *E. Besta.* La cattura dei Veneziani in Oriente. Feltre, 1920, p. 19. Я этой книги не видел.

[5] *Nicetas Choniates.* Historia, Bonn ed., p. 717.

«Так вот, вы можете узнать, что они долго разглядывали Константинополь, те, кто его никогда не видел, ибо они не могли и представить себе, что на свете может существовать такой богатый город, когда увидели эти высокие стены, и эти могучие башни, которыми он весь кругом был огражден, и эти богатые дворцы, и эти высокие церкви, которых там было столько, что никто не мог бы поверить, если бы не видел собственными глазами и длину, и ширину города, который превосходил все другие города. И знайте, что не было такого храбреца, который не содрогнулся бы, да это и вовсе не было удивительно; ибо с тех пор, как сотворен мир, никогда столь великое дело не предпринималось таким числом людей».[1]

Казалось, что укрепленная столица могла с успехом противостоять не особенно многочисленным крестоносцам. Однако, последние, высадившись на европейском берегу и овладев предместьем Галатой, на левом берегу Золотого Рога, перерезали защищавшую вход в него железную цепь, проникли в гавань и сожгли много византийских судов. В это же время рыцари пошли на приступ самого города. Несмотря на отчаянное сопротивление, особенно со стороны наемных варяжских отрядов, крестоносцы в июле овладели городом. Безвольный и вялый Алексей III бежал из столицы, успев захватить с собой государственную казну и драгоценности. На престоле восстановлен был освобожденный из заключения Исаак II, а его соправителем был объявлен сын его царевич Алексей, приехавший, как известно, с крестоносцами (Алексей IV). Это была первая осада и первое взятие крестоносцами Константинополя в целях восстановления Исаака II на престоле.

Крестоносцы с Дандоло во главе, восстановив Исаака на престоле, требовали от его сына исполнения данных им обещаний, т. е. уплаты крупной суммы денег и отправления в крестовый поход, на чем уже настаивали западные рыцари. Алексей IV, уговорив крестоносцев не оставаться в Константинополе, а расположиться в его предместьи, и не имея возможности уплатить всю сумму, умолял их дать ему отсрочку. Это повело к обострению отношений между латинянами и византийцами. В самом городе

---

[1] (В своем примечании А. А. Васильев ссылается на английское и французское издание сочинения. В данном случае использован современный русский перевод: *Жоффруа де Виллардуэн.* Завоевание Константинополя. Перевод, статья и комментарии М. А. Заборова. М., 1993, с. 33—34. (§ 128). — *Науч. ред.*). См. детальное исследование Е. Фараля, целью которого было показать, что сочинение Виллардуэна заслуживает доверия как правдивый источник — *E. Faral.* Geoffroy de Villehardouin. La Question de la sincérité. — Revue historique, vol. CLXXVII, 1936, pp. 530—582. Некоторый скептицизм у А. Грегуара — *H. Grégoire.* The Question of the Diversion of the Fourth Crusade. — Byzantion, vol. XV, 1941, pp. 159—165.

росло неудовольствие населения против политики императоров, приносивших интересы государства в жертву крестоносцам. В столице вспыхнуло восстание, в результате которого императором был провозглашен в начале 1204 года честолюбивый Алексей Дука Мурзуфл, свергнувший Исаака II и Алексея IV. Первый вскоре умер в темнице, а Алексей IV был, по приказанию Мурзуфла, задушен.

Мурзуфл, известный под именем императора Алексея V, явился ставленником столичной партии, враждебно настроенной к крестоносцам. Последние не имели к нему никакого отношения, а со смертью Исаака и Алексея IV считали себя в отношении к Византии свободными от всяких обязательств. Столкновение между греками и крестоносцами становилось неизбежным. Крестоносцы приступили к обсуждению плана овладения Константинополем, на этот раз уже для себя. В марте того же 1204 года был выработан и заключен договор между Венецией и рыцарями о разделе Византийской империи после ее завоевания. Договор начинался такими внушительными словами: «Прежде всего мы, призвав имя Христа, должны вооруженной рукой завоевать город».[1] Главные пункты договора были следующие: во взятом городе будет латинское правительство; вся захваченная добыча должна быть разделена союзниками между собой согласно условию; затем образованный из шести венецианцев и шести французов совет изберет императором того, кто, по их мнению, лучше может управлять страной «во славу Бога и святой Римской церкви и империи»; императору должна принадлежать одна четверть завоеваний в столице и вне ее, а также два столичных дворца; остальные три четверти завоеваний должны быть разделены пополам между Венецией и рыцарями; распоряжение храмом Св. Софии и избрание патриарха будет предоставлено той стороне, из которой не будет избран император; все рыцари, получившие крупные владения и более мелкие наделы, должны принести императору феодальную присягу; один лишь дож Дандоло будет освобожден от какой-либо присяги императору.[2] Вот те основания, на которых была устроена будущая Латинская империя.

Установив только что приведенные условия дележа империи, крестоносцы приступили к штурму города с суши и с моря. В течение нескольких дней столица упорно защищалась. Наконец, настал роковой для Византийской империи день — 13 апреля 1204 года, когда крестоносцам удалось овладеть Константинополем. Император Алексей V Дука Мурзуфл, боясь быть захваченным и

---

[1] *G. L. F. Tafel, G. M. Thomas.* Urkunden zur ältern Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. Bd. I, S. 446, 449.

[2] Ibid., S. 446—452.

«попасть, — по выражению источника, — в виде лакомого блюда или десерта в зубы латинян»,[1] бежал. Константинополь перешел в руки крестоносцев. Столица Византийской империи «пала, будучи осажденной криминальной флибустьерской экспедицией, каковым являлся четвертый крестовый поход».[2]

Приступая к изложению событий данного периода, византийский историк Никита Акоминат писал: «В каком настроении должен, естественно, находиться тот, кто будет рассказывать об общественных бедствиях, постигших эту царицу городов (т. е. Царьград) в царствование земных ангелов!» [3]

По взятии города латиняне произвели в течение трех дней невероятный разгром и расхищение всего того, что веками собиралось в Константинополе. Ни церкви, ни церковные святыни, ни памятники искусства, ни частная собственность не были пощажены. В грабеже участвовали как западные рыцари и их солдаты, так и латинские монахи и аббаты.

Никита Хониат, непосредственный свидетель завоевания Константинополя, дал впечатляющую картину грабежей, насилий, святотатств и разорений, учиненных крестоносцами в столице империи: даже мусульмане были более милосердны к христианам после взятия Иерусалима, чем эти люди, которые утверждали, что являются солдатами Христа.[4] Другое впечатляющее описание разграбления Константинополя крестоносцами принадлежит перу другого непосредственного свидетеля событий, Николаю Месариту, митрополиту Эфесскому. Оно приведено в надгробной (funeral) речи Николая по случаю смерти его старшего брата.[5]

В эти три дня, когда крестоносцам было позволено грабить Константинополь,* погибло огромное количество произведений искусства; были разорены библиотеки; уничтожались рукописи. Св. София была безжалостно разграблена. Современник событий Ж. Виллардуэн заметил: «Со времени сотворения мира никогда не было в одном городе захвачено столько добычи».[6] Новгородская летопись останавливается особенно на описании ограбления церквей

---

[1] *Nicetas Choniates*. Historia, Bonn ed., p. 755.
[2] *N. H. Baynes*. Byzantine Civilization. — History, vol. X, 1926, p. 289.
[3] *Nicetas Choniates*. Historia. Bonn ed., p. 710.
[4] Ibid., pp. 757—763.
[5] *A. Heisenberg*. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kircheunion. I. Der Epitaphios des Nikolaos Mesarites auf seinen Bruder Johannes. München, 1923, S. 41—48.
[6] *Жоффруа де Виллардуэн*. Завоевание Константинополя, с. 64 (§ 250).

* Такая формулировка — «when the crusaders were allowed» — появляется только во втором американском издании работы.

и монастырей.[1] Упоминание о разгроме 1204 года нашло свое место и в русских хронографах.[2]

Награбленная добыча была собрана и поделена между латинянами, светскими и духовными. После этого похода вся Западная Европа обогатилась вывезенными константинопольскими сокровищами; редкая западноевропейская церковь не получила чего-либо из «священных останков» Константинополя.[3] Бóльшая часть этих реликвий, оказавшаяся в монастырях Франции, погибла во время Французской революции. Четыре бронзовых коня античной работы, служивших одним из лучших украшений константинопольского ипподрома, были увезены дожем Дандоло в Венецию, где они и до сих пор украшают портал собора Св. Марка.

Никита Акоминат посвящает павшему городу трогательное и длинное обращение со ссылками на ветхозаветный «Плач Иеремии» и Псалмы; начинается обращение такими словами: «О город, город, око всех городов, предмет рассказов во всем мире, зрелище превыше мира, кормилец церквей, вождь веры, путеводитель православия, попечитель просвещения, всякого блага вместилище! И ты испил чашу гнева от руки Господней, и ты сделался жертвой огня, еще более лютого, чем огонь, ниспавший древле на пять городов!»[4] Победителям, между тем, предстояла трудная задача организовать завоеванные земли. Решено было установить, как было и раньше, империю. Возникал вопрос о том, кто будет императором. Наиболее вероятной казалась кандидатура Бонифация Монферратского, стоявшего, как известно, во главе крестового похода. Но, по-видимому, против его кандидатуры высказался Дандоло, считавший Бонифация слишком могущественным и, по его итальянским владениям, слишком близким к Венеции лицом. Сам Дандоло, как дож Венеции, т. е. республики, не претендовал на императорскую корону. Тогда собравшийся совет остановил свой выбор, не без влияния со стороны Дандоло, на более далеком от Венеции и менее могущественном Балдуине Фландрском, который был избран императором и торжественно коронован в Св. Софии.

В момент восшествия на престол Балдуина были живы еще три греческих императора: Алексей III Ангел, Алексей V Дука Мурзуфл и Феодор Ласкарь. Со сторонниками первых двух императоров Балдуину удалось справиться. Об отношениях же Латин-

---

[1] Новгородская летопись по харатейному списку под 1204 г., с. 186—187.

[2] Хронограф редакции 1512 г. СПб., 1911, с. 391—392. (Полное Собрание Русских Летописей, т. XXII).

[3] *P. E. Riant*. Exuviae sacrae constantinopolitanae, vol. I. Génève, 1876, pp. XL—XLVIII.

[4] *Nicetas Choniates*. Historia, Bonn ed., p. 763.

ской империи к Феодору Ласкарю, основавшему империю в Никее, речь будет в следующей главе.

После избрания императора поднимался другой сложный вопрос о дележе завоеванных земель между участниками похода. «Деление Романии» (Partitio Romanie), как латиняне и греки часто называли Восточную империю, было произведено в общем на основах выработанных в марте 1204 года условий.[1] Константинополь был поделен между Балдуином и Дандоло, причем $^5/_8$ города получил император, а остальные $^3/_8$ его и Св. Софию получила Венеция. Кроме $^5/_8$ столицы Балдуин получил южную Фракию и небольшую часть северо-западной Малой Азии, прилегающую к Босфору, Мраморному морю и Геллеспонту, с некоторыми островами в Эгейском море, как например, Лесбосом, Хиосом, Самосом и некоторыми другими. Таким образом, оба берега Босфора и Геллеспонта входили в состав владений Балдуина. Бонифаций Монферратский получил вместо предназначенных владений в Малой Азии Фессалонику с окружающей областью и частью Фессалии и основал Фессалоникское королевство, находившееся в ленной зависимости от Балдуина.

Исключительные выгоды извлекла из дележа «Романии» Венеция, получившая некоторые пункты на Адриатическом побережье, например, Диррахиум, Ионийские острова, большую часть островов Эгейского моря, некоторые пункты в Пелопоннесе, остров Крит, некоторые гавани во Фракии с Галлиполи на Геллеспонте и ряд пунктов внутри Фракии. Дандоло получил, по всей вероятности, византийский титул «деспота», был освобожден от вассальской присяги Балдуину и назывался «властителем четверти с половиной всей империи Романии», т. е. трех восьмых ее (quartae partis et dimidiae totius imperii Romanie dominator); последний титул оставался за дожами до середины XIV века. Согласно договору, храм Св. Софии был отдан в руки венецианского духовенства, и Константинопольским патриархом, т. е. патриархом латинским, был избран венецианец Фома Морозини, внешний облик которого в столь злых выражениях описан у Никиты Акомината, убежденного сторонника греко-восточной православной церкви.[2]

По приобретениям, осуществленным Венецией, видно, что она заняла в новой Латинской империи, весьма слабой по сравнению с могущественной республикой, господствующее положение. В руки республики Св. Марка перешла лучшая часть византийских владений: лучшие гавани, наиболее важные стратегические пункты,

---

[1] Текст этого договора 1204 г. приведен в издании — *G. L. F. Tafel, G. M. Thomas*. Urkunden zur ältern Handels- und Staatsge-schichte... Bd. I, S. 464—488. (Полное библиографическое описание этого издания приведено в прим. 1 на стр. 111 — *Науч. ред.*)

[2] *Nicetas Choniates*. Historia, Bonn ed., pp. 824, 854—855.

ряд плодоносных местностей; весь морской путь из Венеции в Константинополь был во власти республики. Четвертый крестовый поход, создавший «колониальную империю» Венеции на Востоке, дал ей неисчислимые торговые выгоды и возвел республику на высшую ступень ее политического и экономического могущества. Это была полная победа тонкой, продуманной и эгоистически патриотичной политики дожа Дандоло.

Латинская империя была основана на феодальных началах. Завоеванная территория была разделена императором на большое число более или менее крупных феодов, владельцы которых, западные рыцари, должны были приносить ленную присягу Константинопольскому императору.

Бонифаций Монферратский, король Фессалоникийский, двинулся через Фессалию походом на юг в Грецию и завоевал Афины. Афины в средние века были заглохшим, провинциальным городом, где на Акрополе, в древнем Парфеноне, находился православный собор в честь девы Марии. Во время латинского завоевания в начале XIII века афинским архиепископом был уже около 30 лет знаменитый Михаил Акоминат, брат историка Никиты Акомината, оставивший нам богатое литературное наследство в виде речей, стихов, писем, дающих богатый материал для внутренней истории империи во времена Комнинов и Ангелов и о состоянии Аттики и Афин в средние века; эти провинции в произведениях Михаила изображаются в очень мрачном свете, с варварским населением, может быть, славянским, и с варварской речью около Афин, с запустением Аттики и с беднотой ее населения. «Живя долго в Афинах, я сделался варваром», — писал он и сравнивал иногда город Перикла с Тартаром.[1] Усердный печальник средневековых Афин, так много посвятивший времени и труда своей захудалой пастве, Михаил, видя невозможность сопротивляться войскам Бонифация, удалился из своей митрополии и остальное время жизни провел в уединении на одном из островов около берегов Аттики. Латиняне завоевали Афины, которые вместе с Фивами были переданы Бонифацием на ленных условиях бургундскому рыцарю Отто де ля Рош (Otto de la Roche), получившему титул герцога Афин и Фив (dux Athenarum atque Thebarum). Собор на Акрополе перешел в руки латинского духовенства.

В то время как в Средней Греции основалось Афино-Фиванское герцогство, в Южной Греции, т. е. в древнем Пелопоннесе, который часто назывался загадочным по своему этимологическому происхождению наименованием Мореи, образовалось княжество Ахайское, обязанное своим устроением французам.

---

[1] *Michael Acominatos* (*Choniates*). Opera, ed. S. Lampros, vol. II. Athenae, 1879, pp. 44, 127.

Жоффруа Виллардуэн, племянник известного историка, услышав у берегов Сирии о взятии Константинополя крестоносцами, поспешил туда; но, будучи отнесен ветром к южным берегам Пелопоннеса, он высадился там и покорил часть страны. Однако чувствуя, что одними собственными силами ему не удержаться, он обратился за помощью к фессалоникийскому королю Бонифацию, находившемуся, как было отмечено немного выше, в Аттике. Последний даровал право завоевания Мореи одному из своих рыцарей, французу Гийому Шамплитту, из рода шампанских графов, который вместе с Виллардуэном в два года подчинил всю страну. Византийский Пелопоннес, таким образом, в начале XIII века превратился во французское княжество Ахайское, с князем Гийомом во главе, разделенное на двенадцать бароний и получившее западноевропейское феодальное устройство. После Гийома княжеская власть перешла на некоторое время к фамилии Виллардуэнов. Двор Ахайского князя отличался великолепием и, по словам источника, «казался более великим, чем двор какого-нибудь большого короля».[1] По свидетельству другого источника, «там говорили так же хорошо по-французски, как в Париже».[2] Лет двадцать спустя после образования на византийской территории латинских феодальных государств и владений папа в письме во Францию говорил о создании на Востоке «как бы новой Франции» (ibique noviter quasi nova Francia est creata).[3]

Пелопоннесские феодалы строили укрепленные замки с башнями и стенами по западноевропейскому образцу, из которых наиболее известна Мистра, на уступах Тайгета, в древней Лаконии, недалеко от античной Спарты. Это величественное средневековое феодальное сооружение, сделавшееся со второй половины XIII века столицей греко-византийских деспотов в Пелопоннесе, которые отвоевали Мистру из рук франков, еще и в настоящее время поражает ученых и туристов грандиозностью своих полуразвалившихся зданий, являя собой одно из редчайших зрелищ Европы, и хранит в своих церквах в неприкосновенности драгоценные фрески XIV—XV веков, имеющие в высшей степени важное значение для истории византийского искусства эпохи Палеологов. На

---

[1] *Marino Sanudo*. Istoria del regno di Romania in: *C. Hopf*. Chroniques gréco-romanes inédites ou peu connues. Berlin, 1873, p. 102.

[2] Chronique de Ramon Muntaner, chap. 261; ed. J. A. Buchon. Chroniques étrangères. Paris, 1841, p. 502. То же самое — herausgegeben von K. Lanz. Stuttgart (Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart, Bd. VIII), 1844, pp. 468—469. То же самое — The Chronicle of Muntaner, in the works issued by The Hakluyt Society, vol. L. (Translated from the Catalan by Lady Goodenough). London, 1921, p. 627.

[3] Epistolae Honorii III (20 мая 1224 г.). В кн.: Recueil des historiens des Gaules et de la France, vol. XIX. Paris, 1833, p. 754.

западной оконечности полуострова был сильный укрепленный замок Клермон, или Хлумутци, сохранявшийся до двадцатых годов XIX века, когда он был разрушен турками. Об этом замке греческий хронист писал, что, если бы франки потеряли Морею, то обладание одним лишь Клермоном было достаточно для того, чтобы снова завоевать весь полуостров.[1] Было немало и других замков.

В Пелопоннесе франки не смогли прочно укрепиться лишь на среднем из его южных полуостровов, где, несмотря на два построенных ими укрепленных замка, жившие в горах славяне (племя мелингов) оказывали упорное сопротивление и почти никогда не находились в полном подчинении у западных рыцарей. Греки Мореи, по крайней мере большинство из них, могли видеть во власти франков приятное освобождение от финансового гнета византийского правительства.[2]

На юге Пелопоннеса Венеция владела двумя важными портами, Модон и Корон, которые представляли собой превосходные станции для венецианских судов на их пути на Восток и являлись прекрасными наблюдательными пунктами над морской торговлей Леванта, — эти, по выражению официального документа, два «главных глаза коммуны» (oculi capitales communis).[3]

О времени латинского владычества в Пелопоннесе, помимо других источников, сообщает много интереснейшего материала так называемая Морейская хроника (XIV века), дошедшая до нас в различных версиях: греческой (стихотворной), французской, итальянской и испанской. Если со стороны точности изложения фактического материала Морейская хроника и не может быть поставлена на одно из первых мест среди других источников, то для ознакомления с внутренним укладом жизни в эпоху франкского владычества в Пелопоннесе, с феодальными отношениями в стране, с учреждениями, с общественной и частной жизнью и, наконец, с географией Мореи в ту эпоху этот источник дает массу драгоценного материала. Морейская хроника, как редкий по богатству и разнообразию содержания источник для внутренней и культурной истории эпохи, когда греко-византийский и западный феодальный элементы слились и создали в высшей степени любопытные условия жизни, заслуживает особого внимания.

Интересно, что франкское владычество в Морее, как полагают некоторые ученые,[4] и, вероятно, сама Морейская хроника, оказали

---

[1] The Chronicle of Morea, ed. J. Schmitt. London, 1904, vss. 2712—2713.

[2] *W. Miller*. The Latins in the Levant. A History of Frankish Greece (1204—1566). London, 1908, p. 6.

[3] *K. Hopf*. Geschichte Griechenlands vom Beginne des Mittelalters bis auf die neuere Zeit. Bd. II, S. 10.

[4] См.: The Chronicle of Morea... pp. LVIII—LXVI.

влияние на Гете, который в третьем акте второй части своего «Фауста» будто бы переносит действие в Спарту, где развивается история любви Фауста и Елены. Сам Фауст представлен здесь как бы в виде окруженного феодалами князя покоренного Пелопоннеса; характер его правления несколько напоминает одного из Виллардуэнов в изображении Морейской хроники. В беседе между Мефистофелем в образе Форкиады и Еленой, без сомнения, говорится о Мистре, построенной именно в годы латинского владычества в Морее.[1*]

Форкиада

Была долина столько лет покинута
Меж Спартой с юга и Тайгетом с севера,
Откуда ручейком Эврот спускается
И, в камышах разлившись, лебедей ютит,
Что там обосновалось племя смелое,
Горсть северян, страны полночной выходцы,
Построив замок, в нем они запрятались
И правят краем всем из этой крепости
. . . . . .
За двадцать лет осели и обстроились... **

Несколько ниже дается описание этого замка с колоннами, колонками, сводами, террасами, галереями, гербами в виде типичного средневекового замка. По-видимому, все это место трагедии написано под влиянием Морейской хроники. Завоевание Мореи франками дало, таким образом, некоторую основу для поэтических сцен «Фауста». Но надо сказать, что это предположение Шмитта другими решительно отвергается.[2]

[1*] А. А. Васильев в исходной русской версии 1923 г. цитирует «Фауста» в переводе Холодковского. Приводимая здесь цитата взята из следующего издания: *Иоганн Вольфганг Гете*. Собр. соч., т. 2. Фауст. Трагедия. Перевод с немецкого Б. Л. Пастернака. М., 1976, с. 334.

** Этих слов А. А. Васильев не приводит ни в исходной русской версии, ни во втором американском издании (во французском издании непосредственная цитата из текста «Фауста» отсутствует). Между тем, можно согласиться с мнением А. Аникста, автора комментариев к изданию «Фауста» в переводе Пастернака, что именно данная строчка, хотя она и отстоит на одну реплику от приведенной в тексте цитаты, завершает описание замка. (*И. В. Гете*. Собрание сочинений, т. 2. М., 1976, с. 498).

[2] Эта теория иногда отвергается. См., например: *O. Pniower*. Deutsche Literaturzeitung, Bd. XXV, 1904, col. 2739—2741. Однако большинство ученых, в том числе я сам, убеждены, что Гете имел в виду Мистру, когда писал этот пассаж. См.: *E. Gerland*. Die Quellen der Helenaepisode in Goethes Faust. — Neue Jahrücher für das Klassische Altertum. Bd. XXV, 1910, S. 735—739; *A. Struck*. Mistra, eine mittelalterliche Ruinenstadt.

Взятие крестоносцами Константинополя и образование Латинской империи поставило папу в трудное положение. Будучи против изменения пути крестового похода и предав отлучению рыцарей и венецианцев после захвата Зары, Иннокентий III после падения столицы Византийской империи стоял лицом к лицу с совершившимся фактом.

В своем ответе на письмо императора Балдуина, который, называя себя «Божьей милостью Константинопольским императором и присно Августом», а также «папским вассалом» (miles suus),[1] сообщил папе о взятии византийской столицы и о своем избрании, Иннокентий III, совершенно забыв о своем прежнем отношении к этому вопросу, «радуется в Господе» (gavisi sumus in Domino) содеянному чуду «для хвалы и славы его имени, для чести и пользы апостольского престола и для выгоды и возвеличения христианского народа».[2] Папа призывает все духовенство, всех государей и народы защищать дело Балдуина и выражает надежду, что со взятием Константинопольской империи станет легче отвоевание Святой Земли из рук неверных; в конце письма папа убеждает Балдуина быть верным и покорным сыном католической церкви.[3] В другом письме папа пишет: «конечно, хотя нам приятно, что Константинополь вернулся к повиновению своей матери, святой Римской церкви, однако, нам было бы приятнее, если бы Иерусалим был возвращен под власть христианского народа».[4]

Но настроение папы изменилось, когда он подробнее ознакомился с ужасами разгрома Константинополя и с содержанием договора о дележе империи. Договор носил чисто светский характер с ясной тенденцией ограничить вмешательство церкви. Балдуин не просил у папы об утверждении своего вышеприведенного императорского титула; Балдуин и Дандоло самостоятельно решили

Leipzig, 1910, S. 17—18; *H. Grégoire*. Byzantion, vol. V, 1930, p. 781. Позже была выдвинута новая теория — источником Гете была не Морейская хроника, а поздняя византийская хроника Дорофея из Монемвасии. См.: *J. Moravcsik*. Zur Quellenfrage der Helenaepisode in Goethes Faust. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. VIII, 1931, S. 41—56; *H. Grégoire*. Une Source byzantine du second Faust. — Revue de l'Université de Bruxelles, vol. XXXVI, 1930—1931, pp. 348—354. *F. Dölger*. Die neuentdeckte Quelle zur Helenaszene in Goethes Faust. Die Prophyläen. — Beilage zur Münchner Zeitung, Bd. XXVIII, 1931, S. 289—290. (См. также: *И. П. Медведев*. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973, с. 3. — *Науч. ред.*)

[1] *G. L. F. Tafel, G. M. Thomas*. Urkunden zur ältern Handels- und Staatsgeschichte... Bd. I, S. 502.

[2] Ibid., S. 516—517.

[3] *Innocentii III* Epistolae, VII, 153. (PL, vol. CCXV, col. 455).

[4] *Innocentii III* Epistolae, IX, 139. (PL, vol. CCXV, col. 957—958).

вопрос о Св. Софии, о выборе патриарха, о духовных имуществах и т. д. Во время же разграбления Константинополя подверглись поруганию и осквернению церкви, монастыри и целый ряд высокопочитаемых святынь. Все это вызвало в душе папы тревогу и недовольство крестоносцами. «Вы, — писал он в послании к маркграфу Монферратскому, — не имея права и власти над греками, по-видимому, опрометчиво уклонились от чистоты вашего обета, когда двинулись не против сарацин, а против христиан, стремясь не к отвоеванию Иерусалима, но к занятию Константинополя, предпочитая земные богатства богатствам небесным. Но гораздо важнее является то, что некоторые (из крестоносцев) не пощадили ни веры, ни возраста, ни пола...»[1]

Таким образом, Латинская империя на Востоке, как построенная на феодальном основании, не представляла собой крупной политической силы, а в церковной жизни не могла сразу наладить отношений с римским престолом.

Однако, цель западных рыцарей и купцов не была вполне достигнута, так как не все византийские земли вошли в состав новых латинских владений на Востоке. После 1204 года остались три независимых греческих государства. Никейская империя с династией Ласкарей, в западной части Малой Азии, лежавшая между малоазиатскими владениями латинян и землями Иконийского или Румского султаната и владевшая частью побережья Эгейского моря, была самым крупным самостоятельным греческим центром и самым опасным соперником Латинской империи. В западной части Балканского полуострова, в Эпире, образовался Эпирский деспотат под управлением династии Комнинов—Ангелов. Наконец, на далеком юго-восточном побережье Черного моря в 1204 году образовалась Трапезундская империя с династией «Великих Комнинов». Если латиняне не достигли на Востоке политического единства, то они одинаково не достигли и единства религиозного, так как три вышеназванных греческих государства остались верными заветам греко-восточной церкви, т. е., с точки зрения папы, были схизматическими; особенно неприятна для папского престола была Никея, где греческий епископ, нисколько не считаясь с пребыванием латинского патриарха в Константинополе, назывался Константинопольским патриархом. Кроме того, и греки Латинской империи, несмотря на политическое подчинение латинянам, не принимали католичества. Военная оккупация страны не знаменовала еще собой церковной унии.

Результаты четвертого крестового похода имели роковое значение как для Византийского государства, так и для будущего крестовых походов. В политическом отношении Восточная импе-

---

[1] *Innocentii III* Epistolae, VIII, 133. (PL, vol. CCXV, col. 712).

рия, как единое целое, перестала существовать, уступив место целому ряду западноевропейских феодальных государств, и никогда уже, даже и после восстановления империи при Палеологах, не могла вернуть себе прежнего блеска и влияния.

Что касается значения четвертого похода для общего вопроса о крестоносном движении, то он, во-первых, совершенно ясно показал полное омирщение идеи движения, и во-вторых, раздвоил прежде единое течение, увлекавшее на Восток западные народы, которые с 1204 года должны были направлять свои силы не только в Палестину или Египет, а, может быть, еще в бóльших размерах в свои новые владения на территории Восточной империи для поддержания там своей власти. Последнее обстоятельство должно было, конечно, повести к замедлению борьбы с мусульманскими властителями святых мест.*

Внутреннее состояние империи в эпоху Комнинов и Ангелов

Церковные дела. Церковная жизнь Византии во время Комнинов и Ангелов имеет значение главным образом в двух направлениях: во-первых, во внутренних церковных отношениях, прояв-

---

* В исходной русской версии 1923 г. за данным абзацем следовала большая цитата из Ф. И. Успенского, не включенная А. А. Васильевым в последующие переиздания работы. В известном отношении эта цитата действительно выпадает, — тот вопрос, о котором пишет Ф. И. Успенский, А. А. Васильевым практически не затронут. Цитата, однако, представляет большой интерес как мнение Ф. И. Успенского, привлекшее внимание А. А. Васильева, об особенностях исторического развития Византии времени Комнинов и Ангелов. Привожу абзац полностью:

«В заключение приведем высказанное Ф. И. Успенским суждение об ослаблении ассимиляционной силы в Византии к концу XII века. „Страх перед напором со стороны западных народов не был таким сильным и живым, чтобы предотвратить наплыв западного культурного влияния, чтобы защитить империю против иммиграции военных и торговых людей, которые проникли в администрацию и в византийские аристократические круги. Последовательно и незаметно менялся весь порядок жизни, и против этих вещей не устоял стареющий византинизм. Вновь повторилось завоевание империи чуждыми народами, но на этот раз ассимилирующая сила оказалась не на стороне ублюдка Римской империи, а на стороне тех чуждых народов, которых Византия не могла победить силой и не была в состоянии подчинить духовными средствами воздействия... В конце XII века греки значительно утратили в своей способности влиять на соседей и ассимилировать их. Весьма вероятно, что потери на окраинах — как и в Азии, так и на Балканском полуострове, по необходимости, должны были вызвать дух индифферентизма в местных интеллигентных кругах, каковой подготовил легкую готовность подчиниться чуждой власти“». *Ф. И. Успенский.* Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний. — ВВ, т. XXII, 1916, с. 24, 38.

лявшихся в виде попыток разрешить ряд религиозных вопросов и сомнений, которые волновали византийское общество данного периода и являлись одним из самых жизненных интересов того времени; во-вторых, в отношениях Восточной церкви к Западной, константинопольского патриархата к папству.

В своих отношениях к церкви государи династий Комнинов и Ангелов твердо придерживались столь типичных для Византии цезарепапистских взглядов. Одна редакция «Истории» Никиты Акомината приводит такие слова Исаака Ангела: «На земле нет никакого различия во власти между Богом и императором; царям все позволительно делать и можно нераздельно употреблять Божие со своим, так как они получили царскую власть от Бога и между Богом и ими нет расстояния».[1] Тот же писатель, говоря о церковной деятельности Мануила Комнина, изрекает общее суждение о византийских императорах, которые считают себя «непогрешимыми судьями дел божеских и человеческих».[2] Эту точку зрения императоров поддерживали во второй половине XII века и духовные лица. Известный греческий канонист и комментатор так называемого Псевдо-Фотиева Номоканона (канонического сборника XIV титулов), антиохийский патриарх Феодор Вальсамон, живший при последних Комнинах и первом Ангеле, писал: «Императоры и патриархи должны быть уважаемы, как учители (церкви), ради силы святого помазания. Отсюда-то происходит власть правоверных императоров наставлять христианский народ и, подобно священникам, приносить Богу курение». В этом их слава, что, подобно солнцу, блеском своего православия они просвещают мир с одного его конца до другого. «Мощь и деятельность императоров касаются тела и души (человека), тогда как мощь и деятельность патриарха касаются только одной души».[3] Тот же автор заявляет: «Император не является субъектом ни законов, ни канонов».[4]

Церковная жизнь при Комнинах и Ангелах открывала императорам возможность широко применять свои цезарепапистские взгляды: с одной стороны, многочисленные «ереси» и «лжеучения» сильно волновали умы населения империи; с другой стороны, угроза от турок и печенегов и сближение империи с Западом, явившееся результатом крестовых походов, стали грозить самому

---

[1] *Nicetas Choniates*. Historia, Bonn ed., p. 583.
[2] *Nicetas Choniates*. Historia, Bonn ed., p. 274.
[3] Ράλλη καὶ Πότλη. Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, Τ. 4 'Αθηναι, 1854, pp. 544, 545.
[4] *Theodori Balsamonis*. In canonem XVI Concilii Carthaginiensis (PG, vol. CXXXVIII, col. 93). См. также: *G. Vernadsky*. Die kirchlich-politische Lehre der Epanagoge und ihr Einfluss auf das russische Leben im XVII. Jahrhundert. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. VI, 1928, S. 120.

существованию Византии, как самостоятельного государства, и заставили императоров серьезно обдумать и взвесить вопрос об унии с католической церковью, которая в лице папы могла предотвратить надвигавшуюся с Запада на Восток политическую опасность.

В религиозном отношении первые два Комнина, являясь вообще защитниками восточной православной веры и церкви внутри государства, тем не менее соглашались, под давлением политических причин, на некоторые уступки в пользу католической церкви. Увлеченная деятельностью своего отца, Алексея Комнина, Анна Комнина с несомненным преувеличением в своей «Алексиаде» называет отца «тринадцатым апостолом»; или, если последняя честь должна принадлежать Константину Великому, то Алексея Комнина, по словам той же писательницы, «можно считать равным самодержцу Константину Великому, или же, чтобы избежать возражений, следующим после Константина апостолом и императором».[1] Третий Комнин, Мануил, уже слишком усердно приносил интересы восточной церкви в жертву своей несбыточной западной политике.

Во внутренней церковной жизни империи главное внимание государей было обращено на борьбу с догматическими заблуждениями и еретическими движениями их времени. Одна сторона в церковной жизни смущала императоров: это — чрезмерный рост церковного и монастырского имущества, против чего правительство и принимало время от времени соответствующие меры.

Алексей Комнин для нужд государственной обороны и для вознаграждения лиц, помогших ему овладеть престолом, конфисковал часть монастырских имений и перечеканил в деньги некоторые церковные сосуды. Однако, уступая возникшему вследствие этого недовольству, император возвратил церквам стоимость взятых сосудов и осудил свое поведение специальной новеллой «О неупотреблении священных сосудов на общественные надобности».[2] Но Мануил восстановлением отмененной новеллы 964 года Никифора Фоки еще раз положил предел дальнейшему увеличению церковной и монастырской собственности, хотя рядом последующих новелл и должен был, по возможности, смягчать суровые для духовенства последствия данного распоряжения.

Непорядки и моральный упадок в духовном сословии также тревожили сердце Алексея Комнина, который в одной из своих новелл объявлял, что «христианская вера подвергается опасности,

---

[1] *Анна Комнина*. Алексиада, XIV, 8, с. 396.

[2] *K. E. Zachariä von Lingenthal*. Jus graeco-romanum, vol. III, pp. 355—358. См.: *V. Grumel*. L'Affaire de Léon de Chalcédoine. Le chrysobulle d'Alexis Ier sur les objets sacrés. — Études byzantines, vol. II, 1945, pp. 126—133.

так как церковный чин с каждым днем приходит все в худшее состояние»,[1] и намечал целый ряд мер для поднятия нравственного значения духовенства в смысле лучшего устроения жизни последнего на канонических началах, развития его образования, широкого развития пастырской деятельности и т. д. Далеко не всегда, правда, императору удавалось, ввиду общих жизненных условий того времени в стране, проводить свои благие начинания в жизнь.

Выступая иногда против чрезмерного увеличения церковной собственности, Комнины в то же время являлись нередко покровителями и основателями монастырей.

При Алексее Афонская Гора была объявлена императором свободной до скончания века от всяких податей и других притеснений; причем «гражданские чиновники не должны иметь никаких сношений со Св. Горой»;[2] как и прежде, Афон не зависел ни от какого епископа; прот, т. е. председатель совета игуменов афонских монастырей, рукополагался самим императором. Итак, Афон находился в прямой зависимости от самого государя. При Мануиле русские, жившие уже раньше на Афоне и имевшие там небольшой монастырь, получили по постановлению протата (совета игуменов) обитель Пантелеймона, которая пользуется широкой известностью и в наше время.

Тот же император Алексей Комнин помог Христодулу основать на острове Патмосе, где, по преданию, Иоанн Богослов написал Апокалипсис, монастырь во имя этого святого, существующий и поныне. В изданном по этому делу хрисовуле император дарил означенный остров Христодулу в вечную, неотъемлемую собственность, освобождал его от всяких налогов и запрещал доступ на остров всяким государственным чиновникам.[3] Строжайший режим

---

[1] *K. E. Zachariä von Lingenthal.* Jus graeco-romanum, vol. III, p. 414.

[2] *Порфирий Успенский.* Восток христианский. Афон, III, (1). Киев, 1877, с. 226—227; *Ph. Meyer.* Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894, S. 172.

[3] *K. E. Zachariä von Lingenthal.* Jus graeco-romanum, vol. III, pp. 370—371; *F. Miklosich, J. Müller.* Acta et diplomata graeca medii aevi. vol. VI, Wien, 1890, p. 45. (Во втором американском издании работы данное примечание значительно сокращено по сравнению с французским изданием работы, откуда и взят следующий ниже текст. — *Науч. ред.*) «Недавно весьма важный пассаж этого хрисовула, опубликованного в „Acta“ Миклозича и Мюллера — по поводу титула протопроэдра — был исправлен Ш. Дилем. — Remarques sur deux chartes byzantines de Patmos. — Byzantion, vol. IV, p. 1—6 (*год издания А. А. Васильев не указывает*). — и Фр. Дёльгером. — Die Kaiserurkunden des Johannes-Teologos-Klosters auf Patmos. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXVIII, S. 338 (*год издания А. А. Васильев не указывает*). Текст, между тем, был в правильной форме опубликован Цахариэ фон Лингенталем в отмеченном выше издании.

жизни был введен в монастыре.[1] По словам Ф. Шаландона, «остров Патмос сделался маленькою религиозною, почти независимою республикой, где могли жить одни монахи».[2] Атаки сельджуков на острова Архипелага заставили Христодула покинуть Патмос и искать спасения на Эвбее, где Христодул и умер в конце XI века. Реформы Христодула его не пережили, и все его попытки [*создать монашескую республику*] * на острове Патмосе кончились ничем.[3]

Иоанн Комнин построил в Константинополе монастырь Вседержителя (Пантократора) и учредил при нем для бедных мирян в высшей степени благоустроенную больницу на пятьдесят кроватей, внутреннее устройство которой, подробно описанное в опубликованном по этому делу императором уставе (типиконе),[4] являет собой пример «может быть, самого трогательного, что история сохранила насчет гуманитарных понятий в византийском обществе».[5]

См. также: *L. Ross*. Reisen auf den Inseln des Aegäischen Meeres, Bd. II. Stuttgart, 1843, S. 156».

[1] См.: Regula pro monasterio S. Ioannis Theologi in insula Patmo. В кн: *F. Miklosich, J. Müller*. Op. cit., vol. VI, pp. 59—60. То же самое — К. Βοΐνη. Ἀκολουθία ἱερὰ τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Χριστοδούλου. Ἀθῆναι, 1884.

[2] *F. Chalandon*. Les Comnène... vol. I, p. 289. См. также: *П. А. Якобенко*. Об истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908, с. 10—11.

* Слов, поставленных в скобки, в английском тексте А. А. Васильева нет. Они вставлены из синтаксических соображений. Слово «попытка» без соответствующего прямого дополнения в русском языке непонятно.

[3] См.: *E. Le Barbier*. Saint Christodule et la réforme des couvents grecs au XIe siècle. Paris, 1863, pp. 51—56. Эта старая биография святого содержит много неточностей. См. также: *R. P. Dom P. Renaudin*. Christodoule, higoumène de Saint-Jean, à Patmos (1020—1101). — Revue de l'orient chrétien, vol. V, 1900, pp. 215—246; *L. Oeconomos*. La Vie religieuse dans l'empire byzantin au temps des Comnènes et des Anges. Paris, 1918, pp. 142—152.

[4] Греческий текст статута (типикона) был опубликован А. А. Дмитриевским: Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, т. I (I). Киев, 1885, с. 682—687.

[5] *Ф. И. Успенский*. Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний. — ВВ, т. XXII, 1916, с. 26. См. также: *L. Oeconomos*. La Vie religieuse dans l'empire byzantin... p. 193—210; *E. Jeanselme, L. Oeconomos*. Les Oeuvres d'assistance et les hôpitaux byzantins au siècle des Comnènes. Anvers, 1921, pp. 11—18; *Ch. Diehl*. La Société byzantine à l'époque des Comnènes. — Revue historique du sud-est européen, vol. VI, 1929, pp. 242—249. То же самое отдельным изданием — Paris, 1929, pp. 52—57; *Pan S. Codellas*. The Pantocrator, the Imperial Byzantine Medical Center of the Twelfth Century A. D. in Constantinople. — Bulletin of the History of Medecine, vol. XII, 2, 1942, pp. 392—410.

Интеллектуальная * жизнь времени Комнинов отличалась усиленной деятельностью. Некоторые ученые называют даже эту эпоху временем Эллинского возрождения, подготовленного такими выдающимися людьми империи, как, например, Михаил Пселл. Это умственное оживление выразилось при Комнинах, между прочим, в появлении различных еретических учений и догматических заблуждений, с которыми императоры, как защитники истинной веры, должны были неминуемо вступить в борьбу. Эта черта эпохи Комнинов нашла отражение в так называемом Синодике, т. е. в том перечне еретических имен и противоцерковных учений, который ежегодно читается в восточной церкви в неделю православия, когда еретики и противоцерковные учения предаются анафеме. Значительное число отреченных имен и учений в Синодике относится именно ко времени Алексея и Мануила Комнинов.[1]

Главная борьба Алексея была направлена против павликиан и богомилов, утвердившихся уже довольно давно, как было сказано выше, на Балканском полуострове, особенно в округе Филиппополя. Однако, ни преследования еретиков, ни организованные императором публичные прения с ними, ни сожжение главы богомильского учения, монаха Василия, не привели к истреблению противоцерковных учений, которые, не имея, правда, большого распространения в империи, продолжали существовать. Император обратился к монаху Евфимию Зигавину, мужу умудренному в грамматическом и риторическом искусстве, истолкователю книг Нового Завета и посланий апостола Павла, с просьбой изложить все существующие еретические учения, особенно учение богомилов, и на основании отцов церкви опровергнуть их. Уступая желанию императора, Зигавин написал свое произведение «Догматическая Паноплия (т. е. Всеоружие) православной веры», которое должно было служить руководством в борьбе с еретическими заблуждениями.[2] Однако, несмотря на это, при Мануиле имел место знаменитый случай с монахом Нифонтом, который проповедовал богомильское учение.[3]

Большое внимание привлекло к себе разыгравшееся при Алексее Комнине дело ученого, философа Иоанна Итала, родом из Италии, ученика Пселла, обвиненного в том, что он внушал «своим слушателям превратные теории и еретические мнения, осужденные церковью и противные Священному Писанию и преданию отцов

---

* У А. А. Васильева в исходной русской версии 1923 года здесь другое слово — «умственная».

[1] О Синодиконе см.: *Ф. И. Успенский*. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892, с. 89—145.

[2] PG, vol. CXXX, col. 9—1362.

[3] *L. Oeconomos*. La Vie religieuse dans l'empire byzantin... p. 38—47.

церкви, что он не чтит святых икон» [1] и т. д. Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси, изданное и разобранное в только что цитированном сочинении Ф. И. Успенского, открывает интересную страницу в интеллектуальной жизни эпохи первого Комнина. На соборе, разбиравшем дело Итала, в его лице предстал не только еретик, проповедывавший опасное для церкви учение, но и профессор высшей школы, преподававший науку людям зрелого возраста, находившийся под влиянием идей Аристотеля, отчасти Платона и других философов. В суд было вызвано также несколько его учеников. Разобрав мнения Итала, собор признал их соблазнительными и еретическими. Патриарх, которому для наставления в истине был передан Итал, сам сделался, к великому соблазну для церкви и народа, последователем его учения. По приказанию императора, был составлен тогда список заблуждений Итала. В конце концов, одиннадцать пунктов его учения, признанных еретическими, и сам еретик были преданы анафеме.[2]

Ввиду того, что не все сочинения Итала еще изданы, не представляется возможности вынести о нем одно определенное суждение, что и замечается в науке. В то время, когда, по словам Ф. И. Успенского, «свобода философского мышления была ограничена высшим авторитетом Священного Писания и святоотеческих творений»,[3] Итал, по мнению Безобразова и Брянцева, «считал возможным отдавать в иных вопросах предпочтение языческой философии перед церковным учением»,[4] «разграничивал области богословия и философии и допускал возможность держаться самостоятельных взглядов в той и другой области».[5] Наконец, в связи с делом Итала Н. Я. Марр ставит «важнейший культурно-исторический вопрос: стояли ли инициаторы суда над Италом на высоте его научного развития, требовавшего разграничения области философии от богословия, и осудив мыслителя за вторжение в теологию, предоставили ли ему свободу чисто философского мышления?» [6] Ответ на этот вопрос, конечно, отрицательный. В то

---

[1] *Ф. И. Успенский*. Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, т. 2, 1897, с. 3, 10.

[2] Эти одиннадцать пунктов были опубликованы Ф. И. Успенским. — Синодик на первое воскресенье Поста. Одесса, 1893, с. 14—18. На французском языке: *L. Oeconomos*. La Vie religieuse dans l'empire byzantin... pp. 25—28.

[3] *Ф. И. Успенский*. Очерки по истории византийской образованности, с. 171.

[4] *П. В. Безобразов* в: ВВ, т. 3, 1896, с. 128.

[5] *Д. Брянцев*. Иоанн Итал. — Вера и разум, т. 2, ч. 1, 1904, с. 328.

[6] *Н. Я. Марр*. Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI—XII века. — Записки Восточного отделения Русского Археологического Общества, т. XIX, 1909, с. 107.

время такая свобода была невозможна. Однако Итала нужно оценивать не только как теолога. «Он был философом, который был осужден из-за того, что его философская система не соответствовала доктрине церкви».[1] Новейший исследователь религиозной жизни эпохи Комнинов сказал, что вся информация о нем ясно показывает — Итал принадлежал к неоплатонической школе.[2] Только что приведенные взгляды и вопросы ученых ясно показывают, насколько вопрос об Иоанне Итале интересен с точки зрения культурной истории Византии конца XI и начала XII века.

Этого мало: в науке обращено внимание на учения, появившиеся в западноевропейской философии во время жизни Иоанна Итала и имевшие сходство с учением последнего; так, например, подобное сходство необходимо находить в учении знаменитого в первой половине XII века западноевропейского ученого и увлекательного профессора Абеляра, автобиография (Historia calamitatum) которого, рисующая нам его глубокие внутренние переживания, с неослабным интересом читается и по сие время. Ввиду сложности и малой разработанности вопроса о культурных воздействиях Востока и Запада в данную эпоху было бы слишком смело говорить, что по своему направлению западноевропейская схоластика находилась в зависимости от Византии; но можно утверждать, что «круг идей, в котором вращалось европейское мышление в период от XI до XIII века, тот же самый, какой находим в Византии».[3]

Во внешних церковных делах время трех первых Комнинов представляет собой эпоху оживленных сношений с папами и западной церковью. Главной причиной этих сношений, как мы уже видели выше на примере обращения императора Михаила VII Парапинака к папе Григорию VII, является опасность, грозившая Византии со стороны внешних врагов, турок и печенегов, и заставлявшая императоров искать помощи на Западе, хотя бы ценою соединения церквей. Поэтому некоторое стремление Комнинов к заключению унии с Римской церковью объясняется чисто внешними политическими причинами.

В самые тяжелые для Византии годы, то есть в конце восьмидесятых и в начале девяностых годов XI столетия, Алексей Комнин подал папе Урбану II руку примирения и соглашения, предлагая ему созвать собор в Константинополе для обсуждения вопроса об

---

[1] *F. Chalandon*. Les Comnène... vol. I, p. 316; *L. Oeconomos*. La Vie religieuse dans l'empire byzantin... p. 29.

[2] *L. Oeconomos*. Ibid. Французский автор в своей работе следует Ф. И. Успенскому.

[3] *Ф. И. Успенский*. Очерки по истории византийской образованности, с. 178, 181, 183.

опресноках и других предметах, которые разделяли обе церкви. В 1089 году имел место, под председательством Алексея I, синод греческих епископов в Константинополе. На этом синоде обсуждали намерение Урбана II вновь поместить свое имя в диптихи и упоминать его во время божественных литургий (divine services). Под нажимом императора эта деликатная проблема была решена положительно.[1] К этому времени, вероятно, относится сочинение Феофилакта Болгарского «О заблуждениях латинян», в котором В. Г. Васильевский видит знамение времени.[2] Основная тема сочинения Феофилакта в высшей степени знаменательна. Автор не одобряет общепринятого мнения о разделении церквей, не находит, чтобы ошибки латинян были многочисленны, и чтобы эти ошибки делали церковное разделение неизбежным. Он высказывается против духа богословской нетерпимости и высокомерия, которое господствовало среди его ученых современников. Одним словом, Феофилакт в целом ряде пунктов был готов идти на разумные уступки. Однако в Символе Веры не может быть допущено никакой неясности, никакого прибавления, то есть, другими словами, возможность принятия filioque в восточный Символ Веры совершенно исключалась.

Однако критическое положение империи и затруднения, постигшие Урбана II в Риме, где был выставлен ему антипапа, помешали созыву предполагаемого собора. Случившийся через несколько лет после этого первый крестовый поход и вспыхнувшие между греками и крестоносцами распри и взаимное недоверие не могли содействовать сближению между церквами. При Иоанне Комнине переговоры между императором и папами Калликстом II и Гонорием II об унии продолжались. Существуют два письма Иоанна, адресованные этим папам. Папские посланники прибыли в Константинополь со всеми полномочиями для ведения переговоров.[3] Однако им не удалось достичь каких-либо ощутимых результатов. С другой стороны, некоторое количество образованных латинян с Запада принимали участие в теологических диспутах в Константинополе. Немец Ансельм из Хавельберга, который писал

---

[1] См. весьма интересную статью: *W. Holtzmann*. Die Unionsverhandlungen zwischen Alexios I. und Papst Urban II. im Jahre 1089. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXVIII, 1928, S. 40. Автор приводит три неопубликованных греческих текста. Имеющий отношение к синоду 1089 года текст находится на страницах 60—62 этой работы.

[2] *В. Г. Васильевский*. Византия и печенеги. — Труды, т. 1, СПб., 1908, с. 83—85. Текст — PG, vol. CXXVI, col. 226—250.

[3] *H. A. Kap-Herr*. Die Abendländische Politik Kaiser Manuels. Strassburg, 1881, S. 9; *W. Norden*. Das Papsttum und Byzanz... S. 91; *F. Chalandon*. Les Comnène... vol. II, pp. X—XI, 162—163; *F. Dölger*. Corpus der griechischen Urkunden, Bd. II, p. 59 (nos. 1302, 1303).

около 1150 г., оставил весьма интересное сообщение о диспуте, происходившем перед Иоанном Комнином в 1136 г. «Там присутствовало немалое число латинян и среди них три мудрых человека, сведущих в обоих языках и весьма ученых в писании: Яков венецианец, пизанец Бургундио и третий, наиболее знаменитый среди и греков и латинян своими познаниями в обеих литературах, — итальянец из города Бергамо по имени Моисей. Он был выбран обеими сторонами как заслуживающий доверия переводчик».[1]

Отношения с папским престолом стали более активными при латинофильском преемнике Иоанна Мануиле. Последний, исполненный надежд на восстановление единой Римской империи и уверенный в том, что императорскую корону он сможет получить лишь из рук римского папы, предлагал римскому престолу унию. Отсюда видно, что основанием переговоров об унии были чисто политические расчеты. Один немецкий историк церкви (Норден) правильно отметил: «Комнины думали при помощи папства подняться до господства над Западом и вместе с тем и над самим папством; папы же мечтали при поддержке Комнинов стать господами Византийской церкви и вместе с тем Византийской империи».[2]

Мануил находился в переписке с несколькими папами, начиная со времени второго крестового похода. Сами папы иногда также готовы были протянуть императору дружественную руку, особенно Адриан IV, находившийся в ссоре с королем сицилийским и недовольный недавно коронованным императором Фридрихом Барбароссой. В своем послании к архиепископу Василию Солунскому папа Адриан IV выражает желание «содействовать приведению всех чад к единению церкви», сравнивает Восточную церковь с потерянной драхмой, заблудшею овцой и умершим Лазарем.[3]

Несколько позднее Мануил через своего посланца формально предложил папе Александру III соединение церквей, если только папа возвратит ему корону Римской империи, которой не по праву владеет германский государь Фридрих; в случае, если бы для достижения этого плана папе понадобились деньги и военные силы, то Мануил доставит их ему в изобилии. Но Александр III, дела которого в Италии несколько поправились, ответил на это предложение Мануила отказом.

---

[1] Anselmi Havelbergensis Dialogi, II, cap. 1. (PL, vol. CLXXXVIII, col. 1163). См. также: *C. H. Haskins*. Studies in the History of Medieval Science. Cambridge, 1924, p. 144, 197; *Idem*. The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge, 1927, p. 294.

[2] *W. Norden*. Das Papsttum und Byzanz... S. 101.

[3] PG, vol. CXIX, col. 928—929.

Созванный в столице императором собор должен был, уничтожив разного рода неудовольствия между латинянами и греками, изыскать те или иные способы к соединению церквей. Мануил употреблял все старания, чтобы склонить патриарха к уступкам. До нас дошел «Разговор» на соборе Мануила с патриархом, очень интересный для характеристики воззрений обоих высоких участников собора. В этом «Разговоре» патриарх дает папе название «воняющего нечестием» и предпочитает иго агарян (т. е. мусульман) игу латинян. Последнее выражение патриарха, отражавшее, очевидно, определенное церковное и общественное настроение эпохи, будет не раз повторяться в будущем, например, в XV веке, в момент уже падения Византии. Мануил должен был уступить и объявил, что он будет удаляться от латинян, «как от змеиного яда».[1] Соборные рассуждения, таким образом, ни к какому соглашению не привели. Было даже решено порвать всякую связь с папой и его единомышленниками.

Итак, Мануил, как в своей светской, внешней политике, так и в церковной, потерпел полную неудачу. Причина последней заключается в том, что политика императора в обеих областях была лишь личной его политикой, не имевшей под собой никакой серьезной реальной почвы: восстановление единой империи было уже давно невозможно; униатские стремления Мануила не находили никакого отклика в народных массах империи.

В последнее смутное пятилетие правления Комнинов (1180—1185), особенно при Андронике I, церковные интересы были поглощены сложными условиями внешней и внутренней жизни, о которых мы уже знаем. Во всяком случае, Андроник, как противник латинофильства своих предшественников, не мог быть, насколько, конечно, можно судить на основании его бурного и краткого царствования, сторонником унии с западной церковью. Во внутренней же церковной жизни он, во имя достижения своих личных планов, сурово расправился с Константинопольским патриархом и не допускал споров по вопросам веры.[2] Приписываемый часто Андронику «Диалог против иудеев» принадлежит более позднему времени.

Смутное в политическом отношении время Ангелов отличалось таким же характером и в церковной жизни, в которой императоры этого дома чувствовали себя хозяевами. Исаак, первый из Ангелов, самовольно смещал с престола одного за другим константинопольских патриархов.

---

[1] *Хр. М. Лопарев.* Об униатстве императора Мануила. — ВВ, т. 14, 1907, с. 339, 341, 342—343, 350, 353, 355.

[2] Об отношении Андроника к патриарху и церкви см.: *L. Oeconomos.* La Vie religieuse dans l'empire byzantin... pp. 113—118.

При Ангелах же в Византии разгорелся жаркий богословский спор о евхаристии, в котором принимал участие сам император. По словам историка той эпохи Никиты Акомината, вопрос шел о том: «Святое тело Христово, которого мы приобщаемся, так ли нетленно (ἄφθαρτον), каким оно стало после страданий и Воскресения, или тленно (φθαρτόν), каким оно было до страданий».[1] Другими словами, «приемлемая нами евхаристия подлежит ли обычным физиологическим процессам, каким подвергается всякая вкушаемая человеком пища, или же не подчиняется этим физиологическим процессам?»[2] Алексей Ангел встал на защиту «дерзновенно поруганной» истины и поддержал учение о «нетленности» приемлемой нами евхаристии.

Появление подобного спора в Византии в конце XII века может быть объяснено западными влияниями, столь сильными в эпоху крестовых походов на христианском Востоке. Как известно, эти споры начались на Западе уже давно; еще в IX веке там были люди, учившие, что принимаемая нами евхаристия подлежит тем же процессам, как и обыкновенная пища.

Что касается до отношения Ангелов к папе, то мы уже знаем, что папа главным образом руководился в них политическими интересами, имея одновременно, конечно, и цель побудить Восточную церковь к унии. Последний план папы успеха не имел. Сложная же международная политика, особенно перед четвертым крестовым походом, когда в решении византийского вопроса главную роль мог сыграть германский государь, наиболее опасный враг для папства, явилась причиной того, что папа всячески старался поддерживать «схизматического» восточного императора, хотя бы и узурпатора, каким был Алексей III, свергнувший своего брата Исаака, только бы не дать возможности западному императору завладеть Восточной империей. О затруднительном положении Иннокентия III во время четвертого похода, когда глава католической церкви, выступивший сначала столь энергично против изменения пути похода, мало-помалу вынужден был изменить свое мнение и признать в почти беспримерном по варварству разгроме Константинополя латинянами соизволение Божие, речь была выше.

Подводя итоги, можно сказать, что религиозная жизнь при Комнинах и Ангелах, период в 123 года (1081—1204), отличалась исключительной интенсивностью и оживлением во внешних связях и противоречивыми, конфликтными процессами внутренних движений. Без сомнения, с точки зрения религиозных проблем, эта эпоха представляет большое значение и живейший интерес.[3]

---

[1] *Nicetas Choniates*. Historia, Bonn ed., p. 682.

[2] *А. Лебедев*. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до половины XV века. М., 1902, с. 153.

[3] См.: *L. Oeconomos*. La Vie religieuse dans l'empire byzantin... p. 222.

Алексей Комнин. Собор Св. Софии,
Константинополь. Мозаика в южной Галерее

Внутреннее управление

Финансовые и социальные обстоятельства. В качестве самого общего утверждения можно сказать, что внутренняя ситуация в Византийской империи и административная система в течение XII века менялись мало. В то время как история Византийской церкви при Комнинах и Ангелах более или менее полно изучена, совершенно иная ситуация наблюдается в вопросах внутренней социальной и экономической жизни. Если вообще внутренняя история Византии разработана мало и неудовлетворительно, то это особенно дает себя знать начиная с эпохи Комнинов, о чем до сих пор в литературе по вопросам внутренней истории существуют лишь отдельные краткие, иногда построенные лишь на общих суждениях главы в том или ином сочинении, случайные замечания или экскурсы, в лучшем случае небольшие статьи по тому или иному вопросу, так что от какого-либо более или менее стройного представления в данном случае, по крайней мере, в настоящее время, приходится отказаться. Исследователь эпохи Комнинов, французский византинист Ф. Шаландон, автор двух подробных монографий о первых трех Комнинах, надеявшийся в будущем дать опыт истории византийской цивилизации в XII веке, коснулся в изданных томах этих вопросов лишь вкратце, рассчитывая возвратиться к ним в следующем томе, который должен был быть посвящен последним двум Комнинам.[1] Однако Ф. Шаландон умер, не оставив продолжения своего труда, в котором вопросы внутренней жизни Византии в XII веке должны были быть рассмотрены во всем объеме.*

Являясь представителем крупной землевладельческой аристократии, Алексей Комнин сделался императором государства, денежное хозяйство которого было в высшей степени расстроено как многочисленными военными предприятиями, так и внутренними смутами предшествовавшего времени. Имея в распоряжении плохие финансы, Алексей должен был, особенно в начале своего правления, вознаграждать своих сторонников, которые помогли ему утвердиться на престоле, и одарять богатыми пожалованиями членов своей

---

[1] См.: *F. Chalandon.* Les Comnène... vol. 2. Avant-Propos. Известная информация о внутренней, финансовой и экономической политике Алексея, проиллюстрированная дипломатическими источниками, особенно документами с Афона, есть в работе: *G. Rouillard.* À propos d'un ouvrage récent sur l'histoire de l'etat byzantin. — Revue de philologie, XIV (oct. 1942), pp. 175—180.

* В соответствующем месте исходной русской версии 1923 г. следовала далее фраза, не включенная А. А. Васильевым в последующие издания работы, — «поэтому и в настоящем очерке мне придется ограничиться лишь отрывочными замечаниями».

фамилии. Затем, напряженные войны с турками, печенегами, норманнами и события, связанные с первым крестовым походом, также требовали громадных расходов. Средством для пополнения казны послужили ему земельные владения крупных собственников и монастырей.

Насколько мы можем судить по отрывочным сведениям источников, Алексей не стеснялся конфисковывать владения крупных собственников; даже в случае политических заговоров обычная за это смертная казнь заменялась конфискацией земли. Подобной же участи подвергались монастырские владения, которые в виде пожалования (по-гречески х а р и с т и к и и) отдавались в пожизненное владение какому-нибудь лицу, которое называлось после этого х а р и с т и к а р и е м.

Харистикарная система не является изобретением Комнинов, которые только, может быть, чаще других, ввиду финансовых затруднений, стали к ней прибегать. Эту систему можно поставить в связи с секуляризацией монастырских земель при императорах-иконоборцах и, по всей вероятности, с явлениями социальной жизни еще более раннего времени. В X и XI веках харистикарный способ уже применялся часто. Монастыри жаловались лицам духовным и светским, даже женщинам; причем случалось, что мужские монастыри отдавались женщинам, а женские — мужчинам. Харистикарий должен был защищать интересы пожалованного ему монастыря, ограждать его от произвола губернатора и сборщиков податей, от незаконных поборов и умело вести монастырское хозяйство, обращая в свою пользу остающиеся от этого доходы. Конечно, в действительности дело обстояло не так, и монастырские пожалования являлись для харистикария источником лишь доходов и наживы, вследствие чего монастырское хозяйство приходило в упадок. Во всяком случае, харистикии были весьма выгодной статьей для получателей, почему византийские сановники их усердно добивались. Распоряжение Алексея о перечеканке на деньги некоторых церковных сосудов было этим же императором и отменено.

Но конфискаций земель оказывалось недостаточно для поправления финансов. Алексей Комнин прибегнул тогда к наиболее, может быть, ненавистной финансовой мере, а именно к порче монеты, т. е. к выпуску низкопробной монеты, за что источники особенно сильно упрекают Алексея. Последняя его мера сводилась к тому, что он, наряду с прежними полновесными золотыми монетами — номисмами, которые также назывались иперпирами или солидами (по-русски з л а т н и ц ы), пустил в оборот какой-то сплав из меди и золота или серебра и золота, который носил имя номисмы и должен был ходить наравне с последней. Новая номисма по сравнению с прежней, состоявшей из 12 серебряных монет, так называемых миллиарисиев, равнялась по ценности всего четырем

миллиарисиям, т. е. была в три раза дешевле.[1] Причем, подати Алексей желал получать хорошей, полноценной монетой. Подобные меры еще более ухудшали государственные финансы и озлобляли население.

Тяжелые внешние обстоятельства и почти полное, несмотря на принимаемые меры, финансовое разорение страны заставляли правительство с крайней суровостью собирать налоги; а так как многие крупные земельные владения, как светские, так и церковные, были освобождены от платежа налогов, то вся тяжесть обложения падала на простой народ, совершенно изнемогавший под непосильным бременем фискальных взысканий. Сборщики податей были, по выражению писателя XI и начала XII века, болгарского архиепископа Феофилакта, «скорее разбойники, чем сборщики, презирающие как божеские законы, так и императорские веления», свирепствовали среди населения.[2]

Благоразумное правление Иоанна (или Калояна) Комнина несколько поправило государственные финансы, несмотря на почти не прекращавшиеся войны. Но следующее правление Мануила снова поставило страну на край финансового банкротства. Нельзя упускать из виду, что в то время количество населения в империи, а следовательно и платежные силы страны, уменьшились. Некоторые области Малой Азии были покинуты ввиду мусульманских нашествий; часть населения была уведена в плен, другая часть спасалась бегством в прибрежные города; оставленные территории не могли, конечно, платить налогов. Аналогичное явление можно заметить и на Балканском полуострове благодаря нападениям венгров, сербов и задунайских народностей.

Между тем расходы росли. Помимо трат на военные предприятия Мануил расточал громадные суммы множеству иностранцев, прибывших в Византию ввиду уже известной нам его латинофильской политики, требовал денег на постройки, на поддержание безумной роскоши при дворе и на содержание своих фавориток и фаворитов.

Историк Никита Хониат рисует нам яркую картину всеобщего недовольства финансовой политикой Мануила.[3] Греки островов Ионического моря, не будучи в состоянии выносить тяжести налогов,

---

[1] Примерная стоимость номисмы (солида или иперпира) была около двух долларов, а миллиарисия — от пятидесяти до восьмидесяти центов. (Текст соответствующего примечания в исходной русской версии 1923 г.: «На наши деньги, конечно, в нормальное время и лишь приблизительно, номисма (иперпир или солид) стоил около 4 рублей, а миллиарисий приблизительно от 30 до 35 копеек». (Следует учитывать, что А. А. Васильев писал это в годы гражданской войны, разрухи, инфляции. — *Науч. ред.*)

[2] Theophylacti archiep. Bulgariae Epist. 24 (PG, vol. CXXVI, col. 405).

[3] *Nicetas Choniates*. Historia, Bonn ed., pp. 265—268.

перешли на сторону норманнов. Подобно Алексею Комнину, Мануил улучшал свои финансы путем конфискаций светских и церковных имений и восстановил, как известно, знаменитую новеллу Никифора Фоки 964 года о церковном и монастырском землевладении. Развитие торговых отношений с западными государствами, особенно с итальянскими городами, должно было, казалось, дать империи новый источник доходов в виде таможенных пошлин, хотя Венеция, самая торговая итальянская республика, по-видимому, была освобождена от всяких пошлин. Но, с другой стороны, установившиеся в эпоху крестовых походов прямые торговые сношения итальянских городов с мусульманским Востоком, идя помимо Византии, лишали последнюю крупных выгод, которые она имела раньше, благодаря своему положению посредницы в торговле между Западом и Востоком.

Лишь во время последнего Комнина, Андроника I, кратковременное правление которого является реакцией против правления Мануила, так как Андроник выступил под знаменем защитника национальных туземных интересов и мелкого люда против латинофильства Мануила и крупных собственников, положение податных классов улучшилось. Крупные землевладельцы и сборщики податей притихли; областные правители стали получать от казны крупное содержание; продажа общественных должностей прекратилась. Современник Андроника, историк Никита Хониат рисует такую идиллическую картину: «Каждый, по слову пророка, спокойно лежал под тенью своих дерев и, собрав виноград и плоды земли, с удовольствием их ел и приятно спал, не боясь угроз сборщика податей, не думая о хищном и алчном взыскателе повинностей, не боясь, что ограбят его виноград, и не воображая, что украдут его жатву; но кто воздал кесарево кесареви, то с того никто больше ничего не требовал; у того не отнимали, как бывало иногда прежде, (последнюю) рубашку и насилием не доводили того, как часто бывало, до смерти».[1]

В то время, как византийские источники рисуют грустную картину внутренней жизни страны при Мануиле, не имевшей возможности, конечно, оправиться в кратковременное бурное правление Андроника, хотя последний и прилагал ряд мер для внутреннего устроения государства, еврейский путешественник Вениамин Тудельский (из испанского города Туделя), посетивший Византию в семидесятых годах XII века, т. е. при Мануиле, оставил нам в описании своего путешествия любопытные строки о внутренней жизни страны, явившиеся результатом его личного наблюдения и устных сообщений. Вениамин писал: «Все греческое царство должно платить государству ежегодную подать, но города

---

[1] *Nicetas Choniates.* Historia, Bonn ed., pp. 421—422.

настолько полны золота, пурпура и шелка, что таких строений с соответствующим богатством нельзя больше увидеть нигде. Утверждают, что налоги одной столицы приносят ежедневно 20 000 золотых, — сумму, в состав которой входят поступления за торговые помещения, таможенные доходы и т. д. Греки, настоящие обитатели страны, очень богаты золотом и драгоценными камнями; они одеваются в шелк, отделанный золотом, ездят верхом, подобно сыновьям князей. Страна очень обширна, богата плодами; но и хлеб, мясо и вино имеются там в таком изобилии, что никакая другая страна не может похвалиться подобным богатством. Жители сведущи в греческой литературе; одним словом, они живут счастливо, каждый под своим виноградником и фиговым деревом».[1]

В другом месте тот же автор пишет: «Все категории торговцев приезжают сюда из земли Вавилонской, из земли Шинар (Месопотамия),* из Персии, из Мидии, из всех земель, подвластных Египту, из империи Руси, из Венгрии, из Печенегии, из Хазарии, из земли Ломбардии и из Сефарада (Испания).** Это деловой город, и торговцы прибывают туда из всех стран по суше и по морю, и нет другого подобного города, за исключением Багдада, большого города ислама».[2] При Мануиле также один арабский путешественник ал-Харави посетил Константинополь, где был с благосклонностью принят императором. В своей книге он оставил описание наиболее важных памятников столицы и заметил: «Константинополь город более крупный, чем его слава свидетельствует. О, если бы Бог в своей милости и щедрости сделал из него столицу ислама!»[3] Возможно, нужно сопоставить с описанием Вениамина Тудельского несколько стихов Иоанна Цеца, поэта времени Комнинов, также имеющих отношение к Константинополю. Пародируя два стиха Гомера (Илиада, IV, 437—438), Иоанн Цец пишет не

---

[1] Die Reisebeschreibungen des R. Benjamin von Tudela. Herausgegeben und übersetzt von L. Grünhut und M. N. Adler. Bd. II. Jerusalem, 1903, S. 17—18; The Itinerary of Benjamin of Tudela, translated by M. N. Adler. London, 1907, p. 13; The Oriental Travels of Rabbi Benjamin of Tudela. In: The Contemporaries of Marco Polo. Edited by M. Komroff. New York, 1928, pp. 265—266.

* Это пояснение в скобках принадлежит А. А. Васильеву.

** Данное пояснение в скобках также принадлежит А. А. Васильеву.

[2] The Itinerary... p. 12; Die Reisebeschreibungen... S. 16. О Багдаде см.: The Itinerary... pp. 35—42; Die Reisebeschreibungen... S. 48—57; Contemporaries of Marco Polo, p. 264. См. также: *G. Le Strange*. Baghdad during the Abbasid Caliphate. Oxford, 1900, p. 332.

[3] Aboul Hassan Aly el Herewy. Indications sur les lieux de pèlerinage. Traduction par Ch. Schefer. — Archives de l'orient latin. Paris, 1881, t. I, p. 589. См. также: *A. A. Vasiliev*. Quelques Remarques sur les voyageurs du Moyen Âge à Constantinople. Mélanges Charles Diehl: Études sur l'histoire et sur l'art de Byzance, vol. I, Paris, 1930, pp. 294—296.

без некоторой горечи, смешанной с возмущением: «Люди, живущие в столице Константина, относятся к расе воров. Они не принадлежат ни к одному народу, ни к одному языку. Это смесь иностранных языков, и это очень плохие люди: критяне, турки, аланы, родосцы, хиосцы (жители острова Хиос)...* все они — весьма вороватые и развращенные — рассматриваются в Константинополе как святые».[1] Блистательная светская и деловая жизнь Константинополя при Мануиле напомнила А. Андреадесу жизнь некоторых столиц, таких как Париж, в последние годы Второй империи, накануне катастрофы.[2]

Трудно сказать точно, сколь велико было население столицы в это время. Однако возможно, правда, в качестве предположения, что в конце XII века оно насчитывало от 800 000 до 1 000 000 человек.[3]

В связи с увеличением крупных земельных владений при Комнинах и Ангелах, можно было наблюдать усиление силы и могущества крупных земельных собственников, становящихся все менее зависимыми от центрального правительства: процесс феодализации быстро распространялся в империи. Имея в виду время последних Комнинов и Исаака II Ангела, Ф. Коньяссо писал: «Феодализм охватывает с этого времени всю империю, и император вынужден бороться с крупными провинциальными синьорами, которые не всегда соглашаются предоставлять солдат с такой же охотой, как та, что была проявлена в случае войны с норманнами... Ввиду того, что равновесие элементов, составлявших социальную и политическую основу империи, было нарушено, аристократия взяла верх и в конце концов империя попала в ее руки. Монархия оказалась лишенной своей власти и богатства, которые перешли к аристократии». Империя двигалась к катастрофе.[4]

Ко времени Мануила Комнина относится весьма интересный хрисовул, запрещавший передачу — исключая должностных лиц сенаторского или военного ранга — земельной собственности, предоставленной императором. Если же передача, тем не менее, происходила, вопреки этому правилу, недвижимая собственность

---

* Пояснение в скобках принадлежит А. А. Васильеву.

[1] *Joannis Tzetzae*. Historiarum variarum Chiliades. Edidit T. Kiesslingius. Lipsiae, 1826, Chilias XIII, vss. 360—368 (p. 496). Об Иоанне Цеце см. подробнее ниже.

[2] *A. Andreadès*. De la population de Constantinople sous les empereurs byzantin. — Metron, vol. I, n. 2, (1920), p. 97.

[3] Ibid., p. 101.

[4] *F. Cognasso*. Un imperatore bizantino della decadenza Isacco II Angelo. — Bessarione, vol. XXXI, 1915, p. 52—53, 59—60, 269—289. То же самое отдельным изданием — Roma, 1915, pp. 26—27, 33—34, 56—76.

возвращалась в казну.[1] Этот эдикт Мануила, запретивший низшим классам думать о приобретении земельных дарений императора, дал аристократии огромные территории.[2] Этот хрисовул был отменен в декабре 1182 г. Алексеем II Комнином. Эдикт был подписан им; однако же, без сомнения, он был принят под давлением всемогущего регента Андроника. С 1182 г. императорские дарения недвижимой собственности могли передаваться кому бы то ни было, безотносительно к его социальному положению.[3]

Хрисовул 1182 г. нужно интерпретировать * в связи с новой политикой Андроника по отношению к византийской аристократии и крупным земельным собственникам, против которых он начал ожесточенную борьбу. Алексей II Комнин, подписавший закон, был просто устами желания Андроника. Поэтому-то представляется сомнительным мнение некоторых ученых, которые полагают, что запрет Мануила был обращен против франков и имел целью запретить приобретения этим иностранным торговцам и что, соответственно, отмена эдикта была франкофильским актом, полностью соответствующим политике Алексея II Комнина.[4]

Действительно, правительство Алексея II, который был ребенком, и его матери, старалось опереться на ненавидимые обществом латинские элементы, однако после того, как Андроник вошел в столицу и был провозглашен регентом, положение изменилось. Правительство попало в его руки, и с конца 1182 г. его политика была открыто враждебна латинянам.

Оборона и торговля. Ввиду почти постоянных военных действий войско в эпоху Комнинов стоило правительству громадных средств, и надо отдать должное тому, что Комнины заботились об укреплении своей армии. Как известно, в состав ее входили, помимо туземного элемента, поставляемого фемами, многочисленные на-

---

[1] *K. E. Zachariä von Lingenthal.* Jus graeco-romanum, vol. III, p. 457. Через несколько лет хрисовул был повторен (см. там же, с. 498). Дата хрисовула является предметом дискуссий. См. там же, с. 457, 498. См. также: *F. Dölger.* Corpus der griechischen Urkunden. Bd. II, S. 62—63 (n. 1333), p. 70 (n. 1398).

[2] *F. Cognasso.* Partiti politici e lotte dinastiche in Bizanzio... p. 284 (72).

[3] *K. E. Zachariä von Lingenthal.* Jus graeco-romanum, vol. III, p. 507.

* Сопоставление второго американского издания с французским позволяет выявить известное изменение взглядов А. А. Васильева. Во французском издании здесь стояло два слова, не вошедшие во второе американское издание — «мы думаем». Иными словами, в 1932 году А. А. Васильев был, по сравнению с 1952 г., менее уверен в данном утверждении.

[4] См.: *F. Dölger.* Corpus der griechischen Urkunden. Bd. II, S. 89 (n. 1553). Ср. также: *L. Bréhier.* Andronic I (Comnène). — Dictionnaire d'histoire et de la géographie ecclésiastiques, vol. II, col. 1780.

емные отряды самых разнообразных национальностей. Во время Комнинов отмечается новый национальный элемент в войске: элемент англо-саксонский.

Причиной появления англо-саксов в Византии был факт завоевания Англии норманнами при Вильгельме Завоевателе в 1066 году, когда разразившаяся в этом году катастрофа над Англией после сражения при Гастингсе или Сенлаке отдала страну в руки сурового завоевателя и создала новые условия жизни. Попытки восстаний со стороны англо-саксов против нового правителя были жестоко подавлены казнями и потушены в потоках крови. В таких обстоятельствах многие отчаявшиеся англо-саксы стали покидать свою родину. Во всяком случае, в восьмидесятых годах XI века, т. е. в начале правления Алексея Комнина, встречаются уже, как заметил английский историк Фриман, автор известного большого труда о покорении норманнами Англии, несомненные признаки и указания на англо-саксонскую эмиграцию в греческую империю.[1] Один западный источник первой половины XII века пишет: «Потеряв свободу, англы сильно опечалились... Некоторые из них, сияющие цветом прекрасной юности, направились в отдаленные страны и смело предложили себя на военную службу императора константинопольского Алексея».[2] Это было началом той «варяго-английской дружины», которая в истории Византии XII века играла крупную роль, подобно тому, как в X и XI веках играла такую же роль варяго-русская дружина. Никогда, по-видимому, не было такого количества наемного иноземного войска в Византии, как во время латинофильского правления Мануила.

Что касается флота, то морские силы, хорошо организованные Алексеем, по-видимому, постепенно теряли свою боеспособность, чтобы во время Мануила прийти в упадок. Никита Акоминат в своей истории сурово порицает Мануила за разрушение морской мощи империи.[3] В этом отношении при Комнинах помогли Византии вступившие с ней в союз венецианские корабли, за счет, конечно, экономической независимости Византии.

Мануил восстановил и укрепил известное количество населенных пунктов,* находившихся в состоянии упадка. Он, например, укрепил весьма важный, занимающий выгодное стратегическое положение город Атталия (Саталия) на южном берегу Малой

---

[1] *E. A. Freeman.* The History of the Norman Conquest of England, vol. IV. Oxford, 1871, p. 628; *A. A. Vasiliev.* The Opening Stages of the Anglo-Saxon Immigration to Byzantium in the Eleventh Century. — Annales de l'Institut Kondakov, vol. IX, 1937, pp. 39—70.

[2] Orderici Vitalis Historia ecclesiastica. — PL, vol. CLXXXVIII, col. 309.

[3] *Nicetas Choniates.* Historia, Bonn ed., p. 75.

* В тексте у А. А. Васильева — places, т. е. буквально «мест».

Азии.[1] По его приказу были проведены также фортификационные работы и возведен мост в Абидосе, при входе в Геллеспонт,[2] где находилась одна из самых важных византийских таможен и где, начиная со времени Комнинов, венецианцы и их соперники — генуэзцы и пизанцы — имели свои представительства.

Вопрос о провинциальном (фемном) управлении при Комнинах не разработан. Известно, что в XI веке число фем доходило до 38.[3] В связи с некоторым изменением территории империи в XI и XII веках, в смысле ее уменьшения, границы провинций и их число не могли остаться прежними. Материал для суждения по данному вопросу может быть почерпнут из новеллы Алексея III Ангела от ноября 1198 г.,[4] где говорится о торговых привилегиях, дарованных императором Венеции, и где перечисляются «поименно все области, находящиеся под властью Романии, в которых (венецианцы) должны торговать».[5] Список, имеющийся в этой новелле и являющийся еще недостаточно изученным источником, дает приблизительное представление об изменениях, которые произошли в провинциальном устройстве империи в XII веке.

Большая часть прежних фем управлялась военными должностными лицами, или стратигами. Позднее, особенно после битвы при Манцикерте в 1071 г., и затем в течение XII века, по мере возрастания турецкой опасности в Малой Азии и отделения Болгарии в 1186 г., территория империи значительно уменьшилась. Ввиду уменьшения территории, весьма важный и почетный титул стратига, присваиваемый главному должностному лицу фемы, к концу XI века вышел из употребления. При Комнинах титул «стратиг» исчез полностью, так как стал соответствовать гораздо меньшему, чем раньше, размеру провинций. Постепенно он был заменен

---

[1] Gesta regis Henrici Secundi Benedicti Abbatis, ed. W. Stubbs (Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores, vol. 49), vol. II. London, 1867, p. 195. Та же самая информация — Chronica magistri Rogeri de Houedene, ed. W. Stubbs (Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores, vol. 51). Vol. II, London, 1870, p. 157.

[2] См. две короткие поэмы Феодора Продрома в: Recueil des historiens des Croisades. Historiens grecs, t. II, pp. 541—542.

[3] *Н. Скабаланович.* Византийское государство и церковь в одиннадцатом веке. СПб., 1884, с. 186, 193—230.

[4] *K. E. Zachariä von Lingenthal.* Jus graeco-romanum, vol. III, pp. 560—561. (под 1199 г.); *G. L. F. Tafel, G. M. Thomas.* Urkunden zur ältern Handels- und Staatsgeschichte. Bd. I, S. 258—272 (дата та же — 1199 г.) Точная же дата — ноябрь 1198 г. Этот документ имеет точную дату. См.: *K. E. Zachariä von Lingenthal.* Jus graeco-romanum, vol. III, p. 565; *G. L. F. Tafel, G. M. Thomas.* Ibid., S. 258.

[5] *K. E. Zachariä von Lingenthal.* Jus graeco-romanum, vol. III, p. 560; *G. L. F. Tafel, G. M. Thomas.* Urkunden zur ältern Handels- und Staatsgeschichte, Bd. I, S. 258.

«дуксом» — титулом, который носили в IX веке и ранее наместники некоторых небольших провинций.[1]

В торговой ситуации империи при Комнинах и Ангелах произошло весьма важное изменение: в результате крестовых походов Запад и Восток начали устанавливать прямые торговые связи между собой и Византия потеряла роль коммерческого агента между ними.[2] Это был тяжелый удар по экономическому могуществу империи. С другой стороны, и в столице, и в некоторых других городах Венеция уже обеспечила себе с начала царствования Алексея Комнина господствующее положение. При том же императоре пизанцы получили весьма важные торговые привилегии в Константинополе. Они получили место для причала (scala) и специальный квартал с лавками и частными домами. Специальные места были зарезервированы для пизанцев во время богослужений в Св. Софии и на ипподроме на время общественных спектаклей.[3] К концу правления Иоанна Комнина генуэзцы начали первые переговоры с Византией и совершенно очевидно, что основным пунктом этих переговоров были торговые дела. Политика Мануила была тесно связана с торговыми интересами Венеции, Пизы и Генуи, которые, уменьшая экономическое могущество империи, находились в постоянной торговой конкуренции между собой. В 1169 году Генуя получила исключительно выгодные торговые привилегии по всей империи, за исключением двух мест на северных берегах Черного и Азовского морей.[4]

---

[1] См.: *E. Stein*. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte. — Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte, Bd. II, 1924, S. 21 (отдельное издание). См. также примечание Э. Штайна по поводу хрисовула ноября 1198 г. (в той же работе — с. 20, прим. 11).

[2] Лучше всего документированной работой по вопросу о торговых связях Византии и итальянских республик при Комнинах и Ангелах является работа Хейда — *W. Heyd*. Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge. T. I. Leipzig, 1885, S. 190—264. См. также: *F. Chalandon*. Les Comnène... vol. II, pp. 625—627; *J. W. Thompson*. An Economic and Social History of the Middle Ages. New York, London, 1928, pp. 380—439.

[3] См. текст в: *F. Miklosich, J. Müller*. Acta et diplomata graeca... vol. III, pp. 9—13; этот же текст в следующем издании — *J. Müller*. Documenti sulle relazioni delle città Toscane coll' Oriente Cristiano e coi Turchi. Firenze, 1879, pp. 43—45; 52—54. См. также: *W. Heyd*. Histoire du commerce du Levant... t. I, p. 193—194; *F. Dölger*. Corpus der griechischen Urkunden... Bd. II, S. 53—54 (n. 1255). См. также: *A. Schaube*. Handelsgeschichte der Romanischen Völker des Mittelmeergebiets bis zum Ende der Kreuzzüge. München, Berlin, 1906, S. 247—274.

[4] Nuova serie di documenti sulle relazioni di Genova coll' Imperio Bizantino, ed. A. Sanguineti, G. Bertolotto. — Atti della Società ligure di storia patria, t. XXVIII, 1896—1898, pp. 351, 355, 360; *F. Miklosich, J. Müller*. Acta et diplomata graeca... vol. III, p. 35. См. также: *F. Dölger*.

После страшного истребления латинян в 1182 г. их положение при Ангелах стало снова более благоприятным и, наконец, в 1198 г. Алексей III с неохотой гарантировал Венеции «хрисовул», повторяющий и подтверждающий предыдущую буллу Исаака Ангела относительно оборонительного союза с Венецией. Документ обновлял торговые привилегии и добавлял некоторое количество новых позиций. Границы венецианского квартала остались без изменений.[1] Согласно одному исследователю, некоторые положения этого договора оказали очень большое влияние на институт консульской юрисдикции в Османской империи.[2]

Не только в столице, но также и во многих провинциальных городах и островах империи, венецианцы, пизанцы и генуэзцы полностью использовали преимущества своих традиционных привилегий и имели свои собственные кварталы. Фессалоника (Салоника) была после Константинополя самым важным экономическим центром империи. Там, как свидетельствует источник XII века, каждый год в конце октября, по случаю праздника св. Димитрия, покровителя города, организовывалась знаменитая ярмарка. В те дни греки и славяне, итальянцы, испанцы (иберийцы) и португальцы (лузитане), «кельты из-за гор» (французы) и люди, которые приезжали с дальних берегов Атлантики, собирались в Фессалонике и вели свои торговые дела.[3] Фивы, Коринф и Патры в Греции были знамениты своими шелками. Адрианополь и Филиппополь на Балканском полуострове также были важными торговыми центрами. В коммерческой деятельности этого времени принимали участие также острова Эгейского моря.

По мере приближения фатального 1204 года, экономическая значимость империи оказывалась все более подорванной благодаря торговой удаче и инициативе итальянских республик: Венеции, Генуи и Пизы. Венеция здесь занимала первое место. Монархия теряла, как сказал итальянский историк Ф. Коньяссо, «свое могущество и богатство в пользу аристократии, точно так же, как она была вынуждена потерять свои другие многочисленные права

Corpus der griechischen Urkunden... Bd. II, S. 82 (n. 1488); *G. Brătianu*. Recherhes sur le commerce génois dans la mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929, pp. 65—66.

[1] Об этом хрисовуле см. выше. См. также: *H. Brown*. The Venetians and the Venetian Quarter. — JHS, vol. XL, 1920, p. 88.

[2] *Mustafa Hamid*. Das Fremdenrecht in der Türkei. — Die Welt der Islam, Bd. VII, 1919, S. 26—27.

[3] Timario sive De passionibus eius. Dialogus Satyricus. Ed. M. Hase. — Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale, vol. IX, 1813, part 2, pp. 171—174; Ed. A. Ellissen. Analecten der mittel- und neugriechischen Literatur, Bd. IV (I), Leipzig, 1860, S. 46—53, 98 ff.

в пользу коммерческого космополитического класса больших городов империи».[1]

Просвещение, наука, литература и искусство

Время Македонской династии, как известно, отличалось напряженной культурной работой в области науки, литературы и просвещения. Деятельность таких лиц, как Фотий в IX веке, Константин Багрянородный в X веке и Михаил Пселл в XI веке с окружавшей их культурной элитой, и оживление в жизни преобразованной в том же XI веке константинопольской высшей школы создали такую обстановку, в которой происходило культурное возрождение эпохи Комнинов и Ангелов. Увлечение античной литературой является отличительной чертой того времени. Гесиод, Гомер, Платон, историки Фукидид и Полибий, ораторы Исократ и Демосфен, греческие трагики и Аристофан и другие видные представители разнообразных областей античной литературы служили предметом изучения и подражания для писателей XVII и начала XVIII веков. Особенно это подражание было заметно в языке, который в чрезмерной погоне за чистотой древней аттической речи сделался искусственным, напыщенным, временами тяжелым для чтения и нелегким для понимания, оторванным от живой разговорной речи. Это была литература людей, которые, по выражению английского византиниста Бьюри, «являлись рабами традиции; это было рабство перед благородными образцами, но все же это было рабство».[2] Но некоторые из писателей, искушенные в красотах классической речи, тем не менее не пренебрегали иногда также пользоваться и народной, разговорной речью их времени и оставили нам любопытные памятники живого языка XII века. Писатели эпохи Комнинов и Ангелов понимают превосходство византийской культуры перед народами Запада, «этими, — по словам источника, — темными и бродячими племенами, большую часть которых Константинополь если не родил, то вырастил и вскормил», «у которых не находит приюта ни одна харита или муза» и для которых приятное пение кажется тем же, что «крик коршунов или карканье вороны».[3]

Данная эпоха в области литературы имеет целый ряд интересных и выдающихся представителей как в духовной, так и в светской среде. Культурная струя проникла также в семью самих

---

[1] *F. Cognasso.* Un imperatore bizantino della decadenza Isacco II Angelo. — Bessarione, vol. XXXI, 1915, p. 60. То же отдельным изданием — Roma, 1915, p. 34.

[2] *J. B. Bury.* Romances of Chivalry on Greek Soil. Oxford, 1911, p. 3.

[3] *Nicetas Choniates.* Historia, Bonn ed., pp. 391, 764, 791.

Комнинов, из которой многие представители, подчиняясь влиянию создавшейся обстановки, уделяли время на занятие наукой и литературой.[1] Мать Алексея I Комнина, высокообразованная и умная Анна Далассина, о которой ее ученая внучка Анна Комнина пишет, что «ее достоинства могли сделать честь не только женщинам, но и мужчинам, и сама она была украшением человеческой природы», часто приходила даже к обеденному столу с книгою в руках, не переставая толковать догматические вопросы святоотеческих писателей и особенно философа и мученика Максима.[2] Сам император Алексей Комнин писал богословские рассуждения против еретиков; а несколько лет назад (в 1913 году) были изданы написанные ямбическим размером две «Музы» Алексея Комнина, посвященные его сыну и наследнику Иоанну в качестве написанного незадолго до смерти «увещевания».[3] «Музы» Алексея, представляя собою род политического завещания, касаются не только отвлеченных вопросов морали, но и целого ряда современных исторических событий, например, первого крестового похода.

Дочь Алексея Анна и ее супруг Никифор Вриенний занимают почетное место на страницах византийской историографии. Переживший Алексея и игравший важную роль в государственных делах при нем и при его сыне Иоанне, супруг Анны Никифор Вриенний задался целью написать историю Алексея Комнина. Смерть помешала Никифору выполнить его план, и он успел составить род семейной хроники или мемуаров, имеющих целью показать причины возвышения дома Комнинов и не доведенных даже до вступления Алексея на престол. Подробный рассказ Вриенния охватывает события с 1070 по 1079 год, т. е. до начала правления Никифора III Вотаниата, и обращает главное внимание на деятельность членов дома Комнинов, что вводит в изложение черты некоторого пристрастия. Язык Вриенния довольно прост и лишен той искусственной закругленности, которая свойственна, например, его ученой супруге. Из древних образцов у него можно довольно ясно отметить влияние Ксенофонта. Сочинение Вриенния имеет важное значение как для придворной внутренней истории, так и для вопроса внешней истории, а именно — об усилении турецкой опасности для Византии.

Талантливая и высокообразованная супруга Вриенния, старшая дочь императора Алексея, Анна Комнина является автором «Алексиады», — этой, по выражению некоторых исследователей, эпи-

---

[1] По этому вопросу есть весьма интересный и содержательный очерк Шарля Диля: La Société byzantine à l'époque des Comnènes. — Revue historique du sud-est européen, vol. VI, 1929, pp. 198—280.

[2] *Анна Комнина*. Алексиада, III, 8, с. 130; V, 9, с. 174.

[3] *P. Maas*. Die Musen des Kaisers Alexios I. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXII, 1913, S. 348—367.

ческой поэмы в прозе,[1] первого значительного памятника литературного возрождения эпохи Комнинов, где царственная писательница задалась целью дать описание славного правления своего отца, «Великого Алексея, светоча вселенной, солнца Анны».[2] Один из биографов Анны заметил: «Почти всегда до девятнадцатого века женщина как историк была *редкой птицей*.* Когда же, в одном из самых важных движений человеческой истории появляется принцесса, она, без сомнения, заслуживает почтительного внимания последующих поколений».[3] В пятнадцати книгах своего большого сочинения, законченного в начале правления Мануила, Анна описывает время с 1069 по 1118 годы, т. е. дает картину постепенного усиления дома Комнинов еще до вступления Алексея на престол и доводит изложение до смерти последнего, дополняя и продолжая таким образом сочинение своего мужа Никифора Вриенния. Панегирическая тенденция в пользу отца, которая проходит через всю «Алексиаду», должна показать читателю все превосходство Алексея, этого «тринадцатого апостола»,[4] перед другими представителями фамилии Комнинов. Анна получила прекрасное образование и читала многих наиболее выдающихся читателей древности, Гомера, лириков, трагиков, Аристофана, из историков — Фукидида и Полибия, из ораторов — Исократа и Демосфена, из философов — Аристотеля и Платона. Все это отразилось на языке «Алексиады», который, усвоив внешнюю форму древней эллинской речи, превратился в искусственный, по выражению Крумбахера, «почти совершенно мумиеобразный школьный язык, который представляет полную противоположность выступающему в то же самое время народному говору».[5] Анна даже извиняется перед читателями, когда ей приходится называть варварские имена западных или русских (скифских) вождей, которые безобразят высоту и предмет истории.[6] Несмотря на указанное пристрастное отношение к отцу, Анна дала нам в высшей степени важный в историческом отношении памятник, в основу которого были положены не только личные наблюдения автора и устные сообщения, но и документы государственных архивов, дипломатическая переписка и импера-

---

[1] *D. Hesseling*. Byzantium. Haarlem, 1902, p. 336. Французское издание — Essai sur la civilisation byzantine. Paris, 1907, p. 321

[2] *Анна Комнина*. Алексиада, XV, 11, с. 433.

* Курсив А. А. Васильева, восходящий, возможно, к автору цитируемого им текста.

[3] *F. J. Foakes-Jackson*. Anna Comnena. — Hibbert Journal, vol. XXXIII, 1934—1935, p. 430.

[4] *Анна Комнина*. Алексиада, XIV, 8, с. 396.

[5] *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 277.

[6] *Анна Комнина*. Алексиада X, 8, с. 280; VI, 14, с. 201.

торские указы. Для первого крестового похода «Алексиада» является одним из самых насущных источников. Современная наука признает, что «при всех недостатках мемуары дочери об отце остаются одним из самых выдающихся произведений средневековой греческой историографии»[1] и «останутся всегда благороднейшим памятником» обновленного Алексеем Комнином Греческого государства.[2]

Если о сыне и преемнике Алексея, императоре Иоанне, проведшим почти всю жизнь в походах, неизвестно, разделял ли он литературные вкусы окружающих его лиц, то о его младшем брате севастократоре Исааке теперь мы знаем, что он, будучи вообще образованным и любящим литературу лицом, является автором двух небольших произведений, характеризующих историю переработки гомеровского эпоса в средние века, и предисловия к так называемому Константинопольскому Серальскому кодексу Восьмикнижия (Октатевха). Новейшие исследования позволяют предполагать, что писательская деятельность севастократора Исаака Комнина была гораздо более разнообразна, чем мы в состоянии судить на основании двух-трех изданных небольших текстов и что в его лице перед нами новый писатель, могущий возбудить интерес о разнообразных точках зрения.[3]

Император Мануил, увлекавшийся астрологией, написал апологию «астрономической науки», под которой надо разуметь астрологию, против нападений на нее со стороны духовенства, и, кроме того, был автором различных богословских произведений и

---

[1] *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 276.

[2] *C. Neumann*. Griechische Geschichtschreiber und Geschichtsquellen im zwölften Jahrhundert. Studien zu Anna Comnena, Theodor Prodromus, Johannes Cinnamus. Leipzig, 1888, S. 28. Долгое время Анна Комнина была известна главным образом благодаря появлению ее имени в романе Вальтера Скотта «Граф Роберт Парижский». Она был столь преобразована прикосновением «мудреца севера», что стала почти неузнаваемой. В одной из сцен романа (в четвертой главе) Анна читает отрывок из своей истории, рассказ об отступлении из Лаодикеи, которого нет в «Алексиаде». (А. А. Васильев забывает отметить, что Вальтер Скотт в своем романе достаточно ясно предупреждает: приводимый им отрывок из сочинения Анны Комниной — это не более чем литературная мистификация. Текст «Отступления от Лаодикеи» предваряется у Вальтера Скотта указанием на то, что он впервые приводит в переводе с греческого текст из сочинения Анны, не воспроизводившийся, к сожалению, византийскими историками. — *Науч. ред.*) См.: *F. J. Foakes-Jackson*. Anna Comnena. — Hibbert Journal, vol. XXXIII, 1934—1935, p. 441.

[3] *Ф. И. Успенский*. Константинопольский Серальский кодекс. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, т. XII, 1907, с. 30—31.

официальных императорских речей.[1] Благодаря теологическим изысканиям Мануила, его панегирист Евстафий Фессалоникийский назвал его правление «императорским священством» (priesthood) или «царством жрецов» (Исход, 19 : 26).[2] Мануил не только интересовался литературой и теологией. Он стремился заинтересовать других. Мануил послал знаменитое сочинение Птолемея «Альмагест» в качестве подарка королю Сицилии, который, также как и некоторое количество других рукописей, был доставлен из библиотеки Мануила в Константинополь. Первый латинский перевод «Альмагеста» был сделан с этой рукописи в 1160 году.[3] Любовью к наукам и литературным дарованием отличалась невестка Мануила Ирина, которой посвятил много стихотворений ее, можно сказать, специальный поэт и, вероятно, учитель Феодор Продром, и в честь которой составил свою стихотворную хронику Константин Манасси, называющий в прологе хроники Ирину «настоящим другом литературы» (φιλολογωτάτη).[4] Приписываемый иногда Андронику I «Диалог против иудеев» принадлежит более позднему времени.

Из только что сделанного краткого очерка видно, насколько была проникнута литературными интересами императорская семья Комнинов. Но, конечно, она лишь отражала на себе общий культурный подъем, особенно выразившийся в развитии литературы, который является одним из отличительных признаков эпохи Комнинов. Во время Комнинов и Ангелов историки и поэты, богословские писатели и писатели в различных областях античности и, наконец, сухие хронисты оставили нам свои произведения, дающие возможность лучше проникнуть в литературные интересы той эпохи.

---

[1] *Ioannes Cinnamus*. Historia. Bonn ed., p. 290; *Nicetas Choniates*. De Manuele, VII, 5. Bonn ed., pp. 274—275. Сочинение Мануила по астрологии написано в форме письма, адресованного монаху, «который с пренебрежением отзывался об астрономической науке и называл ее изучение нечестием. Сочинение опубликовано в: Catalogus codicum astrologorum, vol. V (I), pp. 108—125. (К сожалению, А. А. Васильев нигде не приводит полного библиографического описания этого издания. — *Науч. ред.*)

[2] Fontes rerum byzantinarum, ed. W. Regel. Saint-Petersbourg, 1892, t. I, (I), p. 6; см. также p. VII.

[3] См.: *C. H. Haskins*. The Spread of Ideas in the Middle Ages. — Speculum, vol. I, 1926, p. 24, *Idem*. Studies in the History of Medieval Sciences, pp. 143, 161; *Idem*. The Renaissance of the Twelfth Century, p. 292.

[3] *Constantini Manassis* Breviarium historiae metricum, Ed. Bekker, I. Bonn, 1837, p. 3, vers. 3. (Ниже ссылка на это сочинение приводится в той форме, которая приведена у А. А. Васильева — Compendium chronicum, Bonn ed. — *Науч. ред.*)

Современник Комнинов, начиная с Иоанна, историк Иоанн Киннам, следуя древним образцам, Геродоту и Ксенофонту, а также находясь под влиянием Прокопия, оставил нам описание событий правления Иоанна и Мануила (с 1118 по 1176 г.), являясь таким образом продолжателем Анны Комниной. В центре незаконченного, очевидно, изложения поставлена у него фигура Мануила, почему и сочинение Киннама носит несколько панегирический характер. Будучи ярым защитником прав восточно-римского императорства и убежденным противником папских притязаний и императорской власти германских государей и сделав своим героем благоволившего к нему Мануила, Киннам, тем не менее, дал нам добросовестный рассказ, основанный на изучении ценных источников и написанный очень хорошим греческим языком, «тоном честного воина, исполненного естественного и нескрываемого чувства восторга к императору».[1]

Видными фигурами в литературе XII и начала XIII веков являются два брата, Михаил и Никита Акоминаты, из фригийского города Хон (в Малой Азии); поэтому их иногда называют Хониатами. Старший брат Михаил, получивший прекрасное классическое образование в Константинополе у Евстафия, епископа Солунского, о котором речь будет ниже, выбрал духовную стезю и в течение более тридцати лет был архиепископом Афин.[2] Этот горячий поклонник эллинской древности жил в епископском здании на Акрополе, где, как известно, в средние века в стенах античного Парфенона находился собор Богоматери. Для него казалось особенно привлекательным иметь митрополию на Акрополе. Михаил смотрел на город и на его население глазами современника Платона, почему он так и ужаснулся той громадной пропасти, которая отделяла современных ему жителей Афин от древних эллинов. Как идеалист, Михаил в первый момент не обратил должного внимания на совершившийся во всей Греции процесс изменения греческой народности; его идеальные представления тотчас же столкнулись с груст-

---

[1] *C. Neumann*. Griechische Geschichtschreiber und Geschichtsquellen im zwölften Jahrhundert. Studien zu Anna Comnena, Theodor Prodromus, Johannes Cinnamus, S. 99; *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 280.

[2] Самым важным исследованием о нем является следующая работа: *G. Stadtmüller*. Michael Choniates Metropolit von Athen (ca. 1138 — ca. 1222). — Orientalia Christiana, vol. XXXIII, (2), 1934, pp. 125—325. См. также: *I. C. Thallon*. A Medieval Humanist: Michael Akominatos. (Vassar Medieval Studies by the members of the Faculty of Vassar College). New Haven, 1923, pp. 273—314. Это очень хорошая работа, основанная на переписке Михаила. Другое ценное исследование — *K. M. Setton*. Athens in the Later Twelfth Century. — Speculum, vol. XIX, 1944, pp. 179—207.

ной действительностью. Он мог сказать: «Я живу в Афинах, но я нигде не вижу Афин».

Блестящая вступительная речь Михаила, произнесенная им перед собравшимися в Парфеноне афинянами, — образец, по словам самого оратора, простоты слога, где он напоминал слушателям о былом величии города, матери красноречия и мудрости, высказывал твердую уверенность в непрерывном генеалогическом продолжении афинского народа с древних времен по его время, убеждал афинян соблюдать благородные нравы их предков, приводил в пример Аристида, Аякса, Диогена, Перикла, Фемистокла и других.[1] Эта речь, составленная, на самом деле, в возвышенном стиле, наполненная античными и библейскими цитатами, пересыпанная метафорами и тропарями, осталась чуждой и темной для слушателей нового митрополита; речь его была выше понимания афинян XII века. И это Михаил понял. С глубокой горечью он в одной из следующих проповедей говорит: «О, город Афины! Матерь мудрости! До какого невежества ты опустился!.. Когда я обращался к вам со вступительной речью, которая была так проста, безыскусственна, то оказалось, что я говорил о чем-то непонятном или на чужом языке, персидском или скифском».[2] Ученый Михаил Акоминат быстро отказался видеть в современных ему афинянах непосредственных потомков древних эллинов. Он писал: «Сохранилась самая прелесть страны, богатый медом Гимет, тихий Пирей, некогда таинственный Элевсин, Марафонская равнина, Акрополь, — но то любящее науку ученое поколение исчезло, и его место заняло поколение невежественное, бедное умом и телом».[3] Михаил, окруженный в Афинах варварами, сам боялся огрубеть и превратиться в варвара; он жалуется на порчу греческого языка, сделавшегося каким-то варварским наречием, которое понимать Акоминат был в состоянии только три года спустя после своего прибытия в Афины.[4] Возможно, эти его жалобы не без преувеличений, однако он был недалек от истины, когда писал, что Афины были городом славы (a glorious city), которого больше нет. Истинное имя Афин исчезло бы из памяти людей, если бы оно не поддерживалось бы постоянно блистательными подвигами прошлого и знаменитыми историческими памятниками, такими как Акрополь, Ареопаг, Гиметт и Пирей, которые, как неизменяемые творения природы, находятся вне зависимости от разрушения временем.[5]

---

[1] *Michael Acominatos* (*Choniates*). Ed. S. Lampros, vol. I, pp. 93—106.
[2] Ibid., p. 124.
[3] Ibid., vol. II, p. 12.
[4] Ibid., vol. II, p. 44.
[5] Ibid., vol. I, p. 316. См. также: *K. M. Setton*. Athens in the Later Twelfth Century. — Speculum, vol. XIX, 1944, p. 207.

До самого начала XIII века Михаил оставался в Афинах. После завоевания Афин франками в 1204 году он должен был уступить свое место латинскому епископу и последнюю часть своей жизни провел на небольшом островке Кеосе, около берегов Аттики, где в 1220 году умер и был погребен.

Михаил Акоминат оставил после себя богатое литературное наследство в виде проповедей и речей на различные темы, многочисленных писем и нескольких стихотворений, дающих драгоценные сведения о политических, бытовых и литературных условиях жизни его времени. Из его стихотворений первое место принадлежит ямбической элегии в честь города Афин, «первому, а также и единственному дошедшему до нас плачу о гибели древнего, славного народа».[1] Грегоровиус называет Михаила Акомината лучем солнечного света, который вспыхнул в темноте средневековых Афин, «последним великим гражданином и последней славой этого города мудрости».[2] Другой автор писал: «Чужестранец по рождению, он настолько сроднился со своим приемным домом, что мы можем назвать его последним из великих афинян, достойным стоять рядом с теми благородными фигурами, которых он столь ярко представил своей пастве».[3]

В варварстве, окружавшем Афины, о котором пишет Михаил, и в порче языка, может быть, надо видеть следы славянского влияния. Мало того, некоторые ученые, например Ф. И. Успенский, считают возможным, на основании сочинений Михаила, утверждать существование в XII веке около Афин такого важного явления во внутренней истории Византии, как славянской общины и свободного крестьянского землевладения.[4] Я не могу согласиться с этим утверждением.

Младший брат Михаила, Никита Акоминат (или Хониат) занимает достойное место в ряду исторических писателей XII и начала XIII веков. Родившись около половины XII столетия, как и брат, во фригийском городе Хоны, Никита еще мальчиком был отправлен в Константинополь, где обучался наукам под руководством своего старшего брата Михаила. В то время как последний посвятил себя духовному званию, Никита выбрал светскую дорогу чиновника и, начиная, вероятно, с последних годов правления Мануила, и особенно при Ангелах, будучи близким ко двору,

---

[1] *F. A. Gregorovius*. Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter von der Zeit Justinian's bis zur türkischen Eroberung. Stuttgart, 1889, Bd. I, S. 243.

[2] *F. A. Gregorovius*. Op. cit., Bd. I, S. 204.

[3] *I. C. Thallon*. A Medieval Humanist: Michael Akominatos. New Haven, 1923, p. 314.

[4] *Ф. И. Успенский*. Об истории крестьянского землевладения в Византии. — ЖМНП, т. CCXXV, 1883, с. 85—86.

достиг высших ступеней чиновной лестницы. Вынужденный бежать из столицы после разгрома ее крестоносцами в 1204 году, он нашел приют у никейского императора Федора Ласкаря, который, обласкав его и возвратив ему все утраченные им почести и отличия, дал возможность Никите последние годы его жизни посвятить излюбленному труду и закончить свое главное историческое произведение. Умер Никита в Никее вскоре после 1210 года. Старший брат его Михаил пережил Никиту и по случаю смерти последнего написал прочувственную и важную в биографическом отношении надгробную речь (монодию).

Главнейшим произведением Никиты Акомината является его большой исторический труд в 20 книгах, охватывающий события со времени вступления на престол Иоанна Комнина до первых лет Латинской империи (с 1118 по 1206 годы). В лице Никиты мы имеем драгоценный источник для времени Мануила, интересного правления Андроника, эпохи Ангелов, четвертого крестового похода и взятия Константинополя крестоносцами в 1204 году; начало истории, время Иоанна Комнина, изложено кратко. Труд Никиты, обрываясь на случайном событии, не представляет законченного целого и, может быть, по мнению Ф. И. Успенского, не весь еще издан.[1] Для своей «Истории» Никита признает лишь два источника: рассказы очевидцев и личные наблюдения. О том, пользовался ли он произведениями Иоанна Киннама, как источником, мнения ученых расходятся.[2] «История» Никиты Акомината написана напыщенным, витиеватым и картинным языком; в его изложении нашли отражение глубокие познания автора как в античной литературе, так и в богословии. Однако, у самого автора представление о его языке совсем иное; во введении к своей «Истории» он, между прочем, пишет: «Я вовсе не заботился о рассказе пышном, испещренным словами непонятными и выражениями высокопарными, хотя многие очень высоко ценят это. Истории больше всего противна, как я уже сказал, речь искусственная и неудобопонятная и, напротив, она очень любит повествование простое, естественное и легко понятное».[3]

Несмотря на некоторую тенденциозность в изложении событий того или иного царствования, Никита, убежденный в полном культурном превосходстве «римлянина» над западным «варваром», заслуживает, как историк, большого доверия и глубокого внимания. «Никита уже по тому одному, — пишет Ф. И. Успенский, —

---

[1] *Ф. И. Успенский*. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874, с. 128.

[2] *Ф. И. Успенский*. Там же, с. 153—160; *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 283.

[3] *Nicetas Choniates*. Historia. Ed. Bonn, 1835, p. 6.

заслуживает изучения, что в своей истории занимается важнейшей эпохой средних веков, когда враждебные отношения Запада к Востоку достигли самой высокой степени напряжения, разразившись крестовыми походами и основанием Латинской империи в Царьграде. Его воззрения на западных крестоносцев и на взаимные отношения Востока к Западу отличаются глубокой правдой и тонким историческим смыслом, какого не представляют и лучшие памятники западной средневековой литературы».[1]

Кроме истории, перу Никиты Акомината, может быть, принадлежит небольшое сочинение о статуях, разбитых латинянами в Константинополе в 1204 году, а также несколько риторических произведений в виде панегирических речей в честь различных императоров и еще целиком неизданный богословский трактат «Сокровища Православия» (Θησαυρὸς ὀρθοδοξίας), являющийся как бы продолжением «Паноплии» Евфимия Зигавина, основанный на изучении многочисленных писателей и имеющий целью опровержение целого ряда еретических заблуждений.

К числу ярких фигур XII века в области культуры принадлежит также талантливый учитель и друг Михаила Акомината, «самый блестящий светоч византийского ученого мира со времени Михаила Пселла»,[2] архиепископ Фессалоникийский (Солунский) Евстафий. Получив образование в Константинополе, он там же, в звании диакона при храме Святой Софии, был учителем красноречия и написал бóльшую часть своих ученых работ; исторические труды и различные произведения были написаны им уже в Фессалонике. Дом Евстафия в столице был своего рода школой для молодых студентов. Он стал центром, где собирались лучшие умы столицы и молодые люди, стремящиеся к знаниям.[3] Будучи верховным пастырем во втором после столицы городе империи, Евстафий положил много сил на поднятие духовного и нравственного уровня современного ему монашества, чем нажил немало врагов среди монастырского духовенства.[4] С культурно-исторической точки зрения очень интересны его настойчивые обращения к монахам не расточать сокровища библиотек; по этому вопросу Евстафий в своем сочинении о монашестве пишет, например, следующее: «Увы мне! зачем в самом деле ты, неуч, будешь уподоблять монастырскую

---

[1] *Ф. И. Успенский.* Византийский писатель.... Введение, с. 5.

[2] *F. A. Gregorovius.* Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter... Bd. I, S. 205, 207.

[3] О Евстафии см. прекрасную статью Кона: *Cohn.* Eustathius Erzbischof von Thessalonike. — RE, Elfter Halbband, col. 1454.

[4] *L. Oeconomos.* La Vie religieuse dans l'empire byzantin... p. 153—165. (Эта работа написана на основе сочинения Евстафия — De emendanda vita monachica — PG, vol. CXXXV, col. 729—910).

библиотеку твоей душе? И так как ты не обладаешь никакими знаниями, ты хочешь и библиотеку лишить научных средств? Позволь ей сохранить драгоценности. Придет после тебя или какой-либо знаток науки, или любитель ее, и первый, проведя некоторое время в библиотеках, сделается умнее прежнего; второй же, устыдившись полного невежества, при посредстве книжного обучения найдет желаемое».[1] Умер Евстафий между 1192 и 1194 гг. Его ученик и друг, афинский митрополит Михаил Акоминат, почтил его монодией.

Будучи вдумчивым наблюдателем политической жизни своего времени, являясь образованным богословом, смело выступившим с порицанием испорченной монастырской жизни, и глубоким ученым, познания которого в античной литературе, особенно благодаря его комментариям Гомера, обеспечили за ним почетное место не только в истории византийской культуры, но и в истории древнегреческой (классической) филологии, Евстафий представляется нам несомненно крупной личностью в культурной жизни Византии XII века. Его литературное наследство распадается на две группы: к первой из них, из области древних авторов, надо отнести составленные в Константинополе обширные и глубокие комментарии к Илиаде и Одиссее, драгоценный комментарий к Пиндару и некоторым другим; ко второй группе относятся произведения, исполненные автором в Фессалонике, а именно: история завоевания Фессалоники норманнами в 1185 году, о чем речь была выше; очень важная для его эпохи переписка; знаменитое рассуждение о необходимой реформе монастырской жизни; речь по случаю смерти императора Мануила и т. д. Произведения Евстафия еще не в полной мере использованы для политической и культурной истории Византии.[2]

В конце одиннадцатого века и в начале двенадцатого жил очень известный теолог, Феофилакт, архиепископ Ахриды (Охриды) в Болгарии. Он родился на острове Эвбея и некоторое время служил дьяконом в Св. Софии в Константинополе. Под руководством знаменитого Михаила Пселла он получил очень хорошее образование. Затем, видимо, при Алексее I Комнине, он был назначен архиепископом Ахриды в Болгарии, находившейся тогда под византийской властью. Несмотря на суровые и жестокие (barbarous) жизненные условия в этой стране, он оказался не в состоянии

---

[1] PG, vol. CXXXV, col. 836.

[2] См.: *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 536—541; *W. Regel*. Fontes rerum byzantinarum, vol. I, (I), pp. XI—XVII. О литературной деятельности Евстафия см. также интересную статью на современном греческом — Π. Κουκουλὲς. Λαογραφικαὶ εἰδήσεις παρὰ τῷ Θεσσαλονίκης Εὐσταθίῳ. — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, Τ. I, 1924, Σ. 5—40.

продолжать свою прежнюю жизнь в Константинополе, хотя всеми силами своей души и желал вернуться в столицу. Это желание, однако, не исполнилось. Он умер в Болгарии в начале двенадцатого века (около 1108 г., точная дата неизвестна). Он был автором некоторого количества теологических сочинений, среди которых его комментарии на книги Ветхого и Нового Заветов особенно хорошо известны. Однако с современной точки зрения наиболее ценной частью его литературного наследия являются его письма и книга «О заблуждениях латинян». Почти все его письма написаны между 1091 и 1108 годами.[1] Они рисуют исключительно интересную картину византийской провинциальной жизни. Его письма заслуживают особого внимания, однако они еще далеко не достаточно изучены с точки зрения внутренней истории империи. Его книга «О заблуждениях латинян» примечательна своими примирительными тенденциями по отношению к католической церкви.[2]

Михаил Фессалоникийский жил и писал во время царствования Мануила. Он начинал свою карьеру как дьякон и преподаватель экзегезы Евангелий в Св. Софии в Константинополе. Потом он получил почетный титул доктора риторики и был, в конце концов, осужден как последователь ереси Сотериха Пантевгена и лишен своих титулов.[3] Он составил несколько речей в честь Мануила, пять из которых были опубликованы. Последняя из них была произнесена как похоронная через несколько дней после смерти

---

[1] См. анализ писем и сочинений Феофилакта Болгарского у *В. Г. Васильевского*. Византия и печенеги. — Труды, т. I, СПб., 1908, с. 138; *F. Chalandon*. Les Comnène... vol. I. Paris, 1900, p. XXVII (основывается на В. Г. Васильевском). См. также: *B. Leib*. Rome, Kiev et Byzance... p. 42.

[2] Лучшим сочинением о Феофилакте Болгарском (Ахридском) является упомянутая в предыдущем примечании статья В. Г. Васильевского. См. в особенности с. 134—149. Ему следует Ф. Шаландон (издание также указано в предыдущем примечании). См. также: Б. Лейб (издание указано в предыдущем примечании), с. 41—50; *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 133—135; 463—465 (хронология неверна); *A. Leroy-Mohinghen*. Prolégomènes à une édition critique des lettres de Théophylacte de Bulgarie. — Byzantion, vol. XIII, 1938, pp. 253—262; *S. G. Mercati*. Poesie de Teofilatto de Bulgaria. — Studi Bizantini e neoellenici, vol. I, 1924, pp. 173—194. В 1931 году письма Феофилакта были переведены на болгарский Симеоном, митрополитом Варны и Преславы. — Sbornik of the Bulgarian Academy of Sciences, vol. XXVII, 1931. (Страницы 7–32 — биография Феофилакта).

[3] См.: *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 473; *W. Regel*. Fontes rerum byzantinarum, t. I, (I), p. XVII; *F. Chalandon*. Les Comnène... Vol. II, p. XLVIII; *V. Laurent*. Michel de Thessalonica. — Dictionnaire de théologie et liturgie catholique, vol. X, (2), col. 1719—1720.

Мануила.[1] Речи Михаила содержат известное количество интересных деталей об исторических событиях своего времени. Две последние его речи еще не использовались никем из исследователей.

В середине XII века было написано одно из многочисленных подражаний византийского времени лукиановским «Диалогам мертвых» — «Тимарион». Произведение это обычно считается анонимным, однако, Тимарион и есть настоящее имя автора.[2] Тимарион рассказывает историю своего путешествия в ад и воспроизводит свои беседы с умершими, которых он встретил в подземном мире. Он видел там императора Романа Диогена, Иоанна Итала, Михаила Пселла, иконоборческого императора Феофила и так далее. «Тимарион», без сомнения, является лучшим византийским достижением среди литературных подражаний Лукиану. Сочинение полно силы и юмора. Однако, кроме чисто литературных достоинств, «Тимарион» важен благодаря описаниям реальной жизни, таким как знаменитое описание ярмарки в Фессалонике. Вот почему это сочинение эпохи Комнинов является весьма интересным источником для внутренней истории Византии.[3]

Немалое значение с литературной и культурно-исторической точки зрения эпохи, а также с точки зрения классической древности, имеет современник Комнинов, умерший, вероятно, в восьмидесятых годах XII века, Иоанн Цец (*Цецис*).* Получив в столице хорошее филологическое образование, он в течение некоторого времени был учителем грамматики, а затем посвятил себя литературной деятельности, которая и должна была давать ему средства к жизни. В своих произведениях Иоанн Цец не упускает случая говорить о различных обстоятельствах своей жизни, которые ри-

---

[1] *W. Regel.* Fontes rerum byzantinarum, vol. I (I), pp. 132—182; vol. I (2), pp. 183—228.

[2] См.: *J. Dräseke.* Byzantinische Hadesfahrten. — Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Bd. XXIX, 1912, S. 353.

[3] См.: *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 467—468; *G. Montelatici.* Storia della letteratura bizantina (324—1453). Milano, 1916, pp. 258—259; *H. Tozer.* Byzantine Satire. — JHS, vol. II, 1881, p. 241—257; *J. Dräseke.* Byzantinische Hadesfahrten. — Neue Jahrbücher für klassische Altertum, Bd. XXIX, 1912, S. 343—366. Прекрасное введение и комментарии к сочинению написаны M. Hase в издании памятника Timario sive De passionibus eius. Dialogus satyricus. — Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale, vol. IX, (2). Paris, 1813, pp. 125—268. См. также: *Ch. Diehl.* La Légende de l'empereur Théophile. — Annales de l'Institut Kondakov, vol. IV, 1931, pp. 33—37.

* В исходной русской версии 1923 года А. А. Васильев передает фамилию этого человека как Цеци, что не вполне оправдано, ибо окончание его фамилии все же ης. Таким образом, правильной представляется либо полная фонетическая транскрипция — Цецис, либо традиционная — Цец.

суют нам человека XII века, живущего литературным трудом, вечно жалующегося на бедность и нищету, заискивающего перед богатыми и знатными, посвящающего им свои произведения, негодующего на малое признание его заслуг, впавшего однажды в такую нужду, что из всех книг у него остался лишь один Плутарх. Не имея из-за недостатка средств иногда необходимых книг и излишне надеясь на свою память, он допускал в своих произведениях целый ряд элементарных исторических ошибок. В одном из сочинений он писал: «Для меня библиотекою является моя голова; у нас, при страшном безденежье, книг нет. Поэтому я не умею точно назвать писателя».[1] В другом сочинении он писал о своей памяти: «Бог не показал в жизни ни одного человека, ни раньше, ни теперь, который обладал бы лучшей памятью, чем Цец».[2] Начитанность Цеца в древних и византийских писателях была весьма значительна; он знал многих поэтов, драматических писателей, историков, ораторов, философов, географов и беллетристов, особенно Лукиана. Сочинения Цеца написаны риторическим языком, насыщенным мифологической мудростью, историческими ссылками и цитатами, полны самовосхваления, трудны и мало интересны для чтения. Из его многочисленных сочинений мы отметим лишь некоторые. Сборник из 107 его писем, несмотря на вышеуказанные отрицательные стороны изложения, имеет значение как для биографии автора, так и для биографии его адресатов. «Книга историй» (Βίβλος ἱστοριῶν), написанная так называемыми политическими, т. е. народными стихами,[3] поэтическое произведение историко-филологического характера, состоит из более чем 12 000 стихов. Со времени его первого издателя, разделившего сочинение для удобства цитирования на тысячи стихов, т. е. первая тысяча, вторая и т. д., оно обыкновенно называется «Хилиадами» (т. е. тысячами). «Истории», или «Хилиады», Иоанна Цеца являются, по словам Крумбахера, «ничем иным, как огромным, облеченным в стихотворную форму комментарием к его собственным письмам, которые, письмо за письмом, в них объясняются. Отношение между письмами и „Хилиадами“ настолько тесно, что первые могут быть рассматриваемы, как подробный указатель к

---

[1] *Iohannis Tzetzis*. Argumentum et allegoriae in Iliadem. XV, 87—89. Ed. P. Matranga. (Anecdota Graeca, vol. I, Romae, 1850, p. 120).

[2] *Iohannis Tzetzis*. Historiarum variarum Chiliades. I, vss. 277—278. Ed. T. Kiesslingius. Lipsiae, 1826, p. 12.

[3] Основной особенностью политических стихов является, наряду с полным исчезновением кратких и долгих слогов как основы метрики, постоянное повторение одинаковых стихов, состоящих из одного и того же количества слогов.

последним».[1] Уже это лишает «Хилиады» какого-либо крупного литературного значения. Другой ученый, В. Г. Васильевский, сурово замечает, что «Хилиады» «в литературном отношении представляют совершенную нелепость, но иногда на самом деле разъясняют то, что осталось темного в прозе»,[2] т. е. в письмах Цеца. Другое большое произведение Иоанна Цеца, также написанное политическими стихами, «Аллегории к Илиаде и Одиссее», посвящено супруге императора Мануила, германской принцессе Берте-Ирине, которая автором называется «гомеричнейшей царицей» (ὁμηρικωτάτη),[3] т. е. «светлою, вселунною луной, светоносицей, которая является не волнами океана омытою, но как бы в блеске вытекающею из пурпурного ложа самого светоносца (солнца)».[4] Целью Цеца было, излагая по порядку содержание песен Гомера, объяснить их, особенно с точки зрения аллегорического толкования выведенного у Гомера мира богов. С большим самомнением говорит Цец в начале своих «Аллегорий»: «И вот я приступаю к своей задаче и, поразив Гомера жезлом слова, сделаю его всем доступным, и его незримые глубины перед всеми обнаружатся».[5] Это произведение Цеца, про словам В. Г. Васильевского, лишено «не только вкуса, но и здравого смысла».[6] Кроме вышеуказанных произведений, Иоанн Цец оставил некоторые другие сочинения о Гомере, Гесиоде, схолии (критические или объяснительные значения на полях рукописей) к Гесиоду, Аристофану, некоторые стихотворения и т. д. До сих пор еще не все сочинения Иоанна Цеца изданы, а некоторые из них, по-видимому, утеряны.

После всего вышесказанного может, пожалуй, возникнуть сомнение в том, имеют ли произведения Иоанна Цеца какое-либо культурное значение. Однако, при отличающем автора необычном усердии и прилежании в деле собирания материала, его сочинения представляют собою, с одной стороны, богатый источник ценных антикварных заметок, что имеет некоторое значение для классиче-

---

[1] *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 528; *G. Montelatici*. Storia della letteratura bizantina (324—1453), p. 261.

[2] *В. Г. Васильевский*. Василия Охридского неизданное Надгробное Слово. — Византийский временник, т. I, 1894, с. 92.

[3] Лонгин, неоплатоник и ритор III века н. э., называет Геродота ὁμηρικώτατος [*«гомеричнейшим» — Науч. ред.*] См.: *J. B. Bury*. The Ancient Greek Historians, p. 42, note 1.

[4] *Johannis Tzetzis* Argumentum et allegoriae in Iliadem. Prooemium, vss. 1—4, 28. Ed. P. Matranga. (Anecdota graeca, vol. I, pp. 1, 2). Romae, 1850.

[5] Ibid., vss. 32—34. Ed. P. Matranga, vol. I, p. 2.

[6] *В. Г. Васильевский*. Василия Охридского неизданное Надгробное Слово. — Византийский временник, т. I, 1894, с. 91.

ской литературы; с другой стороны, уже известные нам приемы автора и его обширная начитанность позволяют вывести некоторые заключения о характере литературного «возрождения» эпохи Комнинов.

О его старшем брате, занимавшемся филологией и метрикой, Исааке Цеце, можно было бы и не упоминать, если бы в филологической литературе не встречалось довольно часто упоминание о «братьях Цец», что сообщало обоим братьям как бы равноценность. В действительности Исаак Цец ничем не выделялся, поэтому в будущем лучше было бы отказаться от ссылок на «братьев Цец».

Интересной и типичной личностью для эпохи первых трех Комнинов, особенно Иоанна и Мануила, является образованный поэт Феодор Продром, или Птохопродром (бедный Продром), как иногда он себя называл для возбуждения жалости и ради неискреннего подчас смирения. Разнообразные труды последнего дают материал для изучения и филологу, и философу, и богослову, и историку. Несмотря на то, что изданные произведения, приписываемые с бóльшим или меньшим основанием Феодору, очень многочисленны, в рукописях различных библиотек Запада и Востока хранится немало материала, до сих пор еще не опубликованного. В настоящее время в науке личность Продрома вызывает большие разногласия вследствие неясности, кому собственно принадлежат многочисленные сочинения, приписываемые в рукописях Продрому. Одни ученые считают, что было двое писателей с именем Продрома, другие — трое и, наконец, третьи видят одного.[1] Вопрос этот не решен, и к решению его можно будет, вероятно, приступить лишь тогда, когда все литературное наследие, связанное с именем Продрома, будет издано.

Лучшая пора деятельности Продрома падает на первую половину XII века. Интересно отметить, что дядя его, под монашеским именем Иоанна, был киевским митрополитом (Иоанн II), о котором русская летопись под 1089 годом говорит, что он был «мужь хытр книгам и ученью, милостив убогым и вдовицям».[2] Умер Продром, по всей вероятности, около 1150 года.

Продром принадлежал, по словам Диля, к представителям прозябавшего в Константинополе «литературного пролетариата, состоявшего из людей интеллигентных, образованных, даже изысканных, которых суровая жизнь чрезвычайно принизила, не говоря о порочности, которая в соединении с нищетой иногда совершенно

---

[1] См.: *С. Пападимитриу*. Феодор Продром. Одесса, 1905, с. XIX—XXI, 1 и сл.; *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 760; *G. Montelatici*. Storia della letteratura bizantina (324—1453), p. 197.

[2] Лаврентьевская и Ипатьевская летописи.

выбивала из колеи».[1] Вращаясь в придворном кругу, имея сношения с императорской фамилией и с великими мира сего, несчастные писатели, тем не менее, часто с трудом находили себе покровителя, который бы своей щедростью устроил их жизнь. Действительно, вся жизнь Продрома прошла в поисках покровителей, в постоянных жалобах на свою бедность, болезненное состояние, старость, в молениях о вспомоществовании, ради чего он не останавливался ни перед какой лестью, ни перед какой угодливостью, ни перед каким унижением, совершенно не считаясь с тем, к кому иногда ему приходилось обращаться, кому приходилось льстить. Но к чести Продрома надо сказать, что он одному человеку оставался верен почти всегда, даже в моменты опалы и несчастий, — невестке Мануила, Ирине. Положение литераторов вроде Продрома бывало временами очень тяжелым; так например, в одном произведении, которое прежде приписывали Продрому, выражается сожаление о том, что автор не сапожник или портной, не красильщик или булочник, которые едят; автор же выслушивает от первого встречного ироническое замечание: «Ешь свои сочинения и питайся ими, мой милый! Пусть питает тебя литература, бедняга! Снимай свои церковные одежды и становись тружеником».[2]

До нас дошли многочисленные произведения самого разнообразного содержания с именем Продрома. Продром является романистом, агиографом, составителем писем, оратором, автором астрологической поэмы, религиозных поэм, философских сочинений, сатир и шутливых пьес. Многие из них представляют собою сочинения на тот или иной случай, по поводу победы кого-либо, рождения, смерти, свадьбы и т. п., и являются очень ценными по рассыпанным в них намекам на те или другие лица, на те или иные события; любопытны эти сочинения и по данным относительно жизни простого народа в столице. Часто Продром подвергался суровому осуждению со стороны ученых; говорили о «жалкой скудности содержания» поэм Продрома, об «отвратительной внешней форме его поэтических упражнений»,[3] что «от авторов подобного рода, пишущих лишь для добывания хлеба, нельзя надеяться на поэзию».[4] Но это объясняется тем, что в течение долгого времени

---

[1] *Ch. Diehl.* Figures byzantines, vol. II, p. 140.

[2] *E. Miller.* Mélanges de philologie et d'épigraphie, vol. I, Paris, 1876, p. 142 (греческий текст), p. 143 (французский перевод); *E. Legrand.* Bibliothèque grecque vulgaire, vol. I. Paris, 1880, p. 106, vss. 140—142; Poèmes prodromiques en grec vulgaire, ed. D. Hesseling, H. Pernot. Amsterdam, 1910, p. 79, vss. 137—139.

[3] *В. Г. Васильевский.* Николая, еп. Мефонского, и Феодора Продрома житие Мелетия Нового. — Православный Палестинский сборник, вып. 17, 1886, с. 5.

[4] *D. Hesseling.* Byzantium, p. 344; *Idem.* Essai sur la civilisation byzantine, p. 328.

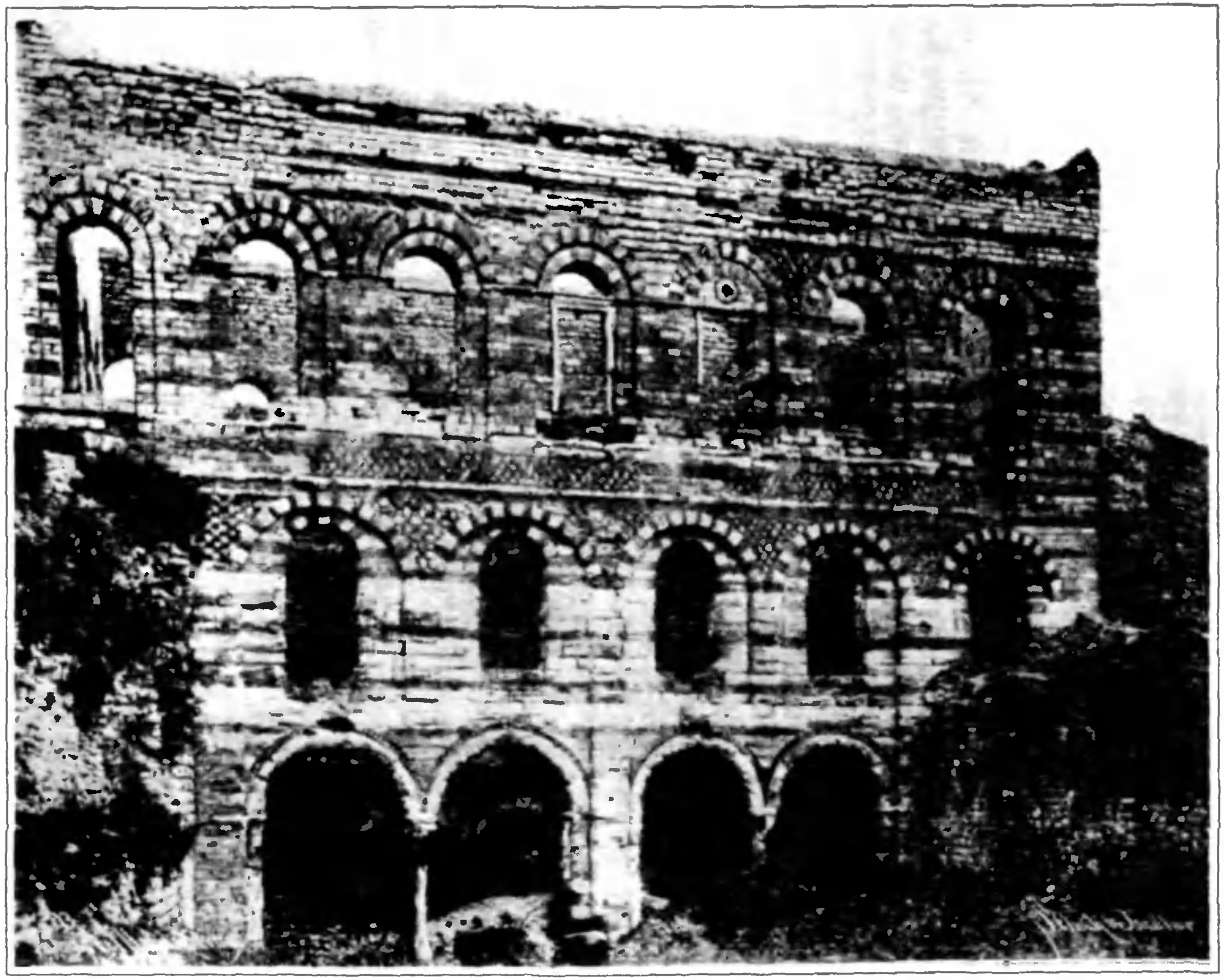
о Продроме могли судить только на основании наиболее слабых и, к сожалению, наиболее распространенных произведений, например, его длинного, высокопарного стихотворного романа «Роданфи и Досикл», чтение которого, по мнению некоторых, действительно может причинить истинное мучение и смертельную скуку.[1] Подобное суждение вряд ли может считаться правильным. Если принять во внимание все творчество Продрома — прозаические опыты, сатирические диалоги, памфлеты, эпиграммы, в которых он следовал лучшим образцам древности, особенно Лукиану, то общее суждение о его литературной деятельности придется изменить в более благоприятную сторону. В этих произведениях мы замечаем тонкую и забавную наблюдательность над современной ему действительностью, придающую им несомненный интерес для истории общества и особенно для истории литературных кругов эпохи Комнинов. Затем, нельзя забывать и того, что в некоторых своих произведениях Продром, отказавшись от искусственного классического языка, прибегал к разговорному греческому, особенно в шутливых произведениях, и оставил нам любопытные образцы народной речи XII века. В решимости ввести в литературный обиход разговорную речь заключается большая заслуга Продрома. Ввиду этого, по признанию лучших современных византистов, Продром несомненно принадлежит, при всех своих недостатках, к замечательнейшим явлениям византийской литературы и представляет собою, «как немногие византийцы, ясно выраженную культурно-историческую фигуру».[2]

При Комнинах и Ангелах жил также гуманист (humanist) Константин Стилб, о котором известно мало. Он получил весьма хорошее образование, был преподавателем в Константинополе и позже получил звание профессора (master) литературы. Известно тридцать пять его сочинений, большей частью в стихах, однако они не опубликованы.[3] Самая известная из его поэм посвящена большому пожару, случившемуся в Константинополе 25 июля 1197 г; это первое упоминание о данном факте. Эта поэма состоит из 938 стихов и дает много информации о топографии, структурах (structures) и обычаях, распространенных в столице Восточной

[1] *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 751.

[2] *Idem*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 750—751. См. также: *G. Montelatici*. Storia della letteratura byzantina (324—1453), pp. 199—200. Мы должны напомнить, что многие произведения, носящие имя Продрома, не приналежат ему лично, будучи сочиненными в его литературном окружении.

[3] *Хр. М. Лопарев*. О византийском гуманисте Константине Стилбе (XII века) и его сочинениях. — Византийское обозрение, т. 3, 1917, с. 62—64.



Фасад Текфур-Сераля (IX–XI вв.) в Константинополе.

империи. В другой своей поэме Стилб описывает другой пожар в Константинополе, случившийся на следующий год, в 1198 году. Литературное наследие Стилба имеется во многих европейских библиотеках, и его личность бесспорно заслуживает дальнейшего исследования.[1]

В эпоху Комнинов сухая * византийская хроника также имеет нескольких представителей, начинавших свое изложение с сотворения мира. Живший при Алексее Комнине Георгий Кедрин довел изложение событий до начала правления Исаака Комнина (в 1057 году), рассказав о времени с 811 года почти буквально словами еще неизданного в греческом оригинале хрониста второй половины XI века Иоанна Скилицы. Иоанн Зонара в XII веке написал не обычную ** хронику, но «руководство всемирной истории, явно рассчитанное на более высокие потребности»,[2] опиравшееся на хорошие источники. Изложение доведено до вступления на престол Иоанна Комнина в 1118 году. Написанная в первой половине XII века политическими стихами хроника Константина Манасси посвящена вышеупомянутой невестке Мануила, просвещенной Ирине. В ней излагаются события до вступления на престол Алексея Комнина в 1081 году. Несколько лет назад было опубликовано продолжение Хроники Манасси. Оно содержит 79 стихов, кратко излагающих историю от Иоанна Комнина до Балдуина, первого латинского императора в Константинополе. Примерно половина текста посвящена Андронику I.[3] Манасси написал также ямбами поэму, озаглавленную, видимо, Ὁδοιπορικόν (Itinera-

---

[1] Лучшая информация о Стилбе содержится в упомянутой выше статье Хр. М. Лопарева. См. также: *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 762. Очевидно, Лопарев не был знаком со статьей С. Ламброса «Ὁ Μαρκιανὸς Κῶδιξ». — Νέος Ἑλληνομνήμων, vol. VIII, 1911, p. 524, где опубликована поэма о пожаре 25 июля 1197 года. (О Константине Стилбе и о публикациях его произведений в последние годы см. также: The Oxford Dictionnary of Byzantium. Prepared at Dumbarton Oaks. A. P. Kazhdan editor in chief, vol. 3. New York, Oxford, 1991, pp. 1956—1957. — *Науч. ред.*)

* В соответствующем месте второго американского издания А. А. Васильев употребляет более сильное в эмоциональном плане слово — dull — т. е. «серый, тупой, скучный».

** В соответствующем месте второго американского издания А. А. Васильев употребляет для характеристики сочинения Иоанна Зонары иное по содержанию слово — dry — «сухой».

[2] *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 371.

[3] *H. Grégoire*. Un Continuateur de Constantin Manassès et sa source. — Mélanges offerts à M. Gustave Schlumberger, vol. I. Paris, 1924, pp. 272—281. Источником Продолжателя Манасси был Никита Хониат: Historia, Bonn ed., p. 280.

rium),* посвященную современным автору событиям. Поэма была опубликована в 1904 году.[1] Наконец, Михаил Глика (в XII веке) написал всемирную хронику до смерти Алексея Комнина в 1118 году.**

Что касается византийского искусства, эпоха Комнинов и Ангелов была продолжением второго Золотого Века, начало которого многие исследователи относят к середине IX в., то есть ко времени прихода к власти Македонской династии. Конечно, смутный период в XI в., как раз перед приходом к власти династии Комнинов, прервал ненадолго блеск культурных свершений времени македонских императоров. Однако с новой династией Комнинов империя вернула себе известную долю былой славы и процветания, и византийское искусство — как казалось — было способным продолжить блистательную традицию Македонской эпохи. Однако при Комнинах можно отметить известного рода формализм и неподвижность в искусстве. «В XI в. мы уже отмечаем упадок в ощущении античности. Природная свобода уступает место формализму. Теологические устремления становятся все более той целью, ради которой предпринимается работа. Появление развитой иконографической системы относится именно к этому периоду».[2] В другой своей работе О. М. Далтон писал: «Источники прогресса иссякли... органическая творческая сила больше не существовала... по мере продвижения времени Комнинов, религиозное искусство (sacred art) само по себе становится родом ритуала, исполняемого, так сказать, без вмешательства творческого сознания художника. Нет больше ни огня, ни страсти, искусство незаметно (insensibly) движется к формализму».[3]

Это, однако, не означало, что византийское искусство при Комнинах было в состоянии упадка. Особенно в области архитектуры было создано много выдающихся памятников. В Константинополе был возведен прекрасный дворец Влахерн, и Комнины оставили прежнюю императорскую резиденцию, так называемый Большой Дворец, и поселились в новом дворце, в углу Золотого Рога. Новая императорская резиденция ни в чем не уступала Большому Дворцу,

---

* Оба слова означают одно и то же — «путь», «относящийся к пути».

[1] *K. Horna.* Das Hodoiporikon des Konstantin Manasses. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XIII, 1904, S. 313—355. Список изданий Константина Манасси, отсутствующий у Крумбахера, есть в следующей работе: *P. Maas.* Rhytmisches zu der Kunstprosa des Konstantinos Manasses. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XI, 1902, S. 505, note 2.

** О Михаиле Глике см. подробнее: *М. В. Бибиков.* Развитие исторической мысли. В кн.: Культура Византии. Вторая половина VII—XII вв. М., 1989, с. 118—119.

[2] *O. M. Dalton.* Byzantine Art and Archaeology. Oxford, 1911, p. 18.

[3] *Idem.* East Christian Art. Oxford, 1925, pp. 18—19.

и современники оставили восторженное его описание.[1] Заброшенный Большой Дворец быстро пришел в упадок. В XV веке это были уже руины, и турки довершили его разрушение.

Имя Комнинов связывается также с сооружением или реконструкцией многих церквей; например, Пантократора в Константинополе, которая стала местом захоронения Иоанна II и Мануила I Комнинов, где позже, в XV веке, были похоронены императоры Мануил II и Иоанн VIII Палеологи. Знаменитая церковь Хоры (Кахрие-Джами) была перестроена в начале XII века. Церкви в это время строились не только в столице, но и в провинциях.[2] На Западе, в Венеции, собор Св. Марка, воспроизводящий по плану церковь Апостолов в Константинополе, был торжественно освящен в 1095 г. В Сицилии многие постройки и мозаики, находящиеся в Чефалу, Палермо и Монтреале, которые относятся к XII веку, воспроизводят лучшие достижения византийского искусства. На Востоке мозаики церкви Рождества в Вифлееме являются существенными остатками развитых декоративных украшений, осуществленных восточно-христианскими мастерами мозаики для императора Мануила Комнина в 1169 году.[3] Таким образом, на Востоке, как и на Западе, «влияние греческого искусства оставалось в XII в. всемогущим, и даже там, где меньше всего можно было бы ожидать — среди норманнов в Сицилии и среди латинян в Сирии — Византия продолжала оставаться источником и ориентиром всего изящного».[4]

Интересные фрески XI и XII вв. были открыты в Каппадокии и Южной Италии, а также на Руси: в Киеве, Чернигове, Новгороде и их окрестностях. Некоторые из прекрасных фресок были сделаны византийскими художниками в это время. Много прекрасных художественных произведений той эпохи сделано из слоновой кости, керамики, стекла и металла. Интересны также печати и геммы с гравировкой.[5]

---

[1] См.: *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin, vol. I, pp. 416—418; *J. Ebersolt.* Les Arts somptuaires de Byzance. Paris, 1923, p. 16. Есть специальная монография о Влахернском дворце, написанная Пападопулосом на современном греческом (издано в Константинополе в 1920 г.). Книга существует в расширенном, по сравнению с греческим текстом, французском переводе. — *J. Pappadopoulos.* Les Palais et les églises des Blachernes. Athènes, 1928.

[2] *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin, vol. I. Paris, 1925, pp. 463 ff.

[3] См.: *O. M. Dalton.* East Christian Art, pp 292—293; *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin, vol. II. Paris, 1926, pp. 561—563; *H. Vincent, F.-M. Abel.* Bethléem: Le Sanctuaire de la Nativité. Paris, 1914, p. 167.

[4] *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin, vol. II, p. 563 ff.

[5] Детальная информация обо всём этом содержится в работах Далтона и Диля, упомянутых в предыдущем примечании.

Однако, несмотря на все художественные достижения эпохи Комнинов и Ангелов, первый период второго Золотого Века византийского искусства, совпадающий с временем Македонской династии, был более блистательным и более созидательным. Нельзя поэтому согласиться с мнением одного французского исследователя, который писал: «В XII веке политическое и военное могущество Византии рухнуло, чтобы никогда не подняться. Творческая же сила империи и христианского Востока достигла в это время своего апогея».[1]

Византийское возрождение XII в. интересно и важно не только само по себе и для себя (not only by itself and for itself). Оно было составной частью общего западноевропейского возрождения XII в., которое так хорошо изложено и объяснено профессором Ч. Х. Хаскинсом (Ch. H. Haskins) в книге «Возрождение в двенадцатом веке». В первых же двух строчках введения он пишет: «Название этой книги покажется многим читателям глубоко внутренне противоречивым. Возрождение в двенадцатом веке!»[2] Однако здесь нет противоречия. В XII веке Западная Европа увидела возрождение латинских классиков, латинского языка, латинской прозы, латинской поэзии,* юриспруденции, философии, исторических сочинений. Это была эпоха переводов с греческого и арабского и время зарождения университетов. И поэтому Ч. Х. Хаскинс совершенно прав, когда говорит: «Недостаточно отдают себе отчет в том, что был прямой контакт с греческими источниками, как в Италии, так и на Востоке. Эти переводы, сделанные непосредственно с греческих оригиналов, были важным проводником и верным посредником в передаче древнего знания».[3] В XII веке прямые

---

[1] *G. Duthuit*. Byzance et l'art du XIIe siècle. Paris, 1926, p. 96. Книга эта, несмотря на свое название, дает очень мало информации об искусстве XII века.

[2] *Ch. H. Haskins*. The Renaissance of the Twelfth Century, preface.

* Судя по всему, мысль эта, с которой А. А. Васильев полностью согласен, принадлежит Ч. Х. Хаскинсу. От себя особо хотелось бы отметить следующее. Прежде чем говорить о возрождении в Западной Европе в XII веке латинского языка, прозы, поэзии, было бы важнее задаться вопросом — насколько вообще это было забыто. Так, хорошо известен и не требует специальных доказательств тот факт, что в западноевропейской культуре во все века, принятые называть средневековьем, традиция использования латинского языка, по меньшей мере как языка письменного, не прерывалась.

[3] *Ch. H. Haskins*. Studies in the History of Medieval Science, p. 141. Ср. также: *Idem*. The Greek Element in the Renaissance of the Twelfth Century. — American Historical Review, vol. XXV, 1920, pp. 603—605; *Idem*. The Renaissance of the Twelfth Century, p. 278; *Idem*. Studies in Medieval Culture. Oxford, 1929, pp. 160—169.

контакты между Италией и Византией, особенно с Константинополем, были более частыми и интенсивными, чем можно было бы подумать. В связи с религиозной политикой Комнинов, желавших сближения с Римом, в Константинополе проходило — и нередко в присутствии императора — много диспутов, в которых принимали участие ученые представители католической церкви, которые прибывали в Константинополь с целью примирения обеих церквей. Эти дискуссии во многом помогли передаче греческой учености на Запад. Кроме того, экономические связи итальянских торговых городов с Византией и венецианский и пизанский кварталы в Константинополе обеспечили прибытие в столицу некоторого количества итальянских ученых, которые изучили греческий язык и также послужили передатчиками греческих достижений на Запад. Особенно при Мануиле Комнине можно было видеть «внушительную процессию миссий, посланных в Константинополь папами, императорами, французами, пизанцами и другими. Едва ли меньшей была постоянная череда греческих посольств на Запад, напоминающая греческую иммиграцию в Италию с начала XV века».[1]

Принимая во внимание все эти особенности культурной жизни эпохи, вывод может быть следующим. Культура эпохи Комнинов и Ангелов является одной из блестящих страниц в истории Византии. В предыдущие эпохи в Византии не было такого обновления [*культуры*], * и это обновление в XII веке приобретает еще большее значение ** при сопоставлении с обновлением культуры в то же

---

[1] *Idem*. Studies in the History of Medieval Science, pp. 194—195.

* В английском тексте это слово отсутствует. Вставлено же оно из стилистических соображений. «Обновлению» в английском тексте у А. А. Васильева соответствует revival.

** Здесь нельзя не заметить, что в какой-то степени А. А. Васильев сам себе противоречит. В предыдущей главе, при подведении итогов развития культуры Македонской династии, частично также и в данном разделе, А. А. Васильев писал о значительном возрастании в византийском искусстве со времени Комнинов формализма и канонов, жестко предписывающих, что и как изображать. По его словам, искусство времени Комнинов, при сравнении с Македонской эпохой, гораздо более сухое и холодное. Более того, А. А. Васильев цитирует (см. последнюю страницу первой главы) отрывок из О. М. Далтона, сопоставляющего искусство Македонского времени с искусством времени Комнинов. В этом сопоставлении обращают на себя внимание слова О. М. Далтона, которые А. А. Васильев, судя по всему, полностью принимает — «источники прогресса высохли и больше не было силы для органического роста». Все это делает неизбежным вопрос: о каком же «обновлении» и «возрождении» говорит А. А. Васильев. Надуманная проблема «возрождения» в культурной истории Византии создана, как представляется, научным направлением, воспринятым А. А. Васильевым, для которого свойственно очень расши-

время на Западе. XII век можно охарактеризовать как время первого греческого возрождения в истории Византии.

ренное толкование понятия «возрождение». Права, на наш взгляд, З. В. Удальцова, писавшая о том, что не следует усиление в тот или иной период византийской истории интереса к античной культуре в связи с общим культурным подъемом сразу же называть «возрождением». (*З. В. Удальцова.* Византийская культура. М., 1988, с. 190). Дело здесь уже в том, что интерес и внимание к античной культуре в Византии не пропадали никогда. Хочется отметить также, что подход к византийской культуре, характерный в какой-то мере для А. А. Васильева, но в гораздо большей степени для его «источников», неверен в следующем отношении. Представление о византийской культуре как о череде бесконечных возрождений невольно ведет к идее о цикличности, застойности этой культуры, что a priori неверно по отношению к любой культуре любого народа. (О застойности византийской культуры см., например, введение к книге А. П. Рудакова. «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии». СПб., Издательство «Алетейя», 1997, с. 29—33.)

История Византии

Латинское владычество на Востоке
Эпоха Никейской и Латинской империй (1204–1261)

ГЛАВА 2

НИКЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ (1204—1261)

Новые государства, образовавшиеся на византийской территории

Четвертый крестовый поход, закончившийся взятием и разгромом Константинополя, привел к раздроблению Византийской империи и основанию в ее пределах целого ряда государств, частью франкских, частью греческих, из которых первые получили западноевропейское феодальное устройство. Франки образовали следующие государства: Латинскую, или Константинопольскую, империю, Фессалоникийское (Солунское) королевство, Ахайское княжество в Пелопоннесе (Морее) и Афино-Фиванское герцогство в Средней Греции; владычество Венеции простиралось на византийские острова Эгейского и Ионийского морей, на остров Крит и на целый ряд других прибрежных и внутренних пунктов. Наряду с латинскими феодальными владениями на территории распавшейся Восточной империи образовались три греческих самостоятельных центра: Никейская империя и Трапезундская империя в Малой Азии, и Эпирский деспотат в Северной Греции. Как известно, Балдуин, граф Фландрский, сделался императором Константинополя и властителем большей части Фракии; Бонифаций Монферратский — королем Фессалоники (Солуни), власть которого простиралась на Македонию и Фессалию; Гийом Шамплитт и после него Жоффруа Виллардуэн — князьями в Пелопоннесе (Морее) и Отто де ля Рош — герцогом Афин и Фив. В трех греческих государствах правили: в Никее (в Вифинии) — Феодор I Ласкарь, в Трапезунде — Алексей Комнин, и в Эпирском деспотате — Михаил I Ангел Комнин Дука. Не надо также забывать, что два соседних государства, а именно — Второе Болгарское царство в лице его государей Калояна и Иоанна-Асеня II и Румский, или Иконийский, султанат в Малой Азии, принимали в XIII веке деятельное участие, особенно Болгария, в сложной международной жизни после 1204 года.

Весь XIII век полон постоянными столкновениями и распрями между вышеназванными владениями в самых разнообразных сочетаниях: то греки боролись с пришлыми франками, турками и болгарами; то греки боролись с греками, внося и без того уже в

расстроенную жизнь страны новые элементы разложения в виде национальной розни; то франки воевали с болгарами и т. д. Все эти военные столкновения сопровождались заключением также разнообразных и большей частью непродолжительных международных союзов и соглашений, которые легко заключались и так же легко разрывались.

В высшей степени важным являлся вопрос о том, где образуется центр политический, экономический, национальный, религиозный и культурный, около которого могла бы окрепнуть идея объединения и порядка. Основавшиеся на Востоке западные феодальные государства и купеческие фактории, где каждый преследовал свои личные интересы, содействовали при существовавшей тогда общей анархии дальнейшему разложению, не будучи в состоянии создать новых порядков, не имея силы справиться с полученным после четвертого похода наследством. «Все эти западноевропейские черезполосные владения на Востоке, действовали не созидающе, а разрушающе, и поэтому сами были разрушены. Восток же остался господином на Востоке».[1]

Начало Никейской империи и Ласкариды

В центре нашего изложения мы поставим историю Никейской империи, где образовалась и окрепла идея национального греческого объединения и воссоздания византийского государства, откуда вышел Михаил Палеолог, завладевший в 1261 году Константинополем и восстановивший, хотя и далеко не в прежних размерах, Византийскую империю. Одно время можно было думать, что задача восстановления греческой империи выпадет на долю другого греческого центра, а именно Эпирского деспотата; но, как мы увидим ниже, эпирские деспоты в силу целого ряда условий должны были отступить перед усилившимся значением Никеи и отказаться от руководящей роли на христианском Востоке. Третий греческий центр, Трапезундская империя, лежал слишком далеко в стороне, чтобы играть руководящую роль в деле объединения греков; поэтому история Трапезунда имеет свой специальный как политический, так и культурный и экономический интерес и заслуживает особого, самостоятельного рассмотрения.

Основателем Никейского государства, этой «империи в изгнании», был Феодор Ласкарь, родственный по жене своей Анне, дочери бывшего императора Алексея III, с фамилией Ангелов и через Алексея III с фамилией Комнинов. Происхождение Ласкаридов и название родного города Феодора неизвестны. При Алек-

---

[1] *C. Neumann.* Die byzantinische Marine. — Historische Zeitschrift, Bd. LXXXI, 1898, S. 1—2.

сее III он занимал определенное положение в армии и энергично сражался против крестоносцев.[1] По всей видимости, константинопольское духовенство его расценивало как возможного императора Византии после бегства Алексея Дуки Мурзуфла и до момента взятия столицы крестоносцами. Однако в это время он бежал в Малую Азию. Там же нашли убежище от нашествия крестоносцев многочисленные представители византийской гражданской и военной знати, некоторые видные представители духовенства и известное число других беглецов, которые не желали быть под игом чужеземной власти. Последний греческий патриарх столицы Иоанн Каматир, однако, оставив столицу, направился в Болгарию и отказался приехать в Никею по приглашению Феодора.

Бежавший из Афин от латинян митрополит этого города Михаил Акоминат, рекомендуя в письме вниманию Феодора Ласкаря одного евбейца, между прочим замечает, что последний тайно уехал в Никею, предпочитая жизнь изгнанника во дворце *греческого* (*ромейского*) *государства* пребыванию на родине, угнетаемой чужеземцами; в этом же рекомендательном письме Михаил прибавляет, что если названный евбеец найдет приют в Никее, то это окажет сильное влияние на все население Греции, которое «будет смотреть на Феодора, как на единственного общего освободителя», т. е. всей Романии.[2]

После смерти Феодора Ласкаря, правившего с 1204 по 1222 годы, царствовал его зять, муж дочери Ирины, Иоанн III Дука Ватац (1222—1254),[3] самый талантливый и энергичный из никейских государей. После его смерти престолом владели сначала сын его Феодор II (1254—1258), а затем несовершеннолетний внук Иоанн IV (1258—1261). Последний был низложен Михаилом Палеологом, восстановителем Византийской империи.

Положение нового государства в Вифинии было в высшей степени опасно, так как с востока грозил ему сильный, занимавший всю внутреннюю часть Малой Азии Иконийский султанат сельджукидов, которому принадлежала также часть Средиземного побережья на юге и Черноморского на севере; а с запада теснила Никейское государство Латинская империя, поставившая себе одной из первых задач уничтожение только что народившейся Никейской державы. На долю Феодора Ласкаря, который первые два

---

[1] *A. Gardner*. The Lascarids of Nicaea: The Story of an Empire in Exile. London, 1922, pp. 53—54; А. Μελιάρκες. Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου (1204—1261). Ἀθῆναι, 1898, p. 8; *М. А. Андреева*. Очерки культуры византийского двора в XIII веке. Прага, 1927, с. 82—85.

[2] *Michael Acominatus*, ed. S. Lampros, vol. II, pp. 276—277.

[3] Историки обычно называют Иоанна Ватаца Иоанном III, разумея под первыми двумя Иоанна Цимисхия и Иоанна Комнина.

года правил с титулом не императора, а деспота, выпала сложная и тяжелая работа. Внутри страны господствовала анархия; в некоторых частях ее появились самостоятельные правители; Никея закрыла перед Феодором ворота.

Между тем, крестоносные латинские рыцари, утвердившись в Константинополе, решили в том же 1204 году завоевать Малую Азию. Их военные действия там развивались очень успешно. Малоазиатским грекам казалось, что все уже для них погибло. По словам Виллардуэна, «они * весьма разжились и очень хорошо себя обеспечили, ибо жители страны перешли на их сторону и начали выплачивать свои ренты».** В этот критический для молодого государства момент пришло неожиданное известие о том, что латинский император Балдуин взят в плен болгарами.

Известно, что с 1196 года на болгарском престоле сидел Иоанн, или Калоян, бывший еще во время Ангелов грозным врагом Византии. Основавшееся на Балканском полуострове Латинское государство чрезвычайно осложнило положение. Было совершенно ясно, что крестоносцы и болгары должны будут поставить вопрос о власти на Балканском полуострове. Отношения между ними стали сразу натянутыми, так как крестоносцы оскорбительно отнеслись к дружественным предложениям Калояна, намекнув ему о том, что он не может относиться к латинскому императору, как равный к равному, а лишь как раб к господину, и предупредив его, что в противном случае крестоносцы силой оружия завоюют Болгарию и обратят его самого в прежнее рабское состояние.[1]

Возбудив этим гнев болгарского царя, латиняне раздражали в то же время и греческое население Фракии и Македонии, осмеивая греческие церковные верования и обряды. Тайные сношения греков и болгар с царем Иоанном подготовили на Балканском полуострове восстание в пользу болгар.[2] Можно предположить, что бывший патриарх Константинопольский Иоанн Каматир, который, как известно, жил в Болгарии, сыграл важную роль в подготовке византийско-болгарского союза.[3] «Этот союз, — писал Ф. И. Успенский, — разрешил колебания Иоанна и определил план его будущих действий. Выступить защитником православия и греко-болгарской народности против католическо-латинского преобладания и вместе с тем принять на себя задачу оживления оскудевшего в Византии императора — стало с тех пор главнейшим мотивом

---

* Имеются в виду латинские рыцари-завоеватели.

** *Жоффруа де Виллардуэн.* Завоевание Константинополя, § 323, с. 82.

[1] *Nicetas Choniates.* Historia, Bonn. ed., pp. 808—809.

[2] *Златарски В. Н.*. Гръцко-български съюзъ презъ 1204—1205. — Годишник на Софийския Университет, кн. VIII—IX, 1911—1913, с. 8—11.

[3] *П. Ников.* Българската дипломатия от началото на XIII векъ. — Българска историческа библиотека, т. 1, кн. 3, София, 1928, с. 103—104.

предприятий Иоанна против крестоносцев».[1] Болгарский царь стремился к короне византийского василевса.

Вспыхнувшее на Балканском полуострове греко-болгарское восстание заставило крестоносцев оттянуть посланные в Малую Азию на борьбу с Феодором Ласкарем войска в Европу. В битве под Адрианополем (в апреле 1205 года) Иоанн, при помощи бывшей в его войске половецкой (куманской) конницы, нанес решительное поражение крестоносцам. В этом сражении пал цвет западного рыцарства, а сам император Балдуин был взят болгарами в плен. Какова была судьба пленного императора, до сих пор неизвестно; по всей вероятности, Балдуин, по приказанию болгарского царя, был так или иначе убит.[2] За неимением известий о судьбе Балдуина, на время его отсутствия регентом Латинской империи был избран его брат Генрих. Более восьмисот лет до этого, в 378 г., другой римский император, Валент, был убит около Адрианополя в битве с готами.

Другой участник битвы, престарелый дож Энрико Дандоло, вынесший на себе тяжелое ночное отступление остатков разбитого войска, вскоре после этого удара умер и был погребен в храме Св. Софии. По распространенному преданию, прах его оставался там до взятия Константинополя турками, когда султан Мехмед приказал будто бы развеять прах венецианского героя по ветру.[3]

Адрианопольское поражение поставило государство крестоносцев в отчаянное положение. Это было для Латинской империи ударом, подкосившим в самом начале всю ее будущность. По словам одного историка (Гельцера), «этим страшным днем окончилось франкское господство в Романии».[4] Действительно, «участь Латинской империи в Константинополе некоторое время была вполне в руках болгарского царя».[5]

---

[1] *Ф. И. Успенский.* Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879, с. 245—246.

[2] *A. Gardner.* The Lascarids of Nicaea... p. 66 (Он пишет, что Балдуин, как говорят, был взят в плен в Тырново и более его никто не видел); *E. Gerland.* Geschichte der Frankenherrschaft in Griechenland. II. Geschichte des lateinischen Kaiserreiches von Konstantinopel. I. Teil. Geschichte der Kaiser Balduin I und Heinrich (1204—1216). Hamburg, 1905, S. 92. (Он пишет, что Калоян во внезапном приступе гнева приказал убить пленника.) *П. Ников.* Българската дипломатия... с. 104. (Он пишет, что Балдуин был захвачен в плен, доставлен в Тырново и там брошен в тюрьму, где и умер.) Вся эта информация основана на следующем источнике — Innocentii III Gesta (PL, vol. CCXIV, col. 148).

[3] См.: *H. Kretschmayr.* Geschichte von Venedig. Bd. I. Gotha, S. 321, 472.

[4] *H. Gelzer.* Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte. München, 1897, S. 1042.

[5] *Ф. И. Успенский.* Образование Второго Болгарского царства, с. 250.

В то же время адрианопольская битва имела первостепенное значение для Болгарского царства и Никейского государства. Казалось, что, пока греки Македонии и Фракии, не имея своего национального центра в Европе и не предчувствуя будущего значения в этом смысле Никеи, сочли возможным прийти к соглашению и к общим действиям с болгарами против латинян, то Калояну открывалась полная возможность выполнить широко намеченную им задачу, а именно: установить на месте пришлых и враждебных франков великое греко-славянское государство на Балканском полуострове с центром в Константинополе. Но, как пишет В. Г. Васильевский, «миродержавная императорская роль представителя греко-славянского мира не давалась славянским государям. Попытка Иоанна основать греко-болгарское царство на Балканском полуострове, со столицей в Константинополе, осталась в области мечтаний».[1]

Между тем, антиисторическое греко-болгарское соглашение, давшее в результате адрианопольскую победу, быстро расстроилось, как только балканские греческие патриоты увидели в Никейском государстве возможного освободителя от латинских завоевателей и выразителя их национальных чаяний и надежд. На Балканском полуострове появилось ярко выраженное антиболгарское направление, против которого болгарский царь открыл беспощадную истребительную войну. По свидетельству источника, Иоанн мстил за те злодеяния, которые причинил болгарам император Василий II; если последний назывался Болгаробойцей (Булгароктонос), то Иоанн называл себя Ромеобойцей (Ромеоктонос). Греки прозвали его «Иваном-Собакой» (по-гречески Скилоиоанном),[2] латинский император называет его в письме «великим опустошителем Греции» (magnus populator Graeciae).[3]

«Здесь проявилась, — писал болгарский историк, — чисто болгарская национальная тенденция, которая направляла империалистическую политику царя Калояна против греческого элемента, заклятого врага болгарской национальной независимости, даже в момент союза с греческими городами Фракии против Латинской империи».[4]

---

[1] *В. Г. Васильевский.* Обновление болгарского патриаршества при царе Иоанне-Асене II. — ЖМНП, т. 238, 1885, с. 9.

[2] *Georgii Acropolitae* Annales, XIII; in «Opera Omnia», ed. A. Heisenberg. Leipzig, 1903, pp. 23—24.

[3] См.: *J. A. Buchon.* Recherches et matériaux pour servir à une histoire de la domination française, t. II. Paris, 1840, p. 211.

[4] *П. Ников.* Приносъ къмъ историческото изворознание на България и къмъ историята на българската църква. — Списание на Българската Академия на науките. София, 1921, с. 8.

Кровавая кампания Иоанна во Фракию и Македонию окончилась для него роковым образом. При осаде Солуни (в 1207 году) он погиб насильственной смертью. Греческое предание говорит о нем, как о враге православной церкви, пораженном чудесным образом десницею великомученика Димитрия Солунского. Предание об этом было внесено в сказания о чудесах великомученика, существующие на греческом языке, на славянском (в минеях митрополита Макария), а также и в русских хронографах. Итак, болгарский царь не сумел воспользоваться благоприятно сложившимися для него обстоятельствами после адрианопольской победы. В его лице, писал П. Ников, «сошел с исторической сцены один из крупнейших дипломатов, которых когда-либо давала Болгария».[1]

Но адрианопольская битва, уничтожившая силу франкского господства в Константинополе, спасла от гибели Никейское государство и указала ему пути к новой жизни. Феодор Ласкарь, избавившись от опасности со стороны западного соседа, деятельно принялся за устроение своего государства. Прежде всего, когда Феодору удалось утвердиться в Никее, поднялся вопрос о провозглашении его императором вместо деспота.

Так как греческий константинопольский патриарх, удаливший-ся после франкского вторжения в Болгарию, отказался приехать в Никею, там был избран новый патриарх, Михаил Автореан. Избранный в 1208 г., он имел свою резиденцию в Никее и короновал Феодора императором в том же 1208 г.[2] Это событие 1208 года имело для последующей истории Никейского государства крупное значение; Никея сделалась церковным центром империи. Наряду с потрясенной Латинской империей выросла вторая империя, объединившая постепенно довольно значительную территорию в Малой Азии и привлекшая, мало-помалу, к себе внимание и надежды европейских греков. Появление новой империи должно было обострить ее отношения к империи Константинопольской; две империи на развалинах единой Византийской империи ужиться мирно не могли. В договоре, заключенном около 1220 года между Феодором и венецианским представителем в Константинополе (подеста́), мы

---

[1] *П. Ников.* Българската дипломатия... с. 108.

[2] Эта дата — 1208 год, была установлена некоторое время назад А. Гейзенбергом — *A. Heisenberg.* Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion. II. Die Unionsverhandlungen vom 30. August, 1206. Patriarchenwahl und Kaiserkrönung in Nikaia, 1208. München, 1923, S. 5—12. Обычно принимаемая дата — 1206 год. См. также: *М. А. Андреева.* Ук. соч., с. 180—181, ср. со с. 85.

находим официальный титул первого, признанный, очевидно, Венецией: «Teodorus, in Christo Deo fidelis Imperator et moderator Romeorum et semper augustus, Comnenus Lascarus».[1]

Никея, сделавшаяся столицей новой империи, город, прославленный в летописях византийской истории благодаря двум созванным в нем Вселенским соборам, гордый защищавшими его в средние века и до наших дней прекрасно сохранившимися могучими стенами, занимал важное политическое положение на соединении пяти или шести дорог, на расстоянии около сорока английских миль от Константинополя. Незадолго до первого крестового похода Никея попала во власть турок-сельджуков; но крестоносцы, отняв город у них, должны были, к своему великому неудовольствию, возвратить его Алексею Комнину. Великолепные дворцы и многочисленные церкви и монастыри, теперь бесследно исчезнувшие, украшали средневековую Никею.[2] Говоря о Никее и вспоминая Первый Вселенский собор, арабский путешественник XII века ал-Харави писал: «В церкви города можно видеть изображение Мессии и отцов, восседающих на своих местах (seats). Церковь эта является местом особого поклонения».[3] Византийские и западные историки XIII в. отмечают исключительное богатство и процветание Никеи.[4] Автор XIII в., Никифор Влеммид, говорил о Никее в одной из своих поэм: «Никея — город с широкими улицами, полный народу, с хорошими стенами, гордый от того, чем обладает, являясь наиболее ярким знаком императорского благоволения».[5] Наконец, литература XIII—XIV веков сохранила нам два специальных панегирика Никее. Первый из них, принадлежащий перу одного из преемников Феодора I Ласкаря, императору Феодору II Ласкарю, между прочим в таких словах обращается к Никее: «Ты превзошла все города, так как ромейская держава, много раз поделенная и

---

[1] *G. L. F. Tafel, G. M. Thomas.* Urkunden zur ältern Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. Bd. II, S. 205.

[2] Хорошая и полная информация о средневековой Никее с прекрасной библиографией есть в следующей работе — *J. Sölch.* Historisch-geographische Studien über bithynische Siedlungen. Nikomedia, Nikäa, Prusa. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher. Bd. I, 1920, S. 263—286. См. также: *R. Janin.* Nicée. Étude historique et topographique. — Échos d'Orient, vol. XXIV, 1925, pp. 482—490; *М. А. Андреева.* Ук. соч., с. 19—21.

[3] *Aboul Hassan Aly el Herewy.* Indications sur les lieux de Pèlerinage. Traduction de Ch. Schefer. Archives de l'Orient latin. Paris, 1881, t. I, p. 590.

[4] См.: *Nicetas Choniates.* Historia, Bonn ed., p. 318; *Ж. де Виллардуэн.* Завоевание Константинополя, § 304, с. 79.

[5] *Nicephori Blemmydae* Curriculum vitae et carmina. Ed. A. Heisenberg. Lipsiae, 1896, p. 113, vss. 22—24.

пораженная иностранными войсками, только в тебе одной основалась, утвердилась и укрепилась».[1] Второй панегирик Никее написан был известным культурным и государственным деятелем Византии конца XIII и XIV века, дипломатом, политиком и администратором, богословом, астрономом, поэтом и художником Феодором Метохитом,[2] имя которого всегда связывается в науке со знаменитыми, сохранившимися до нашего времени мозаиками константинопольского монастыря Хоры (теперь мечеть Кахриэ-Джами).

Из средневековых памятников в современном турецком городе Иснике (бывшей Никее) до первой мировой войны можно было отметить, помимо городских стен, скромную небольшую церковь Успения Пресвятой Девы, вероятно IX века, с интересными и важными для истории византийского искусства мозаиками.[3] Однако во время первой мировой войны Никея попала под бомбежку и в городе не осталось ни одного целого дома. Церковь Вознесения особенно пострадала. Она была разрушена, и только западная арка свода и южная часть портика входа (narthex) сохранились. Другая известная церковь Никеи, Собор Софии, также находится в удручающем состоянии.[4]

До нас дошел интересный документ, который позволяет нам, до некоторой степени, познакомиться с представлением Феодора Ласкаря об императорской власти. Это так называемый «Силенциум» (Σελεντιον, σιλεντιον, silentium), как в византийское время назывались публичные речи императоров, произносимые ими во дворце при наступлении Поста, в присутствии знатнейших лиц империи. Данный «Силенциум» рассматривается как тронная речь Феодора Ласкаря, произнесенная в 1208 г. сразу же после коронации.[5] Речь написана его современником, хорошо известным историком Никитой Хониатом, который, после захвата Константинополя латинянами, нашел безопасное убежище в Никее. Из этой риторически на-

---

[1] *Ф. И. Успенский.* О рукописях «Истории» Никиты Акомината в Парижской Национальной Библиотеке. — ЖМНП, т. 194, 1877, с. 77.

[2] Напечатано в: *C. Sathas.* Bibliotheca graeca medii aevi, vol. I. Paris, 1872, p. 139 ff.

[3] См.: *H. Grégoire.* Le véritable nom et la date de l'église de la Dormition à Nicée. Un texte nouveau et décisif. — Mélanges d'histoire offerts à Henri Pirenne. t. I. Bruxelles—Paris, 1926, pp. 171—174. См. также: *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin, vol. II, pp. 520—521; 908. Статья *А. Грегуара* вышла слишком поздно, чтобы Ш. Диль мог бы ее использовать. См. также: *O. M. Dalton.* East Christian Art. Oxford, 1925, p. 285.

[4] См.: *М. Аллатов, И. Брунов.* Краткий отчет о путешествии на Восток. — ВВ, т. 24, 1923—1926, с. 61; *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin, vol. II, p. 908.

[5] *A. Heisenberg.* Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums. II, S. 11—12.

писанной речи видно, что Феодор смотрел на свою власть, как на власть византийского василевса, дарованную ему Богом. «Моя императорская власть была свыше поставлена, подобно отцу, над всей ромейской державой, хотя со временем она и стала уступать многим; десница Господа возложила на меня власть...», Бог за усердие даровал Феодору «помазание Давида и такую же власть». Единство империи знаменует собою и единство церкви. «И да будет едино стадо и един пастырь», — читаем мы в конце «Силенция».[1] Правда, это произведение не принадлежит самому императору; но оно, во всяком случае, отражает господствующее мнение лучших и образованных людей Никейского государства, — мнение, имевшее за собою полное историческое обоснование с тех пор, как Феодор Ласкарь, связанный родственными узами с Ангелами и Комнинами, сделался «ромейским василевсом» в Никее и почувствовал себя продолжателем государей Византийской империи.

Внешняя политика Ласкаридов и возрождение Византийской империи

После поражения латинян под Адрианополем положение Феодора временно стало немного легче. Однако, преемник несчастного Балдуина на константинопольском троне, его брат Генрих, энергичный и талантливый вождь и правитель, оправившись несколько после неудачи с болгарами, снова открыл военные действия против Феодора, имея в виду присоединить к Латинской империи никейские владения. Никейский император не смог силой оружия остановить успехи латинян. Но болгарская опасность для латинян и сельджукская опасность для Феодора заставили их согласиться на перемирие, причем Феодор должен был срыть несколько крепостей.[2]

Турки-сельджуки

Война Феодора с сельджукским султаном, которому, как известно, принадлежала бóльшая часть Малой Азии, имела большое значение для будущего молодой Никейской империи. Для турецкого Иконийского, или Румского, султаната появление нового государства в виде Никейской империи, конечно, было в высшей степени неприятно, так как ставило препятствие для дальнейшего продви-

---

[1] *A. Sathas*. Bibliotheca graeca medii aevi, vol. I, pp. 99, 105, 107.

[2] См.: *E. Gerland*. Geschichte der Frankenherrschaft in Griechenland. II. Geschichte des lateinischen Kaiserreiches von Konstantinopel. Hamburg, 1905, S. 102—114. После появления книги Герланда перестала представлять интерес следующая работа — *L. Neuhaus*. Die Reichsverwesenschaft und Politik des Grafen Heinrich von Anjou, des zweiten Kaisers im Lateinerreiche zu Byzanz. Leipzig, 1904.

жения турок на запад к побережью Эгейского моря. К этой главной основной причине обостренных отношений между двумя государствами присоединилось еще то обстоятельство, что тесть Феодора Ласкаря, Алексей III Ангел, бежал к султану и умолял его помочь вернуть утерянный трон. Султан воспользовался приездом Алексея и послал Феодору грозное требование о передаче ему трона, скрывая под этим предлогом свою действительную цель завладения всей Малой Азией. Открылись военные действия, разыгравшиеся преимущественно в Антиохии на р. Меандре, в Карии. Главной силой у Феодора был отряд храбрых западных наемников, которые в сражении с турками, несмотря на свою доблесть и причиненные туркам громадные потери, почти все остались на поле брани. Но Феодор Ласкарь своей личной храбростью поправил дело. В происшедшем столкновении султан был убит, может быть, даже самим императором. Современный событиям источник говорит, что «султан упал как с башни», то есть с лошади, на которой находился.[1] В той же битве бывший император Алексей III, нашедший пристанище у турок, был взят в плен. Он был пострижен и окончил дни в одном из никейских монастырей.

Каких-либо крупных территориальных изменений в пользу Феодора после этой войны, по-видимому, не произошло.[2] Но моральное значение победы христианского греческого императора Никеи над мусульманами было очень велико: она закрепила новое государство, воскресила прежние заветы Византийской империи борьбы с исламом и наполнила радостью и бодростью сердца греков не только малоазиатских, но и европейских, которые впервые после этого увидели в Никее возможный центр будущего объединения. Никита Акоминат написал в честь Феодора, по случаю этой победы, большое, напыщенное похвальное слово.[3] Брат Никиты, Михаил Акоминат, бывший афинский митрополит, покинувший после 1204 года Афины и проводивший оставшуюся часть своей жизни на одном из островов у берегов Аттики, прислал оттуда Феодору, по случаю той же победы, поздравительное письмо, в котором высказывал пожелания, чтобы он приобрел себе трон Великого Константина в том месте, которое изначально избрал Господь,[4] т. е. трон в Константинополе.

---

[1] *Georgius Acropolita*. Annales, cap. 10. Ed. A. Heisenberg, p. 17.

[2] См.: *G. de Jerphanion*. Les Inscriptions cappadociennes et l'histoire de l'empire grec de Nicée. — Orientalia Christiana Periodica, vol. I, 1935, pp. 242—243; *P. Wittek*. Das Fürstentum Mentesche. Studie zur Geschichte Westkleinasiens im 13—15. Jahrhundert. Istambul, 1934, S. 1—23; *M. F. Köprülü*. Les Origines de l'Empire Ottoman. Paris, 1935, pp. 35—37; *P. Wittek*. The Rise of the Ottoman Empire. London, 1938, pp. 16—32.

[3] *A. Sathas*. Bibliotheca graeca medii aevi, vol. I. pp. 129—136.

[4] *Mich. Acominatus*, ed. S. Lampros, vol. II. Athenae, 1879, pp. 353 ff.

Латинская империя

Но, если победой Феодора были обрадованы греки, то, как это ни странно, ей был доволен и Генрих, император латинский, боявшийся храбрых западных наемников Феодора, которые, как было отмечено выше, почти все погибли в борьбе с турками. Эта победа Феодора, по мнению Генриха, лишь ослабила никейского императора, о котором, как пишет источник, Генрих сказал: «Ласкарь побежден, а не победил».[1] Генрих, конечно, ошибался, так как вскоре после войны Феодор снова имел в своем распоряжении значительное количество франков и хорошо вооруженных греков.[2]

После победы над турками Феодор Ласкарь счел возможным открыть военные действия против Генриха, имея уже определенную цель при помощи значительного флота напасть на Константинополь. Весьма интересное письмо, которое Е. Герланд назвал манифестом,[3] было написано Генрихом из Пергама в начале 1212 года и адресовано «всем своим друзьям, до которых [содержание] послания могло дойти» (universis amicis suis ad quos tenor presentium pervenerit). Это письмо свидетельствует о том, что Генрих рассматривал Феодора как весьма опасного противника. Он писал: «Первый и самый опасный враг — это Ласкарис, который владеет всей землей по ту сторону пролива св. Георгия [4] до Турции и, провозгласив себя императором, он нам часто угрожал с той стороны... Ласкарис собрал большое количество судов, чтобы овладеть Константинополем. Вот почему город дрожит, в большом отчаянии, до такой степени, что многие из нашего народа, отчаявшись в нашем возвращении [из Малой Азии],* планировали бежать за море. Большое количество других перешло на сторону Ласкариса, обещая ему помощь против нас... Все греки начали шептаться против нас и обещать Ласкарису поддержку, если он с оружием пойдет на Константинополь». Письмо завершается призывом к латинянам поддержать Генриха. «Для того, чтобы иметь полную победу и для того, чтобы обладать нашей империей, нам нужно большое количество латинян, которым мы могли бы дать землю, приобретаемую и уже приобретенную. Однако, как вы знаете, недостаточно приобрести землю, необходимо иметь людей, которые

---

[1] *Georgius Acropolita*. Annales, cap. 15; ed. A. Heisenberg, p. 27.
[2] *E. Gerland*. Geschichte der Frankenherrschaft in Griechenland. II, S. 216.
[3] *E. Gerland*. Ibid., S. 218.
[4] Имеется в виду Босфор.
* Пояснение в скобках принадлежит А. А. Васильеву.

смогут ее удержать».[1] Это письмо показывает, что Генрих был весьма встревожен враждебными действиями Феодора Ласкаря и, далее, что дух его новых подданных не был крепким.

Однако же эта первая попытка со стороны Никеи восстановить прежний центр Византии не удалась: Никейское государство было еще недостаточно для этого сильно и подготовлено. В начавшейся войне успех был на стороне Генриха, который довольно далеко проник внутрь Малой Азии. В недавно опубликованном письме, датируемом со всей очевидностью 1213 годом, Генрих дает краткое описание своей победы над греками, которые «с такой наглостью и оскорбительным насилием поднялись против Римской церкви, что считают всех ее сыновей, то есть преданных латинян, собаками и, вследствие презрения к нашей вере, в основном и называют собаками».[2]

Заключенный между двумя императорами мир точно определил границы обоих государств в Малой Азии: северо-западная часть полуострова оставалась в руках Латинской империи, то есть, если не считать некоторых незначительных территориальных приращений внутри страны, малоазиатские владения латинян после этого соглашения немногим отличались от владений, выпавших им на долю по разделу 1204 года.[3]

В 1216 году талантливый и энергичный Генрих умер в расцвете лет. Им восхищались даже греки, и византийский хронист XIV века говорил, что Генрих был «настоящим Аресом».[4] Историки XX века также высоко оценивают его личность и деятельность. Е. Герланд

---

[1] Recueil des historiens des Gaules et de la France, nouvelle édition, t. XVIII, Paris, 1879, pp. 530—533.

[2] См.: *M. P. Lauer*. Une Lettre inédite d'Henri Ier, d'Angre, empereur de Constantinople, aux prélats italiens (1213?). — Melanges offerts à M. Gustave Schlumberger, t. I. Paris, 1924, p. 201. Не понимаю, почему Лауер датирует это письмо Генриха, отправленное 13 января 1212 года, 1213 годом.

[3] См.: *A. Gardner*. The Lascarids of Nicaea, pp. 85—86; *Idem*. Geschichte der Frankenherrschaft in Griechenland. Bd. II, S. 218—219. Иногда (см.: *N. Iorga*. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. I. Gotha, 1908, S. 120; *E. Gerland*. Geschichte der Frankenherrschaft... S. 246) встречается утверждение, что политика Феодора I была успешной на юге Малой Азии, где он захватил город Атталию на Средиземноморском побережье. Однако это ошибка, основанная на неточности датировки одной надписи, найденной в Атталии, которая относится собственно к 915—916 гг. См. по этому вопросу: *H. Grégoire*. Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure, vol. I. Paris, 1922, p. 104; *A. A. Vasiliev*. Byzantium and the arabs, vol. II. Bruxelles, 1950, p. 153.

[4] *Ephraemius Monachus*. Imperatorum et patriarcharum recensus, v. 7735. Bonn ed., p. 312.

заявлял: «Его учреждения дали основание, на котором далее развивалось франкское владычество в Греции».[1] «Смерть Генриха, — писал А. Гарднер, — была, совершенно очевидно, несчастьем для латинян — возможно, также и для греков, — ибо его сильная, но умиротворяющая политика могла привести к успеху, в той мере, в какой это вообще было возможно в преодолении бреши между Востоком и Западом».[2] Преемники его на константинопольском троне ни талантами, ни энергией не отличались.

В 1222 году основателя Никейской империи не стало. Феодор I Ласкарь создал эллинский центр в Малой Азии, объединил его и привлек к нему внимание европейских греков. Он заложил основание, на котором преемник его уже смог построить обширное здание. В своих хвалебных письмах к Феодору Ласкарю Михаил Акоминат писал: * «Столица, выброшенная варварским наводнением из стен Византии на берега Азии в виде жалкого обломка, тобою принята, руководима и спасена... Тебе надо было бы вовеки называться новым строителем и населителем града Константина... Видя в тебе одном спасителя и общего освободителя и называя тебя таким, потерпевшие крушение во всеобщем потопе прибегают под твою державу как в тихую гавань... Никого из царей, царствовавших над Константинополем, не считаю равным тебе, разве из более новых — великого Василия Болгаробойцу, а из более древних — благородного Ираклия».[3]

Иоанн III Дука Ватац (1222—1254)

После смерти Феодора I Ласкаря на никейский престол вступил зять его, муж его дочери Ирины, Иоанн III Дука Ватац (1222—1254).[4] Хотя его предшественник и заложил некоторое основание для дальнейшего развития Никейского государства, тем не менее международное положение последнего было таково, что настоятельно требовало пребывания у власти решительного и энергичного правителя, каким и явился Иоанн Ватац.

---

[1] *E. Gerland.* Geschichte der Frankenherrschaft... S. 251.

[2] *A. Gardner.* Lascarids of Nicaea... p. 93.

* В данном переводе А. А. Васильева полностью сохранены выражения переводчика и его стилистика, с современной точки зрения не всегда приемлемые.

[3] *Mich. Acominatus*, ed. S. Lampros, vol II, pp. 150, 151, 276, 354.

[4] Большинство исследователей считает 1254 год годом смерти Иоанна Ватаца. А. Мелиаракис (Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου. Ἀθῆναι, 1898, p. 412) и А. Гарднер (Lascarids of Nicaea... p. 192) пишут, что он умер 13 октября 1255 года; в Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 430, говорится, что он умер в 1254 году.

В то время четыре державы оспаривали господство на Востоке: Никейская империя, Латинская империя, Эпирский деспотат и Болгарское царство Иоанна-Асеня II. Внешняя политика Иоанна Ватаца и заключалась, с одной стороны, в войнах, с другой стороны, в союзах то с одной, то с другой державой. К счастью для него, три его соперника на Балканском полуострове никогда не действовали все сообща и дружно, а вели между собой колеблющуюся политику ослабляющих их военных действий или скоропреходящих союзов. Иоанн Ватац прекрасно справился со сложной международной задачей.

Эпирский деспотат и его взаимоотношения с Никейской империей

Для дальнейшей судьбы Никейской империи в высшей степени была важна история Эпирского деспотата, т. е. второго *греческого* центра, около которого при известном развитии событий могли сплотиться интересы западных греческих патриотов и откуда могло произойти воссоздание Византийской империи, помимо Никеи. Между этими двумя греческими государствами, не шедшими на взаимные добровольные уступки, в видах общей цели эллинского объединения, неминуемо должна была открыться борьба за будущее восстановление Византии.

Основателем Эпирского деспотата в 1204 году, как известно, был Михаил I Ангел. Фамилия эпирских Ангелов находилась в некотором родстве по восходящей линии с фамилиями Комнинов и Дуков, и поэтому имена государей Эпира нередко сопровождаются сложным династическим названием «Ангелов-Комнинов-Дуков». Первоначально владения эпирского деспота простирались от Диррахия на севере до Коринфского залива на юге, т. е. занимали территорию древнего Эпира, Акарнании и Этолии. Столицей нового государства сделался город Арта.

При изложении событий Эпира XIII века надо иметь в виду, что история деспотата еще недостаточно разработана и далеко не все источники известны; в силу чего многое остается до сих пор спорным и неясным. Много света пролили на историю деспотата изданные в конце XIX века В. Г. Васильевским письма Иоанна Апокавка, митрополита Навпактского (Лепанто).[1]

По характеру внутреннего управления деспотат не отличался от приемов до 1204 года, когда его территория представляла собой провинцию Византийского государства; изменилось лишь название формы правления, а народ продолжал жить на основах византий-

---

[1] *В. Г. Васильевский.* Epirotica saeculi XIII. — ВВ, т. III, 1896, с. 233—299.

ской администрации. Будучи со всех сторон окружен латинскими и славянскими государствами, на востоке феодальным Фессалоникийским королевством, на северо-востоке Болгарским царством и на западе владениями Венеции, угрожавшей морскому побережью Эпира, деспотат должен был пойти по пути создания крепкой военной силы, которая могла, в случае необходимости, дать отпор внешнему врагу. Немалым подспорьем в последнем случае служила для деспотата также горная, малодоступная природа местности. Деспот Михаил I смотрел на себя, как на совершенно независимого государя, и отнюдь не признавал какого-либо главенства Феодора Ласкаря Никейского. Церковь в деспотате также управлялась самостоятельно, и Михаил I сделал распоряжение, чтобы местные митрополиты приступили к рукоположению епископов.

Первоначальной задачей эпирского деспота было сохранение в западных областях Греции эллинизма от поглощения его соседними франками и болгарами. Более широкие задачи, которые вывели деспотат далеко за тесные пределы интересов государства, появились и развились позднее.

В правление Феодора Ласкаря у Никеи не было, по-видимому, серьезных столкновений с деспотатом. Со вступлением на престол Иоанна Ватаца обстоятельства изменились. В это время на эпирском престоле сидел уже брат Михаила Феодор, с именем которого связывается представление о расширении пределов его государства за счет латинян и болгар.

Новый деспот Феодор Ангел пребывал при жизни брата при дворе никейского государя. Когда Михаил I обратился к Феодору Ласкарю с просьбой отпустить брата в Эпир для помощи деспоту в управлении государством, то никейский император исполнил просьбу Михаила, взяв предварительно с Феодора Эпирского клятву в верности ему, как императору, и его никейским преемникам. Опасения Феодора Ласкаря оказались обоснованными: когда Феодор Ангел сделался эпирским государем, то он, нисколько не считаясь с данной никейскому императору клятвой, открыл, когда счел нужным, военные действия против Никеи.

Первое, чем прославился Феодор Ангел, это был захват им в плен латинского императора Петра Куртене,* графа Оксеррского. После смерти талантливого и энергичного Генриха в 1216 г. бароны избрали в императоры его зятя Петра Куртене, женатого на Иоланте, сестре Балдуина и Генриха. В момент избрания Петр с супругой находился во Франции. Получив известие об избрании, они двинулись в Константинополь через Рим, где папа Гонорий III короновал

---

* Так в тексте А. А. Васильева, причем уже в исходной русской версии. Учитывая же бесспорное французское происхождение этого императора, более правильным было бы назвать его Пьер Куртене.

Петра императорской короной, но не в храме Св. Петра, а в церкви San Lorenzo Fuori le Mura, желая этим показать, что империя Романии на Востоке была отлична от Римской империи на Западе, — отличие, которое могло быть несколько забыто, если бы коронация восточного императора имела место в соборе Св. Петра, где, начиная с Карла Великого и Оттона I, короновались западные императоры.[1] Отправив из Италии свою супругу Иоланту морем в Константинополь, сам Петр с войском, переехав Адриатическое море, высадился у Диррахия, надеясь сухим путем добраться до столицы. Но Феодор Ангел, устроив ему засаду в горных теснинах, разбил и взял в плен бóльшую часть войска Петра. Сам император, по одним источника, пал в битве, по другим, был схвачен и умер в греческом плену.[2] Этот, по словам В. Г. Васильевского, «подвиг Феодора совершенно в греческом византийском вкусе»[3] произвел особенно сильное впечатление на Западе, где хронисты в самых мрачных чертах рисуют дикость и жестокость Феодора.[4] Судьба Петра Куртене в греческом плену покрыта, подобно судьбе первого латинского императора Балдуина, погибшего, как известно, в болгарском плену, некоторой таинственностью; по всей вероятности, Петр умер в темнице. Между тем, вдова Петра, Иоланта, прибыв в Константинополь, в течение двух лет до своей смерти (1217—1219) управляла государством. Ей наследовал ее сын Роберт (1220—1228). Смерть Петра Куртене должна быть оценена как первый натиск Эпирского деспотата, т. е. западного эллинского начала против пришлого на Балканский полуостров элемента латинского.

На этом антилатинская политика Феодора Ангела не закончилась. Вскоре возник вопрос о королевстве Фессалоникийском (Солунском), королем которого был, как известно, с 1204 г. Бонифаций Монферратский, убитый, однако, в стычке с болгарами уже три года спустя. После этого в королевстве начались смуты и раздоры. Пока был жив энергичный латинский император Генрих, он мог еще оберегать Солунь от двух ее наиболее грозных врагов, Болгарии и Эпира. Но после смерти Генриха и нового латинского императора

---

[1] *A. Gardner*. The Lascarids of the Nicaea... p. 93.

[2] Среди наиболее новых работ об обстоятельствах смерти Пьера Куртене см.: *A. Gardner*. Ibid., p. 94; *W. Miller*. The Latins in the Levant. A History of Frankish Greece (1204—1566). London, 1908, pp. 82—83; The Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 427; *П. Ников*. Приносъ къмъ историческото изворознание на България и къмъ историята на Българската църква. — Списание на Българската Академия на науките. София, 1921, с. 40.

[3] *В. Г. Васильевский*. Обновление болгарского патриаршества. — ЖМНП, т. 238, (1885), с. 21.

[4] См.: Ἀ. Μηλιαράκης. Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου. Ἀθῆναι, 1898, p. 125, note 2.

Петра Куртене королевство Фессалоникийское было не в состоянии противиться наступательным действиям Феодора Эпирского.

Последний, начав войну против соседнего латинского королевства, одержал победу и без большого труда овладел в 1222 году Солунью, вторым городом бывшей Византийской империи, столицей королевства и первым леном Константинопольской латинской империи. «Таким образом, всего лишь после восемнадцати лет существования эфемерное ломбардское королевство бесславно пало — первое из созданий четвертого крестового похода».[1] Овладев Солунью и распространив свои владения от Адриатического моря до Эгейского, Феодор счел себя вправе короноваться императорским венцом, а именно сделаться императором ромеев, т. е., другими словами, не признать этого титула за Иоанном Ватацем, перед этим (1222 г.) вступившим на никейский трон. С точки зрения Феодора Эпирского, он, как представитель славных фамилий Ангелов, Комнинов и Дуков, имел полное преимущество перед Иоанном Ватацем, человеком не очень знатного происхождения, попавшим на престол только потому, что он приходился зятем покойному Феодору Ласкарю.

Поднимался вопрос, кто будет короновать Феодора в Солуни. Солунский митрополит уклонился от этого, не желая нарушать прав жившего тогда в Никее Константинопольского патриарха, венчавшего на царство Иоанна Ватаца. Тогда другой иерарх, не связанный отношениями с православным патриархом в Никее, а именно — автокефальный (независимый) архиепископ города Охриды (Ахриды) и «всей Болгарии» Димитрий Хоматин, сочинения которого, особенно письма, имеют большой интерес для истории данной эпохи, венчал и миропомазал Феодора на царство, и последний, по словам источника, «облекся в порфиру и стал носить красные башмаки»,[2] что являлось одним из отличительных признаков византийского василевса. Из одного письма только что названного Димитрия Хоматина мы узнаем, что венчание Феодора Эпирского на царство и его миропомазание происходило «с общего совета находившихся на западе (т. е. в пределах солунско-эпирского государства) членов синклита, духовного сословия и всего многочисленного воинства».[3] Другой дошедший до нас документ свидетельствует, что венчание на царство и миропомазание было совершено с согласия всех епископов, живших «в этой западной

---

[1] *W. Miller.* The Latins in the Levant. A History of Frankish Greece (1204—1566), p. 83.

[2] *Georgius Acropolita.* Annales, cap. 21, ed. A. Heisenberg, p. 33.

[3] *J. B. Pitra.* Analecta sacra et classica spicilegio Solesmensi parata. Paris — Rome, 1891, VI, ep. 114, 488—490. См.: *М. Дринов.* О некоторых трудах Димитрия Хоматина. — ВВ, т. 2, 1895, с. 11 и прим. 1.

части».[1] Наконец, сам Феодор подписывал свои грамоты (хрисовулы) полным титулом византийского государя: «Феодор во Христе Боге василевс и автократор (самодержец) ромеев, Дука».[2]

Много интересного и нового по данному вопросу сообщает нам драгоценный сборник писем вышеупомянутого навпактского митрополита Иоанна Апокавка. Из его переписки, как пишет В. Г. Васильевский, «мы в первый раз узнаем, какое живое участие в эпирском движении принимало греческое духовенство и в особенности греческие епископы. Провозглашение Феодора Ангела Эпирского императором ромеев понималось весьма серьезно; Солунь, которая перешла в его руки, противопоставлялась Никее; ему прямо указывали на Константинополь, как на ближайшую цель его честолюбия и верную его добычу; говорили, думали и писали, что ему предстоит войти в Святую Софию и занять здесь место православных римских императоров, на котором беззаконно восседали пришлые латиняне. Осуществление таких мечтаний вовсе не лежало вне пределов возможного; овладеть Константинополем из Солуни было даже легче, чем из Никеи».[3]

Провозглашение Феодора солунским императором и помазание его на царство архиепископом Димитрием Хоматином должно было повлечь за собой политический разрыв между Солунью и Никеей и церковный разрыв между западными греческими иерархами и никейской патриархией, именовавшей себя патриархией Константинопольской.

В течение довольно продолжительного времени после падения латинского Солунского королевства некоторые западноевропейские принцы, родственные Монферратской фамилии, продолжали на Западе носить пустой титул Солунского короля. Это были так называемые «титулярные» Солунские короли, подобно тому, как после падения Латинской империи в 1261 году в Западной Европе будут «титулярные» Латинские императоры.

Таким образом, с 1222 г.,[4] когда была провозглашена Фессалоникийская империя, в своем основании отрицавшая империю Никейскую, на христианском Востоке появились три империи: две греческих, Фессалоникийская и Никейская, и Латинская империя в Константинополе, с каждым годом слабевшая.[5] Дальнейшая

---

[1] *В. Г. Васильевский.* Epirotica saeculi XIII. — ВВ, т. 3, 1896, с. 285.

[2] *Он же.* Там же, с. 299.

[3] *Он же.* Обновление болгарского патриаршества. — ЖМНП, т. 238, (1885), с. 18—19.

[4] Иногда годом основания Фессалоникийской империи называют 1223 г.

[5] Мы не будем говорить о Трапезундской империи. (О Трапезундской империи см. подробно: *Г. Г. Литаврин.* Социально-экономический и поли-

история XIII века развивалась в зависимости от взаимных отношений этих империй, в судьбы которых, в виде решающего фактора, вмешалось Болгарское царство Иоанна-Асеня II.

Фессалоника и Никея

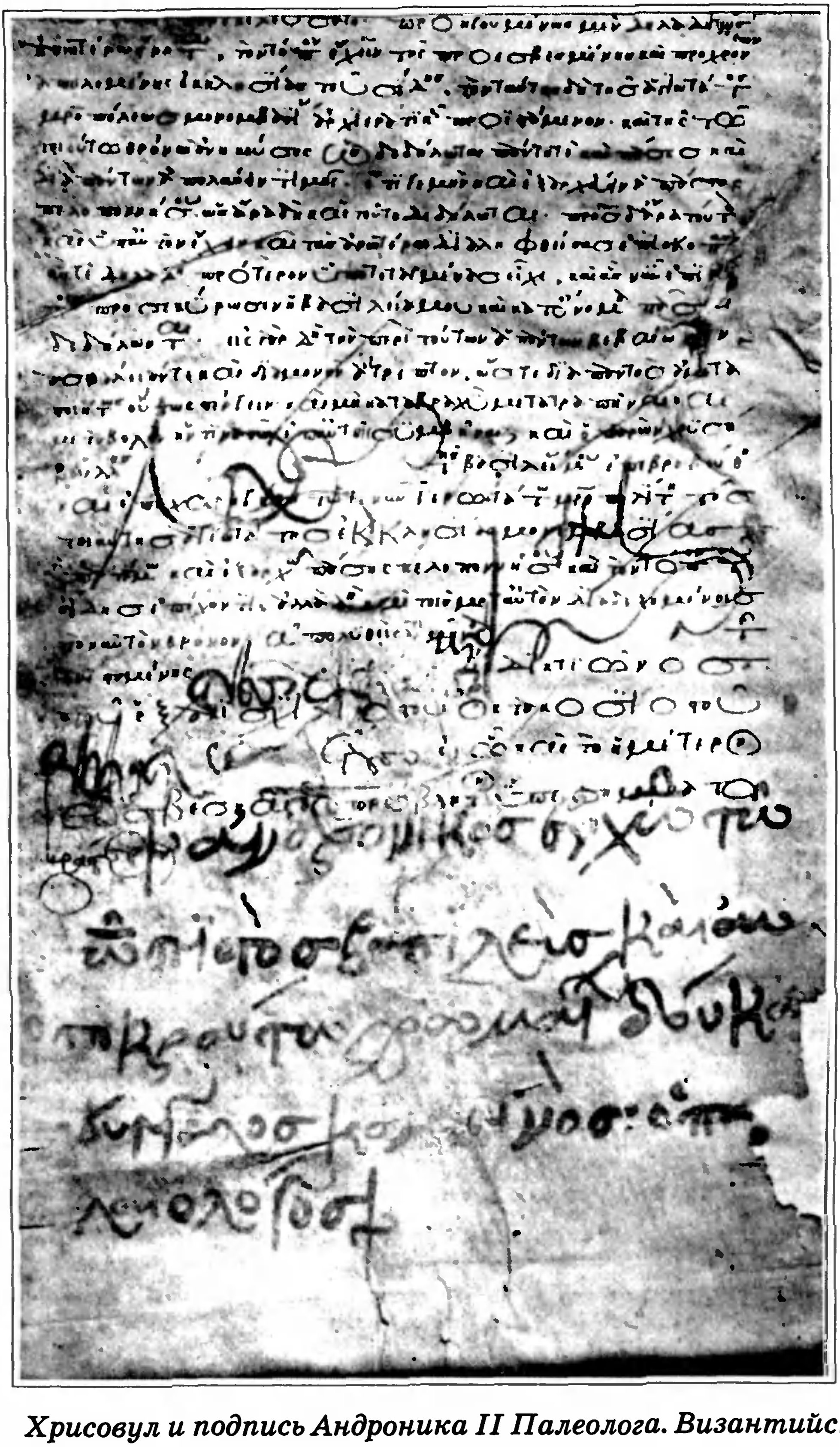
У двух греческих императоров, Иоанна Ватаца и Феодора Ангела, был один общий враг — константинопольский император. Но сговориться между собою относительно этого общего врага греческие государи не могли, так как каждый из них всеми силами стремился завладеть Константинополем для себя. Лишь один из двух мог быть, в их представлении, восстановителем Византийской державы. Поэтому им приходилось каждому в отдельности бороться с Латинской империей, чтобы, в конце концов, столкнуться друг с другом.

Вести об усилении Никеи и Эпира доходили до Западной Европы и вызывали тревогу за будущую судьбу Латинской империи. В своем письме (от мая 1224 г.) к французской королеве Бланке, матери Людовика IX, папа Гонорий III, вспоминая о сильной империи Романии и о том, что «там недавно создана была как бы новая Франция», предупреждает королеву, что «сила французов (на Востоке) уменьшилась и уменьшается, в то время как их противники против них серьезно крепнут, так что, если императору не будет оказана быстрая помощь, то можно опасаться, что латинянам будет угрожать непоправимый ущерб как в людях, так и в средствах». Затем в письме следует просьба к французскому королю помочь латинскому императору.[1]

Иоанн Ватац вскоре по вступлении на престол открыл успешные военные действия против латинян в Малой Азии, затем при помощи флота, который уже был у никейского государя, захватил ряд островов Архипелага, например, Хиос, Лесбос, Самос и некоторые другие, а затем, получив от жителей Адрианополя просьбу прийти к ним и освободить их от латинского ига, перенес военные действия в Европу: он послал под Адрианополь войско, которое, по-видимому, без боя и заняло этот важный пункт. Для Иоанна Ватаца обладание Адрианополем являлось преддверием для овладения Константинополем. Один из соперников, казалось, был недалеко от заветной цели.

тический строй Никейской империи, Эпирского царства и Трапезундской империи. В кн.: История Византии, т. 3. М., 1967, с. 46—49. — *Науч. ред.*)

[1] Recueil des historiens des Gaules et de la France, vol. XIX, Paris, 1833, p. 754.



Хрисовул и подпись Андроника II Палеолога. Византийский музей Афин.

В то же время Феодор Ангел, выступив из Солуни на восток, завоевал бóльшую часть Фракии и, подойдя в 1225 году к Адрианополю, заставил удалиться оттуда стоявших там военачальников и войско Иоанна Ватаца. Для планов последнего оставление Адрианополя являлось крупной неудачей. Между тем Феодор, захватив еще некоторые пункты, дошел со своим войском до самых стен Константинополя. Латиняне переживали критические моменты. Император Солунский почти уже был фактически восстановителем Византийской империи. Владения его простирались от Адриатического моря почти до Черного моря.

Но Феодор должен был отказаться от дальнейших успехов в борьбе против латинян, так как ему самому стала грозить суровая опасность с севера в лице Иоанна-Асеня II Болгарского, также имевшего виды на Константинополь

Роль Болгарии на христианском Востоке при царе Иоанне-Асене II

Иоанн-Асень II (1218—1241), сын Иоанна-Асеня I, величайший из Асеновичей, «не будучи сам вовсе завоевателем, — по словам известного историка Иречека, — расширил границы своего царства, принятого им в расстроенном виде, до таких размеров, каких оно не имело уже несколько веков и до каких оно и позднее не доходило уже никогда».[1] Религиозно терпимый, образованный и милостивый, он оставил по себе хорошую память не только среди болгар, но и греков. Греческий историк XIII века Георгий Акрополит писал о нем: «Все считали его тогда удивительным и счастливым, ибо он не прибегал к мечу в отношении своих подданных и не запятнал себя убийствами ромеев, подобно предшествовавшим ему болгарским государям. Поэтому он был любим не только болгарами, но и ромеями и другими народами».[2]

Для истории Византии Иоанн-Асень II очень важен, как носитель идеи Велико-болгарского царства, которое должно было, казалось, объединить все православное население Балканского полуострова и получить свою столицу в Царьграде. Само собой разумеется, что подобные планы шли вразрез с насущными интересами обеих греческих империй и должны были повлечь за собой враждебные столкновения. Сама судьба, казалось, облегчала болгарскому царю осуществление его планов.

---

[1] *К. Иречек*. История болгар. Перевод Ф. Бруна и В. Палаузова. Одесса, 1878, с. 333; *В. Златарски*. Иванъ Асен II. — Българска Историческа Библиотека. Т. 3, 1933, с. 1—55.

[2] *Georgius Acropolita*. Annales, cap. 25; ed. A. Heisenberg, p. 43.

После смерти Латинского императора Роберта (1228 г.) на престол должен был вступить малолетний брат его Балдуин. Поднялся вопрос о регентстве. Некоторые предлагали в регенты Иоанна-Асеня, состоявшего в некотором родстве с Балдуином; причем для укрепления связи предположили устроить помолвку Балдуина с несовершеннолетней дочерью Асеня. Последний, учтя все выгоды предлагаемого соглашения и питая надежду на бескровный захват Константинополя, согласился на предложение и дал обещание освободить для Балдуина земли, занятые врагами, т. е. в данном случае, главным образом, Феодором Эпирским. Однако, латинские рыцари и представители духовенства упорно восстали против кандидатуры смертельного врага Латинской империи и настояли на том, чтобы регентом государства был избран француз, «титулярный» король Иерусалимский, пребывавший в то время в Западной Европе, восьмидесятилетний Иоанн Бриенский. Таким образом, первая возможность для Асеня овладеть Константинополем окончилась неудачей.

Как известно, после взятия Адрианополя главную роль на Балканском полуострове играл Феодор Эпирский, император Солунский, который вступил в союз с болгарским Асенем. Но союзные их отношения продолжались недолго. История с регентством Иоанна-Асеня в Константинополе вызвала в Феодоре сильные подозрения. Нарушив вероломно союзный договор, он открыл военные действия против болгар. Решительная битва произошла в 1230 году при местечке Клокотнице (теперь Семидже), между Адрианополем и Филиппополем, и окончилась полной победой Иоанна-Асеня, которому оказала существенную помощь половецкая конница.[1] Сам Феодор Ангел попал в плен. Будучи сначала милостиво принят Асенем, он впоследствии затеял против него какую-то интригу, за что и был ослеплен.

Клокотницкое сражение 1230 года является одним из поворотных пунктов в истории христианского Востока XIII века. Оно разрушило Западную греческую империю, западный греческий центр, который, казалось, был уже близок к тому, чтобы стать восстановителем Византийской империи. Кратковременная Западная империя (1223—1230), можно сказать, прекратила свое существование, и брат взятого в плен Феодора Ангела Мануил правил после этого в Солуни, как полагают некоторые историки, с титулом уже не императора, а деспота. Но вряд ли это так: он продолжал подписывать свои грамоты красными чернилами, что было присуще

---

[1] Георгий Акрополит называет эту кавалерию скифской (там же, глава 25). Другие думают, что это молдо-валахи (влахи). См.: *O. Tafrali.* Thessalonique des origines au XIVe siècle. Paris, 1919, pp. 217—218.

царской чести, и назывался в документах царем.[1] В дальнейшей истории XIII века Солунь и Эпир, распавшиеся на два отдельных владения, уже роли не играют. С этих пор борьба за Константинополь велась не между тремя соперниками, а двумя: Иоанном Ватацем и Иоанном-Асенем.

Болгарскому царю после победы над Феодором Эпирским достался без боя Адрианополь и почти вся Македония и Албания до Диррахия (Драча). В руках греков оставались Солунь, Фессалия и Эпир.

До нас дошла надпись на белой мраморной колонне в тырновской церкви Сорока Мучеников, где болгарский царь говорит о результатах своей победы в таких хвалебных выражениях: «Я, Иоанн-Асень, во Христе Боге верный царь и самодержец болгарам, сын старого Асеня царя... вышел на брань в Романию и разбил греческое войско, и самого царя, господина Феодора Комнина, взял со всеми его боярами, и перенял все земли от Адрианополя до Драча, греческую, а также албанскую и сербскую. Только города окрест Цареграда и самый Цареград держали латины (фрузи, франки), но и те подчинились руке моего величества, потому что иного царя, кроме меня, не имели, и только благодаря мне они продолжали свое существование».[2] Из относящейся к этому же времени грамоты Асеня дубровницким купцам о свободе их торговли во владениях царя видно, что вся прежняя Европейская Турция (кроме Константинополя), почти вся Сербия и вся Болгария входили в сферу влияния Асеня.[3]

Греко-болгарский союз. После этого Иоанн-Асень, раздраженный неудачным решением вопроса о его регентстве в Константинополе, стал во главе созданного им союза православных государей Востока, т. е. его самого, Иоанна Ватаца Никейского и Мануила Солунского, направленного против латинян. Нельзя не видеть в образовании этого союза опасного шага для интересов болгар на полуострове. Этим самым, по правильному суждению В. Г. Васильевского, Асень, душа коалиции, «содействовал сближению Мануила Солунского с Никейским императором, европейских греков с малоазиатскими, открывал пути влиянию Никейского помазанника в прежней Западной империи и даже в своих собственных владениях. Восстановление православной Восточной империи от-

---

[1] См.: *М. С. Дринов*. О некоторых трудах Димитрия Хоматина как историческом материале. — ВВ, т. 2, 1895, с. 3 и прим. 1; *O. Tafrali*. Thessalonique... p. 219.

[1] См.: *А. Погодин*. История Болгарии. СПб., 1910, с. 87; *К. Иречек*. История болгар... с. 337.

[3] *Г. Ильинский*. Грамота царя Иоанна-Асеня II. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, т. VII, 1901, вып. 2, с. 27. См. также: *А. Погодин*. История Болгарии, с. 88.

части решено было этим сближением».[1] Важным результатом этого союзного соглашения для внутренней истории Болгарии было признание там автокефального болгарского патриаршества, что было сделано с согласия никейского и других восточных патриархов.

Столица попала снова в очень опасное положение, будучи со всех сторон окружена врагами, что понимали современники. В цели наступательного союза против латинян входило полное уничтожение латинского господства, изгнание латинян из Царьграда и раздел их владений между союзниками. Солунь, собственно говоря, во внимание не принималась. Войска Асеня и Ватаца с суши и моря осадили в 1235 году Константинополь, но, не добившись решительных результатов, должны были удалиться. Встревоженный папа Григорий IX, в письме своем с призывом на помощь Константинопольскому императору, сообщал о том, что «Ватац и Асень, схизматики, недавно заключившие между собой союз нечестия, напали с многочисленным греческим ополчением на землю дражайшего во Христе сына нашего, императора Константинопольского».[2] Доведенный до отчаяния император Балдуин II, покинув Константинополь, объезжал Западную Европу, умоляя ее правителей помочь империи.

На этот раз Константинополь уцелел. Одной из причин, остановивших успехи православного союза, было охлаждение к нему самого Иоанна-Асеня, который понимал, что в лице Никейского императора он имел более опасного врага, чем в отжившей и ослабевшей Латинской империи. Поэтому болгарский царь быстро изменил свою политику, выступив уже защитником Латинского императора. Одновременно он сделал шаги к сближению с папским престолом, заявляя о своей преданности католической церкви и прося прислать для переговоров легата. Таким образом распался кратковременный греко-болгарский союз тридцатых годов XIII века.

Союз Иоанна Ватаца с Фридрихом II Гогенштауфеном

С именем Иоанна Ватаца связывается вопрос об интересном сближении двух далеких друг от друга государей, Никейского императора и императора Западного Фридриха II Гогенштауфена.

Фридрих II, самый замечательный из всех германских государей средневековья, соединял под своей властью Германию и Сицилийское королевство, которое, как известно, в лице императора Ген-

---

[1] *В. Г. Васильевский.* Обновление болгарского патриаршества. — ЖМНП, т. 237, 1885, с. 30.

[2] *A. Theiner.* Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia, vol. I. Paris, 1859, p. 140 (n. CCXLIX). См. также: *L. Auvray.* Les Registres de Grégoire IX, II. Paris, 1907, p. 217.

риха VI грозило в конце XII века смертельной опасностью Византии. Проведший детские и юные годы под южным небом Сицилии в Палермо, где жили греки, позднее арабы и за ними норманны; прекрасно говоривший по-итальянски, по-гречески, по-арабски и, вероятно, по крайней мере в юные годы, плохо говоривший по-немецки; относившийся к религиозным вопросам гораздо спокойнее, чем его современники; увлекавшийся под влиянием восточных ученых, арабов и евреев, которых бывало много при сицилийском дворе Фридриха, науками естественными и философскими; основавший университет в Неаполе и покровительствовавший знаменитой в средние века медицинской школе в Салерно, — Фридрих II умом и образованием далеко превосходил современников, и последние далеко не всегда его понимали. Время Фридриха II можно назвать «прологом к Ренессансу». В середине XIX века французский историк писал, что Фридрих II «дал толчок Возрождению, которое подготовило падение средних веков и приход нового времени (des temps modernes)».[1] Это был «человек созидательного и смелого гения».[2] Несколько лет назад один немецкий историк писал о нем: «В своей универсальности он был настоящим гением эпохи Возрождения на императорском троне и одновременно гениальным императором».[3] Объект постоянного интереса историков, император Фридрих во многих отношениях представляет собой не разрешенную до конца загадку.[4]

Унаследовав вместе с тем представление об императорской власти, как о неограниченной, дарованной Богом власти римских императоров, которой принадлежит верховная власть над миром, Фридрих II явился заклятым врагом папства с его учением о превосходстве папской власти над властью государей. Борьба пап с Фридрихом II была упорная; трижды император подвергался папскому отлучению и умер, измученный и изнуренный этой напряженной борьбой, в которой папы, отбросив какие-либо духовные цели, мстили лишь своим личным врагам, этому «змеиному отродью» Гогенштауфенов, которое они стремились уничтожить.

В такой натуре, какою была натура Фридриха II, политические планы и интересы господствовали над интересами церковными. Враждебное отношение к папству у Фридриха распространялось и на все то, что поддерживалось папством. В последнем случае для нас важна Латинская империя на Востоке, в которой папство

---

[1] *J. Huillard-Bréholles*. Introduction à l'histoire diplomatique de l'empereur Frédéric II. Paris, 1858, p. DLVII.

[2] *M. Amari*. Storia dei Musulmani di Sicilia. Firenze, vol. III (2), p. 616. Второе издание — t. III, Catania, 1937, p. 628.

[3] *E. Kantarowicz*. Kaiser Friedrich der Zweite. Berlin, 1927, S. 613.

[4] *Ch. H. Haskins*. Studies in the History of Medieval Science, p. 242.

видело одно из средств для церковной унии между западной и восточной церквами. Уже в этом сошлись интересы Фридриха и Иоанна Ватаца. Если Фридрих относился враждебно к Латинской империи потому, что видел в ней один из элементов папской силы и влияния, то Иоанн Ватац видел в папе церковного противника, который не хотел признавать константинопольского, находившегося в Никее православного патриаршества и являлся крупным препятствием для достижения намеченной им цели обладания Константинополем. Начало сношений двух императоров относится к концу тридцатых годов XIII века. Фридрих не побоялся заключить «союз с греками, смертельными врагами как папства, так и Латинской империи».[1]

Но надо сказать, что первые дипломатические сношения греков с Фридрихом были раньше этого, а именно: Феодор Ангел Эпирский вел с ним дружескую переписку и получал даже от Западного императора из Южной Италии материальную помощь, за что папа Григорий IX, заодно с Фридрихом, предал отлучению и анафеме эпирского деспота. Из этого явствует, что для тех или других политических комбинаций Фридриха религия, будет ли то православная или католическая, значения не имела.

При общем враждебном отношении к папству Фридрих и Иоанн Ватац преследовали различные цели. Первый добивался отказа пап от притязаний на светскую власть; второй желал, при помощи известных компромиссов, чтобы Запад признал восточную церковь и чтобы этим самым латинское патриаршество в Константинополе теряло свой смысл. После этого Иоанн Ватац мог надеяться, что Латинская империя исчезнет сама собой. Папа также по-разному относился к двум неожиданным союзникам. Во Фридрихе он видел непокорного сына церкви, посягавшего на неотъемлемые, с папской точки зрения, прерогативы власти «викариев Христа» и наследников св. Петра. Иоанн же Ватац в глазах папы был схизматик, который являлся препоной для достижения заветной мечты папства, т. е. для воссоединения церквей. В своих взаимных отношениях Фридрих II обещал Ватацу очистить Константинополь от латинян и возвратить его законному государю; в свою очередь, Никейский император обязывался признать себя вассалом Западного императора и восстановить единение между обеими церквами. Конечно, трудно сказать, насколько эти обещания были искренни.

Отношения между Фридрихом и Иоанном Ватацем были настолько тесными, что уже в конце тридцатых годов греческие войска сражались в Италии в войске Фридриха. Еще теснее стали

---

[1] *W. Norden.* Das Papsttum und Byzanz... S. 322.

отношения двух антипапских государей после смерти первой супруги Иоанна Ватаца Ирины, дочери Феодора I Ласкаря, когда вдовый император, «не вынесши одиночества», по словам источника,[1] женился на дочери Фридриха II Констанции, переменившей, вероятно, свое католическое имя при переходе в православие на имя Анны. Существует длинная поэма, написанная Николаем Ириником по случаю брачных торжеств в Никее. Первые две строчки этой поэмы таковы:

«Вокруг приятного кипариса нежно обвивается плющ.
Императрица — это кипарис, мой император — это плющ».[2]

Констанция-Анна пережила мужа на много лет. Она окончила свою жизнь, полную превратностей и приключений, в испанском городе Валенсия, где в маленькой церкви Св. Иоанна Страннопримца (St. John-of-the-Hospital) до наших дней сохранилась могила никейской василиссы. На ней следующая эпитафия — «Здесь покоится Констанция, августейшая императрица Греции».[3]

Церковные взгляды Фридриха II, позволяющие некоторым ученым сравнивать его с английским королем, при котором началась Реформация в Англии, с Генрихом VIII,[4] находят отражение в его переписке с Иоанном Ватацем. В одном из писем Фридрих, отметив, что он движим не только своим личным расположением к Ватацу, но и своим общим стремлением поддержать принципы монархи-

---

[1] *Nicephorus Gregoras*. Historia Byzantina, II, 7, 3. Bonn ed., vol. I, p. 45.

[2] Полный текст поэмы был опубликован Гейзенбергом — *A. Heisenberg*. Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit. München, 1920, S. 100—105. (Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-philologische und Historische Klasse, 1920, 10. Abhandlung). Первые восемь строчек приведены в: *G. Schlumberger*. Le Tombeau d'une impératrice byzantine à Valence. — Revue des Deux Mondes XVII, 15 mars 1902. Потом в его же книге — *G. Schlumberger*. Byzance et les Croisades. Pages médiévales. Paris, 1927, p. 64. На английском — *A. Gardner*. The Lascarids of Nicaea: The History of an Empire in Exile, p. 308.

[3] См.: *G. Schlumberger*. Byzance et les Croisades... p. 57—58; *Ch. Diehl*. Constance de Hohenstaufen, impératrice de Nicée. — Figures byzantines, vol. II, Paris, 1908, pp. 207—225; *C. Marinesco*. Du Nouveau sur Constance de Hohenstaufen, impératrice de Nicée. — Byzantion, vol. I, 1924, pp. 451—468. (Некоторое количество новых документов из архивов Барселоны).

[4] *J. Huillart-Bréholles*. Introduction à l'histoire diplomatique de l'empereur Frédéric II. Paris, 1858, p. DXVII—DXVIII; *Idem*. Vie et correspondance de Pierre de la Vigne ministre de l'empereur Frédéric II. Paris, 1865, pp. 241—242. См. также: *A. Gardner*. The Lascarids of Nicaea... pp. 172—173.

ческого управления, писал следующее: «Все мы, земные короли и князья, особенно же ревнители православной (orthodoxe) религии и веры, питаем вражду к епископам и внутреннюю оппозицию к главным представителям церкви». Затем, выставив упрек западному духовенству за его злоупотребления свободой и привилегиями, император восклицал: «О, счастливая Азия! О, счастливые государства Востока! Они не боятся оружия подданных и не страшатся вмешательства пап».[1] Несмотря на официальную принадлежность к католической вере, Фридрих замечательно хорошо относился к восточному православию; в одном письме его, дошедшем до нас как на греческом, так и на латинском языке к тому же Ватацу, мы находим такое место: «Как! Этот так называемый великий архиерей (т. е. папа; в лат. тексте sacerdotum princeps, по-гречески ἀρχιερεύς), ежедневно предающий отлучению перед лицом всех твое величество по имени и всех подвластных тебе ромеев (в лат. тексте graecos), бесстыдно называющий еретиками *православнейших ромеев*, от которых христианская вера дошла до крайних пределов вселенной...» [2] В другом письме к эпирскому деспоту Фридрих писал: «Мы желаем защищать не только наше право, но и право наших дружественных и любимых соседей, которых чистая и истинная любовь во Христе соединила воедино, особенно же греков, наших близких и друзей... (Папа называет) благочестивейших и правовернейших греков нечестивейшими и еретиками».[3]

Дружественные отношения между Фридрихом и Ватацем продолжались до самой смерти первого, хотя в последние годы Фридрих был обеспокоен завязавшимися сношениями между Никеей и Римом и обменом между ними посольствами, по поводу чего в письме своем к Ватацу порицал «отеческим образом поведение сына», который «без отцовского совета пожелал отправить посла к папе». Не без некоторой иронии пишет далее Фридрих: «Мы не желаем

---

[1] *J. Huillart-Bréholles*. Introduction à l'histoire diplomatique... VI, 685, 686. (В некоторых случаях, подобных данному, непоследовательность А. А. Васильева затрудняет восприятие необходимой информации. В других ссылках на данную работу А. А. Васильев указывал номера страниц в арабской пагинации. Сочетание двух систем цифровых отсылок здесь — VI, 685, 686 — не позволяет определить, идет ли в данном случае речь только о номерах страниц, или, предположим, о номерах глав или разделов. — *Науч. ред.*)

[2] Греческий текст есть в следующем издании — *N. Festa*. Le Lettere greche di Frederigo II. (Archivio storico Italiano, t. XIII, 1894, p. 22); *F. Miklosich, J. Müller*. Acta et diplomata graeca medii aevi, vol. II. Wien, 1865, p. 72. Латинский текст есть в следующем издании — *J. Huillart-Bréholles*. Introduction à l'histoire diplomatique... VI, 772. (См. также дополнение к предыдущему прим. — *Науч. ред.*)

[3] *N. Festa*. Ibid., p. 15—16; *F. Miklosich, J. Müller*. Ibid., pp. 68—69.

ничего делать или предпринимать без твоего совета» в делах Востока, «так как эти соседние с тобой страны более известны твоему величеству, чем нам».[1] Фридрих предупреждает Ватаца, что римские епископы «не архиереи Христа, но хищные волки, дикие звери, пожирающие народ Христа».[2] После смерти Фридриха II и особенно после того, как Манфред, побочный сын его, сделался сицилийским королем, отношения изменились, и он, как будет отмечено ниже, выступил уже в виде врага Никейской империи. Одним словом, уже после смерти Иоанна Ватаца в 1254 г., «союз, о котором мечтал Фридрих II, был лишь воспоминанием».[3]

Нельзя сказать, чтобы союз между двумя императорами дал какие-либо важные результаты; но тем не менее нельзя и не отметить того, что Иоанн Ватац, чувствуя дружественную поддержку Западного императора, должен был иметь более твердую надежду на конечный успех его политики, т. е. на овладение Константинополем.

Монгольское вторжение и союз правителей Малой Азии против монголов

В тридцатых и сороковых годах XIII в. с востока появилась грозная опасность от нашествия монголов, а именно татар (в византийских источниках «тахары, татары, атары»). В то время как орда Батыя ринулась в пределы современной европейской России и в своем опустошительном, безудержном натиске в 1240 г. овладела Киевом, перешла Карпаты и лишь из Чехии должна была повернуть обратно в русские степи, другая монгольская орда, двинувшаяся в более южном направлении, покорила всю Армению с Эрзерумом и вторглась в области Малой Азии, угрожая пределам Румского, или Иконийского, султаната сельджуков и слабым владениям Трапезундской империи. На фоне общей опасности со стороны монголов можно отметить союз трех малоазиатских держав: султаната, Никейской и Трапезундской империй. Сельджуки и трапезундские отряды были разбиты монголами, после чего Румский султанат вынужден был откупиться уплатой дани и ежегодной доставкой лошадей, охотничьих собак и пр., а император Трапезундский, видя полную невозможность бороться с монголами, поспешил примириться с ними и, на условии платежа ежегодной дани, превратился в монгольского вассала. К счастью для сельджуков и Иоанна Ватаца, монголы занялись другими военными предприятиями и приостановили временно свой натиск на запад,

---

[1] *N. Festa.* Ibid., p. 27; *F. Miklosich, J. Müller.* Ibid., vol. II, pp. 74—75.
[2] *N. Festa.* Ibid., p. 25; *F. Miklosich, J. Müller.* Ibid., p. 75.
[3] *Ch. Diehl.* Figures byzantines, vol. II, p. 220.

что дало возможность Никейскому императору предпринять решительные действия на Балканском полуострове.

Из примера приведенного союза видно, что союзы христиан с неверными не смущали и в XIII веке участников: Никейский и Трапезундский православные императоры ввиду общей опасности сблизились с мусульманским Иконийским султаном.

В связи с монгольским вторжением, можно отметить две истории, рассказанные западным историком XIII века Матфеем Парижским. Эти истории отражают некоторые слухи, циркулировавшие в то время в Европе.[1] В обоих случаях Матфей рассказывает о том, что в 1248 г. двое монгольских посланников были посланы к папскому двору и сердечно приняты Иннокентием IV, который, подобно многим другим членам католической церкви, надеялся обратить монголов в христианство. Однако в первой истории он говорит также следующее. Многие предполагали, что письмо монгольского хана к папе содержало предложение начать войну против Иоанна Ватаца (Battacium), «грека, зятя Фридриха, схизматика, непокорного сына папской курии. Это предложение, как казалось, не было неприятным папе». В своей Historia Anglorum Матфей пишет, что папа велел передать монгольским посланникам для монгольского хана, что если он примет христианство, он должен идти со всеми своими силами против Иоанна Ватаца «грека, зятя Фридриха, схизматика и мятежника, против папы и императора Балдуина и после того — против самого Фридриха, который сам поднялся против Римской курии». Однако монгольские посланники, не желая «подогревать взаимную ненависть христиан», отвечали через переводчиков, что у них нет полномочий предлагать своему повелителю такие условия и что они опасаются, как бы он, услышав такие новости, не разгневался бы.

Конечно, ни одна из этих историй, особенно вторая, которая отражает европейские слухи XIII века, не имеет исторической ценности [2] и их нельзя рассматривать как исторический факт, как

---

[1] *Matthaei Parisiensis* Chronica Majora. Ed. H. R. Luard. (Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores, LVII). London, 1880, vol. V, pp. 37—38. Текст издан также в следующем издании — *K. Pertz*. Monumenta Germaniae Historica, Scriptores, vol. XVIII, pp. 301—302. См. также: *Matthaei Parisiensis* Historia Anglorum, ed. F. Madden, vol. III, pp. 38—39.

[2] См.: *P. Pelliot*. Les Mongols et la Papauté. — Revue de l'Orient chrétien, vol. XXIV, 1924, pp. 330—331; vol. XXVII (1931—1932), pp. 3—84. *B. Altaner*. Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts. Habelschwerdt, 1924, S. 128. Весь в целом пассаж из Historia Anglorum, где речь идет о секретных переговорах между папой и посланниками монголов, помечен на полях рукописи красными буквами — dubium (то есть «сомнительно» — *Науч. ред.*) См.: *Matthaei Parisiensis* Historia Anglorum, vol. III. London, 1869, p. 39, note 9.

поступал В. Миллер. Имея в виду вторую версию, он писал: «Дав Святому Отцу этот урок в христианстве, неверные вернулись в свою дикую страну».[1] Однако весьма важно подчеркнуть тот факт, что политическая сила и значимость Иоанна Ватаца была широко известна и играла существенную роль, по меньшей мере во мнении западноевропейских авторов в вопросе переговоров папы и монгольских послов. Послы были приняты с большим уважением и вниманием Иннокентием IV, который писал «их знаменитому царю и знати, и всем принцам и баронам „татарской армии" длинное письмо, в котором он побуждал их принять христианскую веру».[2] Имя Иоанна Ватаца в этом папском послании, конечно, не упомянуто. Между тем, Иоанн Ватац, избавленный от опасности монгольского вторжения с востока, обратил внимание на Балканский полуостров и достиг блестящих результатов.

Значение внешней политики Иоанна Ватаца

Со смертью Иоанна-Асеня II в 1241 г. миновала блестящая пора Второго Болгарского царства, и его слабые преемники не могли удержать завоеваний Асеня. Со смертью последнего рушилась вторая попытка со стороны болгар основать на Балканском полуострове великое греко-славянское государство с центром в Константинополе. Ни Симеону в X веке, ни Асеням в XII веке это оказалось не по силам. Последняя попытка в данном направлении, задуманная в более широком размере со стороны славян, на этот раз сербов, будет сделана в XIV веке.

Воспользовавшись ослаблением Болгарии, Иоанн Ватац переправился с войском на европейский берег и в несколько месяцев отнял у Болгарии все завоеванные Асенем II македонские и фракийские области. Не остановившись на этом, Ватац прошел дальше к Солуни, где царила полнейшая разруха, и в 1246 году без труда овладел этим городом. Солунское государство прекратило свое существование. В следующем году Ватацем были завоеваны некоторые фракийские города, принадлежавшие Латинской империи и приблизившие Никейского императора к Константинополю. Эпирский деспотат был приведен в зависимость от его власти. Соперников у Ватаца в его стремлении к берегам Босфора более не было.

К концу правления Ватаца его владения, непосредственные и зависимые, простирались от берега Черного моря до Адриатического. Если не считать Средней Греции и Пелопоннеса, то для восстановления империи недоставало лишь Константинополя.

---

[1] The Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 493.

[2] *E. Berger*. Les Registres d'Innocent IV, vol. II. Paris, 1887, pp. 113—114 (no. 4682). Письмо отправлено из Лиона 22 ноября 1248 года.

В 1254 году Иоанна Ватаца не стало. Источники с редким единодушием воздают должное усопшему императору. Его сын и наследник, Феодор II Ласкарь, так пишет в своем похвальном слове отцу: «Он объединил авзонскую землю, разделенную на множество частей иностранным и тираническим многовластием, — латинским, персидским, болгарским, скифским и другими, наказал хищников и оберег свой жребий... Он сделал наш удел недоступным для противников».[1] Византийские историки в один голос восхваляют Иоанна Ватаца.[2] Во всяком случае, если учесть в источниках долю преувеличения в оценке Никейского государя, то тем не менее в лице Иоанна Ватаца нужно видеть талантливого и энергичного политика, главного создателя восстановленной Византийской империи.*

Интересно, что Иоанн Ватац пользовался в народе такой любовью и уважением, что спустя некоторое время после смерти в памяти народной превратился в «святого»; с его именем стали связываться чудеса; было составлено «Житие св. Иоанна, царя Милостивого». Правда, память Иоанна Ватаца не была признана официально греческой церковью, и культ его ограничивался тесными пределами лидийского города в Малой Азии Магнесии, где император был погребен. Не надо также путать «Житие» Ватаца с житием святого VII века Иоанна Милостивого. О месте и времени составления жития Ватаца ученые расходятся. Еще в настоящее время духовенство и жители Магнесии и ее окрестностей ежегодно собираются 4 ноября в местную церковь и чтут память покойного императора Иоанна Милостивого.[3] В нашем «Полном месяцеслове Востока» архиепископа Сергия, под 4 ноября отмечена память «Иоанна дукса Ватадзи».[4]

---

[1] *Ф. И. Успенский.* О рукописях «Истории» Никиты Акомината. — ЖМНП, т. 194, 1877, с. 76; *J. B. Pappadopoulos.* Théodore II Lascaris, empereur de Nicée, p. 43.

[2] *Nicephorus Gregoras.* Historia, II, 1, 2. Bonn ed., vol. I, p. 24; *Georgius Acropolita.* Opera Omnia, ed. A. Heisenberg, vol. II, p. 12 (эпитафия в память Иоанна Ватаца); 'Ανωνύμου Σύνοψις χρονική. In: A. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi, vol. VII, p. 509.

* Можно отметить два изменения этой фразы во втором американском издании по отношению к исходной русской версии. В последней отсутствует эпитет «восстановленная». В исходной русской версии данная фраза, кроме того, завершалась следующими словами — «и внимательного организатора внутренней жизни государства».

[3] См.: *A. Heisenberg.* Kaiser Johannes Batatzes der Barmherzige. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XIV, 1905, S. 160, 162; *N. Festa.* A propos d'une biographie de St. Jean le Miséricordieux. — BB, т. 13, 1906, с. 5, 9, 18; *A. Gardner.* The Lascarids of Nicaea... pp. 195—196; *М. А. Андреева.* Очерки культуры... с. 24.

[4] *Архимандрит Сергий.* Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901, II, с. 344.

Внешняя политика Ватаца очень важна, ибо постепенно устраняя претендентов на роль восстановителя империи — правителей Фессалоники, Эпира и Болгарии — он сам подчинил своей власти такую территорию, которая знаменовала собою уже реставрацию Византийской империи. В процессе восстановления последней главную роль сыграл Иоанн Ватац, и Михаил Палеолог в 1261 году воспользовался лишь плодами упорных трудов и энергичной деятельности лучшего из Никейских государей. Последующие поколения оценивали его как «отца греков».[1]

Феодор и Иоанн Ласкариды и восстановление Византийской империи

Последними государями Никейской империи были сын и внук Иоанна Ватаца Феодор II Ласкарь (1254—1258) и Иоанн IV Ласкарь (1258—1261). По словам источников, тридцатитрехлетний Феодор, «будучи, согласно обычаю, посажен на щит»,[2] был провозглашен императором с согласия войска и знати.

Феодор II, несмотря на слабое здоровье, посвящал все свое время, до вступления на престол, занятию науками и литературной деятельностью. В этом смысле его просвещенный отец делал все возможное и окружил сына лучшими учеными людьми того времени во главе с Никифором Влеммидом и Георгием Акрополитом.

Вступив на престол, Феодор II, подобно отцу, развил энергичную политическую деятельность, которая заставила его забыть занятия науками и даже его любимой философией. Понимая серьезность внешних политических отношений, он главное внимание обратил на создание сильной армии. Феодор писал: «У меня одна истина, одна цель, одно стремление — всегда собирать Божье стадо и охранять его от враждебных волков».[3] Будучи убежден, что греки должны полагаться лишь на свои силы, Феодор, может быть, являлся чуть ли не единственным «византийским» государем, который обратил внимание на «эллинизацию» войска, вопреки укоренившемуся обычаю пользоваться наемными войсками чуждых народностей.[4]

---

[1] См.: *W. Miller*. The Emperor of Nicaea and the Recovery of Constantinople. — Cambridge Medieval History, vol. IV. Cambridge, 1923, p. 500.

[2] *Nicephorus Gregoras*. Historia, III, 1, 2. Bonn ed., vol. I, p. 55; *Georgius Acropolita*. Annales, cap. 53, ed. A. Heisenberg, vol. I, p. 105.

[3] *Theodori Ducae Lascaris* Epistulae, CCXVII, ed. N. Festa. Firenze, 1898, p. 59. (Publicazioni del R. Istituto di studi superiori pratici e di perfezionamento. Sezione di filosofia e lettere, no. 29.)

[4] *W. Miller*. The Emperor of Nicaea and the Recovery of Constantinople. — The Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 505.

Несмотря на некоторые неудачи, Феодор II с честью вышел из трудной борьбы, которую ему пришлось вести с Болгарией и Эпирским деспотатом. В 1258 году молодой государь в цвете лет (ему было всего 36 лет) скончался, оставив своему преемнику в целости обширные завоевания Иоанна Ватаца. Этот деятельный, философски образованный государь, жил и работал с мыслью, что суд над ним произнесет история. В одном из его писем мы читаем: «Суд истории будет произнесен в последующие поколения».[1] Новейший историк времени Феодора II (Паппадопулос), не без некоторого увлечения, пишет: «Феодор умер очень молодым; иначе эллинизм мог бы надеяться на лучшие дни под мудрым управлением императора, который приложил все усилия к тому, чтобы основать греческую империю на твердых и незыблемых основаниях».[2] Однако это устремление Феодора оставалось в области идеального. В действительности отряды наемников, представленных разными национальностями, играли важную роль в жизни Никейской империи в целом и в правление Феодора в частности.[3]

В области внешней политики Феодор предпринял две трудные кампании против болгар. Узнав о смерти Ватаца, болгарский царь Михаил Асень, воспользовавшись случаем, решил отвоевать области, потерянные при Ватаце. Никейские императоры опасались, что и все остальные европейские завоевания снова могут стать болгарскими. Несмотря на множество трудностей, на трусость и измены своих командиров, обе болгарские кампании закончились для Феодора успешно и, благодаря вмешательству русского князя Ростислава, тестя Михаила Асеня, был заключен договор. Болгары и греки признали свои бывшие границы. Одна болгарская крепость была даже уступлена Феодору.[4]

Взаимоотношения Феодора с Эпирским деспотатом в связи с предложением брачного союза между сыном деспота и дочерью Феодора, привели к тому, что Феодор получил важный морской порт Диррахий (Дураццо) на Адриатике и крепость Сербию (Сервию) на границе Эпира и Болгарии. Диррахий «был западным аванпостом Никейской империи и как бы шипом в боку эпирских деспотов».[5]

В Малой Азии турки-сельджуки оказались перед серьезной угрозой со стороны монголов, которым удалось сделать султана своим данником. Ситуация была деликатной и сложной, ввиду того, что Феодор — не без сомнений — поддерживал султана в его

---

[1] *Theodori Ducae Lascaris*... ep. XLIV, p. 59, строчки 119—120.
[2] *J. Pappadopoulos*. Théodore II Lascaris, empereur de Nicée, p. 180.
[3] *М. А. Андреева*. Очерки культуры... с. 50—54, 105.
[4] *Georgius Acropolita*. Annales, cap. 62. Ed. A. Heisenberg, pp. 126—127.
[5] *A. Gardner*. The Lascarids of Nicaea... p. 226.

борьбе против монголов, а султан, «имея душу трусливого оленя»,[1] нашел убежище у Феодора. Однако военного конфликта удалось избежать, и к Феодору было послано монгольское посольство. Имевший место прием произошел, скорее всего, в Магнесии и был исключительно блистательным и впечатляющим. Основная идея Феодора заключалась в желании произвести впечатление на татар, которых он боялся. Император принял послов, сидя на высоком троне с мечом в руках. Византийские историки сохранили детальное описание приема.[2]

Современный историк заметил, что Феодор «был, одним словом, комком нервов и интересным случаем для современного специалиста по изучению деятельности мозга» и что его «короткое царствование, длившееся менее четырех лет, не позволило ему оставить более значительный след в истории своего времени».[3] Позже, наконец, было сказано, что «в Феодоре особенно чувствовалось то, что можно назвать просвещенным абсолютизмом».[4] Конечно, царствование Феодора было слишком коротким, чтобы можно было вынести окончательное суждение о его значении. Однако в истории Никеи его имя всегда будет вспоминаться с почетом за продолжение успешной внешней политики своего отца и за свою собственную устремленность к знаниям и культуре.

Преемником Феодора II был несовершеннолетний сын его Иоанн IV (1258—1261), который не мог, даже при помощи назначенного регента, справиться со сложными государственными делами. В это время и сыграл решающую роль хитрый, обуреваемый честолюбивыми замыслами, «буйный интриган и бесчестный лицемер, но способный офицер»,[5] Михаил Палеолог, родственник Иоанна Ватаца, находившийся не раз в подозрении у него и Феодора II и, несмотря на это, занимавший ответственные посты, сумевший в опасные моменты скрываться, бежавший на некоторое время даже ко двору Иконийского султана. Бурное время требовало сильной власти. Михаил Палеолог сумел воспользоваться обстоятельствами и в 1259 году был коронован в императоры.

Главная внешняя опасность для балканских владений Никейской империи грозила со стороны Эпирского деспота, которому

---

[1] *Georgius Acropolita*. Annales, cap. 69, ed. A. Heisenberg, p. 143.

[2] См. прекрасную статью М. А. Андреевой по поводу этого приема. — «Прием татарских послов при никейском дворе». — Recueil d'études dediées à la mémoire de N. P. Kondakov. Prague, 1926, c. 187—200; *М. А. Андреева*. Очерки культуры... с. 71—72.

[3] *W. Miller*. The Emperor of Nicaea and the Recovery of Constantinople. — The Cambridge Medieval History, vol. IV, pp. 501, 506.

[4] *М. А. Андреева*. Очерки культуры... с. 107.

[5] *G. Finlay*. A History of Greece, ed. H. F. Tozer, vol. III, p. 328.

удалось создать против империи союз из деспотата, Сицилийского короля, родственника деспота и побочного сына Фридриха II Манфреда, и Ахайского князя Вильгельма Виллардуэна. После ряда успешных военных действий Михаила Палеолога против коалиции решительная битва произошла в 1259 году в западной Македонии, на равнине Пелагонии, около города Кастории. В войске Михаила, кроме греков, участвовали турки, куманы, славяне. Пелагонийское, или Касторийское, сражение закончилось полным поражением союзников. Ахайский князь попал в плен. Хорошо вооруженное войско западных рыцарей бежало перед легко вооруженными вифинскими, славянскими и восточными отрядами. «Может быть, — читаем мы в одном из новейших трудов по истории Никейской империи, — случилось в первый раз, что турки сражались против греков на греческой земле и в данном случае на греческой службе».[1] Современник сражения, Георгий Акрополит, дает такую оценку этой битве: «Наши при посредстве императорских советов одержали столь великую победу, что слава о ней обошла все концы земли: немного таких побед видело солнце».[2] Михаил Палеолог по поводу этого сражения восклицает: «Вместе с ними [то есть с ромейскими изменниками, в данном случае с эпирским деспотом] * и их союзниками, имевшими при себе вождя в виде князя Ахайского, кого я победил? Аламанов, сицилийцев, итальянцев, пришедших из Апулии, из страны япигов и Брундузия, из Вифиния, Эвбеи и Пелопоннеса».[3]

Сражение при Кастории имело решающее значение для восстановления Византийской империи. Владения Эпирского деспота были сведены к его родовым владениям в Эпире. Латинская империя не могла полагаться на потерпевшее поражение Ахайское княжество, тем более, что во главе ее стоял слабый и безвольный Балдуин II.

Между тем, чтобы еще более обеспечить себе успех окончательного удара по Константинополю, Михаил Палеолог заключил договор с генуэзцами. Торговые интересы Генуи и Венеции сталки-

---

[1] *A. Gardner*. The Lascarids of Nicaea... p. 248.

[2] *Georgius Acropolita*. Annales, cap. 81; ed. A. Heisenberg, p. 171.

* Пояснения в скобках принадлежат А. А. Васильеву.

[3] De vita sua opusculum, VII. Опубликовано в: Христианское Чтение, т. 2, 1885, с. 534. Русский перевод — там же, с. 554—555. Французское издание — *C. Chapman*. Michel Paléologue, restaurateur de l'Empire Byzantin. Paris, 1926, p. 171. М. Дендиас не поддерживает точку зрения о том, что Манфред присутствовал при поражении всех союзников при Пелагонии — *M. Dendias*. Le Roi Manfred de Sicile et la bataille de Pélagonie. — Mélanges Charles Diehl: Études sur l'histoire et sur l'art de Byzance. Paris, 1930, pp. 55—60.

вались на Востоке повсюду. После четвертого крестового похода и основания Латинской империи Венеция, как известно, стала исключительной торговой силой в латинских владениях Востока, с чем Генуя примириться никак не могла. Зная это, Михаил вступил в соглашение с генуэзцами, которые хотя и знали, что соглашение их со схизматическими греками вызовет суровое осуждение папы и Запада вообще, тем не менее были настолько охвачены желанием вытеснить венецианских соперников с Востока, что пренебрегли этим и заключили договор с Михаилом.

В марте 1261 года, в Нимфее был подписан весьма важный договор, который гарантировал генуэзцам торговое господство в Леванте, которым так долго пользовались венецианцы. Это был на деле оборонительный и наступательный союз против Венеции.[1] Свободная торговля была навсегда гарантирована генуэзцам во всех настоящих и будущих провинциях империи. Договор содержал весьма важные привилегии генуэзцам в Константинополе и на островах Крит и Эвбея, если Михаил, «благодаря милости Божей» сможет их отвоевать. «Смирна, прекрасный город для торговли, имеющий морской порт и изобилие во всем» был отдан под прямой и неограниченный контроль генуэзцев. Торговые центры с церквями и представительствами были открыты на островах Хиос и Лесбос и в некоторых других местах. Черное море (majus mare) было закрыто для всех иностранных торговцев, кроме генуэзцев и пизанцев, преданных подданных Михаила. Со своей стороны, генуэзцы брали на себя обязательство обеспечить подданным императора свободу торговли, поддерживать их флот при том условии, что корабли не будут направлены против папы и друзей Генуи. Генуэзский флот играл большую роль в планах Михаила по завоеванию Константинополя. Договор был ратифицирован в Генуе за несколько дней до того, как Константинополь был завоеван войсками Михаила. Это была блистательная победа для Генуи,

---

[1] Лучше всего текст договора дан в следующем издании — *C. Manfroni.* Le relazioni fra Genova l'Impero Bizantino e i Turchi. — Atti della Società Ligure di Storia Patria, t. XXVIII, 1896, pp. 791—809. Текст напечатан также в следующем издании — Historiae Patriae Monumenta, t. VII: Liber Iurium reipublicae genuensis. Augutae Taurinorum, 1854, I, coll. 1350—1359. См. также: *W. Heyd.* Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge. Leipzig, 1885, t. I, pp. 427—430; *G. Caro.* Genua und die Mächte am Mittelmeer, 1257—1311. Halle, 1895, S. 105—107; *W. Miller.* The Emperor of Nicaea and the Recovery of Constantinople. The Cambridge Medieval History, vol. IV, Cambridge, 1923, pp. 510—511. *C. Chapman.* Michel Paléologue, restaurateur de l'Empire Byzantin. Paris, 1926, p. 42; *G. Brătianu.* Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire au XIIIe siècle, pp. 81—83. *Idem.* Études pontiques. — Revue historique du sud-est européen, vol. XXI, 1944, pp. 39—52.

которая после побед Саладина в Сирии понесла тяжелые потери. Это была новая страница ее экономической истории. «Мощь колониальной жизни XIII века представляет собой разительный контраст с нерешительным и застойным характером аналогичных явлений в веке двенадцатом. Причину этого явления следует искать в большем опыте, лучшей организации и особенно в поразительном развитии торговли».[1]

25 июля 1261 г., не произведя ни единого выстрела, отряды Михаила вошли в Константинополь.* Сам Михаил был в это время в Малой Азии, где он и узнал новость о том, что Константинополь взят. Он немедленно отправился в путь и в начале августа вошел в город, приветствуемый радостными возгласами населения. Вскоре была осуществлена его вторичная коронация в соборе Св. Софии. Балдуин II убежал на Эвбею (в Негропонте). Латинский патриарх и основное количество католического духовенства имели достаточно времени для того, чтобы оставить город до того, как он был взят. По приказу Михаила несчастный Иоанн IV Ласкарь был ослеплен. Михаил Палеолог сделался восстановителем Византийской империи, Михаилом VIII, основателем последней византийской династии Палеологов, сумевшим воспользоваться тем, что было уже сделано Никейскими императорами. Столица была перенесена из Никеи в Константинополь.

Беглый латинский император Балдуин перебрался с Эвбеи в Фивы и затем в Афины. Там «на священном афинском Акрополе разыгралась последняя жалкая сцена короткой драмы Латинской империи Константинополя. Потом Балдуин отправился из Пирея в Монемвасию и, оставив в Морее бóльшую часть своей свиты, отплыл в сторону Европы просить помощи в своем проигранном деле и играть грустную роль императора в изгнании».[2]

Таким образом, Латинская империя «создание крестоносного западного рыцарства, эгоистической торговой политики Венеции и иерархической идеи папства, пала, оставив по себе разрушение и анархию. Это уродливое рыцарское феодальное государство латинян принадлежит к незначительнейшим явлениям истории. Софистическое положение немецкого философа, который утверждал, что все существующее разумно, является здесь просто абсурдом».[3]

---

[1] *E. H. Byrne.* The Genoese Colonies in Syria. In: The Crusaders and Other Historical Essays Presented, p. 160.

* А. А. Васильев не упомянул здесь, к сожалению, вторую важную дату — Михаил Палеолог въехал в Константинополь 15 августа 1261 г.

[2] *W. Miller.* The Latins in the Levant, p. 115.

[3] *F. A. Gregorovius.* Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter von der Zeit Justinian's bis zur turkischen Eroberung. Stuttgart, 1889, Bd. I, S. 412.

Другой немецкий историк заметил: «Латинский позор стал достоянием прошлого».[1]

В то время как западные источники, почти все без исключения, ограничиваются лишь простым упоминанием о взятии Константинополя Михаилом и об изгнании франков, греческие источники высказывают по этому поводу великую радость. Георгий Акрополит, например, писал: «Весь ромейский народ находился по причине случившегося тогда в великом удовольствии, веселии и несказанной радости. Не было никого, кто бы не веселился и не радовался».[2] Однако была слышна нота неудовольствия в словах высокого должностного лица при Михаиле Палеологе, преподавателя, комментатора Гомера и юриста, Сенахерима, который, после взятия греками Константинополя, воскликнул: «Что я слышу! И это было оставлено для наших дней! Что мы сделали для того, чтобы жить и видеть подобные катастрофы? Никто не может рассчитывать ни на что хорошее, ибо ромеи снова в городе!» [3]

При подведении итогов хотелось бы отметить, что большинство исследователей смотрит с осуждением на поведение латинян во время их господства в Константинополе. Если взять во внимание взятие столицы крестоносцами, «рассеяние» ее многочисленных сокровищ по Европе и угнетение Греческой православной церкви, отрицательное отношение к современным событиям греческих источников и большинства новейших исследователей вполне понятно. Недавно, однако же, был поднят голос во извинение и частичное оправдание латинян. Американский профессор Е. Х. Свифт исследовал отношение латинян по отношению к знаменитому и единственному в своем роде зданию: «Большой Церкви» — Святой Софии.

В 1907 г. Е. М. Антониадис, греческий автор детальной монографии о Св. Софии, писал: «Пятьдесят семь лет латинского господства составляют самый худший и опасный период в истории церкви, которая была спасена только взятием греками Константинополя в 1261 г.»[4] Профессор Свифт усомнился в этом утверждении. Он полагал, что на основании исторических источников, также как и на базе археологических данных, которые можно наблюдать в здании таким, каким оно есть сейчас, можно прийти скорее к противоположному выводу. Землетрясения, происходившие до 1204 года, сделали архитектурную конструкцию здания

---

[1] *H. Gelzer.* Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte. München, 1897, S. 1049.

[2] Annales, cap. 88, ed. A. Heisenberg, vol. I, p. 188.

[3] *Georgius Pachymeres.* De Michaele Paleologo, I, 149. См. также: *П. А. Яковенко.* Исследования в области византийских актов. Акты Нового Монастыря на острове Хиос. Юрьев, 1917, с. 133—135.

[4] Е. М. Ἀντονιάδης. Ἅγια Σοφία. Ἀθῆναι, 1907, vol. I, p. 25.

шаткой и небезопасной. Ввиду того, что они * нашли храм в опасно ослабленном виде, они предприняли адекватные меры для обеспечения стабилизации и сохранения их новоприобретенного собора, особенно путем сооружения контрфорсов. Следовательно, заключает Свифт, «латиняне не были столь черны, как их обычно изображают, однако скорее... стали спасителями одного из величайших памятников греческого архитектурного гения».[1] Уточнение Свифта является важным дополнением к истории здания и весьма вероятно, что крестоносцы сознательно способствовали сохранению уникального памятника. Однако точно установлен и тот факт, что они безжалостно ограбили внутреннее убранство Св. Софии.

Церковные отношения в эпоху Никейской и Латинской империй

Завоевание Константинополя в 1204 году совершилось, как известно, против воли папы Иннокентия III. Однако, после основания Латинской империи папа прекрасно понял, что создавшееся положение вещей, как бы оно в первый момент и ни было неприятно папскому достоинству, тем не менее открывало широкие горизонты для дальнейшего усиления католичества и папства. Главная церковная задача эпохи заключалась в установлении взаимоотношений между восточной и западной церквами ввиду происшедших политических перемен на христианском Востоке. В основанных на территории Византийской империи латинских владениях должно было вместе с крестоносцами водвориться католичество. Первой задачей папы было организовать католическую церковь в завоеванных латинянами областях, выяснить ее отношение к светской власти и к туземному греческому населению, как светскому, так и духовному. Второй задачей было для папства подчинить Риму в церковном отношении те греческие области, которые остались после 1204 года независимыми и во главе которых стояла Никейская империя. Одним словом, вопрос об унии с греками стоял в центре всех церковных отношений XIII века.

В первое время существования Латинской империи положение папы было очень затруднительным. По договору, заключенному крестоносцами с Венецией, предусматривалось, что в случае избрания императора из франков, латинский патриарх должен быть избран из венецианского духовенства. Интересы Римской курии в договоре были оставлены в стороне, так как в нем не было сказано

---

* Имеются в виду латиняне.

[1] *E. H. Swift*. The Latins at Hagia Sophia. — American Journal of Archaeology, vol. XXXIX, 1935, pp. 458—459; 473—474; *Idem*. Hagia Sophia. New York, 1940, pp. 87—88; 113—119; в особенности pp. 118—119.

ни слова ни об участии папы в избрании патриарха, ни о каких-либо доходах, долженствующих идти в казну курии.

В послании первого латинского императора Балдуина к папе говорилось о «чудесном успехе» крестоносцев, о падении Константинополя, о беззаконии греков, «которые в самом Господе вызывали тошноту», о надежде в будущем совершить крестовый поход в Святую Землю и т. д.[1] и ничего не говорилось об избрании патриарха. Когда же новый клир Св. Софии, состоявший из венецианцев, избрал в патриархи венецианца Фому Морозини, то папа, хотя и объявивший его избрание неканоническим, тем не менее вынужден был уступить и «по собственной инициативе» посвятил Фому в патриархи.

Интересен также вопрос от отношении к греческому духовенству, оставшемуся в пределах латинского государства. Известно, что много епископов и большинство низшего духовенства не покинули своих мест. В данном случае папство придерживалось примирительной политики, разрешая назначать епископов из греков в епархии с исключительно греческим населением и предоставляя льготы относительно сохранения греческого обряда при совершении таинств. Но вместе с тем папские легаты появлялись на Балканском полуострове и в Малой Азии, пытаясь склонить представителей греческого духовенства к унии.*

В 1204 году папский легат предпринял первую попытку добиться согласия от греческого духовенства на признание папы главой их церкви. Переговоры проходили в Св. Софии в Константинополе, но успеха не имели.[2] Весьма важную роль в переговорах этого времени играл Николай Месарит, впоследствии епископ Эфесский, личность и деятельность которого впервые по-настоящему оценены А. Гейзенбергом. В 1205—1206 гг. переговоры продолжились. Николай из Отранто, аббат южно-итальянского города Касоле, принимал участие в переговорах как переводчик; придерживаясь православных взглядов, он признавал, подобно всему клиру Южной Италии, примат папы и был сторонником унии. Николай из Отранто, который оставил немало поэм и прозаических сочинений, большинство из которых не опубликовано, заслуживает,

---

[1] *G. L. F. Tafel, G. M. Thomas.* Urkunden zur ältern Handels- und Staatsgeschichte. Bd. I, S. 508—510.

* Вторая половина данной фразы в исходной русской версии выглядит иначе — «...и склоняли, иногда не без успеха, представителей греческого духовенства к унии».

[2] *A. Heisenberg.* Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion. I, S. 48—50, параграфы 37—38 (у Гейзенберга ошибочно указано — параграфы 32—38). См. также в его же книге с. 7—8.

как справедливо заметил А. Гейзенберг, специальной монографии.[1] Позиция греческого клира стала более сложной, когда в 1206 году патриарх константинопольский Иоанн Каматир умер в Болгарии, убежав туда от крестоносцев. С разрешения императора Генриха, греческий клир Латинской империи обратился к Иннокентию III за позволением избрать нового патриарха. Генрих позволил избрать патриарха при том условии, что тот признает главенство папы. Греки, однако, не хотели ни подчинения Святому Престолу, ни примирения с ним. Поэтому-то ни к чему не привел диспут, имевший место в том же 1206 году, когда во главе латинян стоял латинский патриарх Фома Морозини, а греков возглавлял Николай Месарит. Греки Латинской империи стали поворачиваться к Феодору Ласкарю.[2] В 1208 году новый православный патриарх, Михаил Автореан, был избран в Никее. Он короновал Феодора Ласкаря императором Никеи. Это был великий момент не только для Никеи, но также и для греков Латинской империи.

Переговоры 1214 года, проходившие в Константинополе и Малой Азии при участии кардинала Пелагия, его представителей и Николая Месарита, прервались без какого-либо результата. Николай Месарит, в это время митрополит в Эфесе с титулом экзарха всей Азии, был глубоко разочарован высокомерным приемом со стороны Пелагия в Константинополе.[3] В смысле влияния на латинское духовенство Востока Иннокентий III к концу своего понтификата одержал блестящую победу: Латеранский собор 1215 года, признаваемый западной церковью Вселенским Собором, признал папу главой всех восточных латинских патриархов, то есть Константинопольского, Иерусалимского, Антиохийского, которые с этих пор находились в полном подчинении Святому Престолу.

Однако Иннокентий III был совершенно разочарован в своих надеждах, что Константинополь двинется в обещанный крестовый поход. Светские, политические и международные интересы настолько поглотили Латинскую империю, что государи ее совершенно оставили план похода в Святую Землю, так что Иннокен-

---

[1] Ibid., S. 8.

[2] *A. Heisenberg*. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion. II. Die Unionsverhandlungen vom 30. August 1206. Patriarchenwahl und Kaiserkrönung in Nikaia. 1208. München, 1923, S. 5—6; 25—35.

[3] *Idem*. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion. III. Der Bericht des Nikolaos Mesarites über die politischen und kirchlichen Ereignisse des Jahres 1214. München, 1923, S. 21—23 (par. 16—17); S. 56. См. также: *E. Gerland*. Geschichte der Frankenherrschaft in Griechenland. II, S. 233—243.

тий III стал стремиться к проведению нового крестового похода из Европы, уже не через Константинополь.

Надежды папы не были осуществлены и внешним подчинением восточной церкви Риму: для полной победы нужна была уния религиозная, подчинение духовное. А последнего ни Иннокентий III, ни его преемники добиться не могли.

Никейская империя имела своего греческого православного патриарха, который, имея местопребывание в Никее, продолжал носить титул патриарха Константинопольского. Но сами никейцы смотрели на перенесенный к ним патриарший престол, по словам современника, как на «чужой и присоединенный»,[1] который, как они надеялись, будет со временем возвращен в Константинополь, на свое настоящее место. Иннокентий III не признавал в первом никейском государе Феодоре I Ласкаре ни императора, ни даже деспота, называя его в своем послании просто «благородным мужем Феодором Ласкарем» (nobili viro Theodoro Lascari).[2] В этом ответном послании Ласкарю папа, не оправдывая лично насилий крестоносцев при взятии Константинополя, тем не менее ссылается на то, что латиняне явились орудием Провидения в деле наказания греков за их отрицание главенства Римской церкви и что единственно правильным с их стороны было бы теперь вполне подчиниться римскому престолу и латинскому императору. Это папское увещание успехом не увенчалось.

Весь интерес церковных отношений в Никейской империи сводится к ряду попыток в форме собеседований или переписки найти пути сближения между обеими церквями. В самой Никейской империи были люди, например, митрополит Эфесский Николай Месарит, которые склонялись к сближению и соглашению с Римской церковью, однако греческое население никогда не было склонно к принятию унии. Иоанн III Ватац особенно казался расположенным принять унию, но руководствовался он в данном случае лишь политическими интересами. Прежде всего, он был встревожен избранием храброго Жана де Бриена, бывшего короля Иерусалимского, сперва регентом, а затем и соправителем малолетнего в то время Константинопольского императора Балдуина II. Жан де Бриен, при поддержке папы, мог начать вести против империи опасную наступательную политику. Поэтому Ватац и постарался отвлечь внимание папы от Латинской империи.

В 1232 году францисканские монахи (минориты) прибыли в Никею из турецкого плена и начали переговоры с патриархом Германом II по поводу объединения церквей. Иоанн Ватац и

---

[1] *Nicephorus Blemmydes*. Curriculum vitae et carmina, VIII. Ed. A. Heisenberg. Lipsiae, 1896, p. 7.

[2] *Innocentii III* Epistolae, XI, 47 (PL, vol. CCXV, col. 1372).

Герман II встретили их хорошо, и миноpиты доставили папе Григорию IX письмо патриарха, в котором последний предлагал папе в качестве предмета для размышления объединение церквей.[1] Григорий IX охотно отозвался на это предложение и в 1234 году послал в Никею множество своих представителей. Собор сначала собрался в Никее, затем он был перенесен в Нимфей. В обсуждении вопросов решающая роль принадлежала Никифору Влеммиду.[2] Течение дискуссий собора 1234 года очень хорошо известно благодаря сохранившемуся подробному отчету.[3] Переговоры однако закончились провалом, и папские легаты вынуждены были удалиться под крики собравшихся греков, которые кричали: «Вы еретики! Мы нашли вас еретиками и отлученными, мы вас, еретиков, отлученными и оставляем!» В свою очередь католические легаты кричали грекам: «Еретики вы сами!»[4]

На Лионском соборе 1245 г., преемник Григория, папа Иннокентий IV, объявил, что он огорчен «схизмой Романии, то есть греческой церкви, которая в наши дни, всего несколько лет назад, вы-

---

[1] Переписка между папой и Германом II есть у Матфея Парижского — Chronica Majora, ed. H. R. Luard, vol. III, London, 1880, pp. 448—469, а также у J. D. Mansi. Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio, vol. XXIII, pp. 47—62. Греческий тест двух писем есть в следующем издании: *C. Sathas*. Bibliotheca graeca medii aevi, vol. II, pp. 39—49. У Матфея Парижского текст писем за 1237 год неточен. См.: *A. Gardner*. The Lascarids of Nicaea... p. 165—166; *G. Golubovich*. Bibliotheca bio-bibliographica della Terra Santa e dell'Oriente Francescano, vol. I. Firenze, 1906, pp. 161—162; vol. II, Firenze, 1913, pp. 510—512; *G. Golubovich*. Disputatio Latinorum et Graecorum seu relatio apocrisariorum Gregorii IX de gestis Nicaeae in Bithynia et Nymphaeae in Lydia. — Archivum Franciscanum Historicum, vol. XII, 1919, pp. 418—424; *B. Altaner*. Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts. Habelschwerdt, 1924, S. 16. Мы располагаем сейчас прекрасной монографией о патриархе Германе II на современном греческом. Автор — *С. Н. Логопатис*. Γερμανὸς ὁ Β', πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως Νικαίας (1222—1240), Βίος, συγγράμματα καὶ διδασκαλία αὐτοῦ. Ἀθῆναι, 1919. См. рецензию о нем в Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. I, 1920, S. 186—189. Автор — *H. Stock*. Я этой книги не видел.

[2] *Nicephorus Blemmydes*. Curriculum vitae et carmina, ed. A. Heisenberg, pp. XL—XLII; 63—71.

[3] См.: *J. D. Mansi*. Amplissima collectio conciliorum, vol. XXIII, pp. 279—319; *G. Golubovich*. Bibliotheca bio-bibliographica, vol. I, pp. 163—169. Наиболее полный текст Disputatio Latinorum et Graecorum есть в следующем издании: Archivum Franciscanum Historicum, vol. XII, 1919, pp. 428—465.

[4] См.: *J. D. Mansi*. Amplissima collectio conciliorum, vol. XXIII, p. 306; *G. Golubovich*. Archivum Franciscanum Historicum, vol. XII, pp. 463—464. См. также: *W. Norden*. Das Papsttum und Byzanz... S. 350—352.

сокомерно и безумно оторвалась и отвернулась от лона своей матери, как от мачехи».[1] «Два государства, — писал А. Люшер, — две религии, две расы, всегда глубоко отделенные друг от друга, сохраняли в отношении друг к другу то же положение вражды и недоверия».[2] Союз Иоанна Ватаца с Фридрихом II Гогенштауфеном еще более осложнил отношения между Никеей и папским престолом, хотя к концу царствования Фридриха переговоры между Никеей и Римом начались вновь, и имел место обмен посольствами.

Однако после смерти Фридриха, в последние годы правления Иоанна Ватаца, наступил, как казалось, решающий момент для объединения церквей. Император выставил свои условия — возвращение ему Константинополя, восстановление Константинопольского патриархата, удаление из города латинского императора и латинского клира. Иннокентий IV с этим согласился. Для восстановления единства христианского мира папа был готов пожертвовать государством, созданным крестоносцами. За возвращение столицы, Константинополя, Иоанн Ватац был готов пожертвовать независимостью греческой церкви. Обе стороны окончательно отказались от своей традиционной политики. Однако это соглашение осталось только проектом. Весьма важное письмо Никейского патриарха Иннокентию IV, написанное в 1253 г., давало греческой делегации все права для ведения с папой переговоров об унии.[3] Однако в 1254 году умерли и Иоанн Ватац, и папа Иннокентий IV. В результате их соглашение, одна из самых важных страниц в истории переговоров об унии между Востоком и Западом, осталось только проектом, который никогда не был реализован.

Его сын и наследник Феодор II Ласкарь полагал, что будучи императором он должен руководить церковной политикой, принимать участие в делах церкви и председательствовать на церковных соборах. В соответствии с этим он не хотел иметь очень энергичного патриарха, обладающего сильной волей. По этой причине была в конце концов отвергнута кандидатура Влеммида, и Арсений за три дня был сделан из светского человека патриархом.[4] При Феодоре II

---

[1] *Matthaei Parisiensis* Chronica Majora, ed. H. R. Luard. London, 1880, vol. IV, p. 434.

[2] *A. Luchaire*. Innocent III. La Question d'Orient. Paris, 1907, p. 280.

[3] Текст письма есть в следующей книге: *W. Norden*. Das Papsttum und Byzanz... S. 756—759 (Appendix, n. XII).

[4] Так пишет Георгий Акрополит (Annales, cap. 53, ed. A. Heisenberg, pp. 106—107). В своей автобиографии Влеммид пишет о том, что отказался от предложения императора (Curriculum vitae et carmina, ed. A. Heisenberg, caps. XLIII—XLV, pp. 41—45). А. Гейзенберг придерживается точки зрения Акрополита (p. XX), которой следуем мы. В. Барвинок отвергает точку зрения Акрополита, придерживаясь версии Влеммида (*В. И. Барвинок*. Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911, с. 49—54.)

взаимоотношения Никеи с папской курией были тесно связаны с политическими целями императора. Также как и его отец, Феодор рассматривал союз с Римом только как шаг к Константинополю.*

Обычно сообщается, что в 1256 году папа Александр IV послал епископа Орвьето (в Италии) в Никею для возобновления переговоров об унии, прерванных после смерти Иоанна Ватаца.[1] Это внезапное решение папы казалось необъяснимым и немотивированным. Однако теперь, на основании некоторых новых документов, известно, что инициатива возобновления переговоров принадлежала не папе, а Никейскому императору.[2] В 1256 году Феодор послал к папе двух представителей знати, которые обратились к Александру IV с просьбой возобновить переговоры и послать легата в Никею. Александр IV был весьма обрадован предложению императора. Обе стороны хотели как можно быстрее разрешить проблему. Папский легат, Константин, епископ Орвьето, был готов к отбытию через десять дней. Интересно отметить, что предложения, сделанные папской курии покойным Иоанном Ватацем, служили основой для новых переговоров.[3] Папский легат имел одновременно официальные и секретные инструкции. Легат имел определенные специальные полномочия, среди которых самым важным было право созыва собора, право председательствовать на нем в качестве папского викария и изменять решения собора по своему усмотрению.

Эта папская миссия, так энергично организованная и на которую возлагалось столько надежд, кончилась полным провалом. Епископ Орвьето даже не был принят императором, который тем временем изменил свою точку зрения. На пути в Никею (в Македонии) папский легат получил приказ покинуть территорию империи. Ему запрещалось двигаться дальше.[4] Феодор II, который в это время

---

* В исходной русской версии 1923 г (с. 41) встречается иное объяснение политики Феодора по отношению к Риму и папским претензиям: «Преемник Ватаца Феодор II Ласкарь с большой осторожностью относился к папским притязаниям...»

[1] См.: *W. Norden.* Das Papsttum und Byzanz... S. 378—379; *L. Bréhier.* Attempts at Reunion of the Greek and Latin Churches. — Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 609.

[2] См.: *F. Schillmann.* Zur byzantinischen Politik Alexanders IV. — Römische Quartalschrift, Bd. XXII, 1908, S. 108—131. Автор из архивов Ватикана опубликовал двенадцать новых документов о переговорах между Никеей и Римом в 1256 г.

[3] *F. Schillmann.* Ibid., S. 14—15 (n. II). В этих документах имя императора (Caloihannes — Иоанн Ватац) упоминается много раз.

[4] *Georgius Acropolita.* Annales, cap. 67. Ed. A. Heisenberg, pp. 139—140. Ср. ошибочное изложение событий в Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 505: «после бесплодной беседы с полномочными представителями папы, император приказал от них избавиться».

выступал против Болгарии и имел успех в своих политических действиях, пришел к выводу, что более не нуждается в поддержке папы. Его конечная цель — захват Константинополя — казалась Феодору полностью достижимой без новых попыток образования унии, то есть без потери греческой церковью своей независимости.

В 1258 году Феодор II скончался. Михаил Палеолог, узурпирововавший никейский трон в 1259 году, оказался перед лицом серьезной угрозы со стороны коалиции против него, сформированной на Западе. Папская поддержка была необходима, и он отправил посланников папе Александру IV. Последнему, однако, не хватало энергичности и он не смог воспользоваться удобной ситуацией — затруднительным положением Михаила.[1] В конце концов Михаилу удалось овладеть Константинополем без какой-либо поддержки со стороны Святого Престола.

Никейская империя сохранила православную церковь и православное патриаршество и возвратила их в Константинополь. В первой половине XIII века проект папской унии не удался.*

Социальные и экономические условия в Никейской империи **

Императоры Никейской империи постоянно занимались проблемами внутренней жизни своего государства. Экономическое процветание всегда было одной из основных их целей. В этом отношении особо следует отметить Иоанна Ватаца. Обширная и напряженная внешняя деятельность Ватаца не мешала ему внимательно относиться к устроению внутренней жизни страны. Он поднял в государстве земледелие, виноградарство, скотоводство и птицеводство. По словам источника, «уже через короткое время амбары у всех оказались переполненными плодами: дороги, улицы, все хлевы и загороди оказались наполненными скотом и стадами домашних птиц».[2] Случившийся в это время голод в соседнем Румийском султанате заставил турок громадными толпами направляться в

---

[1] *W. Norden.* Das Papsttum und Byzanz... S. 382—383. См. также весьма интересную статью Р. Жанена (R. Janin) о различных церквях и монастырях в Константинополе при латинском господстве: «Les Sanctuaires de Byzance sous la domination latine». — Études byzantines, vol. II, 1945, pp. 134—184.

* Во втором американском издании работы данная фраза изложена в несколько иной редакции: «Во время существования Никейской империи план унии успеха не имел».

** В исходной русской версии работы данный раздел как одно целое практически отсутствует, не считая некоторых характеристик внутренней политики Иоанна Ватаца.

[2] *Nicephorus Gregoras.* Historia, II, 6, 2. Bonn ed., vol. I, p. 42.

никейские владения и за высокую цену приобретать необходимое пропитание. Турецкое золото, серебро, восточные ткани, различные драгоценности и другие предметы роскоши обильно потекли в руки никейских греков и наполнили государственную казну. Ватацу удалось путем уменьшения налогов добиться экономического процветания империи. В голодные годы большие запасы зерна, собранные в хранилищах, раздавались народу. Имея в своем распоряжении большое количество денег, Ватац воздвиг по всей стране крепости, а также госпитали, богадельни и приюты.[1] Иоанн Ватац стремился к тому, «чтобы каждый, имея у себя дома все, что нужно, не имел побуждения налагать корыстолюбивую руку на людей простых и неимущих, и чтобы таким образом государство ромеев совершенно очистилось от неправды».[2]

Ватац сам был крупным землевладельцем и многие из его окружения также обладали значительными участками земли и имели достаточный доход от своих поместий.[3] Владение этими поместьями, как кажется, гарантировалось императором своей служилой знати. Это напоминает западноевропейские бенефиции и византийскую пронию, то есть земельные владения, гарантируемые самим императором, или от его имени, подданным за их услуги государству при том условии, что они несут военную службу. Возможно, крупные землевладельцы были иногда недовольны ре-
жимом Ватаца и отказывались ему повиноваться. К концу его царствования имело место некоторое количество конфискаций движимой и недвижимой собственности.[4] Этот весьма интересный феномен может быть объяснен антагонизмом между троном и крупными землевладельцами, информации о которых, однако, нет. Современный исследователь даже счел возможным утверждать, что подобные восстания аристократии против Ватаца действительно имели место.[5] С социальной точки зрения, Ватаца можно рассматривать как защитника крестьянства и городского класса. Он стремился прежде всего к защите их богатства и процветания. Это обстоятельство как раз могло вызвать неудовольствие земельной аристократии и, как ответную реакцию, суровые меры против них.

---

[1] *Theodori Scutariotae* Addidamenta ad Georgii Acropolitae Historiam. Ed. A. Heisenberg, Leipzig, 1903, pp. 285—286; *Nicephorus Gregoras*. Historia, II, 6, 2. Bonn ed., vol. I, p. 42.

[2] *Nicephorus Gregoras*. Ibid.

[3] Ibid.

[4] *Georgius Acropolita*. Annales, cap. 52; ed. A. Heisenberg, vol. I, p. 105, строки 3—5.

[5] См.: *J. Pappadopoulos*. Théodore II Lascaris empereur de Nicée, p. 70; *М. А. Андреева*. Очерки культуры... с. 102—103.

Когда Феодор II взошел на престол, крупная аристократия, преследовавшаяся его отцом, смотрела поначалу на нового императора с доверием. Она надеялась вернуть утраченное влияние и богатства.[1] Однако она была разочарована в своих ожиданиях. Политика Феодора заключалась в уменьшении влияния аристократии. Он принимал суровые меры против многих ее членов. Длинный список должностных лиц, пострадавших при Феодоре, приводится современным ему автором.[2] Аристократия была унижена, и новые люди, низкого происхождения, окружили трон. Они были послушным инструментом в его руках.[3] После смерти Феодора, при его сыне, который был еще ребенком, аристократия снова усилила свое влияние.

В связи с военными экспедициями Феодора, в государстве значительно возросли налоги, и в своем письме к Никифору Влеммиду, который обвинял императора во взимании слишком большого количества податей с населения, Феодор объяснял, что причиной такой его политики были военные акции.[4]

Никейские императоры также были весьма заинтересованы в развитии торговых связей с другими государствами и особенно с Венецией. В августе 1219 г. Феодор I Ласкарь заключил союз и торговый договор с венецианским подеста́ в Константинополе, который обеспечивал венецианским торговцам привилегию беспошлинной торговли на суше и на море по всей территории Никейской империи (per totum Imperium meum et sine aliqua inquisitione).[5]

Западные товары, ввозимые венецианцами согласно этому договору, успешно конкурировали с восточными товарами, которым

---

[1] *Georgius Acropolita*. Annales, cap. 52. ed. A. Heisenberg, vol. I, p. 105, строчки 1—3.

[2] Ibid., cap. 75; ed. A. Heisenberg, vol. I, pp. 154—155. См. также: *Georgius Pachymeres*. De Michaele Palaeologo, I, 15. Bonn ed., vol. I, p. 40.

[3] См.: *J. B. Pappadopoulos*. Théodore II Lascaris empereur de Nicée, pp. 79—81; *W. Miller*. The Emperor of Nicaea and the Recovery of Constantinople. — The Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 504; *М. А. Андреева*. Указ. соч, с. 102, 108—110, 116.

[4] Epistula, XLIV. (*Theodore Ducas Lascaris* Epistulae, CCXVII, ep. XLIV. Ed. N. Festa, pp. 57—58.)

[5] *G. L. F. Tafel, G. M. Thomas*. Urkunden zur altern Handels- und Staatsgeschichte, Bd. II, S. 205—207. См. также: *W. Heyd*. Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge, vol. I, pp. 304—305; *A. Schaube*. Handelsgeschichte der Romanischen Völker des Mittelmeergebiets bis zum Ende der Kreuzzuge. München, Berlin, 1906, S. 262—263. А. Гарднер (*A. Gardner*. The Lascarids of Nicaea... p. 95) не прав, утверждая, что этот договор датируется августом 1220 г.

Иоанн Кантакузин — император и монах. Миниатюра из греческой рукописи 1242 г. Парижской национальной библиотеки.

необходимо было преодолеть всю территорию Иконийского султаната. Восточные и итальянские материи пользовались особым спросом в Никее, и население тратило огромные деньги на их приобретение. Видя это, Иоанн Ватац под угрозой «бесчестия», то есть утраты своего социального положения, запретил своим подданным приобретать и носить иностранные ткани и предписал им довольствоваться «только тем, что производит страна ромеев и тем, что руки ромеев в состоянии изготовить».[1] Сколь долго имело силу это предписание, направленное, видимо, на поддержку местного производства, неизвестно. Вероятно, оно было вскоре забыто.

Дружественные отношения Никеи с Венецией длились недолго, и при Ватаце республика св. Марка была уже враждебной Никее. В то время у Ватаца были сложности с бывшим императорским управляющим островом Родос, Львом Гаваласом, который вскоре после 1204 года присвоил себе титул «Господин Киклад» и даже «Цезарь». Когда Ватац начал военные действия против него, Лев, не способный защитить остров своими собственными силами, заключил оборонительный и наступательный союз с Венецией. Тем самым был разорван договор 1219 года,* заключенный Феодором Ласкарем. В договоре 1234 года между Львом Гаваласом и Венецией последней гарантировались обширные торговые привилегии на Родосе. В этом весьма интересном документе Лев Гавалас называет себя «dominus Rhode et Cicladum insularum Ksserus Leo Gavalla» — [«господин Родоса и кикладских островов Кесарь Лев Гавалла» — *Науч. ред.*)] [2] Ватац послал экспедицию на Родос, и остров стал владением Никейской империи.[3]

Незадолго перед взятием Константинополя генуэзцы взяли верх над своими соперниками венецианцами, когда в 1261 году Михаил Палеолог подписал нимфейский договор. Согласно этому договору, генуэзцы получили господство в делах торговли (commercial supremacy) в Леванте. После восстановления Византийской империи Михаил Палеолог продолжил дружественные отношения с генуэзцами.

---

[1] *Nicephorus Gregoras*. Historia II, 6, 4, Bonn ed., vol. I, p. 43. Им воспользовался *K. E. Zachariä von Lingenthal*. Jus graeco-romanum, vol. III, p. 574.

* Дата эта есть только во французском издании работы.

[2] *G. L. F. Tafel, G. M. Thomas*. Urkunden zur ältern Handels- und Staatsgeschichte. Bd. II, S. 320. Текст договора — там же, с. 320—322.

[3] *Georgius Acropolita*. Annales, cap. 48, ed. A. Heisenberg, vol. I, pp. 86—88. См. также: *W. Heyd*. Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge. Bd. I, p. 307; *A. Schaube*. Handelsgeschichte der Romanischen Völker... S. 263.

Просвещение, литература и наука в эпоху Никейской империи

После разгрома империи в 1204 году и распадения ее на целый ряд самостоятельных латинских и греческих владений, Никейское государство сделалось центром не только грядущего политического объединения эллинов, но и очагом деятельной культурной жизни. В XIII веке, по свидетельству Георгия Кипрского (во второй половине XIII века), про Никею говорили, что она «по обилию ученых людей представлялась новыми Афинами», что она была «дивным и многожеланным источником учености».[1] Может быть, нелишне для аналогии вспомнить, что в середине века на Западе «новыми Афинами», «городом науки» назывался Париж. Правда, по своему прибытию в Никею Георгий Кипрский разочаровался в этом отношении в Никее. В одном из сочинений Феодора Ласкаря мы читаем о том, что Коринф славится музыкой, Фессалия — искусством ткачества, Филадельфия — сапожным мастерством, а Никея — философией.[2] Все представители династии Ласкарей, если не считать последнего, несовершеннолетнего Иоанна IV, проявили себя истинными ценителями просвещения, прекрасно понимавшими, что духовная культура является одним из оснований крепкого государства. Уже первый государь Никеи, Феодор I, несмотря на большие затруднения во внешних и внутренних отношениях империи, интересовался вопросами просвещения. Он приглашал к своему двору различных ученых, особенно из греческих областей, занятых или угрожаемых франками; такое приглашение было получено и известным уже нам афинским митрополитом Михаилом Акоминатом, бежавшим перед латинским завоеванием, как известно, на остров Кеос; он не смог воспользоваться этим приглашением из-за преклонного возраста и слабого состояния здоровья. В Никею же удалился после взятия Константинополя брат Михаила, историк Никита Акоминат, который, воспользовавшись досугом и спокойствием при дворе Феодора Ласкаря, сделал окончательную обработку своего исторического произведения и написал богословский трактат «Сокровища Православия». Преемник Феодора, знаменитый Иоанн III Дука Ватац, при всей кипучей и непрерывной военной и международной деятельности, находил время и для удовлетворения просветительных нужд государства. Он основывал в го-

---

[1] Λόγος τὰ καθ' ἑαυτὸν περιέχως — PG, vol. CXLII, col. 21; *И. Е. Троицкий*. Автобиография Георгия Кипрского. — Христианское Чтение, т. 2, 1870, с. 167, 169—170.

[2] *Theodorus Lascaris*. De naturali communione, V, 2. (PG, vol. CXL, col. 1354); *J. Dräseke*. Theodore Laskaris. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. III, 1894, S. 500.

родах библиотеки из книг по искусству и другим наукам и, интересуясь школьным делом, сам определял иногда в школу молодых людей для улучшения образования в стране. К его времени относится ученая, писательская и преподавательская деятельность наиболее крупного представителя культурного движения XIII века, Никифора Влеммида, учениками которого были просвещенный писатель на троне, преемник Ватаца, Феодор II Ласкарь и известный историк и государственный деятель Георгий Акрополит. Подобно своему отцу, Феодор очень интересовался библиотеками. Он собирал книги и раздавал их по разным библиотекам. Он даже позволял читателям уносить для чтения книги домой.[1]

Как и в эпоху Комнинов, образованные люди XIII века писали, за немногими исключениями, на искусственном, школьном греческом языке, далеком от языка разговорного, который в качестве литературного языка не признавался. Греческие классические писатели и отцы церкви были теми образцами, под ярмом которых жили и мыслили средневековые образованные греки вообще и греки XIII века в частности.

Самой выдающейся фигурой в культурной жизни Никейской империи является, безусловно, Никифор Влеммид. Кроме многочисленных сочинений разнообразного содержания он оставил две интересные, изданные в 1896 году немецким ученым Гейзенбергом автобиографии, знакомящие нас не только с жизнью самого автора, но и с обстоятельствами и людьми его эпохи.

Влеммид родился в Константинополе в самом конце XII века. После завоевания города латинянами малолетний Влеммид переселился с родителями в Малую Азию, во владения Феодора I Ласкаря, где и начал свое образование с элементарной школы. Постепенно, переезжая из города в город, Влеммид познакомился у разных учителей с пиитикой, риторикой, логикой, философией, естественными науками, медициной, арифметикой, геометрией, физикой, астрономией. Затем, поселившись в одном из монастырей, он впервые обратился к ревностному изучению Святого Писания и святоотеческих творений. При императоре Ватаце, полюбивший Влеммида патриарх Герман приблизил его к себе и привлек к широкой церковно-общественной деятельности. Но Влеммид, чувствуя стремление к уединенной жизни, несмотря на убеждения патриарха, покинул двор последнего и поселился в славившемся своей строгой иноческой жизнью монастыре на горе Латре, около города Милета, где он предался подвигам духовной жизни и возложил на себя одежду инока. По возвращении из монастыря, во время переговоров Ватаца и патриарха с папскими нунциями об

---

[1] *Theodori Scutariotae* Addidamenta ad Georgii Acropolitae Historiam. Ed. A. Heisenberg, p. 297.

нии, Влеммид являлся строгим защитником православного учения; наконец, приняв монашество, он поселился в монастыре, где занялся своими научными работами и, основав школу, выступил в роли преподавателя философских наук. Здесь, среди других юношей, порученных Влеммиду императором, находился в качестве его ученика будущий историк и общественный деятель Георгий Акрополит. Интересно узнать, что Ватац, радея об успехах в своем государстве науки и искусства, отправил Влеммида в ученое путешествие по Фракии, Македонии, Фессалии, на Афон и в другие места с тем, чтобы покупать священные и другие книги, а в случае невозможности этого, прочитывать их и делать из них выдержки и заметки. Это поручение, успешно выполненное Влеммидом, обогатило его новыми знаниями, которые приводили в изумление его современников. Император поручил ему воспитание своего сына и наследника престола Феодора Ласкаря, который стал просвещенным и умудренным знанием правителем и писателем. Построив свой собственный монастырь и поселившись в нем, Влеммид принимал участие в спорах о вере, упорно отклонял предложение патриаршества, бóльшую часть времени посвящал литературным занятиям и, пережив восстановление Византийской империи Михаилом Палеологом, тихо скончался в своей обители около 1272 года. Современники Влеммида единодушно воздают почившему дань глубокого уважения.[1]

От Влеммида до нас дошли многочисленные и разнообразные сочинения. Две изданные в 1896 году автобиографии Влеммида дают много ценного материала как для биографии и характеристики личности автора, так и, особенно вторая автобиография, для изображения церковно-исторических событий, политических и социальных условий его эпохи, являясь таким образом одним из самых важных источников для истории Византии XIII века. Кроме этого, перу Влеммида принадлежит очень много богословских сочинений в области догматики, полемики, аскетики, экзегетики (толкования), литургики, церковной поэзии, проповедей, житий. Его «переложение некоторых псалмов», предназначенное для богослужебных целей, сделалось со временем неотъемлемой составной частью всенощного бдения в греческой церкви, чтобы позднее появиться в церквах южно-славянских, а затем в Русской церкви. Немалый

---

[1] Лучшими биографиями Влеммида являются — *A. Heisenberg*. Dissertatio de vita et scriptis Nicephori Blemmydae, в его издании: Nicephori Blemmydae Curriculum vitae et carmina. Lipsiae, 1896, pp. IX—XXV; *В. И. Барвинок*. Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911, с. 1—84; *L. Bréhier*. Blemmydes. — Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastique, vol. IX, pp. 178—182; *M. Karapiperes*. Νικηφόρος Βλεμμύδης ὡς παιδαγωγὸς καὶ διδάσκαλος. Jerusalem, 1921. Я этой книги не видел.

интерес представляют и светские сочинения Влеммида. Политический трактат «Царская статуя» (Βασιλικὸς ανδριάς), посвященный его воспитаннику, императору Феодору II Ласкарю, имеет целью создать идеал государя, который мог бы служить образцом всяческих достоинств и добродетелей; вследствие чего и государь является образцом и примером всякого блага и светит ярче, чем воспеваемый (греческий скульптор) Поликлет; такому образцу император в своей жизни должен был следовать. По представлению Влеммида, правитель был «высшим должностным лицом, поставленным Богом, для того чтобы заботиться о подчиненном ему народе и вести его к высшему благу». Царь, являясь «основанием народа», обязан иметь в виду благосостояние подданных, не поддаваться чувству гнева, избегать льстецов, иметь попечение об армии и флоте; во время мира надо готовить войну, так как сильное оружие есть наилучшая защита; нужны забота о внутреннем благоустройстве государства, религиозность и правый суд. «Пусть же царь, — пишет Влеммид в конце трактата, — благосклонно примет это мое слово, а от более разумных людей пусть выслушивает лучшие советы, которые затем слагает и тщательно хранит в глубине своей души».[1] Исходным пунктом всех рассуждений автора об идеальном правителе является положение: «царю надлежит прежде всего владеть самим собою, а потом управлять и всем народом».[2] До сих пор точно не установлено, произведениями каких писателей он пользовался при составлении своего трактата.

Мнения ученых по поводу значимости этого трактата различаются между собой. Особенную ценность и значение этому сочинению Влеммида, по словам русского исследователя его жизни и сочинений В. И. Барвинка, «придает, главным образом, то обстоятельство, что оно как нельзя более отвечало нуждам и потребностям греческого народа того времени»,[3] который, лишившись Константинополя, нашел приют в Никее и мечтал при помощи опытного, сильного, энергичного и просвещенного монарха вернуть себе отечество, изгнав иноземцев с берегов Босфора. Идеал подобного монарха и был нарисован Влеммидом.

Но, в противоположность последнему исследованию, другой ученый, Ф. И. Успенский, пишет о том же сочинении: «У Влеммида нет никакой идеи современных потребностей; он живет в сказочном мире, за тридевять земель, в тридевятом царстве; у него нет чутья современной жизни и выдвигаемых временем потребностей. Отвлеченный царь Влеммида должен быть мудрым, чуждым

---

[1] PG, vol. CXLII, col. 633, 657, 659, 667.
[2] PG, vol. CXLII, col. 613, 659.
[3] *В. И. Барвинок.* Никифор Влеммид и его сочинения, с. 297.

человеческих страстей и увлечений. Он ставит его в обстановку, совершенно чуждую жизни и обыкновенных житейских отношений, и потому его советы и указания не могут соответствовать реальной потребности... Несчастие средневекового грека было в том, что его давили классические реминисценции; творчества у него не было, и действительная жизнь заслонена была книжным материалом. Таким представляется нам Влеммид в своем политическом трактате».[1]

Конечно, классические традиции и религиозные чувства сильно повлияли на творчество Влеммида. Однако в течение своей жизни он многократно был тесно связан с интересами империи и императора и, вероятно, он не всегда был «человеком, живущим в другом мире и далеким от интересов грешной земли».[2] Под риторическим налетом его трактата можно раличить некоторые реалистические черты, напоминающие личность Феодора II. Весьма вероятно, что когда Влеммид писал свою «Царскую статую», истинный образ Феодора II действительно был перед его глазами. Однако реалистические черты личности его повелителя оказались затемнены риторикой и классической эрудицией Влеммида.*

Из философских сочинений Влеммида, основанных главным образом на Аристотеле, наиболее известны «Сокращенная физика» и особенно «Сокращенная логика». Последняя, после смерти автора, распространилась по всей империи и, мало-помалу, сделалась основой обучения и любимейшим философским учебником не только на Востоке, но и в Западной Европе. Издатель автобиографий Влеммида (Гейзенберг) пишет, что эти два сочинения «поистине доставили автору бессмертное имя».[3]

Логика и физика Влеммида важны как с точки зрения уяснения философских движений в Византии XIII века, так и с точки зрения уяснения вопроса о влиянии Византии на развитие западноевропейской мысли. До нас дошла важная в историко-культурном

---

[1] *Ф. И. Успенский*. Отзыв о сочинении В. И. Барвинка. Сборник отчетов о премиях и наградах за 1912 год. Петроград, 1916, с. 108, 111. (В исходной русской версии 1925 г. данный абзац завершался следующей фразой, не включенной в последующие издания работы: «Учитывая общее положение византийской науки и знания в этот период, надо признать второй взгляд более обоснованным». — *Науч. ред.*)

[2] *И. Е. Троицкий*. Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский, и арсениты. Христианское Чтение, т. 2, 1869, с. 851.

* А. А. Васильев, отметив сначала, что ранее он поддерживал оценку труда Влеммида, данную Ф. И. Успенским (см. добавление от редактора к прим. 1), отсылает также к следующей работе: *М. А. Андреева*. Очерки культуры... с. 9—10.

[3] См. в издании Гейзенберга «Curriculum vitae et carmina», p. LXVIII.

отношении переписка Влеммида, почти исключительно с Феодором II Ласкарем. Два небольших географических сочинения «История земли» и «Всеобщая география», а также несколько стихотворений светского характера,[1] дополняют богатое и разнообразное литературное наследство, оставленное Влеммидом потомству.*

Среди учеников Влеммида особенно выделялись двое: Георгий Акрополит и император Феодор II Ласкарь. Родившийся в Константинополе Георгий Акрополит отправился еще юношей в Никею во время правления Иоанна Ватаца, где получил образование вместе с Феодором Ласкарем у Никифора Влеммида, а позднее сделался также и учителем Феодора. Дойдя до высших чиновных степеней и потерпев неудачу на военном поприще, он уже при Михаиле Палеологе, возвратившемся в Константинополь, посвятил себя дипломатии и по поручению императора руководил переговорами на Лионском соборе, где и добился заключения унии с западной церковью, против которой он сам раньше боролся. Умер Акрополит в начале восьмидесятых годов XIII века.

Главным литературным произведением Акрополита является очень важная, как источник, «История», излагающая события со времени взятия Константинополя крестоносцами до восстановления Византийской империи (с 1203 по 1261 год); таким образом, это сочинение может быть названо специальной историей Никиты Акомината. Как современник описываемых явлений и по своему официальному положению участник последних, Акрополит дал детальное и правдивое, написанное довольно ясным языком изложение событий своей эпохи. Из небольших сочинений Акрополита, большей частью риторических и богословских, можно отметить

---

[1] Надпись гекзаметром (двадцать строчек), увековечивающая реставрацию стен Смирны при Иоанне Ватаце (1222 г.) справедливо атрибутирована А. Грегуаром как принадлежащая Влеммиду. *H. Grégoire*. Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure. Paris, 1922, n. 81—82, pp. 22—23. То же самое. — Byzantion, vol. V, 1930, pp. 783—784. (Здесь в прим. 1 на с. 784 следует читать вместо n. 84 n. 81—82).

* Далее в исходной русской версии 1925 г. (с. 46) следовал целый абзац, подводящий итоги деятельности Никифора Влеммида и определяющий его значение для византийской культуры. В последующие переиздания работы следующий ниже текст не включался:

«Весь охваченный горячей любовью к научным занятиям и стремлением к истине, которое отожествлялось у него со стремлением к Богу, ибо Бог есть истина (Еванг. Иоан. XIV, 6); пропитанный глубокой религиозностью подвижничества, временами „как жилец другого мира, совершенно чуждый интересам грешной земли", одаренный непоколебимою стойкостью, честностью и прямотою, — Никифор Влеммид, не пролагая, правда, каких-либо новых путей, представлял собою яркую личность в трудную эпоху Никейской империи и должен по праву занять одно из самых видных мест в истории византийской культуры».

прекрасную, прочувствованную надгробную речь императору Иоанну Ватацу.

Вторым наиболее известным учеником Никифора Влеммида был никейский император Феодор II Ласкарь. Георгий Акрополит был официальным учителем Феодора, однако Влеммид имел очень сильное влияние на будущего императора, который в своих письмах называл его своим учителем и испытывал к нему глубокое уважение.[1] Влеммид и Георгий Акрополит сумели вдохнуть в юную душу их ученика, еще в правление его отца Иоанна Ватаца, настоящую любовь к наукам. Изданная в конце прошлого столетия, в 1898 году, итальянским ученым Феста (Festa) переписка Феодора сообщила новый интересный материал для лучшего уяснения этой любопытной личности. Изучив греческих писателей, как церковных, так и светских, и ряд различных наук, Феодор, основываясь преимущественно на Аристотеле, уделил главное внимание философии. Будучи воспитан на идеях эллинизма и классической литературы, он в одном из своих писем сообщал о глубоком впечатлении от созерцания античных памятников Пергама.[2] Это письмо, в том, что касается и стиля и содержания, могло быть написано итальянским гуманистом.

Сочувствуя просвещению, он, подобно отцу, интересовался школьным делом. В одном из своих писем по поводу учеников, окончивших школу и присланных к императору для экзамена, Феодор писал: «Ничто другое не радует так душу садовника, как видеть свой луг в полном цвету; если же он по красивому и цветущему саду судит о цветении растений, то на основании этого же он может предположить, что в свое время он будет наслаждаться плодами приятности и красоты. Хотя я был страшно охвачен великим недосугом из-за предводительских обязанностей, в то время, как ум мой отвлекался в разные стороны восстаниями, битвами, противодействиями, сопротивлениями, хитростями, переменами, угрозами, тем не менее мы никогда не удаляли нашей главной мысли от красоты луга умственного».[3]

Вокруг Феодора II собрался круг образованных в литературе и науке людей, которые были заинтересованы в науках, искусстве, музыке, поэзии и тому подобном. Феодор открыл немало школ, и в одном из своих писем он обсуждает проблемы организации школьного дела, программы и задачи обучения.[4]

---

[1] *М. А. Андреева.* Очерки культуры... с. 100.

[2] *Theodore Ducas Lascaris* Epistulae, CCXVII. Ed. N. Festa, epistula LXXX, p. 107.

[3] Ibid., ep. CCXVII, ed. N. Festa, pp. 271—272.

[4] Ibid., p. 271. См. также: *Theodori Scutariotae* Addidamenta ad Georgii Acropolitae Historiam, ed. Heisenberg, p. 291.

Феодор Ласкарь написал несколько рассуждений на философские и религиозные темы, похвальные слова и оставил вышеупомянутый большой сборник писем (больше двухсот), адресованных к различным выдающимся деятелям эпохи, особенно же к его учителям, Никифору Влеммиду и Георгию Акрополиту. В сочинениях Феодора можно отметить его обширные познания также в науках естественных и математических. Более внимательное и детальное изучение литературного наследства Феодора Ласкаря, изданного и неизданного,[1] должно дать в высшей степени интересные результаты для оценки личности автора, этого, по словам Крумбахера, «рода восточной параллели её великому современнику Фридриху II»,[2] и для более глубокого понимания культурных интересов христианского Востока в XIII веке.

Ко второй половине XII века и к первому периоду Никейской и Латинской империй принадлежит деятельность двух просвещенных братьев, Иоанна и Николая Месаритов, существование которых было открыто наукой лишь в начале XX столетия благодаря А. Гейзенбергу, вот почему в знаменитой «Истории византийской литературы» Крумбахера этих имен еще нет. На основании надгробной речи Николая Месарита по случаю смерти старшего брата, мы знаем, что Иоанн, получив заботливое воспитание, пробыв некоторое время на чиновничьей службе при двух последних Комнинах и, сделавшись профессором по предмету толкования Псалтыри при Ангелах, написал комментарий к псалмам, чистовой экземпляр которого был уничтожен при взятии Константинополя латинянами в 1204 году, так что, по-видимому, из этого комментария до нас ничего не дошло. Приняв деятельное участие в спорах с представителями папы в Константинополе в первые годы существования Латинской империи и твердо стоя на православной точке зрения, Иоанн умер в 1207 году.[3]

Младший брат его Николай, будучи также придворным чиновником при Ангелах и придерживаясь одинаковой с братом точки зрения в отношении папских притязаний, направился после смерти

---

[1] См.: *J. B. Pappadopoulos*. La Satire du Précepteur, oeuvre inédite de Théodore II Lascaris. — Compte-rendu du deuxième Congrès international des études byzantines, Belgrade, 1927. Belgrade, 1929, p. 27.

[2] *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 478.

[3] *A. Heisenberg*. Analecta. Mitteilungen aus italienischen Handschriften byzantinischer Chronographen. München, 1901, S. 32—33. *A. Heisenberg*. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion. Bd. I. Der Epitaphios des Nikolaos Mesarites auf seinen Bruder Johannes. (Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-philol. und hist. Klasse, 1922, 5). München, 1923, S. 5—7. На с. 3 данного сочинения есть полная библиография работ по Иоанну Месариту.

брата в Никею, где занял видное положение у патриарха и впоследствии сделался епископом Эфеса. Позднее, как было уже упомянуто выше, он принимал главное участие в переговорах о церковном сближении Никеи с Римом, о чем он оставил обстоятельный рассказ. Некоторые, хотя далеко не все, произведения Николая изданы.

Особенно интересно описание Николая Месарита Константинопольской церкви святых Апостолов с ее мозаиками, почти не уступавшей по роскоши и красоте Святой Софии, усыпальницы византийских василевсов, прообраза соборов Святого Марка в Венеции,[1] Святого Иоанна в Эфесе и St. Front в Периге (Périgueux) во Франции. Как известно, церковь Святых Апостолов была разрушена турками после взятия ими Константинополя, и на ее месте построена мечеть Мехмеда II Завоевателя. Ввиду исчезновения столь важного памятника, описание Николая, основанное на личном внимательном наблюдении, получает совершенно особое значение. По словам А. Гейзенберга, впервые познакомившего историю с Николаем Месаритом, произведения последнего могут в некотором отношении пролить новый свет на начало существования Никейского государства и занять почетное место в литературе того времени. «Кто будет иметь мужество издать сочинения Месарита, тот окажет большую услугу; задача эта не легка, но в высшей степени важна и достойна благодарности».[2]

Конечно, в лице братьев Месаритов нельзя видеть выдающихся талантов; но они принадлежат к тем образованным и любящим книгу людям, которые, частью в тиши монастырей, частью при Никейском дворе, делали в XIII веке культурную работу и подготовляли духовное и политическое возрождение государства, приведшее к восстановлению Византийской империи в 1261 году.

Византийская хроника данного периода имеет лишь одного представителя в лице некого Иоиля, написавшего, вероятно в XIII веке, краткую, не имеющую ни исторической, ни литературной ценности всемирную хронику от Адама до взятия Константинополя латинянами в 1204 году.

Все вышеуказанные сочинения были написаны на том условно-классическом, литературном, искусственном языке, который порывал всякую связь с народной разговорной речью. Но в литературе того же XIII века можно указать примеры, где писатели прибегают к разговорному языку и народным стихотворным размерам и дают нам интересные образцы новых веяний в литературе.

---

[1] *A. Heisenberg*. Analecta. Mitteilungen aus italienischen Handschriften... S. 24—25; *Idem*. Die Apostelkirche in Konstantinopel. Leipzig, 1908, S. 10 ff.

[2] *Ibid.* Analecta... S. 18, 37.

Написанный народными (политическими) стихами по случаю бракосочетания Иоанна Ватаца с дочерью Фридриха II эпиталамий (свадебная поэма) Николая Ириника [1] была создана в стиле, типичном для дворцовых церемоний и тесно связанным со стилем эпиталамий Феодора Продрома. Поэма Николая Ириника дает новую иформацию о блистательных церемониях византийского двора и в этом заключается ее историческое и культурное значение.[2] Мнение К. Крумбахера о том, что эта поэма напоминает свадебные песни современной греческой поэзии и что автор черпал свое вдохновение непосредственно из народной поэзии своего времени, поддержать невозможно.[3]

К эпохе же крестовых походов, особенно после четвертого похода, когда на территории Восточной империи образовался ряд латинских феодальных владений, можно отнести некоторые стихотворные, написанные разговорным языком произведения, представляющие собою род романов, где в фантастической обстановке описывается главным образом чувство любви и рыцарские приключения. Одно произведение из области византийской эпической (былинной) поэзии до крестовых походов, а именно поэма о Дигенисе Акрите, пользуется особенной известностью.*

Эпоха крестовых походов создала в Византии более сложную литературную обстановку. Франки-завоеватели, принеся с собой на Восток вполне сложившиеся учреждения западного феодализма и рыцарства, должны были, конечно, познакомить своих новых подданных и со своей западной рыцарской литературой XII века, с провансальскими romans d'aventures и другими произведениями, которые нашли распространение при латинских дворах в греческих странах. Средневековый французский роман, доказавший свой космополитический характер тем, что он был принят в Германии, Италии и Англии, мог, конечно, привиться и в Греции, где внешние условия, создавшиеся в начале XIII века, были особенно, казалось, для этого благоприятны. Поэтому в науке был поднят вопрос о том, является ли византийский стихотворный роман того времени лишь простым подражанием западным образцам, или в этих византийских romans d'aventures можно видеть оригинальные произведения, создавшиеся из византийских условий жизни, аналогичных с западными, и находящихся, может быть, лишь под

---

[1] Об этом авторе см. подробнее выше.

[2] *A. Heisenberg.* Analecta... p. 111; *М. А. Андреева.* Очерки культуры... с. 15.

[3] *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 768; *A. Heisenberg.* Analecta... S. 111.

* В примечании А. А. Васильев отсылает к заключительному разделу шестой главы первого тома, где анализируется литература, культура и искусство македонского времени, и где описан эпос о Дигенисе Акрите.

некоторым влиянием иностранной, в данном случае западной литературы. Дж. Б. Бьюри писал, что, может быть, «знакомство греков с западными романами побудило их создавать произведения, пропитанные западными идеями, точно так же, как оды Горация или Эклоги и Энеида Вергилия находились под влиянием своих греческих образцов».[1] То или другое мнение ученых в данном вопросе основывается на изучении самих литературных памятников, часто анонимных и не поддающихся точным хронологическим определениям со стороны их языка, размера и литературно-исторического материала.

Анонимный стихотворный роман «Бельтандр и Хрисанца», первоначальная редакция которого относится, вероятно, к XIII веку, может служить примером византийского приключенческого романа. Дошедший же до нас текст носит следы позднейшей переработки и, может быть, принадлежит XV веку.[2]

Содержание романа таково. Некий император Родофил имел двух сыновей, Филарма и Бельтандра. Младший сын, отличавшийся красотой и храбростью, Бельтандр, не вынеся преследований со стороны отца, покидает свою страну в поисках счастья на чужбине. Пройдя по пограничной с Турцией области и вступив в Армению (т. е. в Малую Армению — Киликию), он достигает Тарса. В его окрестностях он встречает небольшую речку, в воде которой блистала звезда, приведшая Бельтандра в великолепный, полный разнообразных чудес замок, названный в романе Замком Любви (Ἐρωτόκαστρον). Там он узнает из надписей на двух статуях о предопределенной любви между ним и Хрисанцей, «дочерью великого короля великой Антиохии».[3] Решив осмотреть все «горькие и сладкие красоты Замка Любви»,[4] Бельтандр, по приглашению властителя замка, «царя любви, имевшего на голове царский венец, державшего в руке большой скипетр и золотую стрелу»,[5] предстал перед его троном. Ознакомившись с жизнью Бельтандра, царь приказывает ему из сорока девиц избрать наикрасивейшую и вручить избраннице ветвь, «сплетенную из железа, золота и топаза».[6] Описывается интересная сцена соревнования красоты, напоминаю-

---

[1] *J. B. Bury*. Romances of Chivalry on Greek Soil. Oxford, 1911, p. 5.

[2] *E. Legrand*. Bibliothèque grecque vulgaire, vol. I. Paris, 1880, pp. 125—168. Текст Леграна с детальным исследованием о средневековом греческом романе, с примечаниями и глоссарием был перепечатан Г. Мелиадисом — Βέλθανδρος καὶ Χρυσάντζα, Μυθιστορημα XII αἰῶνος. Ἀθῆναι, 1925. См. также: Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. VI, 1928, S. 270.

[3] Ibid., p. 139, v. 421.

[4] Ibid., p. 139, v. 441.

[5] Ibid., p. 141, vss. 492—494.

[6] Ibid., p. 142, vss. 537—538.

щая суд Париса и повторяющая известный византийский обычай избрания наиболее достойной невесты для василевса. Когда Бельтандр вручил ветвь наиболее красивой, по его мнению, девушке, то вдруг все, что его окружало, сам царь любви и сорок дев, исчезло «как сон».[1] Покинув замок, Бельтандр через пять дней достигает окрестностей Антиохии, где встречается с королевской соколиной охотой. Антиохийский властитель берет его к себе на службу и приближает ко двору. В дочери последнего Хрисанце он неожиданно узнает ту девушку, которой в Замке Любви он вручил ветвь. Молодые люди воспламеняются любовью друг к другу, и, несмотря на все строгости, окружавшие жизнь женщин на Востоке, между ними в дворцовом саду ночью происходит свидание, закончившееся для Бельтандра весьма печально: под утро стража заметила его, схватила и заключила в темницу. Но Хрисанца уговорила свою верную служанку сказать, что Бельтандр приходил в сад для нее. Отец Хрисанцы, узнав об этом, помиловал Бельтандра, и, с тайного согласия Хрисанцы, был устроен фиктивный брак между ним и служанкой; тайные свидания между Бельтандром и Хрисанцей продолжались. Через десять месяцев влюбленная чета, служанка и несколько верных слуг бегут из Антиохии; при поспешной переправе через реку погибают служанка и слуги. С трудом спасшиеся влюбленные достигают берега моря, где находят греческий корабль, посланный отцом Бельтандра Родофилом на поиски бежавшего сына; старшего любимого сына уже не было в живых. Узнав в чужестранце сына своего императора, корабельщики тотчас же принимают Бельтандра с Хрисанцей на корабль, быстро довозят до столицы, где их с великой радостью встречает уже отчаявшийся увидеть сына Родофил. Роман заканчивается описанием торжественной свадьбы Бельтандра и Хрисанцы, причем епископ совершает обряд венчания и возлагает императорский венец на голову Бельтандра.

На примере суждения ученых об этом анонимном романе можно выяснить себе их отношение вообще к византийкому роману эпохи крестовых походов. Одни ученые полагали, что до сих пор еще неизвестной или утерянной основой для романа «Бельтандр и Хрисанца» служит французский рыцарский роман; в Замке Любви, в греческом «Эротокастроне» видели Chateau d'amour провансальской поэзии; в собственных именах Родофила и Бельтандра узнали народные грецизированные имена Родольфа и Бертрана (Bertrand);[2] было даже мнение, что весь роман о Бельтандре и Хрисанце является лишь греческим переложением французского рассказа об

---

[1] Ibid., p. 148, v.724.

[2] См.: *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 858—859.

известном французском рыцаре XIV века Бертране Дюгеклене, современнике Столетней войны.[1] К. Крумбахер, склоняясь вообще относить к западноевропейским источникам все, что встречается в среднегреческой народной поэзии о Замке Любви, Эросе и т. д., пишет по поводу этого романа, что последний, наверное, был написан греком, но в области, которая уже давно была знакома с франкской культурой; главный же вопрос о том, было ли зерно рассказа франкского или греко-восточного происхождения, останется нерешенным до тех пор, пока не будет найден настоящий прообраз этого романа. Наконец, англичанин Дж. Бьюри говорит, что роман о Бельтандре и Хрисанце является греческим с начала до конца по своему построению, описаниям и идеям; в нем нет ничего, что нужно было бы отнести на счет западного влияния. Литературное развитие шло параллельно во франкских и греческих странах. Подобно тому, как французские романы XII века имели позади себя немало эпической поэзии, так и греческие романы XIII и XIV веков имели за собой эпическую основу. В обоих случаях разработка романтических мотивов была навеяна влияниями, идущими прямо или косвенно из эллинистического мира: во Франции через посредство латинской литературы, преимущественно через Овидия; в Греции через посредство литературной традиции, которая там не умирала. Греки обладали, при своей собственной технике, всеми идеями, материалом и окружением для рыцарских романов в то время, когда западные рыцари обосновались на Востоке. Поэтому-то французская литература XII века и не могла оказывать столь сильного влияния на Византию, как она оказывала, например, на Германию. Романтическая литература Запада не явилась в виде нового откровения для народа, который сам имел в своей собственной литературе мотивы, идеалы и элемент фантазии, во многих отношениях одинаковые с западными. Конечно, некоторого влияния французской литературы в эпоху крестовых походов, при столкновении и смешении двух культур на христианском Востоке, отрицать нельзя. Но в своих главных чертах французский и византийский романы имеют одну общую эллинистическую основу, причем развитие их шло параллельно, независимо друг от друга.[2] По словам французского византиниста Ш. Диля, основа романа о Бельтандре и Хрисанце остается чисто византий-

---

[1] См.: *T. Warton*. History of English Poetry. Ed. W. C. Hazlitt, vol. II. London, 1871, pp. 302—303.

[2] *M. Gidel*. Études sur la littérature grecque moderne. Paris, 1866, pp. 123—150. Анализ и изложение всего романа — с. 105—150 этой книги. См. также: *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 860; *J. B. Bury*. Romances of Chivalry... p. 5—10.

[3] *J. B. Bury*. Romances of Chivalry... p. 10, 21—24.

ской, и франкским баронам, пришедшим в роли покорителей, греческая цивилизация, по-видимому, гораздо больше дала, чем от них получила.[1] Может быть, к XIII же веку относится другой написанный политическими стихами «любовный рассказ» о Калимахе и Хрисоррое.[2]

В последнее время несколько яснее вырисовываются фигуры просвещенных деятелей XIII века и на западе Балканского полуострова, связанных с существованием и историей Эпирского деспотата, этого второго эллинского центра, создавшегося на развалинах Византийской империи. Из деятелей этих областей можно упомянуть об Иоанне Апокавке, митрополите Навпактском (г. Навпакт, по-итальянски Лепанто, при входе в Коринфский или Лепантский залив), о Георгии Вардане, митрополите Керкирском (остров Керкира, итальянское Корфу), и о Димитрии Хоматине, архиепископе Охридском (город Охрида — Ахрида — в западной Македонии, входивший в первой половине XIII века в состав Эпирского деспотата).

В 1897 году Крумбахер мог лишь упомянуть об Иоанне Навпактском, как полемисте против латинян и предполагаемом авторе в то время еще не изданных писем, находящихся в одной из оксфордских рукописей.[3] Только благодаря, главным образом, уже упомянутому выше изданию переписки Иоанна, на основании петроградской рукописи, сделанному В. Г. Васильевским, и еще более позднему изданию части произведений Иоанна, на основании только что названной оксфордской рукописи, сделанному одним французским ученым монахом (Pétridès), мы получили возможность хоть немного познакомиться с этим интересным церковно-историческим деятелем и писателем.[4] Надо помнить, что далеко еще не весь

---

[1] *Ch. Diehl.* Figures byzantines, vol. II, p. 337.

[2] Collection de romans grecs en langue vulgaire et en vers par S. Lampros. Paris, 1880, p. 1—109. См. таже: *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 855—857; *G. Montelatici.* Storia della letteratura bizantina. Milano, 1916, p. 191.

[3] *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 93, 476.

[4] *В. Г. Васильевский.* Epirotica saeculi XIII. — ВВ, т. 3, 1896, с. 233—299; *S. Pétridès.* Jean Apokaukos, lettres et autres documents inédits. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, т. XIV, вып. 2—3, 1909, с. 1—32. Одиннадцать других документов, связанных с именем Иоанна Апокавка, были опубликованы А. И. Пападопуло-Керамевсом — Συνοδικὰ γράμματα Ἰωάννου τοῦ Ἀποκαύκου μητροπολίτου Ναυπάκτου. — Βυζαντίς, vol. I, 1909, pp. 3—30 (только текст документов). Полная библиография по поводу Иоанна Апокавка есть в следующей работе: *M. Wellnhofer.* Johannes Apokaukos, Metropolit von Naupaktos in Aetolien (pp. 1155—1233). Sein Leben und seine Stellung in Despotate von Epirus unter Michael Doukas und Theodoros Komnenos. Freising, 1913, S. 1—5.

рукописный материал, имеющий отношение к Иоанну Навпактскому, появился в печати.

Иоанн Апокавк, митрополит Навпактский, умерший в тридцатых годах XIII века, получил прекрасное классическое и богословское образование, в молодые годы, может быть, провел некоторое время в Константинополе и затем, сделавшись митрополитом Навпакта, принял деятельное участие в политической, общественной и церковной жизни Эпирского деспотата. Иоанн, по словам В. Г. Васильевского, является «вождем патриотически настроенной части православного греческого духовенства, как в непорабощенном Эпире, так и в областях временно завоеванных, а, пожалуй, и в роли руководителя или поощрителя политических стремлений Эпирских деспотов, наконец, их опоры в столкновениях с высшим церковным авторитетом патриарха, за которым стоял соперничествующий император в Никее».[1] «Иоанн, — пишет другой историк, Е. А. Черноусов, — не мрачный монах, замкнувшийся в своей келье, интересующийся только церковными делами, далекий от мира и людей. Наоборот, в складе его ума и характера, в проявлениях его внутреннего „я", в приемах его литературной деятельности замечаются черты, до известной степени сближающие его с позднейшими итальянскими гуманистами».[2] Действительно, у Иоанна Апокавка мы можем отметить любовь и вкус к писанию, в результате чего явилась его обширная переписка, любовь к природе, понимание ее и, наконец, его отношение к античной литературе, авторитет которой, в лице наиболее знаменитых писателей древности, Гомера, Аристофана, Еврипида, Фукидида, Аристотеля и других, он очень высоко ставит и которая дает ему вместе с Библией богатый материал для параллелей и аналогий. В настоящее время мы имеем в печатном виде уже более сорока его произведений: письма, различные канонические постановления, эпиграммы.[3] В числе его корреспондентов можно отметить уже известных нам Феодора Комнина, деспота Эпирского, и знаменитого афинского митрополита Михаила Акомината. Ввиду того, что далеко не все произведения Иоанна Апокавка еще изданы, более полное суждение о нем как писателе и политическом деятеле, принадлежит будущему.[4]

---

[1] См.: *В. Г. Васильевский*. Epirotica saeculi XIII. — ВВ, т. 3, 1896, с. 234.

[2] *Е. А. Черноусов*. Из византийского захолустья XIII века. В кн.: Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1913—1914, с. 281.

[3] См.: *S. Pétridès*. Jean Apokaukos. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, т. 14, вып. 2—3, 1909, с. 1—3. (В соответствующем примечании второго американского издания (p. 561, note 195) год издания данного тома указан ошибочно — 1919. — *Науч. ред.*)

[4] *M. Wellnhofer*. Johannes Apokaukos... S. 68—69.

Относительно второго выдающегося деятеля эпохи Эпирского деспотата, Георгия Вардана, митрополита Керкирского, в науке в течение долгого времени существовало крупное разногласие. Еще в конце XVI века известный автор «Церковных Анналов», кардинал Бароний, на основании писем Георгия к императорам Фридриху и Мануилу Дуке Комнину, относил его время жизни к XII веку, разумея под первым императором Фридриха I Барбароссу, а под вторым — Мануила I Комнина.[1] Позднейшие ученые, видя, что некоторые полемические сочинения с именем Георгия по своему содержанию никак не могли быть отнесены к XII веку, пришли к выводу, что Георгиев Керкирских было два, один из которых жил в XII, а второй в XIII веке. Эти ошибочные, как мы сейчас увидим, суждения были приняты и в «Истории византийской литературы» К. Крумбахера, то есть в 1897 году.[2] Между тем, в 1885 году этот вопрос был правильно решен В. Г. Васильевским, неопровержимо доказавшим, что Георгий, митрополит Керкирский, был лишь один, что жил он в XIII веке, и что в его переписке под императором Фридрихом надо разуметь не Фридриха I Барбароссу, а Фридриха II, и под Мануилом — не Мануила I Комнина, а Мануила деспота Солунского, брата Солунского императора Феодора Дуки Ангела, попавшего в плен к болгарам. Итак, Георгий Вардан принадлежит XIII веку.[3]

Родившись, вероятно, в Афинах и будучи учеником, а позднее другом и корреспондентом Михаила Акомината, Георгий Вардан провел некоторое время в Никее, при дворе Никейского императора, а затем возвратился на Запад, где и был посвящен Иоанном Навпактским в епископы Керкиры. Эпирский деспот Феодор Ангел благоволил к нему. До нас дошли интересные письма Георгия, в которых Михаил Акоминат отмечал изящество его стиля и стройность изложения; последнее, однако, не мешало Михаилу Акоми-

---

[1] Annales ecclesiastici, ed. A. Theiner, vol. XIX, pp. 413—415.

[2] *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 91, 770.

[3] *В. Г. Васильевский*. Обновление болгарского патриаршества. — ЖМНП, т. 238, 1885, с. 224—233; *E. Kurtz*. Georgios Bardanes, Metropolit von Kerkyra. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XV, 1906, S. 603—613. В более новых работах Георгия Вардана ошибочно относили к XII веку. — *W. Norden*. Das Papsttum und Byzanz... S. 112—113; *W. Miller*. The Latins in the Levant, p. 12, note 2.; *Ch. Haskins*. Studies in the History of Medieval Science, p. 212, note 113. Ф. Коньяссо, наоборот, относил его к XIII веку — Partiti politici e lotte dinastiche in Bizanzio alla morte di Manuele Comneno. Torino, 1912, p. 293 (81), note 1. Голубович, не зная ни работы Васильевского, ни статьи Куртца, выражал надежду, что однажды эта проблема будет разрешена. — Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francescano, t. I, 1906, pp. 170—175.

нату в письмах учить Георгия и исправлять различные погрешности в его языке.[1] Кроме писем, Георгий был автором полемических произведений против латинян и нескольких ямбических стихотворений.

Знаменитый греческий иерарх и канонист первой половины XIII века, Охридский (Ахридский) архиепископ Димитрий Хоматин, рукоположенный Иоанном Навпактским и венчавший Феодора Эпирского Солунским императором, оставил после себя более полутораста памятников, а именно: письма, в которых разбирались различные юридические и церковные вопросы, разные канонические послания и ответы, судебные решения, соборные деяния и т. п. Эти памятники имеют чрезвычайно важное значение для истории византийского права вообще и канонического права в частности и дают интересный материал для истории церкви, внутреннего быта и международных отношений первой половины XIII века в Эпире, Албании, Сербии, Болгарии и латинских государствах.

Вышеназванные три лица: Иоанн Апокавк, митрополит Навпактский, Георгий Вардан, митрополит Керкирский, и Димитрий Хоматин, архиепископ Охридский, являются наиболее выдающимися представителями культурных интересов времени Эпирского деспотата и кратковременной Солунской империи.[2]

Что касается византийского искусства этого времени, то необходимо сказать, что новые франкские княжества, образовавшиеся на территории Византии, вынудили многих людей искусства (artists) из Константинополя и Фессалоники (Салоник) искать новое прибежище в могущественном сербском королевстве, или же присоединяться к артистам и художникам (artists), уже обосновавшимся в Венеции. «Тогда появилась, — писал один историк, — своего рода диаспора художников. Эти миссионеры византийского искусства дали направление славянским школам, расцвет которых в гораздо более позднее время мы только начинаем понимать».[3] Художественные традиции, однако, не умерли, и художественное возрождение при Палеологах обязано в известной мере тем традициям и достижениям предшествующего времени, которые сохранялись в XIII веке.

Литературное движение эпохи Никейской империи имеет важное значение для общей культурной истории Византии. Создавший-

---

[1] *Michael Acominatus*, ed. S. Lampros, vol. II. Athenae, 1879, pp. 282—289, в особенности — 289.

[2] Эти три писателя не упомянуты у *G. Montelatici*. Storia della letteratura bizantina. Milano, 1916.

[3] *O. M. Dalton*. East Christian Art. Oxford, 1925, pp. 19—20. См. также: *Ch. Diehl*. Manuel d'art byzantin, vol. II, pp. 735—736.

ся при дворе Никейских государей центр сделался тем культурным очагом, который посреди политического разделения, жестокой международной борьбы и внутренней разрухи во время латинян спас, сохранил и продолжал дело первого эллинского возрождения при Комнинах, чтобы позднее сделать возможным появление и развитие второго культурного эллинского возрождения при Палеологах. Никея служит как бы мостом от первого возрождения ко второму.

Культурный же центр, создавшийся в XIII веке в западной части Балканского полуострова, в эпирских владениях, был тем культурным звеном, которое сближало христианский Восток с Западной Европой в процессе их культурного движения XIII века. Культурный подъем в Италии XIII века, связанный с именем Фридриха II Гогенштауфена, этот «пролог к Ренессансу», если не в желательной полноте еще разработан и изучен, то, во всяком случае, отмечается, обсуждается и признается всеми. Но культурный рост Никеи в том же XIII веке и особенно культурное, правда, только недавно начавшее вырисовываться движение в заброшенном и заглохшем, как казалось, Эпире во внимание не принимались. Между тем, эти три культурных движения развивались в формах большей или меньшей интенсивности, параллельно и, может быть, не без взаимных влияний. Тогда даже такое на первый взгляд скромное явление, как культурный подъем Эпира в XIII веке, должно потерять свое исключительно местное значение и занять соответствующее положение в истории общей европейской культуры XIII века.

Византийский феодализм

В течение весьма продолжительного времени в исторической науке феодализм рассматривался как явление, принадлежащее исключительно западноевропейскому средневековью, как типическая черта последнего, отличающая средневековую историю Западной Европы от историй других стран и народов. При этом нередко полагали, что на Западе феодализм был для всех западных стран явлением однородным, одинаковым по существу.[1] При этом забы-

[1] Исходный текст конца этой главы был опубликован в моей русской книге «История Византии. Латинское владычество на Востоке». Петроград, 1923, с. 56—74. В первом английском и французском изданиях работы он отсутствовал. Текст этот составил потом отдельную статью: Byzantion, vol. VIII, 1933, pp. 584—604. В новом английском издании он приведен с незначительными изменениями. (Раздел о византийском феодализме помещен А. А. Васильевым в том же месте, где он и был в исходной русской версии. С точки зрения логики подачи материала, характеристика византийского феодализма была бы, как представляется, более к месту в главе о Македонской династии, ибо к этому времени относится окончательное оформление и расцвет феодальных отношений в Византии. — *Науч. ред.*)

вали, что феодальные условия, сложившиеся в той или другой стране на Западе, имели свои особенности.* Однако в более позднее время значение термина «феодализм» расширилось, когда наука обратила внимание на то, что существование феодализма или, по крайней мере, присутствие феодализирующих процессов может быть констатировано в «гораздо более многочисленных государствах, у весьма различных племен и народов, живших во всевозможных частях земли и в очень разнообразные эпохи их истории».** Сравнительно-исторический метод в руках тонких и опытных исследователей привел к уничтожению одного из важных, долго господствовавших в науке предрассудков о принадлежности сложного социально-политического и экономического явления, условно именуемого феодализмом, исключительно средним векам Запада. Поэтому в настоящее время термин «феодализм» употребляют иногда в более широком и в более узком смысле слова, как в родовом и в видовом значении; другими словами, западноевропейский феодализм в средние века есть понятие, взятое в узком смысле, — как определенный вид феодализма; в то время как в широком смысле это есть «известная ступень, переживаемая, по представлению многих историков и социологов, всеми народами в их историческом развитии».*** Конечно, далеко не везде феодальный процесс развивался вполне, то есть до формы, например, французского или английского феодализма, и не получал окраски политической. Перенесение этого процесса из рамок западноевропейской, средневековой истории в плоскость истории всемирной дало возможность ученым говорить о феодализме в древнем Египте, в арабском Халифате, в Японии, на островах Тихого океана и, наконец, у нас в древней Руси. Во всяком случае, надо оговориться, что для каждой страны, при наличии известных условий, феодализм в той или иной стадии своего развития есть явление возможное, но не необходимое.****

---

* В исходной русской версии данная фраза имела продолжение, не включенное А. А. Васильевым во второе американское издание работы. Между тем, слова эти представляются важными: «так, например, французский феодализм отличался от английского и германского; в итальянском и испанском феодализме могли быть свои особенности и т. д.»

** Во втором американском издании кавычки убраны и может сложиться мнение, что конец данной фразы принадлежит А. А. Васильеву. Между тем это не так. Здесь цитата из следующей работы — *Н. И. Кареев.* Поместье-государство и сословная монархия средних веков. СПб., 1913, с. 377.

*** Во втором американском издании опять же убраны кавычки и переставлены слова. Между тем здесь же цитата с той же страницы уже упоминавшейся выше работы Н. И. Кареева.

**** В исходной русской версии следующий абзац начинался с довольно длинного отрывка, не включенного А. А. Васильевым во второе амери-

Прекрасная по краткости и меткости характеристика феодализма сделана знатоком последнего П. Г. Виноградовым: «Феодализм отличается территориальной окраской политических и политической окраской территориальных отношений».[1] Как видно, в этом определении феодализма была не затронута экономическая сторона вопроса, на которую обратили внимание позднее и которая, конечно, должна всегда приниматься в расчет при изучении данного вопроса.*

Многочисленная литература ** — часто с противоположными мнениями и суждениями — по вопросу о происхождении западноевропейского феодализма, создававшая школы германистов и романистов, или видевшая в феодализме результат законодательной деятельности Каролингов, или выводившая его из социальных условий почти неведомой нам древнегерманской жизни *** и фантастической древнегерманской марки, имеет теперь лишь историческое значение **** и служит ярким примером того, сколько надо

канское издание: «Первое определение феодализма, остающееся, в общем, в силе и по настоящее время, было сделано еще в двадцатых годах XIX века известным французским историком Гизо, сведшим это определение к трем частям: условности права собственности или условному землевладению, принадлежности верховной власти землевладельцам-помещикам и феодальной иерархии. Пятьдесят лет спустя знаменитый Фюстель де Куланж в сущности повторил определение Гизо».

[1] *П. Г. Виноградов*. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. — ЖМНП, т. 207, 1880, с. 137.

* В исходной русской версии далее следует фраза, не включенная А. А. Васильевым во второе американское издание: «С экономической стороны преобладание замкнутого, домового (натурального) хозяйства является одним из характерных признаков процесса феодализации».

** Данному абзацу в исходной русской версии предшествовал следующий текст, дававший, опять же со ссылкой на Н. И. Кареева, определение феодализма с учетом политических и экономических моментов. «Итак, в результате, — как пишет Н. И. Кареев, — феодализм есть особая форма политического и экономического строя, основанного на землевладении, на земледелии, и это главное, от чего в той или иной мере зависит и все остальное, начиная с замены отношений подданства отношениями вассальности с ее иерархической традицией и кончая заменой свободного договора между землевладельцем и земледельцем, крепостной зависимостью последнего от первого». *Н. И. Кареев*. Поместье-государство... с. 54.

*** Эти слова А. А. Васильева не могут не вызвать удивления, ибо так называемые «варварские правды» дают очень много информации о жизни германцев в позднеантичное время. Что касается римского времени, то известные тексты Цезаря и Тацита тоже дают не так уже мало информации о древнегерманской жизни.

**** Здесь А. А. Васильев не прав. Изучение древнегерманской марки, древнегерманской жизни в целом уже давно и совершенно обоснованно рассматривается в качестве одной из важнейших предпосылок западно-

положить труда, иногда мало полезного, и доброй воли, чтобы поставить, наконец, изучение сложного исторического явления, каким в данном случае является феодализм, на действительно научную основу.*

Многое в западноевропейском феодализме объясняется условиями жизни первых трех веков Римской империи, в которой мы уже можем отметить некоторые первоначальные элементы, вошедшие в состав феодализма. Прекарий, или бенефиций, патронат и иммунитет хорошо известны в римское время. Бенефиций означал раньше всякое имущество, находившееся только во временном пользовании владельца, иногда пожизненном; поэтому бенефициями назывались и земли, отдаваемые на известных условиях тому или другому лицу во временное владение, часто пожизненное; среди этих условий на первом месте стояла военная служба владельца, так что под бенефицием стало обычно называться земельное пожалование под условием военной службы. В период же сложившегося феодализма бенефиций превратился в феод, фьеф или лен, то есть в землю, отданную уже в наследственное владение при соблюдении определенных условий. От слова «феод», корень которого до сих пор служит предметом споров, и произошло условное название «феодализм». Патронат, то есть обычай отдавать себя под защиту более сильного человека, перешел из римского времени в средние века и стал в феодальную эпоху называться латинским словом «коммендация» (commendatio, то есть перепоручение) или иногда германским словом «мундиум» (mundium). Наконец, известный в римское время иммунитет (immunitas) характеризовался в феодальную эпоху уступкой некоторых государственных прав частным лицам, освобождением их от несения тех или иных государственных повинностей и запрещением въезда во владение иммуниста правительственным агентам.

Постепенно на Западе, в связи с упадком центральной власти, эти три элемента, существовавшие в течение некоторого времени, так сказать, отдельно один от другого, стали соединяться в одном

европейского феодализма. См., например: *А. И. Неусыхин.* К вопросу о первом этапе процесса возникновения феодально-зависимого крестьянства как класса (теоретическая постановка вопроса). — (Глава I книги: *А. И. Неусыхин.* Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков. М., 1956, с. 7—45); *А. Я. Гуревич.* Аграрный строй варваров. В кн: История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма, т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. М., 1985, с. 90—136. См. также в той же книге (с. 137—177). — *А. И. Неусыхин.* Эволюция общественного строя варваров от ранних форм общины к возникновению индивидуального хозяйства.

* А. А. Васильев не указал здесь, наверное, самого важного — в чем, по его мнению, заключается эта действительно научная основа.

лице; одно и то же лицо, а именно помещик-землевладелец, раздавало бенефиции, принимало коммендации и пользовалось иммунитетом, то есть, другими словами, помещик превратился в государя. Подобная эволюция касалась как светских, так и духовных лиц. Конечно, как было замечено выше, эта эволюция в разных странах протекала различно.

Вопрос о феодализме в Византии — вопрос еще новый и очень мало разработанный. В его изучении необходима и интенсивная работа, и большая осторожность в обобщениях. Но, во всяком случае, «теперь никого уже, или только немногих упрямых стародумов, не приводит в смущение возможность говорить о феодализме и феодализационных процессах в Византии, тогда как еще недавно обозначение „византийский феодализм“ представлялось парадоксом или ересью».*

Раз Византия есть не что иное, как продолжение Римской империи, то уже априори можно сказать, что явления, аналогичные бенефицию, патронату и иммунитету, должны быть отмечены в условиях ее внутренней жизни. Вопрос лишь в том, в какой степени эти явления развились в дальнейших видоизменившихся условиях жизни восточных провинций империи и какие формы они приняли.

Латинскому слову «бенефиций» на Востоке по значению соответствовало греческое слово «харистикий» (русское пожалованье, жалованье), а бенефициарию, то есть лицу, наделенному землей на условии несения военной службы, соответствовало грамматически греческое слово «харистикарий». Но в византийской литературе, особенно с X века, харистикарный способ раздачи земель применялся обычно к монастырям, которые раздавались в виде пожалованья духовным и светским лицам. Подобную особенность византийского бенефиция-харистикия можно привести в связь с иконоборческой эпохой, когда правительство в своей борьбе против монашества прибегало к секуляризации монастырских земель, которая и дала в руки императора обильный источник для земельных пожалований. Это обстоятельство, по всей вероятности, и было причиной того, что первоначальный смысл харистикия, как пожалования земель вообще, не только монастырских, как бы затерялся, и харистикий стал пониматься специально в смысле пожалования монастырских земель. «Харистикарная система, — пишет хороший знаток внутренней истории Византии П. В. Безобразов, — как известно, заключалась в том, что владелец монастыря,

---

* Во втором американском издании конец абзаца стилистически несколько видоизменен и убраны кавычки, между тем здесь цитата из К. Н. Успенского, в данном случае восстановленная полностью: *К. Н. Успенский*. Очерки по истории Византии, т. 1. М., 1917, с. 9.

кто бы он ни был (император, епископ или частное лицо), отдавал монастырь в пожизненное владение какому-либо лицу, получавшему после этого название харистикария. Харистикарий получал все доходы монастыря и обязан был содержать братию, поддерживать здания, одним словом — вести все хозяйство. Очевидно, излишек доходов шел в пользу харистикария».[1] Другой наш известный византинист, Ф. И. Успенский, даже прямо говорит, что «харистикарат, как обычай раздавать монастыри и церковные земли, есть учреждение, развившееся в недрах самой церкви и сто-

явшее в полном соответствии с существовавшими в гражданском обществе обычаями и взглядами на право распоряжения земельной собственностью».[2] При таких определениях, особенно при последнем, теряется всякая связь с римским прошлым, что, по моему мнению, - неправильно. Харистикий есть пережиток римского прекария-бенефиция, получившего своеобразную окраску в силу особенностей внутренней жизни восточной половины империи.*

Известно, что еще в эпоху языческой Римской империи существовало военно-поместное землевладение, заключавшееся в том, что земельные участки на границах государства отдавались в наследственную собственность, но под непременным условием, чтобы владельцы таких военных участков несли военную службу, охраняя границу и передавая это обязательство детям. Начало этого обычая чаще всего относят к распоряжениям императора Александра Севера, то есть к первой половине III века, об отдаче отнятых у

---

[1] *П. В. Безобразов*. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. Москва, 1890, с. 29.

[2] *Ф. И. Успенский*. Мнения и постановления константинопольских поместных соборов XI и XII вв. о раздаче церковных имуществ (харистикарии). — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, т. V, 1900, с. 5.

* Хотелось бы отметить, что харистикием в Византии не исчерпывались государственные условные дарения в пользу крупных собственников или монастырей. Так, А. А. Васильев ничего не сказал о солемниях — обычае, согласно которому государство могло передать собственнику (или монастырю) право взимать с крестьян, формально ему не подчиненных, часть государственного канона. К явлениям того же порядка относится арифмос — пожалованье государством феодалу (или монастырю) определенного количества крестьян. В Византии был также распространен прекарий. Отдавая себя и свою землю под покровительство феодала или монастыря, крестьянин фактически из собственника участка превращался в пожизненного арендатора, уплачивающего новому хозяину определенную ренту. В Византии был распространен также χρῆσις — экономическое явление, схожее с латинским узуфруктом. Земля крестьянина — чаще всего за долги — передавалась феодалу во временное пользование. В теории, после выплаты долга или определенной суммы, крестьянин вновь становился полноправным собственником.

неприятеля земель пограничным (limitanei) солдатам и их вождям с тем, чтобы они несли на них наследственную военную службу и не отчуждали их частным, то есть не военным лицам. Несмотря на то, что такие авторитеты, как например Фюстель де Куланж, категорически утверждали, что эти пограничные участки (agri limitanei) времен римских императоров ничего общего не имеют с позднейшим бенефицием или фьефом (феодом),[1] тем не менее до сих пор выдающиеся представители исторической науки, не без основания, видят в бенефициях-ленах средневековья корни в порядках раздачи земельных участков в Римской языческой империи.[2] Новелла Феодосия II (первой половины V века), вошедшая в VI веке в кодекс Юстиниана, который объявлялся обязательным для обеих половин империи, Западной и Восточной, подтверждает военную службу пограничных солдат (limitanei milites) как непременное условие владения земельными участками и ссылается при этом на древние постановления (sicut antiquitus statutum est).[3*]

Начиная с VII века, под угрозой персидских, арабских, аварских, славянских и болгарских нашествий, часто победоносных, отрывавших от империи целые пограничные провинции, государство приступило к областной (фемной) реформе, которая усилила военные элементы на всем его пространстве и перенесла, так сказать, условия прежних пограничных частей во внутренние области империи. Но постигшие Византию на протяжении VII—IX веков крупные военные неудачи в связи с внутренними смутами иконоборческого периода и частою борьбою за трон, очевидно, расшатали налаженную систему военно-поместного землевладения, чем воспользовались крупноземлевладельческие фамилии, так называемые *властели*,** скупавшие, вопреки закону, воинские участки.*** Поэтому, когда государи Македонской эпохи в X веке вы-

---

[1] *N. D. Fustel de Coulanges*. Les Origines du système féodal. Paris, 1890, pp. 1—11; в особенности — с. 9.

[2] См., например: *C. Jireček*. Staat und Gesellschaft in mittelalterlichen Serbien, Bd. I. Wien, 1912, S. 40—41. Ср. также: *П. Мутафчиев*. Войнишки земи и войники в Византия през XIII—XIV вв. София, 1932, с. 34.

[3] Novellae Theodosii, XXIV, 4 = Cod. Just., XI, 60, 3.

* Представляется все же, что сходство между землевладением limitanei milites и последующими формами землевладения феодального времени только внешнее.

** Весьма вероятно, что данное слово является удачным изобретением самого А. А. Васильева. Ему же в данном случае принадлежит и курсив в тексте. Слово это не прижилось. В дальнейшем крупных землевладельцев в научной литературе называют динатами.

*** Образование крупной земельной собственности остается у А. А. Васильева практически не раскрытым, ибо возникала она далеко не только путем скупки воинских участков. См. подробнее: *А. П. Каждан*. Деревня

ступили со своими знаменитыми новеллами на защиту крестьянских интересов против захватнических стремлений властелей,* они одновременно встали и на защиту воинских участков. Новеллы Романа Лакапина, Константина Порфирородного, Романа II и Никифора Фоки стремятся восстановить прочность и нерушимость воинских участков, главным образом, в смысле неотчуждаемости подобных участков людям, непричастным военной службе; другими словами, данные новеллы воспроизводят в основной идее положение известной уже новеллы Феодосия II, вошедшей в Юстинианов кодекс. Отметим, что Ф. И. Успенский, придающий первостепенное значение славянскому влиянию на внутреннюю жизнь Византии, пишет по поводу военных участков: «Если в X веке в организации стратиотских (то есть солдатских) участков заметны следы общинного начала, то, конечно, это указывает не на римское происхождение учреждения, а на славянское, и первые его обнаружения должны быть относимы к эпохе славянских поселений в Малой Азии».[1] Но эта гипотеза не может считаться доказанной. Военно-поместная система сохранилась, по-видимому, и в позднейшие времена, вплоть до падения Византии; по крайней мере, в законодательных памятниках XI, XIII и XIV веков распоряжения императоров X века трактуются, как имеющие еще силу; хотя в реальной жизни это было далеко не так.

В течение продолжительного времени, насколько позволено нам, конечно, сказать, имея в виду несовершенство и неполноту изучения вопроса, в Византии, по-видимому, не существовало какого-либо определенного, всеми принятого общего термина для обозначения царских пожалований, если только таким термином не был

и город в Византии. IX—X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960, с. 57—122. (Глава 2. Крупная земельная собственность и феодальная зависимость, в особенности — с. 119–122).

* Эта точка зрения, которую А. А. Васильев высказывал и выше, в соответствующих разделах главы о Македонской династии, представляется сомнительной. Византийские императоры не могли не замечать того бедствия, которое в конечном счете и сказалось катастрофически на судьбах государства, — в армии становилось некому служить из-за исчезновения свободного крестьянства. Поэтому правильнее, скорее всего, говорить о том, что византийские императоры пеклись не о крестьянстве как таковом, а о стабильности пополнения армии солдатами-стратиотами. Весьма вероятно также, что византийским правительством в данном случае двигало отнюдь не желание кого-либо внутри государства защищать, а весьма трезвый меркантильный расчет и понимание: наемник стоит дороже «своего» воина-стратиота. Ср. также: История Византии, т. 2. М., 1967, с. 237—238. (Глава: *А. П. Каждан*. Экономическое развитие Византии в XI—XII вв).

[1] *Ф. И. Успенский*. К истории крестьянского землевладения в Византии. — ЖМНП, т. 225, 1883, с. 326.

харистикий; но изучение последнего именно с этой точки зрения еще не сделано, так что в данном случае мы можем высказать это лишь в виде предположения, хотя, с нашей точки зрения, и весьма правдоподобного. С XI же века в византийских памятниках появляется такой термин, который раньше прилагался в виде второстепенного эпитета к харистикию, а затем стал употребляться специально в смысле царского пожалованья. Таким термином была прония.

Грамматическое происхождение этого слова иногда смущало некоторых ученых, которые неправильно производили его от немецкого слова Frohne (барщина, тягло) и, встретив этот термин в сербских памятниках раньше, чем узнали его из памятников византийских, даже предположили, что сербы заимствовали это слово еще в то время, когда соседствовали с готами.[1] Само собой разумеется, прония есть греческое слово (πρόνοια), означающее «забота, попечение», а в христианском смысле «промысел». Конечно, слово «прония», получив специальное значение царского пожалованья, не утеряло своего первоначального, только что приведенного смысла, так что в византийских документах с определенного времени параллельно встречаются оба употребления этого слова, подобно тому, как и на Западе бенефициальная система не вытеснила слова beneficium в обычном смысле благодеяния.

Лицо, просившее и получавшее монастырь в пожалованье (харистикий) обещало за это иметь о нем заботу, попечение, то есть, по-гречески, «пронию». Поэтому получивший такое пожалованье назывался иногда не только харистикарием, но и проноитом (προνοήτης), то есть попечителем. Со временем же самое пожалованное поместье стало называться пронией. Под термином «прония», согласно Ф. И. Успенскому, в Византии «разумеется пожалованье служилым людям населенных земель и других приносящих доход угодий в награду за оказанную услугу и под условием исполнения определенной службы с пожалованья».[2] Причем под этой службой подразумевалась, главным образом, военная служба, обязательная для прониара. Надо также иметь в виду, что прония не является родовой или вотчинной собственностью, так как прониар не имеет права ни продавать, ни завещать, ни дарить пожалованную землю. Другими словами, прония отождествляется с

---

[1] См., например: *А. Майков*. О земельной собственности в древней Сербии. В кн: Чтения Общества Истории и Древностей Российских, т. 1, 1860, с. 28—29 и прим. 1. От германского Frohne производил пронию еще и в 1902 году L. Gumplowicz. См.: *C. Jireček*. Staat und Gesellschaft... Bd. I, S. 41, note 5.

[2] *Ф. И. Успенский*. Значение византийской и южно-славянской пронии. Сборник статей по славяноведению по случаю 25-летия ученой и профессорской деятельности В. И. Ламанского. СПб., 1883, т. 1, с. 22, 29.

теми военными участками, о которых речь была выше и которые ведут свое начало еще из времени языческой Римской империи. Пропия жаловалась императорами или, от их имени, министрами.

Уже в X веке в источниках встречается употребление слова «пропия», которое может быть истолковано в смысле земельного пожалованья на условии военной службы. С полной же очевидностью специальное значение «пропия» пока засвидетельствовано документами лишь начиная со второй половины XI века. Но последнее обстоятельство отнюдь не должно служить доказательством того, что этого значения пропия не могла иметь раньше. Опубликование новых, более ранних документов и изучение с этой стороны других источников, может открыть специальное значение пропии и для времени до XI века. В эпоху Комнинов система пожалования пропий была уже обычным явлением. В связи же с крестовыми походами и с проникновением западноевропейских влияний в Византии, особенно во время латинофильского императора Мануила, (1143—1180), на Востоке появляются в греческой оболочке настоящие западноевропейские феодальные названия вроде леннике (λίζιος = средневековому латинскому слову ligius). Интересно отметить, что когда крестоносцы четвертого похода, то есть западноевропейские феодалы стали устраиваться на занятых ими территориях Восточной империи, они нашли местные земельные отношения весьма схожими с западными и без труда приспособили их к своим западным рамкам. Пожалования византийских государей в одном документе начала XIII века называются феодом (de toto feudo, quod et Manuel quondam defunctus Imperator dedit patri meo).[3] Другой документ того же времени свидетельствует, что западные завоеватели продолжали держать покоренное население в прежних условиях жизни, ничего больше от него не требуя, как только, что оно обычно делало во времена греческих императоров (debemus in suo statu tenere, nihil ab aliquo amplius exigentes, quam quod facere consueverant temporibus graecorum imperatorum).[2] Обильный материал для изучения феодальных отношений на территории Византии дает Морейская хроника. Институт пропии просуществовал до конца империи.

Изучение вопроса о пропии в Византии, взятого в связи с харистикием и военными участками, заслуживает самого глубокого внимания и может привести к любопытнейшим результатам [1] не только в смысле лучшего и более правильного уразумения земель-

---

[1] *G. L. F. Tafel, G. M. Thomas.* Urkunden zur ältern Handels- und Staatsgeschichte. Bd. I, S. 513.

[2] Ibid., Bd. II, S. 57.

[3] О пропии см.: *П. Мутафчиев.* Войнишки земи... с. 37—61; *Г. А. Острогорски.* Пронойа. Белград, 1951.

ных отношений и вместе с ними вообще внутренней жизни империи, но и в смысле поучительных и разъясняющих аналогий с другими странами, западными, славянскими и мусульманскими, включая сюда и позднейшее Оттоманское государство.

Термин «пропия» является довольно обычным в сербских памятниках. Если же обратиться к русской истории, то иногда пронию сопоставляют с русским «кормлением». Но в последнем случае говорится, что в русском «кормлении» служебный характер не связывается с территорией, и что под «кормлением» разумеется лишь управление городом или волостью с правом брать с них доходы (кормы и пошлины) в свою пользу. Поэтому византийская *пропия* соответствует скорее *поместью* Московского государства, то есть земле, данной служилым людям именно за военную службу.

Римский патронат (patrocinium), или западноевропейская коммендация-мундиум, также хорошо известны в Восточной империи. Кодексы Феодосия и Юстиниана содержат целый ряд указов, начиная с IV века, в которых патронат частных лиц, именуемый в кодексах patrocinium, сурово карался, так как люди, отдававшие себя под защиту более богатых, хотели этим самым избавиться от несения различных государственных повинностей, чего государство допустить не могло. В Новеллах же Юстиниана и позднейших государей появляется и соответствующий равнозначущий греческий термин для patrocinium, а именно «простасия» (προστασία), то есть «предстательство, защита», которая, в какой бы форме она ни проявлялась, подвергалась запрещению. Но, несмотря на запретительные меры центрального правительства, крупные землевладельцы-властели продолжали столь выгодную для них практику патроната-простасии, являясь как бы третьим лицом, каким-то посредником между государством и податным населением, и с этим злом императорская власть справиться не могла. Новелла Романа Лакапина от 922 года, запрещающая властелям делать какие-либо приобретения от бедных, упоминает среди первых способов угнетения последних простасию, то есть патронат.

Институт иммунитета (immunitas) известен также в Византии под словом экскусии, или экскуссии (ἐξκουσσεία), которое представляет собою вместе с производным от него глаголом (ἐξκουσσεύειν, ἐξκουσσεύεσθαι) не что иное, как грецизированное латинское слово excusatio (глагол excusare) с аналогичным значением. Ввиду того, что до самого последнего времени ученые, специально занимавшиеся или вообще интересовавшиеся экскуссией, исходили из того положения, что самый ранний хрисовул, жалующий экскуссию, относится лишь к половине XI века (к 1045 году), не могли видеть в этом институте, оторванном на столько веков от римского времени, пережитка прежнего иммунитета и происхождение экскуссии старались объяснить иными влияниями. Один ученый,

Андроник II Палеолог. Миниатюра из рукописи Археологического общества в Афинах.

Н. Суворов, ведет начало византийских иммунитетов-экскуссий к западным источникам, к подражанию западному образцу, перешедшему в Византию уже в германской оболочке. По его мнению, «невозможно установить историческую связь между ними и иммунистами римского права. Если даже и предположить, что германский иммунитет имеет римские корни, то в Византию он перешел уже во франкском образе».[1] Другой исследователь, специально занимавшийся вопросом об экскуссии, П. А. Яковенко, не соглашаясь с только что приведенным мнением, приходит к мысли о том, что это учреждение возникло и развилось в Византии самостоятельно, но тем не менее отказывается приводить в связь экскуссию с римским иммунитетом, так как между этими двумя понятиями замечаются сильные различия. По его словам, «римский иммунитет уступал место средневековому, и именно уступал, а не видоизменялся... Начало экскуссии следует искать в той политической неурядице, которая возникла в Византии вследствие перерождения римских государственных порядков. Наряду с ней оказывало свое влияние смешение публично-правовой точки зрения на государство с частно-правовой. Под действием этих причин создалось зерно экскуссии — воспрещение доступа представителям государственной власти во владения пожалованного и даровано было ему право собирать казенные доходы».[2]

Надо иметь в виду, что оба латинских термина — immunitas и excusatio — в римских законодательных памятниках совпадают друг с другом, и попытки ученых-юристов установить между ними различие не привели к окончательным результатам.[3]

Уже в кодексах Феодосия и Юстиниана мы встречаем ряд суровых предписаний против податных изъятий, которые называются immunitates или выражаются посредством глагола excusare.

Из византийского времени до нас дошли документы с пожалованием иммунитетов-экскуссий преимущественно монастырям. На основании их мы видим, что льготы, даваемые жалованными грамотами византийских василевсов, сводились главным образом к запрету въезда в определенные местности императорским чиновникам, к податным изъятиям и судебно-административным льго-там, то есть, другими словами, мы имеем перед собою настоящий средневековой иммунитет западного феодального образца.

---

[1] Н. Суворов в рецензии на книгу Grenier'a. — ВВ, т. XII, 1906, с. 227—228.

[2] *П. А. Яковенко*. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908, с. 38; 48; 63.

[3] См.: *П. А. Яковенко*. К истории иммунитета... с. 6; *К. Н. Успенский*. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи. — ВВ, т. XXIII, 1923, с. 76.

Как было замечено выше, обычно полагают, что самый ранний хрисовул с пожалованием экскуссии относится к середине XI века. Но это одно не может служить доказательством того, что экскуссии не было раньше, тем более, что язык и выражения дошедших до нас хрисовулов XI—XII веков указывают на то, что понятие экскуссии было уже совершенно привычным, определенным, понятным и не требующим объяснений. Но этого мало. Существуют хрисовулы государей Македонской эпохи конца IX и X веков, данные Афонским монастырям, где мы видим все признаки экскуссии. Так, хрисовул Василия I (867—886) ограждает всех «избравших пустынное житие» на Афоне как «от военачальников и от царских людей до последнего человека, которому вверена служба, а также и от частных людей и деревенских жителей до мелющего на мельнице, дабы никто не тревожил сих монахов и не входил во внутренние места горы Афонской».[1] Этот хрисовул Василия I был подтвержден сыном его Львом VI Философом. Такое же подтверждение хрисовула, данное «прежде царствовавшими» государями, было сделано в первой половине X века «златопечатным словом» (хрисовулом) Романа I Лакапина.[2]

В афонских же документах о размежевании спорных земель на Афоне в X веке имеются ссылки на недошедшие до нас хрисовулы императоров еще до иконоборческой эпохи, то есть VII и начала VIII века, как-то Константина IV, называемого обычно Погонатом, Юстиниана II Ринотмета, а также первой восстановительницы иконопочитания, императрицы Ирины, и ее сына Константина VI (780—797).[3] Конечно, нельзя точно сказать, о чем говорили эти недошедшие до нас хрисовулы; но, на основании спора, касающегося владения афонцами известных земель, можно предположить, что в данных хрисовулах речь шла и об иммунитете.[4]

Эдикт императора Юстиниана II, который был обнародован в сентябре 688 года и который существует в тексте одной надписи, может рассматриваться как пример иммунитета-экскуссии более раннего времени. Этим эдиктом Юстиниан II гарантировал соляные копи (salina) в Фессалонике церкви св. Димитрия «на все последующие и вечные годы» в качестве ее исключительной собственности, которая была свободна от каких-либо предшествующих обязательств. В своем эдикте Юстиниан четко объяснил цель своего дарения: чтобы весь доход с соляных копей можно было бы ис-

---

[1] *Порфирий Успенский.* Восток Христианский. Афон. III, 1. Киев, 1877, с. 37 и 295.

[2] Там же, с. 45, 49, 298, 299.

[3] Там же, с. 51.

[4] *К. Н. Успенский.* Экскуссия-иммунитет в Византийской империи. — ВВ, т. XXIII, с. 99.

пользовать на украшение и обновление церкви, ежедневных потребностей клира, для нужд ремонта и прочих церковных потребностей.[1]

Если мы коснемся еще более раннего времени, то увидим, что привилегированные монастыри, эти монастырские вотчины, или, как их иногда называют, «монастыри-княжества»,[2] развивались еще со времени Юстиниана Великого, (527—565), то есть с VI века, и эти монастырские иммунитеты могут быть поставлены в связь с теми разнообразными привилегиями, которые были установлены еще в IV веке для христианского духовенства Константином Великим и его преемниками.[3] Правда, все эти отрывочные наблюдения об иммунитете в Византии касаются исключительно монастырской жизни. Но не надо забывать, что, помимо исчезновения целого ряда более ранних хрисовулов, вопрос о византийском иммунитете еще очень мало исследован вообще, особенно в стадии до XI века. С одной стороны, не разработаны и еще даже не оценены разнообразные византийские источники в виде историй, летописей, житий святых и т. д. Когда же эта предварительная работа будет сделана, тогда, почти наверное, найдется хороший материал и для постановки вопроса о светском иммунитете-экскуссии в Византии. Причем, надо думать, что византийская экскуссия своими корнями заходит во времена римского иммунитета, являясь частью того сложного социального наследства, которое христианская империя получила от империи языческой.[4]

Дальнейшее изучение византийских простасии-патроната и экскуссии-иммунитета должно явиться в высшей степени важным как для уяснения внутренней истории других соседних с нею стран, мусульманских и славянских, в частности древней Руси. Ценные работы Н. И. Павлова-Сильванского, сопоставлявшего западный патронат с русским закладничеством, и иммунитет, как он пишет, с «боярским самосудом», стали бы еще более ценными и свежими, если бы автор в состоянии был не ограничиваться лишь западными аналогиями, а привлечь и материал византийский.

Крупное землевладение, эти знаменитые римские latifundia, является также одним из характерных признаков внутреннего

---

[1] *A. A. Vasiliev*. An Edict of the Emperor Justinian II, September, 688. — Speculum, vol. XVIII, 1943, p. 9.

[2] *К. Н. Успенский*. Очерки по истории Византии, т. I. М., 1917, с. 187, 190—191, 195.

[3] См. подробности о монастырских иммунитетах у К. Н. Успенского: Экскуссия-иммунитет в Византийской империи. — ВВ, т. XXIII, 1923, с. 99—117.

[4] *К. Н. Успенский* («Экскуссия-иммунитет...») это отрицает. Он пишет: «Экскуссия не могла развиться из иммунитета; она и не сменяла собой его». — ВВ, т. XXIII, 1923, с. 115.

строя Византийской империи. Могущественные магнаты были временами настолько опасными для центральной власти, что последняя вынуждена была начинать с ними упорную борьбу, далеко не всегда заканчивавшуюся победой правительства.

В этом отношении в высшей степени интересна эпоха Юстиниана Великого, который вел напряженную борьбу с земледельческой знатью. Пристрастная и односторонняя, но вместе с тем драгоценная для внутренней истории Византии, «Тайная история» Прокопия, ясно отражающая взгляды имущих классов-собственников, и официальные новеллы Юстиниана сообщают нам по данному вопросу любопытнейший материал, рисуя картину борьбы императора с опиравшейся на землевладение аристократией, — борьбы, которая по своему значению выходила далеко за рамки VI века.* В одной новелле Юстиниан, рисуя отчаянное положение казенного и частного землевладения в провинции благодаря безудержному хозяйничанью местных магнатов, адресует посылаемому в Каппадокию проконсулу следующие многозначительные строки: «Мы узнали о столь великих злоупотреблениях в провинции, что исправить их будет с трудом под силу одному высокопоставленному лицу. Ведь нам стыдно сказать, с каким неприличием расхаживают управляющие имениями властелей, как им служат телохранители, как за ними следует великое множество народа и как бесстыдно они все грабят». Затем, после высказывания о частной собственности, автор добавляет: «Казенное имущество почти все уже перешло в частное владение, будучи растащено и расхищено со всеми конскими табунами, и отнюдь ни один человек не вымолвил против этого ни слова, так как рот у них был заткнут золотом».[1] Из этого места новеллы явствует, что каппадокийские магнаты на местах имеют полную власть: они содержат отряды своих вооруженных людей, телохранителей, и захватывают как частные, так и казенные, или, с точки зрения того времени, императорские земли. Подобного же рода информация о Египте времени Юстиниана найдена в папирусах. Член знаменитой египетской семьи земельных магнатов Апионов имел в VI веке обширные земельные владения в разных частях Египта. Целые деревни были частью его владений. Штат его прислуги был почти что царским. Он имел секретарей и дворецких, множество рабов, своих податных чиновников и сборщиков налогов, своего казначея, свою полицию и даже собст-

---

* Эту точку зрения А. А. Васильев высказывал и выше, в третьей главе первого тома, рассматривая эпоху Юстиниана. Между тем, такое утверждение представляется ошибочным, ибо Юстиниан боролся не столько с крупными землевладельцами, сколько с людьми, потенциально опасными для его власти.

[1] Novella, 30, 5.

венную почту. Многие из этих магнатов имели свои собственные тюрьмы и содержали свои собственные воинские подразделения.[1]

С этими крупными землевладельцами Юстиниан вел беспощадную борьбу в продолжение всего своего долгого царствования. Светское крупное землевладение, хотя и несколько ослабленное, но не уничтоженное, выжило и продолжало по временам очень тревожить центральную власть.

Являясь убежденным врагом светского крупного землевладения,* Юстиниан в то же время проводил совершенно ясно выраженную политику, направленную на охранение и увеличение церковно-монастырской собственности. Время Юстиниана можно считать важнейшим этапом в процессе образования в империи крупного церковно-монастырского землевладения, которое в соединении с дарованными экскуссиями-иммунитетами создает своеобразные, как бы феодальные центры, монастыри-княжества, монастыри-сеньории, которые, если воспользоваться сравнением одного историка, К. Н. Успенского, заступали в Византии место герцогств и графств Западной Европы. Но отличительным признаком западного феодального владения является прежде всего шаткость, рассыпанность, раздробленность центральной власти, обуславливаемые сложным укладом западноевропейской, не везде, правда, единообразной жизни. Если же мы взглянем на крупноземельные византийские монастыри с точки зрения процесса феодализации империи, то увидим, что эти монастыри создавались элементами антифеодальными, так как стоявшие в их главе игумены, пользуясь всей полнотой власти, являлись как бы монархами, самодержцами в подведомственных им владениях.** В этом заключается, можно сказать, одна из особенностей восточного, византийского феодализма.

В истории развития церковно-монастырского землевладения в Византии имеет чрезвычайно важное значение VII век, когда после завоевания Палестины и Египта арабами, где особенно сильно процветало монашество, множество монахов, бросившись искать

---

[1] *H. I. Bell.* The Byzantine Servile State in Egypt. — Journal of Egyptian Archaeology, vol. IV, 1917, pp. 101—102; *A. A. Vasiliev.* Histoire de l'Empire byzantin, vol. I. Paris, 1932, p. 208. О семействе Апионов и их земельных владениях см.: *E. R. Hardy.* The Large Estates of Byzantine Egypt. New York, 1931.

* Опять же хочется подчеркнуть — не крупного землевладения как такового, а исключительно возможных соперников собственной власти.

** Вывод об антифеодальном характере «самодержавной» власти игуменов крупных монастырей не может не удивить. Каждый член иерархии феодального общества, будучи вассалом вышестоящего, был сюзереном для нижестоящих. Поэтому полновластие игуменов таких монастырей не более антифеодально, чем полновластие любого западноевропейского герцога или барона над своими вассалами.

спасения во внутренних областях империи, переполнили старые монастыри и явились причиной возникновения монастырей новых. В VII веке, как известно, основались небольшие, небогатые монастыри на Афоне. Поэтому вторая половина VII и начало VIII века могут быть, по справедливости, рассматриваемы как период, когда монастырское землевладение достигло наибольшего развития и почти что преобладания, подтачивая, благодаря ряду привилегий, финансовые средства государства, и подрывая, благодаря привлечению в монастыри множества здоровых и молодых людей, освобождавшихся этим от несения военной службы, военную мощь империи. Государство с этим мириться не могло. По словам В. Г. Васильевского, «без особенной опасности впасть в ошибку, можно предположить, что перед началом иконоборства восточная церковь не уступала размерами своих территориальных земельных богатств церкви западной. Франкские короли рано начали жаловаться, что их казна остается пустой, что их богатства перешли к епископам и духовенству; к концу VII века целая треть позе-
мельных имуществ во Франкском королевстве принадлежала церкви. Полагаем, что нечто подобное было и в Византийском государстве за то же время».[1]

Исаврийские государи, известные главным образом благодаря своему иконоборству, может быть, главное внимание в своей борьбе направляли не на иконы, а на монастырское землевладение, на монастырский феодализм.[2*] В эпоху иконоборства монастырскому

---

[1] *В. Г. Васильевский.* Материалы для внутренней истории византийского государства. — ЖМНП, т. 202, 1879, с. 222. То же самое в «Трудах» — т. 4, с. 319—320.

[2] Эта точка зрения была особенно подчеркнута *К. Н. Успенским* (Очерки... с. 213). См. также: *N. Iorga.* Les Origines de l'iconoclasme. — Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine, vol. XI, 1924, pp. 147—148; *Idem.* Histoire de la vie byzantine. Empire et civilisation, vol. 2. Bucharest, 1934, pp. 32—43; *Ch. Diehl, G. Marçais.* Le Monde oriental de 395 à 1081. Paris, 1936, p. 263, note 46. Эта точка зрения энергично отвергается *Г. А. Острогорским*: Über die vermeintliche Reformtätigkeit der Isaurier. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXIX (1929—1930), S. 399, note 2; *Idem.* Agrarian Conditions in the Byzantine Empire in the Middle Age. — Cambridge Economic History of Europe, vol. I, Cambridge, 1941, pp. 208—209.

* В исходной русской версии 1925 г. далее шел следующий текст, не включенный А. А. Васильевым во второе американское издание работы: «Может быть, в своей основе политика императоров-иконоборцев, особенно в начале, не носила специально религиозного характера. „Но гонимому монашеству, носителям монастырского феодализма, было именно чрезвычайно выгодно перетянуть дело на богословскую почву, попытаться в деятельности правительства обнаружить богоотступничество и ересь, чтобы дискредитировать его, подорвать к нему доверие со стороны массы общества“». (*К. Н. Успенский.* Очерки... с. 213).

феодальному землевладению был нанесен сильный удар предпринятыми правительством многочисленными беспощадными конфискациями земель и обращением монахов и всяких приписанных к монастырям людей в мирское состояние, влекшее за собою отбывание ими государственных повинностей.

Но с окончанием иконоборства и вступлением на престол Македонской династии обстоятельства изменились. Число монастырей стало снова увеличиваться, и еще быстрее стало возрастать количество земли, поступающей в монастырское владение. Феодализирующие процессы в церковно-монастырской области, временно приостановленные иконоборческими императорами, снова стали развиваться в направлении нежелательном и временами опасном для центральной власти. Недавно об этой эпохе Ш. Диль писал: «Хищения продолжались, мощь крупной земельной аристократии все росла, феодализм все развивался. В IX веке кризис получил характер особенной остроты».[1]

В политической жизни страны очень яркую аналогию с западноевропейскими феодальными владыками — герцогами (duces) и графами (comites) — представляют собою экзархи, стоявшие при императоре Маврикии (582—602) во главе двух обширных территориальных образований, двух экзархатов, равеннского и африканского, или карфагенского. Как известно, эти генерал-губернаторы, экзархи, будучи прежде всего военной властью, сосредоточили в своих руках административные и судебные функции и являлись решающей инстанцией при разборе церковных дел в экзархате. [*Обладая неограниченными полномочиями, экзархи пользовались царским почетом: их дворцы назывались священными (sacrum palatium), как называлось лишь место царского пребывания*]; когда [*равеннский*] * экзарх приезжал в Рим, ему устраивалась почти что царская встреча. Протокол его входа в Рим стал моделью для приемов франкских королей и германских императоров. Так, прием Карла Великого в Риме в 774 году был скопирован именно с приема экзарха. Образец этот так и остался единственно приемлемой моделью для приема в Риме императорских особ.[2] Нет ничего

---

[1] *Ch. Diehl*. Byzance. Grandeur et décadence. Paris, 1920, p. 167.

* Все стоящие в скобках и выделенные курсивом слова отсутствуют во втором американском издании работы.

[2] См.: *L. Duchesne*. Liber Pontificalis. Paris, 1886, I, 497: (описание приема Карла Великого при папе Адриане: 772—795) «cum adclamationum earundemque laudium vocibus ipsum Francorum susceperunt regem, obviam illi eius sanctitas dirigens venerandas cruces id est signa, sicut nos est exarchum aut patritium suscipiendum, eum cum ingenti honore suscipi fecit». См. также: *E. Eichmann*. Studien zur Geschichte der abendländischen Kaiserkrönung. II. Zur Topographie der Kaiserkrönung. — Historisches Jahrbuch, Bd. XLV, 1925, S. 24—25; *E. Kantarowicz*. The King's Advent'

удивительного, что из экзархов выходили претенденты на престол, поднимавшие восстания, как в Карфагене, так и в Равенне, правда, не всегда удачные. Но в начале VII века восстание африканского экзарха Ираклия в результате дало на византийский престол новую династию в лице ее родоначальника, сына только что названного экзарха, также Ираклия.

Характерно, что тот же Маврикий, при котором образовались оба почти независимые экзархаты, во время сильной болезни, приключившейся с ним за несколько лет до смерти, составил найденное и вскрытое уже при Ираклии завещание, в котором он делил доставшуюся ему империю между своими детьми: старшему он отписал Константинополь и восточные области; второму сыну — Рим, Италию и острова, остальные же области он распределил между младшими сыновьями.[1] Это завещание, оставшееся, по-видимому, неизвестным при жизни Маврикия и не приведенное в исполнение вследствие переворота 602 года, свергнувшего Маврикия, представляет собою попытку типичного феодального раздела, какие часто бывали на Западе в эпоху Меровингов и Каролингов и на Руси в удельное время.

Процесс образования фемного строя, в связи с внешними опасностями VII века, когда во главе первоначально очень крупных территорий встала военная власть стратигов, облаченная широкими полномочиями и вобравшая постепенно в себя гражданские функции, также может дать материал для феодальных аналогий. Подобные провинциальные стратиги, передававшие позднее, в IX—X веках, иногда это звание в своем роде из поколения в поколение, являлись как бы наследственными правителями той или другой области и уже по одному этому уходившими из-под прямого контроля императорской власти.[2] Это уже не государственный, а скорее вассальный характер отношений, прекрасно известный из западной жизни в виде наследственных областных правителей, графов и герцогов.

Появившиеся на фоне не прекращавшейся борьбы на восточной границе, особенно в X веке, так называемые *акриты* * — защит-

---

and the Enigmatic Panels in the Doors of Santa Sabina. — The Art Bulletin, vol. XXVI, 1944, p. 211, note 23.

[1] *Theophylacti Simocattae* Historiae, VIII, 11, 7.

[2] См. примеры из житий святых у *А. П. Рудакова*. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1997, с. 209—215. (А. А. Васильев использовал издание 1917 года. Редактор воспользовался новейшим переизданием. Хотелось бы также отметить, что у А. П. Рудакова есть интересный материал по рассматриваемым сюжетам и в другом месте — при характеристике крупной земельной собственности и византийских магнатов — см. с. 186—193, при характеристике социальных классов в Византии — с. 195—196, 199. — *Науч. ред.*).

* Курсив принадлежит А. А. Васильеву.

ники отдаленных границ государства (от греческого слова — ἄκρα — «граница») — пользовались иногда полунезависимым положением от центрального правительства, сопоставляются не без основания с западноевропейскими маркграфами, то есть правителями пограничных областей-марок (русской украйны). На восточной границе, в ничем не обеспеченной, грабительско-военной обстановке, люди действительно могли считать себя, по словам французского историка Рамбо, «не в провинциях просвещенной монархии, а среди феодальной анархии Запада».[1] Английский историк Дж. Б. Бьюри говорит, что вечная борьба с сарацинами на Востоке выработала новый тип воина, кавалларий (καβαλλάριος), то есть конника, рыцаря (Ritter = конник, всадник), «сердце которого стремилось к приключениям и который привык действовать независимо от приказаний императора или военного начальства... В X веке многие из акритов владели обширными доменами и походили скорее на феодальных баронов, чем на римских должностных лиц».[2] Известные малоазиатские фамилии Фокадов, Склиров, Малеинов, Филокалесов, с которыми непримиримо и напряженно, в той или другой форме, боролся Василий II, являются представителями крупных малоазиатских феодалов, которые были, благодаря своим обширным владениям, не только социальной аномалией в государстве, но и создавали для царствовавшей династии уже серьезную политическую опасность, так как они могли сгруппировать вокруг себя и свои военные отряды. Ведь прониар, получавший пронию на условии военной службы, имел право или, вероятно, даже был обязан содержать военную дружину, которую при благоприятных обстоятельствах мог доводить до значительных размеров. Знаменитые новеллы македонских государей в защиту мелкого землевладения лишний раз указывают на ту грозную силу, какую с точки зрения государственной приобрело развитие крупного землевладения.

Смутный период XI века, до вступления на престол Алексея Комнина, характеризуется борьбой крупных малоазиатских феодалов, опиравшихся на собранные ими войска, с центральным правительством и заканчивается тем, что представитель крупного землевладения в лице Алексея Комнина завладел престолом и основал продолжительную династию (1081—1185). Но тот же Алексей должен был признать Трапезундскую область почти независимым владением и во время своего правления принимал порой суровые меры против светских и духовных представителей крупного землевладения. Довольно сильная реакция против крупного землевладения замечается, как известно, при Андронике I (1182—

---

[1] *A. Rambaud*. Études sur l'histoire byzantine. Paris, 1912, p. 73.
[2] *J. B. Bury*. Romances of Chivalry on Greek Soil, pp. 17—18.

1185). Но прежняя система восторжествовала при Ангелах (1185—1204).

К эпохе крестовых походов феодализирующие процессы в Византии настолько уже получили определенные формы, что западные крестоносцы и вообще западные выходцы, сначала лишь проходившие по территории империи, затем, особенно при латинофильской политике Мануила I, внедрившиеся в большом количестве во все отрасли византийской общественной и экономической жизни, и, наконец, занявшие после четвертого похода бóльшую часть византийского государства, ничего нового для себя в его укладе не нашли.

Массу интереснейшего материала дают для изучения феодализма в образовавшихся на Востоке в эпоху крестовых походов латинских государствах составленные в них законодательные сборники. Первое место должны в этом отношении занять так называемые Иерусалимские ассизы, или Грамоты Гроба Господня (Lettres du Sépulcre), составленные будто бы еще при первом короле Готфриде Бульонском и положенные им в церкви Гроба Господня. Оставляя в стороне сложный и спорный вопрос о дошедших до нас редакциях ассизов и о сомнении, высказанном рядом ученых, в существовании первоначального текста, составленного сейчас же после завоевания и положенного тогда же на хранение в церковь Гроба Господня, нужно сказать следующее. Ассизы, каким бы ни было их происхождение, являются, бесспорно, законом XIII века, однако «законы Иерусалима были основаны на феодальных обычаях Европы XI века и принесены на Восток участниками первого крестового похода».[1] Этот законодательный памятник имеет первостепенное значение как для более глубокого уразумения феодальных отношений на христианском Востоке в связи с местными условиями жизни, так и для вопроса о феодализме вообще. Исследователь учреждений Латино-Иерусалимского * королевства, французский историк Гастон Додю, пишет: «Ассизы верховного суда (так назывался отдел ассиз об отношении франкских князей к их вассалам) представляют самое древнее и самое чистое выражение французского феодализма». Составители дошедших до нас редакций «написали полный трактат о ленных владениях, превосходящий все, что оставили нам по этому вопросу средние века». В ассизах «следует изучать истинный характер феодализма».[2] Совсем недавно американский историк, написавший весьма важную книгу о феодальной монархии в латинском Иерусалимском королевстве, Джон

---

[1] *J. L. La Monte.* Feudal Monarchy in the Latin Kingdom of Jerusalem 1000 to 1291. Cambridge, Mass., 1932, p. 97.

* Так у А. А. Васильева в исходной русской версии работы.

[2] *G. Dodu.* Histoire des institutions monarchiques dans le royaume latin de Jérusalem, 1099—1291. Paris, 1894, pp. 59; 36.

Ле Монте, подчеркивал ту же идею. Он писал: «Ассизы верховного суда являются в основе своей французским феодальным законом, и феодальная система Иерусалимского королевства, если под феодальной системой понимаются только взаимоотношения между землевладельческой знатью, была чисто западным феодализмом, который крестоносцы принесли с собой из своих домов на Западе. Эта система, однажды установившись, оказалась устойчивой. Силы, ослаблявшие феодализм на Западе, имели слабое проявление на более медленно развивающемся Востоке. Вот почему истинно старое утверждение, что в феодальной системе Иерусалимского королевства мы находим почти что идеальную картину феодальных взаимоотношений. Западные институты XI и XII веков были перенесены на почти что девственное поле, и они сохранились в гораздо более позднее время, когда Запад во многом от них отказался».[2] Таким образом, христианским Востоком совершенно неожиданно дан в руки ученых приведенный в известную систему свод феодального права, в условиях которого Западная Европа жила в течение долгого времени.

Иерусалимские ассизы были введены после четвертого крестового похода в завоеванной крестоносцами Морее и в других основанных тогда латинских владениях в пределах Византии, а также на острове Кипре; для последнего ассизы были переведены на греческий язык. Прекрасным дополнениям к Иерусалимским ассизам могут служить Антиохийские ассизы, дающие понятие о законах этого латинского княжества на Востоке. Оригинальный текст последних утерян; до нас дошел лишь их армянский перевод, переведенный в свою очередь уже в XIX веке на современный французский язык.

---

[1] Feudal Monarchy in the Latin Kingdom, XX. Feudal Institutions as Revealed in the Assizes of Romania, trans. by P. W. Topping (1949). (В ряде случаев, к сожалению, библиографическое описание А. А. Васильевым используемых им книг вызывает больше вопросов, чем ответов. Ввиду того, что в сводной библиографии этой работы нет, данное описание является единственной информацией о работе Le Monte. Некоторые же детали этого описания, в том виде, в каком оно приведено у автора, остаются непонятными. Не ясен прежде всего характер работы — идет ли речь о монографии, или статье в сборнике, не ясен далее смысл цифры XX, стоящей после слова Kingdom. Вызывает удивление указание на переводчика (trans. by P. W. Topping). Имеющиеся в сводной библиографии две другие работы Ле Монте показывают, что это англоязычный автор. Описание данной работы Ле Монте — как и цитата из нее — также показывают, что она написана на английском языке. Остается также неизвестным место издания книги, что обычно для А. А. Васильева, почти всегда не указывающего место издания работ. — *Науч. ред.*)

Итак, вышеназванные франко-восточные законодательные сборники, или своды, имеют большую ценность как для истории западноевропейского феодализма, так и для истории латинского и греко-византийского Востока, и даже для некоторых областей османского права.

Изучение феодализма в Византии только началось. В 1879 году русский ученый В. Г. Васильевский, в связи со своими рассуждениями о пронии, обронил замечание, что только в эпоху Комнинов и Ангелов можно заметить «действительно *зародыш* * феодального порядка, хотя далеко не всю его систему».[1] По правде говоря, В. Г. Васильевский никогда не писал специальных работ о византийском феодализме. Он даже не мог себе представить, что какой-либо феодальный процесс мог иметь место в Византии до конца XI века, когда на престол взошла династия Комнинов. Конечно, хорошо организованная феодальная иерархия, которая в феодальном обществе Запада создала длинные цепочки сюзеренов, вассалов и подвассалов, никогда не сложилась на Востоке. «Но, — по правильному замечанию Ш. Диля, — существование этой могучей провинциальной аристократии имело в Византийской империи такие же последствия, как в государствах западного средневековья; она каждый раз, когда центральная власть слабела, являлась страшным элементом смуты и разложения».[2]**

*** Курсив принадлежит А. А. Васильеву. Он есть в исходной русской версии. Во втором американском издании в соответствующем месте курсива нет.**

[1] *В. Г. Васильевский.* Материалы для внутренней истории Византийского государства. — ЖМНП, т. 202, 1879, с. 415.

**** Оценка вклада В. Г. Васильевского в разработку вопроса об общественном строе Византии в последующие годы существенно изменилась. Представляется необходимым привести здесь оценку Г. Г. Литаврина подхода В. Г. Васильевского к вопросу о феодализме в Византии. Отметив фразу, которую приводит в своей работе А. А. Васильев, Г. Г. Литаврин далее пишет: «Напомним сделанную выше оговорку — с тех пор прошло более ста лет. Но именно Васильевский впервые в мировой истории поставил на твердую научную почву изучение аграрных отношений в Византии. Первым обосновал он и тезис о феодальном характере общественного строя в Византии. Его проникновенный анализ аграрной, податной, юридической (сложной и многозначной) терминологии византийского актового материала и правовых памятников, как и его разыскания в византийской метрической и монетной (в ее отношении к римской) системах, дал исследователям ключ к уяснению ранее полупонятных или вовсе непонятных документов». (*Г. Г. Литаврин.* Василий Григорьевич Васильевский — основатель Санкт-Петербургского центра византиноведения (1838—1899). — ВВ, т. 55 (80), 1994, с. 18).**

[2] *Ch. Diehl.* Byzance. Grandeur et décadence, p. 178.

Так называемые феодализирующие процессы в области как социальных, так политических и экономических отношений в Византийской империи могут быть наблюдаемы на всем протяжении ее истории.*

От редактора

Текстологический анализ показывает, что разделы о византийском феодализме во втором американском издании работы и в исходной русской версии 1925 г. идентичны между собой почти полностью. В данном случае можно говорить о том, что не менее 95% английского текста представляет собой прямой перевод с русского. Переработка же, о которой говорил А. А. Васильев, заключалась в добавлении примечаний и в некоторых, не всегда на наш взгляд оправданных, сокращениях текста в начале и конце раздела. (Все эти сокращения отмечены и так или иначе восстановлены.) Несколько изменений текста чисто редакторского плана ** есть и в середине данного раздела. По сравнению с исходным русским текстом, версия второго американского издания содержит также пять вставок. Таким образом, к 1952 году А. А. Васильев лишь слегка обновил свой текст середины двадцатых годов, не изменив его по сути.

Последний абзац текста исходной русской версии показывает, что А. А. Васильев прекрасно осознавал неполноту своего очерка. Действительно, многое имеющее непосредственное отношение к византийскому феодализму осталось за пределами его исследования — возникновение и эволюция крупной земельной собственности отличалось бóльшим разнообразием форм и типов, чем это показано у А. А. Васильева. В его очерке полностью отсутствует информация о крестьянской общине и формах феодальной зави-

---

* В исходной русской версии 1925 г. заключительный абзац раздела о византийском феодализме имел несколько иную редакцию: «В настоящем случае я только хотел сделать несколько отрывочных, подчас случайных замечаний о феодализме в Византии с целью показать, что так называемые феодализирующие процессы в области как социальных, так и политических отношений могут быть наблюдаемы в государстве греко-восточных василевсов на всем протяжении его истории, так что дальнейшее изучение документального материала с этой точки зрения может в результате создать совершенно иное представление о государственной структуре империи, чем это было до сих пор. Изучение же экономической жизни Византии в связи с феодализирующими процессами внутри государства, можно сказать, еще не начато».

** А. А. Васильев исключил из текста несколько неудачных в стилистическом отношении фраз.

симости крестьян и путях ее возникновения.* Ничего не сказано у А. А. Васильева о поздневизантийском феодализме и специфике византийского феодализма по отношению к странам Западной Европы.

Последний вопрос в настоящее время более или менее разработан. Именно поэтому, учитывая также специфику некоторых вопросов, рассматриваемых в следующей, заключительной главе книги, представляется необходимым сказать здесь несколько слов о византийском феодализме в целом.

При сопоставлении экономического развития Византии с Западной Европой, нельзя не заметить незавершенности развития феодализма в Византии. В основном это выражалось в двух явлениях — в значительной роли публичного права (то есть государства и сильной центральной власти) и в регулировании рентных отношений между землевладельцем, земледельцем и государством. До самого конца византийской истории римские правоотношения (иными словами — дофеодальные правовые нормы) регулировали в Византии некоторые виды собственности и правоотношений по поводу собственности.** В целом же замедленность экономического развития Византии объяснялась сильным воздействием на общественный строй античного наследия как в области правоотношений по поводу собственности, так и государственного устройства, налоговой системы.

Принципиально важно отметить, что в поздней Византии, по сравнению с Западной Европой, наблюдалось экономическое отставание городов, в которых элементы капиталистического развития не возникли. Это не означает, что соответствующие явления не могли развиться, однако, как известно, история государства прервалась насильственным путем. Непосредственных примеров экономико-правовых отношений в аграрной сфере, которые можно было бы интерпретировать как приближающиеся к капиталистическим, настолько мало, что мы не в состоянии ответить на вопрос, идет ли речь о случайных фактах, или же об определенной тенденции экономического развития.***

---

* Эти проблемы были уже во многом ясны современникам А. А. Васильева. См.: *А. П. Рудаков*. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1997, с. 173—193.

** Незавершенность развития византийского феодализма видна также при сопоставлении типологически близких между Византией и Западной Европой экономических явлений. Так, византийский иммунитет-экскуссия никогда не достигал такого уровня развития, как сходное явление в Западной Европе.

*** См.: *К. В. Хвостова*. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). (Историко-социологический очерк). М., 1968, с. 259.

Специальных исследований по византийскому феодализму, как на русском языке, так и на зарубежных, сравнительно немного. Ниже следует список основных работ на русском языке, дающих картину современного состояния изученности того или иного вопроса византийской экономики. Обстоятельная библиография этих работ содержит отсылки и на зарубежную литературу последних лет:

Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М., 1962;

А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XV вв. М., 1952;

А. П. Каждан. Деревня и город в Византии. IX—X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960;

К. В. Хвостова. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византиии (XIV—XV вв.). (Историко-социологический очерк). М., 1968.

Из коллективных работ хотелось бы отметить главы об экономическом развитии империи во втором и третьем томах «Истории Византии». Все тома этого издания изданы — М., 1967; *

Краткая информация об экономическом и политическом развитии Византии в целом содержится в соответствующих главах трехтомника о византийской культуре.**

Два ценных очерка о византийской экономике и византийском феодализме есть также в следующем издании:

З. В. Удальцова, К. А. Осипова. Формирование феодального крестьянства в Византии. В кн.: История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. М., 1985, с. 387—426;

К. В. Хвостова. Византийское крестьянство в XII—XV вв. В кн.: История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма. М., 1986, с. 210—232.

---

* Во втором томе: *К. А. Осипова.* Аграрные отношения в Византии во второй половине IX—X вв., с. 115—133; *А. П. Каждан.* Экономическое развитие империи в XII—XIII вв., с. 237—261. В третьем томе: *К. В. Хвостова.* Аграрно-правовые отношения в Византии XIII—XV вв., с. 97—108.

** Во втором томе: *Г. Г. Литаврин.* Византийская империя во второй половине VII—XII вв. В кн.: Культура Византии. Вторая половина VII—XII вв. М., 1989, с. 11—35; 638—640 (библиография). В третьем томе — *С. П. Карпов, П. И. Жаворонков.* Особенности социально-экономического и политического развития греческих земель в эпоху политической раздробленности и латинского владычества. В кн.: Культура Византии. XIII—первая половина XV в.; К XVIII Международному конгрессу византинистов 8—15 августа 1991 года (Москва). М., 1991, с. 12—45; 609 (библиография); *Г. Л. Курбатов.* Византия во второй половине XIII—середине XV вв. В той же книге, с. 202—223; с. 610—611 (библиография).

История Византии

Падение Византии

Эпоха Палеологов (1261–1451)

ГЛАВА 3

ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ

Внешняя политика Палеологов

«Константинополь, этот акрополь вселенной, царственная столица ромеев, бывшая с соизволения Божия, под властью латинян, снова очутилась под властью ромеев — это дал им Бог через нас». Такие слова мы читаем в автобиографии Михаила Палеолога, первого государя восстановленной Византийской империи.[1]

Общее положение империи

Территориальные размеры государства Михаила были гораздо меньше, чем пределы Византии в эпоху Комнинов и Ангелов, особенно после первого крестового похода, не говоря уже о более ранней эпохе. В 1261 году империя обнимала северо-восточный угол Малой Азии, бо́льшую часть Фракии и Македонии, Солунь (Фессалонику), некоторые острова в северной части Эгейского моря (Архипелага). Отсюда видно, что Босфор и Геллеспонт, эти в высшей степени важные с политической и торговой стороны водные артерии, входили в состав восстановленной империи. Эпирский деспотат находился от нее в зависимости. В самом начале своего правления Михаил получил в виде выкупа за освобождение Ахайского князя Вильгельма Виллардуэна,* захваченного греками в битве при Кастории, три сильных франкских крепости в Пелопоннесе: Монемвасию, большую скалу, выдающуюся из моря недалеко от древнего Эпидавра, которая «не только является самым живописным местом

---

[1] Imp. Michaelis Palaeologi De vita sua opusculum, VIII. Опубликовано в «Христианском Чтении», 1885, II, с. 535 (греческий текст); с. 556 (русский перевод). Есть французский перевод в следующем издании: *C. Chapman*. Michel Paléologue, restaurateur de l'Empire Byzantin (1261—1282). Paris, 1926, p. 172.

* Сохранена орфография А. А. Васильева по исходной русской версии 1925 года. Хотелось бы отметить, учитывая французское происхождение этого человека, что более правильной представлялась бы передача его имени как Гийом Виллардуэн.

Пелопоннеса, но и имеет блистательную память о героической независимости, ставящую эту крепость высоко в списке крепостей мира»;[1] известный укрепленный замок Мистру и построенную франками в горах Тайгета для борьбы с обитавшими там славянскими племенами Маину. Эти три полученные греками крепости сделались опорными пунктами, откуда войска византийских императоров с успехом выходили против франкских герцогов.

Этому остатку былой великой империи угрожали со всех сторон сильные политически и экономически народности: с востока, со стороны Малой Азии, турки, с севера — сербы и болгары. Венецианцы занимали часть островов Архипелага, генуэзцы — некоторые пункты на Черном море, латинские рыцари — Пелопоннес и часть Средней Греции. Ввиду столь великих опасностей, империя Михаила Палеолога не собрала воедино даже всех греческих центров: Трапезундская империя продолжала жить своей обособленной жизнью; византийские владения в Крыму, а именно Херсонская фема, с прилегавшей к ней областью, так называемыми готскими климатами, попала под власть трапезундских императоров и платила им дань. Эпирский же деспотат находился лишь в некоторой зависимости от восстановленной империи Михаила. Во всяком случае, при Михаиле Палеологе империя достигла наиболее широких пределов, какие она имела в последний период своего существования. Однако эти пределы сохранялись лишь в его царствование, так что Михаил Палеолог, по словам профессора Т. Флоринского, в этом отношении «был первый и вместе с тем последний могущественный император возобновленной Византии».[2] И тем не менее, империя первого Палеолога представляется современному французскому византинисту Ш. Дилю «худосочным, расслабленным, жалким телом, на котором покоилась громадная голова — Константинополь».[3]

Столица, не оправившаяся от разгрома 1204 г., перешла в руки Михаила в состоянии упадка и разрушения; лучшие, наиболее богатые здания стояли разграбленными; церкви были лишены своей драгоценной утвари; Влахернский дворец, ставший со времени Комнинов императорской резиденцией и восхищавший своим богатым убранством и мозаиками, находился в состоянии глубокого запустения, будучи внутри закопчен, по выражению греческого источника, «итальянским дымом и чадом» [4], во время пиров латинских государей и сделался поэтому необитаемым.

---

[1] *W. Miller.* Essays on the Latin Orient. Cambridge, 1921, p. 231.

[2] *Т. Д. Флоринский.* Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в., вып. 1. СПб., 1882, с. 23.

[3] *Ch. Diehl.* L'Empire Byzantin sous les Paléologues. Études byzantines. Paris, 1905, p. 220.

[4] *Georgii Pachymeri* De Michaele Palaeologo, II, 31. Bonn ed., vol. I, p. 161.

Если Византийская империя времени Палеологов не перестает быть первостепенным центром цивилизованного мира, то Константинополь перестает быть одним из центров европейской политики. «После реставрации Палеологов империя имеет почти исключительно местное значение греческого средневекового царства, которое в сущности является продолжением Никейского, хотя вновь обосновалось во Влахернском дворце и облеклось в обветшавшие формы древней Византийской державы».[1] Вокруг этого стареющего организма растут и усиливаются более молодые народы, особенно сербы XIV века при Стефане Душане и османские турки. Предприимчивые торговые итальянские республики, Генуя и Венеция, особенно первая, овладевают всей торговлей империи и ставят последнюю в полную финансовую и экономическую от себя зависимость. Вопрос сводился к тому, кто из этих народов и когда покончит с империей восточных христиан, завладеет Константинополем и будет господствовать на Балканском полуострове. История XIV века решит этот вопрос в пользу турок.

Но если в сфере политической международной жизни Византия эпохи Палеологов занимает второстепенное место, то в сфере внутренней она имеет крупное значение. В эпоху Палеологов можно отметить любопытный факт возрождения в населении греческого патриотизма, с обращением взоров к античной эллинской древности. Так, официально императоры продолжают носить обычный титул «василевса и автократора ромеев», но некоторые выдающиеся люди того времени убеждают василевса принять новый титул «государя эллинов». Чувствуется, что прежняя обширная разноплеменная держава превратилась в скромное по территориальным размерам и в греческое по своему составу государство. В проявленном чувстве эллинского патриотизма XIV—XV веков, в тяготении того времени к славному эллинскому прошлому можно не без оснований видеть одно из начал, откуда выйдет в XIX веке возрождение современной нам Греции. Но, кроме того, эпоха Палеологов, когда в империи причудливо смешались элементы Запада и Востока, отмечена высоким подъемом умственной и художественной культуры, что при полной временами безотрадности внешнего положения и почти непрекращавшейся внутренней смуты может на первый взгляд показаться несколько неожиданным. Византия за это время дала немало ученых и образованных людей, писателей, иногда оригинальных по таланту, в самых разнообразных областях знания. Такие памятники искусства, как мозаики в константинопольской мечети Кахриэ-джами (византийская цер-

---

[1] *Б. А. Панченко.* Латинский Константинополь и папа Иннокентий III. — Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете, т. XXI, 1914, с. 1.

ковь Хоры), в пелопоннесской Мистре и на Афоне позволяют вернее оценить важность художественного творчества при Палеологах. Этот художественный подъем эпохи Палеологов часто сопоставлялся с эпохой начального возрождения искусства в Западной Европе, то есть с эпохой раннего итальянского гуманизма и Возрождения. О всех этих явлениях в области литературы и искусства и о главнейших вопросах, возникавших в связи с ними, будет подробнее сказано ниже, в разделе о византийской культуре в эпоху Палеологов.

Время Палеологов принадлежит к наименее исследованным вопросам византийской истории, причинами чего являются, с одной стороны, чрезвычайная сложность их истории, как внешней, так и особенно внутренней, а, с другой стороны, обилие разнообразных источников, из которых многие к тому же еще не изданы и продолжают находиться среди рукописных сокровищ западных и восточных библиотек. Вплоть до наших дней нет ни одной полной монографии о ком-либо из Палеологов, которая охватывала бы все стороны правления того или иного представителя этой династии. Существующие же работы охватывают, разрабатывают и освещают какую-либо одну сторону их деятельности. Есть одно исключение. В 1926 году вышло короткое и поверхностное, но общего характера, исследование К. Шапмана о Михаиле Палеологе.[1]

Династия Палеологов принадлежит к известной греческой фамилии, давшей Византии, начиная с первых Комнинов, немало энергичных и даровитых людей, особенно на военном поприще, и породнившейся с течением времени с императорскими фамилиями Комнинов, Дуков и Ангелов; вследствие чего первые Палеологи, Михаил VIII, Андроник II, а, может быть, иногда и Андроник III, подписывались четырьмя фамильными именами, например: «Михаил Дука Ангел Комнин Палеолог». Позднее императоры стали подписываться только «Палеолог».[2]

---

[1] *C. Chapman*. Michel Paléologue, restaurateur de l'Empire Byzantin (1262—1282). Paris, 1926. См. также: *Ф. И. Успенский*. История Византийской империи. Т. 3, Л., 1948, с. 607—656.

[2] *П. А. Яковенко*. Исследования в области византийских актов. Акты Нового Монастыря на острове Хиос. Юрьев, 1917, с. 79—80. См. также: *A. Heisenberg*. Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit. München, 1920, S. 26. (Андроник II с двумя фамильными именами) и Таблица III (Андроник II Палеолог); *V. Laurent*. La Généalogie des premiers Paléologues. — Byzantion, vol. VIII, 1933, pp. 125—149. Генеалогическая схема первых Палеологов (XI и XII века), кончая Михаилом VIII и его братьями — с. 146. Некоторое изменение схемы — с. 148—149. Ср. также ненадежные сведения Феодора Спадугино (умер после 1538 г.) о генеалогии Палеологов в: *C. Sathas*. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen Âge, vol. 9. Paris, 1890, p. 175.

Династия Палеологов занимала византийский престол в течение 192 лет (1261—1453), т. е. представляла собой пример самой продолжительной династии на протяжении всей византийской истории.[1] Первый из Палеологов, воссевших на трон распатанной и сильно урезанной Восточной империи, коварный, жестокий, но талантливый и искусный дипломат Михаил VIII (1261—1282), сумевший спасти государство от грозившей ему страшной опасности с Запада, а именно со стороны королевства Обеих Сицилий, передал престол своему сыну Андронику II Старшему (1282—1328), которого, по словам одного английского историка В. Миллера, «природа предназначила в профессора богословия, а случай сделал византийским императором».[2] Андроник II был женат дважды: первая его жена Анна была дочерью угорского (венгерского) короля Стефана V; вторая жена Виоланта-Ирина была сестрой северо-итальянского маркграфа Монферратского, которая после смерти брата сделалась наследницей маркграфства; не будучи в состоянии, как византийская императрица, принять маркграфство, она отправила туда одного из своих сыновей, который и основал в Монферрате династию Палеологов, прекратившуюся лишь в первой половине XVI века.[3]

Андроник* в 1295 году короновал императорской короной своего старшего сына от первой жены Михаила. Михаил скончался в 1320 году, до отца, и часто упоминается в источниках как соправитель отца, император Михаил IX. Начинались переговоры о том, чтобы женить Михаила на Катерине де Куртене (Catherine de Courtenay), дочери титулярного императора Романии (то есть бывшей Латинской империи), и папа был весьма заинтересован в этом проекте,[4] однако в конце концов Михаил женился на армянской принцессе Ксении-Марии.

---

[1] Македонская династия наиболее близка Палеологам по длительности правления — 189 лет.

[2] *W. Miller.* The Catalans at Athens. Rome, 1907, p. 4. См. также: *Idem.* The Latins in the Levant. A History of Frankish Greece (1204—1566). London, 1908, p. 176.

[3] Виоланта-Ирина умерла в 1317 году. См.: *F. Cognasso.* Una crisobolla di Michele IX Paleologo per Teodoro I di Monferrato. — Studi bizantini, vol. II, 1927, p. 43.

* В исходной русской версии имени императора предшествовала следующая его характеристика — «Не обладавший государственными способностями Андроник...»

[4] См. об этих планах: *G. I. Brătianu.* Notes sur le projet de mariage entre l'empereur Michel IX Paléologue et Catherine de Courtenay (1288—1295). — Revue historique du sud-est européen, vol. I, 1924, pp. 59—63; *C. Marinescu.* Tentatives de mariage de deux fils d'Andronic II Paléologue avec des princesses latines. Ibid., vol. I, pp. 139—140.

Сын Михаила IX и внук Андроника II юный Андроник был при жизни отца в течение долгого времени любимцем деда. Но легкомысленный характер молодого Андроника и склонность к любовным приключениям привели к тому, что одно из подобных приключений, закончившееся случайным убийством его брата и повлекшее за собой вследствие этого преждевременную смерть его отца Михаила IX, окончательно изменило отношение деда к внуку. Между ними возгорелась междоусобная борьба. Против Андроника Старшего образовалась сильная оппозиционная партия, первенствующую роль в которой играл знаменитый впоследствии Иоанн Кантакузин, ставший на сторону Андроника Младшего. Гражданская война закончилась в пользу внука, который в 1328 г. захватил неожиданно Константинополь и заставил престарелого Андроника Старшего отречься от престола. Низложенный император, долгое правление которого было временем нового упадка Византии, закончил свою жизнь (в 1332 г.) монахом в одном из монастырей.

Во главе правительства Андроника Младшего (1328—1341) стал главный руководитель восстания против его деда — Иоанн Кантакузин, в руки которого перешли внутреннее управление государством и иностранные дела. Сам новый император, предаваясь отчасти по-прежнему веселью и охотничьим прогулкам и не чувствуя склонности к занятию государственными делами, принимал, тем не менее, личное участие в многочисленных внешних войнах, которые были в его царствование. Между тем, исключительное по влиянию положение в государстве, занятое Кантакузином, не удовлетворяло последнего, так как целью его было подготовить для себя путь к императорскому трону или, по крайней мере, к полновластному регентству. Эта мысль занимала его в течение всех 13 лет правления Андроника и являлась руководящей нитью всей его деятельности. Мать Андроника, вдова Ксения-Мария, и вторая супруга его, западная принцесса Анна Савойская,[1] относились весьма недоброжелательно к всепоглощающему влиянию Кантакузина. Однако, последний при помощи ряда интриг сумел удержать свое положение до самой смерти Андроника.

После смерти Андроника III в 1341 г. его старшему сыну, новому императору, Иоанну V, минуло едва одиннадцать лет. Вокруг трона несовершеннолетнего государя за обладание влиянием и властью возгорелась долгая, гибельная для и без того ослабевшей империи междоусобная война, главную роль в которой играл Иоанн Кантакузин. Против него создалась сильная партия из вдовы покойного императора Анны Савойской, объявленной правительницей, ее сторонника, бывшего ставленника Кантакузина, алчного и

---

[1] Первый брак Андроника III с немецкой принцессой Ириной был бездетным.

властолюбивого Апокавка, получившего главную власть, патриарха и некоторых других лиц. Характерной чертой междоусобной распри XIV века является участие в ней, то на одной, то на другой стороне, иноземных народов, преследовавших свои политические цели, а именно сербов, болгар и особенно турок, сельджуков и османов. Уже несколько месяцев спустя после смерти Андроника III Кантакузин в одном из городов Фракии провозгласил себя императором (Иоанн VI). Вскоре после этого в Константинополе было устроено торжественное коронование Иоанна V Палеолога. В империи появилось два императора. Кантакузин, нашедший сильную опору в турках (за одного османского султана Кантакузин выдал замуж даже свою дочь), одержал верх. Главный его соперник Апокавк был в это время убит в Константинополе. Как бы дополнением к упомянутой церемонии провозглашения послужила коронация Кантакузина, совершенная в Адрианополе Иерусалимским патриархом, который возложил на голову нового императора золотую корону. После этого столица открыла ему ворота. Правительница Анна Савойская должна была уступить, и Кантакузин был признан императором наравне с Иоанном Палеологом. Вскоре последовала новая коронация Кантакузина, дочь которого Елена была выдана замуж за юного Палеолога. Честолюбивые замыслы Кантакузина исполнились.

В том же году (1347), когда столица открыла ворота Кантакузину, в Риме на короткое время во главе правления встал знаменитый мечтатель, увлеченный воспоминаниями о былой славе Римской республики, трибун Кола ди Риенцо, к которому Кантакузин отправил посольство с поздравительным письмом по случаю достижения им власти над Римом.[1]

Бурное правление Кантакузина, во время которого Иоанн Палеолог был отодвинут на задний план, протекало в тесной связи с международными отношениями эпохи, о чем речь будет ниже. В своей же личной политике Кантакузин стремился к полному устранению Палеолога; он провозгласил своего сына императором, объявил его соправителем и наследником и запретил поминать имя Иоанна Палеолога в церквах и на общественных торжествах. Однако, влияние Кантакузина в населении все более и более ослабевало; последний удар его популярности был нанесен фактом утверждения турок в Европе. Иоанн Палеолог, при содействии генуэзцев, в конце 1354 г. вступил в Константинополь. Кантакузин вынужден был отречься от престола, после чего он постригся в монахи под именем Иоасафа и провел последнюю часть своей

---

[1] Epistolario di Cola di Rienzo. Ep. XXXI. Ed. A. Gabrielli. Roma, 1890, p. 106. (Fonti per la storia d'Italia. Epistolari, sec. XIV, n. 6).

жизни за составлением своих интересных мемуаров.[1] В одной из греческих рукописей Парижской Национальной Библиотеки сохранились две интересных миниатюры с изображением Кантакузина; на второй из них Кантакузин, одетый в свой императорский наряд, представлен рядом со своим же изображением в монашеском одеянии. Сын его также отрекся от престола.

Сделавшийся, наконец, единодержавным императором, Иоанн V Палеолог получил, особенно после опустошений междоусобной войны и внешних неудач, весьма жалкое наследство. «Несколько островов, — по словам проф. Флоринского, — и одна провинция (Фракия), вконец разоренная и обезлюдевшая, в одном конце которой, у самой столицы, гнездились хищные генуэзцы, а с другого поднимался могущественный турецкий колосс: вот та империя, которой ему приходилось править».[2]

Но этим семейные злоключения Иоанна V не кончились. Он разошелся со своим старшим сыном Андроником, который в 1376 г., при помощи генуэзцев, низложил отца, короновался как Андроник IV (1376—1379) и сделал соимператором своего сына Иоанна. Престарелый Иоанн V и его любимый сын и будущий император Мануил были посажены в темницу. Однако, в 1379 г. Иоанну V удалось бежать из заключения и, при помощи турок, снова вернуть себе трон. Между отцом и Андроником состоялось соглашение, продолжавшееся до смерти последнего (в 1385 г.). После этого Иоанн V, минуя своего внука, упомянутого Иоанна, короновал соимператором своего сына Мануила.

Наконец, в самом конце правления Иоанна V против него поднял восстание его внук. В 1390 г. Иоанн Младший захватил Константинополь и правил там, но только несколько месяцев, под именем Иоанна VII. Новые документы из архивов Венеции показывают, что восстание Иоанна в 1390 г. было организовано султаном Баязидом. Венецианский сенат, как всегда хорошо осведомленный о ситуации в Константинополе благодаря своим купцам, судя по всему, считал вполне вероятным, что Баязид в этой ситуации будет на византийском троне. Как бы там ни было, инструкции венецианским послам, отправленным в Константинополь в 1390 г., звучали так: «Если вы найдете сына Мурада [Баязида] * в Константинополе, вы должны постараться добиться от него снятия секвестра с венецианских кораблей».[3] Благодаря деятельному

---

[1] Иоанн Кантакузин умер в 1383 г.

[2] *Т. Д. Флоринский.* Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века, вып. I, с. 135.

* Пояснение в скобках принадлежит А. А. Васильеву.

[3] См.: *M. Silberschmidt.* Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des Türkischen Reiches. Leipzig, Berlin, 1923, S. 66—68.

Мануилу, Иоанн V был восстановлен на престоле. Он, однако, умер в начале 1391 г. после продолжительного, бурного и несчастного царствования. Императором сделался его сын Мануил.

Новый император незадолго до своего вступления на престол женился на Елене, дочери владетеля северной Македонии Константина Драгоша (Драгаса), славянке, или, как сказал К. Иречек: «единственной сербке, которая стала византийской императрицей».[1] Последняя дала Мануилу шесть сыновей, из которых двое сделались последними византийскими императорами: Иоанн VIII и Константин XI, часто носящий славянскую фамилию своего деда по матери Драгоша (Драгаса). Отсюда видно, что два последних Палеолога на императорском троне были полуславянами. Изображение Елены, прозванной Палеологиней, дошло до нас на прекрасной миниатюре одной из ценных рукописей Лувра в Париже. На миниатюре император Мануил, его жена Елена и трое его сыновей коронуются Девой Марией. Рукопись является одной из жемчужин Лувра. Она содержит сочинения св. Дионисия Ареопагита и была послана в Париж Мануилом через несколько лет после его возвращения в Константинополь из Парижа.[2] Другой портрет Елены сохранился на свинцовой печати, или моливдовуле.[3]

Красивый, благородный, прекрасно образованный и одаренный литературным талантом Мануил еще с юных лет, при жизни отца, остро почувствовал весь ужас положения империи и всю унизительную тяжесть грядущего для него государственного наследства. Получив от отца в управление Фессалонику, он вошел в сношения с населением македонского города, захваченного войсками султана Мурада, в целях избиения турецкого гарнизона и освобождения города от турецкого ига. Султан узнал об этом и собрался жестоко наказать правителя Фессалоники. Не будучи в состоянии оказать сопротивление надвигавшейся грозе, Мануил, после бесполезной попытки найти убежище у испуганного отца, направился прямо в резиденцию Мурада и принес ему раскаяние в своем поступке.

---

[1] *C. Jireček*. Die Wittwe und die Söhne des Despoten Esau von Epirus. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. I, 1920, S. 4. Генеалогическая таблица 6. К концу жизни Елена приняла постриг под именем Ипомены. Многие историки называют мать Константина XI не Еленой, а Ириной.

[2] Миниатюра эта воспроизводилась часто. — См., например: *S. Lampros*. Εἰκόνες Ἰωάννου Η' τοῦ Παλαιολόγου. — Νέος Ἑλληνομνήμων, t. IV, 1907, pp. 386—387; *Idem*. Empereurs byzantins. Catalogue illustré de la collection de portraits des empereurs de Byzance. Athènes, 1911, p. 53; *G. Schlumberger*. Byzance et Croisades. Paris, 1927, pp. 146—147, planche IV. И отдельно в тексте — p. 145.

[3] *Б. А. Панченко*. Каталог моливдовулов коллекции Русского Археологического Института в Константинополе, т. 1. София, 1903. с. 133 (№ 380).

«Безбожный, но разумный», по словам источника, султан благосклонно принял пришельца, провел с ним несколько дней и, на прощанье снабдив дорожными припасами и богатыми подарками, отправил его обратно к отцу с письмом, в котором просил отца «простить сыну то, что он по неведению соделал». В своей же напутственной речи Мануилу, по сообщению того же источника, Мурад будто бы между прочим сказал: «Управляй с миром тем, что тебе принадлежит, и не ищи чужого. Если же у тебя будет какая-либо нужда в деньгах или в другом содействии, я всегда с радостью буду готов исполнить твою просьбу».[1]

В другой раз преемник Мурада Баязид потребовал от Иоанна V, вместе с присылкой условленной дани, отправки к нему Мануила с вспомогательным отрядом греческих солдат. Мануил должен был подчиниться и принять участие в грабительской экспедиции турок по различным областям Малой Азии. Испытанное унижение, полное бессилие избавиться от него и лишения похода ясно чувствуются в письмах Мануила за это время. Описав в одном письме голод, холод, утомление и переход через горы, «где даже дикие звери не могли бы питаться», Мануил делает полное трагизма замечание: «все это переносится сообща со всем войском; но вот что нестерпимо для нас: ведь мы сражаемся с ними и за них; а это значит увеличивать их силу и уменьшать силу нашу».[2] В другом письме, по поводу встречавшихся во время похода разрушенных городов, Мануил писал: «На мой вопрос, как эти города назывались, те, кого я спрашивал, отвечали: как мы их уничтожили, так время уничтожило их название; и тотчас же меня охватывает печаль; но я печалюсь молча, будучи еще в силах сдерживать свои чувства».[3] В таких условиях унижения и раболепства перед турецкими варварами пришлось жить Мануилу до вступления на престол.

Благородная сторона его натуры особенно проявилась в выкупе отца его Иоанна V из рук венецианцев, которые, при возвращении императора из Италии, о чем речь будет ниже, задержали его в Венеции за неуплату в срок взятой в долг суммы денег. В то время как старший сын Иоанна Андроник, управлявший в отсутствие отца государством, оставался глух к мольбам отца собрать нужную сумму, Мануил быстро сделал это и, отправившись лично в Венецию, выкупил отца из позорного плена.

После долгого и тяжелого царствования Мануил в последние годы жизни удалился от государственных дел, вручив ведение последних сыну Иоанну и посвятив все свое время изучению

---

[1] *Georgii Phrantzae* Annales, I, 11, Bonn ed., pp. 48—49.

[2] Lettres de l'empereur Manuel Paléologue. Publiées par E. Legrand. Paris, 1893, pp. 28—29 (n. 19).

[3] Ibid., p. 23 (письмо 16).

Священного Писания. Вскоре после этого императора постиг удар; за два дня до смерти он постригся в монахи под именем Матфея.

Сын и преемник его Иоанн VIII царствовал с 1425 по 1448 г. Новый император был женат трижды, и все три его супруги принадлежали к различным национальностям. Первой супругой Иоанна была юная русская княжна Анна, дочь великого князя Московского Василия I, прожившая в замужестве всего три года, успевшая за этот короткий срок сделаться любимицей столичного населения и ставшая жертвой морового поветрия. Вторая супруга Иоанна была итальянка, София Монферратская, обладавшая, при высоких духовных качествах, настолько непривлекательной внешностью, что вызывала в Иоанне отвращение к себе; описав ее наружность, византийский историк Дука приводит народную поговорку его времени: «спереди пост, а сзади пасха».[1] Не сумев вынести своего унизительного положения при дворе, София, при помощи галатских генуэзцев, бежала, к удовольствию супруга, в Италию, где и закончила дни в монастырском уединении. Третью супругу Иоанн нашел себе в лице трапезундской принцессы из дома Комнинов, Марии, «отличавшейся красотой и обаянием».[2] Эта обаятельная женщина, привлекательность которой отмечена как у византийского историка, так и у проезжавшего через Константинополь в то время французского паломника ко святым местам, восхищенного василиссой при ее выходе из храма Св. Софии,[3] пользовалась до самой своей смерти большим влиянием на императора. Умерла она раньше Иоанна. До сих пор еще существует на одном из Принцевых островов (около Константинополя) небольшая часовня Св. Девы, построенная красавицей императрицей из Трапезунда.

У Иоанна VIII ни от одной из трех супруг не было детей. Когда осенью 1448 г. он умер, поднялся вопрос о преемнике. Тогда находившаяся еще в живых императрица-мать, жена Мануила II, братья покойного императора и высшие сановники Константинополя остановили свой выбор на Константине, одном из братьев Иоанна VIII, бывшим в то время морейским деспотом. Об избрании нового императора было доведено до сведения султана, который одобрил кандидата. После этого в Морею была отправлена депутация, которая и объявила Константину о его избрании на гибнувший трон когда-то великой Византии. В начале 1449 г. в средневековой Спарте, т. е. в Мистре, где находилась резиденция

---

[1] *Michaeli Ducae* Historia byzantina, cap. XX, Bonn ed., p. 100.

[2] Ibid., p. 102.

[3] Le Voyage d'outremer de Bertrandon de la Broquière, publié et annoté par Ch. Schefer. Paris, 1892, p. 155. (Recueil de voyages et de documents pour servir à l'histoire de la géographie, t. XII).

деспота, была совершена коронация последнего византийского императора, который вскоре после этого на каталонском судне прибыл в Константинополь и с торжеством был встречен населением.

Долгое время считалось, что Константин XI был коронован мирянином. Теперь, однако известно, после публикации сочинений Иоанна Евгеника С. Ламбросом, что коронация Константина XI никогда не была осуществлена. Церковь требовала, чтобы коронация была бы осуществлена патриархом, однако, она была, вероятнее всего, отложена из-за антагонизма между сторонниками и противниками объединения церквей.[1]

Обе супруги Константина из латинских фамилий, обосновавшихся на христианском Востоке, — первая из фамилии Токко (Тоссо), вторая из известной генуэзской династии на острове Лесбосе Гаттилусио (Gattilusio), — умерли еще до избрания Константина на престол. Переговоры же о третьей супруге новому императору на Западе и Востоке, например, в Венеции, Португалии, Трапезунде и Иверии (Грузии), закончились ничем. Падение Константинополя и смерть Константина помешали осуществлению этих брачных планов. Его доверенный друг и дипломат, историк эпохи Палеологов, Георгий Франдзи оставил нам в своей истории интересное описание миссии найти для императора невесту в Трапезунде и Иверии.[2] Современный нам историк Ш. Диль замечает, что, несмотря на давнее существование брачных связей между византийскими императорами и западными принцессами, в последний критический момент империи взоры последнего императора обратились в поисках супруги к более им близкому, понятному и родственному Востоку.[3]

Константин XI погиб при взятии Константинополя турками в мае 1453 г. На месте христианской восточной монархии основалась сильная военная держава османских турок.

Из братьев, переживших Константина, Димитрий Палеолог попал в плен Мехмеду II, который женился на его дочери; умер Димитрий в Адрианополе монахом, под именем Давида. Другой брат Фома окончил жизнь в Италии, лелея мечту о крестовом походе против турок и найдя у папы материальную поддержку для собственного существования. Сын его Андрей, ставший уже

---

[1] См.: *P. Charanis*. The Crown Modiolus Once More. — Byzantion, vol. XIII, 1938, p. 379; 381—382. В библиографии указаны литература и источники. В 1938 г. Ф. Дёльгер писал, что Константин XI был коронован мирянином. (Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXXVIII, 1938, S. 240). В 1940 г. Г. А. Острогорский писал, что Константин был коронован в Морее. (Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940, S. 408).

[2] *Georgii Phrantzae* Annales, III, 1. Bonn ed., p. 206 ff.

[3] *Ch. Diehl*. Figures byzantines, vol. II, Paris, 1908, pp. 289—290.

Мануил Палеолог с женой и сыном. Миниатюра из греческой рукописи, хранящейся в Лувре.

католиком, являлся единственным законным представителем династии Палеологов, имевшим права на утраченный византийский престол. До нас дошел любопытный документ, на основании которого Андрей Палеолог будто бы передавал свои права на империю Константинопольскую и Трапезундскую и на сербский деспотат французскому королю Карлу VIII. Последний, предпринимая в конце XV века свой поход на Неаполь, думал, что его итальянская экспедиция явится лишь началом для его дальнейших завоеваний, а именно Константинополя и Иерусалима, что указывает на существование мечтаний о крестовом походе в конце XV века. Вероятно, акт передачи упомянутых прав Карлу VIII остался лишь проектом, так как позднее Андрей Палеолог уже передавал свои права на византийский престол Фердинанду и Изабелле Испанским.[1] Конечно, подобные передачи прав на Византию никаких реальных результатов не имели.

Дочь Фомы Палеолога и сестра только что упомянутого Андрея Зоя была выдана замуж за далекого великого князя Московского Ивана III * и известна в русских источниках под именем Софии Палеолог. В. О. Ключевский писал в этой связи: «[брак Ивана и Софьи получал значение политической демонстрации, которой заявляли всему свету, что] ** царевна, как наследница павшего византийского дома, перенесла его державные права в Москву, как в новый Царьград, где и разделяет их со своим супругом».[2]

Москву стали сравнивать с «семихолмным Римом» и называть «третьим Римом». Великий князь Московский стал «царем всех православных», а Москва, столица русского государства, стала «новым городом Константина» (то есть новым Константинополем-Царьградом).[3] Русский автор начала XVI века, монах Филофей, писал: «Два убо Рима падоша. А третий стоит. А четвертому не

---

[1] См.: *А. А. Васильев*. Передача Андреем Палеологом прав на Византию французскому королю Карлу VIII. — Сборник в честь Н. И. Кареева. СПб., 1914, с. 273—274. Текст документа — Mémoires de l'Académie royale des inscriptions et des belles-lettres, vol. XVII, Paris, 1751, pp. 572—577. Русский перевод в указанной работе А. А. Васильева — с. 275—278.

* Орфография у А. А. Васильева — Иоанн. Более принято для московских князей написание — Иван.

** Слова, стоящие в скобках, у А. А. Васильева отсутствуют. Между тем, они представляются важными как сами по себе, так и в связи с мыслями, высказываемыми в следующем абзаце.

[2] *В. О. Ключевский*. Сочинения в девяти томах. Т. II. Курс русской истории. Часть II. М., 1988, с. 114.

[3] См.: *H. Schaeder*. Moskau das Dritte Rom. Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der slavischen Welt. Hamburg, 1929, S. 36—37. (Автор прекрасно знает русские источники.)

быти».[1] Папа призывал преемника Ивана III защищать свои права на «наследие Константинополя».[2] Таким образом, падение Византийской империи и брак Ивана III с Софьей Палеологиней лежат в основе вопроса о правах московских государей, представителей и защитников восточного православия, на трон византийских василевсов, попавший в руки турок османов в 1453 г.

Внешняя политика Михаила VIII

Византия и Королевство Обеих Сицилий. Карл Анжуйский и Сицилийская Вечерня. Центральное место во всей внешней политике Михаила VIII занимают его отношения к королевству Обеих Сицилий; в связи с последними развиваются и принимают известные формы его отношения к итальянским республикам — Генуе и Венеции — и к папской курии. Отношения к туркам на востоке также находятся в зависимости от западной политики.

Как уже было рассказано выше, в конце XII века германский государь Генрих VI Гогенштауфен, сын Фридриха Барбароссы, благодаря своему браку с норманской принцессой Констанцией, наследницей норманского государства в Южной Италии и Сицилии, объединил королевство Обеих Сицилий под своей властью и вместе с тем унаследовал всю упорную вражду норманнов к Византии и их завоевательные планы. Соединение королевства Обеих Сицилий с Германией продолжалось до 1250 г., когда умер Фридрих II Гогенштауфен, после смерти которого его побочный сын Манфред сделался королем сицилийским; в Германии же воцарился на короткое время законный сын Фридриха Конрад IV. Под управлением Манфреда, заботившегося не только о материальных, но и о духовных интересах своего государства, Сицилия наслаждалась глубоким миром; двор его был самым блестящим двором того времени; иностранные государи с уважением относились к Манфреду, и бежавший из Константинополя последний латинский император Балдуин II обращался к нему за помощью о возвращении утерянного трона. В отношении Византии Манфред усвоил политику своих предшественников, которая должна была серьезно беспокоить Михаила VIII, особенно со стороны возможной латинской реставрации в Константинополе. Только что было отмечено, что лишившийся престола Балдуин II уже появился при дворе Манфреда с определенными планами и мольбами. Кроме того, подеста́

---

[1] *В. Малинин.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901, приложения, с. 42, 45.

[2] См. подробно: *L. P. Pierling.* La Russie et le Saint-Siège. Paris, 1896, vol. I, pp. 221—239. См. также интересный текст в: *N. Iorga.* Byzance après Byzance. Bucharest, 1935, p. 26 et note 5.

(главный представитель) живших в Константинополе генуэзцев, которые в то время пользовались совершенно исключительно благоприятными условиями торговли в Византии, вступил в сношения с Манфредом и предлагал план внезапного овладения Константинополем и восстановления в нем латинского господства. Узнав об этом, разгневанный Михаил VIII выслал генуэзцев из столицы и завязал сношения с Венецией, результатом которых был новый договор с республикой св. Марка, восстанавливавший и подтверждавший прежние привилегии венецианцев и обязывавший последних совместно с греками выступить против генуэзцев, если последние откроют военные действия против империи.

Но каких-либо реальных действий против Византии Манфред проявить не успел, так как погиб жертвой папской интриги. Папы, видя, что сила Гогенштауфенов после смерти Фридриха II, непримиримого врага папства, ослабла, решили в лице Манфреда нанести ненавистной династии окончательный удар. Исполнителем папских планов явился Карл Анжуйский, брат французского короля Людовика IX Святого. Но папа, призывая Карла занять Сицилийское королевство, имел в виду не только уничтожение Гогенштауфенов, но и ту помощь, которую Карл даст для восстановления Латинской империи на Востоке; по крайней мере, папа выражал надежду, что при помощи Карла «положение империи Романии будет исправлено» (imperii Romani status reformabitur).[1]

Принимая предложение папы вмешаться в южно-итальянские дела, Карл Анжуйский открывал этим эру французских походов в Италию, — эру, столь гибельную для насущных интересов Франции, которая в течение нескольких веков должна была тратить свою энергию и средства на Италию, вместо того, чтобы направлять свои силы и внимание на ближайшие соседние страны, например, на Нидерланды и на Рейн.

Существует немного крупных исторических фигур, которые бы изображались историками в столь мрачных красках и, может быть, не совсем правильно, как Карл Анжуйский. После ряда работ о нем можно теперь навсегда покончить с легендой, которая делала из него настоящего тирана, «жадного, хитрого и злого, готового всегда потопить в крови малейшее сопротивление».[2] Обращаясь к Карлу, папы, по-видимому, не учли отличительных черт в его

---

[1] См.: *E. Martene, U. Durand.* Thesaurus novus anecdotorum, vol. II. Paris, 1717, p. 197; *E. Jordan.* Les Registres de Clément IV (1265—1268). Paris, 1893, p. 61—62 (n. 224); *W. Norden.* Das Papsttum und Byzanz. Die Trennung der beiden Mächte und das Problem ihrer Wiedervereinigung bis zum Untergange des byzantinischen Reichs 1453. Berlin, 1903, S. 444, note 1.

[2] *E. Jordan.* Les Origines de la domination angevine en Italie. Paris, 1909, pp. 410; 414—415.

характере, которые отнюдь не позволяли думать, чтобы он согласился быть лишь простым орудием в руках другого. Это был выдержанный, энергичный, временами суровый до жестокости правитель, не лишенный вместе с тем некоторой веселости, любви к турнирам и влечения к поэзии, искусству и науке и не желавший сделаться игрушкой в руках пригласившего его в Италию папства.

Явившись с войском в Италию, Карл разбил Манфреда при Беневенте (1266 г). Манфред погиб, после чего Сицилия и Неаполь перешли во французское владение. Новым королем Обеих Сицилий стал Карл Анжуйский. Французы толпами стали покидать свою родину и тысячами переселяться в новые владения Карла, где в целом условия для жизни были прекрасны.[1]

Вскоре после этого ясно проявилось отношение Карла к Византии. Он с согласия и в присутствии папы заключил в Витербо, небольшом итальянском городке на севере от Рима, с изгнанным латинским императором Балдуином II договор, по которому последний передал Карлу право на верховную власть над всеми франкскими владениями в прежней Латинской империи, выговорив себе лишь Константинополь и несколько островов в Архипелаге, для отвоевания которых от ромеев ему должен был помочь Карл. Норманские притязания на Византию снова таким образом ожили в полной мере при французском владычестве в королевстве Обеих Сицилий.

Михаил VIII, понимая всю грозу надвигавшейся против него опасности, прибегнул к целому ряду искусных дипломатических шагов. С одной стороны, путем переговоров с папой об унии между восточной и западной церквами, Михаил как бы отвлекал его от тесного сотрудничества с Карлом и заставлял желать примирительного направления в отношении к Византии. С другой стороны, Михаил решил примириться с генуэзцами, которые, как было упомянуто выше, имели намерение, вступив в сношения с Манфредом Сицилийским, передать Константинополь латинянам, за что и были изгнаны из столицы. Генуэзцы получили разрешение вернуться в Константинополь, где им был отведен определенный квартал не в самом городе, а в его предместье Галате, по ту сторону Золотого Рога. Последнее обстоятельство не помешало генуэзцам возвратить себе все прежние торговые привилегии, расширить сферу своей торговой деятельности и оттеснить на второй план своих соперников венецианцев. Один генуэзец, например, из фамилии Цаккариа, получив от императора право на разработку богатейших квасцовых залежей в горах около малоазиатского города Фокеи (по-итальянски

---

[1] См. восторженное описание итальянских владений Карла: *F. Carabellese*. Carlo d'Angiò nei rapporti politici e commerciali con Venezia e l'Oriente. Bari, 1911, pp. XXVIII—XXX (посмертно изданное сочинение автора).

Фоджа, Фолья), лежащего при входе в Смирнский залив, создал себе колоссальное состояние.[1] В результате на всем византийском Востоке при Палеологах Генуя заняла место Венеции.

Между тем, Карл Анжуйский занял остров Корфу, сделав этим первый шаг в выполнении своего плана нападения на Византию. Тогда Михаил VIII, в видах большей успешности своей согласительной политики с папой и в надежде хоть несколько повлиять на наступательную в отношении Византии политику Карла Анжуйского, обратился к брату последнего, французскому королю Людовику IX Святому, наиболее благочестивому, справедливому и уважаемому государю того времени, которого, незадолго до обращения к нему Михаила, уже просила Англия в качестве третейского судьи решить сложные вопросы английской внутренней жизни. Обстоятельства складывались так, что Людовик IX снова приглашался в роли посредника сыграть важную роль на этот раз в истории Византии. В конце шестидесятых годов византийские послы прибыли во Францию «в виду предстоящего объединения Греческой и Римской церкви». Михаил предложил французскому королю «быть арбитром условий объединения церквей и заранее заверил его в своем полном согласии».[2]

Известно, что вначале Людовик IX не одобрял решения его брата Карла завоевать Южную Италию, и только позднее он как бы примирился со свершившимся фактом, по всей вероятности, потому, что его успели убедить в полезности этого для будущего крестового похода. Кроме того, и планы Карла завоевать Византию встретили в Людовике также отрицательное отношение, так как, если бы главнейшие силы Карла были направлены на Константинополь, то этим самым они не были бы в состоянии принять должного участия в крестовом походе ко святым местам, идеей о котором был так увлечен сам Людовик. Сообщенное же Людовику через посольство решение Михаила просить выступить в качестве третейского судьи в вопросе о соединении церквей и обещание императора всецело подчиниться его решению также склоняли французского короля, ревностного католика, на сторону византийского императора.

Трудно было ожидать, что давление со стороны Людовика могло оказать действительное воздействие на воинственно настроенного брата в смысле отказа последнего от завоевательных планов на

---

[1] *W. Heyd.* Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Leipzig, 1885, vol. I, p. 438; *W. Miller.* The Zaccaria of Phocaea and Chios (1275—1329) in: W. Miller. Essays on the Latin Orient. Cambridge, 1921, pp. 284—285. См. также весьма важную монографию: *R. Lopez.* Genova Marinara nel duecento. Benedetto Zaccaria, ammiraglio e mercante. Messina, Milano, 1933, vol. II, pp. 23—61.

[2] *J. Ebersolt.* Orient et Occident. Recherches sur les influences byzantines et orientales en France pendant les Croisades. Paris, 1929, p. 34.

империю. Но что несколько задержало Карла в его военных действиях против Византии, это второй крестовый поход Людовика в Тунис, задевавший интересы Карла на Западе. Вопрос об отношении Карла к возникновению этого похода является спорным.[1] Неожиданная смерть Людовика в Тунисе (1270 г.) разрушила надежды Михаила на его содействие. Византийские послы, незадолго до смерти Людовика прибывшие в Тунис для переговоров, должны были уехать обратно «с пустыми, — по словам греческого источника, — от обещаний руками».[2] Явившийся в Тунис Карл двумя блестящими победами принудил тунисского эмира заключить с ним мир на условии возмещения военных издержек и уплаты Карлу ежегодной дани, после чего он снова решил приняться за осуществление своего плана нападения на Византию. Но на обратном пути из Туниса страшная буря уничтожила бóльшую часть флота Карла, так что он, по крайней мере, на некоторое время, казалось, был лишен возможности предпринять против Византии наступление в столь широких размерах, как он предполагал раньше.

Однако, в начале семидесятых годов Карл смог уже отправить значительное наемное войско в Пелопоннес, именно в Ахайю, где оно с успехом боролось с находившимися там императорскими войсками. Кроме того, в то же время Карл сумел утвердиться на Балканском полуострове, взяв несколько укрепленных пунктов, во главе с Диррахием (Дураццо, Драчем), по восточному побережью Ионийского моря; нагорные албанские племена покорились Карлу, и деспот эпирский присягнул ему на верность. После этого неаполитанский король стал величать себя государем Албании (regnum Albaniae).[3]

В одном документе он называет себя «Божьей милостью король Сицилии и Албании» (Dei gratia rex Sicilie et Albanie).[4] В одном письме Карл пишет, что албанцы «избрали нас и наших наследников в короли и вечные владыки названного государства» (nos et heredes nostros elegerunt in reges et dominos perpetuos dicti Regni).[5]

---

[1] См.: *E. Lavisse.* Histoire de France depuis les origines jusqu'à la révolution, vol. III, (2), pp. 101—102; *W. Norden.* Das Papsttum und Byzanz... S. 468.

[2] *Georgii Pachymeris* De Michaele Paleologo, V, 9. Bonn ed., vol. I, p. 364.

[3] *К. Јиречек.* Положај и прошлост граа Драча. Гласник Српског Географског Друштва I, св. 2, 1912, с. 6. По-немецки — *L. von Thalloczy.* Illyrisch-albanische Forschungen. München, Leipzig, 1916, S. 161.

[4] *P. Durrieu.* Les Archives angevines de Naples. Étude sur les registres du roi Charles Ier, Paris, 1886, p. 191, note 5. (Biblilothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome, vol. 46); Acta diplomata res Albaniae mediae aetatis illustrantia. Collegerunt et digesserunt L. von Thalloczy, C. Jireček, E. de Sufflay. Vienne, 1913, vol. I, p. 77, note 270.

[5] *J. A. Buchon.* Nouvelles recherches historiques sur la Principauté de Morée, vol. II, Paris, 1845, p. 317.

Итальянский историк XX века замечает в связи с этим: «Когда деятельность Карла становится лучше изученной и известной, он выступает в истинном свете, как дальний предшественник политической и гражданской независимости албанского народа, которая и в начале XX века кажется мечтой, смутным и неясным устремлением».[1] Но Карл этим не удовлетворился. Он обратился к сербам и болгарам, в которых нашел усердных союзников. Посланники «imperatoris Vulgarorum et regis Servie» * появились при его дворе.[2] Множество южных славян стали к нему вступать на службу и переселяться на итальянскую почву. Один русский ученый, хороший знаток итальянских архивов, извлекший из них много сведений о славянах (В. Макушев), писал, что, несмотря на отрывочность сведений, «по ним можно судить о ходе славянских поселений в Южной Италии и о многочисленности славян, стекавшихся со всех сторон юго-славянского мира на службу Анжуйцев... Славянские поселения в Южной Италии с XIII по XV век постоянно увеличиваются: основываются новые, разрастаются старые».[3] В одном памятнике 1323 г. в Неаполе упоминается «квартал, который называется болгарским» (vicus qui vocatur Bulgarus).[4] Сербские и болгарские послы прибыли для переговоров в Неаполь. Отсюда видно, какая серьезная опасность угрожала Византии со стороны славяно-французских союзников. Более того, Венеция, которая занимала самое важное место в политической, экономической и торговой жизни государства Карла, была с ним в дружеских отношениях и в данный момент поддерживала его империалистическую политику на Востоке.[5] К тому же, низложенный и ослепленный Михаилом VIII последний Никейский император Иоанн IV Ласкарь, бежав из византийской темницы, явился по приглашению Карла к его двору.[6]*

---

[1] *F. Carabellese*. Carlo d'Angiò... p. XL. Строчки эти написаны в 1911 г.

* То есть — «императора Болгар и царя Сербии».

[2] C. Jireček. Geschichte der Serben. Gotha, 1911, Bd. I, S. 323.

[3] *В. Макушев*. Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории. т. II. СПб., 1871, с. 67—68.

[4] *В. Макушев*. Там же, с. 69; *К. Иричек*. История Болгар. Одесса, 1878, с. 363.

[5] По поводу Венеции см.: *F. Carabellese*. Carlo d'Angiò... pp. XXXIV—XXXVIII; 106—142.

[6] К сожалению, в книге Ф. Карабеллезе не изложены систематически отношения между Карлом и Михаилом Палеологом. На с. 29 автор пишет: «О большом количестве документов, опубликованных и неопубликованных, которые относятся к Палеологу, мы будем говорить позже». Я думаю, что автору просто не хватило времени для того, чтобы выполнить эту задачу.

* В исходной русской версии (с. 25) далее следует целый абзац, который не был включен А. А. Васильевым в тексты последующих пере-

Но искусный в политике Карл встретил не менее искусного политика в лице Михаила, направившего главное внимание на папскую курию, которой он обещал соединение церквей. Папа Григорий X охотно пошел навстречу желанию императора, может быть, не столько под влиянием все усиливавшегося могущества Карла, которое также, конечно, могло его устрашать, сколько в силу своего искреннего желания установить церковный мир и единство и получить надежду на освобождение Иерусалима. Конечно, в подобной мирной политике сближения с восточной церковью Григорий X встречал целый ряд препятствий со стороны Карла, мечтавшего о насильственном подчинении императора. Однако, папе удалось убедить Карла отложить на год уже решенный поход на Византию и в это время достигнуть соединения с восточной церковью. Посланцы Михаила Палеолога на собор, который должен был собраться во французском городе Лионе, в полной безопасности прошли по владениям Карла, который снабдил их специальными охранными грамотами и провизией.[1] В 1274 году, в Лионе была оформлена уния между папой и представителями Михаила VIII. Согласно недавно проанализированным документам ватиканских архивов, оформление унии привело в то же самое время к переговорам Григория X и Михаила VIII по поводу нового антитурецкого союза. Кардинал высокого ранга был послан в Константинополь глубокой зимою. Дата и место встречи для личных переговоров папы и императора были немедленно определены: они должны были встретиться в понедельник, на Пасху 1276 года в Бриндизи или Валоне. Однако, в самом начале года, 6 января, папа внезапно скончался и проект этот кончился ничем.[2] Михаил, однако, почувствовал, что у него есть право надеяться на поддержку папы в его планах на отвоевание прежде входивших в состав империи областей Балканского полуострова. Действительно, Михаил открыл наступательные действия против войск Карла и его союзников и

изданий: «Таким образом, постепенно около Карла Анжуйского собирались все недовольные и обиженные византийским государем, а именно: сербы, болгары, Балдуин II, Иоанн IV Ласкарь, чтобы сделаться простыми орудиями в руках честолюбивого и искусного короля. Заключенный брак между сыном Балдуина и дочерью Карла давал первому надежду, при помощи нового родственника, вернуть себе Латинскую империю. Таково было общее международное положение в Италии и на Балканском полуострове, которое должно было вызвать в Михаиле VIII живейшее опасение за Константинополь и свой престол».

[1] *F. Caraballese.* Carlo d'Angiò... pp. 23—24.

[2] *V. Laurent.* Grégoire X (1271—1276) et le projet d'une ligue anti-turque. — Échos d'Orient, vol. XXXVII, 1938, pp. 257—273, в особенности — с. 269. В. Лоран собирался писать книгу о втором Лионском соборе и о религиозной политике Михаила VIII.

одержал над ними крупный успех, так как Карл был отвлечен в это время затруднениями с Генуей.

Однако, после некоторых трений между ним и папами, вызванных Лионской унией, Карл сумел посадить на папский трон в лице француза Мартина IV одного из своих лучших друзей, который, став всецело на сторону политики сицилийского короля, порвал заключенную с Мануилом унию. Затем, между Карлом, титулярным латинским императором и Венецией был в 1281 г. заключен договор «для обратного отвоевания империи Романии, которая находится во владении Палеолога» («ad recuperationem ejusdem Imperii Romaniae, quod detinetur per Paleologum»).[1] Против Византии создалась громадная коалиция: войска из латинских владений на бывшей территории империи, из Италии, из родной Карлу Франции, венецианский флот, папа, сербы и болгары. Казалось, Византийское государство стояло на краю гибели, а Карл Анжуйский, этот, по словам одного историка (Нордена), «предтеча Наполеона в XIII веке» [2] стоял на пороге всемирного могущества. Греческий источник XIV века Григора писал, что Карл «мечтал, если только овладеет Константинополем, так сказать, о всей монархии Юлия Цезаря и Августа».[3] Западный хронист того же времени Санудо отметил, что Карл «стремился к мировой монархии» (asperava alla monarchia del mondo).[4] Это был самый критический момент во внешней политике Михаила. В 1281 г. Михаил VIII начал переговоры с египетским султаном Кала'уном о военном союзе «против общего врага», то есть против Карла Анжуйского.[5]

Спасение для Византии неожиданно пришло с Запада, а именно из Сицилии, где 31 марта 1282 г. в Палермо против французского владычества вспыхнуло восстание, охватившее быстро весь остров и ставшее в истории известным под названием Сицилийской Вечерни.[6] В последнем событии играл некоторую роль и Михаил VIII.

Когда речь заходит о Сицилийской Вечерне, одном из важнейших событий в первоначальной истории политического объединения Италии, то всегда приходит на ум написанное еще в начале

---

[1] *G. L. F. Tafel, G. M. Thomas.* Urkunden zur ältern Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. (Fontes rerum austriacarum. Diplomata et acta, XII—XIV). Bd. III. Wien, 1857, S. 289.

[2] *W. Norden.* Das Papsttum und Byzanz... S. 604.

[3] *Nicephorus Gregoras.* Historia, V, 1, B. Bonn ed., vol. I, p. 123.

[4] *M. Sanudo.* Historia del regno di Romania. В книге: C. Hopf. Chroniques grécoromanes inédites ou peu connues. Berlin, 1873, p. 138.

[5] См. ниже, прим. 1 на стр. 298.

[6] Название этого события, «Сицилийская Вечерня», появилось в литературе, видимо, не раньше конца конца XV века, после первой крупной французской экспедиции против Италии.

сороковых годов XIX века и выдержавшее впоследствии много изданий сочинение знаменитого итальянского историка и патриота Амари (Michele Amari) «Война Сицилийской Вечерни» (La guerra del Vespro Siciliano), положившее основание научному изучению этого вопроса. Но, конечно, во времена Амари далеко не все материалы были доступны, и он сам, знакомясь последовательно с новыми открытиями в данной области, вносил в позднейшие издания своей книги некоторые дополнения и изменения. Немалое оживление в изучении этого вопроса было вызвано празднованием в Сицилии в 1882 г. шестисотлетия со времени Сицилийской Вечерни, когда появился ряд новых изданий. Громадное количество свежего и важного материала дали и еще продолжают давать документы Анжуйского архива в Неаполе и Ватиканского в Риме, и особенно документы испанских архивов. Сицилийская Вечерня, представляющаяся на первый взгляд событием исключительно западноевропейской истории, имеет отношение и к истории Византии.*

До появления труда Амари обычно полагали, что главным создателем и руководителем сицилийской революции 1282 г. был сицилийский изгнанник Джованни Прочида (Прокида), который, побуждаемый чувством личной мести, вступил в переговоры с королем Петром Арагонским, с византийским императором Михаилом VIII, с представителями сицилийской знати и некоторыми другими лицами, всех их привлек на свою сторону и произвел таким образом восстание. Главным виновником революции считал Прочиду, между прочим, и великий гуманист XIV века Петрарка.[1] Амари, на основании исследования источников, показал, что в целом этот рассказ представляет собой легендарное развитие определенного исторического и для вопроса о причинах сицилийского восстания второстепенного факта.[2]

Население Сицилии чувствовало сильное раздражение против сурового французского владычества. Высокомерное отношение к покоренным и страшные налоги, возросшие особенно ввиду дорогой и трудной экспедиции Карла против Византии, в связи с общими интересами международной жизни той эпохи, были главными причинами восстания 31 марта. Недовольством сицилийского населе-

---

* В исходной русской версии (с. 26) данная фраза завершалась следующими словами, не включенными А. А. Васильевым в последующие переиздания работы — «и должна быть нами оценена именно с этой точки зрения».

[1] *F. Petrarcae* Itinerarium Syriacum. In: Fr. Petrarcae. Opera. Basileae, 1581, p. 559; *G. Lumbroso*. Memorie italiane del buon tempo antico. Torino, 1889, p. 34.

[2] См.: *R. Lopez*. Genova Marinara nel duecento... pp. 69—71, 88, note 28.

ния искусно воспользовались два лучших, если не считать Карла, политика той эпохи, Михаил VIII и Петр Арагонский. Последний, будучи родственником бывшего сицилийского короля, уже известного нам Манфреда, побочного сына Фридриха II Гогенштауфена, признавал за собой права на обладание Сицилией и не мог примириться с чрезмерным могуществом Карла. Это обстоятельство учел Михаил VIII, который обещал испанскому королю денежную субсидию, если только он откроет военные действия против страшного для Византии Карла. В Италии на сторону Петра стала императорская партия гибеллинов и часть сицилийской знати. Посредником во всех этих переговорах и был вышеупомянутый Джованни Прочида, в чем и заключается его роль в сицилийском восстании 1282 г.

Восстание удалось. По приглашению сицилийцев, Петр Арагонский в августе того же года высадился на острове и в Палермо был коронован короной Манфреда. Попытки Карла, возвратившегося с востока, где шли военные действия против Византии, подчинить восставшую Сицилию и изгнать оттуда Петра Арагонского, оказались безуспешными и заставили Карла отказаться от широких планов против империи Михаила VIII. После этого Карл остался государем только Южной Италии. Из этого видно, какое важное значение для Византии имела Сицилийская Вечерня, лишившая Карла Сицилии и спасшая Восточную империю от смертельной опасности со стороны сицилийского владыки. Вместе с тем события, связанные с восстанием 1282 г., положили начало дружественным сношениям византийских императоров с испанскими (арагонскими) королями. Как было отмечено выше, Михаил VIII помогал денежными средствами Петру Арагонскому в его экспедиции против Сицилии и этим самым принял участие в решении сицилийского вопроса. В своей автобиографии Михаил VIII, упомянув о походе войск Карла против его державы, замечает: «Сицилийцы, отнесшись с презрением к остальной его (т. е. Карла) силе, как ничтожной, дерзнули поднять оружие и освободиться от рабства; поэтому, если я сказал бы, что свободу, которую уготовил им Бог, уготовил через нас, то я сказал бы согласное с истиной!» [1]

Сицилийская Вечерня оказала сильное влияние на положение папы Мартина IV. Дело касалось не только того неслыханного новшества, что, как писал историк Ранке, «народ вопреки повелениям Рима осмелился поставить себе короля».[2] События 1282 г.

---

[1] *Imp. Michaelis Palaeologi* De vita sua opusculum, IX. — Христианское Чтение, 1885, II, с. 537—538 (греческий текст); с. 558 (русский перевод). На французском языке — *C. Chapman*. Michel Paléologue, restaurateur de l'empire byzantin (1261—1282), pp. 145, 174.

[2] *L. Ranke*. Weltgeschichte, Bd. VIII. Leipzig, 1887, S. 538.

подрывали в корне византийскую политику этого папы, который, как мы видели выше, порвав с Лионской унией и всецело перейдя на сторону восточных планов Карла Анжуйского, надеялся на латинскую оккупацию Константинополя. Сицилийская Вечерня сделала это невозможным, так как она раздробила и ослабила южноитальянское государство Карла, бывшее до тех пор главным основанием для западной наступательной политики против Византии.

Международные отношения и недовольство Сицилии, которыми воспользовался Михаил VIII, спасли Византию от гибельной опасности, уготовляемой ей всемогущим Карлом Анжуйским.

Восточная политика Михаила VIII. Главные силы и внимание государей Никейской империи и, после возвращения Константинополя, Михаила VIII были направлены, как известно, на запад для обратного завоевания Балканского полуострова, и затем на изнурительную и решавшую судьбу восстановленной империи борьбу с Карлом Анжуйским. Восточная граница находилась в некотором пренебрежении, и византийское правительство иногда как бы забывало о грозной турецкой опасности с востока. Византийский историк XV века Георгий Франдзи пишет: «В царствование Михаила Палеолога, вследствие войн, веденных в Европе против итальянцев, начались опасности для ромейской державы в Азии со стороны турок».[1] Конечно, опасность со стороны турок началась для Византии гораздо раньше; но в этом замечании историка верно отмечена черта восточной политики при Михаиле VIII. Счастьем для империи в его время являлось то, что сами турки в XIII веке переживали смутную эпоху своего существования.

В тридцатых и сороковых годах XIII века с востока появилась грозная опасность монгольского нашествия. Иконийский, или Румский, султанат сельджуков, соприкасавшийся с восточной границей Никейской империи, был разгромлен монголами. Во второй половине XIII века, то есть во время Михаила VIII, последние Сельджукиды были простыми наместниками персидских монголов, владения которых простирались от Индии до Средиземного моря. Во главе их стоял Хулагу, признававший своим сюзереном хана восточных монголов. В 1258 г. Хулагу захватил Багдад, где последний Аббасид погиб насильственной смертью. После этого он захватил и опустошил Сирию, Месопотамию и окрестные страны. Он думал о походе на Иерусалим и, возможно, о кампании против Египта. Однако, известия о смерти Великого Хана монголов Мангу заставили Хулагу отказаться от агрессивных планов в южном направлении. Монгольская династия, установившаяся в Персии, была в последние десятилетия XIII века союзником христиан против мусульман. Современный исследователь писал: «Хулагу повел турок-

---

[1] *Georgii Phrantzae* Annales, I, 3. Bonn ed., p. 23.

несториан (то есть христиан) из Средней Азии в настоящий желтый крестовый поход против ислама».[1] В конце концов, в 1260 г. монгольская армия была разбита египетскими мамлюками при Айн-Джалуте. Другое весьма могущественное государство монголов образовалось севернее, на территории России. Это была Золотая, или Кыпчакская, Орда со столицей в Сарае на нижней Волге. Отдавая себе отчет в важности этого нового монгольского фактора в международной жизни своей эпохи, Михаил Палеолог неоднократно пытался использовать его в своей внешней политике.[2]

В этой связи важно заметить, что мамлюкская (мамелюкская) династия, установившаяся в Египте в 1250 г., в этнографическом плане была связана с южной Россией. Слово «мамлюк» означает — «принадлежащий», «находящийся в собственности», «раб». Мамлюки в Египте были сначала тюркскими рабами-телохранителями, набранными при преемниках Саладина. В 1260 г. эти «рабы» захватили трон и правили в Египте с 1260 г. по 1517 г., когда Египет был завоеван турками-османами. С конца тридцатых годов XIII века основной контингент телохранителей мамлюков состоял из представителей тюркского племени куманов (половцев) с юга России, которые бежали от монгольского нашествия или же захватывались в плен и продавались в рабство.[3] Византийский историк говорит, что мамлюки были «европейскими скифами, пришедшими с берегов Меотиды (*Азовского моря*) и реки Танаис (*Дон*)».*[4]

Этим объясняется тот факт, что куманское происхождение многих мамлюков делало их заинтересованными в сохранении и развитии связей со своими соплеменниками на юге России, где даже после монгольского нашествия осталось значительное количество половцев. Кроме того, хан Золотой (Кыпчакской) орды принял ислам, и султан Египта мамлюк Бейбарс также был мусульманином, тогда как Хулагу был шаманистом, то есть язычником[5] и врагом ислама. Смертельная вражда, не только политическая, но и религиозная, существовала между Хулагу и Берке (Береке) — ханом Золотой Орды.

---

[1] *R. Grousset*. Histoire de l'Asie. III. Le Monde mongol. Paris, 1922, p. 100.

[2] Недавно были опубликованы две весьма интересные статьи на русском языке по этому поводу — *Ф. И. Успенский*. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках. — ВВ, т. 24, 1923—1926, с. 1—16; *Г. Вернадский*. Золотая Орда, Египет и Византия и их взаимоотношения в царствование Михаила Палеолога. — Annales de l'Institut Kondakov, vol. I, 1927, pp. 73—84.

[3] *Г. Вернадский*. Указ. соч., с. 76.

* Пояснения в скобках принадлежат А. А. Васильеву.

[4] *Nicephorus Gregoras*. Historia, IV, 7, 1. Bonn ed., vol. I, p. 102.

[5] Шаманизм — одна из религий урало-алтайских народов.

Сухопутная дорога между мамлюками и кыпчаками перерезана владениями Хулагу. Сообщение по морю между Египтом и югом Руси было возможно только через Геллеспонт, Босфор и Черное море, однако оба пролива находились в руках Византийского императора, так что мамлюкам требовалось специальное разрешение от Михаила Палеолога для их использования.[1] В соответствии с этим египетский султан, «желая быть другом ромеев и желая иметь разрешение для египетских купцов плавать через наши проливы [Геллеспонт и Босфор] * один раз в год», послал своих послов Михаилу Палеологу.[2] Трудность заключалась в том, что в это время Михаил находился в дружеских отношениях с Хулагу, главой монголов Персии и ответ послам все время откладывался. В конце концов в 1265 году кыпчакский хан Берке начал войну против Михаила, в которой на стороне монголов принял участие болгарский царь Теч (Тич) под руководством Ногая, полководца Берке. *Монголы (татары) и болгары разбили византийские войска.* После этого поражения Михаил был вынужден прекратить дружественные отношения с Хулагу и начать взаимоотношения с кыпчаками и египтянами.[3] Для того, чтобы завоевать благосклонность могущественного Ногая, Михаил дал ему в жены свою побочную дочь и в следующей войне против болгарского царя Константина Теча Михаил был активно поддержан своим новым родственником. В результате болгарский царь был вынужден прекратить военные действия.[4] Дипломатические отношения между Золотой Ордой, Египтом и Византией продолжались во время всего царствования Михаила.[5] Весьма интересны дружественные взаимоотношения между Михаилом Палеологом и египетским султаном мамлюком Кала'уном (1279—1290). Общая опасность заставила обоих монархов прийти к соглашению, ибо далеко идущие планы Карла Анжуйского угрожали обеим империям. Эти взаимоотношения должны были привести к заключению настоящего договора о дружбе

---

[1] *Georgii Pachymeris* De Michaele Palaeologo, III, 3; Bonn ed., vol. I, p. 176—177.

* Пояснения в скобках принадлежат А. А. Васильеву.

[2] *Nicephorus Gregoras*. Historia, IV, 7, 1; Bonn ed., vol. I, p. 101.

[3] *Г. Вернадский*. «Золотая Орда»... — Annales de l'Institut Kondakov, vol. I, 1927, p. 79; *П. Ников*. Татаробългарските отношения презъ средните векове с оглед къмъ царствованете на Смилеца. — Годишникъ на Софийския Университет. Историко-филологически факултетъ, тт. XV—XVI, София, 1919—1923, с. 6—11. См. также: *C. Chapman*. Michel Paléologue... p. 74—75; *G. I. Brătianu*. Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929, pp. 207—208.

[4] *П. Ников*. Татаробългарските отношения... с. 11—12.

[5] См.: *S. Lane-Poole*. A History of Egypt in the Middle Ages. New York, 1901, p. 266.

и торговле, который, согласно французскому историку М. Канару, заключен в 1281 году. Однако, согласно немецкому историку Ф. Дёльгеру, взаимоотношения Михаила и султана не вышли за стадию дипломатических переговоров. Падение Карла Анжуйского и Сицилийская Вечерня полностью изменили ситуацию как на Западе, так и на Востоке.[1]

В Малой Азии Михаилу Палеологу никто особенно не угрожал. Хотя он порвал дружеские отношения с Хулагу, персидские монголы были слишком заняты своими внутренними проблемами, чтобы предпринимать решительные шаги против Византии. Что касается Румского султаната, он находился в большой зависимости от Монгольской империи. Однако, отдельные турецкие отряды, грабительские шайки, не считаясь ни с какими договорами, заключенными раньше между императорами и султанами, заходили вглубь страны, разоряли города, поселки и монастыри, избивали и уводили в плен население.

Византия еще со времен арабского могущества создала на восточной малоазиатской границе ряд укрепленных пунктов, особенно среди горных проходов (клисур), и выработала помимо регулярного войска своеобразный вид защитников государственных границ, так называемых акритов, о которых речь уже была выше, или пограничаров, этого византийского казачества. Постепенно, по мере продвижения турок к западу, отходила к западу и пограничная линия с ее защитниками — акритами, которые в XIII веке сосредоточились уже по преимуществу в горах Вифинского Олимпа, т. е. в северо-западном углу Малой Азии. В никейскую эпоху эти пограничные поселенцы, наделенные землей, освобожденные от налогов и повинностей и достигшие большого благосостояния, должны были нести исключительно военную службу, защищая границу от врагов, и, насколько можно судить по источникам, защищали ее храбро и энергично. Но со времени перенесения столицы из Никеи в Константинополь акриты перестали пользоваться прежней под-

---

[1] *M. Canard.* Le Traité de 1281 entre Michel Paléologue et le sultan Qalâ'ûn. — Byzantion, vol. X, 1935, pp. 669—680; *Idem.* Un Traité entre Byzance et l'Egypte au XIIIe siècle et les relations diplomatiques de Michel VIII Paléologue avec les sultans Mamlûks Beibars et Qalâ'ûn. — Mélanges Guadefroy-Demombynes. Cairo, 1937, pp. 197—224. Сомнения и критика Дёльгера — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXXVI, 1936, S. 467; Bd. XXXVII, 1937, SS. 537—538. См. также: *F. Dölger.* Corpus der griechischen Urkunden... Bd. III, S. 74 (n. 2052), который относится к 1281 году; Bd. III, S. 75 (n. 2062), относящийся к 1282 г. Здесь Дёльгер не использовал арабский источник, привлеченный М. Канаром (Калькашканди, скончавшийся в 1418 г.). Ср., однако, новую работу Ф. Дёльгера: *F. Dölger.* Der Vertrag des Sultans Qalâ'ûn von Aegypten mit dem Kaiser Michael VIII Paleologus in — Serta Monacensia. Leiden, 1952, S. 68; 78—79.

держкой правительства, которое в новом центре чувствовало себя в меньшей зависимости от восточной границы. Кроме того, Михаил Палеолог в силу предпринятой финансовой реформы произвел среди акритов учет их достатка и отчислил в пользу казны бóльшую часть доходов с их земель. Последняя мера, окончательно подорвав экономическое благосостояние вифинских акритов, на котором основывалась их служебная готовность и которое, по словам источника, является «нервами войны»,[1] оставила восточную границу империи почти беззащитной. После подавления поднятого акритами восстания правительство удержалось от полного их уничтожения только из опасения открыть дорогу туркам. Еще со времени ранних работ В. И. Ламанского, нашего знаменитого слависта, некоторые ученые видят в вифинских акритах славян.[2] Однако, гораздо вероятнее в акритах видеть представителей разнообразных народностей, среди которых могли быть и потомки давно уже поселенных в Вифинии славян. Таким образом, односторонняя внешняя политика Михаила VIII с исключительным уклоном к Западу печально отразилась на восточной границе, которая потеряла последнее средство к защите против турок, хотя бы и в виде их грабительских нападений, которые имели место при Михаиле.

Результаты восточной политики Михаила дадут себя почувствовать, как только турки, после некоторого периода смут и распада, снова объединятся и усилятся в лице турок-османов, которые нанесут Византии, в конце концов, окончательный удар и уничтожат Восточную христианскую империю.

Внешняя политика Византии в царствование Андроников

Внешнее положение империи при двух Андрониках, деде и внуке, было иным, чем при их предшественнике Михаиле VIII. Последнему грозила страшная опасность с запада от Карла Анжуйского; но эта опасность со стороны королевства Обеих Сицилий благодаря Сицилийской Вечерне была в год смерти Михаила от Византии устранена навсегда; переживавшие же период смуты турки не могли в достаточной мере использовать выгодное для них положение на восточной границе империи. Главный интерес внешней политики времени Андроника II и Андроника III заключается в их отношении к двум новым сильным врагам: Сербии на Балканском полуострове и туркам-османам в Малой Азии, причем

---

[1] *Georgii Pachymeris* De Michaele Palaeologo, I, 5; Bonn ed., I, 18.

[2] *В. Ламанский.* О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859, с. 11—14; *Ф. И. Успенский.* К истории крестьянского землевладения в Малой Азии. — ЖМНП, т. 215, 1883, с. 342—345; *П. Мутафчиев.* Войнишки земи и войници въ Византия презъ XIII и XIV вв. — Списание на Българската Академия на науките. Т. XXVIII. София, 1923, с. 67.

оба эти народа в лице их наиболее выдающихся государей ставили определенной целью своей борьбы с Византией, подобно Карлу Анжуйскому, полное ее сокрушение и образование на ее месте или греко-славянского, или греко-турецкого государства. План Карла — образовать греко-латинское государство, как мы знаем, не удался. В XIV веке, казалось, был близок к намеченной цели великий сербский государь Стефан Душан, о котором речь будет ниже. Но осуществить вполне этот план удалось, в силу целого ряда исторических условий, лишь османским туркам, создавшим в середине XV века громадное не только греко-турецкое, но и греко-славяно-турецкое государство, в состав которого вошли и сербы, и болгары.

Главным явлением на Востоке в эпоху двух Андроников надо считать усиление турок-османов. Двигаясь по направлению к Малой Азии, монголы оттеснили на запад из персидской области Хорасана одну турецкую орду из племени огузов, которая, попав на территорию иконийского государства сельджуков, получила разрешение от их султана остаться в Малой Азии и пасти там свои стада. После понесенного от монголов поражения царство сельджуков распалось на несколько самостоятельных владений (эмирств) с особыми династиями, которые, тем не менее, довольно сильно тревожили империю. Сделалась самостоятельной и пришедшая из Хорасана турецкая орда из племени огузов. В самом конце XIII века во главе ее стал Осман, начавший династию Османов, или Оттоманов, и давший свое имя находившимся под его властью туркам, которые с тех пор и стали называться османскими, или оттоманскими, турками. Династия, основанная Османом, продолжала править в Турции до 1923 года.[1]

Турки-османы с конца XIII века начали сильно теснить небольшие остававшиеся еще в руках Византии малоазиатские владения. С трудом императорские войска удерживали три наиболее важных пункта в Малой Азии: Бруссу, Никею и Никомидию. Посланный против турок соимператор Михаил (IX) потерпел неудачу. Казалось, что сам Константинополь находился уже в опасности, в то время как император, по выражению источника, «как бы спал или не был в живых».[2]

---

[1] *H. A. Gibbons*. The Foundation of the Ottoman Empire. Oxford, 1916; *F. Giese*. Das Problem der Entstehung des Osmanischen Reiches. — Zeitschrift für Semitistik, Bd. II, 1923, S. 246—271. Ценная информация общего и библиографического характера есть в следующей работе — *E. L. Langer, R. P. Blake*. The Rise of the Ottoman Turks and Its Historical Background. — American Historical Review, vol. XXXVII, 1932, pp. 468—505; *M. F. Köprülü. Les Origines de l'Empire Ottoman, Paris, 1935, pp. 5—32; P. Wittek*. The Rise of the Ottoman Empire. London, 1938, pp. 33—51.

[2] *Georgii Pachymeris* De Andronico Palaeologo, V, 21. Bonn ed., vol. II, p. 412.

Испанские (каталонские) дружины на Востоке. В подобных обстоятельствах Андроник II без посторонней помощи обойтись не мог. Такая помощь ему явилась в виде испанских наемных дружин, так называемых «каталонских кампаний», или «альмугаваров».[1] Отряды наемников различных национальностей под названием «кампаний», жившие только войной и поступавшие за известную плату к кому угодно для борьбы с кем угодно, были хорошо известны во вторую половину средних веков; так, в том же XIV и XV веках английские и французские кампании принимали деятельное участие на Западе в Столетней войне. «Каталонские кампании», в состав которых входили не только каталонцы, но и жители Арагонии, Наварры, острова Майорки и некоторых других, боролись в качестве наемников на стороне Петра Арагонского во время войны, вспыхнувшей после Сицилийской Вечерни. Когда в самом начале XIV века между Сицилией и Неаполем был заключен мир, каталонцы остались без дела; привыкшие жить войной, грабежом и насилием, подобные союзники в мирное время становились опасными для пригласивших их лиц, которые старались от них отделаться. Но и сами «кампании», не желавшие удовлетвориться мирными условиями жизни, искали нового случая продолжать свою бурную деятельность. Каталонцы избрали своим вождем Рожера де Флор, по происхождению немца, так как фамилия отца его была «Блюм» (т. е. цветок), что в переводе равняется итальянскому и испанскому «Флор».

Рожер, бегло говоривший по-гречески, с согласия своих подчиненных, предложил услуги Андронику II в его борьбе с турками сельджуками и османами и поставил стесненному императору неслыханные условия: дерзкий авантюрист требовал от Андроника согласия на его брак с племянницей императора, дарование титула мегадуки (генерал-адмирала) и крупной суммы денег на оплату услуг его «кампании». Андроник вынужден был согласиться, после чего испанские дружины, сев на суда, двинулись в Константинополь спасать Восточную империю.

Этот любопытный эпизод участия испанцев в решении судеб Византии подробно изложен как в испанских (каталонских) источниках, так и в греческих, например, в сочинении современника и участника этого похода, каталонского хрониста Мунтанера.[2] Рожер и его спутники являются лишь отважными, благородными, делающими честь своему народу бойцами за правое дело; греческие

---

[1] «Альмугавары» — арабское слово, заимствованное от испанских арабов и буквально означающее «делающие экспедицию», затем «легкая кавалерия, разведчики».

[2] *R. Muntaner*. Chronica o descripcio fets e hazanyes dell inclyt rey Don Jaume. Ed. J. A. Buchon in: Chroniques étrangères relatives aux expéditions pendant le XIIIe siècle. Paris, 1840; Ed. *K. Lanz*. Chronik des

же историки видят в каталонцах лишь грабителей, насильников и гордецов, и один из них восклицает: «О если бы Константинополь не видал латинянина Рожера!» [1] Историческая литература XIX века также уделяет много внимания каталонской экспедиции. Испанский исследователь этого вопроса сравнивает ее деяния с подвигами знаменитых испанских завоевателей Мексики и Перу в XVI веке, Кортеса и Пизарро, не знает, «какой другой народ может гордиться столь знаменательным историческим событием, как наша славная экспедиция на Восток», и оценивает последнюю как вечное свидетельство славы испанской расы.[2] Немецкий историк Карл Гопф полагает, что «поход каталонцев является во всяком случае наиболее привлекательным эпизодом в истории государства Палеологов», особенно благодаря своему драматическому интересу.[3] Английский историк Финлей писал, что каталонцы, «если бы ими предводительствовал государь, подобный Льву III или Василию II, могли бы покорить сельджукских турок, задавить османскую силу в ее начале и довести двуглавого орла победоносной Византии до подножия гор Тавра и до берегов Дуная».[4] В другом месте тот же историк замечает: «Экспедиция каталонцев на Восток является удивительным примером успеха, который иногда сопровождает карьеру грабительства и преступления, наперекор всем обычным правилам человеческого здравого смысла». До самого последнего времени испанские архивы сообщают по данному вопросу новые материалы.[5]

---

edlen En Ramon Muntaner. (Bibliothek des Literarischen vereins in Stuttgart, VIII). Stuttgart, 1844. Перевод — *L. Goodenough*. The Chronicle of Muntaner. (Publications of the Hakluyt Society). Oxford, 1921. О самом Мунтанере см.: *N. Iorga*. Ramön Muntaner et l'empire byzantin. — Revue historique du sud-est européen, vol. IV, 1927, pp. 325—355.

[1] *Georgii Pahymeris* De Andronico Palaeologo, V, 12. Bonn ed., vol. II, p. 393.

[2] *A. Rubió y Lluch*. La exedición y Dominacion de los Catalanes en Oriente, Juzgadas por los Griegos. Barcelona, 1883, pp. 6, 7, 10. (Memorias de la Real Academia de Buenas Letras de Barcelona, vol. IV); *Idem*. Los Catalanes en Grecia: Últimos años de su Dominación: Cuadros históricos. Madrid, 1927, p. 6. *C. Banús y Comas*. Expedición de Catalanes y Aragoneses en Oriente en principio del siglo XIV. Madrid, 1929, pp. 43, 46. Автор пишет, что Рожер де Флор отправился на восток за славой и добычей.

[3] *K. Hopf*. Geschichte Griechenlands vom Beginne des Mittelalters bis auf die neuere Zeit. Leipzig, 1867, Bd. I, S. 380.

[4] *G. Finlay*. A History of Greece, ed. H. F. Tozer. Oxford, 1877, vol. III, p. 388.

[5] *Ibid.*, vol. IV, p. 147. Общая история изучения каталанской проблемы в Греции есть в следующей работе — *A. Rubió y Lluch*. Los Catalanes en Grecia... pp. 19—50.

В самом начале XIV века Рожер де Флор прибыл со своей «кампанией» в Константинополь; [1] число участников экспедиции не достигало 10 000 человек; но зато приехавшие на Восток каталонцы и арагонцы привезли с собой своих жен, любовниц и детей. В Константинополе была с великой пышностью отпразднована свадьба Рожера с племянницей императора. После серьезных столкновений, происшедших в столице между каталонцами и генуэзцами, почувствовавшими в пришельцах своих соперников с точки зрения исключительных привилегий, которыми генуэзцы пользовались в империи, «кампания» была, наконец, переправлена в Малую Азию, где в это время турки осаждали большой город Филадельфию (на восток от Смирны). В соединении с отрядом императорских войск небольшая испано-византийская армия, под начальством Рожера де Флор, освободила Филадельфию от турецкой осады. Эта победа западных наемников была с восторгом встречена в столице; некоторые думали, что турецкая опасность для империи исчезла навсегда. За первым успехом последовал и ряд других удачных действий Рожера против турок в Малой Азии. Но непомерные вымогательства и произвольные жестокости каталонцев по отношению к местному населению, с одной стороны, и ясно выраженное намерение Рожера образовать в Малой Азии свое княжество, хотя бы и на условиях вассальной зависимости от императора, с другой, в высшей степени обострили отношения между наемниками, туземным населением Малой Азии и константинопольским правительством. Император отозвал Рожера в Европу, и последний со своей «кампанией», переправившись через Геллеспонт, занял важный пункт на проливе Галлиполи и весь Галлипольский полуостров. Новые переговоры Рожера с императором закончились тем, что Андроник пожаловал ему второй после императора титул кесаря (цезаря), — звание, которое до тех пор в империи не носил ни один иностранец. Новый кесарь, прежде чем снова двинуться в Малую Азию, отправился с небольшим отрядом в Адрианополь, где в то время находился старший сын Андроника, соимператор Михаил IX. По наущению последнего во время пира Рожер и его спутники были перебиты. Когда весть об этом распространилась среди населения империи, то находившиеся в столице и других городах испанцы также подверглись избиению.

После этого раздраженные и пылающие жаждой мести каталонцы, сосредоточенные у Галлиполи, порвали союзные отношения с империей и двинулись на запад, предавая мечу и огню проходимые ими области. Фракия и Македония подверглись страшному разо-

---

[1] Во дворце Сената в Мадриде есть картина испанского художника XIX века Хосе Морено Карбонеро, изображающая вход Рожера де Флор в Константинополь. Репродукция и описание картины есть в следующей работе: *C. Banús y Comas*. Expedición de Catalanes... p. 48.

рению. Не избежали горькой участи и Афонские монастыри. Очевидец этого события, ученик игумена сербского Хиландарского монастыря на Афоне Даниила, писал по поводу нападения каталонцев: «Ужас бе видети тогда, запустение Св. Горы от руки сопротивных».[1] В это время каталонцами был сожжен и русский афонский монастырь св. Пантелеймона. Нападение каталонцев на Солунь (Фессалонику) не удалось. В качестве ответной меры за каталанские опустошения Андроник приказал захватить товары, находящиеся на каталонских кораблях в византийских водах. Арестованы были и сами торговцы.[2]

Прожив некоторое время в Фессалии, каталонцы двинулись на юг через знаменитое в древней истории Фермопильское ущелье в Среднюю Грецию, в пределы Афино-Фиванского герцогства, основанного там, как известно, после четвертого крестового похода и находившегося под управлением французов. Весной 1311 г. произошла знаменитая битва в Беотии, на реке Кефиссе у Копаидского озера, превратившегося к XIV веку в болото (около современной деревни Скрипу). Каталонцы одержали решительную победу над французами и, положив конец их цветущему Афино-Фиванскому герцогству, утвердили там испанское владычество, продолжавшееся в Фивах и Афинах восемьдесят лет. Известный уже нам храм Св. Девы Марии, древний Парфенон на Акрополе перешел в ве́дение каталонского духовенства, которое было поражено его величием и богатством. Во второй половине XIV века испанский герцог Афин называл Акрополь «драгоценнейшим сокровищем, существующим в мире, которому все христианские государи вместе напрасно пытались бы подражать».[3]

Каталонское Афинское герцогство XIV века, случайно образовавшееся на почве древней Эллады, устроенное по испанскому или сицилийскому образцу и являющее собой пример грубого, насильственного и разрушительного управления, оставило в Афинах и

---

[1] *Порфирий Успенский*. Восток Христианский. Афон. III, (2), СПб., 1892, с. 118.

[2] См.: *Acta Aragonensia*. Quellen zur deutschen, italienischen, französischen, spanischen, zur Kirchen- und Kulturgeschichte aus der diplomatischen Korrespondenz Jaymes II. (1291—1327). Herausgegeben von H. Finke. Bd. II. Berlin, Leipzig, 1922, S. 741, (n. 458). В этом издании текст датирован 2 мая 1293 г. В самом документе дата, однако, стерта. Я думаю, что документ нужно отнести к началу XIV века, так как в 1293 г. каталонские дружины еще не играли никакой роли в истории Византии.

[3] *W. Miller*. The Catalans at Athens. Roma, 1907, p. 14; *Idem*. Essays on the Latin Orient, p. 129; *K. M. Setton*. Catalan Domination of Athens 1311—1388. Cambridge, Mass. 1948, pp. 17, 187, 257.

вообще в Греции мало монументальных памятников своего господства. На Акрополе, например, где каталонцы произвели некоторые изменения, особенно в расположении укреплений, не открыто никакого их следа. Зато в народной памяти греков и их языке до сих пор живут воспоминания о жестокости и несправедливости испанских пришельцев. Еще теперь в некоторых областях Греции, например, на острове Эвбее, чтобы упрекнуть кого-либо в незаконном и несправедливом поступке, говорят: «Этого не сделали бы и каталонцы». В Акарнании до настоящего времени название «каталонец» является синонимом «дикаря, разбойника, преступника». В Афинах «каталонец» рассматривается как бранное слово. В некоторых городах Пелопоннеса, когда хотят сказать о женщине, что она обладает плохим характером, груба, толста и т. д., еще до сих пор говорят: «Она похожа на каталонку».[1]

Однако, большое количество недавно открытых документов, особенно в архивах Барселоны (архивы de la Corona d'Aragó) * показали, что взгляды историков прошлых лет по этому вопросу были ошибочными. Годы каталонского владычества в Средней Греции были не только смутными и разрушительными, но и созидательными. Акрополь, называемый по-каталонски Castell de Cetines, был укреплен; впервые после закрытия афинской школы Юстинианом, в Афинах был открыт университет.[2] Каталонские укрепления были возведены также в Средней и Северной Греции.[3] Современный каталонский историк, лучший специалист по каталонской проблеме в Греции, Рубио-и-Льюч, писал, что «открытие каталонской Греции является, по нашему мнению, одним из самых неожиданных событий, какое современные исследователи встречали в политической истории средних веков».[4] Конечно, полную историю каталонского господства в Греции еще предстоит изучить, однако, мы должны отдавать себе отчет в том, что работы прошлых лет и ранее высказывавшиеся мнения по этому вопросу многих известных исследователей следует уточнять, ибо новую историю ка-

---

[1] *A. Rubió y Lluch.* La expedición y dominación de los Catalanes... p. 14—15; *G. Schlumberger.* Expédition des «Almugavares» ou routiers catalans en Orient. Paris, 1902, p. 391—392.

* Т. е. буквально — «Архивы арагонской короны».

[2] См.: *A. Rubió y Lluch.* Atenes en temps dels Catalans. — Annuari de l'Institut d'Estudis Catalans, vol. I, 1907, pp. 245—246.

[3] *Idem.* Els Castells Catalans de la Grecia continental. — Annuari de l'Institut d'Estudis Catalans, vol. II, 1908, pp. 362—425.

[4] *Idem.* La Grecia Catalana des de la mort de Roger de Lluria fins a la de Frederic III de Sicilia (1370—1377). — Annuari de l'Institut d'Estudis Catalans, vol. V, 1913—1914, p. 393. См. также его же: Une figure Athénienne de l'époque de la domination catalane. Dimitri Rendi. — Byzantion, vol. II, 1925, p. 194.

талонского владычества следует писать на новом материале.[1] Смертельный удар каталонскому преобладанию в Греции нанесло наваррское вторжение 1379 г.

Успехи турок в Малой Азии. В самом начале XIV века каталонская «кампания» удачно боролась с османскими турками. Но эти удачи греко-испанского оружия продолжались недолго. Наступившая вслед за убийством Рожера де Флора кровавая эпопея движения каталонских дружин на Балканском полуострове и вспыхнувшая затем известная уже нам внутренняя междоусобная война между двумя Андрониками, дедом и внуком, отвлекли силы и внимание империи от восточной границы. Этим воспользовались османы и в последние годы Андроника Старшего и в правление Андроника Младшего одержали ряд серьезных успехов в Малой Азии. Султан Осман и после него сын его Урхан завоевали там главные византийские города: Бруссу, которая сделалась столицей турецкого государства османов, Никею и Никомидию, после чего они подошли вплотную к берегу Мраморного моря. Некоторые города западного побережья Малой Азии стали платить туркам дань. В 1341 г., когда умер Андроник III, турки-османы, можно сказать, являлись уже полными распорядителями Малой Азии с явно выраженным намерением перенести военные действия на европейскую территорию империи и угрожать даже самому Константинополю; по крайней мере, Фракия подвергалась непрестанным набегам с их стороны. Между тем, сельджукские эмирства, чувствуя для себя угрозу от османов, вступали с империей в дружественные и союзные отношения для борьбы как против латинян, так и против османов.

Византия и возвышение Сербии. Стефан Душан. Владения Византии на Балканском полуострове в конце XIII века обнимали всю Фракию и южную Македонию с Солунью; страны же, лежавшие далее на запад — Фессалия, Эпир и Албания — признавали власть империи лишь отчасти и не везде одинаково. Зато в Пелопоннесе империя в правление Михаила Палеолога отвоевала у франков Лаконию на юго-востоке полуострова, а потом и центральную провинцию Аркадию. В остальных частях Пелопоннеса и в Средней Греции продолжали владычествовать латиняне. В Архипелаге Византии принадлежали лишь немногие острова в северной и северо-восточной части моря.

---

[1] *A. Rubió y Lluch.* La Grecia Catalana de la mort de Frederic III fins a la invasió navarresa (1377—1379). — Annuari de l'Institut d'Estudis Catalans, vol. VI, 1915—1920, p. 199. См. также его же: Diplomatari de l'Orient català. Barcelona, 1948. (Посмертная публикация). См. также его же: Los Catalanes en Grecia... p. 13. Список многих его трудов есть в Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 862. См. также в особенности: *K. M. Setton.* Catalan Domination... pp. 286—291.

Параллельно с османской опасностью на востоке для Византии увеличивалась в первой половине XIV века грозная опасность на Балканском полуострове со стороны Сербии, предыдущая история которой представляется в кратких словах в таком виде.

Сербы и близко родственные им, а может быть даже тождественные с ними, хорваты появились на Балканском полуострове в VII веке при императоре Ираклии и заняли западную часть полуострова. В то время как жившие в Далмации и в местности между реками Савой и Дравой хорваты начали сближаться с Западом, приняли католичество и в XI веке утратили свою независимость, войдя в состав угорского (мадьярского, венгерского) королевства, сербы оставались верными Византии и Восточной церкви. В течение долгого времени, а именно до второй половины XII века, сербы в противоположность болгарам не составляли единого целого и не образовали из себя одного государства; жили они независимыми областями — жупами, во главе которых стояли жупаны. Стремление к объединению появилось у сербов лишь с XII века и по времени совпадало с болгарским движением в пользу основания Второго Болгарского царства. Подобно тому как в Болгарии во главе движения встала фамилия Асеней, так в Сербии ту же роль сыграла фамилия Неманей.

Основателем сербского государства сделался во второй половине XII века Стефан Неманя, первый собиратель земли сербской, «обновитель отчинной дедины», провозглашенный «великим жупаном», который соединил сербские земли под властью своей фамилии. Затем он, благодаря удачным войнам с Византией и болгарами, значительно расширил сербскую территорию и, выполнив свою государственную задачу, сложил с себя власть и окончил жизнь монахом в одном из монастырей на Афоне. Как было уже отмечено выше, во время третьего крестового похода Стефан Неманя вел переговоры с проходившим по Балканскому полуострову германским государем Фридрихом Барбароссой, предлагая ему союз против византийского императора на условии, чтобы Фридрих позволил Сербии присоединить Далмацию и сохранить отвоеванные от Византии земли. Переговоры эти кончились ничем.

После междоусобной распри между сыновьями Стефана Немани, один из них, по имени также Стефан, стал во главе государства и в первой четверти XIII века папским легатом был коронован королевской короной, почему и известен в истории как Стефан Первовенчанный. С этих пор Сербское государство превратилось в королевство, и сам Стефан Первовенчанный был «кралем» всех сербских земель. При нем же, также из рук папского представителя, сербская церковь получила самостоятельного главу в лице сербского архиепископа. Но эта зависимость Сербии от Римской церкви

быстро прекратилась, и новое королевство осталось верным заветам Восточной церкви.

Латинская империя встретила для распространения своего влияния на Балканском полуострове большое препятствие в двух славянских государствах — Болгарии и Сербии. После падения Латинской империи (1261 г.) обстоятельства изменились: вместо нее появилась слабая, восстановленная Византийская империя, и к этому же времени Болгария, ослабевшая благодаря своим внутренним смутам, и уменьшившаяся в своих границах, уже не представляла прежней силы. Самым крупным государством на Балканском полуострове после 1261 г. являлась Сербия. Но ошибка сербских государей заключалась в том, что они, не заботясь о присоединении к Сербии западных сербских (хорватских) областей, т. е. не закончив еще дела сербского национального объединения, устремили свое главное внимание на юго-восток, а именно на Константинополь.

Во время внутренней войны между Андрониками, дедом и внуком, сербский «краль» поддерживал деда. Большое влияние на дальнейшую судьбу Сербии оказала победа сербов в 1330 г. над болгарами, бывшими в союзе с Андроником III, близ Вельбужда (теперь Кюстендиль) в Верхней Македонии. В этой битве принимал участие еще юный князь, будущий знаменитый сербский государь Стефан Душан, бывший, несмотря на некоторое несогласие источников, [1] главным решителем сражения. Болгарский царь, свалившийся с лошади во время бегства, был убит. Результаты вельбуждской битвы имели важное значение для молодого Сербского королевства. Греко-болгарский союз был разорван, и всякая возможность для Болгарии задержать дальнейшее усиление Сербии была навсегда уничтожена. С этих пор главная роль на Балканском полуострове оказалась в руках Сербского королевства.

Однако, наивысшего расцвета и наибольшей силы достигла Сербия при Стефане Душане (1331—1355). Еще за десять лет до своего вступления на престол он одновременно с отцом, с благословения архиепископа, был венчан на царство в качестве соправителя. Источники называли его по этому поводу «Стефань, младый краль», «rex juvenis» в противоположность «старому кралю», «rex veteranus». По словам профессора Флоринского, «это одновременное венчание отца и сына составляло новое и знаменательное явление в сербской истории. В нем ясно сказывалось влияние Византии, где издавна господствовал обычай у императоров иметь при себе коронованных соправителей с тем же императорским титулом».[2]

---

[1] *Т. Д. Флоринский.* Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века, вып. 2. СПб., 1882, с. 55; *C. Jireček.* Geschichte der Serben. Bd. I. S. 362.

[2] *Т. Д. Флоринский.* Указ. соч., с. 45—46; *C. Jireček.* Op. cit., S. 355—356.

За первые десять лет правления, падавшие на время Андроника III, Стефан Душан, пользуясь тем, что император и Иоанн Кантакузин были отвлечены османской опасностью на востоке, начал свою завоевательную политику, с одной стороны, приобретением северной Македонии, и, с другой стороны, занятием большей части Албании, где только что перед тем удачно действовали войска Андроника. Во всяком случае, до смерти императора (в 1341 г.) Стефан Душан, хотя еще и не развил в полной мере своих планов относительно Византии, но уже успел показать, какого сильного в его лице врага приобрела империя на Балканском полуострове.

Продвижение албанцев к югу. В первой половине XIV века в исторической жизни Балканского полуострова впервые начинают играть значительную роль албанцы, с которыми, как только что было отмечено выше, воевали Андроник III и Стефан Душан. Албания со времен античной древности никогда не представляла собою единого национального государства, и история албанцев входила всегда в историю тех или иных иностранных народов. Внутри же самих себя интересы их ограничивались пределами небольших туземных княжеств и автономных горных племен. «Албания изобилует остатками прошлого, которые до сих пор не исследованы. История Албании, таким образом, не может быть полностью и окончательно написана без ссылок на ценные реликвии, ревниво сохраняемые албанской землей в продолжение столетий. Только тогда, когда эти археологические богатства будут доступны, будет возможным написание настоящей научной истории Албании».[1]

Предками албанцев были древние иллирийцы, жившие по восточному побережью Адриатического моря от Эпира к северу до Паннонии. Греческий географ II века н. э. Птолемей упоминает об одном племени албанцев с городом Албанополем. Имя этих албанцев было перенесено в XI веке на все другие остатки древних иллирийцев. Этот народ назывался по-гречески «албаны», «арбаны» или же «албаниты», «арбаниты». По-латински — Albanenses, Arbanenses. От латинской или романской формы происходит славянское «арбанаси», в современном греческом «арванитис», в турецком «арнаут». Сами себя албанцы называют «арбер» или «арбен». Позднее появилось новое название для албанцев — «шкипетары», этимологическое происхождение которого окончательно не определено.[2] Албанский язык и теперь наполнен романскими элементами, начиная с древнелатинского и кончая венецианским наречием, так что некоторые специалисты в этом вопросе называют

---

[1] *C. A. Chekrezi.* Albania: Past and Present. New York, 1919, p. 8.

[2] *C. Jireček.* Albanen in der Vergangenheit. — Österreichische Monatsschrift für den Orient, 1914, n. 1—2, S. 2. Перепечатано в: *L. von*

албанский язык «полуроманским смешанным языком» (halbromanische Mischsprache).[1] Издавна албанцы были христианским народом. В раннее византийское время албанцем, может быть, был император Анастасий, происходивший из главного иллирийского прибрежного города Диррахиума (Дураццо). Возможно албанское происхождение семьи Юстиниана Великого.

Большие этнографические изменения произошли в местах албанского поселения в эпоху так называемого Великого переселения народов, задевшего и Балканский полуостров, особенно в связи со славянским заселением последнего. Позднее албанцы, еще не называемые этим именем в источниках, подчинялись то Византии, то Болгарии во время Великой Болгарии Симеона. Впервые албанцы как общее название для народа, упоминаются в византийских источниках с XI века, со времени норманно-византийских столкновений на полуострове.[2] В эпоху Латинской империи и первых Палеологов албанцы последовательно входили в состав владений то Эпирского деспотата, то Второго Болгарского царства при Иване-Асене II, то никейского императора Иоанна Дуки Ватаца, то, наконец, Карла Анжуйского, величавшего себя уже «Божией милостью королем Сицилии и Албании». В тридцатых годах XIV века сербский государь Стефан Душан, незадолго до смерти Андроника, завоевал бо́льшую часть Албании.

С этого времени начинается движение албанцев к югу, сначала в Фессалию, — движение, распространившееся позднее, во вторую половину XIV и в XV веке, на Среднюю Грецию, Пелопоннес и целый ряд островов Эгейского моря. Этот могучий поток албанской колонизации чувствуется и по настоящее время. Увлеченный ею, немецкий ученый первой половины XIX века Фалльмерайер, выступивший со столь нагремевшей теорией о полном истреблении греческой национальности славянами и албанцами и произнесший знаменитые слова о том, что «ни единой капли настоящей, чистой эллинской крови не течет в жилах христианского населения современной Греции», писал во втором томе своей «Истории полуострова Мореи в средние века», что со второй четверти XIV века населявшие Грецию греко-славяне были оттеснены и подавлены албанскими поселенцами, так что, по его мнению, восстание Греции XIX века,

---

Thalloczy. Illyrisch-albanische Forschungen. München, Leipzig, 1916, Bd. I, S. 66. О слове «шкипетары» см.: *A. C. Chatzіz*. Πόθεν τὸ ἐθνικὸν Σκιπετάρ. — Πρακτικά of the Academy of Athens, vol. IV, 1929, pp. 102—104; *H. Gregoire*. Byzantion, vol. IV, 1929, pp. 746—748. В современном греческом σκιπέττο=итальянское schiopetto=французское escopette и означает «оружие», «вооруженные люди». Проблема решена не до конца.

[1] *C. Jireček*. Ibid., S. 2; *L. von Thalloczy*. Ibid. Bd. I, S. 67; *G. Gröber*. Grundriss der romanischen Philologie. Strasbourg, 1904—1906, S. 1039.

[2] *Mich. Attal*. Historia, 9, 18.

освободившее ее из-под ига турок, было делом рук албанцев. Во время путешествия этого ученого по Греции, Аттика, Беотия, бóльшая часть Пелопоннеса представляли собой целые ряды албанских поселенцев, иногда даже не понимавших по-гречески. Если кто-нибудь назовет всю эту страну, пишет тот же автор, новой Албанией, тот назовет вещь ее настоящим именем. Эти провинции греческого королевства имеют с эллинством такое же близкое родство, как горная Шотландия с афганскими областями Кандагара и Кабула.[1]

Не соглашаясь с теорией Фальмерайера в целом, приходится констатировать тот факт, что и в настоящее время многие острова Архипелага и почти вся Аттика до самых Афин остались еще албанскими. По приблизительному подсчету, сделанному учеными, албанцы составляли на Пелопоннесе более 12 процентов всего населения (около 92 500 душ).[2] В 1854 году Й. Г. Хан, автор сочинения «Albanesische Studien», писал, что «из миллиона населения Греции примерно 173 000 составляют албанцы», а современный автор добавляет: «не произошло никаких перемен для изменения ситуации».[3]

Итак, время Андроника III ознаменовано началом албанской колонизации на юг в Грецию, до Пелопоннеса включительно, и важного нового этнографического изменения среди населения Греческого полуострова.

Венеция и Генуя. Что касается отношения Византии к двум западным соперничавшим торговым республикам, Венеции и Генуи, то правительство Михаила VIII, как было уже изложено выше, отдавая вообще бесспорное преимущество Генуе и вместе с тем порывая и восстанавливая, в зависимости от политических условий, дружественные сношения с Венецией, умело пользовалось существовавшим между ними антагонизмом. Андроник II придерживался политики отца в отношении привилегированного положения Генуи, так что материал для столкновения между последней и Венецией из-за экономического преобладания в империи продолжал существовать.

---

[1] *J. P. Fallmerayer*. Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters. Stuttgart, 1836, Bd. II, S. 24—27.

[2] См.: *A. E. Phillipson*. Zur Ethnographie des Peloponnes. — Peterman's Mitteilungen, Bd. XXXVI, 1890, S. 35; *Idem*. Das Byzantinische Reich als Geographische Erscheinung. Leyden, 1939, S. 131; *D. A. Zakythinos*. Le Despotat Grec de Morée. Paris, 1932, p. 102—105.

[3] *J. Hahn*. Albanesische Studien. Bd. I. Jena, 1854, S. 32 (оценка является приблизительной). См. его же, т. 2, с. 1, где утверждается, что до половины населения Греции составляли албанцы. См. также в первом томе: Введение, с. VI; *C. Chekrezi*. Albania: Past and Present, p. 25, note 1, 205; *G. Finlay*. A History of Greece, vol. IV. Oxford, 1877, p. 32. Последний оценивал число албанцев в Греции в 200 000.

К концу XIII века все христианские владения в Сирии были потеряны. Как известно, в 1291 г. мусульмане отняли у христиан их последний важный приморский город Акру (Акку, древнюю Птолемаиду), после чего все прочие приморские города сдались почти без боя мусульманам. Вся Сирия и Палестина перешли в руки мусульман.

Для Венеции последнее событие явилось страшным несчастьем, так как она в силу этого теряла весь юг Средиземного моря, где ее политика и торговля в течение долгого времени имели господствующее значение. С другой стороны, генуэзцы, стоявшие твердо на Босфоре, распространили свое исключительное влияние на Черное море, где они, очевидно, желали монополизировать торговлю; это особенно касалось Крыма, где были уже как венецианские, так и генуэзские колонии. Учитывая грозную опасность для своей торговой мощи, Венеция объявила войну Генуе. Военные действия имели место часто на территории или в водах византийского государства. Венецианский флот, прорвавшись через Геллеспонт и Мраморное море, разорил поселения на берегах Босфора и предместье Галату, где жили генуэзцы. Генуэзская колония спаслась за стенами Константинополя, где император оказал генуэзцам деятельную поддержку. Жившие в столице венецианцы подверглись избиению. После этого генуэзцы добились у Андроника II разрешения обнести Галату стеной и рвом. Вскоре их квартал разукрасился целым рядом общественных и частных сооружений. Во главе колонии стоял назначаемый из Генуи подеста́, управлявший на основании определенных законоположений и ведавший интересами всех живших на территории империи генуэзцев. Таким образом, по словам профессора Флоринского, «незаметно рядом с православным Царьградом возник небольшой, но хорошо укрепленный латинский городок с генуэзским подестой, со своим республиканским устройством, с латинскими церквами и монастырями. Теперь Генуя помимо торгового приобретает большое политическое значение в империи».[1] Ко времени вступления на престол Андроника III Галата сделалась как бы государством в государстве, что стало особенно сильно ощущаться в конце его правления. При таких условиях прочного мира между Генуей и Венецией быть не могло.

Кроме этих двух наиболее крупных торговых республик в конце XIII и XIV веков в Константинополе развивают некоторую торговую деятельность другие западные города, имевшие там колонии, например, из Италии — Пиза, Флоренция, Анкона, с Адриатического моря — славянский Дубровник (Рагуза),[2] некоторые южно-французские города, как Марсель и др.

---

[1] *Т. Д. Флоринский.* Южные славяне и Византия, т. 1, с. 32—33.

[2] См.: *N. Iorga.* Une ville 'romane' devenue slave: Raguse. — Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine, vol. XVIII, 1931, pp. 32—

Лавра на Афоне. Могилы патриархов.

Подводя итоги правления двух Андроников, деда и внука, придется прийти к печальным результатам. На востоке турки-османы сделались господами положения в Малой Азии; на Балканском полуострове Стефан Душан достиг уже вполне реальных успехов, свидетельствовавших о его еще более широких замыслах в будущем. Каталонские «кампании» подвергли страшному опустошению целый ряд областей империи во время движения на запад. Наконец, рядом с Константинополем обосновалась и укрепилась экономически сильная и политически почти независимая генуэзская Галата.

Иоанн V (1341—1391), Иоанн VI Кантакузин (1341—1354) и апогей сербского могущества при Стефане Душане. Еще при предшественнике Иоанна V, Андронике III, Стефан Душан уже овладел северной Македонией и большей частью Албании. Со вступлением на престол несовершеннолетнего Палеолога, когда империю стала раздирать опустошительная междоусобная война, завоевательные планы Душана расширились и вылились в определенную форму стремления к самому Константинополю. Византийский историк XIV века Никифор Григора влагает в уста Иоанна Кантакузина такие слова: «Великий серб [1] (Стефан Душан), подобно разлившейся и далеко перешедшей свои границы реке, одну часть империи Романии уже затопил многочисленными волнами, другую часть грозит затопить».[2] Вступая в соглашения то с Кантакузином, то с Иоанном V, в зависимости от большей или меньшей выгоды, и пользуясь безвыходным положением империи, силы которой для борьбы с внешними врагами были подорваны внутренними распрями, Стефан Душан без труда покорил всю Македонию, кроме Солуни, и после осады взял важный укрепленный пункт в восточной Македонии, лежавший на дороге из Солуни в Константинополь, Серес. Сдача Сереса имела важное значение: в руки Душана перешел укрепленный, уже чисто греческий город, немногим уступавший Солуни и служивший ключом на пути от нее к Константинополю. Именно с этого момента у Сербского государя ясно проявляется его дальнейший план более широких предприятий в отношении империи. Современные ему византийские источники связывают непосредственно со взятием Сереса принятие Душаном царского титула и формальное проявление с его стороны притязаний на обладание Восточной империей. Иоанн Кантакузин, например,

---

100; *P. Skok*. Les Origines de Raguse. — Slavia, vol. X, 1931, pp. 449—500; Краткий популярный очерк написан *М. А. Андреевой*. Dubrovnik. — Revue internationale des études balkaniques, vol. II, 1935, pp. 125—128.

[1] Никифор Григора называет его «великим трибалом». Под этим именем древнего фракийского племени Григора разумеет сербов.

[2] Historia, XIV, 4. Bonn ed., vol. II, p. 817.

писал: «Краль подступил к Сересу и овладел им... После этого он, высоко возомня о себе и видя себя обладателем большей части империи, провозгласил себя царем ромеев и сербов,[1] а сыну своему предоставил титул краля».[2] В письме из того же Сереса к венецианскому дожу Душан, среди других титулов, величает себя «господином почти всей Византийской империи» (et fere totius imperii Romaniae dominus).[3] На греческих указах своих Душан подписывался красными чернилами: «Стефан во Христе Боге верный краль и самодержец (автократор) Сербии и Романии», или просто: «Стефан во Христе Боге верный царь и самодержец Сербии и Романии».[4]

Широкие планы Душана в отношении Константинополя отличались от уже известных нам планов болгарских царей IX и XIII века, Симеона и Асеней. Главной целью Симеона было освобождение из-под власти Византии славянских земель и образование из них единого славянского государства; «самая попытка его, — пишет профессор Флоринский, — овладеть Царьградом вытекала все из того же стремления уничтожить господство греков и заменить его господством славян».[5] Этому взгляду, по мнению того же ученого, не может противоречить ни принятие Симеоном титула «Цѣсаря Блъгаром и Гръком», который продолжали носить его преемники, ни известие источника о том, что «Симеон хотел занять византийский престол и условием мира с греками ставил признание его греческим императором. Все это только доказывает, что болгарский царь в своих удачных войнах с греками, повод к которым давали, большей частью, последние, пришел к мысли об окончательном уничтожении Византии. Он хотел владеть Царьградом и повелевать греками, но не как император ромейский, а как царь болгарский».[6] Еще более патриотические цели преследовали Асени, которые стремились к освобождению и полной независимости болгарского народа, хотели основать болгарское царство, хотя бы и с включением в него Константинополя.

Иными целями руководствовался Стефан Душан, принимая титул царя (василевса) и самодержца (автократора). Тут вопрос шел не только об освобождении сербского народа из-под влияния

---

[1] Подобно Никифору Григоре, Иоанн Кантакузин в своих воспоминаниях называет сербов именем старого фракийского племени трибалов.

[2] *Ioannis Cantacuzeni* Historiae, III, 89. Bonn ed., vol. II, pp. 551—552.

[3] *Т. Д. Флоринский* Южные славяне и Византия, т. 2. с. 108, 111; *C. Jireček*. Geschichte der Serben. Bd. I, S. 386.

[4] См.: *C. Sathas*. Bibliotheca graeca medii aevi, vol. I, p. 239; *Т. Д. Флоринский*. Афонские акты и фотографические снимки с них в собрании Севастьянова. СПб., 1880, с. 96.

[5] *Т. Д. Флоринский*. Южные славяне и Византия, т. 2, с. 109.

[6] Там же, с. 110.

восточного императора. Целый ряд данных не оставляет сомнения в том, что Душан задался целью создать вместо Византии новое царство, но не сербское, а сербско-греческое, что «сербский народ, сербское королевство, все присоединенные к нему славянские земли должны были сделаться только составной частью империи Ромеев, главой которой он провозглашал себя».[1] Выставляя себя претендентом на трон Константина Великого, Юстиниана и других византийских государей, Душан прежде всего хотел стать императором ромеев, а потом сербов, т. е. утвердить в своем лице сербскую династию на византийском престоле.

Для Душана важно было привлечь на свою сторону греческое духовенство завоеванных областей, так как он понимал, что провозглашение его царем сербов и греков может быть только тогда законным в глазах народа, когда оно будет освящено высшим авторитетом Церкви. Сербский архиепископ, зависимый от Константинопольского патриарха, сделать этого не мог; если бы даже была провозглашена полная независимость сербской церкви, то и тогда сербский архиепископ или патриарх мог бы венчать краля лишь сербским царем. Для освящения титула «царя сербов и ромеев», который влек бы за собой право на византийский престол, требовалось нечто большее. Константинопольский патриарх на такое венчание согласиться, конечно, не мог. В таких обстоятельствах Душан стал стремиться к тому, чтобы его новый титул был освящен одобрением высшего греческого духовенства завоеванных областей и греческими монастырями знаменитой Афонской горы.

В этих целях он подтвердил и расширил привилегии и умножил пожалования греческих монастырей в завоеванной Македонии, где под его власть перешли и находившиеся там, принадлежавшие Афону, поместья и подворья — метохи (μετόχια). Вслед за этим и самый Халкидский полуостров с афонскими монастырями перешел к Душану, и святогорские старцы греческих монастырей не могли не понять, что с этого времени верховное покровительство над монастырями должно было перейти от византийского императора к новому владыке, от которого и будет зависеть дальнейшее благосостояние монастырей. Дошедшие до нас жалованные грамоты (хрисовулы) Душана греческим монастырям Афона, написанные по-гречески, свидетельствуют не только о подтверждении им прежних монастырских льгот, привилегий и владений, но и о пожаловании им новых. Помимо хрисовулов отдельным монастырям есть указание на общий хрисовул, которым Душан благодетельствовал все афонские монастыри; в последнем хрисовуле мы читаем: «Царственность моя, принявши все находящиеся на св. горе Афоне обители, от всей души прибегшие и подчинившиеся ей, общим

---

[1] Там же, с. 110.

хрисовулом всем им доставила и оказала богатое благодеяние, дабы подвизающиеся в них монахи безмятежно и тихо совершали дело Божие».[1]

На Пасху 1346 г. наступил знаменательный день в сербской истории. В Скопии (Скопле, Ускуб в северной Македонии), стольном городе Душанов, собрались именитые властители со всего Сербского королевства, все высшее сербское духовенство во главе с сербским архиепископом, болгарское и греческое духовенство завоеванных областей и, наконец, прот, т. е. глава совета игуменов, управляв-шего Афоном, игумены и старцы святой Афонской горы. Этому многолюдному торжественному собору «предстояло узаконить и освятить совершенный Душаном политический переворот — основание нового царства».[2]

Прежде всего собор учредил сербское патриаршество, совершенно независимое от цареградского патриарха. Такой сербский независимый патриарх был необходим Душану для самого акта его венчания на царство. Так как избрание этого патриарха происходило без участия вселенских патриархов, то место цареградского патриарха должны были занять на соборе 1346 г. греческие епископы и святогорские старцы. Сербский патриарх был избран, а Константинопольский патриарх, отказавшийся признать действия собора законными, произнес на Сербскую церковь отлучение.

После избрания патриарха было совершено торжественное венчание Душана царским венцом. Вероятно, этому событию предшествовала церемония провозглашения его царем в Сересе вскоре после занятия этого города. В связи с вышесказанным, при дворе Душана был введен пышный придворный штат и были усвоены византийские нравы и обычаи. Новый «василевс» приблизил к себе представителей греческой знати; греческий язык, по-видимому, стал официально равноправным с языком сербским, так что многие грамоты Душана были написаны по-гречески. «Привилегированные сословия в Сербии, властели и духовенство, пользовавшиеся в стране огромным влиянием и силой и стеснявшие свободу действий сербских кралей, должны были склониться перед высшим авторитетом царя, как носителя абсолютной монархической идеи».[3] Согласно византийскому обычаю, Душан вместе с собой венчал на царство свою супругу, а их десятилетний сын был венчан «кралем всех сербских земель».

---

[1] *Т. Д. Флоринский.* Афонские акты, с. 95; *Порф. Успенский.* Восток Христианский. Афон. III, 2. СПб., 1892, с. 156.

[2] *Т. Д. Флоринский.* Южные славяне и Византия, т. 2, с. 126.

[3] *Он же.* Памятники законодательной деятельности Душана. Киев, 1888, с. 13.

После коронации Душан целым рядом жалованных грамот (хрисовулов) выразил греческим монастырям и церквам свою благодарность и благорасположение и посетил со своей супругой Афон, где пробыл около четырех месяцев, богомольствуя во всех монастырях, щедро одаряя их и принимая всюду «благословеніе отъ светыхъ и чьстныихъ и аггеломъ подобныихъ житіемь отьць».[1]

После венчания на царство единственной мечтой Стефана сделалось взятие Константинополя; ему казалось, что для этого, после его побед и коронации, препятствий уже не встречается. Хотя походы его против Византии в последний период его правления не были столь часты и почти непрерывны, как раньше, и внимание его было отвлекаемо то военными действиями на западе и севере, то внутренним устроением своей монархии, но тем не менее, по словам профессора Флоринского, «для всего этого внимание Душана т о л ь к о о т р ы в а е т с я, не более: взоры и мысли его по-прежнему сосредоточены на том же заманчивом крайнем юго-востоке полуострова. Желание овладеть этим юго-востоком или, собственно, находящимся на нем мировым городом теперь еще более охватывает все помыслы царя, становится руководящим мотивом его деятельности, характеризует все время его царствования».[2]

Но увлеченный мечтой о легком завоевании Константинополя, Душан не сразу понял существовавшие уже в то время серьезные препятствия к достижению намеченного им плана, а именно: усилившееся могущество турок, которые также стремились к византийской столице и с которыми плохо организованное сербское войско справиться было не в силах; кроме того, для овладения Константинополем нужно было иметь флот, которого у Душана не было. Последний задумал для увеличения морской силы вступить в союз с Венецией; но этот шаг был заранее обречен на неудачу, так как республика св. Марка, не желавшая мириться с возвращением Константинополя Палеологам, никогда не согласилась бы помочь Душану в завоевании этого города для него и для его государства; если бы Венеция завоевала Константинополь, то она завоевала бы его для себя. Попытка Душана войти в союзные отношения с турками, благодаря политике Иоанна Кантакузина, также не удалась; к тому же, интересы Душана и турок непременно должны были бы столкнуться. Вмешательство же во внутреннюю распрю империи никаких ощутимых результатов для планов Душана дать не могло. В последние годы его правления сербский отряд, сражавшийся на стороне Иоанна V Палеолога, был перебит турками. Для Душана настало время разочарования в его широких

---

[1] *Т. Д. Флоринский*. Южные славяне и Византия т. 2, с. 134.
[2] Там же, с. 141.

и смелых замыслах; для него стало ясно, что пути к Царьграду были для него закрыты.

Известие позднейших дубровницких (рагузских) хроник о предпринятом Душаном в год его смерти громадном походе на Константинополь, не осуществившемся только вследствие внезапной кончины царя, не подтверждается никакими современными свидетельствами и лучшими знатоками данной эпохи не признается за действительно бывшее событие.[1] В 1355 г. великого сербского государя не стало. Таким образом, Душану не удалось создать греко-сербского царства, которое должно было заменить Византийскую империю; он «успел образовать только Сербское царство, включавшее в себя многие греческие земли» [2] и распавшееся после его смерти, по выражению Иоанна Кантакузина, «на тысячи кусков».[3]

Существование монархии Душана было настолько непродолжительно, что в ней, собственно говоря, по словам профессора Флоринского, «наблюдать можно только два момента: момент образования, продолжающийся во все время царствования Душана, и момент распадения, начавшийся тотчас после смерти ее основателя».[4]

«Через десять лет после этого, — пишет другой русский ученый, профессор А. Погодин, — можно было вспоминать о величии сербского царства, как об отдаленном прошлом».[5] Итак, третья, наиболее грандиозная и последняя попытка славян образовать на Балканском полуострове великую державу, со включением в нее Константинополя, закончилась неудачей. Для завоевательных планов воинственных османских турок Балканский полуостров был открыт и почти беззащитен.

Политика Византии во второй половине XIV века

Турки. К концу царствования Андроника Младшего турки являлись почти полными хозяевами Малой Азии. Восточная часть Средиземного моря и Архипелаг находились под угрозой нападения турецких пиратов, как из османов, так и из сельджуков. Положение христианского населения полуострова, прибрежных местностей и островов было невыносимым. Торговля замерла. Турецкие атаки на афонские монастыри вынудили одного из монахов, Афанасия, эмигрировать в Грецию, в Фессалию, где он основал знаменитые монастыри «в воздухе», «волшебные и фантастические „метеоры“,*

---

[1] *Т. Д. Флоринский.* Там же, т. 2. с. 200—201; 206—207.
[2] Там же, т. 2, с. 208.
[3] *Joannis Cantacuzeni* Historiae, IV, 43, Bonn ed., vol. III, p. 315.
[4] *Т. Д. Флоринский* Южные славяне и Византия, т. 2, с. 1.
[5] *А. Погодин.* История Сербии. СПб., 1909, с. 79.

* Это слово по-гречески означает: «высоко поднимающийся, поднятый вверх, небесный».

украшающие острые вершины скал мрачной долины Калабака».[1] Король кипрский и магистр ордена госпитальеров, или иоаннитов, владевших с начала XIV века островом Родосом, умоляли папу поднять западноевропейские государства в поход против турок. Но небольшие освободительные экспедиции, проведенные в ответ на призыв папы, несмотря на некоторый успех, не могли привести к желанному результату. Ближайшим стремлением турок было желание прочно утвердиться на европейском берегу. Выполнение намеченного ими плана облегчалось междоусобной войной в империи, которая, особенно в лице Иоанна Кантакузина, не переставала вмешивать турок в свои внутренние дела.

Обычно первое утверждение османских турок в Европе связывается с именем Иоанна Кантакузина, часто опиравшегося на них в своей борьбе с Иоанном Палеологом. Кантакузин, как известно, даже выдал свою дочь замуж за султана Урхана. По приглашению Кантакузина, турки, являясь его союзниками, не раз опустошали Фракию. Византийский историк XIV века Никифор Григора замечает, что Кантакузин настолько же ненавидел ромеев, насколько любил варваров.[2] Вполне возможно, что первые поселения турок на Галлипольском полуострове (Херсонисе) произошли с ведома и с согласия Кантакузина. Тот же византийский историк пишет, что в то время, как в дворцовом храме должно совершаться христианское богослужение, допущенные в столицу османы у дворца пляшут и поют, «выкрикивая непонятными звуками песнопения и гимны Мухаммеда, чем они более привлекают толпу к слушанию себя, чем к слушанию божественных евангелий».[3] Для удовлетворения финансовых требований турок Кантакузин отдал им даже деньги, присланные из России великим князем Московским Симеоном Гордым на исправление пришедшего в упадок храма Св. Софии.

Хотя частные поселения турок в Европе, а именно во Фракии и на Фракийском (Галлипольском) полуострове, уже существовали, по всей вероятности, с первых лет правления Кантакузина, однако, они не казались особенно опасными, так как подчинялись, конечно, византийским властям. Но в начале пятидесятых годов на Херсонесе Фракийском, около Каллиполя (Галлиполи), в руки турок попал небольшой укрепленный замок Цимпа. Попытка Кантакузина при помощи денег заставить турок очистить Цимпу не удалась.

---

[1] См: *N. A. Bees*. Geschichtliche Forschungsresultate und Mönchs- und Volkssagen über die Gründer der Meteorenklöster. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher, Bd. III, 1922, S. 364—369; *W. Miller*. The Latins in the Levant. London, 1908, pp. 294—295; *I. Boghiatzides*. Τὸ χρονικὸν τῶν Μετεώρων. — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, vol. II, 1925, pp. 149—182.

[2] *Nicephorus Gregoras*. Historia, XXVIII, 2; Bonn ed., vol. III, p. 177.

[3] Ibid., 40. Bonn ed., vol. III, pp. 202—203.

В 1354 г. почти весь южный берег Фракии постигло страшное землетрясение, разрушившее целый ряд городов и укреплений. Воспользовавшись этим, укрепившись в Цимпе, турки заняли на Херсонесе несколько оставленных населением городов, в том числе Каллиполь (Галлиполи), который они, выстроив стены, соорудив сильные укрепления и арсенал, поместив большой гарнизон, превратили в высшей степени важный стратегический центр, сделавшийся опорным пунктом для дальнейшего продвижения по Балканскому полуострову. Опасность для Константинополя тотчас была понята населением, которое по получении известия о захвате турками Каллиполя впало в отчаяние. По свидетельству современного той эпохе видного представителя литературы, Димитрия Кидониса, крики и плач раздались по всему городу.

«Какие речи, — пишет он, — преобладали тогда в городе? Не погибли ли мы? Не находимся ли мы все в стенах (города) как бы в сети варваров?.. Не казался ли счастливцем тот, кто перед опасностями тогда покинул город»? По словам того же автора, все, «чтобы избегнуть рабства», спешили уезжать в Италию, в Испанию, и даже дальше — «к морю за Столбами»,[1] т. е. за Гибралтарским проливом (Геркулесовыми Столбами), может быть, в Англию. Русская летопись по поводу данных событий отмечает: «Въ лъто 6854 (1346 г.) перевезлися Измаилятяне на сю сторону в Греческую землю. Въ лъто 6865 (1357 г.) взяли у Греков Калиполь».[2]

Венецианский представитель в это время в Константинополе, учитывая создавшееся положение, сообщал своему правительству о турецкой опасности, о возможности перехода остатков империи в руки турок, о всеобщем недовольстве в Византии императором и правительством и о желании большинства населения подчиниться латинянам и прежде всего Венеции. В другом донесении тот же представитель писал, что в видах защиты от турок константинопольские греки больше всего желают владычества Венеции или, если не будет его, «государя Венгрии или Сербии».[3] Насколько последняя точка зрения венецианского представителя отражала настоящее настроение Константинополя, сказать трудно.

Обыкновенно в исторической литературе и в школьных руководствах главным, почти единственным виновником первоначального утверждения турок на Балканском полуострове является

---

[1] *Demetrius Cydones*. Συμβουλευτικὸς ἕτερος. — PG, vol. CLIV, col. 1013.

[2] Воскресенская летопись. (Полное Собрание Русских Летописей, т. 7, с. 251).

[3] См.: *N. Iorga*. Latins et Grecs d'Orient et l'établissement des Turcs en Europe (1242—1362). — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XV, 1906, S. 217; *K. Hopf*. Geschichte Griechenlands... Bd. I, S. 448.

Иоанн Кантакузин, призвавший их себе на помощь в своей личной борьбе за власть с Иоанном Палеологом. Создавалось впечатление, что вся ответственность за дальнейшее варварское хозяйничанье турок в Европе должна лежать на Кантакузине. Но, конечно, не в нем одном заключается причина этого рокового для Византии и Европы события. Главную причину надо видеть в общем положении Византии и Балканского полуострова, которые не могли уже поставить никаких серьезных препятствий к неудержимому натиску турок на запад. Если бы Кантакузин не призывал их в Европу, они все равно туда бы пришли. По словам профессора Флоринского, прекрасного знатока данной эпохи, «турки сами по себе своими постоянными набегами проложили себе путь к завоеванию Фракии; успехам и безнаказанности их нашествий содействовало печальное внутреннее положение греко-славянского мира; наконец, ни у одного из политических деятелей разных государств и народов, действующих в данное время в пределах этого мира, не видно ни малейшего сознания грозной опасности от надвигающейся мусульманской силы; напротив, все стараются вступать с ней в компромиссы для узко эгоистических целей, так что Кантакузин в этом отношении не представляет особого исключения». Подобно Кантакузину, мыслью о союзе с турками были заняты в то время венецианцы и генуэзцы, «эти привилегированные защитники христианства против исламизма». Такого же союза с турками искал и великий «царь сербов и греков» Душан. «Никто, конечно, не станет совершенно оправдывать и Кантакузина; нельзя снять с него всей вины за печальные события, приведшие к утверждению турок в Европе, но не нужно забывать, что и не один он виноват. И Стефан Душан, быть может, также водил бы с собой турецкие полчища по полуострову, как водил их Кантакузин, если бы последний не предупредил его и не помешал ему сойтись с Урханом. Такое уж было тогда тревожное, беспорядочное время!» [1]

Утвердившись в Галлиполи и пользуясь непрекращавшимися внутренними смутами в Византии и в славянских государствах Болгарии и Сербии, турки стали продолжать свои завоевания на Балканском полуострове. Преемник Урхана, султан Мурад I, после занятия целого ряда укрепленных городов в ближайших окрестностях Константинополя, овладел такими крупными центрами, как Адрианополь и Филиппополь и, двигаясь на запад, начал угрожать Фессалонике. В Адрианополь была перенесена столица турецкого государства. Константинополь постепенно окружался турецкими владениями. Император продолжал платить дань султану.

Эти завоевания поставили Мурада лицом к лицу с Сербией и Болгарией, которые к тому времени уже потеряли свою былую

---

[1] *Т. Д. Флоринский.* Южные славяне и Византия, т. 2, с. 192—193.

силу благодаря внутренним раздорам. Мурад двинулся на Сербию. Навстречу ему выступил сербский князь Лазарь. Решительное сражение разыгралось летом 1389 г. в центре Сербии, на Коссовом поле. Вначале казалось, что победа была на стороне сербов. Рассказывают, что один из сербских храбрецов, Милош Обилич, или Кобилич, пробрался в турецкий лагерь, притворился перешедшим на сторону турок и, проникнув в шатер Мурада, убил его ударом отравленного кинжала. Возникшее после этого среди турок замешательство было быстро устранено сыном убитого Мурада Баязидом, который, окружив сербское войско, нанес ему полное поражение. Попавший в плен князь Лазарь был казнен. Год сражения на Коссовом поле может быть признан годом падения Сербии. Жалкие остатки сербского государства, продолжавшие еще существовать в продолжение семидесяти лет, не заслуживают названия государства. Сербия в 1389 г. подчинилась Турции.[1]

Через четыре года (в 1393 г.), т. е. уже после смерти Иоанна V, столица Болгарии, Тырново, также была завоевана турками, а немного позднее вся болгарская территория вошла в состав Турецкой империи.

Незадолго до смерти престарелому и уже больному Иоанну V пришлось вынести новое унижение, ускорившее его кончину. Перед опасностью для столицы от турок Иоанн приступил к исправлению городских стен и возведению укреплений. Узнав об этом, султан приказал ему разрушить построенное, угрожая в случае отказа ослепить сына императора и наследника Мануила, находившегося в то время при дворе Баязида. Иоанн вынужден был исполнить это требование. Константинополь вступил в критическую пору своего существования.

Генуя, Черная смерть 1348 г. и венецианско-генуэзская война

К концу правления Андроника III генуэзская колония в Галате, достигнув крупного экономического и политического влияния, сделалась как бы государством в государстве. Пользуясь почти полным отсутствием флота у Византии, галатские генуэзцы заполнили своими судами все порты Архипелага и захватили всю ввозную торговлю на Черном море и в проливах. По свидетельству современного источника (Никифора Григоры), таможенные доходы Галаты ежегодно достигали до 200 000 золотых, в то время как Византия с

---

[1] О греческих источниках, рассказывающих о битве при Коссово, см: N. Radojčić. Die griechischen Quellen zur Schlacht am Kossovo Polje. — Byzantion, vol. VI, 1931, pp. 241—246; *H. Grégoire*. L'Opinion byzantine et la bataille de Kossovo. — Byzantion, vol. VI, 1931, pp. 247—251.

трудом получала с этих сборов едва 30 000 золотых.[1] Понимая всю опасность для Византии со стороны Галаты, Иоанн Кантакузин, несмотря на раздиравшую государство внутреннюю смуту, приступил, насколько позволяли расстроенные финансы страны, к постройке военных и торговых судов. Встревоженные галатцы решили силой сопротивляться замыслам Кантакузина; они заняли господствующую над Галатой возвышенность и построили там стены, башню и различные земельные укрепления. Нападение генуэзцев на сам Константинополь окончилось, однако, для них неудачно. Выстроенные Кантакузином суда вошли в Золотой Рог для борьбы с генуэзцами, которые уже склонялись к миру ввиду силы нового византийского флота. Но неопытность греческих судовых начальников и разразившаяся буря, чем умело воспользовался генуэзский адмирал, привели к тому, что греческий флот был разгромлен, и галатцы после этого с торжеством разъезжали на разукрашенных судах мимо императорского дворца, издеваясь над императорским флагом, снятым с разбитых греческих кораблей. По условиям заключенного с генуэзцами мира спорные высоты над Галатой остались в их руках. Генуэзская Галата стала еще более опасной для Константинополя.

Подобное усиление и до того уже преобладающего влияния генуэзцев при Палеологах не могло не отразиться на положении Венеции, видевшей в Генуе своего главного торгового врага на Востоке. Особенно остро сталкивались интересы обеих республик на Черном море и на Меотиде (Азовском море), где генуэзцы утвердились в Каффе (в Крыму, современной Феодосии) и в Тане, у устьев Дона (у современного Азова). Босфор, т. е. вход в Черное море, также находился в руках генуэзцев, которые, владея Галатой, устроили на берегу пролива род таможенного пункта, взимавшего торговые пошлины со всех негенуэзских судов, преимущественно венецианских и византийских, направлявшихся в Черное море. Целью Генуи было установить по его берегам торговую монополию. На островах и побережье Эгейского моря интересы Венеции и Генуи также сталкивались.

От немедленного столкновения временно удержала обе республики чума 1348 и следующих годов, парализовавшая их силы. Это страшное моровое поветрие, так называемая Черная смерть, будучи занесена из глубины Азии на побережье Меотиды (Азовского моря) и в Крым, перебросилась, благодаря зачумленным генуэзским торговым галерам, вышедшим из Таны и Каффы, в Константинополь, где унесла, по несколько преувеличенному, вероятно, свидетельству западных хроник, $^{8}/_{9}$ или $^{2}/_{3}$ населения.[2] Оттуда зараза

---

[1] *Nicephorus Gregoras*. Historia, XVII, 1, 2; Bonn ed., vol. II, p. 842.

[2] Chronicon Estense. Ed. L. A. Muratori. (Scriptores Rerum italicarum. XV). Milano, 1729, p. 448; *Bartholomaeus della Pugliola*. Historia miscella

перешла на острова Эгейского моря и на Средиземное побережье. Византийские историки оставили нам подробное описание самой болезни, указывая на полное бессилие врачей в борьбе с ней.[1] В своем описании этой эпидемии Иоанн Кантакузин подражал знаменитому описанию афинской чумы во второй книге Фукидида. Из Византии генуэзские галеры, как рассказывают западные хроники, разнесли заразу по прибрежным городам Италии, Франции и Испании. «Есть нечто невероятное, — замечает М. М. Ковалевский, — в этом безостановочном странствовании зачумленных галер по средиземноморским портам».[2] Из последних чума распространилась на север и запад и охватила Италию, Испанию, Францию, Англию, Германию и Норвегию.[3] В это время в Италии Боккаччо писал свой знаменитый «Декамерон», который, как известно, начинается «классическим по своей картинности и размеренной торжественности описанием черной смерти»,[4] когда здоровые люди еще «утром обедали с родными, товарищами и друзьями, а на следующий вечер ужинали со своими предками на том свете».[5] Ученые сравнивают описание Боккаччо с описанием чумы Фукидида, а некоторые ставят гуманиста даже выше классика.[6]

Из Германии по Балтийскому морю и через Польшу чума проникла во Псков, Новгород, Москву, где жертвой ее в 1353 г. стал великий князь Симеон Гордый, и распространилась почти по всей России. В некоторых городах, по свидетельству русской летописи, не осталось в живых ни одного человека.[7]

Венеция деятельно готовилась к войне. После того как ужасы морового поветрия несколько позабылись, республика св. Марка заключила союз с королем Арагонии, который, имея счеты с генуэз-

---

Bononiensis. Ed. L. A. Muratori. (Scriptores Rerum italicarum. XVIII, p. 409).

[1] *Nicephorus Gregoras*. Historia, XV, 1, 5; Bonn ed., vol. II, p. 797—798; *Johannis Cantacuzeni* Historiae, IV, 8; Bonn ed., vol. III, p. 49—53.

[2] *М. М. Ковалевский*. Экономический рост Европы, т. III. М., 1903, с. 191; *A. A. Vasiliev*. The Goths in the Crimea, pp. 175—177. Приведена библиография.

[3] О Норвегии см.: *K. Gjerset*. History of the Norwegian People. New York, vol. I. 1915, p. 202.

[4] *А. Н. Веселовский*. Бокаччьо, его среда и современники. — Собрание сочинений, т. 5, Петроград, 1915, с. 451, 448; Сборник отдела русского языка и словесности Академии Наук, т. 52, 1893, с. 444, 447.

[5] *Дж. Бокаччьо*. Декамерон. Перевод А. Н. Веселовского, т. I. Москва, 1891, с. 12 (День Первый. Вступление.)

[6] См.: *М. Корелин*. Ранний итальянский гуманизм и его историография. М., 1892, с. 495.

[7] Никоновская летопись. — Полное Собрание Русских Летописей, т. X, с. 224 (о Глухове и Белозерске-Белоозере).

цами, согласился своими нападениями на берега и острова Италии отвлекать силы Генуи и тем самым облегчать действия Венеции на Востоке. После некоторого колебания к арагоно-венецианскому союзу против Генуи присоединился и Иоанн Кантакузин, обвинявший «неблагодарный народ генуэзцев» в том, что они забыли «страх Божий», что они опустошали моря, «как будто бы их обуяла мания грабежа», что они «старались непрестанно беспокоить моря и мореплавателей своими пиратскими нападениями».[1]

Главный бой, в котором приняли участие около 150 кораблей греческих, венецианских, арагонских, генуэзских, произошел в начале пятидесятых годов в Босфоре, не дав решительного результата; обе стороны приписывали себе победу. Сближение генуэзцев с турками-османами заставило Иоанна Кантакузина отказаться от союза с Венецией и примириться с генуэзцами, которым он обещал не помогать впредь Венеции и соглашался расширить генуэзскую колонию Галаты. Однако, утомленные войной Венеция и Генуя, после нескольких столкновений, заключили между собой мир. Последний, не решив главного вопроса в споре между двумя республиками, продолжался недолго; снова вспыхнула между ними война, которую можно назвать Тенедосской войной. Тенедос, один из немногих островов Архипелага, остававшихся еще в руках византийских императоров, получил, благодаря своему положению у входа в Дарданеллы, первостепенное значение для государств, имевших торговые сношения с Константинополем и Черным морем. С тех пор как оба берега пролива перешли в руки османских турок, Тенедос сделался прекрасным наблюдательным пунктом за их действиями. Венеция, уже давно мечтавшая о занятии этого острова, после целого ряда переговоров с императором, наконец, получила от него согласие на это. Но на уступку Тенедоса Венеции не могли согласиться генуэзцы, которые, чтобы воспрепятствовать выполнению этого плана, успели поднять в Константинополе восстание, низложив, как было упомянуто выше, Иоанна V и посадив на престол на три года его старшего сына Андроника. Разразившаяся война между двумя республиками, изнурившая последние и разорившая все государства, которые имели торговые интересы на Востоке, закончилась, наконец, в 1381 г. миром в Турине, главном городе Савойского герцогства.

До нас дошел подробный и обширный текст туринской конференции,[2] занявшейся, при непосредственном участии Савойского

---

[1] См.: *N. Iorga*. Latins et Grecs d'Orient et l'établissement des Turcs en Europe. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XV, 1906, S. 208.

[2] Liber jurium reipublicae Genuensis, vol. II, Augustae Taurinorum, 1857, pp. 858—906 (Monumenta historiae patriae, IX); Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium, vol. IV, pp. 199—263.

герцога, разработкой и решением разнообразных общих вопросов столь сложной в то время международной жизни и выработавшей условия мира; из последних для нас интересны лишь те, которые, решив спор между Венецией и Генуей, имели отношение к Византии. Венеция должна была очистить остров Тенедос, укрепления которого были срыты; остров в определенный срок должен был перейти в руки Савойского герцога (in manibus prefati domini Sabaudie comitis), находившегося в родстве с Палеологами (по Анне Савойской, супруге Андроника III). Таким образом, ни Венеция, ни Генуя не получали этого важного стратегического пункта, к обладанию которым они так сильно стремились.

Испанский путешественник Перо Тафур, который посетил Константинополь в 1437 году, оставил весьма интересное описание Тенедоса: «Мы прибыли к острову Тенедос, перед которым бросили якорь и где мы высадились. Пока корабль приводили в порядок, мы пошли посмотреть остров. Там много зайцев, остров весь покрыт виноградниками, которые, однако, все повреждены. Порт Тенедоса кажется настолько новым, что можно подумать — он построен сегодня, надо сказать, мастерской рукой. Мол сделан из больших камней и колонн, и корабли имеют там хороший причал и места для якорной стоянки. Имеются и другие места, где корабли могут бросить якорь, однако это является лучшим, ибо расположено напротив проливов Романии [*Дарданелл*].* Над портом находится высокий холм, как бы увенчанный сильным укрепленным замком. Этот замок был причиной многочисленных конфликтов между венецианцами и генуэзцами до того дня, когда папа решил, что он должен быть разрушен и не будет принадлежать никому. Без сомнения, это было неразумно, так как порт является одним из лучших в мире. Ни один корабль не может войти в проливы без того, чтобы не бросить сперва здесь якорь и найти проход, который очень узок. Турки, зная, сколько кораблей здесь останавливаются, вооружаются, устраивают засады и убивают много христиан».[1]

Что же касается острого вопроса о торговой монополии генуэзцев в Черном море и Меотиде, особенно в колонии Тане, то, по условиям туринского мира, Генуя должна была отказаться от своего намерения закрыть венецианцам рынки Черного моря и доступ в Тану. Торговые нации возобновили свои сношения с Таной, которая, будучи расположена в устьях Дона, являлась одним из очень

---

* Пояснение в скобках принадлежит А. А. Васильеву.

[1] Andanças é viajes de Pero Tafur por diversas partes del mundo avidos (1435—1439). Madrid, 1874, pp. 135—136. (Collection de libros españoles raros ó curiosos, vol. VIII). Английский перевод — *Pero Tafur*. Travels and Adventures 1435—1439, translated and edited with an Introduction by M. Letts. New York, London, 1926, pp. 113—114.

важных центров торговли с восточными народами. Мирные отношения Генуи с получившим снова престол престарелым Иоанном V были восстановлены. Византия снова должна была лавировать между двумя республиками, торговые интересы которых на Востоке, несмотря на заключенный мир, продолжали сталкиваться. Во всяком случае, туринский мир, который закончил большую войну, вызванную экономическим соперничеством Венеции и Генуи, имел крупное значение уже потому, что позволил народностям, поддерживавшим сношения с Романией, возобновить их давно прерванную торговлю. Дальнейшая судьба последней зависела, впрочем, от османских турок, которым, как было уже ясно в конце XIV века, принадлежало будущее Христианского Востока.

Мануил II (1391—1425) и турки

В одном из своих посланий Мануил II писал: «Когда я вышел из ребяческих лет и не достиг еще возраста мужа, меня в то время окружала жизнь, исполненная треволнения и смуты; но по многим признакам она позволяла предвидеть, что наше будущее заставит смотреть на прошедшее, как на время ясного спокойствия».[1] Эти предчувствия не обманули Мануила.

Мы уже знаем, в каком безотрадно унизительном положении находилась Византия или, лучше сказать, Константинополь в последние годы правления Иоанна V. В момент смерти последнего Мануил находился при дворе султана Баязида. Когда весть о смерти отца дошла до него, ему удалось убежать от султана и достичь Константинополя, где он и был коронован императором. По сведениям византийского источника, Баязид, боясь популярности Мануила, раскаивался в том, что не умертвил последнего во время его пребывания при своем дворе. Отправленный в Константинополь к Мануилу посол Баязида, как рассказывает тот же византийский историк (Дука), передал новому императору от лица султана такие слова: «Если ты хочешь исполнять мои приказания, затвори ворота города и царствуй внутри него; все же, что лежит вне города, принадлежит мне».[2] Действительно, с этих пор Константинополь находился как бы в состоянии осады. Единственным облегчением для столицы было неудовлетворительное состояние морского дела у турок, которые из-за этого, несмотря на то, что владели обоими берегами Дарданелл, пока не были в состоянии совершенно отрезать Византию от сообщения через этот пролив с внешним миром.

---

[1] *Berger de Xivrey*. Mémoire sur la vie et les ouvrages de l'empereur Manuel Paléologue. — Mémoires de l'Institut de France. Académie des Inscriptions et des belles-lettres, t. XIX, (2), Paris, 1853, pp. 25—26.

[2] *M. Ducae* Historia byzantina, XIII, Bonn ed., p. 49.

Особенно страшным был для Христианского Востока момент, когда Баязид, созвав хитростью в одно место представителей фамилии Палеологов во главе с Мануилом и славянских князей, имел, по-видимому, намерение сразу покончить с ними, чтобы, по собственным словам султана, «после очищения страны от терниев, под которыми он подразумевал нас (т. е. христиан; об этом пишет Мануил), его сыновья могли плясать в земле христиан, не боясь окровянить своих ног».[1] Однако, представители правящих фамилий были пощажены, и суровый гнев султана поразил лишь многих знатных лиц из их свиты.

В 1392 году Баязид организовал морскую экспедицию против Синопа в Черном море. Однако во главе турецкого флота султан поставил императора Мануила. Поэтому-то венецианцы считали, что экспедиция направлена не против Синопа, а против венецианских колоний, расположенных южнее Дарданелл, в Архипелаге. Венецианцы думали также, что это не турецкая экспедиция, а замаскированная греческая экспедиция, поддержанная турецкими войсками. Современный исследователь замечает, что восточный вопрос в конце XIV века мог быть разрешен образованием греко-турецкой империи.[2] Этот интересный эпизод, известный по архивам Венеции, не имел существенных последствий. Вскоре Византия и Баязид разошлись и Мануил обратился к Западу, забытому на некоторое время.

Под влиянием обстоятельств Мануил начал дружественные переговоры с Венецией. Баязид старался отрезать Константинополь от стран, где он запасался продовольствием. В столице начался голод. По словам византийского хрониста, народ вынужден был разбирать свои жилища, чтобы собрать дров, необходимых для выпечки хлеба.[3] По просьбе византийских посланников, Венеция отправила немного зерна в Константинополь.[4]

Крестовый поход Сигизмунда Венгерского и сражение при Никополе. Успехи турок на Балканском полуострове, между тем, снова ставили на очередь вопрос о прямой опасности с их стороны для Западной Европы. Покорение Болгарии и почти полное подчинение Сербии привели турок к границам Мадьярского (Венгер-

---

[1] *Manuelis Palaeologi* Oratio funebris in proprium eius fratrem despotam Theodorum Palaeologum. — PG, vol. CLVI, col. 235.

[2] *M. Silberschmidt*. Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des Türkischen Reiches nach Venezianischen Quellen. Ein Beitrag zur Geschichte der Beziehungen Venedigs zu Sultan Bajezid I, zu Byzanz, Ungarn und Genua und zum Reiche von Kiptschak (1381—1400). Leipzig-Berlin, 1923, S. 78—79. См. также рецензию на эту книгу: Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXVIII, 1928, S. 144.

[3] *M. Ducae* Historia byzantina, XII; Bonn ed., p. 50.

[4] *M. Silberschmidt*. Das orientalische Problem... S. 87.

ского) королевства. Король последнего Сигизмунд, чувствуя полное бессилие и невозможность справиться личными силами с надвигавшейся турецкой угрозой, обратился за помощью к европейским государям. С наибольшим энтузиазмом отозвалась на призыв Франция, король которой, уступая голосу народа, отправил к Сигизмунду, правда, небольшой отряд. Во главе его стоял герцог Бургундский. Польша, Англия, Германия и некоторые другие более мелкие государства также прислали незначительные отряды. К кампании присоединилась и Венеция. Как раз перед крестовым походом Сигизмунда Мануил, судя по всему, образовал союз с генуэзцами Эгейских островов, в частности с Лесбосом и Хиосом, а также с рыцарями-госпитальерами (иоаннитами) Родоса,* иными словами — с христианскими аванпостами в Эгейском море.[1] Что касается отношения Мануила к крестовому походу Сигизмунда, то, вероятно, он обязался принять участие в издержках на предполагаемую экспедицию.

Крестоносное предприятие окончилось полной неудачей. В 1396 г. в сражении под Никополем (на правом берегу нижнего Дуная) крестоносцы были наголову разбиты турками и должны были вернуться по домам. Спасшийся с трудом Сигизмунд на небольшом судне через устье Дуная и Черное море достиг Константинополя, откуда кружным путем через Архипелаг и Адриатическое море вернулся в Венгрию.[2] Участник никопольской битвы, попавший в плен к туркам и пробывший некоторое время в Галлиполи, баварский солдат Шильтбергер, описывает, как очевидец, проезд Сигизмунда через Дарданеллы, чему турки воспрепятствовать не смогли. По его свидетельству, турки, узнав о проезде короля, выставили на берегу всех своих христианских пленных и с насмешкой кричали Сигизмунду, чтобы он сошел с корабля и освободил свой народ.[3]

После поражения западных крестоносцев под Никополем победитель Баязид, чтобы поскорее покончить с Константинополем, решил разорить те немногие области, которые почти номинально принадлежали империи и откуда осажденная столица могла получать помощь. Он без труда опустошил подчинившуюся ему Фессалию и, согласно турецким источникам, на короткое время даже

---

* В английском тексте — the Knights of Rhodes.

[1] *M. Silberschmidt*. Das orientalische Problem... S. 119.

[2] Aziz Suryal Atiya. The Crusade of Nicopolis. London, 1938; *H. L. Savage*. Enguerrand de Coucy VII and the Campaign of Nicopolis. — Speculum, vol. XIV, 1939, pp. 423—442.

[3] *H. Schiltberger*. Reisebuch, herausgegeben von L. Langmantel. Tübingen, 1885, S. 7. (Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart, CLXXII). Есть русский перевод — Записки Новороссийского университета, т. 1, 1867, с. 6.

захватил Афины.[1] Его лучшие военачальники подвергли страшному разгрому Морею (Пелопоннес), где с титулом деспота правил в то время брат Мануила.

Между тем в самой столице росло народное недовольство; утомленное и изнуренное население роптало, обвиняя в своих бедах и несчастьях Мануила, и стало обращать свои взоры на его племянника Иоанна, свергнувшего в 1390 г. на несколько месяцев престарелого отца Мануила Иоанна V.

Экспедиция маршала Бусико. Мануил, понимая, что одними собственными силами ему с турками не справиться, решил обратиться за помощью к наиболее влиятельным представителям Западной Европы и русскому великому князю Василию I Димитриевичу. Папа, Венеция, Франция, Англия и, может быть, Арагония сочувственно отнеслись к призыву Мануила. Особенно лестным показалось его обращение французскому королю, так как, по словам современной западной хроники, «случилось впервые, чтобы древние государи всего мира взывали к помощи Франции из столь отдаленной страны».[2] Однако, в результате обращение Мануила к Западной Европе дало ему некоторую и, надо прибавить, недостаточную сумму денег и надежду получить от Франции помощь людьми.

Просьба Мануила о помощи, отправленная к великому князю Московскому и встреченная в Москве сочувственно, была подкреплена просьбой о том же от имени Константинопольского патриарха. По-видимому, при московском дворе вопроса об отправке войска не поднималось; дело шло лишь о даянии, по словам русской летописи, «милостыни в такой нужи и беде сущиим, во осаде седящим от турков».[3] Собранные деньги были отправлены в Константинополь, где и приняты были с великой благодарностью.

Но получаемые денежные вспомоществования не могли принести Мануилу существенной пользы.

Однако, французский король Карл VI сдержал свое обещание и послал на помощь Константинополю отряд из 1200 человек, во главе которого поставил маршала Бусико (Boucicaut). Бусико представлял собой одну из любопытнейших личностей Франции в конце XIV и начале XV веков. Человек необыкновенной храбрости и решительности, он всю свою жизнь провел в далеких путешествиях

---

[1] См.: *J. H. Mordtmann*. Die erste Eroberung von Athen durch die Türken zu Ende des 14. Jahrhunderts. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. IV, 1923, S. 346—350; *R. Loenertz*. Pour l'histoire du Péloponèse au XIVe siècle (1382—1404). — Études byzantines, vol. I, 1944, pp. 185—186.

[2] Chronique du Religieux de Saint-Denis publiée par M. L. Bellaguet, vol. II. Paris, 1840, p. 562.

[3] Никоновская летопись. — Полное Собрание Русских Летописей, т. XI, СПб., 1897, с. 168.

и опасных предприятиях. Еще молодым человеком он отправляется на Восток в Константинополь, объезжает Палестину, достигает Синая и в течение нескольких месяцев находится в плену в Египте. По возвращении во Францию, услышав призыв к крестовому походу от венгерского короля Сигизмунда, Бусико спешит к нему, с беззаветной храбростью бьется в несчастном сражении при Никополе и попадает в плен к Баязиду. Избегнув почти что чудом смерти и будучи выкуплен, Бусико возвращается во Францию, чтобы в следующем году со всей готовностью и энергией стать во главе отряда, отправляемого Карлом VI на Восток.

В состав отряда Бусико вошли представители наиболее выдающихся фамилий французского рыцарства. Бусико шел морем. Будучи предупрежден о приближении его судов к Дарданеллам, Баязид сделал попытку не пропустить маршала через пролив. Однако, последнему с большими опасностями удалось пробиться через Дарданнелы, занятые турецкими судами, и достичь Константинополя, где флот Бусико был встречен с радостью. Бусико и Мануил сделали целый ряд опустошительных набегов по азиатскому побережью Мраморного моря и Босфора, откуда выходили даже в Черное море. Но эти удачи не меняли сути дела: избавить Константинополь от опасности падения они не могли. В таких обстоятельствах Бусико, видя критическое положение Мануила и его столицы как со стороны финансов, так и со стороны продовольствия, решил возвратиться во Францию, но лишь после того, как убедил императора лично вместе с ним отправиться на Запад, чтобы этим произвести там более сильное впечатление и побудить западноевропейских государей к более решительным шагам. Такие скромные экспедиции, какой была экспедиция Бусико, очевидно не могли помочь отчаянному положению Византии.

Путешествие Мануила II по Западной Европе. Когда поездка Мануила на запад была решена, его племянник Иоанн согласился во время отсутствия императора взять на себя управление государством. В конце 1399 г. Мануил и Бусико, в сопровождении свиты и духовных и светских лиц, покинули столицу, направляясь морем в Венецию.[1]

---

[1] Самое детальное описание путешествия Мануила есть у А. А. Васильева. — Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399—1403). — ЖМНП, н. с., т. 39, 1912, с. 41—78; 260—304. См. также: *G. Schlumberger.* Un Empereur de Byzance à Paris et à Londres. — Revue des Deux Mondes, t. XXX, 15 dec. 1915. Эта статья перепечатана также в — *G. Schlumberger.* Byzance et croisades. Paris, 1927, pp. 87—147; *M. Jugie.* Le Voyage de l'Empereur Manuel Paléologue en Occident. — Échos d'Orient, vol. XV, 1912, pp. 322—332; *H. C. Luke.* Visitors from the East to the Plantagenet and Lancastrian Kings. — Nineteenth Century, vol. CVIII, 1930, pp. 760—769.

Положение республики св. Марка в вопросе об оказании помощи Византии было довольно затруднительно. Крупные торговые интересы на Востоке заставляли Венецию смотреть на новую появившуюся там силу турок не только с точки зрения христианского государства, но и с точки зрения своих коммерческих выгод. Поэтому иногда она даже заключала договоры с Баязидом. Уже одно это не позволяло Венеции выступить прямо и открыто на защиту падавшей Византийской империи. Кроме того, торговое соперничество с Генуей на том же Востоке и отношение Венеции к другим итальянским государствам также отвлекали ее силы от интересов Мануила. Однако, как Венеция, так и другие итальянские города, которые посетил Мануил, встретили его с почетом и чувством живейшего участия. Видался ли император с папой, — точно неизвестно. Во всяком случае, когда Мануил покидал Италию, ободренный обещаниями Венеции, миланского герцога, буллами папы и планируя посещение наиболее крупных центров Западной Европы, Парижа и Лондона, он еще верил в важность и спасительность своей далекой поездки.

Император приезжал во Францию в трудное и интересное время: это была эпоха Столетней войны, т. е. борьбы ее с Англией. Существовавшее во время приезда Мануила перемирие между обеими странами могло быть в любой момент нарушено. Внутри Франции шла ожесточенная полемика и настоящая борьба между авиньонским папой и парижским университетом, приведшая к умалению папской власти в стране и признанию единственного авторитета в церковных делах за королем. Наконец, сам король Карл VI был подвержен частым припадкам сумасшествия.

В Париже Мануилу была приготовлена торжественная встреча и богато убранное помещение в замке Лувр. Присутствовавший при въезде в Париж императора один француз описывает его внешность: будучи среднего роста и крепкого телосложения, с длинной, уже сильно поседевшей бородой, Мануил имел черты лица, внушавшие уважение, и представлял собой человека, достойного, по мнению французов, быть императором.[1]

Более чем четырехмесячное пребывание Мануила в Париже дало скромные результаты: король и королевский совет вынесли решение помочь ему отрядом в 1200 человек, во главе которого должен быть поставлен маршал Бусико. Удовлетворившись этим обещанием, император отправился в Лондон, где также с великим почетом был встречен и получил немало обещаний, в которых, впрочем, ему скоро пришлось разочароваться. В одном своем письме из Лондона Мануил сообщал, что «король дает нам помощь воинами, стрелками, деньгами и кораблями, которые доставят войско, куда нам будет

---

[1] Chronique du Religieux de Saint-Denys, publiées par M. L. Bellaguet, XXI, 1, t. II, Paris, 1840, p. 756.

нужно».[1] Однако, в действительности этого не случилось. Мануил, получив много подарков, знаков внимания и почета, но не добившись обещанной военной помощи, после двухмесячного пребывания в Лондоне вернулся в Париж. Один английский историк XV века Адам Уск по этому поводу писал: «Я подумал: насколько больно, что этот великий и далекий восточный христианский государь, побуждаемый насилием неверных, вынужден был посетить далекие западные острова, прося против них помощи. О, Боже! Что с тобой, римская прежняя слава? Великие деяния твоей империи теперь разбиты; о тебе справедливо можно будет сказать изречение Иеремии: „Великий между народами князь над областями сделался данником“ (плач Иеремии, I, 1). Кто когда-либо мог подумать, что ты, который, восседая обычно на престоле величия, управлял всем миром, дойдешь до такого унижения, что не будешь в состоянии оказать никакой помощи христианской вере!»[2]

Вторичное пребывание Мануила в Париже продолжалось около двух лет. Сведений об этом пребывании императора в Париже дошло немного. Очевидно, французы к нему присмотрелись, привыкли, и современные хронисты, отметившие немало подробностей за время первого пребывания Мануила в Париже, очень немного говорят о втором периоде его пребывания во Франции. То немногое, что мы имеем по этому вопросу, известно нам из его писем. Те из них, которые относятся к первому периоду его вторичного пребывания, отличаются бодрым настроением; но, мало-помалу, это настроение императора изменялось, так как он понимал, что на серьезную помощь ему рассчитывать было нельзя ни со стороны Англии, ни со стороны Франции. От этого второго периода у нас нет и императорских писем.

Но до нас дошли зато некоторые любопытные известия о том, чему посвящал иногда свои парижские досуги император. В прекрасно убранном замке Лувра, где жил Мануил, среди прочих украшений обратила на себя внимание императора роскошная ткань, род гобелена, с изображением на ней весны. В одну из свободных минут император сделал изящное, написанное в несколько шутливом тоне, дошедшее до нас описание этого изображения весны на «королевском тканном занавеси». Это сочинение Мануила сохранилось.[3]

Битва при Ангоре и ее значение для Византии. Между тем, безрезультатному пребыванию Мануила в Париже не было видно конца. В это время событие, случившееся в Малой Азии, заставило

---

[1] Lettres de l'empereur Manuel Paléologue, publiées par E. Legrand, vol. I. Paris, 1893, p. 52.

[2] Chronicon Adae de Usk, published by E. M. Thompson. London, 1904, p. 57 (латинский текст); p. 220 (английский перевод).

[3] PG, vol. CLVI, col. 577—580. Есть русский перевод (с. 58—60) в статье А. А. Васильева (издание указано в прим. 1 на стр. 332).

императора быстро покинуть Францию и возвратиться в Константинополь. В июле 1402 г. разыгралась знаменитая Ангорская битва, в которой Тимур (Тамерлан) разбил страшного для Византии Баязида и этим самым освободил Константинополь от опасности. Известие об этом столь важном для Мануила событии дошло до Парижа лишь через два с половиной месяца. Император быстро собрался в обратный путь и прибыл в столицу через Геную и Венецию через три с половиной года отсутствия. Славянский город на Адриатике Рагуза (Дубровник), надеясь, что император на пути домой в нем остановится, тщательно готовился к возможной встрече. Однако же Мануил проехал без остановки.[1] На память о своем пребывании во Франции Мануил пожертвовал монастырю Сен-Дени около Парижа рукопись Дионисия Ареопагита с миниатюрами, среди которых изображение императора, его супруги и трех сыновей. В настоящее время эта рукопись хранится в Лувре. Изображение Мануила получает еще больший интерес потому, что турки находили в его чертах сходство с Мухаммедом, основателем ислама, и дивились этому. А Баязид, по словам византийского историка Франдзи, говорил о Мануиле: «Всякий, кто не знает, что он царь, сказал бы по одному виду, что он царь».[2]

Безрезультатность поездки Мануила в Западную Европу для насущных нужд данного момента очевидна; последнее обстоятельство отразилось и в трудах историков и хронистов того времени, которые поняли и отметили этот печальный результат на страницах своих летописей.[3] Но это путешествие сохраняет глубокий интерес, если на него мы взглянем с точки зрения ознакомления Западной Европы с состоянием Византийской империи в период ее падения. Во всяком случае, этот эпизод может быть отнесен к истории культурного общения Запада с Востоком в конце XIV и начале XV веков, т. е. в эпоху Возрождения.

Вышеупомянутая Ангорская битва имела важное значение для последних времен византийского государства. К концу XIV века распавшаяся монгольская держава вновь объединилась под властью Тимура или Тамерлана (Тимур-Ленка, что в переводе обозначает «железный хромец»). Тимур предпринял ряд отдаленных опустошительных походов в южную Россию, северную Индию, Месопотамию, Персию и Сирию. Походы его сопровождались ужасными жестокостями; десятки тысяч людей были убиты; города разрушались; поля истреблялись. Византийский историк Дука пишет: «Когда монголы Тимура выходили из одного города, чтобы идти в другой,

---

[1] См.: *M. Andreeva*. Zur Reise Manuels II. Palaiologos nach West-Europa. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXXIV, 1934, S. 37—47.

[2] *Georgii Phrantzae* Annales, I, 39. Bonn ed., p. 117.

[3] *Georgii Phrantzae* Annales, I, 15. Bonn ed., p. 62; Chronicon Tarvisinum. — C. Muratori. Scriptores rerum italicarum, vol. XIX, p. 794.

они оставляли его настолько покинутым и пустынным, что не было совсем слышно ни лая собаки, ни крика домашней птицы, ни плача ребенка».[1]

Вступив после сирийского похода в пределы Малой Азии, Тимур столкнулся с османскими турками. Султан Баязид поспешил из Европы в Малую Азию навстречу Тимуру, и при городе Ангоре (Анкире) в 1402 г. произошла кровопролитная битва, окончившаяся полным поражением турок. Сам Баязид попал в плен к Тимуру; в плену он вскоре и умер. После Ангорской битвы Тимур не остался в Малой Азии. Удалившись оттуда, он предпринял поход против Китая, на пути куда и умер. После его смерти вся громадная монгольская держава распалась и потеряла свое значение. Турки были настолько ослаблены поражением при Ангоре, что в течение некоторого времени не могли предпринять решительных шагов против Константинополя и этим продлили еще на пятьдесят лет существование умиравшей империи.

Несмотря на незначительный успех, Мануил не отказался от своих планов и после возвращения из Западной Европы продолжал искать на Западе помощь против турок. Мы располагаем двумя весьма интересными письмами, адресованными Мануилом королям Арагона Мартину V (1395—1410) и Фердинанду I (1412—1416). В первом письме, переданном при посредничестве знаменитого византийского гуманиста Мануила Хрисолора, находящегося тогда в Италии, Мануил информировал Мартина, что по его просьбе отправил ему несколько ценных реликвий. Мануил просил также Мартина доставить в Константинополь деньги, собранные в Испании для поддержки империи.[2] Миссия Хрисолора ни к какому результату не привела. Позже, во время путешествия в Морею, Мануил написал из Фессалоники новое письмо, адресованное на этот раз Фердинанду I. Из письма известно, что Фердинанд обещал деспоту Мореи Феодору, сыну Мануила, прибыть в Морею с многочисленной армией для того, чтобы помочь христианам вообще и Мануилу в частности. Мануил выражал надежду на встречу с Фердинандом в Морее,[3] однако * Фердинанд никогда не прибыл.

---

[1] *M. Ducae* Historia byzantina, XVII. Bonn ed., pp. 76—77.

[2] См.: *C. Marinescu.* Manuel II Paléologue et les rois d'Aragon. Commentaire sur quatre lettres inédites en latin, expediées par la chancellerie byzantine. — Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine, vol. XI, 1924, pp. 194—195; 198—199.

[3] Ibid., pp. 195—196; 200—201: «Vestra Excellentia illustri filio nostro, despoti Moree Porfirogenito, notificaverat qualiter accedere intendebat pro communi utilitate christianorum et specialiter nostra ad dictas partas Moree cum potencia maxima». См. также: *D. A. Zakythinos.* Le Despotat grec de la Morée. Paris, 1932, p. 168.

* При подготовке второго американского издания А. А. Васильев смягчил здесь один нюанс. Во французском издании (vol. 2, p. 395) сказано резче — «Конечно же (bien entendu), Фердинанд не прибыл».

Положение в Пелопоннесе. В последнее пятидесятилетие существования остатков Византийской империи Пелопоннес, несколько неожиданно, привлек внимание центральной власти. Так как к этому времени владения империи сводились лишь к Константинополю, соседней с ним частью Фракии, одному или двум островам в Архипелаге, городу Фессалонике (Солуни) и Пелопоннесу, то отсюда ясно, что после Константинополя Пелопоннес являлся наиболее важною частью греческих владений. Современники XV века открыли, что это была исконная, чисто греческая область, где они чувствовали себя именно греками-эллинами, а не ромеями, что именно там могли образоваться некоторые средства для продолжения борьбы против османских успехов. В то время как северная Греция уже сделалась добычей турок и был недалек уже момент, когда под турецкое иго должны были подпасть и остальные области древней Греции, в Пелопоннесе создался центр греческого национального сознания, эллинского патриотизма, задавшегося несбыточной для исторических условий мечтой возродить государство и противопоставить его могуществу империи османов.

После четвертого крестового похода Пелопоннес (или Морея) перешли во владение латинян. В начале правления восстановителя Византийской империи Михаила VIII Палеолога ахайский князь Вильгельм Виллардуэн за свое освобождение из греческого плена уступил императору три крепости: Монемвасию, Маину и недавно построенную Мистру. С этого времени греческая власть в Пелопоннесе медленно, но постоянно расширялась за счет латинских владений. Поэтому в середине XIV века образовавшаяся там византийская провинция получила уже настолько важное значение, что была преобразована в отдельный деспотат и сделалась уделом второго сына константинопольского императора, ставшего как бы наместником последнего в Пелопоннесе. В конце XIV века Пелопоннес подвергся страшному разгрому со стороны турок. Отчаявшись собственными силами защитить страну, морейский деспот предложил даже уступить свои владения рыцарям ордена госпитальеров, или иоаннитов, занимавшим в то время остров Родос, и только вспыхнувшее по этому поводу народное восстание в Мистре, столице деспотата, не позволило ему выполнить этот план. Ослабление османских турок после Ангорской битвы дало возможность Пелопоннесу несколько отдохнуть и вселило надежду на лучшее будущее.[1]

Главный город Морейского деспотата — Мистра, средневековая Спарта, резиденция деспота, в XIV и начале XV веков являлся политическим и духовным центром возрождавшегося эллинства.*

---

[1] *D. A. Zakythinos*. Ibid, p. 168. Это очень хорошая работа.

* О Мистре см. подробно монографию И. П. Медведева — Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.

Там находились гробницы морейских деспотов, там умер в глубокой старости и был погребен Иоанн Кантакузин. В то время как население области, по свидетельству современника той эпохи, Мазариса, заставляло последнего бояться превратиться в варвара,[1] при дворе самого деспота, в его замке Мистре, образовался культурный очаг, около которого группировались образованные греки, ученые, софисты, придворные. Есть сведения, что в XIV веке в Спарте существовала школа переписчиков древних рукописей. Горовиус справедливо сравнивает двор Мистры с некоторыми итальянскими княжескими дворами эпохи Возрождения.[2] При дворе морейского деспота во времена Мануила творил знаменитый византийский ученый гуманист, философ Гемист Плифон.

В 1415 году Мануил лично посетил Пелопоннес, где деспотом был тогда второй его сын Феодор. Первой мерой императора для защиты полуострова от будущих нападений была постройка им стены с многочисленными башнями на Коринфском перешейке. Стена была возведена на месте укреплений V в. до н. э., которые пелопоннесцы возвели при приближении Ксеркса. Эта стена была восстановлена в III в. н. э. императором Валерианом, который укреплял Грецию от возможных набегов готов. Наконец, эти укрепления были реконструированы при Юстиниане Великом, когда Греции угрожали гунны и славяне.[3] В связи же с турецкой опасностью предшественник деспота Феодора поселил в пустынных местностях Пелопоннеса многочисленные колонии албанцев. За это ему воздает хвалу Мануил II в своей дошедшей до нас надгробной речи в память умершего деспота.[4]

Проекты реформ Гемиста Плифона. Относительно пелопоннесских дел до нас дошли два интересных современных источника совершенно разного характера. С одной стороны, это византийский ученый и гуманист Гемист Плифон,* филэллин, увлеченный всецело идеей о том, что пелопоннесское население представляет собою наиболее чистый и древний тип эллинской нации, что именно из Пелопоннеса «вышли самые знатные и знаменитые роды эллинов», совершившие «величайшие и славнейшие деяния».[5] С другой сто-

---

[1] *Mazari.* Ἐπιδημία Μάζαρι ἐν Ἄιδου в книге: A. Ellissen. Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur. Bd. IV, Leipzig, 1860, S. 230.

[2] *F. A. Gregorovius.* Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter von der Zeit Justinian's bis zur türkischen Eroberung. Bd. II, Stuttgart, 1889, S. 240—283.

[3] *W. Miller.* The Latins in the Levant... p. 377.

[4] *Manuelis Palaeologi* Oratio funebris. — PG, vol. CLVI, col. 212—213.

* О Плифоне см. подробно ниже, в разделе «Просвещение, наука, литература в эпоху Палеологов».

[5] *Gemistus Plethon.* Oratio prima, 2—3 в книге: A. Ellissen. Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur. Bd. IV, 2. Leipzig, 1860, S. 42.

роны, это — Мазарис, автор «Путешествия Мазариса в Ад», сочинения, являющегося, по словам К. Крумбахера (сказанным, возможно, не без преувеличения), «худшим из до сих пор известных подражаний Лукиану».[1] По своему содержанию это своего рода памфлет, в котором автор в язвительных тонах описывает нравы Пелопоннеса-Мореи, производя последнее название в форме Моры (Μώρα) от греческого слова μωρία.[2] В противоположность Плифону Мазарис различает в населении Пелопоннеса семь национальностей: греков (у Мазариса лакедемоняне и пелопоннесцы), итальянцев (то есть остатков латинских завоевателей), славян, иллирийцев (то есть албанцев), египтян (то есть цыган) и иудеев.[3] Эти сведения Мазариса соответствуют исторической действительности. Хотя оба названные писателя, как ученый-утопист Плифон, так и сатирик Мазарис, требуют к себе осторожного, критического отношения, тем не менее оба они дают богатый и интересный культурный материал для истории Пелопоннеса первой половины XV века.

Ко времени Мануила II относятся два любопытных проекта Гемиста Плифона о необходимости политической и социальной реформы для Пелопоннеса. Один проект был адресован на имя императора, второй — на имя морейского деспота Феодора. На эти планы эллинского мечтателя, совершенно оторванные от действительности и уже по одному этому не могшие войти в жизнь, впервые обратил внимание известный Фалльмерайер во втором томе своей «Истории полуострова Мореи».[4]

Проект Плифона имеет в виду возрождение Пелопоннеса и для этой цели намечает план коренного изменения в системе администрации, в организации общественных классов и земельном вопросе.[5] В представлении Плифона, население должно делиться на три класса: 1) земледельцы (пахари, копальщики земли, например, для виноградников, пастухи); 2) те, кто доставляет средства для

---

[1] *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 494.

[2] Ἐπιδημία Μάζαρι ἐν Ἅιδου, 2 в книге: A. Ellissen. Analekten... Bd. IV, 7, Leipzig, 1860, S. 192.

[3] Ἐπιδημία Μάζαρι..., 22 в книге: A. Ellissen. Analekten... S. 239.

[4] *Halbinsel Morea*, Bd. II, S. 300—366; см. также: *H. F. Tozer*. A Byzantine Reformer (Gemistus Plethon). — JHS, vol. VII, 1886, pp. 353—380; *J. Dräseke*. Plethons und Bessarions Denkschriften über die Angelegenheiten im Peloponnes. — Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Bd. XXVII, 1911, S. 102—119.

[5] *Gemistus Plethon*. De Rebus Peloponnesiacis Orationes duae. Herausgegeben von A. Ellissen — Analakten... Bd. IV, 2; PG, vol. CLX, col. 821—866.

земледелия (быков, виноградные лозы, домашний скот) [1] и 3) те, кто охраняет безопасность и порядок, т. е. войско, власти и государственные чиновники; во главе же всех должен стоять государь (василевс). Являясь противником наемного войска, Плифон стоит за образование туземного войска; причем для того, чтобы войско действительно могло уделять все внимание отправлению своих прямых обязанностей, Плифон делит население на две категории: на плательщиков налогов и на несущих военную службу; солдаты налоговому обложению не подлежат. Часть же податного населения, освобожденного от военной службы, называется у Плифона илотами. Частная земельная собственность отменяется; «вся земля, как это следует по природе, объявляется общим достоянием для всего населения; всякому желающему позволяется сажать и строить дом, где он хочет, и пахать такое количество земли, какое он хочет и может».[2] Таковы главнейшие положения доклада Плифона. Его проект, носящий на себе следы влияния идей Платона, которым так сильно увлекался византийский гуманист, навсегда останется интересным культурным памятником византийского возрождения эпохи Палеологов. Некоторые ученые отмечают в схеме Плифона аналогичные черты с некоторыми местами «Общественного договора» Руссо и с идеями сен-симонизма.[3]

Итак, накануне, можно сказать, окончательной катастрофы Плифон предложил Мануилу II программу реформ для возрожденной Эллады. «В то время как Константинополь, — пишет французский византинист Ш. Диль, — падает и рушится, греческое государство делает попытки родиться в Морее. И сколь бы напрасными ни казались эти стремления, сколь бы бесплодными ни могли представляться эти желания, тем не менее, это возрождение сознания эллинизма, это понимание и неясная подготовка лучшего будущего являются одним из самых любопытных и самых замечательных явлений византийской истории».[4]

Осада Константинополя в 1422 г. До начала двадцатых годов XV века отношения Мануила и преемника Баязида Мехмеда I, одного из благородных представителей османского государства, отличались, несмотря на некоторые ошибочные шаги императора,

---

[1] Ibid., Oratio I, par. 12, Oratio II, par. 13; PG, vol. CLX, col. 829, 853; *H. F. Tozer.* A Byzantine Reformer... JHS, vol. VII, 1886, p. 370. Он называет второй класс — «те, кто заняты в торговле и в производстве» или «торговый класс» (с. 372).

[2] *Gemistus Plethon.* Oratio I, par. 18. Ed. Ellissen. Analekten... Bd. IV, 2, S. 53; PG, vol. CLX, col. 833.

[3] См.: *A. Ellissen.* Analekten... Bd. IV, 2, S. 143, note 3; *H. F. Tozer.* A Byzantine Reformer... JHS, vol. VII, 1886, p. 379.

[4] *Ch. Diehl.* Études byzantines. Paris, 1905, p. 232.

доверием и миролюбием. Султан даже однажды проезжал, с ведома императора, через предместье Константинополя, где был встречен Мануилом. Оба государя, оставаясь каждый на приготовленной для него галере, вели с них между собой дружескую беседу и переехали таким образом через пролив на азиатский берег, где султан расположился в палатках; император же со своего корабля не сходил; во время обеда оба монарха посылали друг другу для пробы наиболее изысканные блюда.[1] Однако, при преемнике Мехмеда Мураде II обстоятельства изменились.

Престарелый Мануил в последние годы своей жизни удалился от ведения государственных дел, поручив последние сыну Иоанну, который не обладал ни опытом, ни выдержкой, ни благородством отца. Иоанн настоял на поддержке одного из турецких претендентов на трон султана; попытка восстания не удалась; после чего разгневанный Мурад II решил осадить Константинополь, чтобы одним ударом покончить с этим давно желанным городом.

Но силы османов, не успевшие вполне восстановиться после Ангорского поражения и ослабляемые некоторыми внутренними осложнениями, были к нанесению этого удара еще недостаточно готовы. В 1422 г. турки осадили Константинополь. В византийской литературе существует специальное сочинение об этой осаде, принадлежащее перу современника события Иоанна Канана и озаглавленное «Рассказ о константинопольской войне 6930 г. (=1422 г.), когда Амурат-бей напал на город с сильным войском и чуть было не овладел им, если бы Пречистая Матерь Божия его не сохранила».[2] Большое мусульманское войско, снабженное разнообразными военными машинами, попыталось штурмом взять город. Однако, приступ был отбит героическими усилиями столичного населения; осложнения же внутри османского государства заставили турок окончательно прекратить осаду. Избавление столицы от опасности, как всегда, было связано в народном представлении с покровительством Божией Матери, постоянной защитницы Константинополя. Между тем, турецкие войска действовали не только под стенами столицы, а, сделав неудачную попытку овладеть Солунью, направились на юг, в Грецию, где, разрушив на Коринфском перешейке построенную Мануилом стену, произвели опустошительный набег на Морею.[3] Соимператор Мануила Иоанн VIII провел

---

[1] *Georgii Phrantzae* Annales, I, 37; Bonn ed., p. 111—112.

[2] *Ioannis Canani* De Constantinopoli anno 1422 oppugnata narratio. Bonn ed., p. 457.

[3] Плифон, как свидетель, описал турецкие жестокости в Греции. Его длинная поэма, адресованная папе Льву X — Ad S. D. N. Leonem X. Pont. Maximi Ioannis Gemisti Graeci a secretis Anconae Protrepticon et Promosticon, где есть описание этих событий, издана Сафой. — *C. Sathas*. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen Âge, vol. VIII,

около года в Венеции, Милане и Венгрии в поисках какой-либо помощи. По заключенному с турками миру император обязывался и впредь платить султану определенную дань и отдавал ему некоторые города во Фракии. Окрестная территория Константинополя стала еще меньше.

После этого в течение еще около тридцати лет столица влачила жалкое существование в тягостном ожидании неминуемой гибели.

В 1425 г., как известно, престарелого, разбитого параличом, Мануила не стало. С чувством глубокой печали громадная толпа населения столицы проводила в могилу умершего императора. Такого стечения народа, по словам источника, не было еще никогда ни при одном погребении его предшественников.[1] «Это чувство, — пишет исследователь деятельности Мануила II (Berger de Xivrey), — покажется искренним тому, кто вспомнит о всех испытаниях, которые этот государь делил со своим народом, о всех его стараниях помочь последнему и о глубокой симпатии мыслей и чувств, которые он всегда сохранял к своему народу».[2]

Центральным событием времени Мануила является разыгравшаяся в глубине Малой Азии Ангорская битва, отдалившая на пятьдесят лет падение Константинополя. Но и это кратковременное отдаление османской опасности было достигнуто не силами византийского государя, а благодаря случайно создавшейся на Востоке монгольской мощи. Главное средство, на которое рассчитывал Мануил, а именно поднятие Западной Европы на крестоносный подвиг, не могло дать желаемых результатов. Осада же и штурм Константинополя турками в 1422 г. были прологом к осаде и штурму 1453 г. Но при оценке турецко-византийских отношений во время Мануила нельзя упускать из виду того личного влияния, которое император имел на турецких султанов и которое не раз отдаляло возможную грозу от гибнувшего государства.

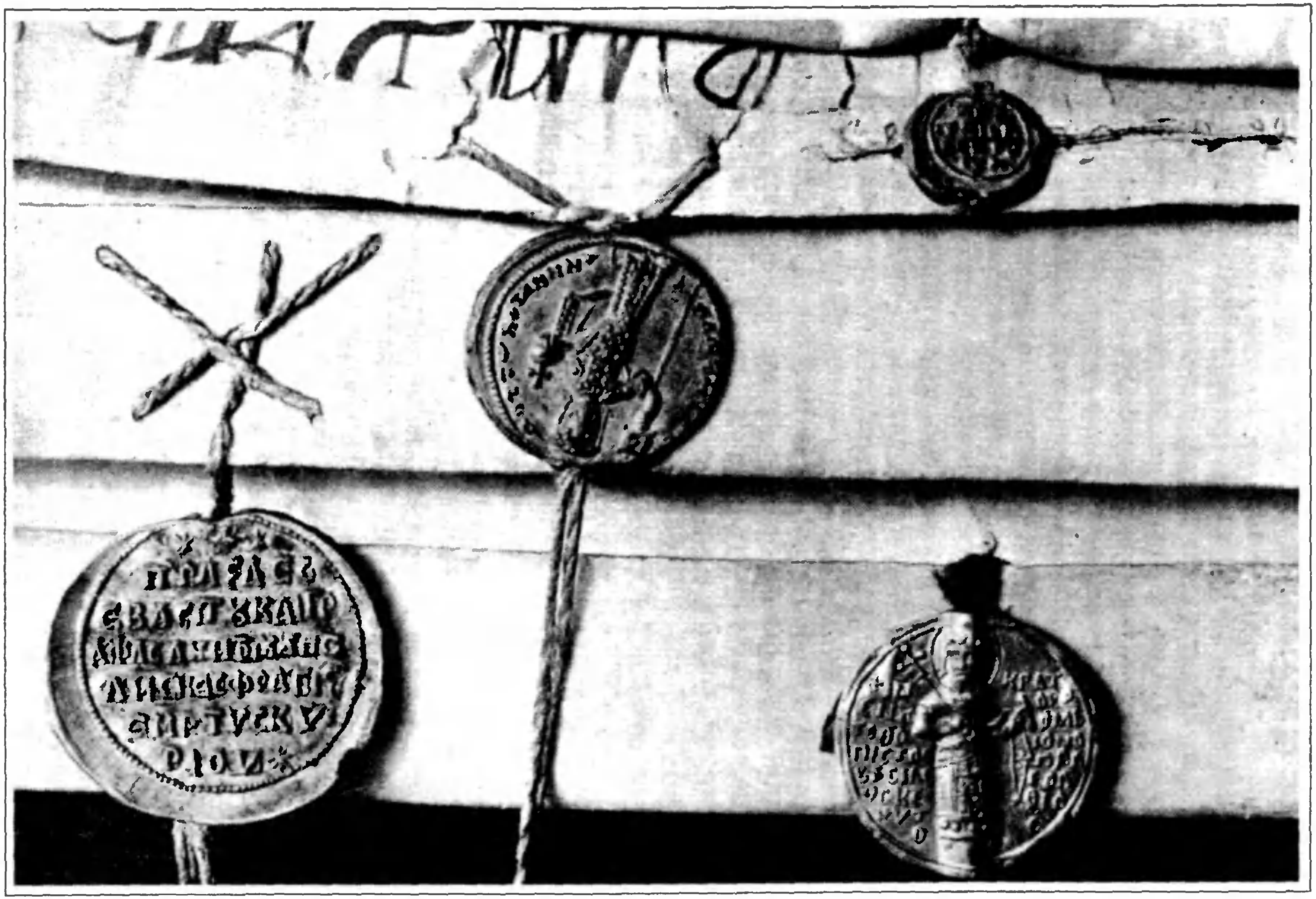
Иоанн VIII (1425—1448) и турецкая угроза. При Иоанне VIII территория империи была ограничена самыми скромными размерами. Незадолго до смерти своего отца он уже должен был уступить султану некоторые фракийские города. После того как Иоанн сделался в 1425 г. единодержавным правителем, его власть простиралась, собственно говоря, над Константинополем и его ближайшими окрестностями. Прочие же части государства, как например, Пелопоннес, Солунь, некоторые отдельные города во Фракии, находились в управлении его братьев в виде отдельных княжеств, почти совершенно независимых уделов.

---

pp. 546—591, в особенности — 548–550. См. также девятый том данного издания, с. VII.

[1] *Georgii Phrantzae* Annales, I, 40; Bonn ed., p. 121.

[2] *Berger de Xivrey*. Mémoire sur Manuel Paléologue. — Mémoires de l'Institut de France, vol. XIX, 2. Paris, 1853, p. 180.



Несколько булл из монастыря Большой Лавры на Афоне.

В 1430 г. была решена судьба Фессалоники (Солуни), завоеванной в этом году турками. Управлявший Солунью с титулом деспота один из братьев Иоанна VIII, чувствуя, что ему собственными силами не справиться с турками, продал город за известную сумму Венецианской республике, которая, получая в руки столь важный торговый центр, обязалась, по словам источника (Дуки), его «охранять, кормить, поднять его благосостояние и превратить во вторую Венецию».[1] Однако, подобного укрепления Венеции в Солуни не могли допустить турки, владевшие уже окрестной с городом страной. Под личным руководством султана они приступили к осаде Солуни, ход и результат которой хорошо изображены в специальном сочинении «о последнем взятии Фессалоники», принадлежащем перу современника описываемой драмы Иоанна Анагноста (т. е. Чтеца).[2] Латинский гарнизон Солуни был незначителен; городское население относилось к своим новым венецианским господам, как к чужакам. Поэтому город сопротивляться туркам не мог; последние через короткое время после начала осады штурмом взяли город и подвергли страшному разгрому и поруганию; население избивалось без различия пола и возраста; храмы обращались в мечети; однако, церковь св. Димитрия Солунского, главного патрона города, была временно оставлена христианам, хотя и в состоянии полного ограбления.

Взятие Фессалоники турками также описано в стихах, сочинённых представителем высшего греческого духовенства в Константинополе в его Хронике о Турецкой империи.[3] По поводу этого прискорбного события сочинено также некоторое количество греческих народных песен.[4] Утрата Фессалоники произвела глубокое впечатление в Венеции и всей Западной Европе. Приближение решающего момента чувствовалось, конечно, и в самом Константинополе.

До нас дошло интересное описание Константинополя, сделанное возвращавшимся из Иерусалима паломником, одним бургундским рыцарем (Бертрандон де ла Брокьер), который посетил столицу

---

[1] *M. Ducas*. Historia byzantina, XXIX; Bonn ed., p. 197.

[2] De extremo Thessalonicensi excidio, Bonn, ed., pp. 481—528.

[3] Ἱέρακος χρονικὸν περὶ τῆς τῶν Τούρκων βασιλείας. — *C. Sathas*. Bibliotheca graeca medii aevi, vol. I, pp. 256—257, ll. 360—388; Тот же отрывок воспроизведен в: Ἡ ἐν Θεσσαλονίκῃ μονὴ τῶν Βλαταιων καὶ τὰ μετόχια αὐτῆς. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. VIII, 1899, S. 421. Краткий греческий текст о падении Фессалоники — с. 403—404 той же статьи; *S. Lampros*. Τρεῖς ἀνέκδοτοι μονῳδίαι εἰς τὴν ὑπὸ τῶν Τούρκων ἅλωσιν τῆς Θεσσαλονίκης. — Νέος Ἑλληνομνήμων. — vol. V, 1908, pp. 369—391 (два стихотворных отрывка, один прозаический).

[4] См.: *F. McPherson*. Historical Notes on Certain Modern Greek Folk-songs. — JHS, vol. X, 1889, pp. 86—87.

Палеологов в начале тридцатых годов, т. е. вскоре после падения Солуни. Он хвалит хорошее состояние стен, особенно сухопутных, но вместе с тем указывает и на некоторое запустение города; он говорит, например, о развалинах и остатках двух существовавших прежде прекрасных дворцов, разрушенных, по преданию, одним императором, от которого потребовал будто бы этого турецкий султан. Бургундский паломник осматривал константинопольские церкви и другие памятники столицы, присутствовал на торжественных церковных службах, видел в храме Св. Софии представление мистерии о трех юношах, брошенных Навуходоносором в печь огненную, восторгался красотой византийской императрицы, родом из Трапезунда, и рассказал императору, заинтересовавшемуся судьбой незадолго перед тем сожженной в Руане Жанны д'Арк, «всю правду» о знаменитой французской девушке.[1] Он же, на основании своих наблюдений над турками, сообщает нам свое мнение о возможности их изгнания и даже возвращения Иерусалима. «Мне кажется, — пишет паломник, — что благородные люди и хорошее правительство трех названных мной народов, т. е. французов, англичан и немцев, довольно значительны, и если они соединятся в достаточном количестве, то смогут пройти по суше до Иерусалима».[2]

Ввиду грозящей столице опасности со стороны турок, Иоанн VIII предпринял большую работу по восстановлению константинопольских стен. Целый ряд сохранившихся на стенах до нашего времени надписей с именем «Иоанна во Христе автократора Палеолога» свидетельствуют об этой трудной, продолжавшейся свыше десяти лет, последней попытке христианского императора восстановить когда-то казавшиеся неприступными укрепления Феодосия Младшего.

Но этого было недостаточно для борьбы с османами. Иоанн VIII, как и его предшественники, надеялся получить настоящую помощь против турок лишь с Запада при содействии папы. Для этого император с греческим патриархом и блестящей свитой отправился в Италию, и результатом этой поездки было заключение знаменитой Флорентийской унии, о чем речь будет ниже; в смысле же реальной помощи Византии поездка императора в Италию никакой существенной пользы не принесла.

---

[1] *Bertrandon de la Broquière*. Voyage d'outremer. Ed. Ch. Schefer. Paris, 1892, pp. 150—165. (Recueil de voyages et documents pour servir à l'histoire de géographie, vol. XII). См. также: *A. A. Vasiliev*. La Guerre de Cent Ans et Jeanne d'Arc dans la tradition byzantine. — Byzantion, vol. III, 1926, p. 249. Некоторое количество информации о Жанне д'Арк дошло и до Рагузы. См.: *N. Iorga*. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe siècle. Bucharest, 1915, vol. II, p. 272 (из архивов Рагузы за 1430 год).

[2] *Bertrandon de la Broquière*. Ibid., p. 230.

Папа Евгений IV своей проповедью крестового похода сумел поднять на войну с турками венгров, поляков и румын. Составилось крестоносное ополчение под начальством польско-венгерского короля Владислава и известного венгерского героя — вождя Яна Гуниада. В происшедшей с турками битве у города Варны в 1444 г. крестоносцы потерпели полное поражение. Сам Владислав пал в бою. Ян Гуниад с остатками войска отступил в Венгрию. Сражение под Варной является последней попыткой Западной Европы прийти на помощь гибнувшей Византии. После этого Константинополь был предоставлен своей собственной участи.[1]

Сравнительно недавно опубликованные документы из архивов Барселоны показали агрессивные планы знаменитого мецената эпохи Возрождения, короля Арагона Альфонсо V Великолепного, скончавшегося в 1458 году. Объединив на короткое время в середине XV века под своей властью Сицилию и Неаполь, он планировал захватническую кампанию на Востоке, подобную грандиозным планам Карла Анжуйского; одной из его целей была и идея крестового похода против турок, которая никогда не покидала его. Он понимал, что если возрастающее могущество и «оскорбительное процветание» османов не будет остановлено, у него никогда не будет спокойствия на морских рубежах его державы. Однако амбициозные планы Альфонса никогда не были реализованы, а турки не испытывали от этого талантливого и блистательного гуманиста и политика никаких серьезных неприятностей.[2]

После турецкой победы под Варной, не принимавший никакого участия в походе Иоанн VIII тотчас же вступил в договорные отношения с султаном, старался смягчить его подарками и достиг того, что до конца своего правления сохранил с ним мирные отношения.

---

[1] *Aziz Suryal Atiya*. Crusade in the Later Middle Ages. London, 1938. См. рецензию на эту книгу (автор — O. Halecki) — Byzantion, vol. XV, 1940—1941, pp. 473—483; См. также: *O. Halecki*. The Crusade of Varna. A Discussion of Controversial Problems. New York, 1943, p. 96. Очень хорошая работа.

[2] См.: *F. Cerone*. La politica orientale di Alfonso d'Aragona. — Archivio storico per le provincie Napolitane, vol. XXVII, 1902, pp. 425—456; 555—634; vol. XXVIII, 1903, p. 167; *W. Norden*. Das Papsttum und Byzanz... S. 731—733. К. Маринеску готовит на базе большого количества неопубликованных документов Архивов арагонской короны в Барселоне работу о взаимоотношениях Альфонса V и Востока. См. его же: Manuel II Paléologue et les rois d'Aragon. — Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine, vol. XI, 1924, p. 197. См. также: Compte-rendu du deuxième Congrès international des études byzantines à Belgrade, 1927; Belgrade, 1929, p. 162.

В то время как во внешней политике в отношении турок Византия при Иоанне VIII терпела постоянные и серьезные неудачи, в Пелопоннесе (Морее), в этом почти независимом от центральной власти уделе, греческое оружие одержало значительную, хотя и кратковременную победу. Кроме византийских владений в Пелопоннесе находились еще остатки латинских владений Ахайского княжества и некоторые пункты, особенно на самом юге полуострова, принадлежавшие Венеции. В начале XV века последняя задалась целью подчинить своему влиянию оставшуюся в латинских руках часть Пелопоннеса, для чего она вступила в переговоры с различными правителями. С одной стороны, республика св. Марка желала овладеть построенной при Мануиле II стеной на Коринфском перешейке с целью оказать сопротивление турецким нападениям. С другой стороны, Венецию привлекали туда торговые интересы, так как по собранным представителем республики сведениям ресурсы страны в виде золота, серебра, шелка, меда, хлеба, изюма и других предметов обещали крупные выгоды. Однако, во время Иоанна VIII войска греческого деспотата в Морее, открыв военные действия, быстро заняли латинскую часть Пелопоннеса и этим самым положили конец франкскому владычеству в Морее. С тех пор, до момента ее завоевания турками, весь полуостров принадлежал правившим там представителям дома Палеологов; только Венеция сохранила за собой те пункты на юге, которыми она владела раньше.

Один из морейских деспотов, Константин, брат Иоанна VIII и будущий последний император Византии, пользуясь некоторыми затруднениями турок на Балканском полуострове, двинулся с войском через Коринфский перешеек на север в среднюю и северную Грецию, где турки уже начали свои завоевания. Султан Мурад II после победы над христианами под Варной, считая вторжение Константина в северную Грецию для себя оскорбительным, направился на юг, прорвал укрепленную стену на Коринфском перешейке, подверг страшному опустошению Пелопоннес и увел в плен большое число греков. Испуганный деспот Константин должен был с радостью заключить с султаном мир на продиктованных последним условиях и, оставшись морейским деспотом, обязался платить султану определенную подать.

При Константине Палеологе знаменитый путешественник, археолог и торговец этого времени, Кириак Анконский, посетил Мистру, где он был любезно принят деспотом (Constantinum cognomento Dragas) * и его придворными. При его дворе Кириак встретил Плифона, «самого образованного человека своего времени», и Николая Халкокондила, сына его афинского друга Георгия,

---

* То есть Константином, прозванным Драгас.

молодого человека, хорошо знающего латинский и греческий.[1] Николай Халкокондил не может быть никем другим, как будущим историком Лаоником Халкокондилом, ибо имя Лаоник — это слегка измененное имя Николай. Во время своего первого пребывания в Мистре, при деспоте Феодоре Палеологе в 1437 году, Кириак посетил древние памятники Спарты и копировал греческие надписи.[2]

Константин XI (1449—1453) и взятие Константинополя турками. Территория, признававшая власть последнего византийского императора, ограничивалась Константинополем с его ближайшими окрестностями во Фракии и большей частью лежавшего в стороне от столицы Пелопоннеса или Мореи, где правили братья императора.

Честность, благородство, энергия, храбрость, и любовь к родине были отличительными чертами Константина, как о том свидетельствует ряд греческих источников его времени и его поведение во время осады Константинополя. Итальянский гуманист Франческо Филельфо, знавший лично Константина еще до вступления его на престол во время своего пребывания в Константинополе, называет императора в одном из своих писем человеком «благочестивого и возвышенного ума» (pio et excelso animo).[3]

Сильным и страшным врагом Константина был молодой, двадцатиоднолетний султан Мехмед II, соединявший в своей натуре, наряду с грубыми порывами суровой жестокости, жажды крови и низменными пороками, склонность к науке и образованию, энергию, военный, государственный и организаторский таланты. Византийский источник сообщает нам, что он занимался с увлечением науками, особенно астрологией, читал рассказы о подвигах и дея-

---

[1] Описание Кириаком Пелопоннеса было впервые опубликовано Р. Саббадини: Ciriaco d'Ancona e la sua descrizione autografa del Peloponneso trasmessa da Leonardo Botta. — Miscellanea Ceriani. Milano, 1910, pp. 203—204. О Кириаке Анконском см.: *G. Castellani*. Un Traité inédit en Grec de Cyriaque d'Ancône. — Revue des Études Grecques, vol. IX, 1896, pp. 225—228; *E. Ziebarth*. Κυριακὸς ὁ ἐξ 'Αγκῶνος ἐν 'Ηπείρῳ. — Ἠπειρωτικὰ Χρονικά, vol. II, 1926, pp. 110—119. В том же издании сделаны, т. III, 1928, с. 223—224 несколько дополнений и исправлений к статье Зибарта. В частности (с. 224), правильная дата смерти Кириака — 1452 г. *F. Pall*. Ciriaco d'Ancona e la crociata contro i Turchi. — Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine, vol. XX, 1937, pp. 9—60. См. также: *D. Zakythinos*. Le Despotat Grec de Morée. Paris, 1932, pp. 231—235.

[2] См.: Epigrammata reperta per Illyricum a Cyriaco Anconiato apud Liburniam. Roma, 1747, p. XXXVII; *D. Zakythinos*. Le Despotat Grec... p. 236.

[3] *N. Iorga*. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle, vol. IV, p. 83.

ниях Александра Македонского, Юлия Цезаря и константинопольских государей, говорил, кроме турецкого, на пяти языках,[1] может быть, и по-славянски. Восточные источники восхваляют его религиозность, правосудие, милосердие и покровительство ученым и поэтам. Историческая наука XIX—XX веков разноречиво оценивает Мехмеда II, начиная от почти полного отрицания в нем каких-либо положительных сторон [2] и кончая признанием в нем необыкновенной, чуть ли не гениальной личности.[3] Стремление завоевать Константинополь всецело охватывало молодого султана, который, по словам источника Дуки, «ночью и днем, ложась спать и вставая, в своем дворце и вне его, всю свою заботу полагал на то, какими военными действиями и средствами овладеть Константинополем»; в бессонные ночи он на бумаге чертил план города и городских укреплений, намечая те места, откуда легче будет взять город.[4]

До нас дошли изображения обоих противников: Константина Палеолога на печатях и в некоторых поздних рукописях,[5] а Мехмеда II на выбитых в XV веке итальянскими мастерами в честь султана медалях и на его портрете, нарисованном известным венецианским художником Джентиле Беллини (умер в 1507 г.), который в конце правления Мехмеда провел некоторое время (в 1479—1480 гг.) в Константинополе.[6]

---

[1] *Georgii Phrantzae* Annales, I, 32. Bonn ed., pp. 93; 95.

[2] Например: *A. Ellissen*. Analekten... Bd. III, S. 87—93. Об интересе Мехмеда к науке, поэзии и искусству см.: *J. Karabaček*. Abendländische Künstler zu Konstantinopel im XV. und XVI. Jahrhundert. Wien, 1918, S. 2.

[3] *N. Iorga*. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. II. S. 3.

[4] *M. Ducas*. Historia byzantina, XXXV; Bonn ed., pp. 249; 252.

[5] См.: *S. Lampros*. Αἱ εἰκόνες Κωνσταντίνου τοῦ Παλαιολόγου. — Νέος Ἑλληνομνήμων, vol. III, 1906, pp. 229—242; *Idem*. Νέαι εἰκόνες Κωνσταντίνου τοῦ Παλαιολόγου. — Νέος Ἑλληνομνήμων, vol. IV, 1907, pp. 238—240; vol. VI, 1909, pp. 399—408; *Idem*. Empereurs byzantins. Catalogue illustré de la collection de portraits des empereurs de Byzance, Athènes, 1911, pp. 57—58.

[6] См.: *T. Thuasne*. Gentile Bellini et le Sultan Mohammed II. Notes sur le séjour du peintre vénitien à Constantinople (1479—1480). Paris, 1888, pp. 50—51. В этой книге воспроизведены портреты Мехмеда и его изображения на медалях. *J. Karabaček*. Abendländische Künstler zu Konstantinopel im XV. und XVI. Jahrhundert. I: Italienische Künstler am Hofe Muhammeds II des Eroberers. 1451—1481, S. 24—49. До войны 1914—1918 гг. знаменитый портрет кисти Беллини находился в частной коллекции леди Enid Layard в Венеции. Во время войны он был перевезен в Лондон и сейчас находится в National Galery. См.: *Karabaček*. Op. cit., S. 44.

Решив нанести последний удар Константинополю, Мехмед приступил к этому шагу с полной осторожностью. Прежде всего на севере от города, на европейском береу Босфора, в самом узком его месте, он построил сильное укрепление с башнями, величественные остатки которого видны еще и теперь (Румели-Хиссар); поставленные там пушки выбрасывали громадные для того времени каменные ядра.

Когда весть об укреплении на Босфоре распространилась, то среди христианского населения столицы, Азии, Фракии и островов, как пишет современный источник Дука, только и раздавались восклицания: «Теперь приблизился конец города; теперь знамения гибели нашего рода; теперь (наступают) дни антихриста; что будет с нами или что нам делать?.. Где святые, охраняющие город?» [1] Другой современник той эпохи, очевидец событий, перенесший все ужасы осады Константинополя, автор драгоценного «Дневника осады», венецианец Николай Барбаро писал: «Это укрепление чрезвычайно сильно с моря, так что овладеть им нельзя никоим образом, ибо на берегу и на стенах стоят в громадном количестве бомбарды (род орудий); с суши укрепление также сильно, хотя и не так, как с моря».[2] Возведенное укрепление прекратило сообщение столицы с севером и с портами Черного моря, так как все иностранные суда, входившие в Босфор и выходившие из него, перехватывались турками, благодаря чему Константинополь, в случае осады, лишался подвоза хлеба, шедшего из черноморских портов. Для турок это было тем более легко сделать, что против европейского укрепления возвышались на азиатском берегу Босфора укрепления, построенные еще в конце XIV века султаном Баязидом (Анатоли-Хиссар). Затем султан сделал опустошительное нападение на греческие владения в Морее на Пелопоннесе, чтобы этим самым лишить морейского деспота возможности прийти на помощь в опасный момент Константинополю. После вышеописанных подготовительных мер Мехмед, этот, по словам Барбаро, «языческий враг христианского народа»,[3] приступил к осаде великого города.

Константин сделал все возможное, чтобы достойно встретить своего могущественного противника в открывавшейся неравной борьбе, исход которой, можно сказать, заранее был уже предрешен. Император приказал из окрестностей столицы свезти в город возможные запасы хлеба и сделать некоторые исправления в городских стенах. Греческий гарнизон города не превышал несколько тысяч. Видя приближение смертельной опасности, Константин обратился

---

[1] *M. Ducas*. Historia byzantina, XXXIV; Bonn ed., p. 238.

[2] *Nicolò Barbaro*. Giornale dell'assedio di Constantinopoli. Ed. E. Cornet. Vienna, 1856, p. 2.

[3] *Ibid.*, p. 18.

за помощью к Западу; но вместо желанной военной помощи в Константинополь прибыл римский кардинал, грек по происхождению, Исидор, бывший московский митрополит и участник Флорентийского собора, и в ознаменование восстановленного мира между восточной и западной церквами отслужил униатскую обедню в храме Св. Софии, что вызвало сильнейшее возбуждение среди городского населения. Тогда именно один из виднейших византийских сановников Лука Нотара произнес знаменитые слова: «Лучше видеть в городе власть турецкого тюрбана, чем латинской тиары».[1]

В защите столицы участвовали венецианцы и генуэзцы. Особенно большие надежды возлагались на прибывшего с двумя большими судами с острова Хиоса начальника испытанного в боях генуэзского отряда Джованни Джустиниани. Доступ в Золотой Рог был прегражден, что не раз уже случалось в опасные минуты прежнего времени, массивной железной цепью, остатки которой, как полагали в течение долгого времени, можно было видеть до последних лет на дворе сохранившейся византийской церкви св. Ирины, где теперь устроен оттоманский военно-исторический музей.[2]

Военные силы Мехмеда, сухопутные и морские, в состав которых входили, кроме турок, представители покоренных ими народов, в том числе и славян, бесконечно превосходили скромное число защитников Константинополя из греков и латинян, преимущественно итальянцев.

Наступило одно из важнейших событий мировой истории.

Самый факт осады и взятия турками «Богохранимого» Константинополя оставил глубокий след в источниках, которые, на разных языках, с разных точек зрения описывают последние моменты Византийского государства и позволяют нам иногда буквально по дням и часам следить за развитием последнего акта захватывающей исторической драмы. Дошедшие до нас источники написаны на греческом, латинском, итальянском, славянском и турецком языках.

Главнейшие греческие источники различно относятся к событию. Участник осады, близкий друг последнего императора, известный дипломат, занимавший высокие посты в государстве, Георгий Франдзи, весь охваченный безграничной любовью к своему императору-герою и вообще к дому Палеологов и будучи противником унии, описал последние времена Византии с целью восстановить честь побежденного Константина, поруганной родины и оскорбленного греческого Православия. Другой современник эпохи, грек Критовул, перешедший на сторону турок и пожелавший до-

---

[1] *M. Ducae* Historia byzantina, XXXVII; Bonn ed., p. 264.

[2] В настоящее время в этой сохранившейся цепи склоняются видеть часть цепи из гавани острова Родоса, привезенную в Константинополь турками после подчинения ими Родоса.

казать свою преданность Мехмеду II, посвятил свою, написанную под сильным влиянием Фукидида, историю «величайшему императору, царю царей Мехемету»,[1] где он излагает последние судьбы Византии уже с точки зрения подданного нового османского государства, хотя, к своей чести, и не подвергает нападкам своих соотечественников. Грек из Малой Азии Дука, будучи сторонником унии, в которой он видел единственное спасение, писал об интересующем нас предмете вообще с точки зрения, благоприятной Западу, особенно выставляя в критический момент заслуги и достоинства генуэзского вождя Джустиниани и умаляя, может быть, роль Константина, но вместе с тем продолжая любить и жалеть греков. Четвертый греческий историк последнего периода Византии, единственный афинянин, которого знает вообще византийская литература, Лаоник Халкокондил (или Халкондил), ставивший в центре своего изложения уже не Византию, а турецкое государство, задался новой и обширной темой изобразить «необыкновенное развитие мощи молодого османского государства, возникавшего на развалинах греческих, франкских и славянских держав»,[2] т. е. другими словами, дать общий труд, почему сочинение Лаоника, не бывшего к тому же очевидцем последних дней Константинополя, имеет для осады и взятия его турками, среди других источников, второстепенное значение.

Из наиболее ценных источников, написанных на латинском языке, авторы которых пережили в Константинополе все время осады, можно назвать воззвание «ко всем верным Христа» (Ad universos Christifideles de expugnatione Constantinopolis) с трудом избегнувшего турецкого плена кардинала Исидора, умоляющее всех христиан подняться на защиту гибнувшей христианской веры; затем донесение папе архиепископа Леонарда Хиосского, также спасшегося от пленения турками и видевшего в постигшем Византию великом бедствии кару за отступление греков от заветов католической церкви; наконец, стихотворная поэма в четырех песнях «Constantinopolis» итальянца Пускула, пробывшего некоторое время в турецком плену, подражателя Вергилия и отчасти Гомера, ревностного католика, посвятившего папе свою поэму, убежденного, подобно Леонарду, в том, что Бог покарал Византию главным образом за схизму.

Итальянские источники дали нам драгоценный, написанный сухим, деловым языком на древневенецианском наречии «Дневник константинопольской осады», принадлежащий перу знатного ве-

---

[1] *C. Müller.* Fragmenta historicorum graecorum, vol. V. Paris, 1870, p. 52.

[2] *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 302; См. также: *W. Miller.* The Last Athenian Historian: Laonikos Chalkokondyles. — JHS, vol. XLII, 1922, p. 38.

нецианца Николая Барбаро, перечислявшего по дням происходившие во время осады столкновения греков с турками и имеющего поэтому для восстановления хронологии осады первостепенное значение.

На древнерусском языке написана важная для нашего вопроса историческая повесть о взятии Царьграда, «о сем великом и страшном деле», «многогрешным и беззаконным Нестором Искиндером (Искандером)»,[1] почти наверное русским по происхождению, бывшим в войске султана и правдиво и, по возможности, ежедневно описывавшего действия турок за стенами города и в самом городе после падения последнего. Падение Константинополя описано также в русских хронографах и летописях.

Наконец, существуют и турецкие источники, оценивающие великое событие с точки зрения торжествующего, победоносного ислама и его блестящего представителя Мехмеда II Завоевателя, а иногда представляющие собой собрание турецких народных легенд о Константинополе и Босфоре.[2]

Из только что сделанного перечня главных источников видно, каким богатым и разнообразным материалом мы обладаем для изучения вопроса об осаде и взятии турками Константинополя.

В начале апреля 1453 г. началась осада великого города. Успеху последней помогали не только несравненно более крупные военные силы турок. Мехмед II, этот, по словам Барбаро, «вероломный турок, собака-турок», [3] был первым государем в истории, который

---

[1] Архимандрит Леонид (изд.). Повесть о Царьграде Нестора Искандера XV века. — Памятники древней письменности, т. LXII, 1886, с. 43. (Более новое издание — «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году». Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова. В кн.: Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982, с. 216—267; 602—607. — *Науч. ред.*). О других славянских повествованиях см. — Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 888. Русский текст повести с издания 1853 года был перепечатан в: *N. Iorga*. Origines et prise de Constantinople. — Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine, vol. XIII, 1927, pp. 89—105. (К сожалению, А. А. Васильев нигде не приводит выходных данных этого издания 1853 г. — *Науч. ред.*). Н. Иорга задавал себе также вопрос — каков язык оригинала этой повести: греческий или славянский. Если же он славянский, то не был ли автор сербом? См.: *N. Iorga*. Une Source négligée de la prise de Constantinople. — Bulletin de la section... тот же том, с. 65. См. также: *B. Unbegaun*. Les Relations vieux-russes de la prise de Constantinople. — Revue des études slaves, vol. IX, 1929, pp. 13—38. Автор пишет о версиях повести Искандера и о древнерусских переводах рассказа Энея Сильвия о взятии Константинополя.

[2] См.: *F. Babinger*. Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig, 1927, S. 23—45 и повсеместно.

[3] Giornale dell'assedio di Constantinopoli... pp. 20; 21.

имел в своем распоряжении настоящий артиллерийский парк. Усовершенствованные, гигантских для своего времени размеров, турецкие бронзовые пушки выбрасывали на далекое расстояние не менее гигантские каменные ядра, против сокрушительных ударов которых не могли устоять вековые константинопольские стены. Отмеченная выше русская повесть о Царьграде замечает, что «окаянный Махмет» прикатил к городским стенам «пушкы и пищали и туры и лестница и грады древяные и ины козни стенобитныя».[1] Современный осаде греческий источник (Критовул) прекрасно уже понимал всю решающую силу артиллерии, когда писал, что все сделанные турками подкопы под стены и подземные ходы «оказались излишними и только вызвали бесполезные расходы, так как пушки решили все».[2]

Еще в недавнее время в некоторых местах Стамбула можно было видеть на земле эти громадные, перелетевшие через стены ядра, лежащие почти на тех же местах, где они упали в 1453 г. 20 апреля произошло единственное, можно сказать, счастливое для христиан событие за все время осады: в этот день прибывшие на помощь к Константинополю четыре генуэзских судна разбили во много раз превосходящий их силы турецкий флот. «Легко можно вообразить, — пишет новейший историк осады и взятия византийской столицы Шлюмберже, — неописуемую радость греков и итальянцев. На мгновение Константинополь считал себя спасенным».[3] Конечно, этот успех не мог иметь крупного значения для хода осады.

22 апреля город во главе с императором был поражен необычайным и устрашающим зрелищем: турецкие суда находились в верхней части Золотого Рога. В ночь на это число султану удалось переправить по суше, минуя железную цепь, корабли из Босфора в Золотой Рог; для этого специально был устроен в долине между возвышенностей деревянный помост, по которому суда на подставленных под них колесах и были перетащены при помощи большого числа находившихся в распоряжении султана, по выражению Барбаро, «каналий».[4] Находившийся в Золотом Роге за цепью греко-итальянский флот оказался после этого между двух огней. Положение города стало критическим. План осажденного гарнизона сжечь ночью турецкие суда в Золотом Роге был своевременно изменнически открыт султану и предупрежден последним.

---

[1] Нестор-Искандер в издании архимандрита Леонида, с. 27; см. также Сказания о Царьграде, изд. В. Яковлева. СПб., 1868, с. 92, 93; *N. Iorga*. Origines et prise de Constantinople. — Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine, vol. XIII, 1927, p. 99.

[2] *Critobulus*, I, 31, 3. (FHGr, vol. V, p. 80).

[3] *G. Schlumberger*. Le Siège, la prise et le sac de Constantinople par les Turcs en 1453. Paris, 1915, p. 140.

[4] *N. Barbaro*. Giornale dell'assedio di Constantinople... p. 28.

Между тем, жестокая бомбардировка города, не прекращавшаяся в течение нескольких недель, довела до последней степени изнурения городское население, которое, в лице мужчин, женщин, детей, священников, монахов, монахинь, должно было дни и ночи, под градом ядер, заделывать многочисленные стенные бреши. Осада длилась уже пятьдесят дней. Дошедшая до султана весть, может быть специально для данного случая измышленная, о возможности прибытия на помощь городу христианского флота побудила его поспешить с решительным штурмом Константинополя. Критовул, подражая знаменитым речам в истории Фукидида, влагает в уста Мехмеда длинную, обращенную к войскам с призывом к храбрости и стойкости речь, в которой, между прочим, султан будто бы возглашал, что «для успешной войны есть три условия: желать (победы), стыдиться (позора поражения) и повиноваться вождям».[1] Штурм был назначен в ночь с 28 на 29 мая.

Древняя столица христианского Востока, предчувствуя неизбежность роковой для себя развязки и зная о предстоящем штурме, провела канун одного из величайших исторических дней в молитве и слезах. По распоряжению императора, крестные ходы, в сопровождении громадной толпы народа, певшей «Господи, помилуй», обходили городские стены. Люди ободряли друг друга, чтобы в последний час битвы оказать храброе сопротивление врагу. В своей, сообщаемой нам греческим источником (Франдзи) длинной речи,[2] Константин, побуждая жителей к храброй защите, ясно понимал предрешенную гибель, когда говорил, что турки «опираются на орудия, конницу, (пешее) войско и численное превосходство, мы же полагаемся на имя Господа нашего Бога и Спасителя и, во-вторых, на наши руки и силу, которую даровало нам божеское могущество».[3] В то же самое время в конце речи Константин произнес такие слова: «Убеждаю и прошу вашу любовь, чтобы вы оказывали соответствующий почет и подчинение вашим вождям, каждый согласно своему чину, отряду и службе. Знайте же следующее: если вы искренне будете соблюдать все то, что я вам приказал, то с помощью Божьей я надеюсь, что мы избавимся от ниспосланной Богом справедливой кары».[4] В тот же день вечером в Св. Софии было совершено богослужение, последняя христианская служба в знаменитом храме. На основании византийских источников, английский историк Е. Пирс (E. Pears) дал волнующее описание этого события:

«Большая вечерняя церемония и служба, всегда выделяющаяся среди мировых исторических спекталей, была последней христи-

---

[1] *Critobulus*, I, 50, 2. (FHGr, vol. V, p. 91).
[2] *Georgii Phrantzae* Annales, III, 6. Bonn ed., pp. 271—279.
[3] *Ibid.*, p. 273.
[4] *Ibid.*, p. 278.

анской службой в храме Святой Мудрости... Император и бóльшая часть приближенных присутствовали в здании, которое снова, но в последний раз было заполнено молящимися христианами. Не требуется большого усилия воображения для того, чтобы представить сцену. Интерьер храма был самым прекрасным произведением, которое создало христианское искусство. Красота его еще более усиливалась великолепными светильниками. Патриарх и кардинал, немалое количество представителей как Восточной, так и Западной церквей, император и знать, последние остатки некогда блистательной и смелой византийской аристократии, священнослужители и воины перемешались. Константинопольцы, венецианцы и генуэзцы — все присутствовали, все осознавали стоящую перед ними опасность. Все ощущали — перед лицом неминуемой опасности — что противоречия, занимавшие их им в течение многих лет, были слишком ничтожны, чтобы о них думать. Император и его свита приобщились Святых Тайн и попрощалась с патриархом. Служба была по сути своей заупокойной литургией. Империя была в агонии и как раз подобало, чтобы службой по ее отлетающему духу была эта публичная церемония в самом прекрасном храме в присутствии ее мужественного последнего императора. Если сцену коронации Карла Великого и рождения империи, так живо описанную Брайсом (Bryce), можно отнести к числу самых живописных в истории, то последнее богослужение в Св. Софии, без сомнения, относится к числу самых трагических».[1]

Франдзи также писал: «Кто расскажет о тогдашних слезах и стенаниях во дворце?.. Даже человек из дерева или камня не мог бы не заплакать».[2]

Общий штурм начался во вторник между часом и двумя ночи с 28 на 29 мая. По данному знаку город был атакован сразу с трех сторон. Две атаки были отбиты. Наконец, Мехмед организовал со всей тщательностью третью и последнюю атаку. Особенно яростно нападали турки со стороны ворот св. Романа, где было замечено присутствие императора и окружавших его бойцов. К довершению всего, один из самых главных защитников города, генуэзец Джустиниани, будучи тяжело ранен, должен был покинуть ряды войска. Его с трудом перевезли на корабль, которому удалось уйти на остров Хиос, где раненый скоро же и умер, если только он не

---

[1] *E. Pears*. The Destruction of the Greek Empire and the Story of the Capture of Constantinople by the Turks. London — New York, 1903, pp. 330—331. См. также: *G. Schlumberger*. Le Siège, la prise et le sac de Constantinople, pp. 269—270; *R. Byron*. The Byzantine Achievement: An Historical Perspective. A. D. 330—1453. London, 1929, pp. 295—298.

[2] *Georgii Phrantzae* Annales, Bonn ed., p. 279.

умер еще в дороге. Его могила сохранилась на Хиосе до сих пор, однако Латинская эпитафия, ранее находившаяся в цитадели, в церкви св. Доминика, исчезла.[1]

Удаление Джустиниани было непоправимой потерей для осажденных. В стенах открывались все новые и новые бреши. Император геройски сражался как простой воин и пал в битве. Точных известий о смерти византийского императора нет, так как ни один из историков осады при ней не присутствовал. Весьма скоро смерть его сделалась предметом легенды, затемнившей самый исторический факт.

После смерти Константина турки ринулись в город, производя ужасные опустошения. Большая толпа греков искала спасения в Св. Софии, думая, что там они будут в безопасности. Турки, взломав входные двери, ворвались в храм, избивали и оскорбляли укрывавшихся там греков без различия пола и возраста. В день взятия города, а, может быть, на следующий день, султан, торжественно вступив в завоеванный Константинополь, проследовал в Св. Софию и совершил в ней мусульманскую молитву. Св. София превратилась в мусульманскую мечеть. После этого Мехмед расположился во Влахернском дворце, резиденции византийских василевсов.

По единодушным указаниям источников, грабеж города, как обещал солдатам Мехмед, продолжался три дня и три ночи. Население подверглось жестокому избиению. Храмы во главе со Св. Софией и монастыри со всеми их богатствами были ободраны и осквернены; частное имущество расхищено. В эти дни погибло неисчислимое количество культурного наследия. Книги сжигались или разрывались и растаптывались, или за бесценок продавались. По свидетельству Михаила Дуки, громадное количество книг, нагруженное на телеги, было рассеяно по западным и восточным областям. За одну золотую монету продавали десятки книг — сочинения Аристотеля, Платона, книги богословского содержания и многие другие. С роскошно украшенных евангелий срывали золото и серебро, а сами евангелия или продавали, или бросали. Все иконы сжигались, и на этом огне турки варили мясо и ели.[2] И тем не менее некоторые ученые признают, что «турки в 1453 г. поступили с большей мягкостью и гуманностью, чем крестоносцы, взявшие Константинополь в 1204 г.».[3]

---

[1] См.: *F. W. Hasluck*. The Latin Monuments of Chios. — Annual of the British Schools of Athens, vol. XVI, 1909—1910, pp. 155, fig. 18. В статье приведен текст эпитафии. Автор замечает (с. 155), что это речь идет о могиле знаменитого Джустиниани, ранение которого стало непосредственной причиной падения Константинополя.

[2] *M. Ducas*. Historia byzantina, XLII; Bonn ed., p. 312.

[3] *Ф. И. Успенский*. Как возник и развивался восточный вопрос. — Известия Славянского Благотворительного Общества, т. 3, 1886, с. 251.

Народное христианское предание рассказывает, что в момент появления турок в храме Св. Софии шла литургия. Когда священник со святыми дарами увидел ворвавшихся мусульман, он вошел в разверзшуюся перед ним стену алтаря и исчез. Тогда, когда Константинополь снова перейдет в руки христиан, священник снова выйдет из стены и будет продолжать служить литургию.

Примерно шестьдесят лет назад * местные гиды имели обыкновение показывать туристам в одном из удаленных уголков Стамбула могилу, считавшуюся местом погребения последнего византийского императора. Над ней горела простая лампада. Конечно, эта безымянная могила не была на самом деле местом захоронения Константина. Место его погребения неизвестно. В 1895 году Е. А. Гросвенор писал: «В наши дни, в квартале Абу Вефа в Стамбуле можно видеть небольшое, безымянное захоронение, о котором греки низших классов говорят, что оно принадлежит Константину. Результатом народного почитания стало появление вокруг него нескольких простых деревенских (грубых) украшений. Рядом с могилой днем и ночью горят свечи. Еще восемь лет назад она посещалась, хотя и тайно, как место молитвенных собраний. Однако оттоманское правительство вмешалось, введя суровые наказания. После этого могила оказалась практически заброшенной. Все это является ничем иным, как легендами, услаждающими доверчивых и набожных».[1]

Обычно говорится, что через два дня после падения Константинополя в Архипелаг прибыл на помощь западный флот, однако после того, как стали известны новости о падении города, корабли немедленно отплыли назад. На основании некоторых новых данных в настоящее время этот факт отвергается. Ни папские, ни генуэзские, ни арагонские корабли никогда не отправлялись на Восток в поддержку Константинополя.[2]

В 1456 году Мехмед завоевал Афины у франков.[3] Вскоре после этого вся Греция с Пелопоннесом подчинились ему. Античный Парфенон, где в средние века находилась церковь Богоматери, был, по распоряжению султана, обращен в мечеть. В 1461 году в руки турок перешел далекий Трапезунд, столица самостоятельной

---

* Считая от момента подготовки второго американского издания работы, то есть в 1880—1890-х годах.

[1] *E. A. Grosvenor.* Constantinople, vol. I. Boston, 1895, p. 47.

[2] *G. B. Picotti.* Sulle navi papali in Oriente al tempo della caduta di Costantinopoli. — Nuovo Archivio Veneto, N. S., vol. XXII, 1911, p. 416; 436.

[3] Такова правильная дата. Иногда говорят про 1458 год. См.: *F. A. Gregorovius.* Geschichte der Stadt Athen... Bd. II, Stuttgart, 1889, S. 381.

империи. В это же время они овладели и остатками Эпирского деспотата. Византийская православная империя прекратила свое существование и на ее месте обосновалась и разрослась Оттоманская (Османская) мусульманская империя, перенесшая столицу из Адрианополя на берега Босфора в Константинополь, называемый по-турецки Истамбул (Стамбул).[1]

Дука, подражая известному выражению скорби Никиты Акомината после разгрома Константинополя латинянами в 1204 г., оплакивает событие 1453 г. Вот начало этого «плача»:

«О город, город, глава всех городов! О город, город, центр четырех стран света! О город, город, гордость христиан и гибель варваров! О город, город, второй рай, на западе насажденный, заключающий в себе всевозможные растения, сгибающиеся от тяжести плодов духовных! Где красота твоя, рай? Где благодетельная сила духа и плоти твоих духовных харит? Где тела апостолов господа моего?.. Где останки святых, где останки мучеников? Где прах великого Константина и других императоров?» [2]

Другой современник, польский историк Ян Длугош, писал в своей истории Польши:

«Это поражение Константинополя, одновременно и жалкое, и печальное, было огромной победой турок и крайним поражением греков, бесчестием латинян. Благодаря этому католическая вера была задета, религия введена в смущение, имя Христа унижено и оскорблено. Один из двух глаз христианства был вырван. Одна из двух рук ампутирована, ибо библиотеки были сожжены дотла, а доктрины греческой литературы уничтожены. Без них ни один человек не может считать себя образованным человеком».[3]

---

[1] Арабский географ X в. аль-Масуди говорил, что греки говорили о своей столице Булин (это греческое слово «полин», винительный падеж от πόλις — город), или же Истан-Булин (греческое στὴν πόλιν — произносится: стин полин; значение — «в город»). Масуди добавлял также, что греки не употребляли название Константинополь. Таким образом, турецкая форма Истамбул (Стамбул) — это видоизмененное греческое выражение στὴν πόλιν. См.: *A. Andreadès*. De la population de Constantinople sous les empereurs byzantins. — Metron, vol. I, 1920, p. 69 note 2. (Добавление от научного редактора: А. А. Васильев в данном примечании ссылается также на работу: *G. LeStrange*. The Lands of the Eastern Caliphate, p. 138, note. Данная работа отсутствует в общей, итоговой библиографии).

[2] Historia byzantina, XLI; Bonn ed., p. 306. См. также девять текстов, шесть в прозе и три в стихах различных монодий и плачей на падение Константинополя. — *S. Lampros*. Μονῳδίαι καὶ θρῆνοι ἐπὶ τῇ ἁλώσει τῆς Κωνσταντινουπόλεως. — Νέος Ἑλληνομνημων, vol. V, 1908, pp. 190—269.

[3] Латинский текст отрывка из Длугоша опубликован в: *O. Halecki*. La Pologne et l'Empire Byzantin. — Byzantion, vol. VII, 1932, p. 65.

Далекий грузинский хронист благочестиво заметил: «В день, когда турки взяли Константинополь, солнце потемнело».[1]

Падение Константинополя произвело сильное впечатление на Западную Европу, которая прежде всего была охвачена страхом перед дальнейшими успехами турок; конечно, гибель одного из самых главных центров христианства, хотя бы с точки зрения католической церкви и схизматического, также возбуждала негодование, ужас и рвение поправить дело со стороны верующих сынов Запада. Папы, государи, епископы, князья и рыцари оставили нам много посланий и писем, рисующих весь ужас создавшегося положения и призывающих к крестоносной борьбе с победоносным исламом и его представителем Мехмедом II, этим «предвестником антихриста и вторым Сеннахерибом».[2] Во многих письмах оплакивается гибель Константинополя, как центра культуры. В своем воззвании к папе Николаю V западный император Фридрих III, называя падение Константинополя «общим несчастьем христианской веры», пишет, что Константинополь был «как бы настоящим жилищем (velut domicilium proprium) литературы и занятий всеми изящными искусствами».[3] Кардинал Виссарион, оплакивая в одном из писем падение города, называет его «училищем лучших искусств» (gymnasium optimarum artium).[4] Знаменитый Эний Сильвий Пикколомини, будущий папа Пий II, вспоминая о бесчисленных книгах, которые оставались в Византии и еще не были известны латинянам, называет завоевание города турками второй смертью Гомера и Платона.[5] Некоторые представители XV века именовали турок тевкрами, считая их потомками древних троянцев, и предостерегали против планов султана напасть на Италию, которая привлекала его «своим богатством и гробницами его троянских предков».[6] Хотя, с одной стороны, в различных посланиях пятидесятых годов XV века и говорится о том, что «султан, как некогда Юлиан Отступник, должен будет наконец признать победу Христа», что христианство, без сомнения, достаточно сильно, чтобы не бояться турок, что будет готова «сильная экспедиция» (valida expeditio) и христиане смогут разбить турок и «прогнать их из Европы» (fugare extra Europam) — однако, с

---

[1] См.: *M. Brosset*. Histoire de la Géorgie, vol. I, Saint-Petersbourg, 1849, p. 683.

[2] См.: *G. Voigt*. Enea Silvio Piccolomini. Bd. II, Berlin, 1862, S. 95.

[3] Baronii Annales ecclesiastici, ed. A. Theiner, vol. XXVIII, Paris—Bruxelles, 1874, p. 598.

[4] См.: *N. Iorga*. Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. II, S. 41.

[5] *G. Voigt*. Enea Silvio Piccolomini, Bd. II, S. 94.

[6] *N. Iorga*. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe siècle, vol. IV, p. 74.

другой стороны, мы читаем в тех же посланиях о больших затруднениях в предстоящей борьбе с турками и о том, что одной из главных причин этих затруднений являются раздоры христиан между собой, «зрелище, которое придает храбрости» султану.[1] Прекрасную и меткую картину христианских взаимоотношений на Западе в то время дает в одном из своих писем к другу уже упомянутый нами Эний Сильвий Пикколомини, у которого читаем: «Я не надеюсь на то, чего желаю. Христианство не имеет более главы: ни папа, ни император не пользуются подобающими им уважением и повиновением; с ними обращаются как с вымышленными именами, разрисованными фигурами. Каждый город имеет своего собственного короля; князей же столько, сколько домов. Как же можно убедить бесчисленных христианских правителей взяться за оружие? Взгляните на христианство. Италия, говорите вы, умиротворена? Не знаю, до какой степени. Между королем Арагонии и генуэзцами есть еще остатки войны. Генуэзцы и не пойдут биться с турками: говорят, что они платят последним дань! Венецианцы заключили с турками договор. Если же не будет итальянцев, мы не можем надеяться на морскую войну. В Испании, как вы знаете, много королей различной мощи, различной политики, различной воли и различных идей; но ведь не этих государей, живущих на краю Запада, можно увлечь на Восток, особенно тогда, когда они имеют дело с гренадскими маврами. Французский король изгнал врага из всего своего королевства; но он все же остается в тревоге и не посмеет послать своих рыцарей за пределы своего королевства из боязни внезапной высадки англичан. Что касается до англичан, они только и думают отомстить за свое изгнание из Франции. Шотландцы, датчане, шведы, норвежцы, живущие на краю света, ничего не ищут вне своих стран. Германцы, очень разделенные, не имеют ничего, что могло бы их соединить».[2]

Ни воззвания пап и государей, ни возвышенные порывы отдельных лиц и групп, ни сознание общей опасности перед османской угрозой не могли сплотить разъединенную Западную Европу на борьбу с исламом. Турки продолжали двигаться дальше и в конце XVII века уже угрожали Вене. Это был момент наивысшего могущества османской державы. Константинополь, как известно, до сих пор находится во власти турок.

Церковные отношения при Палеологах

Церковная история времени Палеологов полна глубокого интереса как с точки зрения отношений греко-восточной церкви к

---

[1] *N. Iorga*. Notes et extraits... vol. IV, pp. 64; 76; 82; 84; 90.
[2] *G. Voigt*. Enea Silvio Piccolomini. Bd. II, S. 118—119.

папскому престолу, так и с точки зрения религиозных движений в ее внутренней жизни. Отношения к Риму, вылившиеся в форму неоднократных попыток заключения унии с католической церковью, находились, за исключением Лионской унии, в теснейшей зависимости от все усиливавшейся турецкой опасности, которая, по взглядам византийского императора, могла быть предотвращена лишь вмешательством папы и западноевропейских государей. Готовность папы пойти навстречу предложению восточного монарха, в свою очередь, очень часто зависела от условий международной жизни на Западе.

Лионская уния. Папы второй половины XIII века в своей восточной политике не желали повторения четвертого крестового похода, который, как известно, не решил столь важного для папы вопроса о греческой схизме и снял с ближайшей очереди другой важный для папы вопрос о крестовом походе во Святую Землю. Папам казалось гораздо привлекательнее и реальнее заключение мирной унии с греками, которая положила бы конец давнишней схизме и вселила бы надежду на возможность осуществить совместный греко-латинский поход на освобождение Иерусалима. Обратное завоевание греками Константинополя в 1261 г. произвело на папу удручающее впечатление. Папские воззвания отправлены были к различным государям с просьбой спасти латинское детище на Востоке. Однако, и в данном случае папские интересы находились в зависимости от итальянских отношений курии: папы не желали, например, действовать на Востоке при помощи ненавистных им Гогенштауфенов в лице Манфреда. Но, так как владычество последних в Южной Италии было уничтожено приглашенным папами Карлом Анжуйским, который, как известно, сразу открыл наступательную политику против Византии, то для папства возможное завоевание Константинополя этим католическим королем казалось менее приемлемым, чем та же мирная уния, так как возросшая вследствие завоевания Восточной империи мощь Карла едва ли бы нанесла меньший ущерб мировому положению папства, чем нанесло бы владычество Гогенштауфенов в Византии. Интересно, что первая уния, заключения Михаилом Палеологом в Лионе, создалась не под давлением восточной турецкой опасности, а под угрозой наступательной политики Карла Анжуйского.

Во взглядах восточного императора на унию со времени Комнинов произошло большое изменение. При Комнинах, особенно в эпоху Мануила, императоры искали унии не только под давлением внешней турецкой опасности, но и в надежде при помощи папы получить господство над Западом, т. е. осуществить совершенно для того времени уже неосуществимый план восстановления единой прежней Римской империи; в этом своем стремлении императоры столкнулись с аналогичными стремлениями пап также достичь

полноты власти на Западе, так что уния, в конце концов, не состоялась. Первый Палеолог выступал в своих переговорах об унии уже с гораздо более скромными притязаниями. Дело шло уже не о распространении Византийского государства на Западе, а о защите этого государства, при помощи папы, против Запада в лице грозного Карла Анжуйского. Папская курия на эти условия шла охотно, понимая, что церковное подчинение Византии Риму в данных обстоятельствах, в случае успешного удаления от последней сицилийской опасности, должно было повлечь за собой и род светского протектората Рима над Константинополем. Но возможность подобного усиления светской власти папы должна была встретить определенное сопротивление среди западноевропейских государей, которое папе нужно было бы преодолеть. В свою очередь, восточный император на пути сближения с Римской церковью встречал упорную оппозицию среди греческого духовенства, оставшегося в громадном большинстве верным заветам восточного православия. Папа Григорий X, по словам Нордена, «влиял на сицилийского короля духовными доводами, Палеолог же на своих прелатов — политическими аргументами».[1]

Для целей Михаила VIII было в высшей степени важно, что один из выдающихся представителей греческой церкви, «муж умный, — по словам Григоры, — питомец красноречия и науки»,[2] будущий патриарх Иоанн Векк, бывший раньше противником унии и заключенный за это императором в темницу, сделался за время заключения сторонником унии и ярым пособником императора в деле его сближения с Римом.

Собор был назначен на 1274 год во французском городе Лионе, куда Михаил отправил торжественное посольство во главе с бывшим патриархом Германом, давним другом императора, и известным государственным деятелем и историком Георгием Акрополитом. Со стороны Римской церкви на соборе должен был играть руководящую роль не кто иной, как сам знаменитый представитель средневековой католической учености Фома Аквинский, умерший, однако, на пути в Лион. Его заменил на соборе не менее блестящий представитель западной церковной науки кардинал Бонавентура. На соборе присутствовал также монгольский епископ.[3] Автор жития св. Бонавентуры Петр Галезиний (Pietro Galesino) в XVI веке и некоторые другие авторы XV века утверждали, что по приглашению папы император Михаил Палеолог сам отправился в Лион, чтобы присутствовать на соборе. Это утверждение источников было

---

[1] *W. Norden.* Das Papsttum und Byzanz... S. 505.
[2] *Nicephorus Gregoras.* Historia, V, 2, 5; Bonn ed., vol. I, p. 128.
[3] *L. Bouvat.* L'Empire Mongol. Paris, 1927, p. 1.

отмечено, проанализировано и отвергнуто Львом Аллящием в XVII веке.[1]

Уния в Лионе была заключена на условии признания восточным императором догмата filioque, опресноков и папского главенства, в чем от имени Михаила поклялся Георгий Акрополит.[2] Кроме того, Михаил выразил папе готовность помочь войском, деньгами и продовольствием в предполагаемом совместном крестовом походе на освобождение Святой Земли, но под условием установления мира с Карлом Анжуйским, чтобы император мог направить свои силы на Восток, не боясь получить удара с Запада.[3]

Уния не дала желаемых результатов ни для одной, ни для другой стороны. Как и следовало ожидать, Михаил встретил упорное сопротивление к введению унии со стороны громадного большинства греческого населения. Направленный против унии, против Михаила Палеолога и Иоанна Векка собор был созван в Фессалии.[4]

---

[1] О «путешествии» Михаила в Лион см.: *Theodore Spandugino*, patritio Constantinopolitano (умер после 1538 г.) «De la origine deli imperatori Ottomani». Опубликовано в: *C. Sathas*. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce, vol. IX, Paris, 1890, p. 143. Chronicon Carionis a Casparo Peucero expositi et aucti, V, part 3, pp. 874—875. Есть также много старых изданий этой хроники. (А. А. Васильев не приводит в своей библиографии никаких данных о существующих изданиях этой хроники. — *Науч. ред.*). А также Флавио Вьондо, умерший в 1463 г. (К чему чисто логически относится данная краткая фраза — не ясно. — *Науч. ред.*). О критике данной истории см.: *L. Allatius*. De ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione, vol. II Colonia Agrippina, 1648, cap. XV, p. 753. Лев Алляций цитирует и много других имен.

[2] О «Символе Веры», прочтенном на соборе от имени Михаила Палеолога, см. весьма интересную статью: *F. Vernet*. Le IIe concile oecumenique de Lyon 7 mai—17 juillet 1274. — Dictionnaire de théologie catholique, vol. IX, col. 1384—1386. См. также: *V. Grumel*. Le IIe concile de Lyon et la réunion de l'église grecque. — в том же издании — col. 1391—1410. Обе статьи имеют множество ссылок на источники и литературу по вопросу о Лионской унии. См. также: *W. Norden*. Das Papsttum und Byzanz... S. 520—615.

[3] По поводу Лионской унии есть старая русская работа, точная по подходу и изложению, но написанная строго с точки зрения греческого православия — *В. Никольский*. Лионская уния. Эпизод из средневековой истории церкви 1261—1293. — Православное Обозрение, т. XXIII, 1867, с. 5—23; 116—144; 352—378; т. XXIV, 1867, с. 11—33. Согласно Никольскому, уния была тяжким грузом, пятном на совести Михаила. Естественно, что она рухнула, покрыв ее создателя позором.

[4] *V. Grumel*. En Orient après le IIe concile de Lyon. — Échos d'Orient, vol. XXIV, 1925, pp. 321—322. См. также: *G. Rouillard*. La Politique de Michel VIII Paléologue à l'égard des monastères. — Études byzantines, vol. I, 1944, pp. 73—84. Статья посвящена взаимоотношениям Михаила VIII и монастырей на Афоне.

Затем, идея крестового похода не могла быть особенно приятной для императора, не способного забыть о последствиях четвертого крестового похода. Дополнительной трудностью было то, что Михаил был в дружеских отношениях с египетским султаном, убежденным противником латинян Сирии.

С 1274 по 1280 годы пять папских посольств прибыли в Константинополь для подтверждения унии.[1] Однако, в 1281 году новый папа, француз Мартин IV, ставленник Карла Анжуйского на папском троне, разорвал унию и полностью поддержал агрессивные планы Карла против Византии. Михаил же считал самого себя связанным обязательствами по Лионской унии до дня своей смерти.

Арсениты. Внутренняя церковная жизнь Византии при Михаиле, помимо заключенной унии, была взволнована также борьбой религиозно-политических партий во главе с так называемыми арсенитами.

В Византийской церкви уже с XII века можно отметить две противоположные партии, которые никогда не могли примириться друг с другом и боролись за влияние и власть в церковном управлении. Одну из партий византийские источники называют «зилотами» (ζηλωταί), т. е. ревнителями, другую же — «политиками» (πολιτικοί), что можно передать через наименование партии умеренных.[2] Церковный историк А. П. Лебедев передает название последней партии даже «современным французским парламентским выражением о п п о р т у н и с т ы».[3]

Партия зилотов, или строгих, являясь поборницей свободы и независимости церкви, была против вмешательства в ее дела государственной власти, что, как известно, противоречило основному взгляду византийского императора. В этом отношении зилоты напоминали взгляды известного церковного деятеля второго периода иконоборства (IX века) Феодора Студита, который также открыто говорил и писал против вмешательства императорской власти в дела церкви. Зилоты, не желая делать никаких уступок царской власти, стремясь подчинить императора строгой церковной дис-

---

[1] См.: *V. Grumel.* Les Ambassades pontificales à Byzance après le IIe concile de Lyon (1274—1280). — Échos d'Orient, vol. XXIII, 1924, pp. 446—447. В этой статье есть несколько существенных исправлений хронологии, даваемой В. Норденом. См. также: *M. Viller.* La Question de l'union des églises entre Grecs et Latins depuis le concile de Lyon jusqu'à celui de Florence (1274—1438). — Revue d'histoire ecclésiastique, vol. XVI, 1921, p. 261.

[2] *Nicephorus Gregoras.* Historia, VI, 1, 7; Bonn ed., vol. I, p. 165; *Georg. Pachym.* De Andronico Palaeologo, IV, 12; Bonn ed., vol. I, p. 280.

[3] *А. Лебедев.* Очерки исторического состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до половины XV века. М., 1902, с. 296—297.

циплине и не боясь ради своих идей столкновений с властями и обществом, неоднократно вовлекались в различные смуты и беспорядки и получали в таком случае характер партии не только церковной, но и церковно-политической. Не отличаясь образованностью, не заботясь о насаждении среди духовенства просвещения, но вместе с тем придерживаясь правил строгой нравственности и подвижничества, зилоты в борьбе со своими противниками часто опирались на монахов и в моменты своего торжества открывали монашеству путь к власти и деятельности. Про одного патриарха из зилотов Григора замечает, что он «не умел правильно читать даже по складам».[1] Тот же источник пишет, характеризуя преобладающее влияние монашества при патриархе-зилоте: «дурные монахи находили, что для них теперь после бурь и непогоды настало затишье и после зимы наступила весна».[2] Являясь строгими ревнителями православия, зилоты были при Михаиле Палеологе упорными противниками его стремления к унии и в этом отношении имели широкое влияние на народные массы.

Другая партия политиков, или умеренных, стояла на иной точке зрения. Политики, которые искали поддержки в государстве и шли по пути сближения церкви с последним, ничего не имели против широкого влияния государства на церковь; по их воззрениям, прочная светская власть, не стесняемая посторонним вмешательством, имеет громадное значение для жизни государства и общества, в силу чего политики согласны были на значительные уступки императорской власти. Они в данном случае держались так называемой теории «экономии», т. е. допускали, что церковь в отношении к государству должна приспособляться к обстоятельствам, соглашаться иногда на компромиссы, а не идти, как то делали зилоты, напролом; в оправдание теории «экономии» политики обыкновенно ссылались на примеры апостолов и святых отцов. Признавая всю силу просвещения, замещая духовные должности людьми культурными и образованными, а вместе с тем несколько отступая иногда от правил строгой нравственности и не сочувствуя суровому аскетизму, политики опирались в своей деятельности не на монахов, а на белое духовенство и на образованный класс общества.

В зависимости от изложенных условий характер деятельности обеих партий был различен. «Когда, — по словам русского историка церкви А. П. Лебедева, — на церковной сцене действовали политики, они довольно тихо и сравнительно мирно проводили свои тенденции в жизнь; напротив, когда у кормила правления являлись зилоты, то они, опираясь на такой подвижной элемент в Византии,

---

[1] *Niceph. Greg.*, VIII, 12, 1; Bonn ed., vol. I, p. 360.
[2] *Niceph. Greg.*, VI, 7, 4; Bonn ed., vol. I, p. 193.

как монахи и отчасти чернь, всегда действовали шумно, нередко бурно, а иногда даже мятежно».[1] В отношении к острому вопросу об унии бóльшая часть политиков стояла на стороне Лионского соглашения, всецело поддерживая таким образом религиозную политику Михаила Палеолога.

Конечно, раздоры и борьба обеих партий, зилотов и политиков, происхождение которых некоторые ученые считают возможным возводить ко временам иконоборства и споров игнатиан с фотианами в IX веке, переходили иногда в народ и вызывали немалые волнения. Дело доходило до того, что в каждом отдельном доме, в отдельной семье были представители враждовавших партий; по словам Пахимера, «церковный раскол умножился до того, что разделял жильцов дома: иначе жил отец, иначе сын, иначе мать и дочь, иначе невестка и свекровь».[2]

При Михаиле Палеологе зилоты, или, как их называет наука конца XIII и начала XIV веков, арсениты, проявляли напряженную деятельность. Название арсенитов происходит от имени патриарха Арсения, дважды всходившего на патриаршую кафедру, в первый раз еще в Никее, во второй раз патриаршествовавшего и в Константинополе. Арсений, являясь человеком малоученым, был намечен в патриархи еще никейским императором Феодором II Ласкарем в надежде, что он, будучи возвеличен не по достоинству, окажется послушным орудием в руках императора. Однако, ожидания последнего не оправдались. Правление Арсения, этого греческого «Никона», ознаменовалось жестокими столкновениями патриарха с императором и послужило к образованию сначала партии, а затем и раскола «арсенитов», волновавшего Греческую церковь несколько десятилетий. Арсений не убоялся отлучить от церкви Михаила Палеолога, низложившего, как известно, вопреки своим клятвам, и ослепившего несчастного Иоанна IV Ласкаря, последнего никейского имератора. Разгневанный император низвел с патриаршей кафедры Арсения и отправил в ссылку, где он и умер. Последний рассматривал свое низложение и поставление новых патриархов в Константинополе, как события, ведшие к погибели церкви. Эти взгляды Арсения, взволновавшие общество, нашли немало приверженцев как среди духовенства, так и среди мирян; возникшие в связи с этим беспорядки и смуты закончились образованием раскола «арсенитов», которые избрали своим девизом изречение ап. Павла: «не прикасайся... и не дотрагивайся» (Посл. к Колоссянам, 2, 21), т. е. до тех, кто осудил Арсения или согласился на это осуждение. Будучи ревнивыми хранителями восточ-

---

[1] *А. Лебедев*. Очерки исторического состояния... с. 298.

[2] *Georg. Pachym*. De Michaele Palaeologo, IV, 28; Bonn ed., vol. I, p. 314.

ного православия, арсениты, если не иметь в виду их отношения к делу патриарха Арсения, могут быть отождествлены с зилотами.

Арсениты нашли сильную опору среди народных масс, где повышенное, напряженное настроение поддерживалось разными странниками, темными бродягами, пользовавшимися в народе славой «божьих людей», знаменитыми, по выражению источника, «сумконосцами» (σακκοφόροι),[1] проникавшими в дома и сеявшими там смуту и раскол. В следующих картинных выражениях рисует эту опору арсенитов покойный историк церкви И. Е. Троицкий: «Была в византийской империи сила — темная, непризнанная. Странная то была сила. Не было ей имени, да и сама она сознавала себя силой только в исключительные минуты народной жизни. Это была сила сложная, запутанная, с двусмысленным происхождением и характером. Она состояла из самых разнородных элементов. Грунт ее составляли оборвыши, сумконосцы, странники, юродивые, загадочные бродяги, кликуши и прочий темный люд, — люди без роду и племени, не имевшие пребывающего града. К ним под разными углами примыкали опальные сановники, низложенные епископы, запрещенные священники, выгнанные из монастырей монахи и, нередко, разные члены императорского семейства. Происхождением и составом силы определялся основной ее характер. Эта сила, образовавшаяся под влиянием ненормальных общественных порядков, держала глухую, большей частью пассивную, но действительную оппозицию этим порядкам, и особенно силе, царившей над ними — именно императорской власти. Эта оппозиция выражалась обыкновенно в распускании разных, более или менее компрометирующих лицо, облеченное этой властью, слухов, и хотя редко отваживалась на прямое возбуждение политических страстей, тем не менее нередко серьезно озабочивала правительство, которое тем более могло опасаться неприязненных действий этой темной силы, чем труднее было, с одной стороны, следить за этими действиями и чем восприимчивее, с другой, была общественная среда к этим действиям. Жалкий, забитый, невежественный и потому легковерный и суеверный народ, постоянно разоряемый и внешними врагами и правительственными чиновниками, обремененный чрезмерными налогами, стонавший под тяжестью привилегированных классов и иностранных купцов-монополистов, был чрезвычайно восприимчив к инсинуациям, выходившим из углов, населяемых представителями темной силы, тем более, что она, как образовавшаяся среди того же народа и под теми же условиями, владела тайной затрагивать в решительную минуту все фибры народной жизни. Особенно восприимчива была к этим инсинуациям

---

[1] *Georg. Pachym.* De Michaele Palaeologo, IV, 11; Bonn ed., vol. I., p. 277.

народная масса в самой столице... Темная сила со своей оппозицией правительству выступала под разными знаменами; но ее оппозиция была особенно опасна для главы государства, если на ее знамени выставлялось магическое слово „православие“».[1] К арсенитам при Михаиле Палеологе примыкали также приверженцы ослепленного царевича Иоанна Ласкаря.

Агитация арсенитов в столице, обеспокоив Михаила, заставила правительство прибегнуть к мерам принуждения и строгости. Последнее же обстоятельство принудило арсенитов бежать из столицы, где до тех пор почти исключительно сосредоточивалась их деятельность, и этим самым открыло для их темной пропаганды провинции, население которых толпами стекалось слушать их возбуждающие речи, направленные против императора и в защиту и возвеличение низложенного патриарха. Смерть самого Арсения не прекратила раскола, и после его смерти борьба продолжалась. По словам И. Е. Троицкого, борьба партий при Михаиле «своим лихорадочным воодушевлением и неразборчивостью в средствах напоминала самые шумные времена борьбы ересей IV, V и VI веков».[2]

Лионская уния во многом изменила положение партии арсенитов, как таковой. Уния затронула гораздо более широкие и существенные интересы Греческой церкви, а именно, ее коренную основу — православие. Арсениты со своими узко партийными интересами и счетами отошли на время на задний план, так как общественное и правительственное внимание было направлено во внутренней жизни страны почти исключительно на вопрос об унии. Этим объясняется, на первый взгляд, странное молчание историков о деятельности арсенитов во все время, начиная с Лионской унии до смерти Михаила VIII. Есть все же туманное известие о том, что в 1278 г. в Фессалии или в Эпире собирался Арсенитский собор. Основной его задачей было обеспечение триумфа дела аресенитов и прославление памяти Арсения.[3]

Чувствуя упорную, явную и тайную оппозицию своим униатским планам, Михаил в последние годы своего правления отличался большой жестокостью.* Его преемник и сын Андроник II Старший

---

[1] *И. Е. Троицкий.* Арсений и арсениты. СПб., 1873, с. 99—101. См. также: *I. Sykutres.* Περὶ τὸ σχίσματων Ἀρσενιτῶν. — Ἑλληνικά, vol. II, 1929, pp. 267—332; vol. III, 1930, pp. 15—44. (Автор отмечал, что ему книга русского теолога Ивана Троицкого осталась совершенно недоступной. — *Науч. ред.*)

[2] *И. Е. Троицкий.* Указ. соч., с. 178.

[3] См.: *V. Grumel.* En Orient après le IIe concile de Lyon. — Échos d'Orient, vol. XXIV, 1925, pp. 324—325.

* В исходной русской версии данная фраза завершается (с. 89) следующими словами: «Особенно страдали от него несогласные с ним духовные и миряне».

получил в церковной жизни в наследство от отца два трудных дела: унию и раздоры арсенитов с господствующей церковью. Прежде всего, новый государь торжественно отрекся от унии и восстановил православие. «Всюду, — как пишет источник (Григора), — разосланы были гонцы с царскими указами, которыми объявлялось исправление церковных беспорядков, возвращение всех, за ревность свою о церкви подвергшихся ссылке, и помилование испытавшим другое какое-либо бедствие».[1] Проведение этого дела не представляло больших затруднений, так как известно, что громадное большинство восточного духовенства и общества было против соединения с Римской церковью. Лионская уния, не оправдав ожиданий ни той, ни другой стороны, просуществовала формально восемь лет (1274—1282 гг.).

Разрыв с унией знаменовал собой также торжество идей зилотов и арсенитов, которые были убежденными врагами унии, «унионистов» и всего «латинского». Но арсениты не довольствовались этим. Они приняли участие на стороне Ласкарей в политическом заговоре против императора, надеясь, в случае успеха, получить исключительное влияние в государстве. Однако, заговор арсенитов был вовремя открыт и подавлен, после чего арсенитский раскол постепенно исчез, не пережив Андроника Старшего, который, несмотря на все испытанные со стороны арсенитов неприятности, согласился в конце концов на торжественное примирение их с церковью. Если после примирения некоторые из присоединившихся раскольников-арсенитов снова «отпали от единомыслия и снова начали жить особняком в расколе»,[2] то это, по словам И. Е. Троицкого, «был уже последний, предсмертный порыв пережившего себя движения, ни в ком не нашедшего отклика, и вскоре исчезнувший без следа вместе с этими последними его представителями в новых гражданских и церковных смутах».[3]

В связи с отменой унии и торжеством православной политики к концу XIII века крепнет и усиливается опирающаяся на монашество и на его идеалы партия зилотов-ревнителей. В XIV веке они развивают кипучую деятельность, не ограничивавшуюся лишь церковными вопросами, но и увлекавшую их в борьбу политических партий и общественных течений. Зилоты, например, принимали живое участие в солунских смутах XIV века, преследуя политические, недостаточно еще разъясненные задачи и стоя на стороне императора Палеолога в его борьбе с Кантакузином, что позволяет одному ученому называть зилотов в данном случае «легитимистами».[4] Сравнительно недавно румынским ученым О. Тафрали в

---

[1] *Niceph. Gregoras*. Historia, VI, 1, 2; Bonn ed., vol. I. p. 160.
[2] *Niceph. Gregoras*. Historia, VII, 9, 4; Bonn ed., vol. I, p. 262.
[3] *И. Е. Троицкий*. Арсений и арсениты, с. 445.
[4] *N. Iorga*. Latins et Grecs d'Orient. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XV, 1906, S. 185. О волнениях в Фессалонике мы будем говорить ниже.

науке сделана интересная попытка изложить политическую идеологию зилотов на основании одной неизданной речи известного византийского мистика XIV века Николая Кавасилы.[1]

Идеалы зилотов и монашества одерживают постепенно верх над белым духовенством в первой половине XIV века. Это движение разрешилось полным торжеством афонских иноков над константинопольским патриархатом в эпоху так называемых исихастских споров, о которых речь будет несколько ниже. В это время на константинопольском патриаршем престоле восседали последний патриарх из государственных сановников и последний патриарх из белого духовенства. «С этих пор высшие места в иерархии исключительно замещаются уже монашествующими, а константинопольский патриарший престол надолго делается достоянием питомцев св. горы Афонской».[2]

При Андронике II Старшем произошло важное изменение в управлении Афоном. Как известно, Алексей Комнин в конце XI века, освободив Афон от всякого подчинения какой-либо внешней церковной или гражданской власти, подчинил афонские монастыри только одному императору, который и рукополагал прота, т. е. главу совета игуменов (протата), управлявшего монастырями. Андроник Старший отказался от непосредственной власти над Афоном и подчинил монастыри власти Константинопольского патриарха, от которого прот и должен был получать посвящение. В данной по этому случаю царской грамоте (хрисовуле) говорится, что прот Афонской горы, этого «второго рая или неба звездного, или убежища всех добродетелей», будет состоять «под патриаршим великим духовным начальством после получения от него обычного благословения».[3]

Ко времени того же Андроника Старшего относится последняя важная реформа в деле церковного устройства в смысле нового распределения епархий, более соответствовавшего сокращенным размерам государства. Несмотря на некоторые изменения при Комнинах и Ангелах, номинально имело еще в конце XIII века силу распределение епархий и епископских кафедр, приписываемое обычно Льву Мудрому (около 900 г.). Но в XIII веке обстоятельства совершенно изменились. Территория государства уменьшилась: Малая Азия была почти вся потеряна; в Европе славянские и латинские государства заняли также бóльшую часть прежде принадлежавших империи областей. Тем не менее «перечень митрополий,

---

[1] *O. Tafrali.* Thessalonique au quatorzième siècle. Paris, 1913, pp. 225—272.

[2] *И. Е. Троицкий.* Арсений и арсениты, с. 522.

[3] *Порф. Успенский.* Восток Христианский. Афон, т. III, (2). СПб., 1892, с. 140; 141; 144; 633; 651; *Ph. Meyer.* Die Naupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894, S. 191; 193.

подчиненных апостольскому и патриаршему престолу богохранимой столицы Константинополя»,[1] составленный при Андронике Старшем, заставляет совершенно забывать о незначительности государственной территории империи, перечисляя длинный ряд городов в чужих областях и странах, которые в церковном отношении подчинены Константинопольскому патриарху. Из более отдаленных пунктов, названных в этом перечне, можно отметить несколько митрополий в кавказских странах, в Крыму, в России, Галиче, Литве. Распределение митрополий при Андронике Старшем имеет также то значение, что оно, конечно с изменениями, вызванными длинным рядом позднейших внешних событий, действует по существу в Константинополе и до настоящего времени. «Действующий ныне список митрополий Вселенского престола, — пишет русский знаток христианского Востока И. И. Соколов, — ведет свое происхождение от древнего времени и унаследовал в одной своей части прямое и несомненное преемство от византийской эпохи».[2]

Исихастское движение. К первой половине XIV века относится также появление в Византии интересного религиозно-мистического исихастского движения, сопровождавшегося рядом горячих споров и ожесточенной полемикой. Исихастами (греческое слово ἡσυχασταί), т. е. молчальниками, безмолвниками, назывались люди, поставившие себе целью нераздельное и полное единение с Богом и избравшие, как единственный способ для достижения этой цели, совершенное удаление от мира — исихию (ἡσυχία), или безмолвие, молчание.

Исихастский спор, сильно взволновавший на несколько лет внутреннюю жизнь страны, возник в то время, когда государство и без того переживало смутный и сложный период борьбы за существование, ввиду, с одной стороны, нападений внешних врагов, а именно — турок и позднее сербов, а с другой стороны, ввиду внутренних тяжелых смут, вызванных уже известным нам упорным столкновением сначала двух Андроников, деда и внука, а потом Иоанна Палеолога с Иоанном Кантакузином. Не надо забывать и того, что лишь немного времени прошло с тех пор, как прекратился арсенитский раскол, внесший также немалую смуту в церковные и государственные отношения.

Виновником споров был прибывший из Южной Италии (из Калабрии) греческий монах Варлаам, исказивший и осмеявший

---

[1] См.: *H. Gelzer.* Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae Episcopatuum, ein Beitrag zur byzantinischen Kirchen- und Verwaltungsgeschichte. München, 1901, S. 595; 597; 599—600; 605. (Abhandlungen der philologische-philosophischen Klasse der Akademie der Wissenschaften zu Munchen, XII).

[2] *И. И. Соколов.* Епархии Константинопольской церкви настоящего времени. Пг., 1914, с. 66.

План Константинополя 1422 г., составленный Буондельмонти.

исихастские воззрения, имевшие своим главным центром афонские монастыри и переданные ему одним необразованным византийским монахом в ненадлежащем освещении. В одной записке, поданной патриарху и собору по этому вопросу, мы читаем следующее: «Мы до самого последнего времени жили в мире и тишине, с доверием и в простоте сердечной принимая слово веры и благочестия, когда завистью диавола и дерзостью собственного разума попущен был некий Варлаам против пребывающих в молчании и проводящих в простоте сердца чистую и к Богу приближающую жизнь».[1] Афон, стоявший всегда на страже чистоты восточного православия и монашеских идеалов, должен был чувствовать себя больно задетым в возникшем споре и играл, конечно, в его развитии и разрешении руководящую роль.

Ученые придают важное значение этому спору. Немецкий византинист Гельцер не без некоторого преувеличения говорит, что эта церковная борьба «принадлежит к самым удивительным и в культурно-историческом отношении самым интересным явлениям всех времен».[2] Другой ученый, новейший исследователь данного вопроса, грек, получивший образование в России, Папамихаил, полагает, что этот факт имел величайшее значение в истории Византии XIV века и был главнейшим культурным явлением эпохи, заслуживающим самого внимательного изучения.[3]

Что же касается внутреннего смысла и значения исихастского движения, то в этом отношении в науке существуют различные точки зрения. И. Е. Троицкий видит в этом движении продолжение борьбы двух уже известных нам партий — зилотов и политиков,[4] или, другими словами, монашества и белого духовенства, завершившееся в исихастских спорах полным торжеством монашества и афонских идеалов. Ф. И. Успенский приходит к выводу, что исихастские споры сводились к столкновению двух философских школ и направлений, а именно: аристотелизма, которое было ус-

---

[1] *Ф. И. Успенский.* Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892, с. 327. Лучшие изложения исихастского учения — *Монах Василий (Кривошеин).* Аскетическое и теологическое учение Св. Григория Паламы. — Seminarium Kondakovianum, vol. VIII, 1936, pp. 99—151; *Архимандрит Киприан.* Антропология Св. Григория Паламы. Париж, 1951.

[2] *H. Gelzer.* Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte. München, 1897, S. 1058.

[3] G. Ch. Papamichael. Ὁ ἅγιος Γρηγόριος Παλαμᾶς ἀρχιεπίσκοπος Θεσσαλονίκης. Ἀλεξενδρείας, 1911, pp. 14—15. См. детальную рецензию на эту книгу в Журнале Министерства народного просвещения: *Н. С.* т. XLIV, 1913, с. 381. (автор — И. И. Соколов). Хорошая работа о Паламе и паламитах написана М. Жюги — *M. Jugie.* Palamas et Controverse palamite. — Dictionnaire de théologie catholique, vol. XI (2), col. 1735—1818.

[4] *И. Е. Троицкий.* Арсений и арсениты, с. 521.

воено восточной церковью, с платонизмом, последователи которого подвергались со стороны церкви анафеме; и только позднее эта возникшая в философской сфере борьба была перенесена на богословскую почву; причем важная историческая роль, выпавшая на долю главных представителей исихастских взглядов, вытекает из того, что они являлись не только представителями национальной греческой тенденции в борьбе с западничеством, но, что еще важнее, стояли во главе монашеского движения, опирались на Афон и зависимые от него монастыри на Балканском полуострове.[1] Новейший же исследователь в данной области, упомянутый грек Папамихаил (его книга вышла в 1911 г.), не отрицая в движении присутствия элементов борьбы монашества (партии зилотов) с политиками и философской окраски, как факторов привходящих и эпизодов, не составлявших сущности спора, полагает, что правильное объяснение исихастских споров нужно искать прежде всего в чисто религиозной области, а именно, с одной стороны, в том крайне повышенном мистическом течении, которое в то время охватило не только Запад, но и Восток, особенно же Афон; с другой стороны, в стремлении западного монаха-грека Варлаама проводить латинизирующие идеи на византийском православном Востоке, имевшие целью путем рационалистических, исполненных сарказма нападений поколебать монашеский авторитет в византийском обществе.[2]

Если оставить в стороне вопрос о латинизирующих стремлениях Варлаама, которые еще недостаточно выяснены и доказаны в науке, вопрос об исихастском движении, религиозный в своей основе, получит еще более широкий и глубокий интерес, если его поставить в связь с господствующими мистическими течениями Западной и Восточной Европы и с некоторыми культурными явлениями так называемой эпохи Итальянского Возрождения. Но изучение исихастского движения в только что указанном освещении предстоит еще будущему.

Наиболее выдающимся представителем исихастов и наилучшим теоретиком-систематизатором учения об исихии был в XIV веке фессалоникийский архиепископ, культурный человек и образованный писатель Григорий Палама, ярый противник Варлаама и глава называемой по его имени партии паламитов. Одновременно с Паламой раскрывали и объясняли в своих сочинениях учение об исихии многие другие исихасты, особенно же византийский, к сожалению, мало исследованный мистик Николай Кавасила, изу-

---

[1] *Ф. И. Успенский.* Очерки по истории византийской образованности, с. 273, 364, 366.

[2] *G. Ch. Papamichael.* Ὁ ἅγιος Γρηγόριος Παλαμᾶς... p.18; см. также: И. И. Соколов в ЖМНП, Н. С., т. XLIV, 1913, с. 382.

чение взглядов и сочинений которого заслуживало бы самого глубокого внимания.

На основании вышеупомянутого сочинения Папамихаила и его изложения, сделанного проф. И. И. Соколовым, суть исихии состоит в следующем: направив все свое стремление к познанию Бога, его созерцанию и единению с ним и сосредоточивая для этого все свои силы, исихасты должны были удалиться «от всей целокупности мира и всего, что напоминает о мире» и уединиться от него «посредством сосредоточения и собирания ума в самом себе». «Для достижения такого сосредоточения исихаст должен отвлечься от всякого представления, от всякого понятия и помысла, освободить ум свой от всякого познания, дабы он мог свободно, посредством безусловно независимого полета, легко погрузиться в истинно-мистическую тьму неведения... Самая высшая, проникновенная и совершенная молитва совершенных исихастов является непосредственным общением с Богом, во время которого между Богом и молящимся не существуют какие-либо мысли, воззрения, образы настоящего или обдумывания прошедшего. Это есть высочайшее созерцание, — созерцание одного только Бога, совершенное восхищение ума и отрешение от всего чувственного, чистая молитва, в которой нет никакой посторонней мысли или беспокойного на чем-нибудь сосредоточения. Дальше такой молитвы не мыслится ничего более совершенного или высшего; это есть состояние экстаза, мистическое единение с Богом, обожествление (ἡ θέωσις). В этом состоянии ум всецело выходит за пределы окружающего чувственного, отлагается от всякой мысли, приобретает совершенную нечувствительность к тому, что в мире, и к внешним впечатлениям, становится глухим и немым. Он не только совершенно отрешается от внешних впечатлений, но и выходит за пределы своей индивидуальности, теряет сознание о себе, как всецело погрузившийся в созерцание Бога; поэтому достигший экстаза не живет личной и индивидуальной жизнью; жизнь его духовная и телесная останавливается, ум пребывает неподвижным и прикован к объекту созерцания... Таким образом, основанием и центром исихии служит любовь к Богу от всей души, сердца и помышления и стремление к божественному созерцанию посредством отречения от всего, что в самой малой и отдаленной степени напоминает о мире и что в нем». Это была «смерть для мира». Желанная цель исихастов достигалась посредством совершенного уединения и молчания, посредством «хранения сердца» и трезвления ума, посредством непрерывного покаяния, непрестанных слез, памятования о Боге и смерти и постоянного повторения «умной» молитвы: «Господи Иисусе Христе, помилуй меня, Сыне Божий, помоги мне». Следствием такого молитвенного расположения является блаженное смирение. Впоследствии учение о священной исихии получило

более систематическое изложение, особенно среди афонского монашества, где монахи даже разделили путь к достижению более совершенной исихии на несколько категорий, составили определенные «схемы» и «лестницы», в одной из которых мы, например, находим «четыре дела безмолвствующих»: начинающие, успевающие, успевшие и совершенные; лиц совершенных, т. е. достигших высшей степени исихии, а именно «созерцания», было очень мало. Большинство аскетов ограничивалось лишь первыми ступенями исихии.[1]

Главный представитель исихастского направления, фессалоникийский архиепископ Григорий Палама, получивший широкое, разностороннее образование в Константинополе под покровительством Андроника II, тяготел с юных лет к исследованию вопросов монашеской жизни. Поселившись двадцати лет от роду на Афоне, где он был пострижен в монашество, и деля затем свое местопребывание между Афоном, Фессалоникой и некоторыми уединенными пунктами Македонии, он на Святой Горе, превосходя всех подвижничеством, посвятил все свои силы совершенствованию в «созерцании». К этому времени у Григория вырабатывается определенный взгляд на так называемое «созерцание» (θεωρία), и с этого времени начинается его литературная деятельность, посвященная разъяснению его аскетического мировоззрения. Намерение его удалиться в полное уединение для посвящения себя всецело «умной молитве» не осуществилось, так как на Афоне произошли смуты и споры, виновником которых был калабрийский грек, монах Варлаам.

Варлаам, прибывший в Византию с целями, недостаточно еще разъясненными наукой, вошел в такое доверие византийского общества, что был даже назначен игуменом одного из константинопольских монастырей. Но потерпев поражение на диспуте от одного из выдающихся византийских ученых, Никифора Григоры, Варлаам бежал в Фессалонику, откуда, попав на Афон и познакомившись от одного простодушного монаха с учением исихии, выступил с обвинением исихастов в том, будто они, достигши высшей степени совершенства, «таинственно и неизреченно видят телесными очами божественный, несозданный свет, вокруг них сияющий»; монахи разрушают догматы церкви, если утверждают, что телесными очами видят божественный свет, признавая этим божественную благодать сотворенной и существо Божие постижимым, что является уже двубожием, и т. д.

Возникший по этому вопросу литературный спор между Паламой и Варлаамом, который создал партии паламитов и варлаамитов, не привел к окончательному результату и дело было перенесено в

---

[1] И. И. Соколов в ЖМНП, Н. С., т. XLIV, 1913, с. 384—386; он же в ЖМНП, Н. С., т. XLIV, 1913, с. 171—172; 181—182.

Константинополь, где решено было созвать собор. Собор должен был заняться вопросом о природе фаворского света, то есть того осиявшего Христа света, который видели его ученики во время Преображения. Был ли это свет созданный или несозданный? По учению Паламы, свет или сияние, которого удостаиваются совершенные исихасты, есть именно свет, тождественный с фаворским светом. Божественное сияние не сотворено, не сотворен и фаворский свет.

На соборе, созванном в храме Св. Софии, учение Паламы одержало победу над Варлаамом, который вынужден был публично принести раскаяние в своем заблуждении. Однако надо иметь в виду, что источники об этом соборе довольно противоречивы и Ф. И. Успенский, например, даже склонен сомневаться в результате соборных деяний: осужден был Варлаам или прощен. Во всяком случае, Палама приговором собора остался недоволен.[1]

Церковная смута продолжалась. Спорные вопросы обсуждались на ряде других соборов. При этом представители церкви были замешаны и в политические осложнения эпохи, возникшие благодаря известной борьбе Иоанна Палеолога с Иоанном Кантакузином. Палама вел бурную жизнь, будучи даже на некоторое время заключен в темницу за непримиримость религиозных воззрений. Упорного противника своим взглядам Палама нашел в Никифоре Григоре, который раньше с таким рвением выступал против Варлаама, а затем перешел на сторону партии сближения с Римом. В конце концов дело Паламы восторжествовало и его учение было признано на соборе истинным учением православной церкви. Соборное определение, излагающее «богохульства Варлаама, отсекает его от общения с христианами как за другие вины, так и за то, что он свет Преображения Господа, явившийся взошедшим с ним (на гору) блаженным ученикам и апостолам, стал называть созданным и описуемым и ничем не отличающимся от воспринимаемого чувством света.[2] Однако борьба и невзгоды многих лет подорвали силы Паламы, который после тяжелой болезни скончался в 1360 г. На одной из художественно выполненных миниатюр рукописи Иоанна Кантакузина в Парижской Национальной Библиотеке изображен Иоанн Кантакузин, сидящий на троне во время собора, решавшего вопрос о природе фаворского света.

Исихастский спор в середине XIV века привел к решительной победе старого православия в целом и в том, что касается идеалов монашества на Афоне в частности. Монахи господствовали теперь в церкви и в государстве. Мертвое тело основного оппонента Паламы Никифора Григоры было выставлено для насмешек. Его таскали

---

[1] *Ф. И. Успенский.* Очерки по истории византийской образованности, с. 336.

[2] PG, vol. CLI, col. 718—719.

по улицам города, согласно другому оппоненту Паламы, Иоанну Кипариссиоту.[1] В этот момент, согласно Л. Брейе, для империи наступило черное будущее.[2] Однако немецкий византинист Гельцер изобразил очень идиллическую картину жизни афонских монахов. Он писал: «Святая гора оказалась Сионом истинной веры. Во время того ужасного кризиса умирания целого народа, когда османы безжалостно топтали ромейский народ, Афон стал убежищем тишины, которого искали разбитые души. Но вместе с тем и много сильных сердец, заблудившихся во всей земной жизни, предпочитали в том же уединении от мира провести в союзе с Богом свою душевную борьбу. Монашество обеспечило в эти тяжелые времена несчастной нации единственное продолжительное и настоящее утешение».[3]

Роль исихастов в политической борьбе той эпохи еще недостаточно определенно выяснена в науке. Во всяком случае, руководители той или иной политической партии, хотя бы Палеолог и Кантакузин, понимали все значение и силу исихастов и не раз опирались на них в достижении своих чисто светских целей. Но грозная политическая обстановка в виде турецкой опасности заставляла государей, даже искавших иногда опоры в исихастах, отступать от старого православия торжествующего Паламы и его сторонников и искать сближения с Римской церковью, которая, по мнению восточных василевсов, одна только и могла поднять Западную Европу на защиту христианства. Особенно сильно стала чувствоваться эта склонность к Западной церкви, когда на престоле, после низложения Кантакузина, утвердился, наконец, полулатинянин по матери, Анне Савойской, Иоанн V Палеолог, сам ставший католиком.

Обращение в католицизм Иоанна V. К шестидесятым годам XIV столетия турки являлись обладателями Малой Азии, Галлипольского полуострова в Европе и постепенно стали продвигаться по Балканскому полуострову, грозя окружить Константинополь. Иоанн V всю надежду на избавление от опасности возлагал на папу.

XIV век был эпохой так называемого «вавилонского плена» — с 1305 по 1378 годы семь пап, занимая последовательно престол св. Петра, имели более или менее постоянное местопребывание на

---

[1] См.: PG, vol. CLII, col. 733—736; см. также: *R. Guilland*. Essai sur Nicephore Grégoras. Paris, 1926, p. 54; *L. Bréhier*. La Rénovation artistique sous les Paléologues et le mouvement des idées. — Mélanges Charles Diehl: Études sur l'histoire et sur l'art de Byzance. I. Paris, 1930, p. 9.

[2] *L. Bréhier*. Op. cit, p. 9.

[3] *H. Gelzer*. Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte. München, 1897, S. 1059—1060.

берегах Роны в Авиньоне, находясь в зависимости от французских королей. Папские призывы к западным государям и князьям о помощи против турок или оставались совершенно безрезультатны, или же приводили к небольшим экспедициям, иногда временно и частично удачным, но, конечно, не решавшим вопроса. Крестоносного энтузиазма на Западе не было. Кроме того, в представлении западноевропейского человека того времени схизматики-греки были более неприемлемыми, чем мусульманские турки. Петрарка писал: «Турки — враги, греки же — схизматики хуже врагов».[1]

В конце шестидесятых годов папа Урбан V решил из Авиньона переселиться в Рим. Еще на пути в Вечный город он встретил византийских послов, которые заявляли о намерении их императора заключить унию, для чего последний готов был приехать в Рим. Иоанн V прибыл в Рим морем, высадившись в Неаполе.[2] То, что Иоанн в своем решении принять католицизм не имел поддержки со стороны византийской церкви, ясно видно из следующего факта — среди всех сопровождавших императора в Рим высших должностных лиц не было ни одного представителя византийской церкви. В октябре 1369 г., в Риме, Иоанн прочел в торжественной обстановке исповедание веры, согласное во всем с догматами римско-католической церкви. В храме св. Петра, в присутствии императора, папа совершил торжественное богослужение, во время которого Иоанн V еще раз произнес исповедание веры и снова подтвердил, что Дух Святой исходит от Отца и Сына и что папа является главою всех христиан. В тот же день император обедал у папы. К столу были приглашены также все кардиналы. Через Неаполь и Венецию император вернулся в Константинополь, пережив в последней унизительные моменты. Венецианцы за неуплату в срок взятой у них еще ранее взаймы крупной суммы денег задержали несчастного Иоанна V как несостоятельного должника. Он был освобожден только тогда, когда благородный и энергичный сын его, будущий император Мануил, собрал требуемую сумму, явился в Венецию и выкупил отца. Вскоре после отбытия императора папа Урбан V вернулся в Авиньон.

В своей энциклике папа выражал радость по поводу возвращения Иоанна в лоно католической веры и его отказа от схизмы. Папа говорил также о надежде, что этому примеру последуют бесчисленные народы, которые придерживались схизмы и ошибок греков. Однако, в то же самое время патриарх Константинопольский

---

[1] *F. Petrarca*. Rerum senilium, liber VII. Basileae, 1554, p. 912; Baronii Annales ecclesiastici, ed. A. Theiner, vol. XXVI, p. 135.

[2] Гельцер неправ, утверждая, что в 1369 г. Иоанн собирался отправиться в Авиньон. (*H. Gelzer*. Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte. S. 1060.)

Филофей слал послания не только населению империи, но и православным христианам за ее пределами — в Сирию, в Египет, в южно-славянские страны и в далекую Россию, призывая их быть верными православию. Сопротивление религиозной политике Иоанна было упорным. Обращение Иоанна в Риме реальных результатов не имело и он не мог получить от папы ничего кроме внимания, подарков и обещаний. Несмотря на папские призывы, Западная Европа не послала никакой помощи против турок. Обращение Иоанна, столь торжественно провозглашенное, было все же его личным делом. Подавляющее большинство населения империи осталось верным Восточной православной церкви.[1] Тем не менее, это путешествие императора представляет собой интересный эпизод в истории культурного общения Византии с Западной Европой, в данном случае с Италией в эпоху Возрождения.

Флорентийская уния. Наиболее известной унией является Флорентийская уния 1439 г. К этому времени политическая атмосфера на христианском Востоке была уже гораздо более напряженной, чем в годы Римской унии. Разгром турками Сербии и Болгарии, никопольское поражение крестоносцев, неудачное странствование Мануила II по Западной Европе и, наконец, завоевание турками Фессалоники в 1430 г. ставили Восточную империю в критическое положение, которого Ангорское поражение турок монголами поправить не могло. Но подобные успехи турок были уже серьезною грозой и для западноевропейских государств. Вот почему в истории Флорентийской унии такую важную роль играет и так сильно чувствуется сознание необходимости предпринять общую латинско-греческую борьбу против турок. Но несмотря на весь ужас положения империи, в Византии существовала как в XIV, так и особенно в XV веке православная националистическая партия, боровшаяся против идеи унии не только из-за боязни потерять чистоту греческого православия, но также из-за того, что помощь Запада, купленная ценой унии, повлечет за собой политическое преобладание Запада на Востоке. Иными словами, речь шла об опасении того, что предстоящее турецкое владычество заменится владычеством латинским. В первой четверти XV века византийский полемист Иосиф Вриенний писал: «Не верьте, что западные народы

---

[1] В моей статье о путешествии Иоанна в Рим и его обращении в католицизм я ошибочно охарактеризовал это как Римскую унию 1369 г. См.: Il viaggio dell'Imperatore Bizantino Giovanni V Paleologo in Italia (1369—1371) e l'Union e di Roma del 1369. — Studi bizantini e neoellenici, vol. III, 1931, pp. 151—193. Обращение Иоанна было личным делом и не нашло поддержки у византийского клира. См. прекрасное, хорошо документированное исследование: *O. Halecki.* Un Empereur de Byzance à Rome. Warszawa, 1930, S. 188—234. См. также: *G. Ostrogorsky.* Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940, S. 388—389.

нам помогут. Если же когда-либо они, для виду, и встанут на нашу защиту, то вооружатся для того, чтобы уничтожить наш город, род и имя».[1] Подобное опасение для XV века имело вполне реальные основания в политических планах Альфонсо Великолепного на Востоке.

В это время на Западе был созван третий, после Пизанского и Констанцского, Великий собор XV века в Базеле, выставивший, как программу своей деятельности, реформу церкви в ее главе и членах и подавление принявшего после смерти Яна Гуса весьма обширные размеры гуситского движения. Папа Евгений IV враждебно относился к собору с подобными планами. С византийскими греками и императором Иоанном VIII были одновременно и независимо открыты переговоры Базельским собором и папою. Базельский собор и Константинополь обменялись посольствами, и в числе греческих послов в Базель находился игумен одного из константинопольских монастырей Исидор, будущий митрополит Московский, произнесший на соборе речь в пользу соединения церквей. По его словам, это «создаст грандиозный памятник, могущий соперничать с колоссом Родосским, вершина которого достигала бы небес и блеск которого отражался бы на Востоке и Западе».[2] После безрезультатных споров о месте будущего собора отцы Базельского собора вынесли решение о том, что последний, устранив гуситские раздоры, займется уже после этого улаживанием греческого вопроса. Подобное решение собора было в высшей степени обидным для византийских греков, носителей истинного православия, которые в данном случае ставились на одну доску с «еретиками» гуситами. В Константинополе по этому вопросу «разразилась настоящая буря».[3] Между тем, император постепенно сближался с папой, в руки которого и перешло ведение дела унии. Боясь реформаторских стремлений Базеля, Евгений IV перенес заседание собора в северо-итальянский город Феррару, а затем, из-за вспыхнувшей там чумы, во Флоренцию. Однако, часть членов собора, не повинуясь папскому велению, осталась в Базеле и даже избрала другого папу.

Заседания Ферраро-Флорентийского собора были обставлены с необычайной торжественностью. Император Иоанн VIII с братом,

---

[1] *Kalogeras*. Μάρκος ὁ Εὐγενικὸς καὶ Βησσαρίων ὁ Καρδινάλις. Ἀθῆναι, 1893, p. 70. (На основании редкого издания сочинений Вриенния, опубликованного в Лейпциге, в 1768 г.). См. также: *W. Norden*. Das Papsttum und Byzanz... S. 731.

[2] См.: *L. P. Pierling*. La Russie et le Saint-Siège, vol. I. Paris, 1906, p. 11.

[3] *L. P. Pierling*. Op. cit., pp. 12, 15.

Константинопольский патриарх Иосиф, эфесский митрополит, ярый противник унии Марк, одаренный и высокообразованный сторонник унии Виссарион, и большое количество других духовных и светских лиц прибыли через Венецию в Феррару. Московский великий князь Василий II Темный отправил на собор недавно назначенного митрополитом в Москву склонного к унии Исидора, которого сопровождала многочисленная свита из русских духовных и светских лиц. Это была эпоха расцвета Итальянского Возрождения, когда Феррара жила кипучей жизнью культуры и просвещения под владычеством фамилии Эсте, а Флоренция — блестящих Медичи.

Споры и рассуждения на соборе, сводившиеся к двум главным вопросам, к filioque и главенству папы, затянулись довольно долго. Далеко не все прибывшие греки соглашались признать эти положения. Утомленный император собирался уехать. Патриарх Иосиф, противник унии, умер во Флоренции еще до официального ее объявления. Особенно деятельно на пользу унии работал Московский митрополит Исидор. Наконец, составленный на двух языках акт унии был, в присутствии императора, торжественно обнародован 6 июля 1439 г. во Флорентийском соборе Santa Maria del Fiore. Некоторые из греков во главе с Марком Эфесским этого акта не подписали.

В Италии до сих пор существует целый ряд памятников, относящихся к Флорентийской унии. Один из интересных, особенно для нас, современных XV веку экземпляров акта унии на трех языках: латинском, греческом и славянском, хранится и выставлен для обозрения в одной из библиотек Флоренции (Biblioteca Laurenziana). Среди греческих и латинских подписей на этом документе находится и одна русская подпись «смиренного епископа Авраамия Суздальского», присутствовавшего на соборе. Существует, как известно, в наши дни и собор во Флоренции Santa Maria del Fiore, где была провозглашена уния. В другой флорентийской церкви, Santa Maria Novella, сохранился надгробный памятник умершего во время собора Константинопольского патриарха Иосифа. На памятнике можно видеть до сих пор фресковое изображение патриарха во весь рост. Наконец, в Палаццо Риккарди в той же Флоренции сохранилась большая фреска итальянского живописца XV века Беноццо Гоццоли (Benozzo Gozzoli), изображающая шествие волхвов, которые отправляются в Вифлеем на поклонение новорожденному Христу. Под видом едущих верхом волхвов художник изобразил, между прочим, правда, довольно фантастически, Иоанна Палеолога и патриарха Иосифа, въезд которых во Флоренцию он мог лично наблюдать. Рим также имеет несколько воспоминаний о Флорентийской унии. Между большими барельефами с изображением Спасителя, Богородицы, апостолов Петра и

Павла на известных главных входных дверях в храм св. Петра, работы XV века, помещены небольшие барельефы, имеющие отношение к Флорентийскому собору. Это: отплытие императора из Константинополя, прибытие в Феррару, заседание Флорентийского собора, отплытие императора со свитой из Венеции. Затем, в одном из римских музеев хранится красивый, часто приводимый на рисунках, бронзовый бюст в натуральную величину Иоанна Палеолога в остроконечной шляпе, исполненный, может быть, с натуры во время пребывания императора во Флоренции.[1]

Подобно Лионской унии, Флорентийская не была принята на Востоке, и возвратившийся в Константинополь Иоанн быстро увидел, что задуманное им дело не удалось. Около не подписавшего унию Марка Эфесского сплотилась многочисленная православная партия; многие из подписавших унию взяли свои подписи обратно. Исидор, решившись по возвращении в Москву ввести унию в России и приказав в Успенском соборе прочесть торжественно грамоту о соединении церквей, также не нашел никакого сочувствия и, будучи назван великим князем не пастырем и учителем, а волком, был заключен в монастырь, откуда бегством спасся в Рим. Восточные патриархи, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский, высказались также против унии, и на Иерусалимском соборе 1443 г. Флорентийский собор был назван «скверным» (μιαρά).[2]

Католическая церковь, однако, до сих пор признает всю важность решений Флорентийского собора, и еще в XIX веке папа Лев XIII в своей энциклике (окружном послании) о соединении церквей призывал православных возвратиться именно к решению этого собора.

Последний византийский государь Константин XI, подобно своему брату Иоанну VIII, видел спасение гибнущего государства в унии.

Вопрос о Соборе в Святой Софии. Некоторые ученые утверждают, что в 1450 году в храме Св. Софии будто бы был созван собор с многочисленными представителями православного духовенства. В присутствии приехавших в Константинополь патриархов — Антиохийского, Александрийского и Иерусалимского — собор этот, осудив унию и ее сторонников, восстановил православие. Издавший впервые отрывки деяний этого собора еще в XVII веке известный

---

[1] Подлинность этого бюста некоторыми современными исследователями оспаривается. См., например: *R. Byron*. The Byzantine Achievement: An Historical Perspective. A. D. 330—1453. London, 1929, p. 318. С точки зрения Байрона, этот бюст вполне может рассматриваться как подделка, созданная в XIX веке.

[2] *Leo Allatius*. De ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione. Coloniae Agrippinae, 1648, col. 939. Все послание в целом — col. 939—941. (Lib. III, cap. IV.)

ученый Лев Алляций признал их подложными. С этого времени мнения ученых разделились. Одни, следуя примеру Алляция, признавали деяния собора подложными и самый собор несуществовавшим. Другие, особенно греческие богословы и ученые, для которых подобный собор имел громадное значение, стояли за подлинность напечатанных деяний и считали созыв Софийского собора историческим фактом.[1] Вопрос этот в последнее время решался скорее в пользу признания деяний Софийского собора подложными и отрицания самого факта созыва такого торжественного собрания, хотя и теперь еще раздаются голоса против подобного взгляда.[2] Во всяком случае, мы не имеем достаточных оснований утверждать, что при Константине XI имел место открытый, утвержденный собором разрыв с унией. Наоборот, видя приближение смертельной опасности для города, Константин снова обратился за помощью к Западу. Однако вместо желаемой помощи в Константинополь прибыл бывший московский митрополит и участник Флорентийского собора, сделавшийся кардиналом Исидор. В декабре 1452 г., то есть за пять месяцев до падения города, он устроил в Св. Софии торжественное провозглашение унии и отслужил униатскую обедню с поминовением папы. Это вызвало сильнейшее возбуждение среди городского населения.

После падения Константинополя, под турецким владычеством, религия и религиозные учреждения греков сохранились. Несмотря на отдельные акты насилия турецкого правительства и мусульманского населения против представителей греческой церкви и православного населения, надо признать, что при Мехмеде II и его ближайших преемниках дарованные христианам религиозные права соблюдались довольно строго. Личности патриарха, епископов и священников признавались неприкосновенными. Все духовные лица считались свободными от подати, в то время как весь греческий народ был обязан платить ежегодную подать (харадж). Половина столичных церквей должна была быть обращена в мечети, а другая — остаться в пользовании христиан. Церковные каноны сохраняли свою силу во всех делах по внутреннему церковному управлению, которое, будучи осуществляемо патриархом и епископами, пользовалось самостоятельностью. При патриархе существовал Свя-

---

[1] Об этом см.: *Х. Папаиоанну*. Акты так называемого последнего Софийского собора (1450 г.) и их историческое достоинство. — ВВ, т. II, 1895, с. 394, 413; *А. Лебедев*. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до половины XV века, с. 294. Оба эти автора стоят за подложность актов.

[2] См., например: *J. Dräseke*. Zum Kircheneiningungsversuch des Jahres 1439. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. V, 1896, S. 580; *L. Bréhier*. Attempts at Reunion of the Greek and Latin Churches. — Cambridge Medieval History, vol. IV, London, 1923, pp. 624—625.

щенный Синод; патриарх и Синод вели дела церковного управления. Все религиозные действия могли отправляться свободно. Во всех городах и деревнях разрешалось торжественное празднование Пасхи и т. д. Эта религиозная терпимость сохранялась в Турецкой империи до наших дней,[1] хотя с течением времени случаи нарушения религиозных прав христиан со стороны турок участились, и положение христианского населения временами было очень тяжелым.

Первый Константинопольский патриарх при новом владычестве был избран духовенством вскоре после взятия города и затем признан султаном. Выбор пал на образованного полемиста и разностороннего писателя Геннадия (в миру Георгия) Схолария. Он сопровождал Иоанна VIII на собор в Феррару и Флоренцию. Тогда он был сторонником унии, ко времени же своего патриаршества он превратился в ее противника и ревностного защитника православия. С его избранием греко-римская уния полностью прекратила свое существование.

Политические и социальные условия в империи

Вопрос о внутреннем состоянии империи при Палеологах в смысле ее общего управления, финансового и социально-экономического положения принадлежит к числу наименее разработанных и наиболее трудных и сложных вопросов византийской истории. Изданный обширный материал с данной стороны еще недостаточно обследован, использован и оценен. Много драгоценного материала, особенно в виде хрисовулов, монастырских и частных актов, хранится еще среди рукописных сокровищ различных библиотек Востока и Запада. Одно из самых важных мест занимают рукописи афонских монастырей, в изучении которых немалую роль сыграли русские ученые.

В XVIII веке русский путешественник В. Г. Барский посещал афонские монастыри дважды (в 1725—1726 и в 1744 гг.) Он был современным ученым, который познакомился с богатствами исторических архивов Афона. Составленное им детальное описание увиденных документов пролило яркий свет на эти ценные источники.[2] В XIX веке русские ученые епископ Порфирий Успенский, П. Севастьянов, Т. Флоринский и В. Регель ревностно работали в монастырях Св. Горы и опубликовали большое количество весьма важных документов, касающихся внутреннего положения империи. Особенно важны акты, изданные в приложениях к ряду томов «Византийского временника». Эти публикации содержат обильное

---

[1] Турция стала республикой в 1923 году.

[2] См.: Путешествия В. Г. Барского по Святым Местам Востока с 1723 по 1747 г. Издал Н. Барсуков. СПб., 1885, т. I, с. XXXIII.

количество еще мало использованного материала для более углубленного проникновения в условия внутренней жизни позднейшей Византии. В самом конце XIX века греческий ученый С. Ламброс опубликовал каталог греческих рукописей Афона. Однако, вследствие обстоятельств, превосходящих возможности С. Ламброса, он не смог включить в свой каталог описание двух самых важных коллекций рукописей, находящихся в монастырях Лавра и Ватопеди. Каталог греческих рукописей библиотеки монастыря Ватопеди был опубликован в 1924 году.[1] В 1915 году французский исследователь Г. Мийе (Millet) был послан на Афон, где он собрал серию документов из архивов Лавры, которая была, согласно одному хрисовулу, «головой и Акрополем всей монашеской республики».[2]

Во введении к каталогу греческих рукописей монастыря Ватопеди авторы писали: «Святая Гора сохранила и спасла в целости византийскую цивилизацию и духовные силы греческого народа».[3]

Богатый материал по эпохе Палеологов содержится и в других библиотеках. Большое значение имеет собрание документов, опубликованное Миклошичем и Мюллером в Acta et diplomata graeca medii aevi, как и многочисленные издания греческих текстов греческим ученым К. Сафой (C. Sathas). Наконец, недавно опубликованные акты Вазелонского монастыря, расположенного рядом с Трапезундом, дают новый и богатый материал по истории крестьянского и монастырского землевладения не только Трапезундской империи, но и Византии в целом в период с XIII по XV века.[4]

При незначительности территории восстановленной империи Палеологов и при ее постоянном уменьшении, при непрекращающихся угрозах со стороны норманнов, турок, сербов, венецианцев и генуэзцев, империя перешла при Палеологах в разряд второстепенных государств и не могла жить правильной, налаженной внутренней жизнью. Расстройство во всех частях государственного механизма и упадок центральной императорской власти являются отличительной чертой этого периода. Длительные династические усобицы двух Андроников, деда и внука, Иоанна V с Иоанном

---

[1] *S. Eustratiades, Arcadios of Vatopedi.* Catalogue of the Greek Manuscripts in the Library of the Monastery of Vatopedi on the Mount Athos. Cambridge, 1924. (Harvard Theological Studies, vol. XI).

[2] См.: *G. Rouillard.* Les Archives de Lavra (Mission Millet). — Byzantion, vol. III, 1926, p. 253; *G. Rouillard, P. Collomp.* Actes de Lavra. vol. I, Paris, 1937, p. I.

[3] *S. Eustratiades, Arcadios of Vatopedi.* Catalogue of the Greek Manuscripts... p. I.

[4] *Ф. И. Успенский, В. Н. Бенешевич.* Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV вв. Л., 1927.

Кантакузином, заискиванья, с одной стороны, перед папами в виде заключенных уний, никогда не находивших одобрения народных масс, и связанные с этим порою унизительные путешествия императоров Иоанна V, задержанного на обратном пути в Венеции за долги, Мануила II и Иоанна VIII в Западную Европу; подобные же заискиванья и унижения перед турецкими султанами, то в виде платежа ему дани, то в виде вынужденных пребываний при его дворе и выдачи императорских принцесс замуж за мусульманских правителей, — все это принижало и ослабляло в глазах народа власть византийского василевса.

Сам Константинополь, перешедший в руки Палеологов после разгрома и ограбления его латинянами, уже не был прежним городом. Об упадке столицы свидетельствуют как греческие источники, так и свидетельства разнообразных иностранных путешественников и паломников, бывавших в Константинополе.

В начале XIV века арабский географ Абульфеда, после краткого перечисления основных памятников Константинополя, заметил: «Внутри города находятся засеянные поля, сады и много разрушенных домов».[1] В самом начале XV века испанский путешественник Рюи Гонзалес де Клавихо (Ruy Gonzales de Clavijo) писал: «В городе Константинополе есть много больших зданий, домов и церквей, и монастырей, из которых бóльшая часть в развалинах. Однако ясно, что раньше Константинополь был одной из самых благородных столиц мира». Что же касается Пиры, то когда Клавихо посетил эту генуэзскую колонию, он заметил: «Это всего лишь маленький город, но очень населенный. Она окружена мощной стеной, в ней есть прекрасные, очень хорошо построенные дома».[2] В то же самое время флорентиец Буондельмонти писал по поводу одной из самых известных церквей Константинополя — церкви Святых Апостолов — что она была практически разрушена (ecclesia jam derupta).[3] Тем не менее, благочестивые паломники из разных стран, посетившие Константинополь в XIV и в XV веках, в том числе семь русских, были поражены и очарованы убранством и реликвиями константинопольской церкви.[4] В 1287 году монах

---

[1] Géographie d'Aboulféda, traduite par J. T. Reinaud, II (1). Paris, 1848, pp. 315—316.

[2] *Рюи Гонзалес де Клавихо.* Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Подлинный текст с переводом И. И. Срезневского. СПб., 1881, с. 87—88.

[3] См.: *E. Legrand.* Description des îles de l'Archipel par Ch. Buondelmonti. Paris, 1897, p. 88. Этот же текст напечатан в Боннском корпусе византийских авторов, в томе, содержащем сочинения Киннама — с. 181.

[4] См.: *J. Ebersolt.* Constantinople byzantine et les voyageurs du Levant. Paris, 1918, pp. 41—43; *J. Ebersolt.* Les Arts somptuaires de Byzance. Paris, 1923, pp. 118—119.

Раббан Саума, специальный посланник монгольского властителя, после встречи с императором Андроником II и со специальным разрешением последнего, благочестиво посетил церкви и реликвии столицы.[1] При Мануиле II, в 1422 г. бургундский путешественник, дипломат и моралист Гильберт де Лануа (Ghillebert de Lannoy) был любезно принят императором и его молодым сыном и наследником. Путешественник получил разрешение посетить «достопримечательности и древности города и церквей».[2]

В 1437 г. испанский путешественник Перо Тафур встретил наилучший прием в Константинополе у императора Иоанна VIII. Когда на обратном пути из Крыма и Трапезунда он опять посетил Константинополь, им управлял тогда «деспот Драгас», брат императора,* ввиду того, что сам император находился в отъезде в Италии. Тафур замечает, что «церковь, называемая Валайерна (Valayerna, то есть Влахерны) ** настолько повреждена, что не может быть восстановлена», что «порт должен был быть раньше восхитительным и даже сейчас он достаточен для приема судов». «Дворец императора был великолепен, но сейчас он в таком состоянии, что и он, и город показывают те беды, которые народ пережил и до сих пор переживает... Население в городе редкое... Жители не очень хорошо одеты, грустны и несчастны, демонстрируя тяжесть своей судьбы, которая не столь плоха, как они заслуживают, ибо это порочный народ, погрязший в грехе». Видимо, имеет смысл привести и следующее суждение Тафура: «Императорский двор столь же блистателен, как и всегда ранее, ибо ни одна из прежних церемоний не пропускается, но, по правде говоря, он подобен епископу без епархии».[3]

---

[1] Histoire de Mar Jabalaha III, patriarche des Nestoriens (1281—1327), et du moine Rabban Çauma, ambassadeur du roi Argoun en Occident (1287). Traduit du syriaque et annoté par J. B. Chabot. — Revue de l'Orient latin, vol. II, 1894, pp. 82—87. То же самое, но отдельным оттиском — с. 54—59. The History of Jaballaha III Nestorian Patriarch and of his vicar Bar Sauma. Translated and annotated by J. A. Montgomery. New York, 1927, pp. 52—54.

[2] Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste, publiées par Ch. Potvin. Louvain, 1878, p. 65. См. также: *P. Klimas.* Ghillebert de Lannoy in Medieval Lithuania. New York, 1945, p. 80.

* Речь идет о будущем Константине XI, последнем византийском императоре.

** Пояснение в скобках принадлежит А. А. Васильеву.

[3] Andanças é viajes de Pero Tafur, pp. 176, 181, 184; *Pero Tafur.* Travels... pp. 142, 145, 146. (Более подробные ссылки на издания этих книг приведены выше, с. 327 прим. 1. — *Науч. ред.*) См. также: *A. A. Vasiliev.* Pero Tafur, a Spanish Traveler of the Fifteenth Century and his Visit to Constantinople, Trebizond and Italy. — Byzantion, 1932, vol. VII, pp. 111—113.

После турецких и сербских завоеваний на Балканском полуострове во второй половине XIV века, Константинополь с его ближайшими владениями во Фракии был окружен турецкими владениями и мог лишь с трудом поддерживать морем сношения с территориями, составлявшими пока еще часть Византии, а именно с Фессалоникой, Фессалией и Морейским деспотатом, которые жили поэтому порою почти независимой от центра жизнью, получая вид самостоятельных государственных образований. В этих новых условиях, когда морская дорога с северного берега Черного моря, весьма важная для снабжения столицы зерном, была перерезана турками, остров Лемнос, на севере Архипелага, стал на некоторое время житницей Константинополя.[1]

Вследствие феодализирующих процессов внутри государства, которые начались до Палеологов, искусно налаженный центральный государственный аппарат стал постепенно ослабевать. Временами центральным ведомствам и делать было нечего: настолько все было разъединено. Финансовые силы и возможности страны, в корне подорванные латинским хозяйством, окончательно истощились при Палеологах. Налоги из опустошенных немногих остававшихся в руках императора провинций не поступали. Все денежные остатки были истрачены, императорские драгоценности проданы, солдат кормить было не откуда, нищета царила повсюду.[2]

Историк XIV века Никифор Григора, описывая свадебные торжества по случаю брака Иоанна V, писал: «В те времена дворец был охвачен такою бедностью, что в нем не было ни одной чаши, ни одного бокала из золота или серебра, некоторые из них были из олова, все же прочие глиняные... я уже оставляю в стороне, что царские венцы и одеяния на том празднестве имели, по большей части, лишь вид золота и драгоценных камней. (На самом деле) * они были из кожи, и были лишь позолочены, как делают иногда кожевники, частью из стекла, отсвечивавшего различными цветами. Кое-где, лишь изредка, были драгоценные камни, имевшие настоящую прелесть, и блеск жемчугов, который не обманывает глаз. До такой степени упали, совершенно погасли и погибли древнее благоденствие и блеск Римской державы, так что я не без стыда могу изложить вам рассказ об этом».[3]

Города, которым особенно угрожали турки, начинали пустеть. После захвата Каллиполи (Галлиполи) турками, часть населения

---

[1] См.: *G. Rouillard*. Les Archives de Lavra. — Byzantion, vol. III, 1926, pp. 255—256, 257.

[2] *Ioannis Cantacuzeni* Historiae, IV, 5; Bonn ed., vol. III, p. 33.

* Пояснение в скобках принадлежит А. А. Васильеву.

[3] *Nicephorus Gregoras*. Historia, XV, II, 4; Bonn ed., vol. II, pp. 788—789.

Константинополя уехала на Запад.[1] В 1425 году много людей уехало из Фессалоники, а некоторые из них отправились в Константинополь в надежде, что столица более безопасна, чем Фессалоника.[2] Время было действительно критическим: Фессалоника была занята венецианцами и турки были близки к захвату города, что и случилось в 1430 г.

Сильно уменьшившаяся территория империи и незначительность населения делали невозможным для правительства Палеологов содержание большой национальной армии. В результате она состояла из наемников различных национальностей. При Палеологах появляются испанские (каталонские) дружины, турки, генуэзцы и венецианцы, сербы и болгары. Были, также как и раньше, англосаксонские наемники, так называемые варяги или англо-варяги,** и вардариоты тюркского происхождения.[3] Не имея возможности хорошо оплачивать наемные иностранные части, правительство должно было выносить иногда высокомерное своеволие и ограбления целых провинций и более или менее крупных центров недовольными иностранцами, как то было, например, с кровавым прохождением по провинциям империи каталонцев. При слабом состоянии сухопутного войска Палеологи тщетно старались иногда хоть несколько возродить пришедший в упадок византийский флот. Мануил Палеолог смог кое-что сделать. Однако, его преемник Андроник II снова пренебрег флотом, так что острова Архипелага, находившиеся под контролем империи, не были более защищены от пиратских нападений.[4] Греческие корабли ничего не могли сделать против хорошо оснащенных и сильных флотов Генуи и Венеции или даже против

---

[1] См. выше, с. 321, и соответствующую цитату в тексте из Димитрия Кидониса.

[2] См.: *S. Kugéas*. Notizbuch eines Beamten der Metropolis in Thessalonike aus dem Anfang des XV. Jahrhunderts. — Byzantinische Zeitschrift. Bd. XXIII, 1914—1919, S. 152 (par. 82), S. 158; *O. Tafrali*. Thessalonique au quatorzième siècle. Paris, 1913, p. 16.

** В английском тексте у А. А. Васильева соответственно Varangians or Anglo-Varangians.

[3] См. декрет Михаила Палеолога от 1272 года, опубликованный в: *A. Heisenberg*. Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit. München, 1920, S. 39, строчки 39—40, 61—62; *E. Stein*. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte. — Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte, Bd. II, 1924, S. 47—49. Варяги и вардариоты часто упоминаются у Кодина. См. ссылки в работе Гейзенберга, с. 61—62.

[4] См. весьма интересный пассаж по поводу флота при Андронике II у Георгия Пахимера: De Andronico Palaeologo, I, 26; Bonn ed., vol. II, pp. 69—71; См. также у Никифора Григоры — Historia, VI, 3; Bonn ed., vol. I, pp. 174—175. См. также: *П. А. Яковенко*. Исследования в области византийских актов. Юрьев, 1917, с. 180—181.

турецкого флота, который тогда только зарождался. Черное и Эгейское море оказались полностью вне византийского контроля, и в XIV и в первой половине XV вв. итальянские торговые республики были здесь полновластными хозяевами.

Прежнее областное или фемное устройство империи, будучи нарушено латинским владычеством, не могло правильно функционировать при Палеологах. Для областного управления прежнего типа империя не имела достаточно территории. Прежний титул наместника фемы *стратиг* полностью исчез при Комнинах и был заменен на более скромный титул *дуки* (*дукса*).[1] Термин «фема» иногда употреблялся современными исследователями для провинций Македония и Фессалия в XIV веке.[2] Однако, провинция, отделенная от столицы турецкими и сербскими владениями, становилась своего рода деспотатом, правитель которого был почти независим от центральной власти. Обычно во главе такого нового государственного образования стоял один из членов императорской семьи. Так, в конце XIV века Фессалоника получила в качестве деспота одного из сыновей Иоанна V. Морейский деспотат также управлялся сыновьями или братьями императора.

Социальные отношения между высшими и низшими классами были при Палеологах весьма напряженными. Сельское хозяйство, всегда составлявшее реальную основу экономического благополучия империи, было в упадке. Многие плодородные провинции были утрачены, остаток был разорен почти непрекращающимися гражданскими войнами и фатальным по своему характеру продвижением каталонских отрядов. В Малой Азии экономическое процветание пограничных поселенцев (акритов), также базировововавшееся на сельском хозяйстве, было подорвано репрессивными мерами Михаила VIII и победоносным продвижением турок.

Отличительной чертой эпохи Палеологов было крупное землевладение. Разоренные крестьяне были во власти хозяев. Значительное количество греков стало крупными земельными собственниками в Фессалии после 1261 года. В западной части Фессалии, которая была захвачена Эпирским деспотатом, и в северо-восточной части, которая принадлежала византийскому императору, богатые землевладельцы играли существеннейшую роль во всех сторонах жизни и устанавливали феодальные отношения с мелкими собст-

---

[1] См.: *E. Stein.* Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte. — Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte, Bd. II, 1924, S. 21. [Само по себе слово «дука» (дукс) является старым заимствованием из латинского, где оно означало «полководец». Интересно отметить, что в греческом данное слово сохранило во многом и латинские падежные окончания. — *Науч. ред.*].

[2] См.: *O. Tafrali.* Thessalonique... pp. 44—50.

венниками. Однако, вследствие каталонских опустошений в начале XIV века и вторжений албанцев, система землевладения в Фессалии пришла в хаотическое состояние. Большое количество албанцев стало крупными земельными собственниками. Некоторое улучшение наступило тогда, когда в 1348 году сербский король Стефан Душан овладел Фессалией.[1] В некоторых горных районах Фессалии можно было найти следы индивидуальной крестьянской земельной собственности и свободных крестьянских общин.[2]

У Мазариса можно найти интересную информацию о могуществе и высокомерии крупных земельных собственников (архонтов) в Пелопоннесе.[3] Автор предшествующего периода, Иоанн Кантакузин, писал, что внутренний упадок Пелопоннеса объясняется не вторжением турок или латинян, но внутренней борьбой, которая сделала из «Пелопоннеса бóльшую пустыню, чем Скифия». Когда Мануил, сын Иоанна V, был назначен деспотом Мореи, он более или менее возродил сельское хозяйство и «население стало возвращаться в свои дома».[4] Однако, турецкое завоевание положило конец византийской деятельности в Морее.

Будучи угнетены всемогущими сеньорами, деревенские жители и крестьяне испытывали большие бедствия. Крестьянство было разорено. Иногда утверждается, что положение крестьян, например в округе Фессалоники в XIV веке — по меньшей мере в имениях крупных собственников — не было столь плохим.[5] Однако, даже если это и так, бедность крестьянства в целом очевидна. Классовые столкновения и ненависть бедных к богатым раздирали не только провинции, но и основные города империи. Во время восстания 1328 г. константинопольская толпа разорила прекрасный дворец Феодора Метохита.[6]

---

[1] См.: *И. И. Соколов*. Крупные и мелкие землевладельцы в Фессалии в эпоху Палеологов. — ВВ, т. XXIV, 1923—1926, с. 35—42; *I. Boghiatzides*. Τὸ χρονικὸν τῶν Μετεώρων. — Ἐπετηρὶς Εταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, vol. I, 1924, pp. 146—156; *Ф. И. Успенский, В. Н. Бенешевич*. Вазелонские акты... с. XCII—XCIII; *А. В. Соловьев*. Фессалийские архонты в XIV веке. Следы феодализма в византийско-сербском устройстве. — Byzantino-slavica, vol. IV, 1, 1932, pp. 159—174.

[2] *И. И. Соколов*. Крупные и мелкие землевладельцы в Фессалии. — ВВ, т. XXIV, 1923—1926, с. 42.

[3] См.: *J. Dräseke*. Byzantinische Hadesfahrten. — Neue Jahrbücher für das klassische Altertum. Bd. XXIX, 1912, S. 364—365.

[4] *Ioannis Cantacuzeni* Historiae, IV, 13; Bonn ed., vol. III, pp. 85—86.

[5] См.: *П. А. Яковенко* в Византийском временнике, т. XXI, 3—4, 1914, (критика), с. 183.

[6] См.: *R. Guilland*. Le Palais de Théodore Métochite. — Revue des études grecques, vol. XXXV, 1922, pp. 82, 92—93; *J. Ebersolt*. Les Arts somptuaires de Byzance. Paris, 1923, p. 109.

С точки зрения социальных антагонизмов между аристократическими и демократическими элементами, революционные события в Фессалонике, случившиеся в середине XIV века, весьма интересны и важны. Революционная волна, поднявшаяся в 1341 г. в Адрианополе в связи с провозглашением Иоанна Кантакузина императором и выразившаяся в успешном сначала восстании народа против имущих классов (δυνατοι), перебросилось на другие города империи.[1] Особенно в этом отношении интересна революция зилотов в Фессалонике в сороковых годах того же XIV века.[2]

Источники отмечают в Фессалонике три класса: 1) имущие и знатные; 2) средний класс или *буржуазия* * (οι μεσοι), к которым принадлежали коммерсанты, предприниматели,** крупные ремесленники, мелкие земельные собственники и представители свободных профессий; и, наконец, 3) народ, а именно мелкие земледельцы, мелкие ремесленники, моряки, рабочие. В то время как значение и влияние имущего класса все более и более возрастало, положение низшего класса, особенно окрестных земледельцев, земли которых были постоянно разоряемы неприятелем, все ухудшалось. Вся торговля этого первостепенного экономического центра и связанные с нею выгоды находились в руках высшего класса. Рознь росла, и только недоставало случая, чтобы произошло столкновение. Но вот, Иоанн Кантакузин, провозглашенный императором, нашел поддержку у знати. Сейчас же демократические низы выступили в защиту Палеологов. О. Тафрали писал: «Это не была уже борьба честолюбий между лицами, которые оспаривали друг у друга верховную власть, но борьба между двумя классами, из которых один желал сохранить свои привилегии, другой пытался сбросить ярмо».[3] Один современный событиям автор писал: «На

---

[1] См.: *Joannis Cantacuzeni* Historiae, III, 28; Bonn ed., vol. II, pp. 175—179.

[2] У нас теперь есть хорошо документированное исследование этих бурных лет в истории Фессалоники. — *P. Charanis*. Internal Strife in Byzantium in the Fourteenth Century. — Byzantion, vol. XV, 1940—1941, pp. 208—230.

* Курсив в данном случае принадлежит А. А. Васильеву. Этот пример хорошо показывает также разницу употребления термина «буржуазия» в русском и в современных западноевропейских языках. В последних «буржуазия» употребляется как синоним русского понятия «мещанство».

** В английском тексте здесь manufacturers — «фабрикант, заводчик». В исходной русской версии здесь «промышленники». И то, и то — применительно к феодальной экономике — представляется совершенно невозможным. Поэтому-то редактор и рискнул предложить замену. Ср.: История Византии, т. 3. М., 1967, с. 112.

[3] *O. Tafrali*. Thessalonique... p. 224.

Фессалонику смотрели как на учителя других городов в восстаниях народа против аристократии».[1]

Во главе фессалоникийской демократии встали зилоты, которые в 1342 г. выгнали из города знать, разграбили богатые дома и учредили как бы республиканское управление из членов партии зилотов. Внутренние осложнения в городе повели к тому, что в 1346 г. в нем произошло кровавое избиение знати. Среди немногих спасшихся от смерти находился Николай Кавасила. Даже после того, как Кантакузин примирился с Иоанном V Палеологом, управление зилотов в Фессалонике продолжалось и «походило с некоторых сторон на настоящую республику».[2] Зилоты не обращали никакого внимания на приказы, шедшие из Константинополя, и Фессалоника была управляема как независимая республика. Только в 1349 г. соединенными усилиями Иоанна V и Кантакузина удалось наконец положить конец демократическому правлению зилотов.

Не совсем ясны еще настоящие причины революции * в Фессалонике. Главной ее причиной румынский историк О. Тафрали считает плачевное экономическое положение населения и видит в зилотах борцов за свободу и за улучшение социальных условий жизни в будущем.[3] ** Ш. Диль писал: «Борьба классов, богатых против бедных, аристократов против плебеев, и суровость самой борьбы выявляется в любопытной, трагической и кровавой истории фессалоникийской коммуны XIV века»; эта борьба «демонстрирует известную тенденцию развития к коммунистическому движению».[4] С другой стороны, П. А. Яковенко утверждал, что в фессалоникийском восстании политические задачи, то есть борьба со сторонниками Иоанна Кантакузина, преобладали над социальными. [5]*** Эта проблема заслуживает дальнейшего изучения, однако, пред-

---

[1] *P. Charanis*. Internal Strife in Byzantium... — Byzantion, vol. XV, 1940—1941, p. 217. Харанис цитирует здесь Димитрия Кидониса.

[2] *O. Tafrali*. Ibid., p. 249.

* В исходной русской версии (с. 107) здесь имеется дополнительный эпитет для характеристики событий в Фессалонике. В 1925 г. А. А. Васильев называл их «интересной фессалоникийской революцией».

[3] *O. Tafrali*. Ibid., pp. 255, 259—272; *P. Charanis*. Internal Strife in Byzantium... — Byzantion, vol. XV, 1940—1941, p. 221.

** В исходной русской версии данная фраза заканчивалась следующими словами, не включенными в последующие переиздания работы, — «чего современники той эпохи понять не могли».

[4] *Ch. Diehl*. Byzance. Grandeur et décadence. Paris, 1920, p. 20; *Ch. Diehl*. Byzantine Civilization. — Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 760.

[5] См.: ВВ, т. XXI, 3—4, 1914 (критика), с. 184.

*** В исходной русской версии А. А. Васильев приводил также характеристику социальных задач фессалоникийских зилотов в понимании П. А. Яковенко — «которые к тому же представляются весьма неясными».

ставляется, что социальная основа занимает первое место в фессалоникийской революции. Конечно, социальная проблема была перемешана с политическими интересами того времени — с гражданской войной между Иоанном V и Иоанном Кантакузином. В качестве примера классовой борьбы революция в Фессалонике является одним из наиболее интересных явлений в общей истории средневековых социальных проблем.*

Благодаря внешним и внутренним причинам Византия потеряла контроль над своей торговлей. Однако, до того, как турки отрезали все внешние связи, Константинополь, как и раньше, оставался центром торговли, куда товары стекались со всех сторон и где можно было встретить торговцев разных национальностей.

Франческо Бальдуччи Пеголотти, флорентийский торговец и писатель первой половины XIV века, работавший в торговом доме Барди, дал ценную информацию о товарах, продававшихся как в самом Константинополе, так и в Галате или Пире, а также о западных торговцах.[1] Пеголотти упоминает генуэзцев, венецианцев, пизанцев, флорентийцев, провансальцев, каталонцев, анконцев, сицилийцев и «всех прочих иностранцев» (e tutti altri strani).[2] Бургундский

---

* О восстании зилотов см. подробно — *Г. Г. Литаврин*. Византия в период гражданской войны и движения зилотов (1341—1355 гг.). В кн.: История Византии. т. 3. М., 1967, гл. 9 (с. 135—160). В анализе Г. Г. Литаврина хотелось бы отметить особо два момента. Он пишет (с. 138) о складывании впервые в византийской истории союза городов с центральной властью в борьбе против крупной феодальной аристократии. В другом месте (с. 135) он пишет: «13-летний период с 1341 по 1354 гг. был в сущности последней попыткой жизнеспособных сил империи завоевать условия для экономического и социального прогресса страны и спасти ее как независимое государство от посягательств внешних врагов. Поражение этих сил означало гибель Византии». В несколько иных словах эта же мысль повторена тем же автором ниже, на с. 151 отмеченной главы.

[1] О Пеголотти см.: *W. Heyd*. Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge. Vol. I, pp. XVII—XVIII; *C. R. Beazley*. The dawn of modern geography, vol. III. Oxford, 1906, pp. 324—332. Статья в Encyclopaedia Britannica написана по Бизли; *H. J. Jule*. Cathay and the Ways Thither, vol. II. London, 1914, pp. 278—308. (Publications of the Hakluyt Society, vol. XXXVII); *E. Friedmann*. Der mittelalterliche Welthandel von Florenz in seiner geographischen Ausdehnung (nach der Pratica della mercatura des Balducci Pegolotti). — Abhandlungen der Kaiserlichen Königlichen Geographischen Gesellschaft in Wien, Bd. X, 1912, S. 3—5.

[2] *Francesco Balducci Pegolotti*. La pratica della mercatura. Della decima e delle altre gravezze, vol. III. Lisbon, Lucca, 1766, p. 24; английское издание — editor A. Evans. Cambridge, Mass., 1936, pp. XV—XXVI. (The Medieval Academy of America Publications, n. 24). Лучшей работой о византийской торговле при Палеологах является неоднократно упоминавшаяся работа В. Хейда — *W. Heyd*. Histoire du commerce du Levant... vol. I, pp. 427—527, а также второй том этого сочинения.

паломник первой половины XV века, Бертрандон де ла Брокьер (Bertrandon de la Broquiere) пишет, что видел в Константинополе множество торговцев разных народов, однако, по его словам, венецианцы «имеют больше власти». В другом месте он упоминает венецианцев, генуэзцев и каталонцев.[1] Конечно, помимо них в Константинополе было много и других торговцев как с Запада, например, из Рагузы на Адриатическом побережье, так и с Востока. Торговая жизнь в Константинополе была на деле интернациональной.

Однако, торговля перестала быть занятием византийцев. Она полностью перешла в руки западных торговцев, в основном венецианцев и генуэзцев, в известной мере также и пизанцев, флорентийцев и других. С царствования Михаила VIII Генуя занимала первое место в экономической жизни Византии. Генуэзцы были свободны от налогов, они могли строить и укреплять Галату, организовывать фактории и колонии не только на островах Эгейского моря и в Малой Азии, но также на берегах Черного моря, в Трапезунде, в Каффе (в Феодосии) в Крыму, также как и в Тане, в устье реки Дон.[2] Каффа была особенно процветающим и хорошо организованным городом с весьма детально разработанным административным статутом (1449 г.).[3] Византийский историк Пахимер восхищался генеуэзцами, потому что зимние штормы не удерживали их от плаваний по Черному морю.[4] Венецианцы также были свободны от торговых налогов, и постоянное политическое и экономическое соперничество между двумя могущественными республиками, Генуей и Венецией, иногда приводило к ожесточенным военным столкновениям. Положение же Византии в этих конфликтах было весьма деликатным. В конце XIII века, когда в 1291 г. последняя крепость крестоносцев в Сирии — Сен Жан д'Акр (St.

---

[1] Le voyage d'outremer publié par Ch. Schefer. Paris, 1892, p. 150, 164.

[2] См. весьма интересную главу о генуэзской торговле в XIII веке в книге — *G. Brătianu*. Recherches sur le commerce génois au XIII siècle, pp. 108—154. О торговых связях между Венецией и Трапезун-том в XIV веке см.: *D. A. Zakythinos*. Le Chrysobulle d'Alexis III Comnène empereur de Trébizonde en faveur des Vénetiens. Paris, 1932, pp. 4—12.

[3] Текст этого весьма интересного документа опубликован в Записках Исторического и Археологического Общества в Одессе, т. V, 1865, с. 631—837. Затем статут был опубликован П. Виньей (P. Vigna) в следующем издании — Atti della Società Ligure di Storia Patria, vol. VII, 2, pp. 567—680. О генуэзских надписях из Каффы см. интересную работу *Е. Ч. Скржинской*. Inscriptions latines des colonies genoises en Crimee. — Atti della Società Ligure di Storia Patria, vol. LVI, 1928, pp. 1—180. О статуте см. также: *A. A. Vasiliev*. The Goths in Crimea (Medieval Academy of American Monographs., n. 11). Cambridge, Mass., 1936, pp. 226—227.

[4] *Georgii Pachymeris* De Andronico Palaeologo, Bonn ed., vol. I, pp. 419—420.

Jean d'Acre) перешла в руки египетского султана, Венеция оказалась лишенной всей своей торговли на юго-востоке средиземноморского бассейна. После этого вся ее энергия была направлена на отчаянную борьбу с Генуей на севере для того, чтобы отвоевать свои экономические позиции в Византии, Эгейском и Черном морях. Новый материал о торговых связях между Флоренцией и Константинополем показывают, что эта торговля была весьма активной, особенно в том, что касается зерна.[1]

Однако, вся прибыль от торговой деятельности множества западных купцов в Византии шла им, но не Византии. Экономическая зависимость Палеологов от богатых и сильных западных республик и городов была полной. В экономическом отношении Палеологи империю не контролировали.

Итальянское влияние на византийскую экономику можно проследить по монетам. В XIV веке, при Андронике II, Андронике III и Иоанне V была попытка проведения денежной реформы, в связи с чем были введены монеты флорентийского типа. Заметно также наличие венецианских монет. Последняя византийская золотая монета была чеканена при Мануиле II, возможно, в связи с его коронацией. На монете изображена Богородица, окруженная стенами Константинополя. Мы не знаем ни одной монеты последнего византийского императора, Константина XI.[2] Существует теория, что при Мануиле II и Иоанне VIII в Византии имела место денежная реформа по внедрению монометаллизма.[3] Теория эта, однако, не доказана.

Экономическое господство Запада в Византии закончилось с победоносным продвижением турок османов. Постепенно они завладели Константинополем и остальными частями империи, Трапезундом, северными берегами Черного моря.

---

[1] Некоторое количество документов XIII и XIV веков, которые были недоступны В. Хейду, опубликованы Р. Давидсоном — *R. Davidson*. Forschungen zur Geschichte von Florenz. Berlin, 1901, Bd. III, S. 69—70 (n. 315), S. 135 (n. 686), S. 193 (n. 974). См. также: *E. Friedmann*. Der mittelalterliche Welthandel von Florenz... S. 26. Некоторое количество документов XV века можно также найти в следующей работе — *J. Müller*. Documenti sulle relazioni delle città toscane coll'Oriente Cristiano e coi Turchi. Firenze, 1879, pp. 149—150; 162—163; 169—177; 283—284.

[2] См.: *W. Wroth*. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum, vol. I. London, 1908, pp. LXVIII—LXXIII; vol. II, pp. 635—643; *A. Blanchet*. Les dernières monnaies d'or des empereurs de Byzance. — Revue Numismatique, vol. IV, 4, 1910, pp. 89—91. Интересная информация о византийских монетах при Палеологах есть также у Э. Штайна. — *E. Stein*. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte. — Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte, Bd. II, 1924, S. 11—14.

[3] *A. Blanchet*. Op. cit., pp. 14—15.

При общем безотрадном положении империи, внешнем и внутреннем, как-то странно читать относящийся к XIV веку анонимный трактат, приписываемый часто, хотя и неправильно, Кодину, о придворных должностях, где подробно описываются пышные одеяния придворных сановников, их разнообразные головные уборы и обувь, чиновные отличия. В трактате даются подробные описания придворного церемониала, коронаций, возведений в ту или иную должность и т. д. Другими словами, трактат служит как бы дополнением к известному сборнику X века «О церемониях». В X веке, в пору наивысшего блеска и силы империи, такое руководство было понятно и нужно. Однако, появление аналогичного трактата в XIV веке, накануне уже для многих явно неминуемой гибели государства, вызывает недоумение и какое-то жуткое ощущение перед тем ослеплением, которое, очевидно, порою царило при дворе византийских василевсов последней династии. К. Крумбахер, также недоумевая над появлением такого трактата в XIV веке, не без иронии заметил: «Ответ дает, может быть, средневековая греческая пословица: „Мир погибал, а жена моя все наряжалась“» (ὁ κόσμος ἐποντίζετο καὶ ἡ ἐμὴ γυνὴ ἐστολίζετο).[1]

Просвещение, литература, наука и искусство в эпоху Палеологов

В то время как империя Палеологов в политическом и экономическом отношении переживала критические времена, уступая шаг за шагом перед османскими турками, уменьшаясь постепенно в размерах и будучи, наконец, ограничена Константинополем с его ближайшими окрестностями и Мореей, казалось бы, для какой-либо культурной работы не могло быть ни места, ни времени, ни подходящих условий. Однако, в действительности гибнущее государство XIV и XV веков и, по преимуществу, Константинополь, являлись центром живой и высокой культуры, умственной и художественной. Как в былые лучшие времена империи, константинопольские школы процветали, и молодые люди приезжали туда учиться не только из далеких греческих областей, — таких, как Спарта и Трапезунд, но даже из Италии, где в эти века творилась великая работа Возрождения. Философы во главе с Гемистом Плифоном толковали Аристотеля и Платона. Риторы и филологи, изучавшие лучшие образцы античной древности и стремившиеся по языку приблизиться к классическим писателям, собирали вокруг своих кафедр восторженную толпу слушателей и учеников и представляли собой по деятельности и интересам разительную аналогию с итальянскими гу-

---

[1] *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 425.

манистами. Целый ряд историков запечатлели в своих трудах последние судьбы империи. Повышенно напряженная церковная жизнь с исихастским движением, с постоянным спором об унии с Римской церковью оставила также весьма заметный след в области литературы догматической, аскетической, мистической и полемической. Оживление заметно и в поэзии, как в высокой, так и в народной. Наконец, это литературное возрождение сопровождалось и возрождением художественным, оставившим нам памятники высокой ценности. Помимо Константинополя, Мистра-Спарта отличалась высоким уровнем культурной жизни.* Четырнадцатое столетие было также Золотым Веком для искусства и литературы в Фессалонике (Салонике).[1]

Одним словом, в минуты политической и экономической гибели эллинизм как бы собирал все свои силы, чтобы показать живучесть вечной культурной классической идеи и этим самым создать надежду на будущее эллинское возрождение XIX века. «Накануне всеобщего падения, — по словам историка, — вся Эллада собирала умственную энергию, чтобы засветиться последним блеском».[2]**

Многие представители фамилий, занимавших императорский престол, то есть Палеологи и Кантакузины, проявили себя на поприще науки и просвещения. Михаил VIII Палеолог писал в пользу унии, был автором канонов главнейшим мученикам, оставил

---

* См. подробно — *И. П. Медведев*. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973, с. 95—113.

[1] См.: *W. Miller*. Essays on the Latin Orient, pp. 278—279; *O. Tafrali*. Thessalonique au XIVe siècle, pp. 149—169.

[2] *E. Lavisse, A. Rambaud*. Histoire generale du IVe siècle à nos jours, t. III, p. 819; *Ch. Diehl*. Manuel d'art byzantin, vol. II, p. 750. Ср. мрачную и предубежденную картину культурной жизни при Палеологах, основанную на взглядах полемиста начала XV в. Иосифа Вриенния, которую можно найти в следующей работе. — *L. Oeconomos*. L'État intellectuel et moral des Byzantins vers le milieu du XIVe siècle d'après une page de Joseph Bryennios. — Mélanges Ch. Diehl: Études sur l'histoire et sur l'art de Byzance, vol. I, pp. 225—233. См. особенно с. 226, где описывается прогрессирующий упадок морального и интеллектуального уровня в обществе. См. в то же время заметку Бейнза — *N. H. Baynes* in: JHS, vol. LII, 1932, p. 159.

** В исходной русской версии 1925 г. далее следовал абзац, не включенный А. А. Васильевым в последующие переиздания работы: «В противоположение вышеизложенному взгляду о возрождении византийского искусства при Палеологах, не лишнее, может быть, вспомнить о мнении, высказанном пока лишь в виде общего положения, нашего историка искусства Ф. И. Шмидта, о том, что при общем экономическом и политическом упадке государства Палеологов настоящее возрождение искусства в XIV веке было невозможно» (*Th. Schmidt*. La «Renaissance» de la peinture byzantine au XIVe siècle. — Revue archéologique, 4, 1912, XX, pp. 127—128).

нам любопытную, найденную среди рукописных сокровищ Московской синодальной библиотеки «автобиографию»[1] и основал в Константинополе грамматическую школу. Любителем наук и искусств и покровителем ученых и художников был Андроник II Старший. Некоторые ученые предполагают при нем и под его покровительством создание художественной среды, определенной художественной школы, откуда вышли такие замечательные памятники искусства, как мозаики монастыря Хоры (теперь мечеть Кахриэ-джами) в Константинополе.[2] Особенно выдавался своим образованием и литературным талантом Мануил II. Будучи тонким богословом, знатоком классического языка, искусным диалектиком и прекрасным стилистом, он оставил нам богатое, не вполне еще изданное литературное наследие в виде, например, трактата об исхождении Св. Духа, апологии против ислама, ряда речей на различные случаи жизни, изящного, написанного в Париже в несколько шутливом тоне «Изображения весны на королевском тканом занавесе», и, наконец, большого количества интересных писем к различным выдающимся деятелям эпохи, написанных императором частью во время его вынужденного пребывания при османском дворе, а также во время заграничной поездки в Западную Европу. Несколько отрывков из сочинений Мануила было приведено выше. Лучший до сих пор, хотя и писавший еще в половине XIX века, французский исследователь личности Мануила Berger de Xivrey насчитывает, включая письма, 109 номеров принадлежащих императору литературных произведений.[3]

Но самое первое место среди императоров, известных в истории византийской литературы, занимает соперник Иоанна V, Иоанн VI Кантакузин, закончивший после вынужденного отречения свои дни монахом под именем Иоасафа и посвятивший это время своего удаления от мира научным занятиям и литературной деятельности. Главным его произведением являются четыре книги «Историй», или, вернее сказать, «Мемуаров», охватывающих события с 1320 г. по 1356 г. (отдельные заметки касаются более позднего времени), где автор, объявивший во введении основанием своего труда одну

---

[1] Некоторые разделы этой автобиографии переведены на французский язык — *C. Chapman*. Michel Paléologue, restaurateur de l'Empire byzantin, pp. 167—177.

[2] *Д. В. Айналов*. Византийская живопись XIV столетия. — Записки Классического Отделения Русского Археологического Общества, т. IX, 1917, с. 132—133.

[3] *Berger de Xivrey*. Mémoire sur la vie et les ouvrages de l'empereur Manuel Paléologue. — Mémoires de l'Institut de France. Académie des inscriptions et belles-lettres, t. XIX, 2-e partie. Paris, 1853, p. I; *L. Petit*. Manuel II Paléologue. — Dictionnaire de théologie catholique, vol. IX, (2), col. 1925—1932. Не все сочинения Мануила опубликованы.

лишь правду,[1] невольно отступает от этого и, рассказывая события, в которых он сам играл главную роль, ставит себя в центре всего изложения и в конце концов стремится оправдать и возвеличить деятельность свою и своих друзей и сторонников, и вместе с тем унизить, осмеять и очернить своих врагов. Если не считать небольшой автобиографии Михаила Палеолога, Кантакузин был единственным византийским государем, оставившим нам подробные мемуары, которые, несмотря на свой партийный характер, сообщают чрезвычайно много очень важного материала для смутной истории Балканского полуострова в XIV веке и в частности для истории славян, а также для географии этих местностей. Кроме мемуаров, Иоанн Кантакузин в тиши кельи написал и несколько трудов богословского характера, бóльшая часть которых еще не издана, например, полемические сочинения против деятеля времени исихастских споров Варлаама, против иудеев и мусульман и др. Свои литературные вкусы и симпатии Иоанн Кантакузин передал своему сыну Матфею, принужденному после падения отца также удалиться в монастырь, где он написал несколько богословских и риторических произведений.

Эпоха Палеологов дала группу интересных и выдающихся историков, из которых большинство задавалось целью описать трагические события этой эпохи, освещая их иногда с определенных точек зрения. Переселившийся в Константинополь из Никеи после изгнания латинян Пахимер (1242—1310), будучи образованным человеком, достиг высокого положения в государстве. Это давало ему возможность, не считая личных наблюдений, пользоваться надежными источниками, являясь убежденным представителем национально-греческих взглядов в вопросе об унии, написал — кроме нескольких риторических и философских произведений, своей написанной гекзаметром автобиографии и писем — очень важный исторический труд, охватывающий время с 1261 г. до начала XIV века (1307 или 1308 гг.), главнейший источник для времени Михаила VIII и части правления Андроника Старшего. Истинный сын эпохи Палеологов, Пахимер представляет собой первого византийского историка, для которого центр тяжести лежит в изображении тонких, запутанных догматических споров того времени. «Кажется, — пишет Крумбахер, — как будто эти люди, с ужасом отворачиваясь от несчастных событий политической жизни империи, искали утешения и облегчения в абстрактных исследованиях догматических вопросов религии, волновавших тогда все умы».[2] К интереснейшим частям истории Пахимера принадлежит

---

[1] Historiae, Praefatio, Bonn ed., vol. I, p. 10.
[2] *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 288.

Дворец в Мистре.

также его рассказ о знаменитых каталонских «кампаниях» Рожера де Флора, дающий богатый материал для сравнения с рассказом известного участника похода, каталонского летописца Мунтанера.[1] Изложение Пахимера, в котором гомеровские фразы перемешиваются с богословской декламацией, допуская иногда в тексте некоторые иностранные и простонародные выражения, тем не менее в своей большей части настолько пропитано без нужды педантичным подражанием античному стилю, что автор, например, к явному ущербу удобопонятности изложения, пользуется малоизвестными аттическими названиями месяцев вместо обычных христианских. Некоторые из упомянутых сочинений Пахимера еще не изданы и даже его основное историческое сочинение нуждается в критическом переиздании.[2]

В начале XIV века Никифор Каллист Ксанфопул составил компилятивную «Церковную историю». Его первоначальный план, возможно, заключался в том, чтобы довести изложение до своего времени, однако он остановился на 911 годе. Полностью, однако, существует только та часть его сочинения, в которой излагаются события от рождества Христова до начала VII века. Он написал также некоторое количество церковных поэм, эпиграмм и несколько других сочинений.[3]

В XIV веке жил один из величайших ученых и писателей последних двух веков существования Византии Никифор Григора, известный по истории исихастского движения.* По разнообразию

---

[1] См. прекрасную характеристику Пахимера: *A. Rubió i Lluch*. «Paquimeres i Muntaner». — Secció historico arqueologica del Institut d'Estudis Catalans, Memories, vol. I, 1927, pp. 33—60.

[2] См.: *A. Heisenberg*. Eine Handschrift des Georgios Pachymeres. — In: Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit. München, 1920, S. 3—13. По поводу рукописи Пахимера, находящейся в иерусалимской библиотеке, см.: Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. II, 1921, p. 227. См. также: *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, SS. 288—291, и, кроме того — *G. Montelatici*. Storia della letteratura bizantina (324—1453), pp. 224—225. Более новые работы — *V. Laurent*. Les Manuscrits de l'Histoire Byzantine de Georges Pachymère. Byzantion, vol. V, 1929—1930, pp. 129—205. В статье дана история изданий, описание и цитаты из десяти рукописей. См. также: *Idem*. Deux nouveaux manuscrits de l'Histoire Byzantine de Georges Pachymère. — Byzantion, vol. XI, 1936, pp. 43—57. Дано описание еще двух рукописей.

[3] См.: *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 291—293; *G. Montelatici*. Storia della letteratura bizantina (324—1453), p. 226. См. также: *M. Jugie*. Poésies rhythmiques de Nicéphore Calliste Xanthopoulos. — Byzantion, vol. V, 1929—1930, pp. 357—390. Жюги опубликовал десять его церковных поэм.

* В исходной русской версии 1925 г. данная фраза изложена в несколько иной редакции: «В XIV же веке жил величайший полигистор

и объему знаний, остроумию, искусству в диалектике и по твердости характера он превосходил всех византийцев времени Палеологов и может быть сопоставлен с лучшими представителями западного Возрождения. Получив прекрасное образование, будучи знаком с древней литературой и увлекаясь особенно астрономией, что побудило его даже предложить императору непроведенную в жизнь календарную реформу, Григора, после нескольких лет успешной преподавательской деятельности, принимая живое участие в бурных богословских спорах эпохи, написал много разнообразных сочинений, из которых значительная часть еще не издана.[1] Выступив сначала ярым противником калабрийского монаха Варлаама и постепенно по мере развития религиозной борьбы перейдя на сторону унии, Григора вынес за это немало тяжелых испытаний в виде преследования властей и сурового заточения. Закончил свою бурную жизнь Григора, по всей вероятности, в начале шестидесятых годов XIV века, оставив труды почти во всех областях византийской науки — богословии, философии, астрономии, истории, риторики, грамматики. Для нас в настоящем случае представляет наибольший интерес его большая «Римская история» в 37 книгах, охватывающая события с 1204 до 1359 гг., то есть время Никейской и Латинской империй и эпоху первых четырех Палеологов и Иоанна Кантакузина. При этом надо иметь в виду, что события до 1320 г.* изложены лишь в самых общих чертах, и настоящий подробный рассказ, преимущественно о догматических спорах эпохи, начинается лишь с этого года. Свои религиозные симпатии Григора, будучи одним из ведущих участников диспутов своего времени, перенес в свою «Историю», которая поэтому является партийным, в прямом смысле слова, произведением. Может быть, ее даже лучше отнести к своего рода мемуарам, чем к истории. Его сочинение можно назвать «субъективно написанной картиной величественного церковного брожения умов».[2] Исследователи расходятся

последних двух столетий Византии Никифор Григора». При этом к слову полигистор дается следующее примечание: «полигисторами назывались люди образованные и сведущие в самых разнообразных отраслях знания».

[1] См.: *R. Guilland.* Essai sur Nicéphore Grégoras. Paris, 1926, pp. XXXII—XXXIII; *Idem.* Correspondance de Nicéphore Grégoras, Paris, 1927, pp. XII—XVIII.

* Во втором американском издании (p. 690) здесь поразительная опечатка, восходящая еще к французскому изданию работы (t. II, p. 394). В тексте говорится, что у Никифора Григоры кратко изложены события не до 1320 г., а до 1204 г. Здесь единственно правильной датой является именно 1320 г. Эта дата есть только в исходной русской версии работы. См. также: История Византии, т. 3, М., 1967, с. 9.

[2] *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 293—296; *R. Guilland.* Essai sur Nicéphore Grégoras, pp. 236—238.

в его оценке. К. Крумбахер называл его «величайшим полигистором двух последних столетий существования Византии».[1] Г. Монтелатичи писал о нем как о «величайшем ученом своего времени».[2] Новейший биограф Григоры, Р. Гийан, не согласен с Крумбахером. Он писал: «Является ли Григора величайшим полигистором времени Палеологов, как Крумбахеру нравится называть его? Нет. Он является одним из самых известных византийских писателей XIV века, но он не является величайшим... Григора не является величайшим, но он — один из выдающихся писателей столетия, которое до сих пор слишком малоизвестно в плане значения в истории византийской цивилизации и даже европейской цивилизации».[3] В любом случае, однако, универсальность познаний Григоры поразительна, и трудно найти в Византии достойную параллель этому блистательному представителю византийского Возрождения.

Наиболее важные факты политической жизни империи XV века оставили заметный след на страницах исторической литературы того времени. Неудачная осада Константинополя султаном Мурадом II в 1422 г. дала повод Иоанну Канану написать специальное сочинение об этом событии, где автор, излагая рассказ на языке, близком к народному говору, приписывает спасение столицы заступничеству Богоматери. Может быть, ему же принадлежат краткие, не лишенные интереса, известные под именем Канана Ласкаря, заметки о путешествии в Германию, Швецию, Норвегию, Ливонию с упоминанием Риги и Ревеля и даже на далекий остров Исландию.[4]

Иоанн Анагност описал, в противоположность Канану, по всем правилам литературного языка и заботясь о чистоте греческого языка, правдивый рассказ о взятии Солуни турками в 1430 г.

Наконец, роковое событие 1453 г., поразившее умы современников, должно было создать большую историческую литературу, которая может быть представлена четырьмя историками различного направления и неодинаковой ценности, что уже было выяснено при разборе источников о падении Константинополя. Но надо иметь в виду, что все эти четыре историка: Георгий Франдзи, Дука,

---

[1] *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 288.
[2] *G. Montelatici*. Storia della letteratura bizantina (324—1453), p. 225.
[3] *R. Guilland*. Essai sur Nicéphore Grégoras, p. 296.
[4] *Lascaris Kananos*. Reseanteckningar från nordiska länderna. Smärre Byzantinska skrifter. ed. V. Lundstrom, Uppsala, Leipzig, 1922, pp. 14—17; *А. А. Васильев*. Ласкарь Канан, византийский путешественник XV века по Северной Европе и в Исландию. — Сборник Харьковского историко-филологического общества в честь профессора В. П. Бузескула. Харьков, 1914, с. 397—402; *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 422.

Лаоник Халкокондил (или Халкокандил) и Критовул, будучи источниками для падения Константинополя, являются вместе с тем и источниками для эпохи Палеологов вообще.

Историческое сочинение Франдзи сохранилось в двух формах — сокращенной и более детализированной. Краткая версия, часто называемая minus,* описывает события только 1413—1478 гг., тогда как более полная версия (maius) ** «Хроники» Франдзи покрывает время с 1258 по 1478 гг. Сочинение начинается с описания событий последних лет Никейской империи и кончается временем турецкого владычества в Константинополе. Автор был в столице во время осады, так что его детальное описание является свидетельством непосредственного очевидца. После падения Константинополя он был захвачен в плен турками. Позднее он был выкуплен и некоторое время жил в Мистре, еще не захваченной турками. До турецкого завоевания Пелопоннеса Франдзи переселился на остров Корфу, который в то время принадлежал Венеции. Там, в монастыре, где он принял постриг под именем Григория, он и написал свою «Хронику» по просьбе одного знатного жителя острова.[1] Будучи всецело обязан своей официальной карьерой Палеологам, с которыми он находился в близких отношениях, Франдзи является преимущественно историком Палеологов, оттеняющим иногда сверх меры их заслуги и умаляющим их недостатки. Ненависть к туркам, верность православию и проходящее через всю книгу пристрастие к Палеологам являются отличительными чертами Франдзи. Его сочинение, несмотря на все предрассудки и пристрастия, написано очевидцем, близко стоявшим к развертывающимся событиям. Именно поэтому оно имеет весьма важное значение, особенно начиная со времени Иоанна VIII. Стиль сочинения Франдзи простой и легкий. Оно содержит некоторое количество турецких и немного итальянских слов. Биограф Франдзи заметил: «По преимуществу деловой человек, — а это составляет ценность его сочинения — он, как большинство византийских историков, имел хорошее знание литературы».[2]

---

* Специальный латинский термин, часто употреблявшийся для обозначения краткой или сокращенной версии (редакции) того или иного произведения.

** Латинский термин, буквальное значение которого — «большой».

[1] *W. Miller.* The Historians Doukas and Phrantzes. — JHS, vol. XLVI, 1926, p. 70.

[2] *W. Miller.* Ibid., p. 71. На основании сравнения двух версий сочинения Франдзи недавно был поднят вопрос: является ли на деле Франдзи автором большой хроники, носящей его имя. См.: *J. B. Falier-Papadopoulos.* Phrantzès est-il reellement l'auteur de la grande chronique qui porte son nom? — Bulletin de l'Institut Archéologique Bulgare, vol. IX, 1935, pp. 177—189.

Грек из Малой Азии Дука оставил нам написанную, по словам Крумбахера, «смягченным народным греческим языком»,[1] историю времени с 1341 по 1462 гг., то есть со вступления на престол Иоанна V и кончая завоеванием турками острова Лесбоса. В начале истории автор поместил краткий обзор всемирной истории в виде генеалогического очерка от Адама до Палеологов, из которых наиболее подробно изложены царствования трех последних императоров. Оставаясь в душе православным, но идя на компромисс с унией, как с единственным средством помочь гибнущему государству, и проведя почти всю свою жизнь на службе у генуэзского правителя Лесбоса, Дука не потерял связи с родным ему греческим народом, с горечью смотрел на его роковую судьбу, и рассказ о падении Константинополя закончил «плачем», отрывок из которого был приведен выше. Сочинение Дуки сохранилось не только в греческом оригинале, но и в староитальянском переводе, который в некоторых местах восполняет лакуны греческого текста.[2] Новейший исследователь Дуки, Е. Черноусов, пишет: «Трезвый, скромный по отношению к себе самому, широкоразвитый, правдивый и при всем своем патриотизме сравнительно беспристрастный, Дука будет служить превосходным руководителем для понимания истинного положения лиц и событий».[3]

Афинянин по происхождению, Лаоник Халкокондил, или Халкондил, иначе, в сокращенной форме Халкондил,[4] поставил в центре своего труда, как известно, не Константинополь и не двор Палеологов, а молодое и сильное османское государство. Он написал «Историю» в десяти книгах, излагающую события с 1298 по 1463 гг., или, если точнее, до начала 1464 г.[5] В ней он дал не историю династии Палеологов, а историю османов и их государей. Лаоник был вынужден бежать из Афин, время до турецкого завоевания он провел в Пелопоннесе, откуда направился в Италию, однако, более вероятно — на Крит, где и написал свою «Историю». Поставив себе за образец в смысле языка Геродота и Фукидида,

---

[1] *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 306; *G. Montelatici.* Storia della letteratura bizantina (324—1453), p. 231.

[2] Итальянский перевод Дуки опубликован в Боннском издании греческого текста Дуки (с. 347—512).

[3] *Е. Черноусов.* Дука, один из историков конца Византии. — ВВ, т. XXI, 1914, с. 221.

[4] «Халкокондил» означает — «человек с медным пером», «Халкокандил» — «человек с медным подсвечником». Его первое имя — это ничто иное, как Николай.

[5] См.: *W. Miller.* The Last Athenian Historian. — JHS, vol. XLII, 1922, p. 37. См. также: *D. G. Kampouroglou.* Οἱ Χαλκοκονδύλαι. Μονογραφία. Ἀθῆναι, 1926, pp. 104—171.

Лаоник в своем интересном труде дал пример того, как даже грек может только внешне изучить древнегреческий язык, не будучи в силах его одухотворить. Подобно Фукидиду, он вкладывал в уста своих героев речи, которые, естественно, являются чистым вымыслом. Довольно много информации, часто не всегда точной, Лаоник сообщает о народах и странах Западной Европы.[1] По словам его новейшего биографа, «он описывает с редким беспристрастием, в той части света, где расовые ненависти столь сильны, происхождение, устройство общества и государства и триумф самого большого врага своей страны и распространяет свой рассказ за пределы греческой империи на сербов, боснийцев, болгар, румын, с интересными и любопытными отступлениями, совсем в стиле Геродота, о нравах и обычаях Венгрии, Германии, Италии, Испании, Франции и Англии. Это большое разнообразие оправдывает замечание одного критика, заявившего, что у Лаоника есть дар пробуждать наше внимание, вызывая у нас любопытство, и не позволять нам засыпать над его книгой».[2]

Наконец, Критовул, подобно Лаонику, неудачно подражая Фукидиду, написал хвалебную историю Мехмеда II, излагающую события с 1451 по 1467 гг.

Эпоха Палеологов, выставив целый ряд историков, почти не дала хронистов. В XIV веке был только один, некто Ефрем, написавший стихотворную хронику (около 10 000 стихов), охватывающую время от Юлия Цезаря до восстановления империи Михаилом Палеологом в 1261 году. С исторической точки зрения она практически бесполезна.

Вопрос об унии, особенно остро вставший в эпоху Палеологов и выразившийся реально в заключении трех уний, и долгие, бурные исихастские споры вызвали напряженную деятельность в области догматической и полемической литературы, которая и дала ряд представителей как среди сторонников, так и среди противников унии и исихастов. О некоторых из этих писателей уже речь шла выше.

К наиболее выдающимся сторонникам унии можно отнести трех писателей и практических деятелей в этом смысле: Иоанна Векка, умершего в конце XIII века, Димитрия Кидониса, жившего в XIV веке, и знаменитого деятеля XV века Виссариона Никейского.

---

[1] См.: *E. Darkó*. Neuere Beiträge zur Biographie des Laonikos Chalkokondyles. — Compte-rendu du deuxième Congrès international des études byzantines à Belgrade, 1927, pp. 25—26. См. также: *K. Dieterich*. Quellen und Forschungen zur Erd- und Kulturkunde. Bd. II. Leipzig, 1912, S. 124—125; *A. A. Vasiliev*. La Guerre de Cent Ans et Jeanne d'Arc. — Byzantion, vol. III, 1926, pp. 242—248.

[2] *W. Miller*. The Last Athenian Historian. — JHS, vol. XLII, 1922, p. 38.

Современник первого Палеолога и первоначально, как идейный противник сближения с латинянами, враг последнего, Иоанн Векк, занимая высокую церковную должность и противодействуя униатской политике Михаила VIII, навлек на себя его гнев и был заключен в темницу. По отзывам источников, это был выдающийся человек по уму и образованию. По словам одного греческого историка, Векк отличался «ученостью, долговременной опытностью и красноречием, могущими уничтожить церковный раскол».[1] Другой историк XIV века называет его «человеком умным, питомцем красноречия и науки, наделенным такими дарами природы, как никто из его современников; ...по остроте же ума, беглости языка и знанию церковных догматов, по сравнению с ним все казались детьми».[2] Но знакомство с сочинениями знаменитого писателя никейской эпохи Никифора Влеммида привело к изменению религиозных взглядов Иоанна Векка, который, став на сторону учения об «экономии», сделался сторонником унии. Тогда Михаил VIII возвел его на патриаршую кафедру, которую Иоанн Векк, являясь всегда перед государем ревностным ходатаем за бедных и обиженных, и занимал до начала следующего столетия, когда Андроник II, порвав с унией, низложил его и заключил в темницу, где он и умер. Наиболее обширное сочинение Векка — «О единении и мире церквей древнего и нового Рима», в котором автор старается доказать, что уже отцы древней греческой церкви признавали латинский догмат и что только позднейшие греческие богословы во главе с Фотием извратили их учение. Таким же образом обработана была Векком тема об «исхождении Святого Духа». В этом же направлении он написал еще много богословских сочинений, одно количество которых обеспечивает за Векком первое место среди друзей Рима и Византии. Труды Векка являлись для позднейших приверженцев унии источником, из которого они черпали нужные им материалы.[3]

Живший в XIV веке Димитрий Кидонис принадлежал к числу очень талантливых писателей времени Палеологов в области как богословия, так и риторики. Он родился в Фессалонике в самом начале XIV века и умер в начале XV, так что жизнь его длилась практически целое столетие.[4] В Милане он обстоятельно познако-

---

[1] *Georg. Pachymeris* De Michaele Paleologo, V, 24. Bonn ed., vol. I, p. 403.

[2] *Nicephorus Gregoras*. Historia, V, 2, 5. Bonn ed., vol. I, p. 128—129.

[3] См.: *A. D. Zotos*. Ἰωάννης ὁ Βέκκος πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ρώμης. München, 1920.

[4] См.: *G. Cammelli*. Demetrio Cidonio: Brevi Notizie della vita e delle opere. — Studi Italiani di filologia classica, N. S, vol. I, 1920, pp. 144—145; Кидонис родился между 1300 и 1310 гг. и жил до 1410—1413 гг.; *R. Guilland*. Correspondance de Nicéphore Grégoras, pp. 325—327. Он дати-

мился с латинским языком и литературой. Он жил в Фессалонике, Константинополе и на Крите. Ему было также пожаловано венецианское гражданство. Дни свои он закончил в монастыре. Кидонис принимал деятельное участие в религиозных вопросах и спорах эпохи, проявив себя сторонником сближения с Римом. В своих работах он имел перед громадным большинством своих современников то преимущество, что знал латинскую литературу и мог пользоваться западными учеными. Он был автором многочисленных сочинений по теологии, риторике и философии.[2] Трактат «Об исхождении Святого Духа», опубликованный среди сочинений Кидониса, совершенно очевидно принадлежит не ему, а одному из его учеников — Мануилу Калекасу.[3] Кидонис перевел с латинского на греческий, среди прочего, знаменитое сочинение Фомы Аквинского «Summa Theologiae». Этот перевод не публиковался. Католический автор писал по этому случаю: «Эти трудоемкие переводы, которые позволили Св. Фоме говорить на языке св. Иоанна Дамаскина, похоронены на столетия в пыли библиотек. Какова их судьба в будущем? Не найдется ли где-либо теолог, апостол, одновременно и томист, и эллинист, для распространения в греческой церкви доктринальных богатств, которые Кидонис сохранил для будущих времен? Не будет ли этот перевод „доктринальным гидом“ унии церквей?»[4]

Среди речей Кидона можно отметить две, носящие «увещевательный» характер (συμβουλευτικοί), которые изображают угнетенное состояние духа константинопольцев перед лицом турецкой опасности. В них также идет речь о возможности эмиграции в

рует смерть Кидониса началом 1400 г.; *M. Jugie*. Démétrius Cydonès et la théologie latine à Byzance aux XIVe et XVe siècles. — Échos d'Orient, vol. XXXI, 1928, pp. 386—387. Он утверждает, что Кидонис родился между 1310 и 1320 гг и умер в 1399—1400 гг. Новейшая и наиболее детализированная биография — *G. Cammelli*. Démétrius Cydonès. Correspondance, pp. V—XXIV.

[1] О венецианском гражданстве Кидониса см.: *R. Loenertz*. Démétrius Cydonès, citoyen de Venise. — Échos d'Orient, vol. XXXVII, 1938, pp. 125—126.

[2] См.: *R. Guilland*. Essai sur Nicéphore Grégoras, pp. 327—331.

[3] Это открытие было недавно сделано итальянским исследователем Г. Меркати. См.: *M. Jugie*. Démétrius Cydonès... Échos d'Orient, vol. XXXI, 1928, p. 385.

[4] См: *E. Bouvy*. Saint Thomas. Ses traducteurs byzantins. — Revue augustinienne, vol. XVI, 1910, pp. 407—408. См. также: *M. Rackl*. Demetrios Kydones als Verteidiger und Uebersetzer des hl. Thomas von Aquin. — Der Katholik. Zeitschrift für Katholische Wissenschaft und Kirchliches Leben, Bd. XV, 1915, S. 30—36; *M. Jugie*. Démétrius Cydonès... — Échos d'Orient, vol. XXXI, 1928, p. 148.

Западную Европу и содержится призыв к грекам и латинянам объединить их усилия перед лицом общего врага.[1]

Однако, самое большое значение для культурной истории XIV столетия имеет обширная переписка Кидониса. Большинство его писем не издано: из 447 напечатано только 51 письмо. Среди его корреспондентов можно отметить Мануила II (32 письма), Иоанна Кантакузина, с которым он был весьма дружен (11 писем), и большое количество других выдающихся личностей эпохи.[2]

До того момента, когда все его письма не станут доступными для изучения,* нельзя ни представить себе полностью его биографию, ни составить полный список его сочинений. Более того, без внимательного и детального изучения этого нового материала история греческой цивилизации в два последних столетия существования Византии не может быть полностью изучена и адекватно оценена. Это изучение будет иметь значение не только для греческой цивилизации, но также прольет новый свет на культурные взаимосвязи между Византией и итальянским Возрождением, с которым Кидонис был так тесно связан. Один из лучших представителей итальянского Возрождения конца XIV века Колуччо Салютати написал Кидонису длинное и хвалебное письмо.[3]

---

[1] См.: *G. Cammelli.* Demetrii Cydonii orationes tres adhuc ineditae. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. III, 1922, S. 67—76; Bd. IV, 1923, S. 77—83; 282—295.

[2] См.: *G. Cammelli.* Personaggi bizantini dei secoli XIV—XV attraverso le epistole di Demetrio Cidonio. — Bessarione, fasc. 151—154, vol. XXIV, 1920, pp. 77—108. Предварительный список опубликованных и неопубликованных работ Кидониса есть в следующей работе — *G. Cammelli.* Demetrio Cidonio. — Studi Italiani di filologia classica, N. S, vol. I, 1920, pp. 157—159. В 1930 году Камелли опубликовал пятьдесят его писем с французским переводом и дал полный список 447-и его датированных и не датированных писем. См.: *G. Cammelli.* Démétrius Cydonès. Correspondance. См. также детальную рецензию на эту публикацию — *V. Laurent.* La Correspondance de Démétrius Cydonès. — Échos d'Orient, vol. XXX, 1931, pp. 339—354; *Idem.* Manuel Paléologue et Démétrius Cydonès. Remarques sur leur correspondance. — Échos d'Orient, vol. XXXVI, 1937, pp. 271—287, 474—487; vol. XXXVII, 1938, pp. 107—124. *G. Mercati.* Per L'Epistolario di Demetrio Cidone. — Studi bizantini e neoellenici, vol. III, 1931, pp. 201—230; *P. Charanis.* The Greek Historical Sources of the Second Half of Fourteenth Century. — The Quarterly Bulletin of the Polish Institute in America (January, 1944), pp. 2—5.

* Письма Димитрия Кидониса опубликованы полностью уже после смерти А. А. Васильева. — Démétrius Cydonès. Correspondance publié par R.-J. Loenertz. Città del Vaticano, 1956—1968, vol. I—II (Studi e testi, vols. 186; 208).

[3] См.: Epistolario di Coluccio Salutati, a cura di F. Novati. Roma, 1896, vol. III, pp. 105—119 (письмо датируется 1396 годом).

Неопубликованная переписка патриарха Константинопольского Афанасия I, который при Андронике II Палеологе дважды занимал патриарший престол (1289—1293 и 1304—1310), очевидно, может дать много интересного материала для политической, религиозной и социальной ситуации в империи его времени. Такой вывод можно сделать на основании уже опубликованных образцов его писем.[1]

К числу сторонников унии принадлежал и знаменитый Виссарион Никейский, участник Флорентийского собора и позднее кардинал Римской церкви. Значение деятельности и личности Виссариона выходит далеко за пределы богословской литературы и будет оценено нами ниже при рассмотрении вопроса о Византии и Возрождении.

Партия противников унии выставила также писателей, не могших, конечно, пойти в сравнение с такими сторонниками унии, как Виссарион. Григорий (в миру Георгий) Кипрский, бывший патриархом при Андронике Старшем, главный, хотя и далеко не всегда достойный противник Иоанна Векка, человек «известный, — по словам источника, — ученостью»,[2] оставил несколько сочинений богословского характера, с попыткой решить с греческой точки зрения вопрос об исхождении Святого Духа. Большее значение имеют литературно-риторические произведения Григория. Марк Евгеник, митрополит Эфесский, известный уже участник Ферраро-Флорентийского собора, не подписавший акта унии, оставил несколько небольших, компилятивных произведений, иногда полемического характера, например, против Виссариона, которые делают его одним из выразителей национального греческого взгляда на унию.[3]

Наконец, последний крупный полемист Византийской церкви и первый Константинопольский патриарх под турецким владычеством Геннадий (в миру Георгий) Схоларий был хорошим знатоком богословия и философии. Он принимал участие в Ферраро-Флорентийском соборе, где он, являясь сторонником унии, перешел постепенно, особенно под влиянием Марка Эфесского, к ее убежденным противникам. Он был плодовитым писателем, разносторонним теологом и ученым, труды которого охватывали почти все области литературы. Он написал целый ряд полемических произ-

---

[1] *R. Guilland.* La Correspondance inédite d'Athanase, patriarche de Constantinople (1289—1293; 1304—1310). — Mélanges Diehl: Études sur l'histoire et sur l'art de Byzance, vol. I, p. 121—140; *N. Bănescu.* Le Patriarche Athanase Ier et Andronic II Paléologue. Etat réligieux, politique et social de l'Empire. — Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine, vol. XXIII, (I), 1942, pp. 1—29.

[2] *Nicephorus Gregoras* Historia, VI, 1, 5. Bonn ed., vol. I, p. 163.

[3] О Марке Евгенике см. прекрасную статью *Л. Петит* (*L. Petit*) в следующем издании — Dictionnaire de théologie catholique, vol. IX, 2, Paris, 1927, col. 1968—1986.

ведений. Философские работы Геннадия, возникшие из-за спора его с Гемистом Плифоном, на тему об аристотелизме и платонизме, роднят первого с представителями гуманизма и позволили одному греческому ученому, К. Сафе, назвать его «последним византийцем и первым эллином».[1] Его «Жалоба о превратностях моей жизни» содержит исторические детали о жизни и сочинениях автора, а также о положении греческой церкви в первые годы исламского господства. Он написал также краткое историческое сочинение, «Хронографию», опубликованную впервые в 1935 г. по авторскому списку. Хотя «Хронография» занимает только девять страниц печатного текста, она покрывает все годы от Адама до 1472 года.[2]

Исихастское движение, захватившее церковную жизнь Византии XIV века, выставило также целый ряд писателей с той или другой стороны, начиная с основателя исихазма на Афоне Григория Синаита. Духовный лидер исихастов Григорий Палама был также автором известного количества догматических сочинений и большого количества проповедей, шестьдесят шесть из которых были обнаружены в одном из монастырей области Метеора в Фессалии.[3] Литературная деятельность Никифора Григоры, непримиримого противника исихастов, уже обсуждалась. Другой противник Паламы, Иоанн Кипариссиот, живший во второй половине XIV века, может быть упомянут как автор Ἔκθεσις στοιχειώδης ῥήτεων θεωλογικῶν (Expositio materiaria eorum quae de Deo a theologis dicuntur).* Это сочинение может быть охарактеризовано как первая попытка изложения догматики по образцу западной схоластики.[4]

XIV век дал Византии одного из лучших византийских писателей и одного из самых выдающихся мистиков восточной церкви в лице Николая Кавасилы. Имея одним из оснований, как и западноевропейская мистика, мистические сочинения так называемого Дионисия Псевдо-Ареопагита, автора, еще не определенного

---

[1] *C. Sathas*. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen Âge, vol. IV, p. VII et note 7.

[2] Сочинения Геннадия недавно были опубликованы в восьми томах: Oeuvres complètes de Gennade Scholarios, ed. L. Petit, X. A. Siderides, M. Jugie. Paris, 1928—1936. Среди недавних работ о Геннадии см.: *M. Jugie*. Georges Scholarios, professeur de philosophie. — Studi bizantini e neoellenici, vol. V, 1939, pp. 482—494. Чувствуется срочная необходимость детального исследования биографии, деятельности и литературных сочинений Геннадия.

[3] Благодаря неутомимой деятельности Н. А. Веeса, рукописи метеорских монастырей теперь известны и описаны. См.: *J. Dräseke*. Die neuen Handschriftenfunde in den Meteoraklöstern. — Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Bd. XXIX, 1912, S. 552.

* То есть — «Изложение первооснов теологических высказываний».

[4] *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 106—107. Текст — PG, vol. CLII, cols. 741—992.

в науке, писавшего, вероятно, в конце V и начале VI века, византийская мистика пережила крупную эволюцию в VII веке, благодаря замечательной личности Максима Исповедника, сумевшего освободить мистику Псевдо-Ареопагита от ее неоплатонической основы и привести ее в согласие с учением восточной православной церкви. Влияние Максима явно чувствуется на писателях-мистиках XIV века, во главе которых стоит Николай Кавасила.

Николай Кавасила принадлежит к числу писателей, которые мало известны и недостаточно изучены, ибо многие из его сочинений неопубликованы. Значительное их количество, особенно проповеди и письма, сохранились в многочисленных рукописях, хранящихся в Национальной Библиотеке в Париже. Одна из них использована румынским историком Тафрали в его монографии о Фессалонике.[1] Для изучения мистического учения Кавасилы имеют главное значение два его сочинения: «Семь слов о жизни во Христе» (De vita in Christo) и «Изъяснение божественной литургии» (Sacrae liturgiae interpretatio). Разбор учения Кавасилы с его положением «жить во Христе есть самое соединение со Христом» отвлекло бы нас далеко в сторону. Можно, однако, с уверенностью сказать, что литературная деятельность Кавасилы в области византийского мистицизма и сама по себе, и в связи с исихастским движением, и в связи с мистическими движениями в Западной Европе, заслуживает почетного места в культурной жизни Византии XIV века и должно бы привлечь внимание исследователей, которые до сих пор ошибочно не обращали должного внимания на этого интересного писателя. Исследователи по-разному оценивают мистицизм Кавасилы и некоторые даже объявляют, что его вовсе невозможно назвать мистиком.[2] Согласно французскому исследователю Р. Гийану, его письма написаны в легком и элегантном стиле, хотя иногда и излишне утонченном, и содержат новый интересный материал.[3]

---

[1] *O. Tafrali.* Thessalonique... Paris, 1913, p. IV и далее практически повсеместно. В английском (*имеется в виду первое американское. — Науч. ред.*) и французском издании моей «Истории Византийской империи» я, следуя другим авторам, ошибочно называл Николая Кавасилу митрополитом Фессалоникийским. Он никогда не был митрополитом какого-либо города.

[2] См: *П. Аникиев.* К вопросу о православно-христианской мистике. — Православно-русское слово, 1903, № 13, с. 200—217; *А. П. Лебедев.* Исторические очерки состояния византийско-восточной церкви от конца XI до половины XV века. М., 1902, с. 440—445; *G. Montelatici.* Storia della letteratura bizantina 324—1453, pp. 251—252; *F. Vernet.* Nicolas Cabasilas. — Dictionnaire de la théologie catholique, vol. II, (2), col. 1292—1295.

[3] *R. Guilland.* La Correspondance inédite de Nicolas Cabasilas. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXX, 1929—1930, S. 98. См. также: *S. Salaville.* Nicolas Cabasilas: Explication de la divine liturgie. Paris, 1943.

В области философии эпохе Палеологов принадлежит знаменитый византиец Георгий Гемист Плифон, представитель возродившегося в то время увлечения древним эллинством, почитатель и знаток Платона в форме неоплатонизма, мечтатель, задумавший создать при помощи богов античной мифологии новую религиозную систему.[1] Плифон был настоящим гуманистом, тесно связанным с Италией. Интерес к античной философии, особенно к Аристотелю, а с XI века и к Платону, не прекращался в Византии. Михаил Пселл в XI веке, Иоанн Итал в XII, Никифор Влеммид в XIII посвятили бóльшую часть своего времени изучению философии, первый — более в сторону Платона, второй и третий — Аристотеля. Борьба двух философских направлений — аристотелизма и платонизма, столь характерная для средневековья, давала себя сильно чувствовать в Византии XIV века во время исихастских споров. Поэтому в высшей степени интересная фигура XV века Гемиста Плифона имеет за собой целую подготовительную историю. Получив первоначальное образование в Константинополе, он провел бóльшую часть своей почти столетней жизни в Мистре, этом известном культурном центре Морейского деспотата,* откуда он совершил поездку в Италию, сопровождая императора Иоанна VIII на Ферраро-Флорентийский собор. Кончил Плифон свои дни в Мистре, откуда прах его был перевезен одним итальянским меценатом в небольшой итальянский городок Римини, где и теперь покоится в одной из его церквей (Сан-Франческо).[2]

Целью философских работ Плифона было выяснить значение платоновской философии сравнительно с философией Аристотеля. В борьбе аристотелизма с платонизмом Плифон являет собой новую фазу. Перенеся с собой в Италию свое знание Платона и увлечение им, он настолько повлиял на Козимо Медичи и итальянских гуманистов, что добился основания Платоновской академии во Флоренции.

Французский перевод этого сочинения с весьма длинным введением содержит биографию Кавасилы. См. весьма благоприятную рецензию на эту книгу — *V. Grumel.* Études byzantines, vol. II, 1945, pp. 265—267.

[1] Его настоящее имя — Георгий Гемист. Плифон означает то же самое, что Гемист — «полный, наполненный». Гемист начал сам себя называть Плифоном из желания заменить обычное греческое имя Гемист на более эллинское слово Плифон. Ср. также по поводу Эразма Роттердамского, называвшего себя Desiderius-Erasmus. См. также: *H. Tozer.* A Byzantine Reformer: Gemistus Plethon. — JHS, vol. VII, 1886, p. 354.

* О Мистре и ее роли в культурной жизни поздневизантийского времени см. подробное специальное исследование И. П. Медведева. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.

[2] См.: *F. Schultze.* Geschichte der Philosophie der Renaissance, Bd. I. Georgios Gemistos Plethon und seine reformatorischen Bestrebungen. Iena, 1874, S. 23—109; *J. W. Taylor.* Georgius Gemistus Pletho's Criticism of Plato and Aristotle. Menasha, Wisconsin, 1921, pp. 1—2.

В этом городе Плифон написал трактат «О том, чем отличается Аристотель от Платона», где он старался доказать превосходство своего любимого философа. Пребывание византийского философа во Флоренции можно рассматривать как один из важнейших моментов в истории перенесения древнегреческой науки в Италию и особенно возрождения платоновской философии на Западе.[1] Большой труд Плифона в виде утопии «Трактат о законах» (Νόμων συγγραφή), не дошедший до нас, к сожалению, в полном виде, представляя собою, с одной стороны, интересную для некоторых настроений XV века и, конечно, заранее обреченную на неудачу попытку восстановить язычество на развалинах христианского культа при помощи элементов неоплатонической философии, задается обширной целью дать людям такие условия жизни, которые позволили бы им жить хорошо и счастливо.* Но для того чтобы открыть, в чем же состоит человеческое счастье, Плифон считает необходимым уразуметь как природу самого человека, так и систему вселенной, часть которой составляет человек. Плифон передавал также Мануилу II планы о мерах к возрождению Пелопоннеса.

По своему значению и влиянию личность Плифона далеко заходит за пределы интересов культурной истории Византии и по этому одному заслуживает самого глубокого внимания. Хотя его деятельность и значение еще не полностью оценены, значение Гемистия Плифона является одной из наиболее привлекательных тем для историка, интересующегося культурной историей поздней Византии.[2]

---

[1] *A. Ellissen*. Analecten der mittel- und neugriechischen Literatur. Bd. IV (2). S. 11.

* О Георгии Гемисте Плифоне в целом, по поводу трактата «О законах» в частности, см. работу И. П. Медведева — Византийский гуманизм XIV—XV вв. Изд-во «Алетейя», СПб., 1997. В книге, на с. 220—290, приведен русский перевод трактата. На с. 58 И. П. Медведев следующим образом оценивает этот трактат: «Действительно, вершиной философской мысли Плифона был фундаментальный антихристианский трактат „Законы...“ В „Законах“ дана стройная система антихристианского мировоззрения, начиная от абстрактных философско-онтологических проблем, теологии и этики и кончая идеальным государственным строем». Хотелось бы отметить также, что до половины содержания всех глав указанной книги И. П. Медведева составляют анализ взглядов именно Плифона.

[2] См.: *E. Stephanou*. Études récentes sur Pléthon. — Échos d'Orient, vol. XXXI, 1932, pp. 207—217. В работе прекрасная библиография (особенно с. 217). Здесь не представляется возможным рассматривать всю огромную литературу о Гемисте Плифоне. Последнее наиболее важное исследование — *M. V. Anastos*. Pletho's Calendar and Liturgy. — DOP, vol. IV, 1948, pp. 183—305. Прекрасная библиография. (См. также: *И. П. Медведев*. Византийский гуманизм... с. 183—204, в особенности — с. 203—204. — *Науч. ред.*)

В области риторики, которая часто бывает связана с философией, можно выделить несколько лиц. Упомянутый уже выше патриарх при Андронике Старшем Григорий (Георгий) Кипрский оставил интересную и прекрасно написанную автобиографию.[1] Современник того же Андроника и ученик Григория Кипрского Никифор Хумн, написавший целый ряд риторических произведений, оставивший сборник в 172 письма разнообразного содержания. В своих философских сочинениях он выступает как один из наиболее пылких и умелых защитников Аристотеля. Хумн был в переписке практически со всеми известными деятелями своего времени, прославившимися в политике, религии или литературе. Уступая по уму, оригинальности и знаниям своему учителю, Григорию Кипрскому, Хумн не лишен определенного значения для византийского и итальянского Возрождения своего времени. «По своей любви к древности, страстной, несколько правда рабской, и по разнообразию своих познаний Хумн предвещает итальянский гуманизм и западное Возрождение».[2]

Наконец, сочинения Мазариса, подражателя Лукиану — «Путешествие Мазариса в ад», его «Сон после оживления» и несколько писем, связанных с пелопоннесскими делами начала XV века — несмотря на малую литературную талантливость автора, представляют важный документ для знакомства с вопросом о подражании Лукиану в византийской литературе и сообщают подробности о византийской культуре данной эпохи.

С точки зрения филологии, время Палеологов также дало немало интересных представителей, являющихся по своему характеру и образу мыслей предвестниками новой духовной эры и имеющих, по словам Крумбахера, меньше связи с их византийскими предшественниками, например, с Фотием или Евстафием Солунским, чем с первыми деятелями классического Возрождения на Западе.[3] Однако, есть одна сторона в деятельности филологов эпохи Палеологов, которая особенно ставится им в вину, и не без основания, представителями классической литературы, а именно их отношение к классическим текстам. В то время, как экзегеты и переписчики с XI по XII век, то есть во время Македонской и Комниновой династий,

---

[1] *G. Misch.* Die Schriftsteller-Autobiographie und Bildungsgeschichte eines Patriarchen von Konstantinopel aus dem XIII. Jahrhundert. Eine Studie zum byzantinischen Humanismus. — Zeitschrift für Geschichte der Erziehung und der Unterrichts, Bd. XXI, 1931, S. 1—16.

[2] *R. Guilland.* Correspondance de Nicéphore Grégoras, p. 324. Глава в этой книге о Хумне — с. 317—324. См. также: *Georgios Chumnos.* Old Testament Legends from a Greek Poem on Genesis and Exodus. Ed. F. H. Marshall. Cambridge, 1925.

[3] *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 541.

толкуя и переписывая тексты, сохраняли вообще почти в неприкосновенности рукописное предание александрийского и римского времени, византийцы эпохи Палеологов начали переделывать произведения древних авторов согласно своим предвзятым идеям или, иногда, по новым, измышленным стихотворным шаблонам. Конечно, последнее обстоятельство заставляет в области классической литературы, когда только это бывает возможным, обращаться к рукописям допалеологовской эпохи. Но и это явление, столь досадное с классической точки зрения, должно быть объяснено и оценено из условий того времени, когда люди начинали, хотя бы грубо и неумело, не удовлетворяться чисто механическими приемами прежней работы и искать путей для проявления личного творчества.

Из филологов монах Максим Плануд (в миру Мануил), современник двух первых Палеологов, посвящавший свой досуг науке и преподаванию, посетивший в качестве посла Венецию, имел много родственных черт с возникавшим тогда культурным движением на Западе, особенно благодаря своему знанию латинского языка и латинской литературы. Он перевел большое количество латинских произведений на греческий язык и этим самым содействовал культурному сближению Востока и Запада в эпоху Возрождения. Будучи усердным преподавателем, Плануд оставил сочинения по грамматическим вопросам. Сохранившееся собрание его писем (более ста) рисует нам духовный облик автора, его научные интересы и занятия. Кроме компилятивного сборника извлечений историко-географического содержания из древних писателей, Плануд оставил нам немало переводов латинских авторов, например, Катона Старшего, Овидия, Цицерона, Цезаря. Он, пожалуй, более всего известен в Западной Европе своим изданием избранных греческих авторов. Громадное количество известных нам рукописей его переводов указывает на то, что в первые времена гуманизма они служили часто пособиями для обучения греческому языку на Западе. В то же время, его многочисленные переводы с латинского на греческий во многом способствовали культурному сближению между Востоком и Западом в эпоху Возрождения.[1]

Ученик и друг Плануда, современник Андроника II, Мануил Москопул имеет благодаря своей литературной деятельности, подобно своему учителю, большое значение как для характеристики византийских знаний конца XIII и начала XIV веков, так и для культивации классических знаний на Западе. Его «Грамматические вопросы» и греческий словарь, наряду с переводами Плануда, были любимыми пособиями для изучения греческого языка на Западе,

---

[1] Последнее и исчерпывающее исследование о Плануде написано Венделем (C. Wendel) и опубликовано в Paulys Real Encyclopädie. Neue Bearbeitung. Bd. XX, 1950, col. 2202—2253.

а его толкования на целый ряд классических писателей и сборник писем представляют интересный, еще недостаточно исследованный культурный материал для данной эпохи.

В истории византийской литературы к представителям филологии относится обыкновенно также современник Андроника II, Феодор Метохит, многообразная деятельность которого, однако, заходит далеко за скромные пределы филологии.[1] Он был уже упомянут выше, в главе о Никейской империи, как автор панегирика в честь Никеи. Широко образованный, прекрасно начитанный в классических авторах, почитатель философии в лице Аристотеля и особенно Платона, «Олимп мудрости», по словам современных ему панегиристов, «живая библиотека», «Геликон муз»,[2] государственный деятель, первый министр при Андронике II и меценат, Феодор Метохит представляет собой интересный тип византийского гуманиста первой половины XIV века. Интересно отметить, что этот человек науки и знания совмещал в себе талант политического деятеля, имевшего исключительное влияние на государственные дела и пользовавшегося полным доверием императора. Современный ему историк Никифор Григора писал: «Он с утра до вечера всецело и необыкновенно горячо был предан занятиям по общественным делам во дворце, как будто ученость была для него совершенно посторонним делом; поздно же вечером, уйдя оттуда, он настолько погружался в науку, как будто бы был каким-либо схоластиком, совершенно чуждым каким-либо другим делам».[3] На основании высказываемых им иногда в своих произведениях политических взглядов, Сафа сделал интересный вывод: не чувствуя склонности к народовластию и не будучи сторонником аристократии, он имел свой политический идеал, нечто вроде конституционной монархии. «Немалою оригинальностью этого византийца XIV века, — пишет Диль, — является лелеяние подобных мечтаний, при абсолютном режиме василевсов божественного права».[4] Конечно, история политической теории в Византии еще не изучена, однако этот пример показывает, что история политических идей в Византии не является скучным повторением одного и того же. Она имеет свою жизнь и развитие.[5] Более новое иссле-

---

[1] *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 350—353. Крумбахер называет его одним из наиболее выдающихся полигисторов византийского Возрождения.

[2] *Nicephorus Gregoras.* Historia, VII, 2, 2; Bonn ed., vol. I. pp. 272; *C. Sathas.* Bibliotheca graeca medii aevi, vol. I, introd., pp. 60—61.

[3] *Nicephorus Gregoras.* Historia, VII, II, 3; Bonn ed., vol. I, pp. 272—273.

[4] *Ch. Diehl.* Études byzantines, p. 401. См. также: *R. Guilland.* Correspondance de Nicéphore Grégoras, p. 361.

[5] *В. Вальденберг.* Речь Юстина II к Тиверию. — Известия Академии наук СССР, 1928, № 2, с. 140.

дование, однако, показывает, что, вероятно, идея Метохита была не практической политической теорией, а интерпретацией идеи Платона в неоплатоническом духе.[1]

Потеряв положение, состояние и дом при перевороте, низложившем Андроника II, Феодор попал в заточение. Тяжело заболев, он получил возможность окончить свои дни в константинопольском монастыре Хора (теперь мечеть Кахриэ-джами), который он, ввиду ветхости зданий монастыря, заново отстроил и украсил мозаиками. Еще и теперь, среди других великолепных сохранившихся мозаик в современной мечети Кахриэ-джами, можно видеть над главными дверьми, ведущими из второго притвора в храм, мозаику, представляющую Христа на троне, и у его ног коленопреклоненную фигуру Феодора Метохита в пышном платье высших византийских должностных лиц, подносящего Христу небольшую модель византийской церкви; имя Феодора Метохита читается на мозаике. Он скончался там в 1332 году.

К его ученикам принадлежит знаменитый византийский ученый Никифор Григора. В своих сочинениях он весьма обстоятельно и с энтузиазмом передал образ своего учителя.[2] Его многочисленные и разнообразные, далеко не все изданные и малоизученные произведения, будет ли то собрание философских и исторических этюдов, или риторические и астрономические сочинения, или многочисленные стихотворения и письма к различным выдающимся современникам, позволяют видеть в Феодоре Метохите, наряду с Никифором Григорой и Димитрием Кидонисом, одного из самых блестящих византийских гуманистов XIV века. Новейший исследователь пишет о трудах Метохита как об удивительных и разнообразных и считает его «возможно, крупнейшим писателем XIV века и одним из крупнейших писателей византийской литературы».[3] Его философские занятия позволяют некоторым ученым, например, К. Сафе, а за ним Ф. И. Успенскому, видеть в Метохите предшественника и подготовителя византийского платонизма XV века вообще и Гемиста Плифона в частности.[4]

---

[1] *D. Hesseling*. Een Konstitutioneel Keizershap. — Hermeneus, vol. XI, 1938—1939, pp. 89—93. См. также: Byzantinische Zeitschrift, vol. XXXIX, 1939, S. 263.

[2] См.: *St. Bezdeki*. Le Portrait de Théodore Métochite par Nicéphore Grégoras. — Mélanges d'histoire générale. Cluj, 1927, pp. 57—67.

[3] См.: *R. Guilland*. Les Poésies inédites de Théodore Métochite. — Byzantion, vol. III, 1927, p. 265; *Idem*. Correspondance de Nicéphore Grégoras, p. 358.

[4] *C. Sathas*. Bibliotheca graeca medii aevi, vol. I, introd., p. 64; *Ф. И. Успенский*. Очерки по истории византийской образованности, с. 263—264.

Из его сочинений больше всего известны «Комментарии и моральные суждения», обычно называемые «Смесь» (Miscellanea philosophica et historica).* Это своего рода «неоценимая кладезь идей Метохита», которая дает читателю возможность восхититься его широкой и глубокой эрудицией. Метохит цитирует и, по всей вероятности, на деле прочитал свыше семисот греческих авторов. Его основным источником и любимым автором был Синезий.[1] В его сочинениях рассеяно много важных исторических сведений не только по истории Византии, но и соседних народов. В качестве примера можно назвать детальный рассказ о его посольстве к сербскому царю в 1298 году для переговоров о браке одной из дочерей Андроника II.[2]

Метохит написал двадцать поэм, из которых опубликованы две. Первая содержит 1355 строк и является длинным описанием его собственной жизни и монастыря Хоры. Вторая поэма также является описанием этого монастыря.[3] Остальные восемнадцать поэм, хотя и не опубликованы, но анализировались в литературе. Они содержат большое количество информации о жизни автора и исторических событиях его времени.[4] В девятнадцатой поэме Метохит давал детальное описание богатства, комфорта и удобства своего дворца, потерянного им во время восстания 1328 года.[5] Поэмы его написаны изысканным стилем, который не всегда легко понимать. Однако это особенность не его одного, а многих византийских авторов, как поэтов, так и прозаиков, писавших в стиле, не отличавшемся ясностью и нуждающемся в комментариях. Тем бóльшую ценность, с этой точки зрения, имеет тонкость его стиля.

---

* Буквально — философская и историческая смесь.

[1] См.: *R. Guilland*. Correspondance de Nicéphore Grégoras, pp. 360—362; *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 551—552.

[2] См.: *C. Sathas*. Bibliotheca graeca medii aevi, vol. I. Paris, p. 22. Рассказ о посольстве на с. 154—193 этого же издания. См. также: *R. Guilland*. Correspondance de Nicéphore Grégoras, p. 364.

[3] *M. Treu*. Dichtungen des Grosslogothet Theodoros Metochites. Potstdam, 1895, S. 1—54.

[4] *R. Guilland*. Les Poésies inédites de Théodore Métochite. — Byzantion, vol. III, 1927, pp. 265—302; *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 552—553. В последнее время о рукописной традиции поэм Метохита писал И. Шевченко — «Observations sur les recueils des discours et des poèmes de Th. Metochite». — Scriptorium, vol. II, 1951, pp. 279—288.

[5] См.: *R. Guilland*. Le Palais de Théodore Métochite. — REG, vol. XXXV, 1922, pp. 82—95. На страницах 86—93 он опубликовал часть поэмы с переводом на французский язык. См. также: *J. Ebersolt*. Les Arts somptuaires de Byzance. Paris, 1923, p. 109.

Метохит оставил также некоторое количество писем. Из них в наши дни существует четыре. Большой ценности они не имеют. По всей видимости, остальные его письма были уничтожены недругами.[1] Роль Метохита, благодаря мозаикам Хоры, велика также и в искусстве. В этом отношении он не ошибся, выражая надежду, что его деятельность в области искусства обеспечит за ним «до скончания века славную память у потомства».[2]

Без всякого сомнения, одной из важнейших проблем в исследовании «возрождения Палеологов» является творчество в целом Феодора Метохита. Многое еще, однако, необходимо сделать. Его величие как человека и его значение в истории культуры XIV века только еще начинает осознаваться. Его сочинения должны быть полностью опубликованы и изучены и только тогда можно будет адекватно оценить великого человека в великой культурной эпохе.

Среди филологов времени Андроника II можно упомянуть Фому Магистра, вышедшего из литературного кружка Мосхопула, Метохита и Григоры, автора ряда схолий к древним писателям, речей и писем, литературное наследие которого заслуживает того, чтобы быть лучше известным.[3] Другим филологом того же времени был Димитрий Триклиний, выдающийся критик текста, способный встать рядом, по словам Крумбахера, с некоторыми современными издателями.[4] Для своего времени он был прекрасным знатоком древних авторов, например, Пиндара, Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана, Феокрита.

Ко времени Палеологов принадлежит последний крупный юридический памятник, имеющий жизненное значение до настоящего времени: это — большая юридическая компиляция фессалоникийского юриста и судьи XIV века Константина Арменопуло, известная под названием «Шестикнижия» (ἑξάβιβλος), так как делится на шесть книг, или «Ручной книги законов» (πρόχειρον νόμων). Этот сборник содержит гражданское и уголовное право с некоторыми приложениями, вроде, например, известного «Земледельческого закона». Автор пользовался предшествующими законодательными памятниками, особенно Прохироном, и еще одним сборником X века, а также Эклогой, Эпанагогой и некоторыми другими.[5] В не-

---

[1] См.: *R. Guilland*. Correspondance de Nicéphore Grégoras, p. 368.
[2] *Ch. Diehl*. Études byzantines, p. 401.
[3] См.: *R. Guilland*. Corrspondance de Nicéphore Grégoras, pp. 348—353.
[4] *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 554.
[5] См.: *P. Collinet*. Byzantine Legislation from the Death of Justinian (565) to 1453. — The Cambridge Medieval History, vol. IV, Cambridge, 1923, pp. 722—723.

давнее время в вопросе об источниках «Шестикнижия» было обращено внимание на одну очень важную, еще не разъясненную сторону. Оказалось, что Арменопуло пользовался некоторыми источниками в очень древних редакциях, еще без прибавлений и изменений, сделанных законодательной комиссией Юстиниана.[1] Другими словами, «Шестикнижие» представляет собой драгоценное подспорье, еще до сих пор с этой точки зрения не разобранное и не оцененное, для критических исследований об источниках Юстинианова права, о первоначальном содержании измененных текстов и о следах так называемого классического римского права в юридических памятниках Византии.

После 1453 года «Шестикнижие» Арменопуло распространилось на Западе, и гуманисты отнеслись со вниманием и уважением к этому юридическому памятнику павшей Византии. Сборник Арменопуло сохранял еще до времени последней войны значение правового источника или судебного руководства в современном греческом государстве и в Бессарабии.[2] *

Несколько медицинских трактатов, написанных не без арабского влияния, принадлежат времени Палеологов. Одно медицинское руководство конца XIII века имело большое влияние на западную медицину и употреблялось на медицинском факультете Парижа вплоть до XVII века. Полное отсутствие оригинальности и самостоятельности византийской медицины подчеркивалось неоднократно. Французский исследователь медицины, особенно интересовавшийся византийским временем, писал: «Если бы кто-то захотел обратиться к оригинальным сочинениям в области медицины, ему нечего было бы отметить, и страница, посвященная этому более чем тысячелетнему периоду, осталась бы незаполненной».[3] Изучение математики и астрономии также процветало при Палеологах, и многие из вышеназванных культурных деятелей эпохи, имевших

---

[1] См.: *L. Siciliano*. Diritto bizantino. — Enciclopedia Giuridica Italiana, vol. IV, (5), Milano, 1906, p. 72; *P. Collinet*. Byzantine Legislation... p. 723.

[2] *Л. Кассо*. Византийский закон в Бессарабии. М., 1907, с. 42—49.

* Об Арменопуло и его «Шестикнижии» см. подробно: *И. П. Медведев*. Византийское право на заключительном этапе своего развития. В кн.: Культура Византии XIII—первая половина XV в. М., 1991, с. 304—309.

[3] *E. Jeanselme*. Sur un aide-mémoire de thérapeutique byzantine contenu dans un manuscrit de la Bibliothèque Nationale de Paris (Supplement grec, 764): traduction, notes, commentaire. — Mélanges Diehl: Études sur l'histoire et sur l'art de Byzance, vol. I, p. 170. (О медицине в поздней Византии см. также: *С. Н. Гукова*. Естественно-научные знания в Палеологовский период. В кн.: Культура Византии XIII—первая половина XV вв. М., 1991, с. 370—372. Автор отмечает изобилие медицинских рукописей, плохую их изученность и высокий уровень медицинских познаний в поздневизантийском обществе. — *Науч. ред.*)

разносторонние интересы и представлявших собою своего рода энциклопедистов, посвящали часть своего времени и этим точным наукам, черпая материал из древних произведений Евклида, Птолемея и из персидских и арабских сочинений, бóльшая часть которых, в свою очередь, основывалась на греческих образцах.

Поэзия при Палеологах представлена Мануилом Олоболом и Мануилом Филом. Поэзия Олобола обычно рассматривается как искусственная, неоригинальная, искавшая часто темы в сфере придворных интересов, поэтому слывшая неискренней и иногда до непозволительности льстивой и заискивающей.[1] Недавние исследования, однако, показали, что это мнение ошибочно. Поэмы, это верно, описывают великолепие и блеск дворцовых церемоний, но не содержат личной лести или заискивания перед императором.[2] Олобол был также автором энкомия * в честь императора Михаила VIII.[3] Мануил Фил, всю жизнь проведший в страшной нужде, вынужденный тратить свое литературное дарование на добывание хлеба насущного и не останавливавшийся для этого ни перед каким видом унижения и лести, невольно вызывает ассоциацию с известным писателем XII века Феодором Продромом.**

Последняя крупная фигура в литературе XIV века — это Феодор Мелитениот. Несколько человек, живших на рубеже XIII и XIV вв., носили имя Феодор Мелитениот. Поэтому достаточно сложно выделить среди них того, кто написал сочинение, приписываемое только Мелитениоту.[4] Очевидно, однако, что Феодор Мелитениот, который жил в XIV веке, был автором астрономического сочинения, наиболее обширного и наиболее научного во всю византийскую эпоху.

---

[1] См.: *M. Treu*. Manuel Holobolos. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. V, 1896, S. 538—559; *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 770—772. Анализ Крумбахера базируется на статье М. Троя.

[2] *A. Heisenberg*. Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit. Munchen, 1920, S. 112—132.

* Т. е. хвалебной речи.

[3] См.: *X. Siderides*. Μανουὴλ Ὁλοβώλου Ἐγκώμιον εἰς Μιχαὴλ Η' Παλαιολόγον. — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, t. III, 1926, pp. 168—191.

** А. А. Васильев исключил из последующих переизданий конец данной фразы. В исходной русской версии, после слов «Феодором Продромом», следует (с. 124) — «этим характерным представителем византийского литературного пролетариата».

[4] См.: *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 782; *F. Dölger*. Neues zu Alexios Metochites und zu Theodorus Meliteniotes. — Studi e testi, vol. CXXIII, 1946, pp. 238—251. См. также: *M. Miller*. Poème allégorique de Méliteniote, piblié d'après un manuscrit de la Bibliothèque Impériale. — Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale, vol. XIX, (2), 1858, S. 2—11.

Он же был автором поэмы в 3062 «политических» стиха, озаглавленной «Относительно благоразумия» (Εἰς τὴν σωφροσύνην).[1] Весьма интересный вопрос был поставлен недавно — можно, или же нельзя, считать, что поэма Мелитениота написана под прямым влиянием сочинения Бокаччо L'Amorosa Visione.[2] Этот пример еще раз показывает значение культурного обмена между Византией и Италией во времена Палеологов. Недавно в научной литературе были подчеркнуты известные параллели между поэмой «Относительно благоразумия» и знаменитым легендарным паломничеством Карла Великого.[3]

Очень интересные памятники, написанные на народном греческого языке, дошли до нас из эпохи Палеологов. Греческая стихотворная версия Морейской хроники более чем в 9000 стихов, оцененная уже с исторической точки зрения нами выше, при рассказе о завоевании латинянами Пелопоннеса, дает любопытный пример греческого народного языка того времени, вобравшего в себя целый ряд слов и выражений из романских языков завоевателей. В науке до сих пор остается спорным вопрос о языке первоначального оригинального текста хроники. Одни ученые стояли за французский оригинал, другие за греческий. В новейшее время высказано мнение о том, что оригинальным текстом Морейской хроники был текст итальянский и притом, вероятно, в форме венецианского наречия.[4]

---

[1] *M. Miller.* Poème allégorique... pp. 11—138; *G. Montelatici.* Storia della letteratura bizantina, 324—1453, p. 269 — эту поэму не упоминает. Фрагменты его астрономического сочинения есть в PG, vol. CXLIX, col. 988—1001. Лучшее издание его фрагментов есть в следующем издании — Catalogus codicum astrologicorum graecorum, vol. V, 3, 1910, pp. 133—147 (excerpta ex codice 21, Vatic. 1059); vol. XI, 1, 1932, p. 54 (codices escorialenses).

[2] См.: *F. Dölger.* Die byzantinische Literatur und Dante. — Compte-rendu du deuxième Congrès International des Études byzantines, 1927, pp. 47—48. На третьем Конгрессе византинистов он выступил с тезисом, что поэма Феодора написана под влиянием «Божественной Комедии» Данте, однако, позже, под влиянием предположения С. Г. Меркати, он изменил свою точку зрения в пользу Бокаччо. Действительно, во время Возрождения некоторые сочинения Бокаччо были переведены на греческий. Перевод на разговорный греческий его Тезеиды «начинает серию блистательных романических эпопей, имевших такую блистательную судьбу в Италии». См.: *J. Schmitt.* La Théséide' de Boccace et la 'Théséide' grecque. — Études de philologie néo-grecque publiées par J. Psichari. (Bibliothèque de l'École des Hautes Études. Sciences philologiques et historiques, vol. XCII). Paris, 1892, p. 280. См. также: *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 870.

[3] *M. Schlauch.* The Palace of Hugon de Constantinople. — Speculum, vol. VII, 1932, pp. 505; 507—508.

[4] *J. Longnon.* Livre de la conquête de la Princée de l'Amorée. Chronique de Morée. Paris, 1911, pp. LXXXIII—LXXXIV.

Автором греческой версии хроники обычно считается какой-либо близкостоявший к описываемым событиям и хорошо знавший пелопоннесские дела грецизированный франк.

К этой же эпохе относится стихотворный роман (около 4000 стихов) «Ливистр и Родамна», сильно напоминающий по сюжету и по идеям известный уже нам роман «Бельтандр и Хрисанца». В двух словах содержание романа таково: Ливистру во сне было открыто, что ему в супруги предназначена Родамна; он ее находит в лице индийской принцессы, добивается ее любви и, победив в единоборстве соперника, получает Родамну в жены; однако, благодаря волшебным чарам, соперник похищает Родамну, которую в конце концов, после целого ряда приключений, Ливистр благополучно находит.[1] В этом романе надо отметить результат смешения франкской культуры с греко-восточным укладом жизни. Однако, если в «Бельтандре» франкская и греческая культуры являются еще не совсем слившимися, в «Ливистре» можно уже отметить признаки того, что франкская культура глубже проникла в византийскую почву, но зато и сама уже начала поддаваться греческому влиянию. Однако, несмотря на латинское влияние, было бы ошибочно утверждать, что вся поэма является лишь простым подражанием какому-нибудь западному образцу. «Если, — по словам Ш. Диля, — описанное общество кажется пропитанным некоторыми латинскими элементами, оно в общем сохраняет чисто византийский характер».[2] Первоначальная редакция романа должна относиться к XIV веку. До нас роман «Ливистр и Родамна» дошел в позднейшем обработанном виде.

Вероятно, к пятнадцатому веку относится греческая версия тосканской поэмы «Песнь о Фиорио и Бианчифиоре» (Il cantare di Fiorio e Biancifiore), восходящей к XIV веку. Греческая версия содержит около 2000 строчек на народном греческом языке и в «политическом размере». В греческом тексте нет никаких указаний на его возможного автора. Крумбахер думал, что его автором был эллинизованный франк, иными словами, католик.[3] Однако, сейчас эта точка зрения считается ошибочной и, возможно, анонимный автор греческого текста был православным греком.[4] Греческая

---

[1] Греческий текст опубликован в следующем издании — *W. Wagner.* Trois poèmes grecs du Moyen Âge. Berlin, 1881, pp. 242—349. Детальный анализ романа — *M. Gidel.* Études sur la littérature grecque moderne. Paris, 1866, pp. 151—196; *J. B. Bury.* Romances of Chivalry on Greek Soil. Oxford, 1911, pp. 11—12.

[2] *Ch. Diehl.* Figures byzantines, vol. II, p. 348.

[3] *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Literatur. S. 868.

[4] См.: Le roman de Phlorios et Platzia Phlore, publié avec une introduction, des observations et un index par D. C. Hesseling. Amsterdam, 1917, pp. 9, 13—14. См. также стих 1794 на с. 104.

версия «Романа о Флориасе и Плациа Флоре» (Φλωρίου καὶ Πλάτζια Φλώρης) представляет большой интерес в том, что касается греческого народного языка времени Палеологов.

Видимо, к началу XV века относится поэма «Византийская Ахиллеида», также написанная «политическими» стихами. Несмотря на классическое название, вызывающее в памяти Троянскую войну и Гомера, поэма очень мало связана с Гомером. Действие происходит в рамках франкского феодализма. Личность главного героя поэмы, Ахилла, находится под влиянием другого византийского эпического героя, Дигениса Акрита. «Ахилл — это Дигенис, наделенный классическим именем».[1] Не ясно, был ли знаком автор Ахиллеиды с одной из версий византийского эпоса, или же он брал сходные эпизоды из общего источника для обеих поэм — из народных песен. Окончательно этот вопрос решить невозможно, однако параллельные места в текстах обеих поэм делают первое предположение более правдоподобным.[2] Поэма кончается смертью Ахилла в Трое на руках Париса и Деифоба и взятием города греками, которые мстят за его смерть.

Эпоха Палеологов в разнообразных отраслях литературы, несмотря на весь трагизм внешнего положения империи, характеризуется кипучей и плодотворной деятельностью лучших представителей культуры того времени, которые не раз дают случай провести параллель с современными им течениями и интересами итальянского Возрождения. Однако, необходимо подчеркнуть такой же сильный и на первый взгляд несколько неожиданный подъем и в сфере искусства, если принять во внимание общее положение государства при Палеологах. Возрождение византийского искусства при Палеологах, в виде таких памятников, как росписи Кахриэ-джами, Мистры, Афона, Сербии, настолько было неожиданным и непонятным для научного мира, что ученые для разъяснения вопроса об источниках новых форм искусства той эпохи прибегли к ряду гипотез. Первая «западная» гипотеза, принимая во внимание западные влияния на различные стороны византийской жизни со времени четвертого крестового похода и сближая византийские памятники с итальянскими фресками треченто вообще и с тем, что Джотто и некоторые другие художники жили в Италии именно в тот момент, когда появились первые произведения искусства восточного Возрождения Палеологов, приходит к заключению о возможности влияния итальянских мастеров треченто на византийское

---

[1] L'Achilléide byzantine, publiée avec une introduction, des observations et un index par D. C. Hesseling. Amsterdam, 1919, p. 9.

[2] L'Achilléide... p. 3—15; *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 848—849; *G. Montelatici*. Storia della letteratura bizantina, 324—1453, pp. 192—193.

искусство. Отсюда выводятся новые формы в XIV веке. Однако, западная гипотеза должна быть признана маловероятной потому, что теперь неоспоримо доказано обратное явление, то есть влияние византийских образцов на итальянское искусство XIII века.

Вторая «сирийская» гипотеза, выдвинутая в начале XX века австрийским историком искусства Стржиговским, сводилась к тому, что лучшие произведения византийского искусства времени Палеологов являются лишь простыми копиями древних сирийских оригиналов, то есть таких оригиналов искусства, которые действительно, в свое время (в IV—VI веках), дали немало новых форм, воспринятых византийским искусством. Если согласиться с этой теорией, то ни о каком возрождении византийского искусства в XIV веке, ни об его оригинальности, ни о творческой фантазии мастеров речи быть не может, и все исключительно сведется к хорошим копиям с древних образцов, к тому же точно неизвестных. Эта теория, которую Н. П. Кондаков называет «археологической игрой»,[1] нашла мало сторонников среди ученого мира.[2] *

В первом издании своего «Учебника византийского искусства» (Manuel d'art byzantin), опубликованном в 1910 году, французский византинист Ш. Диль отвергает обе вышеизложенные теории. Он видит корни возрождения искусства при Палеологах в том общем культурном подъеме, который столь характерен для той эпохи, и в пробуждении очень живого чувства эллинского патриотизма, а также в постепенном развитии тех новых путей в византийском искусстве, которые появились в Византии с XI века, то есть со времени династии Комнинов. Поэтому «для того, кто внимательно смотрит на вещи, большое движение в искусстве XIV века не будет явлением внезапным и неожиданным: оно родилось из естественной эволюции искусства в среде замечательно деятельной и живучей; и если иностранные влияния могли частично помочь его блестящему расцвету, оно почерпнуло из себя самого, из глубоких корней, которыми оно погружалось в прошлое, свои сильные и оригинальные свойства».[3]

---

[1] *Н. П. Кондаков.* Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1909, с. 280.

[2] См.: *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin, vol. II. Paris, 1926, pp. 744—745.

* В исходной русской версии далее следует еще одна фраза про Стржиговского, исключенная А. А. Васильевым из последующих переизданий работы. — «Что же касается самого Стржиговского, то он в ряде последующих работ, вплоть до последнего времени, ищет корней древнехристианского искусства в искусстве стран гораздо более дальнего востока, чем Сирия».

[3] *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzatin. Первое издание — Paris, 1910, p. 702; второе издание — Paris, 1926, vol. II, p. 751.

В 1917 году Д. В. Айналов критиковал предложение Ш. Диля с методической точки зрения. Он отмечал, что Ш. Диль основывался не на анализе художественных памятников, а косвенно выводил свои постулаты из данных о развитии литературы, науки и т. д. Д. В. Айналов приходит к выводу, что вопрос о происхождении новых форм византийской живописи XIII—XIV столетий может получить решение только путем историко-сравнительного исследования их. Наблюдая свойства горного и архитектурного ландшафтов в мозаиках Кахриэ-джами в Константинополе и собора св. Марка в Венеции, Д. В. Айналов отмечает замечательное родство их форм с формами ландшафтной живописи начального итальянского Возрождения и приходит к выводу, что византийская живопись XIV века не может быть признана самостоятельным явлением византийского искусства, а лишь отражением нового развития итальянской живописи, которая в свою очередь выросла на почве более раннего византийского искусства. «Одним из передаточных звеньев этого обратного влияния искусства раннего Возрождения на поздневизантийское является Венеция».[1]

Т. Шмидт утверждал, что ввиду общего экономического и политического упадка империи при Палеологах, настоящее возрождение искусства в XIV веке было невозможно.[2] Ш. Диль в этой связи справедливо заметил: «Эта гипотеза может показаться изобретательной, однако, это образец скорее утверждения, чем доказательства».[3] В 1925 году О. М. Далтон, независимо от Д. В. Айналова, писал: «Новшества, принесенные из Италии, которые появляются в Сербии, в Мистре или в Константинополе, являются в

---

[1] *Д. В. Айналов.* Византийская живопись XIV столетия. — Записки классического отделения Русского Археологического Общества, т. IX, 1917, с. 86, 89, 96. (От себя здесь хотелось бы отметить, что Ш. Диль и Д. В. Айналов говорят не совсем об одном и том же. Ш. Диль говорит об истоках в целом взлета искусства при Палеологах, Д. В. Айналов же рассматривает лишь одно из проявлений искусства: живопись. На наш взгляд, можно говорить о правоте обоих исследователей: Ш. Диля — в исследовании истоков поздневизантийского искусства в целом, Д. В. Айналова — в рассмотрении одного из частных проявлений византийского искусства. Критика же Д. В. Айналовым Ш. Диля не представляется убедительной из-за несовместимости начального подхода к материалу, когда один автор исследует целое, а другой ограничивается рассмотрением частного. — *Науч. ред.*)

[2] *Th. Schmidt.* La 'Renaissance' de la peinture byzantine au XIVe siècle. — Revue archéologique, vol. II, 1912, pp. 127—128.

[3] *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin, vol. II, p. 748. (От себя здесь хотелось бы заметить, что история России знает множество примеров далеко неоднозначной взаимосвязи экономического и политического развития общества и подъемов в развитии искусства, особенно в XIX в. — *Науч. ред.*)

широком смысле слова греческими же произведениями искусства, поверхностно окрашенные сиенским очарованием. При таких обстоятельствах мы не можем утверждать, что в XIV веке живопись у славян или у византийских греков находилась под западным влиянием. Италия затронула своим очарованием в основном не изменившееся искусство».[1] Наконец, принимая во внимание последние работы Мийе (Millet), Брейе (Bréhier) и Айналова, Ш. Диль во втором издании своего «Учебника византийского искусства» (Manuel d'art byzantin, Paris, 1926) подвел итоги этого обсуждения, объявив XIV век настоящим Возрождением. В это время с чудесным размахом и полной преемственностью развивается то, что лишь намечалось в XI и XII веках, и между прошлым и XIV веком перерыва в развитии нет. В этом месте Ш. Диль приводит уже цитировавшийся выше отрывок из первого издания своей книги.[2]

В 1930 г. Л. Брейе писал: «Византийское искусство эпохи Палеологов является синтезом двух духовных сил, которые доминируют в истории Византии — классицизма и мистицизма».[3] В 1938 г. А. Грабарь утверждал, что прогресс в византийском искусстве при Палеологах был особенно примечателен. При них последнее возрождение искусства, особенно живописи, проявилось как в пределах империи, которая в конце концов свелась к Константинополю и его пригородам, так и в независимых греческих княжествах (Спарта, Трапезунд), которые последовали примеру Византии.[4] После всего сказанного выше, следующее утверждение является непонятным: «История византийского искусства на деле кончается с захватом Константинополя франками в 1204 г.».[5] Напротив, византийское искусство является богатой, плодородной областью изучения, заслуживающей и дальнейшего изучения.[6]

---

[1] *O. M. Dalton*. East Christian Art. Oxford, 1925, p. 240.

[2] *Ch. Diehl*. Manuel d'art byzantin, vol. II, p. 751. Вся глава о возрождении византийского искусства в XIV веке (с. 735—751 указанной книги) была перепечатана в Byzantion, vol. II, 1926, pp. 299—316. Во втором издании своего исследования Ш. Диль еще не мог воспользоваться книгой О. М. Далтона, однако, вскоре он опубликовал подробную на нее рецензию в Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXVI, 1926, S. 127—133.

[3] *L. Bréhier*. La Rénovation artistique sous les Paléologues et le mouvement des idées. — Mélanges Diehl: Études sur l'histoire et sur l'art de Byzance, vol. II, p. 10.

[4] *A. Grabar*. L'art byzantine. Paris, 1938, pp. 7; 10. (Ввиду того, что А. А. Васильев здесь не цитирует, а пересказывает А. Грабаря, мысль последнего остается не вполне ясной. Остается, к сожалению, лишь догадываться, что под «следованием примеру Византии» имеется в виду, скорее всего, *следование в развитии искусства*. — *Науч. ред.*)

[5] *H. Peirce, R. Tyler*. Byzantine Art. New York, 1926, p. 15.

[6] См. рецензию Ш. Диля на книгу *G. Millet*. «Recherches sur l'iconographie de l'Evangile», опубликованную в: Journal des Savants, N. S,

Многие произведения возрождения византийского искусства при Палеологах сохранились до наших дней. Из монументальных сооружений можно отметить семь церквей в пелопоннесской Мистре, некоторые монастырские церкви Афона, много церквей в Македонии, которая принадлежала в XIV веке Сербии, и в собственно Сербии. Пышный расцвет мозаичной и фресковой живописи при Палеологах оставил нам удивительные памятники, будут ли то не раз уже упоминаемые знаменитые мозаики Кахриэ-джами в Константинополе, или фрески Мистры, Македонии, Сербии. На Афоне также встречаются мозаики и фрески конца XIII, XIV и XV веков, хотя эпоха расцвета афонского искусства относится уже к XVI веку и часто приводится в связь с деятельностью загадочного византийского художника, этого «Рафаэля» или «Джотто византийской живописи», Мануила Панселина из Фессалоники, некоторое количество произведений которого, весьма вероятно, и до сих пор можно увидеть на Афоне, однако, на этот счет существует известная неясность.[1] Жил он, вероятнее всего, в первой половине XVI века.

От той же эпохи Палеологов дошло до нас много икон и рукописей с миниатюрами. Для примера упомянем о знаменитой Мадридской рукописи XIV века византийского хрониста Скилицы, которая содержит до 600 весьма интересных миниатюр, отражающих историю Византии с 811 г. до середины XI века — в период, отраженный в труде Скилицы.[2*] О двух парижских рукописях, — одной XIV века с миниатюрой Иоанна Кантакузина, председательствующего на Исихастском соборе, и другой начала XV века с миниатюрой Мануила II, упоминание было сделано выше.[3]

---

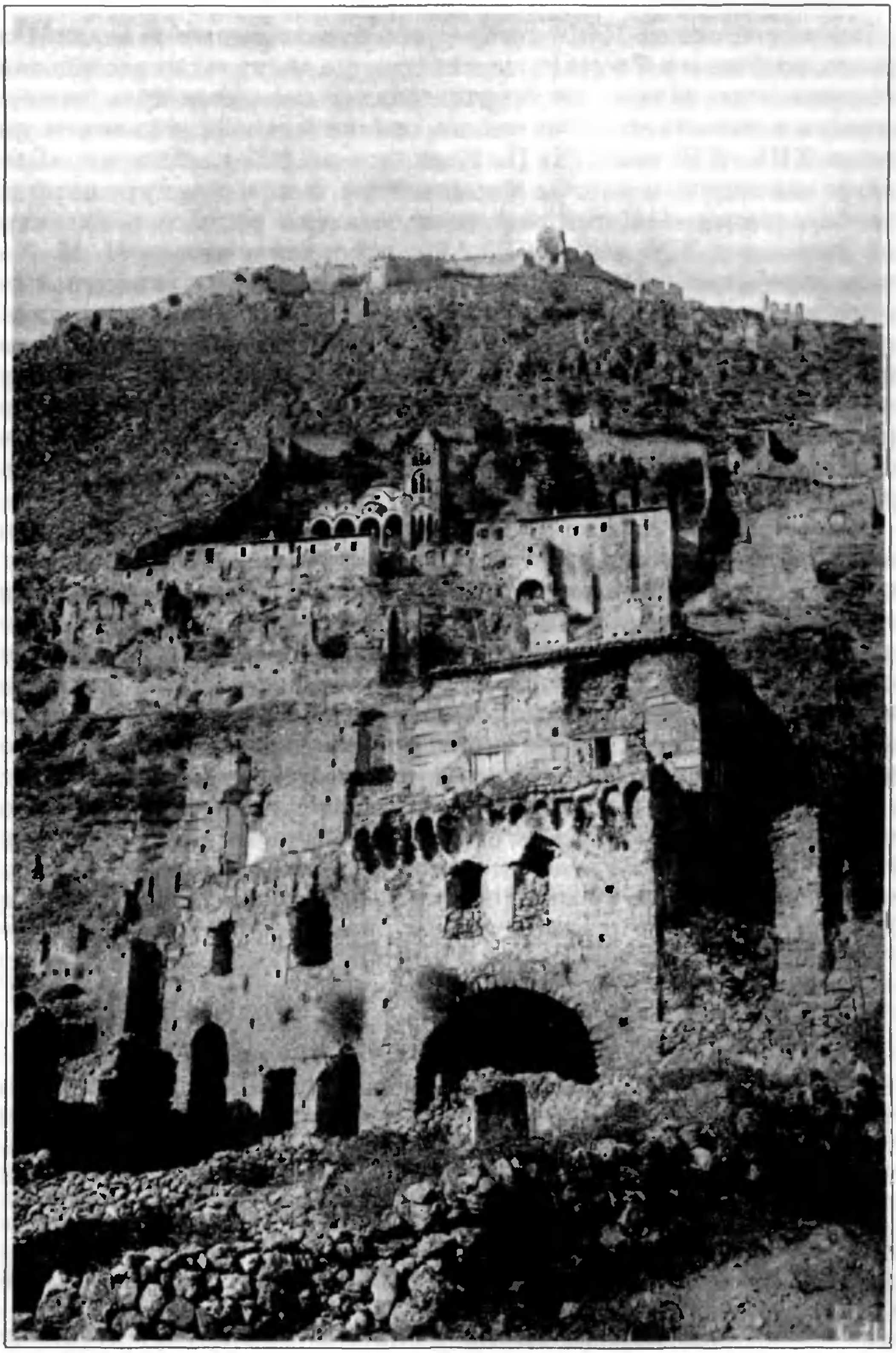
vol. XV, 1917, p. 376. См. также: *G. Soteriou*. Die byzantinische Malerei des XIV. Jahrhundert in Griechenland. Bemerkungen zum Stilproblem der Monumentalmalerei des XIV. Jahrhunderts. — Ἑλληνικά, vol. I, 1928, pp. 95—117.

[1] См.: *Ch. Diehl*. Manuel d'art byzantin, vol. II, pp. 840—844. О дате жизни Панселина см. в особенности у Ш. Диля с. 842 и прим. 1. См. также: *O. M. Dalton*. East Christian Art, p. 238.

[2] Полное собрание фотографий этих миниатюр можно найти в Париже, в фотографической коллекции École des Hautes-Études. См. также: *J. Ebersolt*. La Miniature byzantine. Paris, Bruxelles, 1926, p. 59.

* А. А. Васильев не включил в последующие переиздания важную фразу, характеризующую рисунки этой рукописи. В исходной русской версии это — с. 127: «...среди последних для нас особенно интересны миниатюры (около двадцати), относящиеся к русской истории и иллюстрирующие прием русской великой княгини Ольги в Византии, войны греков с русскими, походы Святослава с его изображением, переговоры с князем Владимиром и т. д.»

[3] О миниатюрах времени Палеологов см.: *Ch. Diehl*. Manuel d'art byzantin, vol. II, pp. 872—874.



Мистра. Вид Пантассы.

Искусство эпохи Палеологов с его отражениями в славянских странах вообще и в России в частности еще очень мало исследовано. Материал еще далеко не сгруппирован, не освещен и даже не приведен в известность. Занимаясь сравнительным изучением иконописи XIII—XIV века, Н. П. Кондаков в 1909 г. заметил: «Здесь вообще мы вступаем как бы в темный лес, в котором пути остаются неразведанными».[1] Новейший исследователь вопроса о византийской живописи XIV века Д. В. Айналов к этим словам Н. П. Кондакова прибавил: «Все же в этом лесу некоторые пионеры уже проложили с разных сторон тропинки и сделали ценные положительные наблюдения».[2] Уже позднее, в 1919 г., вышла книга известного французского историка искусства Г. Мийе (Millet) о средневековых сербских церквах; причем автор задается целью опровергнуть обычное мнение о том, что сербское искусство есть лишь простая ветвь искусства византийского; сербское искусство имеет свой оригинальный характер.[3]

Подводя итог нашему очерку культурно-просветительного движения при Палеологах, мы прежде всего должны будем признать такую его силу, напряженность и разнообразие, каких мы не встречали в более ранние времена, когда общее положение империи должно было, казалось, гораздо более благоприятствовать культурным проявлениям. Конечно, этот подъем не должен представляться чем-то неожиданным, не имеющим корней в прошлом. Корни его нужно видеть в культурном подъеме Византии в эпоху Комнинов; связующим звеном между этими двумя эпохами, оторванными друг от друга роковым латинским господством, является культурная жизнь Никейской империи во главе с Никифором Влеммидом и просвещенными государями дома Ласкарей, которые среди всех трудностей внешней политической обстановки сумели приютить в Никее и развить лучшие умственные силы эпохи с тем, чтобы передать это наследие в восстановленную империю Палеологов. При них культурная жизнь бьет особенно сильным ключом в конце XIII и в XIV веках, после чего она, под угрозой турецкой опасности, начинает затихать в Константинополе, и лучшие умы XV века, как-то Виссарион Никейский и Гемист Плифон, переносят свою деятельность в Пелопоннес, в Мистру, в тот центр, напоминающий нам некоторые менее крупные итальянские центры Возрождения, который казался еще в несколько большей безопасности от турецкого завоевания, чем Константинополь и Фессалоника.

---

[1] *Н. П. Кондаков*. Македония. Археологическое путешествие, с. 285.
[2] *Д. В. Айналов*. Византийская живопись... с. 68.
[3] *G. Millet*. L'ancient art serbe. Les èglises. Paris, 1919, p. 9; *Idem*. La Renaissance byzantine. — Compte-rendu du deuxième Congrès international des études byzantines, Belgrade, 1927, pp. 19—21.

При рассмотрении литературной и художественной деятельности наиболее выдающихся представителей того времени приходилось неоднократно сопоставлять византийские культурные интересы и запросы с аналогичными интересами и запросами эпохи раннего итальянского Возрождения. Очевидно, как Италия, так и Византия переживали тогда время интенсивной культурной работы, которая имела много общих черт и одинаковое происхождение, выйдя из условий мирового переворота, совершенного крестовыми походами. Это была эпоха не итальянского и не византийского Возрождения, а, если уж пользоваться условным термином возрождения в общем, широком, а не в частном, узком национальном смысле, то это была, если так можно выразиться, эпоха греко-итальянского или вообще южноевропейского Возрождения. Только позднее, в XV веке, на юго-востоке Европы этому подъему был положен предел турецким игом, а на западе, в Италии, общие условия сложились так, что культурная жизнь могла дальше развиваться и перебросится в другие страны.

Конечно, в Византии не было Данте. Византийское возрождение было ограничено традициями своего прошлого, в котором дух созидания и независимость были подчинены строгому авторитету церкви и государства. Формализм и условность были основными чертами византийского прошлого. Если взять во внимание условия жизни в Византии, то нельзя не прийти в изумление от интенсивности культурной жизни времени Палеологов и от энергичных усилий его лучших умов ввести новый путь свободы и независимого развития в литературу и искусство. Однако, фатальная судьба Восточной империи преждевременно прервала этот литературный, научный и художественный пыл.[1]

---

[1] В своей весьма интересной статье «Das Problem der Renaissance in Byzanz». — Historische Zeitschrift, Bd. CXXXIII, 1926, S. 393—412; А. Гейзенберг (A. Heisenberg) в целом отрицал существование византийского Возрождения, однако он закончил свою статью следующим образом (с. 412): «Только несколько столетий спустя господствующий класс в Византии стал ощущать, что под оболочкой античной традиции, нарочито навязываемой государством и церковью, скрыты силы новой, более богатой и глубокой жизни. Однако, в тот момент, благодаря жадности Западной Европы, силы византийского мира оказались навсегда сломлены. Настоящее Возрождение не было суждено ни народу Византии, ни остальному православному миру в Восточной Европе». См. также: *F. Dölger* in: Deutsche Literaturzeitung, Bd. XLVII, 1926, col. 1142—1143, 1145. Наличие в византийской истории «настоящего возрождения» подчеркивал Р. Гийан — *R. Guilland*. Essai sur Nicéphore Grégoras, pp. 294—295 и в целом повсеместно. См. также блестящую статью К. Ноймана — *C. Neumann*. Byzantinische Kultur und Renaissancekultur. — Historische Zeitschrift, Bd. XCI, 1903, S. 215—232.

Византия и итальянское Возрождение

Рассматривая вопрос о влиянии на итальянское Возрождение средневековой греческой традиции в целом и византийских греков в частности, очень важно помнить, что не интерес к классической античности и знакомство с ней вызвали Возрождение в Италии. Наоборот, условия итальянской жизни, вызвавшие и развившие Возрождение, стали основной причиной интереса к античной культуре.

В середине XIX века некоторые ученые полагали, что итальянское Возрождение было вызвано греками, бежавшими от турецкой опасности в Италию, особенно после падения Константинополя в 1453 году. Для примера можно привести слова нашего известного славянофила первой половины XIX века И. В. Киреевского, который писал: «Когда со взятием Константинополя свежий, неиспорченный воздух греческой мысли повеял с Востока на Запад, и мыслящий человек на Западе вздохнул легче и свободнее, то все здание схоластики мгновенно разрушилось».[1] Совершенно очевидно, что такая точка зрения не могла выдержать никакой критики хотя бы в силу некоторых элементарных хронологических соображений: известно, что Возрождение охватило всю Италию уже в первой половине XV века, а корифеи так называемого раннего итальянского гуманизма, Петрарка и Бокаччо, жили еще в XIV веке.

Есть, таким образом, два вопроса — влияние на Возрождение средневековой греческой традиции и влияние на Возрождение византийских греков. Мы остановимся сначала на втором и посмотрим, что собою представляли известные нам греки, имена которых связаны с эпохой раннего Возрождения, то есть XIV и самого начала XV века.

Первым из них по времени должен быть назван уже известный по участию в исихастских спорах калабрийский грек из Южной Италии Варлаам, умерший около середины XIV века. Бернардо принял в Калабрии монашеское пострижение под именем Варлаама и пробыл некоторое время в Солуни, на Афоне и в Константинополе. Император Андроник Младший послал его с важной миссией на Запад, для переговоров о возможности крестового похода против турок и о соединении церквей. После безрезультатного путешествия Варлаам вернулся в Византию, где он и принял участие в религиозном движении исихастов. Закончивший свои дни снова на

---

[1] *И. В. Киреевский.* Собрание сочинений, т. 2. М., 1861, с. 252. Это мнение попало даже на страницы первого издания «Истории Византии» Ю. А. Кулаковского (Киев, 1910, с. 12). Во втором издании — Киев, 1913 — его уже нет.

Западе, Варлаам представляет собой фигуру, о которой нередко говорят первые гуманисты и о которой различно думают ученые XIX века. В Авиньоне с Варлаамом сблизился и стал у него учиться греческому языку, чтобы в подлинниках читать греческих авторов, Петрарка. Последний в одном из своих писем так выражался о Варлааме: «Был еще мой учитель, который, возбудив во мне сладчайшую надежду, оставил меня на начатках учения (in ipso studiorum lacte), будучи похищен смертью»; в другом письме Петрарка писал: «Это был человек, столько же обладавший прекрасным даром греческого словесного искусства, сколько лишенный этого дара в латинском языке; будучи богат идеями и отличаясь острым умом, он затруднялся в выражениях, способных передать его мысли».[1] В третьем письме Петрарки мы читаем: «Я всегда горел желанием изучать греческую литературу, и если бы фортуна не позавидовала моим начинаниям и смерть не лишила меня прекрасного учителя, теперь бы я был уже, наверное, не начинающий эллинист».[2] Действительно, Петрарка никогда не достиг возможности читать в подлиннике греческую литературу. Некоторое влияние Варлаама можно заметить и на произведениях Бокаччо, который, например, в своем сочинении «Генеалогии богов» (Genealogia deorum) называет Варлаама человеком «с маленьким телом, но с огромными знаниями», какого у греков не было уже много столетий, и безусловно доверяет ему во всем, что касается Греции.[3]

Доступные нам богословские и математические трактаты, записки и речи Варлаама не дают нам достаточных оснований для того, чтобы видеть у него родственные гуманистам черты. Его сочинения не были известны, по всей вероятности, Петрарке; а Бокаччо прямо говорит, что он «ни одного сочинения не видел».[4] Нет данных также говорить о каком-либо широком образовании или о выдающейся начитанности этого калабрийского выходца-монаха; другими словами, в Варлааме не было того таланта, той культурной силы, которые могли бы оказывать глубокое и дли-

---

[1] Fr. Petrarcae Epistolae de rebus familiaribus et variae. XXIV, 12; XVIII, 2 (ed. Francassetti, Florentiae, 1863, III, 302; II, 474). См. также: *Ф. И. Успенский.* Очерки по истории византийской образованности, с. 301—302; *А. Н. Веселовский.* Бокаччьо. Его среда и сверстники. — Собр. соч., т. 5. СПб., 1915, с. 86.

[2] Fr. Petrarcae Epistolae de rebus familiaribus et variae, XXV (ed. Francassetti, II, 369). См.: *Ф. И. Успенский.* Очерки по истории византийской образованности, с. 303.

[3] De genealogia deorum, XV, 6. (*Joannis Bocattii* De genealogia deorum libri quindecim. Basileae, 1532, p. 389). См. также: *М. Корелин.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. М., 1892, с. 993.

[4] De genealogia deorum, XV, 6 (Базельское издание 1532 г., с. 390 — hujus ego nullum vidi opus).

тельное влияние на более талантливых и более образованных, чем он сам, современных ему итальянцев, особенно же в лице таких корифеев, какими были Петрарка и Бокаччо. Поэтому вряд ли возможно согласиться с той переоценкой степени влияния Варлаама на Возрождение, которую мы встречаем иногда на страницах иностранной и русской литературы. Немецкий ученый Кертинг, например, писал: «Грек Варлаам, своим поспешным удалением из Авиньона лишив Петрарку возможности основательно ознакомиться с греческим языком и образованностью, тем самым разрушил гордое здание будущего и на целые столетия определил судьбу народов Европы. Малые причины, великие следствия».[1] Ф. И. Успенский таже писал: «Живое сознание идеи и важности эллинских занятий, какими были проникнуты деятели итальянского Возрождения, всецело должно быть приписано посредственным и непосредственным влияниям Варлаама. Итак, за ним остается большая заслуга в истории средневековой культуры... Оставаясь на почве реальных фактов, смело можем утверждать, что он соединял в себе лучшие качества тогдашней учености».[2]

Роль Варлаама в истории Возрождения была намного скромнее, чем только что сказанное. Это был лишь учитель греческого языка, далеко не совершенный, могущий сообщить элементы грамматики и служить справочным лексиконом, «заключая в себе, — по словам Корелина, — весьма неточные сведения».[3] Поэтому наиболее правильной является оценка, сделанная А. Н. Веселовским, который писал: «Роль Варлаама в судьбе раннего итальянского гуманизма представляется внешней и случайной... Средневековый схоластик, противник платоновской философии, он мог поделиться со своими западными друзьями лишь знанием греческого языка и обрывками эрудиции, а его возвеличили в силу надежд и чаяний, в которых выразилась самостоятельная эволюция гуманизма и на которые он не был в состоянии ответить».[4]

Вторым греком, сыгравшим некоторую роль в эпоху раннего Возрождния, был умерший в шестидесятых годах XIV века ученик Варлаама, Леонтий Пилат, подобно своему учителю родом из Калабрии. Переезжая из Италии в Грецию и обратно, выдавая в Италии себя за грека из Солуни, а в Греции за итальянца и не уживаясь нигде, Леонтий Пилат пробыл три года во Флоренции

---

[1] *G. Körting.* Petrarca's Leben und Werke. Leipzig, 1878, S. 154.

[2] *Ф. И. Успенский.* Очерки по истории византийской образованности, с. 308.

[3] *М. Корелин.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. М., 1892, с. 998.

[4] *А. Н. Веселовский.* Собрание сочинений, т. 5, СПб., 1915, с. 100—101.

с Бокаччо, который учился у него греческому языку и добывал от него сведения для своей «Генеалогии богов». О Леонтии говорят в своих сочинениях как Петрарка, так и Бокаччо, рисуя оба в одинаковых чертах неуживчивый, грубый и дерзкий нрав и отталкивающую внешность этого, по словам Петрарки, «человека столь звериных нравов и странных обычаев».[1] Тот же Петрарка в одном из своих писем к Бокаччо сообщает последнему, что Леонтий, покинув его после целого ряда дерзостей по адресу Италии и итальянцев, уже с дороги прислал ему письмо, «более длинное и безобразное, чем его борода и волосы, в котором он величает до небес столь ненавистную ему Италию, а Грецию и Византию, которые прежде так превозносил, хулит и порицает; при этом просит меня вызвать его к себе, и так заклинает и страстно молит, как не молил апостол Петр Христа, повелевающего водами». Далее в этом же письме мы читаем такие строчки: «А теперь послушай и посмейся: просит он меня, между прочим, чтобы я рекомендовал его письменно Константинопольскому императору, которого я не знаю ни лично, ни по имени; но он желает того, потому и представляет себе, что (этот император) также благосклонен и милостив ко мне, как римский император; точно сходство титула отождествляет их, или потому, что греки называют Константинополь вторым Римом, осмеливаясь считать его не только равным древнему, но и превосходящим его по народонаселению и богатству».[2] Бокаччо в своей «Генеалогии богов» называет Леонтия, человека с виду страшного, с некрасивым лицом, всегда погруженным в свои мысли, неотесанным и неприветливым, но зато в греческой литературе ученейшим, неисчерпаемым архивом греческих сказаний и басен.[3] Во время совместных занятий Бокаччо с Леонтием последний сделал первый буквальный перевод Гомера. Этот перевод был настолько неудовлетворителен, что уже ближайшие по времени гуманисты считали крайне желательным заменить его новым. Ввиду того, что Леонтий, по словам Бокаччо, был обязан многими из своих познаний своему учителю Варлааму, Ф. И. Успенский за-

---

[1] *Fr. Petrarcae* Lettere sinili di Petrarca, V, 3 (ed. G. Francassetti, Firenze, 1869, I, 299); Lettere sinili... III, 6 (ed. G. Francassetti, Firenze, 1869, I, 73: è certamente una gran bestia). См. также: Lettere di Petrarca, ed. Francassetti, IV, 98; *Bocaccio*. De genealogia deorum, XV, 6 (Basileae, 1532, p. 389). См. также: *А. Н. Веселовский*. Собрание сочинений, т. 6, Петроград, 1919, с. 364.

[2] *F. Petrarcae* Lettere sinili... III, 6 (ed. G. Francassetti, I, 174—175); Lettere (ed. Francassetti, IV, 98). См. также: *А. Н. Веселовский*. Собрание сочинений, т. 6, с. 362—363.

[3] De genealogia deorum, XV, 6 (Basileae, 1532, p. 390). См. также: *А. Н. Веселовский*. Собрание сочинений, т. 6, с. 351—352.

мечает, что «значение этого последнего еще более должно вырасти в наших глазах».[1]

Во всяком случае, вполне признавая значительное влияние Леонтия Пилата на Бокаччо в смысле ознакомления его с греческим языком и литературой, мы должны сказать, что в общей истории Возрождения роль Пилата сводится к некоторому распространению в Италии знакомства с греческим языком и литературой при помощи уроков и переводов. Не забудем и того, что бессмертное значение Бокаччо зиждется не на материалах, добытых им из знакомства с греческой литературой, а совершенно на иных основаниях.

Таким образом, роль этих двух греков, которые, к тому же, были родом не из Византии, а из Южной Италии, в истории гуманистического движения сводится по преимуществу к простой передаче технических сведений по языку и литературе.

В литературе не раз отмечалось, что Варлаам и Леонтий Пилат были родом из Калабрии, то есть из Южной Италии, где греческий язык и греческая традиция продолжали жить в течение всех средних веков. Если даже не иметь в виду античной «Великой Греции» в Южной Италии, эллинские основы которой были уже давно, может быть не вполне, поглощены Римом, то уже в VI веке завоевания Юстиниана ввели в Италию вообще и в Южную Италию в частности немало греческих элементов, и завоевавшие вскоре после этого бóльшую часть Италии лангобарды сами вошли в круг греческого влияния и стали некоторым образом носителями греческой науки. Для нас особенно важно проследить вкратце эволюцию эллинизма в Южной Италии и Сицилии, греческое население которых в несколько приемов увеличивалось значительными притоками. В VI и VII веках многие греки были вынуждены покинуть свою страну под влиянием славянских вторжений в Грецию.[2] В VII веке обширная греческая эмиграция в Сицилию и Южную Италию имела место из византийских областей, захваченных и разоренных персами и арабами. В VIII веке большое число греческих монахов прибыло в Италию, спасаясь от преследования императоров-иконоборцев. Наконец в IX—X веках греческие беглецы из Сицилии, завоевываемой арабами, наводнили Южную Италию. Это был, вероятно, главный источник эллинизации византийской южной Италии, так как византийская культура последней начинает расцветать только с X века, «как будто если бы она была лишь продолжением и наследством греческой культуры

---

[1] *Ф. И. Успенский.* Очерки по истории византийской образованности, с. 308; *Joannis Bocattii* De genealogia deorum. XV, 6. Basileae, 1532, p. 390. «Leontium... ut ipse asserit, praedicti Barlaae auditorem».

[2] *P. Charanis.* On the Question of the Hellenization of Sicily and Southern Italy. — American Historical Review, vol. LII, 1946—1947, pp. 74—86.

Сицилии».[1] Таким образом, пишет А. Н. Веселовский, «образовались в Южной Италии густонаселенные греческие этнические острова, и народность, и общество, соединенные одним языком и вероисповеданием, и культурной традицией, выразителями которой были монастыри. Расцвет этой культуры обнимает период от второй половины IX до второй половины X века; но он продолжается и позже, в эпоху норманнов... Основание важнейших греческих обителей в Южной Италии относится к XII веку. Их история — это история и южно-итальянского эллинизма. У них был свой героический период, период анахоретов-пещерников, предпочитавших созерцание грамотности, и период устроенных общежитий со школами писцов, библиотеками и литературной деятельностью».[2] Греческая средневековая Южная Италия дала ряд писателей, которые посвящали свой труд не только житийной литературе, но и церковной поэзии, а также «блюли предания науки».[3] Во второй половине XIII века Роджер Бэкон писал папе об Италии, «в которой духовенство и народ были чистыми греками во многих местах».[4] Один французский хронист утверждает для своего времени, что в Калабрии и Апулии крестьяне говорили только по-гречески.[5] В XIV веке Петрарка в одном из своих писем рекомендует некоего юношу, отправлявшегося по его совету в Калабрию: он хотел было прямо поехать в Константинополь, «но, узнав, что Греция, когда-то изобиловавшая великими талантами, ныне ими обеднела, поверил моим словам...; услышав от меня, что в Калабрии в наши времена было несколько людей, ученейших в греческой литературе..., он решился направиться туда».[6] Итак, для первоначального технического ознакомления с греческим языком и с начатками греческой литературы итальянцам XIV века незачем было обращаться в Византию; у них источник для этого был рядом, в Южной Италии, которая и дала Италии Варлаама и Леонтия Пилата.

Действительное влияние Византии на Италию начинается с конца XIV века и продолжается в течение XV века, когда туда приезжают настоящие византийские гуманисты, какими являются

---

[1] *P. Battifol.* L'Abbaye de Rossano. Paris, 1891, p. IX.

[2] *А. Н. Веселовский.* Собрание сочинений, т. 5, с. 22.

[3] Там же, с. 23.

[4] «Nec multum esset pro tanta utilitate ire in Italiam, in qua clerus et populus sunt pure Graeci in multis locis». — Fr. Roger Bacon. Compendium studii philosophiae, cap. VI. — *F. R. Bacon.* Opera quaedum hactenus inedita. London, 1859, p. 434.

[5] *P. Meyer.* Les Premières compilations françaises d'histoire ancienne. — Romania, vol. XIV, 1885, p. 70, note 5. «Et par toute Calabre li païsant ne parlent se grizois non».

[6] *Fr. Petrarcae* De rebus senilibus, XI, 9. Volgarizzate de G. Francassetti, vol. II, p. 164.

Мануил Хрисолор и особенно Гемист Плифон и Виссарион Никейский.

Родившийся около половины XIV века в Константинополе Мануил Хрисолор уже у себя на родине пользовался славой выдающегося преподавателя, ритора и философа. Молодой итальянский гуманист Гуарино отправился в Константинополь со специальной целью послушать Хрисолора и, научившись у него греческому языку, приступил к изучению греческих авторов. Приехав в Италию по поручению императора с политической миссией, Хрисолор, слава которого дошла уже до Италии, был восторженно там встречен, и итальянские гуманистические центры приглашали к себе заезжего ученого. В продолжение нескольких лет он преподавал во Флорентийском университете, где его слушала целая плеяда тогдашних гуманистов. Переехав по просьбе пребывавшего тогда в Италии императора Мануила II на короткое время в Милан, он после этого был профессором в Павии. Проведя некоторое время в Византии, Хрисолор вернулся в Италию, совершил, по поручению императора, большое путешествие в Англию, Францию и, может быть, в Испанию, затем сблизился с папской курией. Будучи послан папой в Германию для переговоров о предстоящем соборе, он, когда собор состоялся в Констанце, приехал туда и там умер в 1415 г. Хрисолор, очевидно, имел главное значение благодаря своей преподавательской деятельности и умению передать слушателям свои обширные познания в греческой литературе. Оставленные им сочинения в виде богословско-церковных трактатов, греческой грамматики, некоторых переводов, например, дословного перевода Платона, и писем, не позволяют нам видеть в Хрисолоре большого литературного таланта. Но влияние его на гуманистов было громадное, и они окружают личность византийского профессора необычайными похвалами и искренним восторгом. Гуарино сравнивает его с солнцем, озарившим Италию, погруженную в глубокий мрак; он желал бы, чтобы благодарная Италия воздвигла ему на его пути триумфальные арки.[1] Его называют «князем греческого красноречия и философии».[2] К числу его учеников принадлежали самые крупные деятели нового направления. Один французский историк Возрождения, вспоминая отзывы гуманистов о Варлааме и Пилате, пишет: «Хрисолор — не тупая башка, не вшивая борода, не грубый калабриец, готовый дико хохотать над тонкими остротами Теренция; это — настоящий грек. Он — из Византии; он — благородного происхождения; он — ученый; кроме

---

[1] См.: *P. Monnier*. Le Quattrocento. Essai sur l'histoire littéraire du XVe siècle italien. vol. II. Paris, 1912, p. 6.

[2] *М. Корелин*. Ранний итальянский гуманизм и его историография, с. 1002.

греческого языка он знает и латинский язык; он — важен, мягок, религиозен и благоразумен; он как будто рожден для добродетели и для славы; он знаком с последним словом науки о высоких предметах; словом — это учитель. Это первый греческий профессор, который, возобновляя традиции, занял кафедру в Италии».[1]

Гораздо шире и глубже влияли на Италию в XV веке знаменитые представители эпохи византийского Возрождения, Гемист Плифон и Виссарион Никейский. О первом из них, как авторе идеи основания Платоновской академии во Флоренции и возродителе платоновской философии на Западе, речь была выше. Второй же из них представляет собою первостепенную величину в культурном движении того времени.

Виссарион родился в самом начале XV века в Трапезунде, где и получил первоначальное образование. Будучи отправлен для дальнейшего усовершенствования в Константинополь, он там занялся изучением греческих поэтов, ораторов и философов, а встреча с итальянским гуманистом Филельфо, слушавшим также лекции на берегах Босфора, познакомила Виссариона с гуманистическим движением в Италии и с проявившимся в то время там глубоким интересом к памятникам античной литературы и искусства. Уже монахом Виссарион после этого продолжал свои занятия в Пелопоннесе, в культурной Мистре, под руководством знаменитого Плифона. В качестве архиепископа Никеи он сопровождал императора на Ферраро-Флорентийский собор и имел сильное влияние на ход переговоров, постепенно склоняясь на сторону унии. «Я не считаю справедливым, — писал Виссарион во время собора, — разделяться с латинянами вопреки всяким разумным основаниям».[2]

Во время своего пребывания в Италии, попав в обстановку кипучей жизни Возрождения и сам по таланту и образованию не уступая итальянским гуманистам, он завязал с ними широкие сношения, а, благодаря взглядам своим на вопрос об унии, сблизился с папской курией. По возвращении в Константинополь Виссарион быстро убедился, ввиду несочувствия громадной массы греческого населения, в невозможности провести дело унии на Востоке так, как ему хотелось бы. Получив известие о назначении его кардиналом Римской церкви, чувствуя ложность своего положения на родине и уступая желанию снова попасть в Италию, в этот центр гуманизма, он покинул Византию и переселился в Италию.

---

[1] *P. Monnier*. Le Qauttrocento... vol. II, p. 4 (передача слов Гуарино) — «Quis enim praestantiorem Manuele virum, aut vidisse aut legisse meminit, qui ad virtutem ad gloriam sine ulla dubitatione natus erat?...». Та же страница книги Монье, передача слов Дечембрио. — «В том, что касается его знания литературы, он казался не человеком, но ангелом».

[2] Oratio dogmatica pro unione. — PG, vol. CLXI, col. 612.

В Риме дом Виссариона сделался центром гуманистического общения. Друзьями его были наиболее выдающиеся представители гуманизма, как например, Поджо и Валла. Последний называл Виссариона, имея в виду его превосходное знание обоих древних языков, «лучшим греком из латинян и лучшим латинянином из греков» (latinorum graecissimus, graecorum latinissimus).[1] Усердно покупая книги или заставляя их для себя переписывать, Виссарион составил у себя дома превосходную библиотеку, в состав которой вошли как произведения отцов восточной и западной церкви и вообще богословской мысли, так и сочинения гуманистической литературы. В конце жизни он подарил свое богатейшее для того времени книгохранилище городу Венеции, где оно явилось одним из главных оснований знаменитой теперь библиотеки св. Марка, (Bibliotheca Marciana), на входной двери которой до сих пор можно видеть нарисованный портрет Виссариона.

Была еще одна идея, которая сильно его занимала: это — идея крестового похода против турок. Получив известие о падении Константинополя, Виссарион сейчас же написал венецианскому дожу письмо, где указывал на угрожающую Европе со стороны турок опасность и во имя этого призывал вооружиться против них. Иных оснований Европа не была в состоянии понять.[2] Виссарион умер в 1472 г. в Равенне, откуда его тело было перевезено для торжественного погребения в Рим.

Литературная деятельность Виссариона протекала в Италии. Кроме многочисленных сочинений богословского характера, об унии, «Догматической речи», опровержения Марка Евгеника, в области полемики, экзегетики, Виссарион оставил гораздо более характерные для него, как гуманиста, переводы классических авторов, Демосфена, Ксенофонта, «Метафизику» Аристотеля. Являясь сторонником Платона, Виссарион в своем сочинении «Против клеветника Платона» (In calumniatorem Platonis) сумел удержаться в границах некоторого беспристрастия, чего нельзя было сказать о других представителях аристотелизма и платонизма. Лишь недавно был опубликован длинный энкомий (хвалебная речь) Виссариона о своем родном городе Трапезунде. Она весьма важна с исторической точки зрения.[3]

---

[1] *H. Vast.* Le Cardinal Bessarion (1403—1472). Paris, 1878 (титульный лист); *R. Rocholl.* Bessarion. Studie zur Geschichte der Renaissance. Leipzig, 1904, p. 105; *L. Mohler.* Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. Paderborn, 1923, S. 406.

[2] *А. Садов.* Виссарион Никейский. Его деятельность на Ферраро-Флорентийском соборе, богословские сочинения и значение в истории гуманизма. СПб., 1883, с. 276; *L. Mohler.* Kardinal Bessarion... S. 275—276. О библиотеке Виссариона см. с. 408—415 той же книги.

[3] Издано С. Ламбросом в следующем издании: Νέος Ἑλληνομνήμων, vol. XIII, 1916, pp. 146—194. Есть также отдельное издание.

Виссарион представлял собою «лучший, чем кто-либо другой из крупных людей его времени, пример слияния греческого гения с гением латинским, из чего и вытекает Возрождение». «Виссарион жил, — пишет его французский биограф Henri Vast, — на рубеже двух эпох. Это — грек, сделавшийся латинянином, кардинал, покровительствующий ученым, богослов-схоластик, ломающий копья в пользу платонизма, усердный почитатель древности, содействовавший более, чем кто-либо, зарождению современности. Он связан со средними веками своим идеалом, который он старается осуществить в христианском единении и крестовом походе; и вместе с тем он господствует над своим веком, он его с жаром толкает на новые пути прогресса и Возрождения».[1] Один из современников Виссариона, Михаил Апостолий, или Апостолис, делает из него, в своем увлечении личностью и талантом знаменитого современника, как бы полубога. В своей надгробной речи Виссариону он писал: «(Виссарион) был отображением божественной и истинной мудрости».[2] Многие произведения Виссариона еще не изданы. Современная нам Италия, чтя его память, издает даже католический журнал, преследующий цели соединения церквей, который носит название «Виссарион» (Bessarione).

Но Византия внесла свою лепту в историю Возрождения не только насаждением знаний греческого языка и литературы, путем уроков и лекций, не только деятельностью таких талантов, открывавших Италии новые горизонты, какими были Плифон и Виссарион. Византия дала Западу громадное число драгоценных греческих рукописей, которые содержали лучших представителей античной литературы, не говоря уже о текстах византийского времени и отцов греческой церкви.

Итальянские гуманисты, во главе с известным библиофилом Поджо, объехали Италию и Западную Европу и собрали к тридцатым годам XV века, то есть к эпохе Флорентийского собора, почти все произведения латинских классиков, какие мы теперь знаем. Со времени же появления в Италии Мануила Хрисолора, возбудившего восторженное поклонение древней Элладе, в Италии появилось определенное стремление к приобретению греческих книг, для чего необходимо было использовать византийские книжные сокровища. Возвратившись из Византии, итальянцы, которые ездили туда учиться греческой мудрости, привозили с собой и греческие книги. Первым из них был слушатель Хрисолора в Константинополе Гуарино, который привез в Италию несколько книг. Но, чем Поджо был для собирания памятников римской литературы, тем для греческой сделался Джованни Ауриспа, который, отправившись в Ви-

---

[1] *H. Vast*. Le Cardinal Bessarion... pp. IX; XI.
[2] Laudatio funebris Bessarionis. — PG, vol. CLXI, col. 140.

зантию, привез из Константинополя, Пелопоннеса и островов Архипелага не менее 238 томов, то есть, другими словами, целую библиотеку, которая включала в себя произведения лучших классических писателей.

По мере того, как условия жизни в Византии становились тяжелее и опаснее в связи с турецкими завоеваниями, греки, усиленно переселяясь на Запад, привозили с собой и памятники своей литературы. Подобное накопление в Италии сокровищ классического мира, совершившееся благодаря Византии, создало на Западе исключительно благоприятные условия для ознакомления с далеким прошлым Эллады и сокровищами ее вечной культуры. Передавая их на Запад и спасая тем от турецкого разгрома, Византия сделала великое просветительное дело для грядущих судеб человечества.

От научного редактора

На последних страницах своего сочинения А. А. Васильев затронул, но не дал все же ясного ответа на один очень важный вопрос: в чем сходства и различия Возрождения в Византии при Палеологах и в Италии. С этой проблемой связан и еще один вопрос общего плана, так или иначе затрагиваемый А. А. Васильевым, но не формулируемый четко: в чем причина того, что все деятели палеологовского Возрождения — при всей своей незаурядности — остались яркими фигурами национальной культуры Греции, тогда как деятельность итальянских гуманистов очень быстро приобрела интернациональное, мировое значение в истории культуры.

Несколько слов по поводу указанных выше проблем, на которые у А. А. Васильева нет полного ответа. Итальянский гуманизм можно определить как выражение взглядов новых общественных сил, складывающегося класса буржуазии. Византия же оставалась старой феодальной. Все знаменитые деятели итальянского гуманизма потому и стали фигурами международного значения в истории культуры, что смогли уловить, сформулировать и выразить такой взгляд на мир, который быстро нашел отклик у их современников и ближайших за ними поколений. Византийские гуманисты потому и остались яркими фигурами, но национального масштаба, что в условиях своей страны они не могли быть услышаны, поняты и оценены в обществе так, как их итальянские современники.

«В то время как итальянский гуманизм из кабинетов перешел в социальную реальность как сила творческая и созидательная,

византийский гуманизм практиковался в пределах замкнутого круга ученых. И если итальянские гуманисты осознавали себя основателями нового мира, то большинство византийцев — продолжателями и наследниками. Ведь недаром эпитет „второй“ (о Метохите — второй Нестор или Гермес, второй Птолемей, перевоплощение Платона; о Плифоне — второй Платон и т. д.) уже перестает быть просто риторическим украшением и превращается в феномен идейной, нравственной, человеческой жизни, в ощущение того, что первыми они быть уже не могли, да и не хотели, все уже было, все уже сказано, осталось только подражать» (*И. П. Медведев.* Византийский гуманизм XIV—XV вв. Издательство «Алетейя», СПб., 1997, с. 213—214).

Рассуждения А. А. Васильева о всемирно-историческом значении Византии и византийской цивилизации ограничились одним абзацем и фактически одной мыслью — Византия передала на Запад достижения античной культуры. Между тем, здесь и можно, и нужно говорить о большем. Соседние с Византией страны образовывали так называемый византийский культурный круг — эти государства испытали на себе существенное влияние византийской культуры и политической идеологии. В некоторых случаях эти государства (например, Болгария, Армения) какое-то время даже входили в состав Византии. Вот почему — именно благодаря преемственности в соседних странах — особое значение приобретают все формы византийской культуры и политической идеологии.*

Особо также хотелось бы подчеркнуть, что до 1204 г. уровень развития культуры, науки и образования в Византии значительно превосходил западноевропейский.

---

* См. подробно — *З. В. Удальцова.* Своеобразие общественного развития Византийской империи. Место Византии во всемирной истории. — В кн.: История Византии, т. 3, М., 1967, с. 303—341.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Византийские императоры

Константин Великий (единоличное правление) — 324–337
Константин — 337–340
Констант — 337–350
Констанций — 337–361
Юлиан Отступник — 361–363
Иовиан — 363–364
Валент — 364–378
Феодосий Великий — 379–395
Аркадий — 395–408
Феодосий II Младший — 408–450
Маркиан — 450–457
Лев I — 457–474
Лев II — 474
Зенон — 474–491
Анастасий I — 491–518
Юстин I — 518–527
Юстиниан I Великий — 527–565
Юстин II — 565–578
Тиверий — 578–582
Фока — 602–610
Ираклий — 610–641
Константин II — 641
Ираклон — 641
Константин III (Констант II) — 641–688
Константин IV — 668–685
Юстиниан II — 685–695
Леонтий — 695–698
Тиверий III (II) * (Апсимар) — 698–705
Юстиниан II (вторично) — 705–711

---

* Возможна разница в «нумерации» в связи с тем, считать или не считать в данном случае преемника Августа императора Тиберия (14—37) первым императором, обладающим этим именем. Кроме того, разница в «нумерации» возможна в связи с тем, считать или не считать императора Тиберия (578—582) вторым или первым обладателем этого имени.

Филиппик Вардан — 711–713
Анастасий II (Артемий) — 713–715
Феодосий III — 715–717
Лев III — 717–741
Константин V Копроним — 741–775
Лев IV Хазар — 775–780
Константин VI — 780–797
Ирина — 797–802
Никифор I — 802–811
Ставракий — 811
Михаил I Рангаве — 811–813
Лев V Армянин — 813–820
Михаил II — 820–829
Феофил — 829–842
Михаил III — 842–867
Василий I — 867–886
Лев VI Философ — 886–912
Александр — 912–913
Константин VIII Багрянородный — 913–959 *
Роман I Лакапин (соправитель Константина VII) — 919–944
Стефан и Константин, сыновья Романа Лакапина — дек. 944–янв. 945
Роман II — 959–963
Никифор II Фока — 963–969
Иоанн I Цимисхий — 969–976
Василий II Болгаробойца — 976–1025
Константин VIII — 1025–1028
Роман III Аргир — 1028–1034
Михаил IV Пафлагонец — 1034–1041
Михаил V Калафат — 1041–1042
Феодора и Зоя — 1042
Константин IX Мономах — 1042–1055
Феодора — 1055–1056
Михаил VI Стратиотик — 1056–1057
Исаак I Комнин — 1057–1059
Константин X Дука — 1059–1067
Роман IV Диоген — 1067–1071
Михаил VII Дука Парапинак — 1071–1078
Никифор III Вотаниат — 1078–1081
Алексей I Комнин — 1081–1118
Иоанн II — 1118–1143
Мануил I — 1143–1180
Алексей II — 1180–1183

---

* До 944 г. — император номинально.

Андроник I — 1182–1185
Исаак II Ангел — 1185–1195
Алексей III — 1195–1203
Исаак II (вторично) и Алексей IV — 1203–1204
Алексей V Дука Мурзуфл — 1204
Феодор I Ласкарь — 1204–1222
Иоанн III Дука Ватац — 1222–1254
Феодор II Ласкарь — 1254–1258
Иоанн IV — 1258–1261
Михаил VIII Палеолог — 1261–1282
Андроник II — 1282–1328
Михаил IX — 1295–1320
Андроник III — 1328–1341
Иоанн V — 1341–1391
Иоанн VI Кантакузин — 1341–1354
Андроник IV — 1376–1379
Иоанн VII — 1390
Мануил II — 1391–1425
Иоанн VIII — 1425–1448
Константин XI — 1449–1453

Императоры Латинской империи и правители мелких независимых государств, существовавших на территории Византии после 1204 г.

а) *Латинская империя*

Балдуин I Фландрский — 1204–1205
Генрих Фландрский — 1206–1216
Пьер де Куртене — 1217
Иоланта — 1217–1219
Роберт де Куртене — 1219–1228
Балдуин II — 1228–1261
Жан ден Бриен — 1231–1237

б) *Никейская империя*

Феодор I — 1204–1222
Иоанн III Ватац — 1222–1254
Феодор II — 1254–1258
Иоанн IV — 1258–1261

в) *Эпирское царство*

Михаил I — 1204–1215
Феодор — 1215–1224 (в 1224 г. последний захватил Фессалонику и был коронован императором)

г) *Фессалоникийские правители*

Феодор — 1224–1230

Мануил — 1230–1237
Иоанн — 1237–1244
Димитрий — 1244–1246 (в 1246 г. Фессалоника подчинена Иоанном III Ватацем)

д) *Эпирские правители*

Михаил II — 1231–1268
Никифор I — до 1268–1296
Фома — 1296–1318 (при нем регентшей примерно до 1313 г. — Анна Палеологиня-Кантакузина)
Николай Орсини — 1318–1323
Иоанн Орсини — 1323–1335
Никифор II — 1335–1340 (при нем регентшей была Анна Палеологиня)
1340 — Эпир завоеван Андроником III Палеологом
1348 — Эпир завоеван сербским королем Стефаном Душаном

е) *Фессалийские правители*

Севастократор Иоанн I — 1271–1296
Константин — 1296–1303
Иоанн II — 1303–1318
1318 — Фессалийское государство распалось
1348 — Фессалия завоевана сербским королем Стефаном Душаном

ж) *Морейский деспотат*

Мануил Кантакузин, сын Иоанна VI — 1348–1380
Матфей Кантакузин, сын Иоанна VI — 1380–1383
Димитрий Кантакузин, сын Матфея — 1383
Феодор I Палеолог, сын Иоанна V — 1383–1407
Феодор II Палеолог, сын Мануила II — 1407–1428
Он же с братьями Константином и Фомой — 1428–1443
Константин и Фома — 1443–1449
(с 1449 г. Константин — последний византийский император Константин XI)
Фома с братом Димитрием — 1449–1460

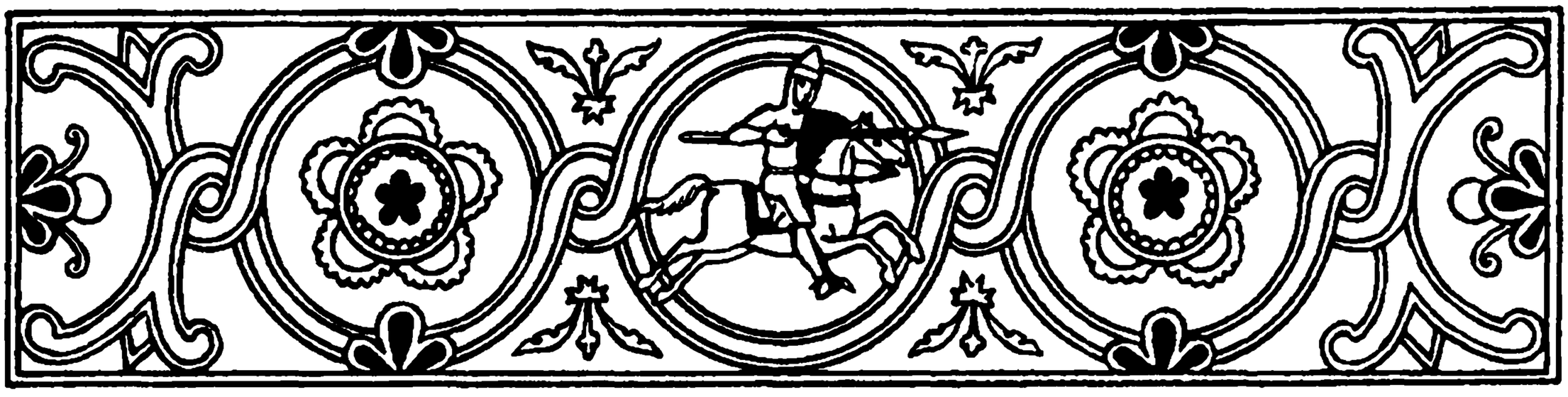
Патриархи Константинопольские за период 381—1453 гг.

Нектарий — 381–397
Иоанн I Хрисостом — 398–404
Арасий — 404–405
Аттик — 406–425
Сисинний I — 426–427
Несторий — 428–431
Максимиан — 431–434

Прокл — 434–446
Флавиан — 446–449
Анатолий — 449–458
Геннадий I — 458–471
Акакий — 472–489
Фравита — 489–490
Евфимий — 490–496
Македоний I — 496–511
Тимофей I — 511–518
Иоанн II Каппадокийский — 518–520
Епифаний — 520–535
Анфим I — 535–536
Мена — 536–552
Евтихий — 552–565
Иоанн III Схоластик — 565–577
Евтихий (вторично) — 577–582
Иоанн IV — 582–595
Кириак — 595–606
Фома I — 607–610
Сергий I — 610–638
Пирр — 638–641
Павел II — 641–653
Пирр (вторично) — 654
Петр — 654–666
Фома II — 667–669
Иоанн V — 669–675
Константин I — 675–677
Феодор I — 677–679
Георгий I — 679–686
Феодор I (вторично) — 686–687
Павел III — 688–694
Каллиник I — 694–706
Кир — 706–712
Иоанн VI — 712–715
Герман I — 715–730
Анастасий — 730–754
Константин II — 754–766
Никита I — 766–780
Павел IV — 780–784
Тарасий — 784–806
Никифор I — 806–815
Феодор Мелиссии Касситера — 815–821
Антоний I Кассимат — 821–837
Иоанн VII Грамматик — 837–841
Мефодий I — 843–847

Игнатий — 847–858
Фотий — 858–867
Игнатий (вторично) — 867–877
Фотий (вторично) — 877–886
Стефан I — 886–893
Антоний II Кавлеа — 893–901
Николай I Мистик — 901–907
Евфимий I — 907–912
Николай I Мистик (вторично) — 912–925
Стефан II — 925–927
Трифон — 927–931
Феофилакт — 933–956
Полиевкт — 956–970
Василий I Скамандрин — 970–974
Антоний III Студит — 974–979
Николай III Хрисоверт — 979–991
991–996 — патриархов не было
Сисинний II — 996–998
Сергий II — 1001–1019
Евстафий — 1019–1025
Алексей Студит — 1025–1043
Михаил I Кируларий — 1043–1058
Константин III Лихуд — 1059–1063
Иоанн VIII Ксифилин — 1064–1975
Косма I — 1075–1081
Евстратий Гарида — 1081–1084
Николай III Кирдиниат Грамматик — 1084–1111
Иоанн IX Агапет — 1111–1134
Лев Стип — 1134–1143
Михаил II Куркуас — 1143–1146
Косма II Аттик — 1146–1147
Николай IV Музалон — 1147–1151
Феодот II — 1151–1154
(Неофит I — 1153–1154)
Константин IV Хлиарин — 1154–1157
Лука Хрисоверг — 1157–1170
Михаил III Анхиальский — 1170–1178
Харитон Евгениот — 1178–1179
Феодосий Ворадиот — 1179–1183
Василий II Каматир — 1183–1186
Никита II Мунтан — 1186–1189
Досифей Иерусалимский — 1189
Леонтий Феотокрит — 1189
Досифей Иерусалимский (вторично) — 1189–1191
Георгий II Ксифилин — 1191–1198

Иоанн X Каматир — 1198–1206
Михаил IV Авториан — 1208–1214
Феодор II Ириник — 1214–1216
Максимин II — 1216
Мануил I Сарантин — 1217–1222
Герман II — 1222–1240
Мефодий — 1240
Мануил II — 1244–1254
Арсений Авториан — 1255–1259
Никифор II — 1260
Арсений Авториан (вторично) — 1261–1264
Герман III — 1265–1266
Иосиф I — 1266–1275
Иоанн XI Векк — 1275–1282
Иосиф I (вторично) — 1282–1283
Григорий III (Георгий Кипрский) — 1283–1289
Афанасий I — 1289–1293
Иоанн XII Косма — 1294–1303
Афанасий I (вторично) — 1303–1309
Нифон I — 1310–1314
Иоанн XIII Глика — 1315–1319
Герасим I — 1320–1321
Исайя — 1323–1332
Иоанн XIV Калека — 1334–1347
Исидор I — 1347–1350
Каллист I — 1350–1353
Филофей Коккин — 1353–1354
Каллист I (вторично) — 1353–1363
Филофей Коккин (вторично) — 1364–1376
Макарий — 1376–1379
Нил — 1379–1388
Антоний IV — 1389–1390
Макарий (вторично) — 1390–1391
Антоний IV (вторично) — 1391–1397
Каллист II Ксанфопул — 1397
Матфей I — 1397–1410
Евфимий — 1410–1416
Иосиф II — 1416–1439
Митрофан II — 1440–1443
Григорий III Мамм — 1443–1450
Афанасий II — 1450
Геннадий II Схоларий — 1454–1456



ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ ВИЗАНТИЙСКИХ ДИНАСТИЙ

Династия Константина 324–363

Констанций Хлор

Константин Великий 324–337 — **Юлий Констанций**

Константин 337–340 · **Констанций 337–361** · **Констант 337–350** · **Елена=Юлиан 361–363** · **Галл –354**

Вне династий

Иовиан 363–364
Валент 364–378

Династия Феодосия 379–457

Феодосий I 379–395

Евдоксия=Аркадий 395–408 — **Гонорий 395–423**

Маркиан=Пульхерия 450–457 –453 — **Феодосий II=Евдокия 408–450 (Афинаида)**

Династия Льва 457–518

Лев I
457–474

Зенон=Ариадна=Анастасий I
474–491 491–518

Лев II
474

Династия Юстиниана 518–602

Евфимия=Юстин I
518–527

Вигиллянция=Савватий

Дульциссим=Вигиллянция

Юстиниан I=Феодора
527–565 527–548

Юстин II=София
565–578

Тиверий (приемный)
578–582

Константина=Маврикий
582–602

Вне династий

Фока 602–610

Династия Ираклия 610–711

Ираклий
610–641

Константин II
641

Константин III (Констант II)
641–668

Ираклон (Ираклеон)
641

Константин IV Погонат
668–685

Юстиниан II Ринотмет
685–695; 705–711

Вне династий

Леонтий — 696–698
Тиверий — 698–705

Филиппик Вардан — 711–713
Анастасий II — 713–716
Феодосий III — 716–717.

Исаврийская, или Сирийская, династия 717–802

Лев III
717–741

Артавазд=Анна

Константин V
741–775

Ирина=Лев IV Хазар
797–802 775–780

Константин VI
780–797

Вне династий

Никифор I
802–811

Михаил I=Прокопия
811–813

Ставракий
811

Аморийская, или Фригийская, династия 820–867

Михаил II
820–829
|
Феофил=Феодора
829–842
|
Михаил III
842–867

Македонская династия 867–1056

Василий I
867–886

Лев VI
886–912

Александр
886(912)–913

Роман I Лакапин
919–944

Константин VII=Елена
913–959

Стефан
944–945

Константин
944–945

Роман II=Феофано=Никифор II Фока 963–969
959–963

Феодора=Иоанн Цимисхий
969–976

Феофано=Оттон II (герм.)

Оттон III (герм.)

Василий II Болгаробойца
976–1025

Анна=Владимир кн. киевский

Константин VIII
976(1025)–1028

Зоя=Константин IX Мономах
1042 1042–1055

Феодора
1042 и 1055–1056

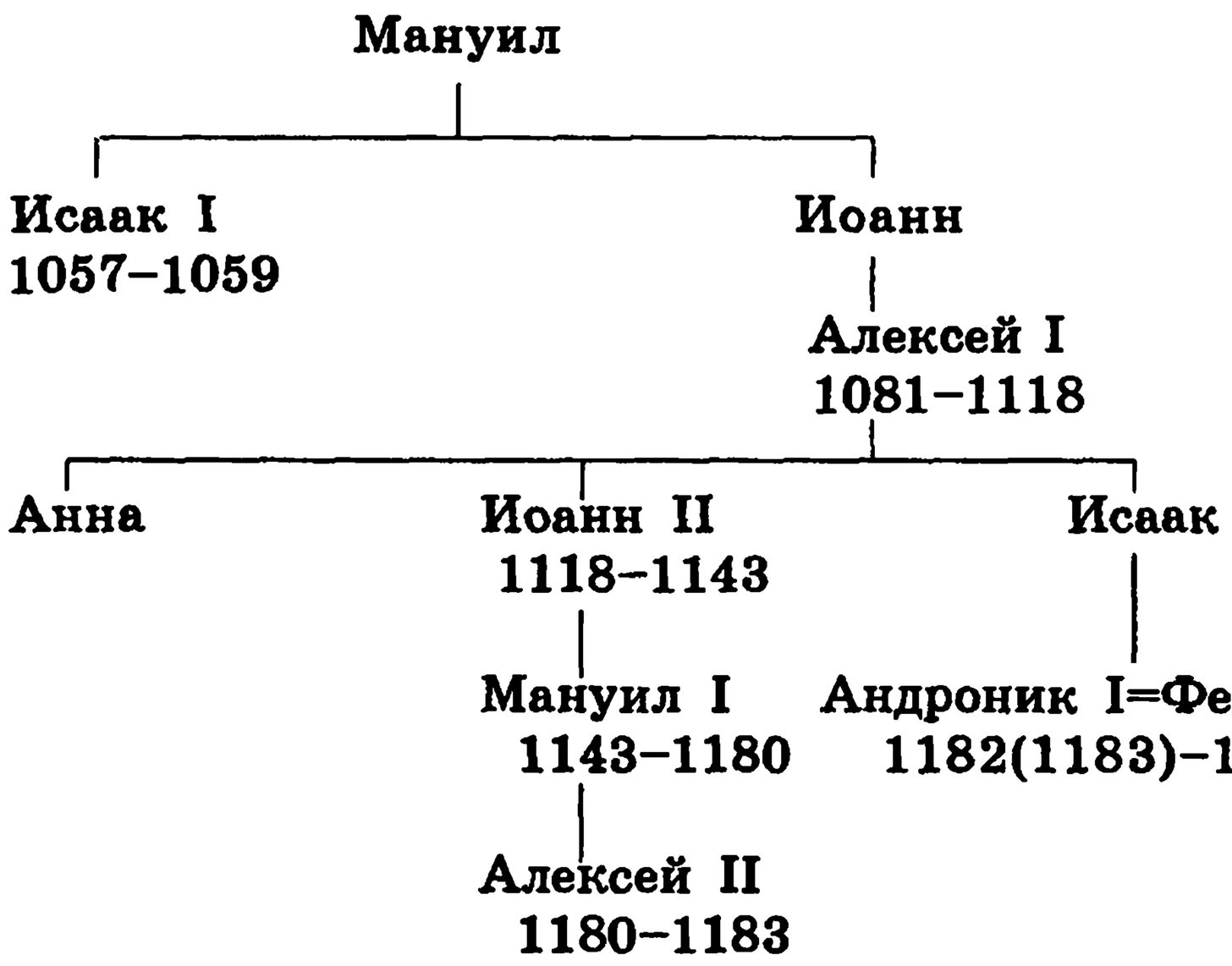
Первым и вторым мужем Зои соответственно были —
император Роман III Аргир (1028–1034);
император Михаил IV Пафлагонец (1034–1041)

Династия Дук 1059–1081

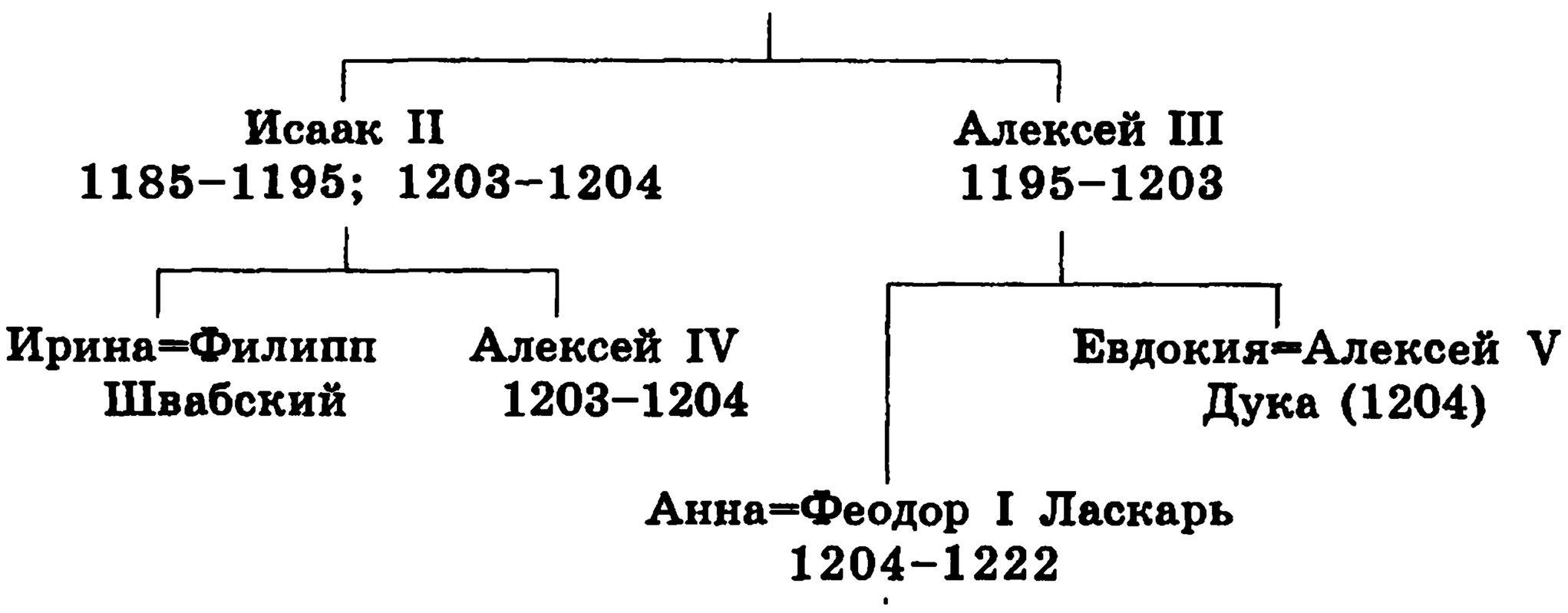
Константин X=Евдокия Макремволитисса=Роман IV Диоген
1059–1067 1067–1071

Михаил VII Парапинак=Мария=Никифор III Вотаниат
1071–1078 1078–1081

Династия Комнинов 1081–1185



Династия Ангелов и Ласкаридов (1185–1204; 1204–1261)



Ирина=Иоанн III Дука Ватац
1222–1254

Феодор II
1254–1258

Иоанн IV
1258–1261

Династия Палеологов 1261–1453

Михаил VIII
1261–1282

Анна Венгерская=Андроник II=Ирина Монферратская
1282–1328

Михаил IX=Ксения—Мария
1295–1320

Андроник III=Анна Савойская
1328–1341

Иоанн VI Кантакузин
1341–1354

Елена=Иоанн V
1341–1391

Андроник IV
1376–1379

Иоанн VII
1390

МануилII=Елена
1391–1425

Иоанн VIII
1425–1448

Константин XI
1449–1453

Димитрий

Фома

Константин
Драгаш
Македонский

Андрей

Зоя-София=Иван III

БИБЛИОГРАФИЯ [1]

Работы российских исследователей. Переводные издания. Работы болгарских исследователей

Acta 42 martyrum Amoriensium. Ediderunt V. G. Vasilievsky, P. Nikitin. — Записки Императорской Академии Наук, 8-ая серия, Т. VII, 2, СПб., 1905.

---

[1] Использование А. А. Васильевым иных, по сравнению с Россией, стандартов библиографического описания работ, а также известная неаккуратность Александра Александровича заставляют редактора сказать здесь несколько слов об особенностях обработки библиографии А. А. Васильева. Названия всех русских и абсолютного большинства болгарских работ переведены А. А. Васильевым на английский. В соответствии с принятыми в России правилами, в данном издании восстановлены исконные названия русских и болгарских работ. Они вынесены вперед в особый подраздел библиографии. (У А. А. Васильева деления на подразделы нет.) В этот раздел включены также переводы на русский язык работ иностранных исследователей, переводы на русский язык источников, а также публикации российских исследователей на иностранных языках в России. Редактор счёл необходимым выделить в особый подраздел библиографии работы греческих исследователей на греческом языке. Что касается самого большого по объёму подраздела библиографии — «Исследования на западноевропейских языках», — то здесь хотелось бы отметить следующее. А. А. Васильев непоследователен в описании статей. Иногда он указывает полностью страницы статьи в составе того или иного периодического издания, иногда он указывает лишь использованные страницы статьи, иногда же он не указывает страниц вовсе. Если для абсолютного большинства статей российских исследователей найти страницы — когда они не были указаны А. А. Васильевым — труда не составляло, то с библиографией на западноевропейских языках ситуация иная. Достаточно часто А. А. Васильев использовал недоступные, редкие издания. Поэтому пропуск страниц в библиографических описаниях статей иностранных авторов означает отсутствие возможности у научного редактора данного издания непосредственно подержать их в руках. Представляется важным отметить здесь

Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908.

Айналов. Д. В. Византийская живопись четырнадцатого века. (Записки классического отделения Русского Археологического общества). Петроград, 1917.

Алпатов М., Брунов И. Краткий отчет о путешествии на Восток. — Византийский Временник, Т. 24, 1923–1926, С. 57–62.

Андрееев И. Герман и Тарасий, патриархи Константинопольские: их жизнь и деятельность в связи с ходом иконоборческих смут. Сергиев Посад, 1907.

Андреева М. А. Очерки по культуре византийского двора в тринадцатом веке. Прага, 1927. (*Хорошая работа.*)[2]

Андреева М. А. Прием татарских послов при никейском дворе. — Recueil d'études dédiées a mémoire de N. P. Kondakov. Prague, 1926, P. 187–200.

Аникиев П. О проблеме православно-христианского мистицизма. — Православное Русское Слово, № 13, авг. 1903, С. 200–217.

Анна Комнина. Алексиада. (Перевод с греческого Я. Н. Любарского). Изд-во «Алетейя». СПб., 1996.

Антиох Стратиг. Взятие Иерусалима персами в 614 г. Перевод с грузинского Н. Я. Марра. СПб., 1909.

Барвинок В. Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911.

Барский В. Г. Путешествие В. Г. Барского по Святым Местам Востока с 1723 по 1747 гг. Издал Н. Барсуков. СПб., 1885.

Бартольд В. В. Карл Великий и Гарун ар-Рашид. — Христианский Восток, Т. 1, 1912, С. 69–94.

Бартольд В. В. Ориентация первых мусульманских мечетей. — Ежегодник русского института истории искусств , Т. 1, 1922, С. 116.

следующие моменты общего плана. Не все работы, приведённые у А. А. Васильева в примечаниях к основному тексту, были затем перенесены им в сводную библиографию. В данном издании такие работы в сводную библиографию не переносились. Вместе с тем, не на все работы, имеющиеся в сводной библиографии, есть ссылки в примечаниях к основному тексту. Ссылки на работы, приведенные в примечаниях от редактора, в библиографию не вносились. В библиографию включено лишь незначительное количество работ, изданных после смерти А. А. Васильева. Сделано это только в тех случаях, когда иное выглядело бы нежелательным. Так, А. А. Васильев использует в английских переводах А. И. Герцена, П. А. Чаадаева, Ш. Монтескье, Г. Гегеля. Во всех этих случаях ссылки заменены на современные русские издания. В современных русских переводах цитируются также некоторые византийские авторы. (*Прим. ред.*)

[2] Подобные стоящие в скобках пометки, характеризующие ту или иную работу, принадлежат А. А. Васильеву. (*Прим. ред.*)

Бартольд В. В. Рецензия на книгу А. А. Васильева «Лекции по истории Византии». — Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее Российской Академии Наук, Т. 1, Л., 1925, С. 461–481.

Безобразов П. В. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. Москва, 1890.

Безобразов П. В. Императрица Зоя. — Исторические статьи П. В. Безобразова. Вып. 1, М., 1893, С. 225–251.

Безобразов П. В. Ремесло и торговые корпорации. — Приложение к книге Г. Герцберга «История Византии». Перевод П. В. Безобразова. М., 1896.

Безобразов П. В. Рецензия. — ВВ, т. XVIII, 1911, С. 33–36.

Бицилли П. М. Новгородская летопись о IV Крестовом походе. — Исторические известия, 1916, № 3–4, С. 55.

Бобчев М. С. История на старобългарското право. София, 1910.

Бокаччьо Дж. Декамерон. Перевод А. Н. Веселовского. Т. I, М., 1891.

Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Т. III, СПб., 1913.

Бриллиантов А. И. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. СПб., 1898. (*Прекрасная работа, в которой анализируемый период рассматривается на базе источников и научной литературы, вплоть до 1913 г.*)

Бриллиантов А. И. Император Константин Великий и Миланский эдикт, 313 г. Пг., 1916.

Брянцев Д. Иоанн Итал. — Вера и разум, Т. 2, Ч. 1, СПб., 1904, С. 328.

Бубнов Н. Сборник писем Герберта как исторический источник. Т. II, СПб., 1890.

Вальденберг В. Е. Речь Юстина II к Тиверию. — Известия АН СССР, 1928 № 2, С. 129.

Вальденберг В. Е. Философские идеи Михаила Пселла. — Византийский Сборник, М.-Л., 1945, С. 249–255.

Монах Василий — см. Кривошеин.

Васильев А. А. Вопрос о славянском происхождении Юстиниана. — ВВ, Т. 1, 1894, С. 469–492.

Васильев А. А. Славяне в Греции. — ВВ, Т. 5, 1898, С. 404–438; 626–670.

Васильев А. А. Византия и арабы. Т. 1, Спб., 1900.

Васильев А. А. Время жизни Романа Сладкопевца. — ВВ, Т. 12, 1906, С. 435–478.

Васильев А. А. Византия и арабы. Т. 2. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902.

Васильев А. А. Происхождение императора Василия Македонянина. — ВВ, Т. 12, 1906, С. 148–165.

Васильев А. А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399–1403). — ЖМНП, Н. С. Т. 39, 1912, С. 41–78; 260–304.

Васильев А. А. Карл Великий и Гарун ар-Рашид. — ВВ, Т. XX, 1913, С.63–116.

Васильев А. А. Передача Андреем Палеологом прав на Византию французскому королю Карлу VIII. — Сборник в честь Н. И. Кареева. СПб., 1914, С. 273–278.

Васильев А. А. Лекции по истории Византии. Т. 1. Время до крестовых походов (до 1081 года). Петроград, 1917.

Васильев А. А. История Византии. Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081–1185) и Ангелов (1185–1204). Пг., 1923.

Васильев А. А. История Византии. Латинское владычество на Востоке. Пг., 1923.

Васильев А. А. История Византии. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261–1453). Л., 1925.

Васильевский В. Г. Византия и печенеги (1048–1094). — ЖМНП, Т. 164, 1872, С. 116–332. Перепечатано в Трудах, Т. 1, Спб., 1908., С. 1–175. (*Блистательно.*)

Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. — ЖМНП, Т. 176, 1874, С. 105–144; Т. 177, 1875, С. 349–451; Т. 178, 1875, С. 76–152. Перепечатано в Трудах, Т. 1, СПб., 1908, С. 176–377.

Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки. II. — ЖМНП, Т. 184, 1876, С.162–178. Перепечатано в Трудах Т. 2. СПб., 1909, С. 107–124.

Васильевский В. Г. Союз двух империй. — Славянский Сборник, Т. 2, 1877, С. 210–290. Перепечатано в Трудах, Т. 4, Л., 1930., С.18–105.

Васильевский В. Г. Южно-итальянская война (1156–1157). — Славянский Сборник, Т. 3, 1876, С. 372–40. Перепечатано в Трудах Т. 4, Л., 1930, С. 106–138.

Васильевский В. Г. Законодательство иконоборцев. — ЖМНП, Т. 199, 1878, С. 258–309; Т. 200, 1878, С. 95–129. Перепечатано в Трудах Т. 4, Л., 1930, С. 139–235.

Васильевский В. Г. Материалы для внутренней истории Византийского государства. — ЖМНП, Т. 202, 1879, С. 160–232. Перепечатано в Трудах, Т. 4, Л., 1930, С. 250–331. (*Русский перевод Новелл X века с весьма важным комментарием.*)

Васильевский В. Г. Рецензия на сочинение Ф. И. Успенского «Образование Второго Болгарского царства». — ЖМНП, Т. 204, 1879, С. 144–217; 318–348.

Васильевский В. Г. О жизни и творениях Симеона Метафраста. — ЖМНП, Т. 212, 1880, С. 379–437.

Васильевский В. Г. Обновление болгарского патриаршества при царе Иоанне Асене II. — ЖМНП, Т. 238, 1885, С. 1–56; 206–238.

Васильевский В. Г. Николая еп. Мефонского и Феодора Продрома житие Мелетия Нового с предисловием и русским переводом. — ППС, Вып. 17, 1886.

Васильевский В. Г. Обзор работ по византийской истории. Спб., 1890.

Васильевский В. Г. Василия Охридского неизданное Надгробное Слово. — ВВ, Т. 1, 1894, С. 92.

Васильевский В. Г. Хроника Логофета на славянском и греческом. — ВВ, Т. 2, 1895, С. 78–151.

Васильевский. В. Г. Epirotica saeculi XIII. — ВВ, Т. 3, 1896, С. 233–299.

Васильевский В. Г. Труды В. Г. Васильевского. Т. 1, СПб., 1908; Т. 2, Вып. 1, СПб., 1909; Т. 2, Вып. 2, СПб., 1912; Т. 3, Пг., 1915; Т. 4, Л., 1930.

Вернадский Г. В. Заметки о крестьянской общине в Византии. — Ученые Записки основания русской учебной коллегии в Праге, Т. I, (2), 1924, С. 81–97.

Вернадский Г. В. Золотая Орда, Египет и Византия и их взаимоотношения в царствование Михаила Палеолога. — Annales de l'Institut Kondakov, Vol. I, 1927, P. 73–84.

Веселовский А. Н. Поэма о Дигенисе. — Вестник Европы, 1875, С. 753.

Веселовский А. Н. Бокаччьо, его среда и современники. — Собр. соч., Т. 5, Пг., 1915, С. 448, 451. Сборник Отдела Русского Языка и Словесности Академии Наук, Т. 53, 1893, С. 444, 447.

Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя. Перевод, статья и комментарии М. А. Заборова. М., 1993.

Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. — ЖМНП, Т. 207, 1880, С. 137.

Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. Перевод А. М. Водена. СПб., 1993.

Герцен А. И. Былое и думы. Части 6–8. М., 1982.

Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. М., 1901. (*Прекрасная работа о ранних связях между Византией и Русью.*)

Грановский Т. Н. Рецензия на сочинение П. Медовикова. Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще. М., 1849. — Современник, май 1850 г.; Собрание сочинений. М., 1900. (4-ое издание).

Гроссу Н. Преподобный Феодор Студит. Его время, жизнь и творения. Киев, 1907.

Гроссу Н. Отношение византийских императоров Иоанна II и Мануила Комнинов к вопросу об унии с Западом. Киев, 1912. (Известия Киевской Духовной Академии, 1912.)

Гроссу Н. Церковно-религиозная деятельность византийского императора Алексея I Комнина (1081–1118). Киев, 1912. (Известия Киевской Духовной Академии, 1912.)

Гроссу Н. Миланский эдикт. — Известия Киевской Духовной Академии, 1913. Киев, 1913, С. 29–30.

Грот К. Известия Константина Порфирородного о сербах и хорватах и их поселении на Балканском полуострове. Спб., 1880.

Грот К. Моравия и мадьяры с девятого до начала десятого века. Спб., 1881.

Грот К. Из истории Угрии и славянства в XII веке. Варшава, 1889.

Даниил. Житие и хождение Даниила игумена земли русской. — ППС, Вып. 3, СПб., 1885.

Дестунис Г. Опыт биографии Георгия Франдзия. — ЖМНП, Т. 288, 1893, С. 427–497.

Диль Ш. Византийские портреты. М., 1914.

Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 1. Киев, 1895.

Добиаш-Рождественская О. А. Эпоха крестовых походов: Запад в крестоносном движении. Пг., 1918.

Доброклонский А. Преподобный Феодор, исповедник и игумен студийский. I часть. Его эпоха, жизнь и деятельность. Одесса, 1913; II часть. Его творения. Вып. I, Одесса, 1914.

Дринов М. С. Славянская оккупация Балканского полуострова. М., 1873.

Дринов М. С. Южные славяне и Византия в десятом веке. М., 1875.

Дринов М. С. О некоторых трудах Димитрия Хоматиана как историческом материале. — ВВ, Т. 2, 1895, С. 3.

Дьяконов А. П. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908.

Дьяконов А. П. Византийские димы и факции (τὰ μέρη). — Византийский Сборник, М-Л., 1945, С. 144–227.

Епифанович С. Святой Максим Исповедник и византийское богословие. Киев, 1915.

Ертов И. История Восточно-римской, или Константинопольской, империи, выбранная из всеобщей истории. СПб., 1837.

Зернин А. Жизнь и литературные произведения императора Константина Порфирородного. Харьков, 1858.

Златарски В. Н. Писмата на Цариградския патриархъ Николай Мистикъ до българския царь Симеон. — Сборник на Министерство Нороднаго Просвещения, Т. X, 1894, С. 372–428; Т. XI, 1894, С. 3–54; Т. XII, 1895, С. 121–211.

Златарски В. Н. Известия за българите въ хрониката на Симеона Метафраста и Логотета. — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. кн. 24, 1908.

Златарски В. Н. Гръцко-български съюзъ презъ 1204/1205. — Годишник на Софийския Университет, VIII–IX, 1911–1913, С. 1–84.

Златарский В. Н. Болгарская хронология. — Известия отдела русского языка и словесности Академии Наук, Т. XVII, 2, 1912, С. 28–59.

Златарски В. Н. Иванъ Асен II. — Българска Историческа Библиотека, Т. 3, 1933, С. 1–55.

Златарски В. Н. Потеклото на Петра и Асеня на воданите на възстанието въ 1185 год. — Списание на Българската Академия на науките, Кн. 45, 1933, С. 8–48.

Златарски В. Н. (изд.) М. С. Дринов Съчинения. София, 1909.

Златарски В. Н. История на Българската държава презъ средните векове. Т. 1, София, 1918; Т. 2, София, 1934.

Иванов Й. Произходътъ на царь Самуиловия родъ. — Сборник на В. Н. Златарски. София, 1925, С. 55–62.

Ильинский Г. Грамота царя Иоанна Асеня II. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, Т. 7, 1901, С. 27.

Иностранцев К. Хунну и гунны. Анализ теорий происхождения народа хунну китайских летописей, происхождения европейских гуннов и взаимоотношений этих двух народов. Л., 1926.

Иричек К. История Болгар. Одесса, 1878.

Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в своем древнеславянском переводе. Т. 1–3, Петроград—Ленинград, 1920–1930.

Кареев Н. И. Поместье-государство и сословная монархия средних веков. СПб., 1913.

Кассо Л. А. Византийское право в Бессарабии. М., 1907.

архимандрит Киприан. Антропология Св. Григория Паламы. Париж, 1951.

Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. I. Курс русской истории. Часть I. М., 1987.

Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. II. Курс русский истории. Часть II. М., 1988.

Ковалевский М. М. Экономический рост Европы. Т. III, М., 1903.

Коковцов П. К. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X веке. — ЖМНП, Т. XLVIII, 1913, С. 150–172.

Коковцов П. К. Заметка о иудео-хазарских рукописях в Кембридже и Оксфорде. — Comptes-rendus de l'Académie des Sciences de l'Union des Républiques Soviétiques Socialistes. Moscou, 1926, с. 121–124.

Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Кондаков Н. П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904.

Кондаков Н. П. Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1909.

Кондаков Н. П. Иконография Богородицы. Т. 2, Пг., 1915.

Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929.

Константин Багрянородный. Об управлении Империей. Текст, перевод, комментарий под редакцией Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989.

Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963.

Корелин М. Ранний итальянский гуманизм и его историография. М., 1892.

Крачковский И. Ю. Арабская культура в Испании. М-Л., 1937.

Монах Василий (Кривошеин). — Аскетическое и теологическое учение Св. Григория Паламы. — Annales de l'Institut Kondakov, Vol. VIII, 1936, P. 99–151. Немецкий перевод опубликован в следующем издании — Das östliche Christentum, Bd., VIII, 1939. Английский перевод опубликован в следующем издании — Eastern Churches Quarterly, Vol. III, 1938, N. 1–4. (*Очень хорошая работа, обстоятельная библиография.*)

Крымский А. Е. История мусульманства. Самостоятельные очерки, обработки и дополненные переводы из Дози и Гольдциара. М., 1904.

Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 1–3, Изд-во «Алетейя», СПб., 1996.

Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914.

Куник А. Сообщение о готском топархе. Спб., 1874.

Кучук-Иоаннеесов Хр. Письмо императора Иоанна Цимисхия армянскому царю Ашоту III. — ВВ, Т. 10, 1903, С. 93–111.

Ламанский В. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859.

Ласкин Г. Ираклий. Византийское государство в первой половине седьмого века. Харьков, 1889. (*использованы новые источники.*)

Латышев В. В. Две речи Федора Дафнопата, изданные с введением о жизни и литературной деятельности автора и с русским переводом В. В. Латышевым. — ППС, Вып. 59, 1910.

Лебедев А. П. Исторические очерки состояния византийско-восточной церкви от конца XI до половины XV века. М., 1902.

Лебедев А. П. Эпоха преследований христианства. СПб., 1904.

Лебедев А. П. Вселенские Соборы VI, VII и VIII веков. СПб., 1904.

Лебедев А. П. История греко-восточной церкви под властию турок. СПб., 1904. (*Весьма полезно.*)

Лебедев А. П. История разделения церквей в IX, X и XI веках СПб., 1905.

Лебедев Н. С. Васильевский и значение его трудов. — Исторический журнал, 1944.

Лев Диакон. История. Перевод М. М. Копыленко, статья М. Я. Сюзюмова, комментарий М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. Ответственный редактор — Г. Г. Литаврин. М., 1988.

Левченко М. В. (ред.) Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М-Л., 1942.

Левченко М. В. История Византии. Краткий очерк. М-Л., 1940. Болгарский перевод — София, 1948; французский перевод — Paris, 1949.

Архимандрит Леонид (изд.) Повесть о Царьграде Нестора Искандера. — Памятники древней письменности, Т. LXII, 1886.

Липшиц Е. Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно по данным Земледельческого Закона). — Византийский Сборник, М-Л., 1945, С. 104–105.

Лопарев Х. М. Об униатстве императора Мануила. — ВВ, Т. 14, 1907, С. 334–357.

Лопарев Х. М. Агиография VIII–IXвв. как источник по византийской истории. — Византийское Обозрение, Т. 2, 1916, С. 167–176.

Лопарев Х. М. О византийском гуманисте Константине Стилбе (двенадцатого века) и его сочинениях. — Византийское Обозрение, Т. 3, 1917, С. 57–88.

Майков А. О земельной собственности в древней Сербии. — Чтения Общества Истории и Древностей Российских, Т. 1, 1860, С. 28–29.

Макушев В. Исторические исследования о славянах в Албании в Средние Века. Варшава, 1871.

Макушев В. Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории. Т. II. СПб., 1871. (Дополнение к Известиям Академии Наук, XIX, 3).

Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901.

Марр Н. Я. Иоанн Петрицский, грузинский неоплатоник XI–XII вв. — Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества, Т. XIX, 1909.

Марр Н. Я. Кавказский культурный мир и Армения. — ЖМНП, Т. LVII, 1915, С. 313–314.

Медников Н. А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов. По арабским источникам. Т. 1. Исследование. — СПб., 1903; Т. 2. — Приложения (Т. 1–3). СПб., 1897 — ППС, Т. 17; Вып. 50.

Медовиков П. Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще. М., 1849.

Митрофанов П. Изменение в направлении четвертого крестового похода — ВВ, Т. IV, 1897, С. 461–523.

Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.

Мошин В. А. Вновь о недавно открытом хазарском документе. — Публикации русского археологического общества в королевстве сербов, хорватов и словенцев, Т. 1, 1927, С. 41–60.

Мутафчиев П. Владелите на Просекъ. София, 1913.

Мутафчиев П. Войнишки земи и войници въ Византия презъ XIII–XIV вв. София, 1932. Отдельное издание статьи, опубликованной ранее в: Списание на Българската Академия на науките, Т. XXVII. София, 1923., С. 1–113.

Ников П. Татаробългарските отношения презъ средните векове с оглед къмъ царствованете на Смилеца. — Годишникъ на Софийския Университет. Историко-филологически факултетъ, Т. XV–XVI, 1919–1923, С. 1–95.

Ников П. Приносъ къмъ историческото изворознание на България и къмъ историята на българската църква. — Списание на Българската Академия на науките, Т. XX, 1921, С. 1–62.

Ников П. Българската дипломатия отъ началото на XIII векъ. — Българска историческа библиотека, Т. 1., Кн. 3, 1928, С. 76–108.

Ников П. Второ българско царство, 1186–1936. София, 1937.

Никольский В. Лионская уния. Эпизод из средневековой истории церкви. 1261–1293. — Православное обозрение, Т. XXIII, 1867, С. 5–23; 116–144; 352–378; Т. XXIV, 1867, С. 11—33. (*Тщательно написано, но исключительно с православной точки зрения.*)

Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку. Издание Археографической комиссии. СПб., 1888. В следующем издании есть латинский перевод — *C. Hopf*. Chroniques gréco-romanes inédites ou peu connues. Berlin, 1873.

Острогорский Г. А. Византийский трактат о налогах. — Recueil d'études dédiées à N. P. Kondakov. Прага, 1926.

Острогорский Г. А. Взаимоотношения церкви и государства в Византии. — Annales de l'Institut Kondakov, Vol. IV, 1931, P. 121–123.

Острогорский Г. А. Афонские исихасты и их оппоненты. — Transactions of the Russian Scientific Institute in Belgrade, Vol. V, 1931, P. 349–370. (*Весьма ясное изложение.*)

Острогорский Г. А. Славянская версия хроники Симеона Логофета. — Annales de l'Institut Kondakov, Vol. V, 1932, P. 17–36. (*Важно.*)

Острогорский Г. А. В. Г. Васильевский как византинист и создатель современной русской византологии. — Annales de l'Institut Kondakov, Vol. XI, 1940, P. 227–235.

Панченко Б. А. Славянский памятник в Вифинии седьмого века. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, Т. VIII, (1–2), 1902, С. 15.

Панченко Б. А. Каталог молибдовулов колекции Русского Археологического Института в Константинополе. Т. 1, София, 1903.

Панченко Б. А. Крестьянская собственность в Византийской Империи. Земледельческий Закон и монастырские документы. София, 1903.

Панченко Б. А. О Тайной истории Прокопия. — ВВ, Т. 2, 1895, С. 24–27, 340–371; Т. 3, 1896, С. 96–117, 300–316, 461–527; Т. 4, 1897, С. 402–451.

Панченко Б. А. Латинский Константинополь и папа Иннокентий III. — Летопись историко-филологического Общества при Новороссийском университете, Т. XXI, (1), 1914.

Пападимитриу Т. Д. Феодор Продром. Одесса, 1905.

Папаиоанну Х. Акты так называемого последнего Софийского собора (1450г.) и их историческое достоинство. — ВВ, Т. 2, 1895, С. 394–415.

Пападопуло-Керамевс А. И. Fontes historiae Imperii Trapezuntini. Petropolis, 1897.

Пселл Михаил. Хронография. Перевод, статья и примечания Я. Н. Любарского. М., 1978.

Погодин А. История Сербии. СПб., 1909.

Погодин А. История Болгарии. СПб., 1910.

Погодин П. Д. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 г. — ЖМНП., Т. 264, 1889, С. 205–258. (*Очень хорошая работа.*)

Покровский И. А. История римского права. Пг., 1915.

Покровский Н. М. О проблеме происхождения теории Фалльмерайера. — ЖМНП, 1913, С. 143, 149.

Полное Собрание Русских Летописей изданное... Археографическою Комиссией:

— Т. 1. I–II. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846;

— Т. 2. III. Ипатьевская летопись;

— Т. 3. IV. Новгородские летописи. СПб., 1841;

— Т. 4. IV, V Новгородские и Псковские летописи. СПб., 1848;

— Т. 5. V, VI. Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851;

— Т. 6. VI. Софийские летописи. СПб., 1853;

— Т. 7. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856;

— Т. 8. VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859;

— Т. 9. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1862;

— Т. 10. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1885;

— Т. 11. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1897;

— Т. 12. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1901;

— Т. 13. VIII. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Вторая половина. I. Дополнение к Никоновской летописи. II. Так называемая царственная книга. СПб., 1906.

— Т. 14. Первая половина. I. Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси. II. Новый летописец. СПб., 1910;

— Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863;

— Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889;

— Т. 17. Западнорусские летописи. СПб., 1907;

— Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913;

— Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903;

— Т. 20. Первая половина. Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910;

— Т. 20. Вторая половина. Львовская летопись. Ч. 2. СПб., 1914;

— Т. 21. Первая половина. Книга степенного царского родословия. Часть 1. СПб., 1908;

— Т. 21. Вторая половина. Книга степенного царского родословия. Часть 2. СПб., 1913;

— Т. 22. Русский хронограф. Часть 1. Хронограф редакции 1512 г. СПб., 1911;

— Т. 22. Русский хронограф. Часть 2. Хронограф западно-русской редакции. СПб., 1914;

— Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910 г;

— Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921.

Попов Н. Император Лев VI Мудрый и его царствование с церковной точки зрения. М., 1892.

Преображенский В. Преподобный Феодор Студит и его время (759–826 гг.) М., 1896 — отдельное издание; в журнале «Пастырский Собеседник» — за 1895 г.

Разовский Д. А. Половцы IV. Военная история половцев. — Annales de l'Institut Kondakov, Vol. XI, 1940, P. 98.

Регель В. Fontes rerum byzantinarum, Ed. Regel W. Vol. 1, St. Petersbourg, 1892; Vol. 2, Petrograd, 1917.

Редин Е. К. Христианская Топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916. (*В работе много иллюстраций и таблиц.*)

Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883. (*Весьма важная работа, широко использованная Г. Шлюмберже.*)

Россия глазами русского. Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. Ответственный редактор и автор вступительной статьи А. Ф. Замалеев. СПб., 1991.

Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. Изд-во «Алетейя». СПб., 1997. (Первое издание — М., 1917.)

Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. Подлинный текст с переводом И. И. Срезневского. СПб., 1881.

Садов А. Виссарион Никейский. Его деятельность на Феррара-Флорентийском соборе, богословские сочинения и значение в истории гуманизма. СПб., 1883.

Сахаров Т. Сказания русского народа. Т. 2, СПб., 1849.

Себеос. История императора Иракла. Перевод с армянского Патканова. СПб., 1862.

Седельников А. Эпическая традиция о Мануиле Комнине. — Славия, Т. 3, 1924–1925, С. 608–618.

Архимандрит Сергий. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901.

Скабаланович Н. Византийское государство и церковь в XI веке. Спб., 1884. (*История XI века с 1025 года. Работа весьма важна описанием внутренней истории империи.*)

Сказания о Царьграде. Издание В. Яковлева. СПб., 1868.

Смирнов В. Д. Турецкие легенды о Святой Софии. СПб., 1898.

Соколов И. И. Епархии Константинопольской церкви настоящего времени. Пг., 1914.

Соколов И. И. Крупные и мелкие землевладельцы в Фессалии в эпоху Палеологов. — ВВ, Т. 24, 1923–1926, С. 35–42.

Соколов И. И. Сочинения Г. Папамихаила. — ЖМНП, Н. С., Т. 44, 1913, С. 378–393; Т. 45, 1913, С. 159–185; Т. 46, 1913, С. 409–419; Т. 47, 1913, С. 114–139.

Сокольский В. О характере и значении Эпанагоги. — ВВ, Т. 1, 1894, С. 26.

Соловьев А. В. Фессалийские архонты в XIV веке. — Byzantinoslavica, Vol. IV, 1, 1932, P. 159–174.

Спасский А. История догматических движений времен Вселенских соборов. Сергиев Посад, 1906.

Сперанский М. Н. Деяния Дигениса. — Сборник отделения русского языка и литературы, Т. XCIX, 7, 1922.

Сперанский М. Н. Южно-славянские и русские тексты легенд строительства церкви Св. Софии в Царьграде. — Памятный сборник в честь В. Н. Златарского. София, 1925, С. 413–422.

Сперанский М. Н. Из древней новгородской литературы четырнадцатого столетия. Л., 1934.

Суворов Н. Рецензия на книгу Grenier. — ВВ, Т. 12, 1906, С. 227–228.

Сюзюмов М. Я. Источники Льва Дьякона и Скилицы. — Византийское Обозрение, Т. 2, Ч. I, 1916, С. 106–166.

Терновский Ф. А. Греко-восточная церковь. Киев, 1879–1882.

Троицкий И. Е. Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский, и арсениты. СПб., 1873. Первоначально опубликовано в Христианском Чтении за 1869 г. (*Очень хорошее описание жизни восточной церкви во второй половине XIII века при Михаиле VIII и Андронике II.*)

Троицкий И. Е. Автобиография Георгия Кипрского. — Христианское Чтение, 1870, 2, с. 169–170.

Трубецкой Е. Религиозные и общественные идеалы западного христианства в пятом веке. М., 1892.

Тураев Б. А. История Древнего Востока. Т. 2, Пг., 1914.

Успенский К. Н. Очерки по истории Византии. Т. I, М., 1917.

Успенский К. Н. Экскуссия-иммунитет в Византии. — ВВ, 23, 1923, с. 99–117.

Порфирий Успенский. Восток Христианский. Афон. Т. III, (2). СПб., 1892.

Успенский Ф. И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках. — ВВ, Т. 24, 1923–1926, С. 1–16.

Успенский Ф. И. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874.

Успенский Ф. И. О рукописях истории Никиты Акомината в Парижской Национальной Библиотеке. — ЖМНП, Т. 194, 1877, С.77.

Успенский Ф. И. Образование второго Болгарского царства. Одесса, 1879.

Успенский Ф. И. Цари Алексей II и Андроник Комнин. — ЖМНП, Т. CXII, 1880, С. 95–130; Т. CXIV, 1881, С. 52–85.

Успенский Ф. И. Значение византийской и южно-славянской прони. — Сборник статей по славяноведению по случаю 25-летия ученой и профессорской деятельности В. И. Ламанского. СПб., 1883, Т. 1, С. 22, 29.

Успенский Ф. И. К истории крестьянского землевладения в Малой Азии. — ЖМНП, Т. 215, 1883, С. 342–345.

Успенский Ф. И. Об истории крестьянского землевладения в Византии — ЖМНП, Т. CCXXV, 1883, С. 85–86.

Успенский Ф. И. Как возник и развивался восточный вопрос. — Известия Славянского Благотворительного Общества. Т. 3, 1886, С. 251.

Успенский Ф. И. Очерки по истории византийской образованности. Спб., 1892. (*Весьма важно. Работа содержит много нового и свежего материала об исихазме и связи Византии с Возрождением. См. также интересную рецензию на эту книгу, написанную П. В. Безобразовым — ВВ, Т. 3, 1896, С. 125–150.*)

Успенский Ф. И. Синодик на первое воскресенье Поста. Одесса, 1893.

Успенский Ф. И. Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, Т. 2, 1897, С. 3–10.

Успенский Ф. И. Пограничный камень между Византией и Болгарией при Симеоне. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, Т. 3, 1898, С. 184–194.

Успенский Ф. И. История Крестовых походов. СПб., 1900. (*Весьма важно для истории Византии.*)

Успенский Ф. И. Мнения и постановления константинопольских поместных соборов о раздаче церковных имуществ (харистикарии). — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, Т. 5, 1900, С. 1–48.

Успенский Ф. И. Материалы по болгарским древностям. Абоба-Плиска. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, Т. X, 1905.

Успенский Ф. И. Константинопольский Серальский кодекс. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, Т. XII, 1907, С. 30–31.

Успенский Ф. И. История Византийской Империи. Т. 1. СПб., 1913.

Успенский Ф. И. Отзыв о сочинении В. И. Барвинка. — Сборник отчетов о премиях и наградах за 1912 год. Пг., 1916, С. 108–111.

Успенский Ф. И. Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний. — ВВ, Т. XXII, 1916, С. 24–38.

Успенский Ф. И. Восточная политика Мануила Комнина. — Сообщения Российского Палестинского Общества, Т. 29, 1926, С. 111–138.

Успенский Ф. И. История Византийской Империи. Т. 2 (1), СПб., 1927.

Успенский Ф. И. Последние Комнины. Начало реакции. — ВВ, Т. 25, 1927–1928, С. 14.

Успенский Ф. И. История Византийской Империи. Т. 3, Л., 1948.

Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII–XV вв. Л., 1927.

Флоринский Т. Д. Андроник Младший и Иоанн Кантакузин. — ЖМНП, Т.204–205, 1879. (*Важно.*)

Флоринский Т. Д. Афонские акты и фотографические снимки с них в собрании Севастьянова. СПб., 1880.

Флоринский Т. Д. Памятники законодательной деятельности Душана. Киев, 1888.

Флоринский Т. Д. Южные славяне и Византия во второй четверти XIVв. Т. 1–2. СПб., 1882.

Хвостов М. М. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907.

Хомяков А. С. Голос грека в защиту Византии. — Сочинения, 4-ое издание, Т. 3., М., 1914, С. 366.

Черноусов Е. А. Из византийского захолустья XIII века. — Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1913–1914, С. 281.

Черноусов Е. А. Дука, один из историков конца Византии. — ВВ, Т. XXI, 1914, С. 171–221.

Черноусов Е. А. Рецензия на сочинение A. Stöckle. Spätrömische und byzantinische Zünfte. Leipzig, 1911. — ЖМНП, Т. 41, 1914.

Чернявский Н. Император Феодосий и его религиозная политика. Сергиев Посад, 1913.

Шангин М. А. Византийские политические деятели первой половины X в. — Византийский Сборник, М-Л., 1945, С. 228–236.

Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916.

Шестаков Д. Три поэта греческого возрождения. Казань, 1906.

Шестаков С. П. Лекции по истории Византии. Т. I, Казань, 1915.

Шестаков С. П. Заметки о поэмах «Codex Marcianus 524». — ВВ, Т. 24, 1923–1926, С. 46–47.

Яковенко П. А. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908.

Яковенко П. А. Исследования в области византийских актов. Акты Нового монастыря на острове Хиос. Юрьев, 1917.

Работы греческих исследователей

Amantos K. Ἱστορία τοῦ Βυζαντινοῦ Κράτους τ. 1–2. Athenai, 1939–1947.

Andriotes N. Κριτόβουλος ὁ Ἴμβριος καὶ τὸ Ἱστορικό τον ἔργο. — Ἑλληνικά, Vol. II, 1929, P. 167–200.

Antoniades E. M. Ἅγια Σοφία. Athenai, 1907.

Arnakes G, Georgiades A. Οἱ πρώτοι Ὀθωμάνοι. Συμβολὴ εἰς τὸ πρόβλημα τῆς πτώσεως τοῦ Ἑλληνισμοῦ τῆς Μικρᾶς Ἀσίας (1282–1337). Athenai, 1947. (Texte und Forschungen zur byzantinisch-neugriechische Philologie, N.41).

Boghiatzides I. Τὸ χρονικὸν τῶν Μετεώρων.— Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, Vol. I, 1924, P. 146–156.

Boïves K. Ἀκολουθία ἱερὰ τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Χριστοδούλου. Athenai, 1884.

Chatzes A. C. Ἱστορία τοῦ Βυζαντινοῦ Κράτους. — Πρακτικά of the Academy of Athens, Vol. IV, 1929, P. 746–748.

Evangelides T. Ἡράκλειος ὁ αὐτοκράτωρ τοῦ Βυζαντίου. Odessa, 1903. (*Краткая компиляция.*)

Ghines D. Τὸ ἐπαρχικὸν βιβλίον καὶ οἱ νόμοι Ἰουλιανοῦ τοῦ Ἀσκαλωνίτου. — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, Vol. XIII, 1937, P. 183–191.

Hierax I. Χρονικὸν περὶ τῆς τῶν Τούρκων βασιλείας. — K. Sathas (ed.) Bibliotheca Graeca Medii Aevi, Vol. I, Venice, 1872, P. 256–257.

Kalligas P. Μελέται βυζαντινῆς ἱστορίας ἀπὸ τῆς πρώτης μέχρι τῆς τελευταίας ἁλώσεως. (1204–1453). Athenai, 1894.

Kalogeras. Μάρκος ὁ Εὐγενικὸς καὶ Βησσαρίων ὁ Καρδινάλις. Athenai, 1893.

Kampouroglou D. Οἱ Χαλκοκονδύλαι. Μονογραφία. Athenai, 1926.

Karapiperes M. Νικηφόρος Βλεμμύδης, ὡς παιδαγωγὸς καὶ διδάσκαλος. Jerusalem, 1921.

Karolidis P. Ὁ αὐτοκράτωρ Διογένης ὁ Ρωμανός. Athenai, 1906.

Kougéas S. B. Ὁ Καισαρείας Ἀρέθας καὶ τὸ ἔργον αὐτοῦ. Athenai, 1913.

Koukoules Ph. Λαογραφικαὶ εἰδήσεις παρὰ τῷ Θεσσαλονίκης Εὐσταθίῳ — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, Vol. I, 1924, P. 5–40.

Kyriakides S. Ὁ Διγένης Ἀκρίτας. Athenai, 1926.

Lampros Sp. Αἱ εἰκόνες Κωνσταντίνου Παλαιολόγου. — Νέος Ἑλληνομνήμων, Vol. III, 1906, P. 229–242.

Lampros Sp. Εἰκόνες Ἰωάννου Η τοῦ Παλαιολόγου. — Νέος Ἑλληνομνήμων, Vol. IV, 1907.

Lampros Sp. Νέαι εἰκόνες Κωνσταντίνου τοῦ Παλαιολόγου. — Νέος Ἑλληνομνήμων, Vol. IV, 1907, P. 238–240; Vol. VI, 1909, P. 399–408.

Lampros Sp. Μονῳδίαι καὶ θρῆνοι ἐπὶ τῇ ἁλώσει τῆς Κωνσταντινουπόλεως.— Νέος Ἑλληνομνήμων, Vol. V, 1908, P. 190–269.

Lampros Sp. Τρεῖς ἀνέκδοτοι μονῳδίαι εἰς τὴν ὑπὸ τῶν Τούρκων ἅλωσιν τῆς Θεσσαλονίκης. — Νέος Ἑλληνομνήμων, Vol. V, 1908, P. 369–391.

Lampros Sp. Ὁ Μαρκιανὸς Κώδιξ 524. — Νέος Ἑλληνομνήμων, Vol. VIII, 1911.

Lampros Sp. (ed.) «Bessarion's Encomium». — Νέος Ἑλληνομνήμων, Vol. XIII, 1916, P. 146–194.

Logopatis S. N. Γερμανὸς ὁ Β, πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως-Νικαίας (1222–1240). Βίος, συγγράμματα καὶ διδασκαλία αὐτοῦ. Athenai, 1919.

Meliades G. Βέλθανδρος καὶ Χρυσάντζα , Μυθιστορήμα XII αἰῶνος. Athenai, 1925.

Meliarakes A. Ἱστορία τοῦ Βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου (1204–1261). Athenai, 1898. (*Весьма важная книга по истории Никеи и Эпира.*)

Nomikiou X. A. Τὸ πρῶτο τζαμὶ τῆς Κωνσταντινουπόλεως. — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, Vol. I, 1924, P. 199–209.

Papamichael G. Ὁ ἅγιος Γρηγόριος Παλαμᾶς ἀρχιεπίσκοπος Θεσσαλονίκης. Alexandria, 1911. (*Интересная работа по истории религиозного и мистического движения исихастов.*)

Pappadopoulos J. B. Ἡ Κρήτη ὑπὸ τοὺς Σαρακηνοὺς 824–961. Athenai, 1948.

Phoropoulos I. D. Εἰρήνη ἡ Ἀθηναία αὐτοκράτειρα Ῥωμαίων. Leipzig, 1887.

Romanos I. Περὶ τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου ἱστορικὴ πραγματεία. Corfu, 1895. (*Весьма важная и заслуживающая доверия монография по истории эпирского деспотата.*)

Siderides X. Μανουὴλ Ὁλοβώλου Ἐγκώμιον εἰς Μιχαὴλ Η' Παλαιόλογου. — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, Vol. 1926, P. 168–191.

Sykutres I. Περὶ τὸ σχίσμα τῶν Ἀρσενιτῶν. — Ἑλληνικά, Vol. II, 1929, P. 267–332; Vol. III, 1930, P. 15–44.

Zakythinos D. A. Οἱ Σλάβοι ἐν Ἑλλάδι. Συμβολαὶ εἰς τὴν ἱστορίαν τοῦ μεσαιωνικοῦ Ἑλληνισμοῦ. Athenai, 1945. (*Важно.*)

Ziebarth E. Κυριακὸς ὁ ἐξ Ἀγκῶνος ἐν Ἠπείρῳ. — Ἠπειρωτικὰ Χρονικά, Vol. II, 1926, P. 110–119.

Zotos A. Ἰωάννης ὁ Βέκκος πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως νέας Ρώμης. München, 1920.

Исследования на западно-европейских языках.

Публикации источников

Abel F.-M. L'île de Jotabé. — RB, Vol. XLVII, 1938, P. 520–524.

Aboulféda. Géographie d'Aboulféda. Traduit par J. T. Reinaud. Vol. II, Paris, 1848.

L'Achilléide Byzantine. Ed. D. C. Heisenberg, Amsterdam, 1919.

Acquis Fr. J. da. Della Chonaca Dell'Imagine del Mondo. (Monumenta Historiae Patriae. Scriptorum. Vol. III, introd., cols. 1457–1626). Torino, 1848.

Acropolita Georgius. Opera. Edidit A. Heisenberg. Leipzig, 1903.

Acta Aragonensia. Quellen zur deutschen, italienischen, französischen, spanischen zur Kirchen- und Kulturgeschichte aus der diplomatischen Korrespondenz Jaymes II. (1291–1327). Herausgegeben von H. Finke. Bd. 1–2, Berlin, Leipzig, 1908–1922.

Adam P. Princesses byzantines. Paris, 1893.

Adamek O. Beiträge zur Geschichte des byzantinischen Kaisers Maurikios. Graz, 1890–1891.

Adonz N. L'âge et l'origine de l'empereur Basile I (867–886). — Byzantion, Vol. IX, 1934, P. 223–260.

Adonz N. Samuel l'Armenien, Roi des Bulgares. — Memoires de l'Académie royale de Belgique, Vol. XXXIX, 1938.

Agapius (Mahboub) de Menbidg. Histoire Universelle. — Ed. A. A. Vasiliev in Patrologia Orientalis, Vol. VIII, 1912, P. 399–550.

Agathias Scholasticus. Historiarum. Edidit Dindorf L. A. (Historici Graeci Minores, Vol. II, P. 132–432). Leipzig, 1871; Edidit Niebuhr B. G. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae). Bonn, 1828.

Ainalov D. V. La Chronique de George Hamartolus. — Compte-rendu du deuxième congrès international des études byzantines, Belgrade, 1927. Belgrade, 1929, P. 127–133.

Albertoni A. Per una esposizione del diritto bizantino. Imola, 1927.

Albornez A. Juan Chrisostomo y su influencia social en el imperio bizantino. Madrid, 1934.

Alexandre C. Pléthon. Traité de lois. Paris, 1858.

Alföldi A. The Conversion of Constantine and Pagan Rome. Oxford, 1948

Alföldi A. Hoc signo victor eris. Beiträge zur Bekehrung Konstantins des Grossen. — Pisciculi. Studien zur Religion und Kultur des Altertums. München, 1939.

Allard P. Julien l'Apostat. Vols. 1–3, Paris, 1906–1910.

Allatius L. De ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione. Coloniae Agrippinae, 1648.

Allen W. E. D. A History of the Georgian People. London, 1932.

Altaner B. Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts. Habelschwerdt, 1924.

Alvari Cordubensis. Opera. Indiculus luminosus. Ed. F. H. Florenz. — España Sagrada. vol. XI, Madrid, 1753, P. 219–275.

Amari M. Storia dei musulmani di Sicilia, vols. I–III. Firenze, 1854–1872; ed. C. A. Nallino — Vols. I–III, Catania, 1933–1937.

Amélineau E. La Conquête de l'Égypte par les Arabes. — Revue historique, Vol. CXIX, 1915, P. 273–310.

Anastasijević D. A hypothesis of Western Bulgaria. — Bulletin de la Société Scientifique de Skoplje, Vol. III, 1927, P. 1–12.

Anastasius. Chronographia tripertita. Ed. C. de Boor. Leipzig, 1885. (Theophanis Chronographia, ed. C. de. Boor. Vol. 2.)

Anastos M. Plethos' Calendar and Liturgy. — Dumbarton Oaks Papers, Vol. IV, 1948, P. 183–305.

Andreadés A. De la population de Constantinople sous les empereurs byzantins. — Metron, Vol. I, 1920.

Andreeva M. A. Dubrovnik. — Revue internationale des études balkaniques, Vol. II, 1935, P. 125–128.

Andreeva M. A. Zur Reise Manuels II. Palaiologos nach Westeuropa. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXXIV, 1934, S. 37–47.

Anecdota Bruxellensia. I. Chroniques byzantines du Manuscrit 11.376. Ed. F. Cumont. Gand, 1894.

Annales Colonienses Maximi, s. a. 1185, Herausgegeben von K. Pertz. Hanover, 1861. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores, Bd. XVII, P. 723–847.)

Annales Marbacenses. Herausgegeben von K. Pertz. Hanover, 1861. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores, Bd. XVII, P. 142–180.)

Annales Stadenses. Herausgegeben von K. Pertz Hanover, 1861. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores, Bd. XVII, P. 349 ff.)

Anonymous Valesianus. Herausgegeben von V. Gardhausen. Leipzig, 1875. (Ammiani Marcellini Rerum Gestarum, herausgegeben von V. Gardhausen, Bd. 2); Herausgegeben von Th. Mommsen. Berlin, 1892 (Monumenta Germaniae Historica. Auctorum Antiquissimorum, Vol. IX,

Chronica Minora, I); Ed. Cessi (Rerum Italicarum Scriptores). Bologna, 1913.

Ansbertus. Historia de expeditione Frederici Imperatoris. Wien, 1863. (Fontes rerum Austriacarum. Scriptores, Vol. V, P. 1–90).

Antiochus Strategus. The Capture of Jerusalem by the Persians in the Year 614. Translated into English by F. C. Conybeare. — The English Historical Review, Vol. XXV, 1910, P. 502–517.

Apostoli M. Laudatio funebris Bessarionis. Ed. J. P. Migne. PG, Vol. CLXI, Paris, 1866, cols. 140 ff.

Arnakes G., Georgiades A. The Captivity of Gregory Palamas by the Turks and Related Documents as Historical Sources. — Speculum, january, 1951, P. 104–118.

Ashburner W. The Farmer's Law. — JHS, Vol. XXX, 1910, P. 85–108; Vol. XXXII, 1912, P. 68–83.

Assemani J. S. Kalendaria Ecclesiae Universae. Vols. 1–4. Romae, 1755.

Atiya A. S. The Crusade of Nicopolis. London, 1934.

Atiya A. S. The Crusade in the Later Middle Ages. London, 1938.

Attwater S. St. John Chrysostom. Milwaukee, 1939.

Auvray L. Les Registres de Gregoire IX. Paris, 1907.

Babinger F. Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig, 1927.

Bach E. Les Lois agraires byzantines du Xe siécle. — Classica et Medievalia, Vol. V, 1942, P. 70–91.

Bacon R. Compendium studii philosophiae. — Opera quaedum hactenus inedita. London, 1859.

Baker G. P. Justinian. New York, 1931. (*Иллюстрированная военная история, поверхностная и не имеющая значения работа.*)

Balsamonis Theodori. In canonem XVI concilii Carthaginiensis. Ed. J. P. Migne. PG, Vol. CXXXVIII, Paris, 1865, cols. 83–95.

Bănescu N. Un problème d'histoire médiévale: Création et caractère du Second Empire Bulgare. Bucharest, 1943.

Banús y Comas C. Expedicion de Catalanes y Aragoneses en Oriente en principio del siglo XIV. Madrid, 1929.

Barbaro Nicolò. Giornale dell' assedio di Constantinopoli. Ed. E. Cornet. Wien, 1856.

Bardenhewer O. Geschichte der altkirchlichen Literatur. Bd.1–5, Freiburg, 1912–1932. (*Хорошая библиография.*)

Bardenhewer O. Patrologie. Freiburg, 1910.

Barlone D. Une Fiancée de Charlemagne Irène imperatrice de Byzance. Paris, 1945. (*Исторический роман. Научного значения не имеет.*)

Baronii Caesare. Annales ecclesiastici. Ed. A. Theiner. Vols. 1–37. Paris, Bruxelles, 1864–1883.

Barth W. Kaiser Zeno. Basel, 1894.

Basset R. Berbères: Religion, langue et litterature. — Encyclopédie de l'Islam, Vol. I, 1913, P.721–723.

Batiffol P. L'Abbaye de Rossano. Paris, 1891.

Batiffol P. La Paix constantinienne et le catholicisme. Paris, 1914.

Baur P. C. Der heilige Johannes Chrysostomus und seine Zeit. München, 1929–1930.

Baynes N. H. The Date of an Avar Surprise, a Chronological Study. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXI, 1912, P. 110–128.

Baynes N. H. Athanasiana. — Journal of Egyptian Archaeology, Vol. XI, 1925, P. 58–69.

Baynes N. H. The Early Life of Julian the Apostate. — JHS, Vol. XLV, 1925, P. 251–254.

Baynes N. H. The Vita S. Danielis Stylitae. — The English Historical Review, Vol. XL, 1925, P. 397–402.

Baynes N. H. Alexandria and Constantinople: A Study in Ecclesiastical Diplomacy. — Journal of Egyptian Archaeology, Vol. XII, 1926, P. 145–156.

Baynes N. H. Byzantine Civilization. — Historia, Vol. X, 1926, P. 289–299.

Baynes N. H. The Byzantine Empire. New York, London, 1926.

Baynes N. H. The Historia Augusta: Its Date and Purpose. Oxford, 1926.

Baynes N. H. The Historia Augusta: Its Date and Purpose. A Reply to Criticism. — The Classical Quarterly, Vol. XXII, 1928, P. 166–171.

Baynes N. H. Review: Stein, Geschichte des spätrömischen Reiches, Vol. I. — JRS, Vol. XVIII, 1928, P. 217–225.

Baynes N. H. A Bibliography of the Works of J. B. Bury. Cambridge, 1929.

Baynes N. H. Constantine the Great and the Christian Church. London, 1929. (Proceedings of the British Academy, Vol. XV).

Baynes N. H. Bibliography: Papyri on Social Life in Graeco-Roman Egypt. — Journal of Egyptian Archaeology, Vol. XVIII, 1932, P. 90–91.

Baynes N. H. Review: Mélanges Charles Diehl. — JHS, vol. LII, 1932, P. 157–161.

Baynes N. H. The Death of Julian the Apostate in a Christian Legend. — JRS, Vol. XXVII, 1937, P. 22–29.

Baynes N. H., Moss H. St. L. B. (eds.) Byzantium. An Introduction to East Roman Civlilization. Oxford, 1948.

Beazley C. The Dawn of Modern Geography, Vols. 1–4. London, 1897–1906.

Becker C. The Expansion of the Saracens — the East. — The Cambridge Medieval History, Cambridge, London, 1913, P. 329–364.

Becker C. Vom Verden und Wesen der Islamischen Welt: Islamstudien, Vol. I. Leipzig, 1924.

Bees A. Bambacoratius, ein Beiname des Kaisers Alexios III. Angelos (1195–1203). — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. III, 1922, S. 285–286.

Bees A. Geschichtliche Forschungsresultate und Mönchs- und Volkssagen über die Gründer der Meteorenklöster. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. III, 1922, S. 364–403.

Bees A. Eine unbeachtete Quelle über die Abstammung des Kaisers Basileios I, des Mazedoniers. — Byzantinsch-neugriechische Jahrbücher, Bd., IV, 1923, S. 76.

Beladsori (*Baladhuri*). Liber expugnationum regionum Ed. M. J. de Goeje. Leyden, 1866.

Beladsori (*Baladhuri*). The Origins of the Islamic State. Trans. P. Hitti. New York, 1916. (Columbia University Studies in History, Economics and Public Law, LXVIII, part 1).

Belin M. A. Histoire de la Latinité de Constantinople. Paris, 1894.

Bell H. I. The Byzantine Servile State in Egypt. — Journal of Egyptian Archaeology, Vol. IV, 1917, P. 86–106.

Bell H. I. An Epoch in the Agrarian History of Egypt. — Recueil d'études égyptologiques dédiées à la mémoire de Jean-François Champollion. Paris, 1922.

Bell H. I. The Decay of a Civilization. — Journal of Egyptian Archaeology, Vol. X, 1924, P. 201–216.

Bell H. I. Egypt from Alexander the Great to the Arab Conqest. A Study in the Diffusion and Decay of Hellenism. Oxford, 1948.

Benešević V. N. Sur la date de la mosaïque de la Transfiguration au Mont Sinaï. — Byzantion, Vol. I, 1924, P. 145–172.

Benešević V. N. Die byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei. (De Cer. t. II, c. 52) und nach den Jerusalemer Handschriften zusammengestellt und revidiert. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. V, 1926, S. 96–167.

Berger A. Tipoukeitos: The Origin of a Name. — Traditio, Vol. III, 1945, P. 394–402.

Berger E. Les Registres d'Innocent IV. Paris, 1887.

Bergkamp J. U. Dom Jean Mabillon and the Benedictine Historical School of Saint-Maur. Washington, D. C., 1928.

Berthelot M. La Chimie au Moyen Âge. Vol. I, Paris, 1893.

Besta E. La cattura dei Veneziani in Oriente. Feltre, 1920.

Bezdeki St. Le Portrait de Théodore Métochite par Nicéphore Grégoras. — Mélanges d'histoire générale. Cluj, 1927.

Bikélas D. La Gréce byzantine et moderne. Paris, 1893.

Bikélas D. Seven Essays on Christian Greece. London, 1890.

Biondi B. Giustiniano Primo Principe e Legislatore Cattolico. Milano, 1936. (*Религиозная политика Юстиниана и его взаимоотношения с папством.*)

Blake R. P. Note sur l'activité littéraire de Nicéphore Ier patriarche de Constantinople. — Byzantion, Vol. XIV, 1939, P. 1–15.

Blake R. P. The Monetary Reform of Anastasius I and its Economic Implications. — Studies in the History of Culture, the Disciplines of Humanities. Menasha, Wisconsin, 1942.

Blanchet A. Les dernières monnaies d'or des empereurs de Byzance. — Revue numismatique, Vol. IV, 4, 1910, P. 78–90.

Blemmydes Nicephorus. Curriculum vitae et carmina. Ed. A. Heisenberg. Leipzig, 1896.

Boak A. E. R. Byzantine Imperialism in Egypt. — The American Historical Review, Vol. XXXIV, 1928, P. 1–8.

Boccacio G. De genealogia deorum. Basil, 1532.

Bogišič V. Pisani zakoni na slovenskom jugu. Zagreb, 1872.

Böhmer J. F. Acta Imperii Selecta. Innsbruck, 1870.

Bois J. Gregoire le Sinaïte et l'Hésychasme à l'Athos au XIVe siècle. — Échos d'Orient, vol. V, 1901.

Boissier G. La Fin du paganisme; étude sur les dernières luttes réligieuses en Occident au quatrième siècle. Paris, 1891.

Bon A. Le Péloponnèse byzantin jusqu'en 1204. Paris, 1951.

de Boor C. Der Angriff der Rhos auf Byzanz. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. IV, 1895, S. 449–453.

Bouchier E. Spain Under the Roman Empire. Oxford, 1914.

Bouvat L. L'Empire Mongol. Paris, 1927.

Bouvy E. Saint Thomas. Ses traducteurs byzantins. — Revue augustinienne, Vol. XVI, 1910, P. 407 ff.

Brătianu G. I. Vicina. I. Contribution à l'histoire de la domination byzantine et du commerce génois en Dobrogea. — Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine, Vol. X, 1923.

Brătianu G. I. Notes sur le projet de mariage entre l'empereur Michel IX Paléologue et Catherine de Courtenay (1288–1295). — Revue historique du sud-est européen, Vol. I, 1924, P. 59–63.

Brătianu G. I. Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du XIIIe siècle. Bucharest, 1927.

Brătianu G. I. Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929.

Brătianu G. I. Études byzantines d'histoire économique et sociale. Paris, 1938. (*Представляет интерес.*)

Brătianu G. I. La Politique fiscale de Nicéphore Ier ou Ubu Roi à Byzance. — Études byzantines d'histoire économique et sociale. Paris, 1938.

Brătianu G. I. La Fin du regimes des partis à Byzance et la crise antisemite du VIIe siècle. — Revue historique du sud-est européen, Vol. XVIII, 1941, P. 49–57.

Brătianu G. I. Recherches sur Vicina et Cetatea Alba. Bucharest, 1943.

Brătianu G. I. Études pontiques. — Revue historique du sud-est européen, Vol. XXI, 1944, P. 39–52.

Brătianu G. I. Charles Diehl et la Roumanie. — Revue historique du sud-est européen, Vol. XXII, 1945, P. 5–36.

Bréhier L. Le Schisme oriental du XIe siècle. Paris, 1899. (*Важная работа.*)

Bréhier L. Un héros de roman dans la littérature byzantine. Clermont-Ferrand, 1904.

Bréhier. L. La Querelle des images VIIIe–IXe siècles. Paris, 1904.

Bréhier L. Andronic I (Comnène). — Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques. Ed. A. Baudrillart. Vol. II, Paris, 1914–1920, cols. 1776–1782.

Bréhier L. Constantin et la fondation de Constantinople. — Revue historique, Vol. CXIX, 1915, P. 241–272.

Bréhier L. La Transformation de l'empire byzantine sous les Héraclides. — Journal des Savants, N. S., Vol. XV, 1917, P. 401–415.

Bréhier L. L'Eglise et l'orient au Moyen Âge: les croisades. Paris, 1907; 5-ième éd. — Paris, 1928.

Bréhier L. Attempts at Reunion of the Greek and Latin Churches. — The Cambridge Medieval History, vol. IV. Cambridge, London, 1923, P. 594–626.

Bréhier L. The Greek Church: Its Relations with the West up to 1054. — The Cambridge Medieval History, Vol. IV. Cambridge, London, 1923, P. 246–273.

Bréhier L. Notes sur l'histoire de l'enseignement supérieur à Constantinople. — Byzantion, Vol. III, 1927, P. 72–94; Vol. IV, 1929, P. 13–28.

Bréhier L. La Rénovation artistique sous les Paléologues et le mouvement des idées. — Mélanges Diehl: Etudes sur l'histoire et sur l'art de Byzance. Paris, 1930.

Bréhier L. Iconoclasme. — Histoire de l'Eglise, ed. A. Fliche, V. Martin, Vol. V. Paris, 1938, P. 431–470. (*Весьма важно. Работа имеет прекрасную библиографию.*)

Bréhier L. Le Monde Byzantin. vols. 1–3, Paris, 1947–1950.

Bréhier L. Les Empereurs byzantins dans leur vie privée. — Revue historique, Vol. CLXXXVIII–CLXXXIX, 1949, P. 193–217.

Brion M. Crowned Courtesan. The Tale of Theodora, Empress of Byzantium. London, 1936.

Brooks E. W. The Campaign of 716–718 from Arabic Sources. — JHS, Vol. XIX, 1899, P. 19–31.

Brooks E. W. Byzantins and Arabs in the Time of the Early Abbasids. — English Historical Review, Vol. XV, 1900, P. 728–747.

Brooks E. W. Arabic Lists of the Byzantine Themes. — JHS, Vol. XXI, 1901, P. 67–77.

Brooks E. W. Who was Constantine Pogonatus? — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XVII, 1908, P. 460–462.

Brooks E. W. The Eastern Provinces from Arcadius to Anastasius. — The Cambridge Medieval History, Vol. I, Cambridge, London, 1911, P. 456–486.

Brooks E. W. Review: Vasiliev, Lektsii po Istorii Vizantii. — The English Historical Review, Vol. XXXIV, 1919, P. 117.

Brooks E. W. Ed. and trans. of John of Ephesus. Lives of the Eastern Saints. Syriac text and transl. — Patrologia Orientalis, Vol. XVII, 1923, P. 1–307.

Brooks E. W. The Arab Occupation of Crete. — The English Historical Review, Vol. XXVIII, 1913, P. 431–443.

Brosset M. Histoire de la Géorgie. Vol. I. St. Petersbourg, 1849.

Brown H. F. The Venetians and the Venetian Quarter in Constantinople to the Close of the Twelfth Century. — JHS, Vol. XL, 1920, P. 68–88.

Bruns K. G., Sachau E. (Eds.) Syrisch-Römisches Rechtsbuch aus dem fünften Jahrhundert. Leipzig, 1880.

Bryce J. The Holy Roman Empire. New York, 1919.

Bryce J. Life of Justinian by Theophilus. — Archivio della Reale Società Romana di Storia Patria, Vol. X, 1887, P. 137–171. Эта же статья опубликована в следующем издании — The English Historical Review, Vol. II, 1887, P. 657–684.

Buchon J. A. Chroniques étrangères relatives aux expéditions françaises pendant le XIIIe siècle. Ed. K. Lanz. (Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart. VIII, 1844.) Stuttgart, 1844.

Buchon J. A. Nouvelles recherches historiques sur la principauté française de Morée et ses hautes baronies fondées à la suite de la quatrième croisade, pour servir de compléments aux éclaircissements historiques, généalogiques et numismatiques sur la principauté française de Morée. Paris, 1843–1845.

Buchon J. Recherches et matériaux pour servir à une histoire de la domination française. Paris, 1840.

Buckler G. Anna Comnena. A Study. Oxford, 1929.*(Очень хорошее, обстоятельное исследование. Работа прекрасно документирована.)*

Buondelmonti Chr. Description des îles de l'Archipel. Ed. E. Legrand. Paris, 1897. Ed. A.Meineke. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae). Bonn, 1836.

Burckhardt J. Die Zeit Constantins des Grossen. Первое издание — Leipzig, 1853; Третье издание — Leipzig, 1898; расширенное и отредактированное издание Leipzig, 1925. Английский перевод — translated into English by J. Moffat. London, 1904.

Bury J. B. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395–800). Vols. 1–2, London, 1889. Новое издание в двух томах, охватывающее, однако, период только 395–565 гг. London, 1923.

Bury J. B. Roman Emperors from Basil II to Isaac Komnenos. — The English Historical Review, Vol. IV, 1889, P. 41–64; 251–285.

Bury J. B. Charles the Great and Irene. — Hermathena, Vol. VIII, 1893, P. 17–37.

Bury J. B. The Treatise De Administrando Imperio. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XV, 1906, P. 517–577.

Bury J. B. The Ceremonial Book of Constantine Porphyrogennetos. — The English Historical Review, XXII, 1907, P. 209–227; 417–439.

Bury J. B. The Ancient Greek Historians. New York, 1909.

Bury J. B. The Bulgarian Treaty of A. D. 814 and the Great Fence of Thrace. — The English Historical Review, Vol. XXV, 1910, P. 276–287.

Bury J. B. The Constitution of the Later Roman Empire. Cambridge, 1910.

Bury J. B. Romances of Chivalry on Greek Soil. Oxford, 1911.

Bury J. B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a revised text of the Klethorologion of Philotheos. London, 1911. (British Academy Supplementary Papers, I.)

Bury J. B. A History of the Eastern Roman Empire from the Fall of Irene to the Accession of Basil I (802–867). London, 1912. (*Лучшее исследование по этому вопросу.*)

Bury J. B. The Notitia Dignitatum. — JRS, Vol. X, 1920, P. 131–154.

Bury J. B. The Provincial Lists of Verona. — JRS, Vol. XIII, 1923, P. 127–151.

Bury J. B. The Struggle with the Saracens; summary. — The Cambridge Medieval History, vol. IV. Cambdridge, London, 1923, P. 151–152.

Bury J. B. Selected Essays. Ed. H. Temperley. Cambridge, 1930.

Butler M. The Arab Conquest of Egypt. Oxford, 1902.

Byrne E. H. The Genoese Colonies in Syria. — Crusaders and Other Historical Essays Presented to D. C. Munro by his Former Students. New York, 1928.

Byron R. The Byzantine Achievement: An Historical Perspective A. D. 390–1453. London, 1929.

Caetani L. Annali dell' Islam. vols. I–X. Milano, 1905–1926. (*Важно для ранней истории ислама.*)

Caetani L. Studi di storia orientale. Vol. I; III. Milano, 1911–1914. (*Весьма важная работа по вопросу взаимоотношений Византии и арабов при первых халифах.*)

Cahen C. La Campagne de Mantzikert d'après les sources musulmanes. — Byzantion, Vol. IX, 1934, P. 613–642.

Cahen C. La Syrie du Nord à l'époque des croisades. Paris, 1940.

Cahen C. La première pénétration turque en Asie Mineure (seconde moitié du XI° siècle). — Byzantion, Vol. XVIII, 1948, P. 5–67.

The Cambridge Medieval History Vol. I. Cambridge, London, 1911.

Cammelli G. Demetrii Cydonii orationes tres, adhuc ineditae. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd., III, 1922, S. 67–76; Bd. IV, 1923, S. 77–83; 282–295.

Cammelli G. Demetrio Cidonio: Brevi notizie della vita e delle opere. — Studi Italiani di filologia classica, N. S., Vol. I, 1920, P. 140–161.

Cammelli G. Perosnaggi bizantini dei secoli XIV–XV attraverso le epistole di Demetrio Cidonio. — Bessarione, Vol. XXXVI, 1920, P. 77–108.

Cammelli G. L'inno per la nativita de Romano il Melode. — Studi byzantini. Romae, 1925.

Cammelli G. Démétrius Cydonès Correspondance. Paris, 1930.

Cammelli G. Romano il Melode. Firenze, 1930.

Cananus Ioannes. De Constantinopoli anno 1422 oppugnata narratio. Ed. I. Bekker. Bonn, 1838. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Canard M. Les Expéditions des arabes contre Constantinople dans l'histoire et dans la légende. — Journal asiatique, Vol. CCVIII, 1926, PP. 61–121.

Canard M. Sayf al Daula. Algiers, 1934. (Bibliotheca Arabica, publiée par La Faculté des Lettres d'Alger. VIII). (*Только арабский текст. Перевода нет.*)

Canard M. Le Traité de 1281 entre Michel Paléologue et le sultan Qalâ'ûn. — Byzantion, Vol. X, 1935, P. 669–680.

Canard M. La guerre sainte dans le monde islamique et dans le monde chrétien. — Revue africaine, Vol. LXXIX, 1936, P. 605–623.

Canard M. Un traité entre Byzance et l'Egypte au XIIIe siècle et les relations diplomatiques de Michel VIII Paleologue avec les sultants Mamlûks Baibars et Qalâ'ûn. — Mélanges Guaderfoy-Demombynes. Cairo, 1937.

Carabellese F. Carlo d'Angiò nei rapporti politici e commerciali con Venezia e l'Oriente. Bari, 1911.

Caro G. Genua und die Mächte am Mittelmeer 1257–1311. Halle, 1895.

Caro G. Die Berichterstattung auf dem ersten Kreuzzuge. — Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Bd. XXIX, 1912, S. 50–62.

Carpenter M. The Paper that Romanos Swallowed. — Speculum, Vol. VII, 1932, P. 3–32.

Carpenter M. Romanos and the Mistery Play of the East. Columbia, 1936. (The University of Missouri Studies, XI, 3).

Caspar E. Geschichte des Papsttum. Bd. I–II. Tübingen, 1930–1933.

Caspar E. Letters of Gregory II. — Zeitschrift für Kirchengeschichte, Bd. LII, 1933, S. 29–89.

Caspar E. Roger II. (1101–1154) und die Gründung der normanisch-sicilischen Monarchie. Innsbruck, 1904.

Castellani G. Un Traité inédit en Grec de Cyriaque d'Ancône. — Revue des études grecques, Vol. IX, 1896, P. 225–228.

Cedrenus Georgius. Historiarum compendium. Ed. I. Bekker. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae). Bonn, 1838.

Cerone F. Il Papa ed i Veneziani nella quarta crociata. — Archivio Veneto, Vol. XXXVI, 1888, P. 57–70; 287–297.

Cerone F. La politica orientale di Alfonso d'Aragona. — Archivio storico per il provincie Napolitane, Vol. XVII, 1902, P. 425–456, 555–634; Vol. XVIII, 1903, P. 167 ff.

Chabot J. Un Épisode de l'histoire des croisades. — Mélanges offerts à M. Gustave Schlumberger. Vol. I, Paris, 1924.

Chalandon F. Les Comnène: Études sur l'empire byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vols. 1–2, Paris, 1900–1912.

Chalandon F. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile. Paris, 1907.

Chaladon F. The Earlier Comneni. — The Cambridge Medieval History, Vol. IV, Cambridge, London, 1923, P. 318–350.

Chalandon F. Histoire de la première croisade jusqu'à l'élection de Godefroi de Bouillon. Paris, 1925.

Chamberlin W. On Rereadig Gibbon. — The Atlantic Monthly, Vol. CLXXIV, 1944, P. 65–70.

Chapman C. Michel Paléologue restaurateur de l'empire byzantin (1261–1282). Paris, 1926.

Charanis P. The Crown Modiolus Once More. — Byzantion, Vol. XIII, 1938, P. 337–381.

Charanis P. Church and State in the Later Roman Empire. The Religious Policy of Anastasius the First, 498–518. Madison, Wisconsin, 1939. (*Очень тщательное исследование.*)

Charanis P. Internal Strife in Byzantium in the Fourteenth Century. — Byzantion, Vol. XV, 1940–1941, P. 208–230.

Charanis P. The Strife among the Palaeologi and the Ottoman Turks, 1370–1422. — Byzantion, Vol. XVI, 1942–1943, P. 286–314.

Charanis P. On the Question of the Hellenization of Sicily and Southern Italy during the Middle Ages. — The American Historical Review. vol. LII, 1946–1947, P. 74–86.

Charanis P. The Monastic Properties and the State in the Byzantine Empire. — Dumbarton Oaks Papers, Vol. IV, 1948, P. 51–119.

Charanis P. Byzantium, the West and the Origin of the First Crusade. — Byzantion, Vol. XIX, 1949, P. 17–37.

Charanis P. The Chronicle of Monemvasia and the Question of the Slavonic Settlements in Greece. — Dumbarton Oaks Papers, Vol. V, 1950, P. 139–167.

Chekrezi C. Albania: Past and Present. New York, 1919.

Cheronis N. D. Chemical Warfare in the Middle Ages. Kallinikos Prepared Fire. — Journal of Chemical Education, Vol. XIV, 8, 1937, P. 360—365.

Chiliades. Ed. Th. Kiessling. Leipzig, 1826.

Christ W. Geschichte der griechischen Literatur. München, 1924.

Chronica Minora. Trans. I. Guidi. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium). Paris, 1903–1905.

The Chronicle of Morea. Ed. J. Schmitt. London, 1904. Греческое издание — ed. P. Kalonares. Athenai, 1940.

Chronicon Adae de Usk. Ed. E. M. Thompson. London, 1904.

Chronicon Estense. Ed. L. A. Muratori. Milano, 1729. (Scriptores Rerum Italicarum, XV).

Chronicon Magni Presbyteri (Annales Reicherspergenses). Herausgegeben von G. H. Pertz. Hanver, 1861. (Monumenta Germaniae Historica, Vol. XVII, cols. 439–534).

Chronique de Jean évêque de Nikiou. Texte éthiopien publié et traduit par M. H. Zotenberg, Paris, 1883. (Notices et extraits des manuscripts de la Bibliothèque Nationale, XXIV).

Chronique de Michel le Syrien. Trad. de Chabot J. B. Vol. I–III. Paris, 1899–1910.

Chronique du Religieux de Saint-Denys. Publié par M. L. Bellaguet. Vol. I–6. Paris, 1839–1852.

Chrysostomos Iohannes. Epistolae. Ed. J. P. Migne. PG, Vol. LII, Paris, 1862.

Chrysostome J. Oeuvres complètes de Saint Jean Chrysostome. Transl. de M. Jeannin. Arras, 1887.

Chumnos Georgios. Old Testament Legends from a Greek Poem on Genesis and Exodus. ed F. H. Marshall. Cambridge, 1925.

Cinnamus I. Historia. Ed. A. Meineke. Bonn, 1838. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Clavijo Ruy Gonzales de. A Diary of the Journey to the Court of Timur (Tammerlane), to Samarcand in 1403–1406. English translation by Guy Le Strange. London, 1928.

Clemens Alexandrinus. Stromata. Ed. J-P. Migne. PG, vol. VIII, Paris, 1891; ed. O. Stählin. Leipzig, 1939.

Codellas P. S. The Pantocrator, the Imperial Byzantine Medical Center of the Twelfth Century A. D. in Constaintinople. — Bulletin of the History of Medecine, Vol. XII, 2, 1942, P. 392–410.

Cognasso F. Partiti politici e lotte dinastiche in Bizantio alla morte di Manuele Comneno. Torino, 1912. (Reale Accademia delle scienze di Torino, 1911–1912).

Cognasso F. Un imperatore bizantino della decadenza — Isacco II Angelo. — Bessarione, Vol. XXXI, 1915, P. 29–60; 246–289. Отдельное издание — Roma, 1915.

Cognasso F. Una crisobolla di Michele IX Paleologo per Teodoro I di Monferrato. — Studi bizantini, Vol. II. Roma, 1927.

Cohn. Eustathius, Erzbischof von Thessalonike. — RE, Elfter Halbband. VI, 1909, cols. 1452–1489.

Coleman C. B. Constantine the Great and Christianity. New York, 1914. (Columbia University Studies in History, Economics and Public Law, LX).

Collectio Avellana. Herausgegeben von O. Günter. Wien, 1895. (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum, Vol. XXXV).

Collinet P. Études historiques sur le droit de Justinien. Vol. I, Paris, 1912. (*Интересно и важно.*)

Collinet P. Byzantine Legislation from the Death of Justinian (565) to 1453. — The Cambridge Medieval History, Vol. IV, Cambridge, London, 1923, P. 707–723.

Collinet P. Histoire de l'école de droit de Beyrouth. Paris, 1925.

Comnena Anna. The Alexiad. Ed. A. Reifferscheid. Vols. 1–2, Leipzig, 1884. Английский перевод — translated by A. S. E. Dawes. London, 1928.

Condurachi E. Factions et jeux de cirque à Rome au début du VIe siècle. — Revue historique du sud-est européen. Vol. XVIII, 1941, P. 95–102.

Condurachi E. La politique financière de l'Empereur Julien. — Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine, Vol. XXII, 2, 1941, P. 1–59.

Condurachi E. Les Idées politiques de Zosime. — Revista Classica, Vol. XIII–XIV, 1941–1942.

Constantinescu N. A. Réforme sociale ou réforme fiscale? — Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine, Vol. XI, 1924, P. 95–96.

Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis aulae byzantinae. Ed. J. J. Reiske, I. Bekker. Bonn, 1829–1840. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Constantinus Porphyrogenitus. De thematibus. Ed. I. Bekker. Bonn, 1840. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Constantinus Porphyrogenitus. Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti confecta. Ed. C. de Boor. Berlin, 1903.

Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio. Ed. G. Moravcsic and transl. by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949.

Constitutio Imperatoriam majestatem. ed. P. Krüger. Berlin, 1892.

Corippus Flavius. De laudibus Justini. Ed. I. Bekker. Bonn, 1836. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Cosmas Indicopleustes. Topographia christiana. Ed. J. P. Migne. PG, Vol. CLXXXVIII, Paris, 1864; ed. E. Winstedt. The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes. Cambridge, 1909; transl. J. W. McCrindle. The Christian Topography of Cosmas, an Egyptian Monk. London, 1897 (Hakluyt Society Publications. no 98); Cosmas Indicopleustès. Topographie chrétienne. Introduction, texte critique, illustration, traduction et notes par W. Wolska-Conus. Tome I, livres I–IV, Paris, 1968 (Sources chrétiennes, 141); Tome II, livre V, Paris, 1970 (Sources chrétiennes, 159); Tome III, livres VI–XII, Index, Paris, 1973 (Sources chrétiennes, 197).

Coster C. H. Synesius, a Curialis of the Time of the Emperor Arcadius. — Byzantion, Vol. XV, 1940–1941, P. 10–38.

Cross C. H. The Russian Primary Chronicle. Cambridge, 1930. (Harvard Studies and Notes Literature, XII).

Crtitobulus. — C. G. Müller. (ed.) Fragmenta Historicorum Graecorum, Vol. V, Paris, 1870.

Crump C., Jacob E. (Eds.) The Legacy of the Middle Ages. Oxford, 1926.

Curtis E. Roger of Sicily and the Normans in Lower Italy. 1016–1054. New York, London, 1912.

Cydones Demetrius. Συμβουλευτικὸς ἕτερος. — Ed. J-P. Migne, PG, vol. CLIV, Paris, 1859.

Cyriacus of Ancona. Epigrammata reperta per Illyricum a Cyriaco Aconitano. Romae, 1747.

Dahn F. Procopius von Cäsarea. Berlin, 1865.

Dalton O. M. Byzantine Art and Archaeology. Oxford, 1911.

Dalton O. M. East Christian Art. Oxford, 1925.

The Damascus Chronicle of the Crusaders. Extracted and translated from the Chronicle of Ibn al-Qalanisi by H. A. R. Gibb. London, 1932.

Danduli A. Chronicon. Ed. L. A. Muratori. Milano, 1728. (Rerum Italicarum Scriptores, XII, P. 1–523).

Danstrup J. Recherches critiques sur Andronic I. Arsbok, 1944; Lund, 1945.

Danstrup J. The State and Landed Property in Byzantium to 1250. — Classica et Medievalia, Vol. VIII, 1946, P. 221–262.

Danstrup J. Manuel's coup against Genoa and Venice in the Light of Byzantine Commercial Policy. — Classica et Medievalia, Vol. X, 1949, P. 195–219.

Darkó J. Zum Leben des Laonikos Chalkondyles. — Byzantinische Zeitschrift, Bd., XXIV, 1923, P. 29–39.

Darkó J. Neuere Beiträge zur Biographie des Laonikos Chalkokondyles. — Compte-rendu du deuxième Congrès international des études byzantines à Belgrade, 1927. Belgrade, 1929, P. 25–29.

Darkó J. La militarizatione dell' Impero Bizantino. — Studi bizantini e neoellenici, Vol. V, 1939, P. 88–39.

Davidson R. Forschungen zur Geschichte von Florenz. Berlin, 1891.

Dawkins R. M. Greeks and Northmen. — Custom is King: Essays Presented to Dr. R. R. Marett. Oxford, 1936.

Declareuil T. Rome et l'organisation du droit. Paris, 1924. (Bibliothèque de synthèse historique. L'évolution de l'humanité. Ed. H. Berr).

Delarue F. Abrégé de l'histoire de Bas-Empire de Lebeau. Lyon, 1847.

Delehaye H. La vie de Saint Paul le jeune et la chronologie de Metaphraste. — Revue des questions historiques. N. S., 1893, P. 49–85.

Delehaye H. (ed.) Life of Daniel the Stylite. — Analecta Bollandiana, Vol. XXXII, 1913, cap. 31.

Delehaye H. Les Saints Stylites. Bruxelles, 1923.

Dendias M. Le Roi Manfred de Sicile et la bataille de Pélagonie. — Mélanges Charles Diehl: Études sur l'histoire et sur l'art de Byzance. Paris, 1930.

Devreesse R. Le Patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'église jusqu'a la conquête Arabe. Paris, 1945.

Dewing H. B. (Ed. and trans.) Procopius of Caesaraea. Vols. 1–7, Cambridge, London, 1914–1940.

Dictionnaire de théologie catholique. Ed. A Vacant, E. Mangenot, E. Amman. Vols. 1–15, Paris, 1931—(cont.)

Diehl Ch. Études sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (568–751). Paris, 1888.

Diehl Ch. L'Afrique byzantine. Paris, 1896.

Diehl Ch. L'Origine du régime des thèmes dans l'empire byzantin. — Les Études d'histoire du moyen âge dédiées à G. Monod. Paris, 1896. Эта статья была затем перепечатана в его же книге — Études byzantines. Paris, 1905.

Diehl Ch. Justinien et la civilisation byzantine au VIe siècle. Paris, 1901.

Diehl Ch. Théodora impératrice de Byzance. Paris, 1904. Перепечатка — Paris, 1937.

Diehl Ch. Études byzantines: Introduction à l'histoire de Byzance, les études d'histoire byzantine en 1905. Paris, 1905.

Diehl Ch. Ravenne. Paris, 1907.

Diehl Ch. Figures byzantines. Première série. Paris, 1906–1908. Четвертое издание — Paris, 1909. Deuxième série. Paris, 1908. Английский перевод — H. Bell (transl. and ed.) Byzantine Portraits. New York, 1927. (*Биография Феодоры — лучшая из всех написанных. Очерк об Андронике Комнине написан блистательно.*)

Diehl Ch. Manuel d'art byzantin. Paris, 1910. Второе издание — Vols. 1–2, Paris, 1925–1926.

Diehl Ch. Une République patricienne, Venise. Paris, 1915. Второе издание — Paris, 1928.

Diehl Ch. La dernière renaissance de l'art Byzantin. — Journal des Savants, N. S. XV, 1917, P. 361–376.

Diehl Ch. Byzance. Grandeur et décadence. Paris, 1920.

Diehl Ch. Byzantine Civilization. — The Cambridge Medieval History, Vol. IV, Cambridge, London, 1923, P. 745–777.

Diehl Ch. The Fourth Crusade and the Latin Empire. — The Cambridge Medieval History, Vol. IV, Cambridge, London, 1923, P. 415–431.

Diehl Ch. Leo III and the Isaurian Dynasty (717—802). — The Cambridge Medieval History, Vol. IV, Cambridge, London, 1923, P. 1–26.

Diehl Ch. L'Empereur au nez coupé. — Revue de Paris, premier janvier 1923. Перепечатано затем в его же книге — Choses et gens de Byzance. Paris, 1926.

Diehl Ch. La Société byzantine à l'époque des Croisades. — Revue historique du sud-est européen, Vol. VI, 1929, P. 198–280. Отдельное издание — Paris, 1929. *(Весьма интересно.)*

Diehl Ch. Histoire de l'empire byzantine. Paris, 1930.

Diehl Ch. La Légende de l'empereur Théophile. — Annales de l'Institut Kondakov, Vol. IV, 1931, P. 33–37.

Diehl Ch. Les Grands Problèmes de l'histoire byzantine. Paris, 1943.

Diehl Ch. [рецензия] S. Runciman «Byzantine Civilization». — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXXIV, 1934, P. 127–130. (*Диль отмечает некоторые ошибки, но в целом говорит, что работа является превосходной.*)

Diehl Ch., Marçais G. Le monde oriental de 395 à 1018. Paris, 1936.

Diehl Ch., Guilland R., Oeconomos L., Grousset R. L'Europe Orientale de 1081 à 1453. Paris, 1945.

Diener B. Imperial Byzantium. Boston. 1938.

Dietrich K. Quellen und Forschungen zur Erd- und Kulturgeschichte. Leipzig,1912

Dirr A. Géorgie. — Encyclopédie de l'Islam, Vol. II, 1927, P. 139–140.

Disputatio Lationorum et Graecorum. — Archivum Franciscanum Historicum, Vol. XII, 1919.

Dodu G. Histoire des institutions monarchiques dans le royaume latin de Jérusalem 1099–1291. Paris, 1894.

Dölger F. Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit. Regesten I. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. Vols. 1–3, München, Berlin, 1924–1932.

Dölger F. [рецензии и заметки] Deutsche Literaturzeitung, Bd. XLII, 1926, cols. 1440–1445; Historisches Jahrbuch, Bd. XLII, 1927, S. 760–766; Historische Zeitschruft, Bd., CXLII, 1930, S. 110–113; Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXVI, 1926, S. 95–101; Bd. XXXVI, 1936, S. 467–468; Bd. XXXVII, 1937, S. 542–547.

Dölger F. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverfaltung besonders des 10 und 11 Jahrhunderts. Leipzig, Berlin, 1927. *(Важно.)*

Dölger F. Die byzantinische Literatur und Dante. — Compterendu du deuxième Congrès International des Études Byzantines, Belgrade, 1927. Belgrade, 1929.

Dolger F. Die neuentdeckte Quelle zur Helenaszene in Goethes Faust. Die Prophyläen. — Beilage zur Münchner Zeitung, Bd. XXVIII, 1931, S. 289–290.

Dölger F. Bulgarisches Cartum und byzantinisches Kaisertum. — Actes du IVe Congrès Intérnational des Études Byzantines. Sofia, 1934.

Dölger F. Der Vertrag des Sultans Qala'un von Aegypten mit dem Kaiser Michael VIII Palaiologus. Serta Monacensia. Leyden, 1952.

Dopsch A. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung. Bd. I. Wien, 1918; второе издание — Wien, 1923. (*Весьма интересно и важно, особенно в том, что касается Запада.*)

Dräseke J. Theodoros Lascaris. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. III, 1894, S. 498–515.

Draseke J. Zum Kircheneinignugsversuch des Jahres 1439. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. V, 1896, S. 572–586.

Dräseke J. Zu Johannes Kantakuzenos. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. IX, 1900, S. 72–84.

Draseke J. Plethons und Bessarions Denkschriften Ueber die Angelegenheiten in Peloponnes. — Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Bd. XXVII, 1911, S. 102–119.

Draseke J. Byzantinische Hadesfahrten. — Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Bd. XXIX, 1912, S. 343–366.

Draseke J. Die neuen Handschriftfunde in den Meteoraklöstern. — Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Bd. XXIX, 1912, S. 542–553.

Drapeyron L. l'Empereur Héraclius et l'empire byzantin au VIIe siècle. Paris, 1869.

Ducas M. Historia byzantina. Ed. Bekker I. Bonn, 1834. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Duchateaux V. Eustathe Archevêque de Thessalonique. Sa Vie, ses oeuvres son histoire du siège et de la prise de Thessalonique par les Normands Siciliens. Reims, 1902. (Travaux de l'Académie Nationale de Reims, vol. CVIII).

Duchesne. Liber Pontificalis. Paris, 1886.

Dudden F. Gregory the Great: His Place in the History og Thought. London, 1905.

Dulaurier E. Chronique de Matthieu d'Edesse. Paris, 1858. (Bibliothèque historique arménienne).

Durrieu P. Les Archives angevines de Naples. Études sur les registres du roi Charles Ier. Paris, 1886. (Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome, Vol. XLVI).

Duruy V. Histoire des Romains. Vols. VI–VII, Paris, 1883–1885.

Dussaud R. Les Arabes en Syrie avant l'Islam. Paris, 1907.

Duthuit G. Byzance et l'art du XIIe siècle. Paris, 1926.

Dvornik F. Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle. Paris, 1926. (*Важно.*)

Dvornik F. La Vie de saint Grégoire de Décapolite et les slaves macédoniens au IXe siècle. Paris, 1926.

Dvornik F. Les Légendes de Constantin et de Mééthode vues de Byzance. Prague, 1933. (*Весьма важно.*)

Dvornik F. The Photian Schism, History and Legend. Cambridge, 1948. Французский перевод — Paris, 1950.

Dvornik F. The Making of Central and Eastern Europe. London, 1949.

Ebersolt J. Constatinople byzantin et les voyageurs du Levant. Paris,1918.

Ebersolt J. Les Arts somptuaires de Byzance. Paris, 1923.

Ebersolt J. La Miniature byzantine. Paris, Bruxelles, 1926.

Ebersolt J. Orient et occident. Paris, 1928–1929.

Ecloga ad Procheiron mutata founded upon the Ecloga of Leo III and Constantine V of Isauria and on the Procheiron nomos of Basil I of Macedonia, including the Rhodian maritime law edited in 1166 A. D. Ed. E. H. Freshfield. Cambridge, 1927. (A Manual of Later Roman Law).

Eichmann E. Studien zur Geschichte der abendländischen Kaiserkrönung. II. Zur Topographie der Kaiser Kaiserkröning. — Historisches Jahrbuch, Bd. XLV, 1925, S. 21–56.

Eichner W. Die Nachrichten über den Islam bei den Byzantinern. — Der Islam, Bd. XXIII, 1936, S. 133–162; S. 197–244.

Elderkin G., Stillwell R. (Eds.) Antioch-on-the-Orontes. Princeton, 1934–1941. (Publications of the Comittee for the Excavation of Antioch and its vicinity).

Ellisen A. Micheal Akominatus von Chonä. Göttingen, 1846.

Ellisen A. Analecten der mittel- und neugriechischen Literatur. IV, Leipzig, 1860.

Emereau C. Notes sur les origines et la fondation de Constantinople. — Revue archéologique, Vol. XXI, 1925, P. 1–25.

Ennslin W. Leo I., Kaiser 457–474. — RE, Zwölfter Band (12, 2), Stuttgart, 1925, cols. 1947–1961.

Ennslin W. Maximus und sein Begleiter der Historiker Priskos. — Byzantinisch-neugrie-chische Jahrbücher, Bd. V, 1926, S. 1–9.

Ennslin W. Theoderich der Grosse. München, 1947.

Ephraemius Monachus. Ed. I. Bekker. Bonn, 1840. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Erdmann C. Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens. Stuttgart, 1935.

Ermoni V. Saint Jean Damascène. Paris, 1904.

Eusebius Caesariensis. De laudibus Constantini. Herausgegeben von I. Heikel. — Eusebius Werke, Leipzig, 1902.

Eusebius Caesariensis. Vita Constantini. Herausgegeben von I. Heikel. Eusebius Werke, Leipzig, 1902.

Eusebius of Caesarea. De laudibus Constantini Ed. P. Schaff , W. Wace, and others. — A Select Library of Nicene and Post-Nicene Fathers of the Christian Church. 2nd ser, Vol. I, New York, 1890.

Eusebius of Caesarea. Historia Ecclesiastica Ed. P. Schaff., H. Wace. — A Select Library of Nicene and Post-Nicene Fathers of Christian Church. 2nd ser, Vol. I, New York, 1890.

Eusebius of Caesarea. Vita Constantini. Ed. P. Schaff., H. Wace and others. — A Select Library of Nicene and Post-Nicene Fathers of Christian Church. 2nd ser, Vol. I, New York, 1890.

Eustathius Thessaloniciensis. De Thessalonica a Latinis capta. Herausgegeben von I. Bekker. Bonn, 1842. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Eustathius Thessaloniciensis. Manuelis Comneni Laudatio funebris. Ed. J-P. Migne, — PG, Vol. CXXXV, Paris, 1887.

Eustratides S., Arcadios of Vatopedi. Catalogue of the Greek Manuscripts in the Library of the Monastery of Vatopedi on Mt. Athos. Cambridge, 1924. (Harvard Theological Studies, XI.)

Eutropius. Breviarium Historiae Romanae ad Valentem Augustum. Ed. F. Rühl. Leipzig, 1919.

Eutychius of Alexandria. Annales. Ed. L. Cheikho, B. Carra de Vaux, H. Zayyat. Beyrouth, Paris, 1906–1912. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Scriptores Arabici). Латинский перевод — ed. J.-P. Migne, PG, Vol. CXI, Paris, 1863, cols. 889–1156.

Evagrius (*Scholasticus*) Historia Ecclesiastica. Ed. J. Bidez, L. Parmentier. London, 1898.

Every G. The Byzantine Patriarchate (451–1204). London, 1948.

Excerpta e Theophanis Historia. Ed. I. Bekker. Bonn, 1829. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Excerpta historica iussu imperatoris Constantini Porphyrogeniti confecta. Ed. C. de Boor. Berlin, 1903.

Falcandus H. Historia sicula. Ed. L. A. Muratori. Milano, 1751. (Scriptores Rerum Italicarum, Vol. VII, cols. 249–344).

Falier-Papadopoulos J. B. Phrantzès est-il réellement l'auteur de la grande chronique qui porte son nom? — Bulletin de l'institut archéologique bulgare, Vol. IX, 1935, P. 177–189.

Fallmerayer J. P. Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters. Stuttagrt, 1830–1836.

Faral E. Geoffroy de Villehardouin. La question de sincérité. — Revue historique, Vol. CLXXVII, 1936, P. 530–582.

Ferrini C. Edizione critica del νόμος γεωργικός. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. VII, 1898, S. 558–571.

Ferrini C. Opera di Contrado Ferrini. vol. I. Milano, 1929.

Festa N. A Propos d'une biographie de St. Jean le Miséricordieux. — Византийский Временник, Т. 13, 1906, С. 1–35.

Festa N. La Lettere greche di Federigo II. — Archivio storico italiano, Ser. 5, Vol. XIII, 1894, P. 1–34.

Festa N. [рецензия] Pappadopoulos J. B. «Theodore II Lascaris empereur de Nicée». Paris, 1908 — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XVIII, 1909, S. 213–217.

Feugière L. Étude sur la vie et les ouvrages de Ducange. Paris, 1852.

Fialon E. Étude historique et littéraire sur saint Basile. Paris, 1869.

Finlay G. History of the Byzantine Empire from DCXIV to MLVII. 2nd edition Edinburgh, London, 1856; Ed. H. F. Tozer. Oxford, 1877.

Finlay G. A History of Greece. Ed. Tozer H. F. Oxford, 1877.

Fischer W. Studien zur byzantinischen Geschichte des 11. Jahrhunderts. Plauen, 1883.

Fitzgerald A. The Letters of Synesius of Cyrene. London, 1926.

Fitzgerald A. The Essays and Hymns of Synesius of Cyrene. Oxford, London, 1930.

Fletcher W. Ante-Nicene Christian Library. Edinbourgh, 1871.

Foaks-Jackson F. J. Anna Comnena. — Hibbert Journal, Vol. XXXIII, 1934–1935, P. 430–442.

Fotheringham J. K. Genoa and the Fourth Crusade. — The English Historical Review, Vol. XXV, 1910, P. 20–57.

Fotheringham J. K. Marco Sanudo, Conqueror of the Archipelago. Oxford, 1915.

Freeman E. A. The History of the Norman Conquest of England. Oxford, 1870.

Freeman E. A. Historical Essays. Vol. III, ser.2, 2nd ed., London, 1892.

Freshfield E. (ed.) A Manual of Roman Law-the Ecloga-Published by the Emperors Leo III and Constantine V of Isauria at Constantinople A. D. 726. Cambridge, 1926.

Freshfield E. (ed.) A Revised Manuel of Roman Law founded upon the Ecloga of Leo III and Constantine V of Isauria. Ecloga privata aucta. Cambridge, 1927.

Freschifield E. (ed.) A manual of Eastern Roman Law. The Procherios Nomos published by the Emperor Basil of Constantinople between 867 and 879 A. D. Cambridge, 1928.

Freshfield E. (ed.) Roman Law in the Later Roman Empire. Byzantine Guilds. Professional and Commercial Ordinances of Leo VI. c. 895 from the Book of the Eparch rendered into English. Cambridge, 1938.

Freytag G. Regnum Sahd-Aldaulae in oppido Halebo. Bonn, 1820. Перепечатано также в Боннском издании Льва Диакона — Leo Diaconus. Historiae ed. C. B. Hasii. Bonn, 1828. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Fridländer P. Johannes von Gaza und Paulus Silentiarius. Leipzig, Berlin, 1912.

Friedmann E. Der mittelalterische Welthandel von Florenz in seiner geographischer Ausdehnung. (nach der Practica della mercatura des Balducci Pegolotti) Wien, 1912. (Abhandlungen der Kaiserlichen Königlichen Gesellschaft in Wien, X).

Fuchs F. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig, Berlin, 1926. (*Важно.*)

Fulgentii Ferrandi Epistolae. Ed. J-P. Migne. PL, vol. LXVII, Paris, 1848.

Fuller G. Andronicus, or the Unfortunate Politician. London, 1646.

Fustel de Coulanges N. D. Les Origines du système féodal. Paris, 1890.

Fustel de Coulanges N. D. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Paris, 1904.

Gabotto F. Eufemio il movimento separatista nella Italia bizantina. Torino, 1890.

Gardner A. Theodore of Studion. His Life and Times. London, 1905.

Gardner A. The Lascarids of Nicaea: The Story of an Empire in Exile. London, 1922.

Gasquet A. L'Empire byzantin et la monarchie franque. Paris, 1888.

Gass W. Die Mystik des Nikolaus Kabasilas vom Leben in Christo. Greisswald, 1849.

Gay I. L'Italie méridionale et l'empire byzantin depuis l'avènement de Basile Ier jusqu'à la prise de Bari par les normands, 867–1071. Paris, 1904. (*Важно.*)

Gay I. Les Papes du XIe siècle et la chrétienté. Paris, 1926.

Geffcken J. Kaiser Julianus. Leipzig, 1914.

Gelzer H. «Kosmas der Inidienfahrer» — Jahrbücher für protestantische Theologie, Bd.IX, 1883, S. 105–141.

Gelzer H. Leontius' von Neapolis Leben des heilligen Johannes des Barmherzigen Erzbischof von Alexandrien. Freiburg, Leipzig, 1893.

Gelzer H. (ed.) Georgii Cyprii Descriptio Orbis Romani. Leipzig, 1890.

Gelzer H. Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte. München, 1897.

Gelzer H. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899.

Gelzer H. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae Episcopatum, ein Beitrag zur byzantinischen Kirchen- und Verwaltungsgeschichte. München, 1901. (Abhandlungen der philologische-philosophischen Klasse der Akademie der Wissenschaften zu München. Bd. XII).

Gelzer M. Studien zur byzantinischen Verwaltung Ägyptens. Leipzig, 1909.

Genesius J. Regna. Ed. C. Lachmann. Bonn, 1834. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Gennadius Scholarius. Oeuvres complètes de Gennade Scholarios. Ed. L. Petit, X. A. Siderides, M. Jugie. Vols. 1–8, Paris, 1928–1936.

Georgius Cyprius. ed. J-P. Migne. — PG, Vol. CXLII, Paris, 1865.

Georgius Monachus Hamartolus. Chronicon. Ed. E. Murault. St. Petersburg, 1859; ed. C. de Boor. Vols. 1–2. Leipzig, 1904.

Georgios Pisida. De expeditione persica. Ed. I. Bekker. Bonn, 1836. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Gercke A., Norden E. Einleintung in die Altertumswissenschaft. Bd. III. Berlin, 1914.

Gerland E. Der vierte Kreuzzung und seine Probleme. — Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Bd. XIII, 1904, S. 505–514.

Gerland E. Geschichte der Frankenherrschaft in Griechenland. II. Geschichte des lateinischen Kaiserreiches von Konstantinopel. Hamburg, 1905. *(Детальный рассказ о внешней политике Латинской Империи с 1204 по 1216 г., основанный на рукописях К. Гопфа.)*

Gerland E. Die Quellen der Helenaepisode in Goeths Faust. — Neue Jahrbücher für klassische Altertum, Bd., XXV, 1910, S. 735–739.

Gerland E. Byzantion und die Gründung der Stadt Konstantinopel. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. X, 1933, S. 93–105.

Gerland E. Das Studium der byzantinischen Geschichte von Humanismus bis zur Jetztheit. Athenae, 1934.

Gerland E. Konstantin der Grosse in Geschichte und Sage. Athenae, 1937. (Texte und Forschungen zur byzantinische-neugriechische Philologie, 23). *(Посмертное сочинение Герланда, не имеющее научного значения. Исследование не проработано.)*

Gesta Dagoberti I regis Francorum. Hannover, 1888. (Monumenta Germaniae Historica Scriptores. Rerum Merovingicarum, Vol. II, P. 396–425).

Gesta regis Henrici Secundi. Ed. W. Stubbs. London, 1867. (Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores, Vol. XLIX).

Gfrörer A. Byzantinische Geschichten. Bd. II–III, Graz, 1873–1877.

Gibbon E. The Autobiographies of Edward Gibbon. Ed. J. Murray. London, 1896.

Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Ed. J-B. Bury. Vols. 1–7, London, 1897–1902.

Gibbons H. A. The Foundation of the Ottoman Empire. Oxford, 1916.

Gidel M. Études sur la littérature grecque moderne. Paris, 1866.

Giese F. Das Problem der Entstehung des Osmanisches Reiches. — Zeitschrift für Semitistik, Bd. II, 1923, S. 246–271.

Gildesrleeve B. L. Paulus Slientiarius. — American Journal of Philology, vol. XXXVIII, 1917, S. 42–72.

Ginnis D. Das promulgationsjahr der Isaurischen Ecloge. — Byzantinische Zeitschrift, Bd, XXIV, 1924, S. 346–358.

Gjerset K. History of the Norwegian People. New York, 1915.

De Goeje M. J. Harun-ibn-Yahya. — Bibliotheca Geographicorum Arabicorum, Vol. VII, 1892, P. 119–132.

De Goeje M. J. Mémoire sur la conquête de la Syrie. Leyden, 1900.

Görres F. Die byzantinischen Besitzungen an den Küsten des spanisch-westgothischen Reiches (554–624). — Byzantinische Zeitschrift, Bd, XVI, 1907, S. 530–532.

Görres F. Justinian II. und das römische Papsttum. — Byzantinische Zeitschriftm, Bd. XVII, 1908, S. 440–450.

Goldziher I. Muhammedanische Studien. Halle, 1890.

Goldziher I. Vorlesungen über den Islam. Heidelberg, 1910.

Goldziher I. Die Religion des Islams. — Die Kultur der Gegenwart. Herausgegeben von P. Hinneberg. Die Religionen des Orients. Bd. III, 1913.

Golubovich G. Disputatio Latinorum et Graecorum. — Archivum Franciscanum Historicum, Vol. XII, 1919, P. 428–465.

Goubert P. L'Administration de l'Espagne Byzantine. — Études byzantines, Vol. III, 1945, P. 127–143; Vol. IV, 1946, P. 71–135.

Goubert P. Byzance et l'Espagne wisigithique (554–711). — Revue des études byzantines, Vol. II, 1945, P. 5–78.

Grabar A. L'Art byzantine. Paris, 1938.

Grégoire H. Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure. Paris, 1922.

Grégoire H. Le Véritable nom et la date de l'église de la dormition à Nicée. Un texte nouveau et décisif. — Mélanges d'histoire offerts à Henri Pirenne. Vol. I, Paris, Bruxelles, 1926.

Grégoire H. L'Étymologie de Labarum. — Byzantion, Vol. IV, 1929, P. 477–482.

Grégoire H. Un Continuateur de Constantin Manassès et sa source. — Mélanges offerts a M. Gustave Schlumberger, Vol. I, Paris, 1924.

Grégoire H. Le Tome II du Vasiliev. — Byzantion, Vol. V, 1930, P. 779–784.

Grégoire H. La 'Conversion' de Constantin. — Revue de l'Université de Bruxelles, Vol. XXXVI, 1930–1931, P. 231–272.

Grégoire H. Une Source byzantine du second Faust. — Revue de l'Université de Bruxelles, Vol. XXXVI, 1930–1931, P. 348–354.

Grégoire H. L'Opinion byzantine et la bataille de Kossovo. — Byzantion, Vol. VI, 1931, P. 247–251.

Grégoire H. Du Nouveau sur le Patriarche Photius. — Bulletin de la classe des lettres de l'Académie royale de Belgique, Vol. XX, 1934, P. 36–53.

Grégoire H. Du Nouveau sur la chronologie byzantine; le 'Scriptor incertus de Leone Armenio' est le dernier continuateur de Malalas. — Bulletin de la classe des lettres de l'Académie royale de Belgique, Vol. XXII, 1936, P. 420–436.

Grégoire H. Le Peuple de Constantinople. — Byzantion, Vol. XI, 1936, P. 617–716.

Grégoire H. Un Nouveau Fragment du 'Scriptor incertus de Leone Armenio'. — Byzantion, Vol. XI, 1936, P. 427–428.

Grégoire H. La Légende d'Oleg et l'expedition d'Igor. — Bulletin de la classe des lettres de l'Académie royale de Belgique, Vol. XXIII, 1937, P. 80–94.

Grégoire H. M. Charles Diehl, M. M. G. Ostrogorsky et M. Stein ou 'Slavica non leguntur'. — Byzantion, Vol. XIII, 2, 1938, P. 749–757.

Grégoire H. Eusèbe n'est pas l'auteur de la 'Vita Constantini' dans sa forme actuelle et Constantin ne s'est pas 'converti' en 312. — Byzantion, Vol. XIII, 1938, P. 561–583.

Grégoire H. Notules epigraphiques. — Byzantion, Vol. XIII, 1938.

Grégoire H. Les Pierres qui crient. — Byzantion, Vol. XIV, 1939, P. 317–321.

Grégoire H. The Question of the Diversion of the Fourth Crusade. — Byzantion, Vol. XV, 1941, P. 158–166.

Grégoire H. Digenis Akritas. The Byzantine Epic in History and Poetry. New York, 1942.[3]

Grégoire H. An Armenian Dynasty on the Byzantine Throne. — Armenian Quarterly, Vol. I, 1946, P. 4–21.

---

[3] А. А. Васильев отмечает, что книга издана на современном греческом, не приводя, однако, греческого названия. (*Прим. ред.*)

Grégoire H. Le Problème de la version 'originale' de l'Épopée de Digenis Akritas. — Revue des études byzantines. Vol. VI, 1, 1948, pp. 27–35. *(Очень полезно для проблемы Дигениса Акрита. Работа содержит также библиографию новейших исследований по данной теме).*

Grégoire H. [рецензия] Ostrogorsky G. A. «Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites». — Byzantion, Vol. IV, 1929, P. 765–771.

Grégoire H. [рецензия] Gerland E. «Konstantin der Grosse in Geschichte und Sage». Athenae, 1937. (Texte und Forschungen zur byzantinisch-neugriechische Philologie, 23). — Byzantion, Vol. XII, 1937, P. 698–699.

Grégoire H. [рецензия] G. A. Ostrogorsky. «Geschichte des Byzantinischen Staates». — Byzantion, Vol. XIV, 2, 1944, P. 545–555.

Grégoire H., Goosens R. Les Recherches sur l'épopée byzantine. — L'Antiquité classique, Vol. I, 1932, P. 419–439; Vol. II, 1933, P. 449–472.

Grégoire H., Keyser R. La Chanson de Roland et Byzance; ou de l'utilité du grec pour les romanistes. — Byzantion, Vol. XIV, 1939, P. 265–301.

Grégoire H., Kugener M. A. (eds.) Marc le Diacre, vie de Porphyre évêque de Gaza. Paris, 1930.

Gregorii Magni Epistolae. Ed. L. M. Hartmann. Vols. 1–2, Berlin, 1891–1892. (Monumenta Germaniae Historica Epistolarum, vols. I–II).; ed. J.-P. Migne. — PL, Vols. LXXV–LXXIX, Paris, 1849; Ed. P. Schaff — A Select Library of Nicene and Post-Nicene Fathers of the Christian Church. 2nd ser., vols. XI–XIII, New York, 1895–1898; Ed. J. D. Mansi — Conciliorum Nova et Amplissima Collectio, Vol. IX, Firenze, 1763, P. 1023–1240.

Gregorii Turonensis Episcopi Historia Francorum. Ed. H. Omont, G. Collon, Vol. II. Paris, 1913.

Gregorius Nyssenus. Oratio de Deitate Filii et Spiritus Sancti. Ed. J.-P. Migne, — PG, Vol. XLVI, Paris, 1845.

Gregorovius F. A. Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter von der Zeit Justinian's bis zur türkischen Eroberung. Stuttgart, 1889.

Grimbert E. Theodora. Die Tanzerin auf dem Kaiserthron. München, 1928.

Grimme H. Mohammed. I. Das Leben. Münster, 1892.

Gröber G. Grundriss der romanischen Philologie. Strassbourg, 1904–1906.

Groh. Geschichte des oströmischen Kaisers Justin II, nebst den Quellen. Leipzig, 1889.

Grosvenor E. A. Constantinople. Boston, 1895.

Grousset R. Histoire d'Asie. III. Le Monde mongol. Paris, 1922.

Grousset R. Histoire des croisades et du Royaume Franc de Jérusalem. Vols. 1–3, Paris, 1934–1936.

Grousset R. L'Empire des steppes. Attila, Gengiz-Kahn, Tamerlan. Paris, 1939.

Grousset R. Histoire de l'Arménie des origines à 1071. Paris, 1947.

Grousset R. L'Empire du Levant. Histoire de la question d'Orient. Paris, 1949.

Gruhn A. Die Byzantinische Politik zur Zeit der Kreuzzüge. Berlin, 1904.

Grumel V. Les Ambassadeurs ponitificales a Byzance après le IIe Concile de Lyon (1274–1280). — Échos d'Orient, Vol. XXIII, 1924, P. 437–447.

Grumel V. En Orient après le IIe concile de Lyon. — Échos d'Orient, Vol. XXIV, 1925, P. 321 ff.

Grumel V. Michel Glykas. — Dictionnaire de théologie catholique, Vol. X, 2, 1928, P. 1705–1707.

Grumel V. La Date de la promulgation de l'Écloge de Leon III. — Échos d'Orient, Vol. XXXIV, 1935, P. 331 ff.

Grumel V. L'Affaire de Léon de Chalcedoiné. Le chrysobulle d'Alexis Ier sur les objets sacrés. — Études byzantines, Vol. II, 1945, P. 126–133.

Grumel V. [рецензия] P. Lemerle. «Histoire de Byzance». — Études byzantines, Vol. II, 1945, P. 275.

Grupe E. Kaiser Justinian, aus seinem Leben und aus seiner Zeit. Leipzig, 1923. (Wissenschaft und Bildung, n. 184).

Gsell S. Les Monuments antiques de l'Algérie. Paris, 1901.

Güldenpenning A. Geschichte des oströmisches Reiches unter den Kaisern Arcadius und Theodosius II. Halle, 1885.

Güldenpenning A., Ifland J. Der Kaiser Theodosius der Grosse. Halle, 1878.

Guérard L. Les Lettres de Grégoire II a Léon l'Isaurien. — Mélanges d'archéologie et d'histoire, Vol. X, 1890, P. 44–60.

Güterbock K. Byzanz und Persien in ihren diplomatisch-völkerrechtlichen Beziehungen im Zeitalter Justinians. Berlin, 1906.

Güterbock K. Laonikos Chalkondyles. — Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht, Bd. IV, 1910, S. 72–102.

Güterbock K. Der Islam im Lichte der byzantinischen Polemik. Berlin, 1912.

Guilland R. L'Italie byzantine. Étude sur le haut Moyen Âge, 400–1050. Paris, 1914.

Guilland R. Le Palais de Théodore Métochite. — Revue des études grecques, Vol. XXXV, 1922, P. 82–95.

Guilland R. Essai sur Nicéphore Grégoras. L'homme et l'oeuvre. Paris, 1926.

Guilland R. Correspondance de Nicéphore Grégoras. Paris, 1927.

Guilland R. Les Poésies inédites de Théodore Métochite. — Byzantion, Vol. III, 1927, P. 265–302.

Guilland R. La Correspondance inédite de Nicolas Cabasilas. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXX, 1929–1930, S. 96–102.

Guilland R. La Correspondance inédite d'Athanase, Patriarche de Constantinople (1289–1293; 1304–1310). — Mélanges Diehl: Études sur l'histoire et sur l'art de Byzance. Paris, 1930.

Guilland R. Le Protovestiaire George Phrantzès. — Revue des études byzantines, Vol. VI, 1, 1948, P. 48–57.

Guillaume de Tyr et ses continuateurs: texte français du XIIIe siècle. 1–2. Ed. M. Paulin. Paris, 1879–1880.

Guldencrone Baronne D. de. L'Achaie féodale. Étude sur le moyen âge en Grèce (1205–1456). Paris, 1886.

Guldencrone Baronne D. de. L'Italie byzantine. Étude sur le haut moyen âge. 400–1050. Paris, 1914. *(Книжка популярного характера со ссылкой на некоторые источники.)*

Gwatkin H. M. Arianism. — The Cambridge Medieval History, Vol. I, Cambridge, London, 1911, P. 118–142.

Gwatkin H. M. Studies on Arianism. Cambrdge, 1900. (*Прекрасная работа.*)

Hagenmeyer H. Der Brief des Kaisers Alexios I Komnenos an den Grafen Robert I von Flandern. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. VI, 1897, S. 1–32.

Hagenmeyer H. Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088–1100. Innsbruck, 1901.

Hahn J. Albanesische Studien. Jena, 1854.

Halecki O. The Crusade of Varna. A Discussion of Controversial Problems. New York, 1943.

Halecki O. Un Empereur de Byzance à Rome. Warszawa, 1930.

Halecki O. La Pologne et l'empire Byzantin. — Byzantion, Vol. VII, 1932, P. 41–67.

Haller J. Kaiser Heinrich VI. — Historische Zeitschrift, Bd. CXIII, 1914, S. 473–504.

Halphen L. Les Barbares; des grandes invasions aux conquêtes turques de XIe siècle. Paris, 1926.

Halphen L. La Conquête de la Méditerranée par les Europeens au XIe et au XIIe siècle. — Mélanges d'histoire offerts à H. Pirenne. Bruxelles, Paris, 1926.

Hamid M. Das Fremdenrecht in der Türkei. — Die Welt der Islam, Bd. VII, 1919, S. 26–27.

Hanotaux G. Les Vénitiens ontils trahi la chrétienneté en 1202? — Revue historique, Vol. IV, 1887, P. 74–102.

Harnack A. Geschichte der altchristlichen Literatur bis Eusebius. II. Die Chronologie der altchristlichen Literatur bis Eusebius. Leipzig, 1904.

Harnack A. Lehrbuch der Dogmengeschichte. Bd. II, Tübingen, 1909.

Harnack A. Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderts. Leipzig, 1924.

Harrison F. Among My Books: Centenaries, Reviews, Memoirs. London, 1912.

Hase M. On Timarion. Paris, 1813. (Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale, Vol. IX, P. 125–168.)

Haskins C. H. The Greek Element in the Renaissance of the Twelfth Century. — The American Historical Review, Vol. XXV, 1920, P. 603–615.

Haskins C. H. The Spread of Ideas in the Medieval Science. Cambridge, 1924.

Haskins C. H. The Spread of Ideas in the Middle Ages. — Speculum, Vol. I, 1926, P. 19–30.

Haskins C. H. The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge, 1927.

Hasluck F. W. The Latin Monuments of Chios. — The Annual of the Britisch School at Athens, Vol. XVI, 1909–1910, P. 137–184.

Hasset M. The Reign of Justinian. — The American Catholic Quarterly Review, Vol. XXXVIII, 1912, P. 266–285.

Havet T. Lettres de Gerbert (983–997). Paris, 1889.

Hefele K. J. von. Conciliengeschichte. Bd.1–9, Freiburg, 1873–1895. Английское издание — A History of the Councils of the Church. Vols. 1–5, Edinburgh, 1876–1896. Французское издание — Histoire des Conciles — ed. C. Leclerq. Paris, 1907–1949.

Heichelheim F. Wirtschaftsgeschichte des Altertums vom Paläolitikum bis zur Völker-wanderung der Germanen, Slaven und Araber. Bd. 1–2, Leyden, 1938.

Heimbach O. Ueber die angebliche neueste Redaction der Basiliken durch Contantinus Porphyrogeneta. — Zeitschrift für Rechtsgeschichte, Bd. VIII, 1869, S. 417 ff.

Heimbach G. Basilicorum Libri LX. Leipzig, 1870.

Heisenberg A. Dissertatio de vita et scriptis Nicephori Blemmydae. — Nicephori Blemmydae Curriculum vitae et carmina. Leipzig, 1896.

Heisenberg A. Studien zu Georgios Acropolites. Wien, 1899. (Sitzungsberichte der philosophisch-philologisch und der historische Klasse der Akademie der Wissenschaften, II).

Heisenberg A. Analecta: Mitteilungen aus italienischen Handschriften byzantinischer Chronographen. München, 1901.

Heisenberg A. Dissertatio de vita scriptoris Georgii Acropoitae. — Opera Georgii Acropolitae. Leipzig, 1903.

Heisenberg A. Kaiser Johannes Batatzes der Barmherzige. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XIV, 1905, S. 160–233.

Heisenberg A. Nicolaos Mesarites. Die Palastrevolution des Johannes Komnenos. Würzburg, 1907.

Heisenberg A. Die Apostelkirche in Konstantinopel. Leipzig, 1908.

Heisenberg A. Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit. München, 1920.

Heisenberg A. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion. I. Der Epitaphios des Nikolaos Mesarites auf seinen Bruder Johannes. II. Die Unionsverhandlungen vom 30. August 1206. Patriarchenwahl und Kaiserkrönung in Nikaia 1208. München, 1923.

Henderson B. The Life and Principate of the Emperor Hadrian. London, 1923.

Herewy (*Harewy*) *Aboul Hassan Aly el.* Inidication sur les lieux de Pèlerinage. — Trad. C. Schefer. Paris, 1881. (Archives de l'Orient Latin).

Hergenröther J. Photius, Patriarch von Constantinopel: Sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma. Bd. I–III, Regensburg, 1867–1869. (*Весьма важно во всем, что касается проблемы разделения церквей в 1054 г. Католическая точка зрения.*)

Hertzberg G. F. Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches bis gegen Ende des 16. Jahrhunderts. Berlin, 1883.

Hesseling D. Byzantium. Haarlem, 1902. Французское издание — Essai sur la civilisation byzantine. Paris, 1907.

Hesseling D. La Plus ancienne rédaction du poème épique sur Digenis Akritas. Amsterdam, 1927. (Mededeelingen der Köninklijke Akademie van Wetenschappen, Afdeeling Letterkunde, Vol. LXIII, Ser. A, n. I).

Hesseling D. Een Kostitutioneel Keizershap. — Hermenemus, Vol. XI, 1938–1939, P. 89–93.

Hesseling D., Pernot N. (Eds.) Poèmes prodromiques en grec vulgaire. Amsterdam, 1910.

Heyd W. Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Leipzig, 1885; перепечатка — Leipzig, 1936.

Hieronymi Opera Omnia ed. J. P. Migne. PL, Vol. XXII–XXX. Paris, 1845–1846.

Higgins M. J. International Relations at the Close of the Sixth Century. — The Catholic Historical Review, Vol. XXVII, 1941, P. 279–315.

Higgins M. J. The Persian War of the Emperor Maurice. I. The Chronology with a Brief History of the Persian Calendar. Washington D. C., 1939.

Hill G. A History of Cyprus. Vols. 1–3. Cambridge, 1948.

Hime H. W. L. The origin of Artillery. London, 1915.

Hirsch F. Kaiser Constantin VII Porphyrogennetos. Berlin, 1873. (*Краткое изложение на основе сочинения Рамбо.*)

Histoire de l'église depuis les origines jusqu'a nos jours. Ed. A. Flishe, V. Martin. Vol. I, Paris, 1936.

Historia belli sacri (Tudebolus imitatus et confirmatus). — Recueil des historiens des croisades. Ed. D. Bouquet. Vol. III, Paris, 1833. Второе издание — Paris, 1879.

Hitti P. K. History of the Arabs. London, 1937. Третье издание — London, 1951.

Hitti P. K. The Arabs. A Short History. Princeton, 1943. (*Весьма хорошо.*)

Hodgkin T. Italy and Her Invaders. 376–744. Vol. I, 1892.[4]

Hodgson F. C. The Early History of Venice from the Foundation to the Conquest of Constantinople. A. D. 1204. London, 1901.

Höfer F. Histoire de la chimie. Paris, 1842.

Hofler K. R. von. Abhandlungen aus dem Gebiete der slavischen Geschichte. I. Die Walachen als Begründer des zweiten bulgarischen Reiches der Asaniden, 1186–1257. Wien, 1879. (Sitzungsberichte der philosophische-historische Klasse der Akademie der Wissenschaften, Bd. XCV, S. 229–249).

Holtzmann W. Die Unionsverhandlungen zwischen Alexios I. und Papst Urban II. im Jahre 1089. — Byzantinische Zeitschrift, XXVIII, 1928, S. 38–67.

Holmes W. G. The Age of Justinian and Theodora. Vols. 1–2, London, 1912.

Homo L. Essai sur le règne de l'empereur Aurelien. Paris, 1904.

Honigmann E. La liste originale des Pères de Nicée. — Byzantion, Vol. XIV, 1939, P. 17–76.

Honigmann E. The Original Lists of the Members of the Council of Nicaea, the Robber-Synod and the Council of Chalcedon. — Byzantion, Vol. XVI, 1, 1944, P. 20–80.

---

[4] Место издания не указано. (*Прим. ред.*)

Hönn K. Konstantin der Grosse. Leben einer Zeitwende. Leipzig, 1940. Второе издание — Leipzig, 1945.

Hopf K. Geschichte Griechenlands vom Beginne des Mittelalters bis auf die neuere Zeit. Leipzig, 1867. — Ersch und Gruber, Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, Bd. 85, 86.

Horma K. Das Hodiporikon des Konstantin Manasses. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XIII, 1904, P. 313–355.

Houendne Roger de Chronica. Ed. Stubbs W. London, 1869. — Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores, LI.

Houssaye Henri. 1815. Vol. I. La Première Restauration; le retour de l'isle d'Elbe; cent jours. Paris, 1905.

Huart C. Histoire des Arabes. Paris, 1912.

Huillard-Bréholles J. Introduction à l'histoire diplomatique de l'empereur Frédéric II. Paris, 1858;

Huillard-Bréholles J. Vie et correspondance de Pierre de la Vigne ministre de l'empereur Frédéric II. Paris, 1865.

Hussey J. Michael Psellus. — Speculum, Vol. X, 1935, P. 81–90.

Hussey J. M. Church and Learning in the Byzantine Empire 867–1185. London, 1937.

Hussey J. M. The Byzantine Empire in the Eleventh Century: Some Different Interpretations. — Transactions of the Royal Historical Society, Ser. 4, Vol. XXXII, 1950, P. 71–85.

Huttmann M. A. The Establishment of Christianity and the Proscription of Paganism. New York, 1914. (Columbia University Studies in History, Economics and Public Law, LX, n. 2). (*Хорошая работа.*)

Imperatorem Basilii Constantini et Leonis Prochiron. Ed. K. E. Zachariä von Lingenthal. Heidelberg, 1837.

Innocentii III Epistolae. Ed. J.-P. Migne — PL, Vols. CCXV–CCXVII, Paris, 1855.

Iorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. II, Gotha, 1909.

Iorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe siècle. Bucharest, 1915.

Iorga N. Choses d'Orient et de Roumanie. Bucharest, Paris, 1924.

Iorga N. Origines et prise de Constantinople. — Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine, Vol. XII, 1927, P. 89–105.

Iorga N. Une source négligée de la prise de Constantinople. — Bulletin de la section historique de l'Aacadémie roumaine, Vol. XIII, 1927, P. 65.

Iorga N. Histoire de la vie byzantine. Empire et civlisation. Vols. 1–3. Bucharest, 1934.

Iorga N. Byzance après Byzance. Bucharest, 1935.

Isambert F. A. Histoire de Justinien. Vols. 1–2, Paris, 1856. (*Устарело.*)

Isidori Hispalensis Episcopi Chronica Maiora. Ed. J-P. Migne. — PL, Vol. LXXXIII, Paris, 1850; Ed. Th. Mommsen. Berlin, 1894. (Monumenta Historiae Germanica. Auctorum Antiquissima. XI. Chronica Minora. II).

Isidori Hispalensis Episcopi Opera Omnia. Ed. J-P.Migne. — PL, Vol. LXXXI–LXXXIV, Paris, 1850.

Ites M. Zur Bewertung des Agathias. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXVI, 1926, S. 273–285.

Jahns M. Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens von der Urzeit bis zur Renaissance. Leipzig, 1880.

Jaffé P. Regesta Pontificum Romanorum. Leipzig, 1885.

Jager M. Histoire de Photius. Paris, 1845.

Janin R. Nicée. Étude historique et topographique. — Échos d'Orient, Vol. XXIV, 1925, P. 482–490.

Janin R. Les Sanctuaires de Byzance sous la domination latine. — Études byzantines, Vol. 2, 1945, P. 134–184.

Janin R. Constantinople Byzantine. Développement urbain et répertoire topographique. Paris, 1950.

Jean Catholicos. Histoire d'Arménie. Traduction de A. J. Saint-Martin. Paris, 1841.

Jeanselme E. Sur un aide-mémoire de thérapeutqiue byzantine contenu dans un manuscrit de la Bibliothèque Nationale de Paris (Supplément grec, 764): traduction, notes et commentaire. — Mélanges Diehl: Études sur l'histoire et sur l'art de Byzance. Vol. I. Paris, 1930.

Jeanselme E., Oeconomos L. Les Oeuvres d'assistance et les hôpitaux byzantins au siècle des Comnènes. Anvers, 1921.

Jeanselme E., Oeconomos L. La Satire contre les Higoumènes. — Byzantion, Vol. I, 1924, P. 317–339.

Jeffrey A. Ghevond's Text of the Correspondence between Umar II and Leo III. — The Harvard Theological Review, Vol. XXXVII, 1944, P. 269–332.

Jerphanion G. de. Une Nouvelle Province de l'art byzantine. Les églises rupestres de Cappadoce. Paris, 1925.

Jerphanion G. de Les Inscriptions cappadociennes et l'histoire de l'empire grec de Nicée. — Orientalia Christiana Periodica, 1935, pp. 237–256.

Jireček C. Albanien in der Vergangenheit. — Oesterreichische Monatsschrift für den Orient, No. 1–2, 1914. Перепечатано затем в следующем издании — Illyrisch-albanische Forschungen. Ed. L. Thalloszy. München, Leipzig, 1916.

Jireček C. Geschichte der Bulgaren. Prague, 1876.

Jireček C. Geschichte der Serben. Bd. 1, Gotha, 1911; Bd. 2. Teil 1, Gotha, 1918.

Jireček C. The Situation and Past of the City of Drač. — Transactions of the Geographical Society of Serbia, Vol. I, 1912, Part 2.

Jireček C. Staat und Gesellschaft in mittelalterischen Serbien. Wien, 1912. (Denkschriften der Wissenschaften in Wien, philosophische-historische Klasse, Bd. LVI).

Joannes Anagnostes. De extremo Thessaloniciensi excidio. Ed. I. Bekker. Bonn, 1838. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Joannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum Libri IV. Vols. I–III. Ed. L. Schopen. Bonn, 1828–1832.

Joannes Cyprensis Palmiticarum transgressionum liber. Ed. J.-P. Migne. — PG, Vol. CLII, cols. 663–738. Pars, 1865.

Joannes Lydus. De magistratibus. Ed. I. Bekker. Bonn, 1837. (Corpus Scirptorum Historiae Byzantinae); Ed. R. Wuensch. Leipzig, 1903. (Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanroum Teubneriana).

John Damascene Saint Barlaam and Ioasaph. English translation by G. R. Woodward and H. Mattinigly. London, New York, 1914.

John of Ephesus. Ecclesiatical History. English translation by R. Payne-Smith. Oxford, 1860. Латинский перевод осуществлен позже — E. W. Brooks. Louvain, 1936.

John of Ephesus. Lives of the Eastern Saints. Syriac text English translation by E. W. Brooks — Patrologia Orientalis, Vol. XVIII, 1924. Латинский перевод опубликован ранее: W. J. Douwen, J. P. N. Land. Amsterdam, 1889.

Jones A. H. M. Constantine and the Conversion of Europe. London, 1948. *(Не использованы русские работы.)*

Joranson E. The Alleged Frankish Protectorate in Palestine. — The American Historical Review, Vol. XXXII, 1927, P. 241–261.

Joranson E. The Great German Piligrimage of 1064–1065. — The Crusaders and Others Historical Essays Presented to D. C. Munro by His Former Students. New York, 1928.

Joranson E. The Problem of Spurious Letter of Emperor Alexis the Count of Flanders. — American Historical Review, Vol. LV, 4, 1950, P. 811–832.

Jordan E. Les Registres de Clément IV (1265–1268). Paris, 1893.

Jordan E. Les origines de la domination angevine en Italie. Paris, 1909.

Jordanis Getica — Ed. Th. Mommsen. Berlin, 1882. (Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi, V, 1).

Joshua the Stylite. The Chronicle of Joshua the Stylite. Transl. by W. Wright. Cambridge, 1882.

Jugie M. Le Voyage de l'Empereur Manuel Paléologue en Occident. — Échos d'Orient, Vol. XV, 1912, P. 322–332.

Jugie M. Sur la Vie et les procédés litéraires de Symeon Métaphraste. — Échos d'Orient, Vol. XXII, 1923, P. 5–10.

Jugie M. Sur la vie de S. Jean Damascène. — Échos d'Orient, vol. XXIII, 1924, P. 137–161.

Jugie M. Démétrius Cydonès et la théologie latine à Byzance au XIVe et XVe siècles. — Échos d'Orient, vol. XXXI, 1928.

Jugie M. Poésies rhytmiques de Nicéphore Calliste Xanthopoulos. — Byzantion, Vol. V, 1929–1930, P. 357–390.

Jugie M. Palamas et controverse palamite. — Dictionnaire de théologie catholique, Vol. XI, 1932, cols. 1735–1818.

Jugie M. Michel Psellus. — Dictionnaire de théologie catholique, vol. XIII, 1936, cols. 1149–1158.

Jugie M. Le Schisme de Michel Cérulaire. — Échos d'Orient, Vol. XXXVI, 1937, P. 440–473.

Jugie M. Georges Scholarios, professeur de philosophie. — Studi bizantini e neoellenici, Vol. V, 1939, P. 482–494.

Jugie M. Le Schisme byzantin. Aperçu historique et doctrinal. Paris, 1941.

Julian the Apostate, Emperor. Juliani Opera. — Ed. with English translation W. C. Wright. Vols. 1–3, London, 1913–1932.

Juliani quae supersunt. — Ed. F. C. Hertlein. Leipzig, 1875–1876.

Justinian. Corpus juris civilis. Institutiones. Introduction and English translation by J. T. Abdy and B. Walker. Cambridge, 1876; Constitutiones. — Ed. K. E. Zachariä vol Lingenthal. Leipzig, 1884–1891; Edicta — Ed. K. E. Zachariä von Lingenthal. Leipzig, 1884–1885; Digest of Justinian. Transl. by C. H. Monro. Cambridge, 1904; Institutiones und Digesta. Ed. P. Krueger, Th. Mommsen. Berlin, 1889; Codex Ed. P. Krueger. Berlin, 1892; Novellae G. Kroll. Berlin, 1928.

Kadlec C. The Empire and Its Northern Neighbors. — The Cambridge Medieval History, Vol. IV, Cambridge, London, 1923, P. 183–215.

Kaestner T. De imperio Constantini III. 641–668. Leipzig, 1907. (*Краткое, но тщательное исследование.*)

Kahle P. Zur Geschichte des mittelalterlichen Alexandria. — Der Islam, Bd. XII, 1922, S. 29–83.

Kananos Laskaris. Reseanteckningar från nordiska länderna. — Smärre Byzantinska skrifter. Ed. V. Lundström. Upsala, Leipzig, 1902.

Kantarowicz E. Kaiser Friedrich der Zweite. Berlin, 1927. Английское издание — London, 1931.

Kantarowicz E. The 'King's Advent' and the Enigmatic Panels in the Doors of Santa Sabina. — The Art Bulletin, Vol. XXVI, 1944, P. 207–231.

Kap-Herr H. von. Die Abendländische Politik Kaiser Manuels. Strassbourg, 1881.

Karabaček J. Abendländische Künstler zu Konstantinopel im XV. und XVI. Jahrhundert. Wien, 1918. (Denkschriften der philosophische-historischen Klasse der Akademie der Wissenschaften in Wien, LXII).

Kaufmann C. M. Die Menasstadt. Leipzig, 1910.

Khrysostomica. Studie ricerche intorno a S. Giovanni Crisostomo a cura del Comitato per il XV° centenario della sua morte (407–1907). Roma, 1908.

Kidd B. J. A History of the Church to A. D. 461. Vols. 1–3, Oxford, 1922.

Kinglsey C. Hypatia, or New Foes with and Old Face. Vols. 1–2, New York, 1929.

Kleinclausz A. L'Empire Carolingien: Ses origines et ses transformations. Paris, 1902.

Kleinclausz A. La Légende du protectorat de Charlemagne sur la Terre Sainte. — Syria, Vol. VII, 1926, P. 211–233.

Klimas P. Ghillebert de Lannoy in Medieval Lithuania. New York, 1945.

Knappen M. M. Robert II of Flanders in the First Crusade. — The Crusades and Other Historical Essays Presented to D. C. Munri by His Former Students. New York, 1928.

Knecht A. Die Religions-Politik Kaiser Justinians. Würzburg, 1896.

Knipfing J. R. von. Das Angebliche 'Mailänder Edikt' v. J. 313 im Lichte der neueren Forschung. — Zeitschrift für Kirchengeschichte, Bd. XL, 1922, S. 206–218.

Kondakov N. P. Histoire de l'art byzantin considéré principalement dans les miniatures. Paris, 1886. Работа была опубликована на русском языке в Одессе, в 1876г.

Konstantin der Grosse uns seine Zeit. Gesammelte Studien. — Herausgegeben von F. Dölger. Freibourg, 1913.

Köprülu M. F. Les origines de l'Empire Ottoman. Paris, 1935.

Kornemann E. Römische Geschichte. Bd. II. Stuttgart, 1939. Второе издание — Stuttart, 1941.

Körting G. Petrarca's Leben und Werke. Leipzig, 1878.

Kraus R. Theodora. The Circus Empress. New York, 1938. (*Исторического значения не имеет.*)

Kreller H. Lex Rhodia. Untersuchungen zur Quellengeschichte des römisches Seerechtes. — Zeitschrift für das Gesamte Handelsrecht und Konkursrecht, Bd. XXV, 1921, S. 257–367.

Kremer A. Kulturgeschichte des Orients. Bd. 1–2, Wien, 1875–1877.

Kretschmayr H. Geschichte von Venedig. Bd. I, Gotha, 1905. (*Важно.*)

Krey A. C. A Neglected Passage in the Gesta and Its Bearing on the Literature of the First Crusade. — The Crusades and Other Historical Essays Preseneted to D. C. Munro by His Former Students. New York, 1928.

Krumbacher K. Michael Glykas. München, 1894. (Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1894).

Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453). München, 1891. Второе издание — München, 1897.

Krumbacher K. Kasia. München, 1897. (Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Bd. III, S. 305–370.)

Krumbacher K. Die Griechische Literatur des Mittelalters. Die Kultur des Gegenwart ihre Entwicklung und ihre Ziele. Leipzig-Berlin, 1912.

Kugéas S. Notizbuch eines Beamten der Metropolis in Thessalonike aus dem Anfang des XV. Jahrhunderts. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXIII, 1914–1919, S. 143–163.

Kugler B. Studien zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges. Stuttgart, 1866.

Kugler B. Geschichte der Kreuzzüge. Berlin, 1880; второе издание — Berlin, 1891.

Kugler B. Kaiser Alexius und Albert von Aachen. — Forschungen zur deutschen Geschichte, Bd. XXIII, 1883.

Kulischer J. Russische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1925.

Kupperberg M. Die ökonomische Entwicklung Europas. Berlin, 1911.

Kurtz E. Die Gedichte des Christophorus Mytilenaios. Leipzig, 1903.

Kurtz E. Georgios Bardanes, Metropolit von Kerkyra. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XV, 1906, S. 603–613.

Labbé Ph. De byzantinae historiae scriptores ad omnes per orbem eruditos προτρεπτικόν. Paris, 1648.

Labourt J. Le Christianisme dans l'empire perse sous la dynastie Sassanide. Paris, 1904.

La Broquière B. de. Le Voyage d'outremer. — Ed. C. Schefer. Paris, 1892. (Recueil de voyages et de documents pour servir à l'histoire de la géographie, XII).

Lactantius. De mortibus persecutorum. Ed. J-P. Migne. — PL, Vol. VII, Paris, 1848.

Ladner G. B. Origin and Significance of the Byzantine Iconoclastic Controversy. — Medieval Studies, Vol. II, 1940, P. 127–149.

Lammens P. H. Études sur le règne du calife Omaiyade Moawia I. Paris, 1908.

Lammens P. H. La Mecque à la veille de l'hégire. — Mélanges de l'Université Saint-Joseph, Vol. IX, 1924, P. 97–439.

Lammens P. H. Les Sanctuaires pré-islamiques dans l'Arabie Occidentale. — Mélanges de l'Université Saint-Joseph, Vol. XI, 1926.

La Monte John J. Feudal Monarchy in the Latin Kingdom of Jerusalem 1100 to 1291. Cambridge, Mass., 1932.

La Monte John J. To What Extent Was the Byzantine Empire the Suzerain of the Latin Crusading States? — Byzantion, Vol. VII, 1932, P. 254–264.

Lampros Sp. (ed.) Collection de romans grecs en langue vulgaire et en vers. Paris, 1880.

Lampros Sp. Leo und Alexander als Mitkaiser von Byzance. — Byzantinische Zeitschrift. Bd. IV, 1895, S. 92–98.

Lampros Sp. Mazaris und seine Werke. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. V, 1896, S. 63–73.

Lampros Sp. Empereurs byzantins. Catalogue illustré de la collection de portraits des empereurs de Byzance. Athènes, 1911.

Lane-Poole S. A History of Egypt in the Middle Ages. London, 1901.

Langen J. Johannes von Damaskus. Gotha, 1879.

Lannoy G. de. Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur diplomate et moraliste. Ed. C. Potvin. Louvain, 1879.

Laquer R. Eusebius als Historiker seiner Zeit. Berlin, Leipzig, 1929.

Lascaris Theodore Ducas. De naturali communione. Ed. J-P. Migne, PG, Vol. CXL, Paris, 1887.

Lascaris Theodore Ducas. Epistulae CCXVII. Ed. N. Festa. Firenze, 1898. (Publicazioni del R. Istituto di studi superiori pratici e di perfezionamento. Sezione di filosofia e lettere, n. 29).

Lathoud D. La Consécration et la dédicace de Constantinople. — Échos d'Orient, Vol. XXIII, 1924, P. 289–294.

Lauer M. P. Une Lettre inédite d'Henri Ier d'Angre, empereur de Constantinople, aux prélats italiens (1213?). — Mélanges offerts à M. Gustave Schlumberger. Vol. I, Paris, 1924.

Laurent J. Byzance et les Turcs Seljoucides dans l'Asie occidentale jusqu'en 1081. Vols. 1–2, Paris, 1913–1914. (Annales de l'Est publiées par la Faculté des Lettres de l'Université de Nancy, Vols. XXVII–XXVIII).

Laurent J. L'Arménie entre Byzance et l'Islam depuis la conquête arabe jusqu'en 886. Paris, 1919. (Bibliothèque des Écoles Françaises d'Athènes et de Rome, Vol. CXVII).

Laurent J. Byzance et l'origine du sultanat de Roum. — Mélanges Charles Diehl: Études sur l'histoire et l'art de Byzance. Paris, 1930.

Laurent V. Michel de Thessalonica. — Dictionnaire de théologie et liturgie catholique, Vol. X, 2, 1928, cols. 1719–1720.

Laurent V. Les Manuscrits de l'Histoire Byzantine de Georges Pachymère. — Byzantion, Vol. V, 1929–1930, P. 129–205.

Laurent V. La Correspondance de Démétrius Cydonès. — Échos d'Orient, Vol. XXX, 1931, P. 339–354.

Laurent V. La généalogie des premiers Paléologues. — Byzantion, Vol. VIII, 1933, P. 125–249.

Laurent V. Deux nouveaux manuscrits de l'histoire byzantine de Georges Pachymère. — Byzantion, Vol. XI, 1936, P. 43–57.

Laurent V. Manuel Paléologue et Démétrius Cydonès. Remarques sur leur correspondance. — Échos d'Orient, Vol. XXXVI, 1937, P. 271–287; Vol. XXXVII, 1938, P. 107–124.

Laurent V. Gregoire X (1271–1276) et le projet d'une ligue anti-turque. — Échos d'Orient, Vol. XXXVII, 1938, P. 257–283.

Laurent V. Charles Diehl, historien de Byzance. — Revue historique du sud-est européen, Vol. XXII, 1945, P. 5–26.

Lavisse E. Histoire de France depuis les origines jusqu'à la révolution. Paris, 1900–1911.

Lavisse E., Rambaud A. Histoire générale du IVe siècle jusqu'à nos jours. Paris, 1893–1901.

Lawson F. H. The Basilica. — The Law Quarterly Review, vol. XLVI, 1930, p. 486–501.

Le Barbier E. Saint Christodule et la réforme des couvents grecs au XIe siècle. Paris, 1863.

Lebeau Ch. Histoire du Bas-Empire. Ed. M. de Saint-Martin et M. Brosset. Vols. 1–21, Paris, 1824–1836.

Lebon J. Le monophysisme sévérien. Étude historique, littéraire et théologique sur la résistance monophysite au Concile de Chalcédonien jusqu'à la constitution de l'église jacobite. Louvain, 1909.

Leclercq H. L'Afrique chrétienne. Paris, 1904.

Leclercq H. Constantin. — Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, Vol. III, 2, 1914, cols. 2622–2695.

Leclercq H. Constantin Porphyrogenétè et le livre des cérémonies de la cour de Byzance. — Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, Vol. III, 2, 1914, cols. 2695–2713.

Leclercq H. Culte et querelle des images. — Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, Vol. VII, 1, 1926, cols. 180–302.

Leclercq H. Julien l'Apostat. — Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, Vol. VIII, 1, 1928, cols. 305–399.

Leclercq H. Justinien. — Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, Vol. VIII, 1, 1928, cols. 507–604.

Leclercq H. Kosmas Indicopleustès. — Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, Vol. VIII, 1, 1928, cols. 819–849.

Lefebvre G. Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Egypte. Le Caire, 1907.

Lefort L. T. La Littérature égyptienne aux derniers siècles avant l'invasion arabe. — Chronique d'Égypte, Vol. VI, 1931, P. 315–323.

Legrand E. Bibliothèque grecque vulgaire. Paris, 1880.

Leib B. Rome, Kiev et Byzance à la fin du XIe siècle. Paris, 1924.

Leib B. Les Idées et les faits à Byzance au XIe siècle. Aperçus d'histoire religieuse d'après un témoin, Anne Comnène. — Orientalia Christiana Periodica, Vol. I, 1935, P. 164–203. (*Это исследование в расширенном виде было опубликовано в качестве общего введения к изданию «Алексиады» Лейбом (Vol. I, Paris, 1937, P. IX–CLXXXI). Интересно.*)

Lemerle P. Philippe et la Macédonie Orientale à l'époque chrétienne et byzantine. Recherches d'histoire et d'archéologie. Paris, 1945.

Lemerle P. Histoire de Byzance. Paris, 1948.

Leo Diaconus. Historiae. Ed. C. B. Hasius. Bonn, 1828. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Leo Grammaticus. Chronographia. Ed. I. Bekker. Bonn, 1842. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Leonhardt W. Der Kreuzzugsplan Kaiser Heinrich VI. Borna, Leipzig, 1913.

Leroy-Mohinghen A. Prolégomènes à une édition critique des Lettres de Théophylacte de Bulgarie. — Byzantion, Vol. XIII, 1938, P. 253–262.

Le Strange G. Baghdad during the Abbasid Caliphate. Oxford, 1900.

Lewis A. R. Naval Power and Trade in the Trade in the Mediterranean A. D. 500–1100. Princeton, 1951.

Libanii Orationes. Ed. R. Förster. Vols. 1–7, Leipzig, 1903–1913. (Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum).

Liber iurium reipublicae Genuensis. Ed. H. Riccotius. Torino, 1857. (Monumenta Historiae Patriae, IX).

Liber Pontificalis. Ed. L. Duchesne. Vols. 1–2, Paris, 1884–1892.

Liudprandi Legatio. Ed. J. Becker. S. l., 1915.

Le Livre du préfet ou l'édit de l'empereur Léon le Sage sur les corporations de Constantinople. Ed. J. Nicole. Génève, 1893.

Loenertz R. Manuel Paléologue et Démétrius Cydonès. — Échos d'Orient, Vol. XXXVI, 1937, P. 271–287; 476–487; Vol. XXXVII, 1938, P. 107–124.

Loenertz R. Démétrius Cydonès, citoyen de Venise. — Échos d'Orient, Vol. XXXVII, 1938, P. 125–126.

Loewe H. M. The Seljuqs. — The Cambridge Medieval History, Vol. IV, Cambridge, London, 1923, P. 299–317; 836.

Lombard A. Études d'histoire byzantine: Constantin V, empereur des Romains (740–775). Paris, 1902.

Longnon J. Livre de la conqueste de la Princée de l'Amorée. Chronique de Morée. Paris, 1911.

Longnon J. L'Empire Latin de Constantinople et la Principauté de Morée. Paris, 1949.

Loofs F. Leontius von Byzanz. Leipzig, 1887.

Lopez R. Genova Marinara nel duecento. Benedetto Zaccaria, ammiraglio e mercante. Messina, Milano, 1933.

Lopez R. Mohammed and Charlemagne: A Revision. — Speculum, Vol. XVIII, 1943, P. 14–38.

Lopez R. S. Byzantine Law in the Seventh Century and Its Reception by the Germans and the Arabs. — Byzantion, Vol. XVI, 2, 1944, P. 445–461.

Lopez R. S. Le Problème des relations Anglo-byzantines du septième au dixième siècle. — Byzantion, Vol. XVIII, 1948, P. 139–162.

Lopez R. S. Silk Industry in the Byzantine Empire. — Speculum, Vol. XX, 1945, P. 1–42.

Lot F. La fin du monde antique et le début du moyen âge. Paris, 1927. (*Интересная книга, в которой рассматривается материал до 1216 г. Нет ссылок на источники.*)

Luchaire A. Innocent III: La Question d'Orient. Paris, 1927. (*Важно.*)

Luke H. C. Visitors from the East to the Plantagenet and Lancastrian Kings. — Nineteenth Century, Vol. CVIII, 1930, P. 760–769.

Lumbroso G. Memorie italiane del buon antico. Torino, 1889.

Lupton J. H. St. John of Damascus. London, 1882.

Maas P. Rhytmisches zu der Kunstprosa des Konstantinos Manasses. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XI, 1902, SS. 505–512.

Maas P. Das Hodoiporikon des Konstantin Manasses. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XIII, 1904, S. 313–335.

Maas P. Die Chronologie der Hymnen des Romanos. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XV, 1906, S. 1–44.

Maas P. Metrische Akklamationen der Byzantiner. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXI, 1912, S. 28–51.

Maas P. Die Musen des Kaisers Alexios I. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXII, 1913, S. 348–369.

Maas P. Die ikonoclastische Episode im Briefe des Epiphanios an Johannes. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXX, 1929–1930, S. 279–286.

Macartney C. A. The Greek Sources for the History of the Turcs in the Sixth Century. — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, Vol. XI, 1944, P. 226–275.

McCabe J. The Emperesses of Constantinople. Boston, n. d.

McPherson F. Historical Notes on Certain Modern Greek Folk Songs. — JHS, Vol. X, 1889, P. 86–89.

Macri C. M. L'Organisation de l'économie urbaine dans Byzance sous la dynastie de Macédoine, 867–1057. Paris, 1925. (*Новых находок нет.*)

Madler H. Theodora. Michael Stratiotikos. Isaak Komnenos. Ein Stüch byzantinischer Kaisergeschichte. Plauen, 1894. (*Суммарное изложение с указанием источников и с изложением основных фактов царствований Феодоры, Михаила Стратиотика и Исаака Комнина.*)

Malafosse J. de. Les Lois agraires à l'époque Byzantine. Tradition et Exégèse. Toulouse, 1949. (Recueil de l'Académie de Législation, XIX.)

Malalas John. Chronicle. Translation from Church Slavonic by M. Spinka nad G. Downey. Chicago, 1940.

Manasses C. Breviarium historiae metricum. Ed. I. Bekker. Bonn, 1837. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Manfroni C. Le relazioni fra Genova l'Impero bizantino e i Turchi. — Atti della Società Ligure di Storia Patria, Vol. XXXVIII, 1896, P. 575–858.

Mann H. K. The Lives of the Popes in the Early Middle Ages. London, 1925.

Manoilović G. Studije o spisu 'De administrando imperio' cara Konstantina VII Porfirogenita. — Publications of the Academy of Zagreb, Vol. CLXXXII, 1910–1911, P. 1–65; Vol. CLXXXVI, 1910–1911, P. 35–103; 104–184; Vol. CLXXXVII, 1910–1911, P. 1–132.

Manoilović G. Memoirs. — Compte-rendu du deuxième Congrès International des Études byzantines. Belgrade, 1927. Belgrade, 1929.

Manoilović G. Le peuple de Constantinople. — Byzantion, Vol. XI, 1936, P. 617–716.

Mansi J. D. (ed.) Sacrorum Consiliorum Nova et Amplissima Collectio. Vols. 1–31, Firenze, Venezia, 1758–1798.

Manuel Palaeologus. Oratio funebris. Ed. J.-P. Migne. — PG, Vol. CLVI, Paris, 1866, cols. 181–308.

Marcellini Comitis. Chronicon, ad annum 517. Ed. Th. Mommsen. Berlin, 1894. (Monumenta Germaniae Historica. Auctorum Antiquissimum. XI, Chronica Minora, II.)

Marcellinus Ammianus. Res Gestae. Ed. J. Rolfe. Vols. I–III, London, Cambridge, Mass., 1935–1939.

Marin E. Saint Théodore. 759–826. Paris, 1906.

Marinescu C. Manuel II Paléologue et les rois d'Aragon. Commentaire sur quatre lettres inédites en laitn, expediées par la chancellerie byzantine. — Bulletin de la Section historique de l'Académie roumaine, Vol. XI, 1924, P. 192–206.

Marinescu C. Tentatives de mariage de deux fils d'Andronic II Paléologue avec les deux princecces laitnes. — Revue historique du sud-est européen, Vol. I, 1924, P. 139–140.

Marquardt J. Osteuropäische und ostasiaische Streifzüge. Leipzig, 1903.

Martène E., Durand U. Thesaurus novus anecdotorum. Paris, 1717.

Martin E. J. A History of the Iconoclastic Controversy. London, 1930. (*Важно.*)

Marzemin G. Il Libro del Prefetto. Sistema corporativo romano di Constantinopoli e di Venezia. — Atti del Reale Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti, Vol. XCIV, 1934–1935, P. 381–406.

Masefield J. Basilissa. A Tale of the Empress Theodora. New York, 1940.

Mas Latrie M. L. Histoire de l'île de Chypre sous le règne des princes de la maison de Lusignan. Vols. 1–3, Paris, 1852–1861.

Maspero J. Un dernier Poète grec d'Egypte: Dioscore fils d'Apollôs. — Revue des études grecques, Vol. XXIV, 1911, P. 426–481.

Maspero J. Organisation militaire d l'Egypte byzantine. Paris, 1912.

Maspero J. Histoire des patriarches d'Alexandrie. Paris, 1923.

Matranga P. Anecdota Graeca. Roma, 1850.

Mattern J. A. A Travers les villes mortes de Haute-Syrie. — Mélanges de l'Université Saint-Joseph, Vol. XVII, 1, 1933. Второе издание отдельной книгой — Villes mortes de Haute-Syrie. Beyrouth, 1944.

Matthew of Paris. Chronica Majora. Ed. H. R. Luard. Vols. 1–7, London, 1880. (Rerum Britanicarum Medii Aevi Scriptores, Vol. XLIV).

Maurice J. Les Origines de Constantinople. Paris, 1904. (Centenaire de la Société Nationale des Antiquaires de France).

Maurice J. Numismatique constantinienne. Vols. I–III. Paris, 1908–1912. (*Весьма важно.*)

Maurice J. Constantin le Grand: L'Origine de la civilisation chrétienne. Paris, 1925.

Menander. Excerpta ex Historia. Ed. B. G. Niebuhr. Bonn, 1829. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Mercati S. G. Poesie de Teofilatto de Bulgaria. — Studi bizantini e neolellenici, Vol. I, 1924, P. 173–194.

Mercati S. G. Per l'epistolario di Demetrio Cidone. — Studi bizantini e neoellenici, Vol. III, 1930, P. 201–230.

Mercier E. Histoire de l'Afrique septentrionale. Paris, 1888.

Meyer L. S. Jean Chrysostome, maotre de perfection chrétienne. Paris, 1933.

Meyer P. Les premières compliations françaises d'histoire ancienne. — Romania, Vol. XIV, 1885, P. 1–81.

Meyer P. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894.

Michael Acominatus (*Choniates*) *Opera*. — Ed. Sp. Lamros. Athenae, 1879.

Michael Attaliates. Historia. Ed. I. Bekker. Bonn, 1853. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Michel A. Humbert und Kerullarios. Bd. I–II, Padeborn, 1925–1930.

Mickwitz G. Die Kartellfunktionen der Zünfte. Helsingfiors, 1936.

Mickwitz G. Die Organisazionsformen zweier byzantinischer Gewerbe im X. Jahrhundert. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXXVI, 1936, S. 63–76.

Mickwitz G. [рецензия] — Christophilopoulos. Τὸ ἐπαρχικὸν βιβλίον Λέοντος τοῦ Σοφοῦ. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. XII, 1936, S. 368–374.

Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi. Vols. 1–6, Wien, 1860–1890.

Miller E. Mélanges de philologie er d'épigraphie. Paris, 1876.

Miller W. The Catalans at Athens. Rome, 1907.

Miller W. The Latins in the Levant: A History of Frankish Greece (1204–1566). London, 1908. (*Лучшая книга о французском господстве в Греции и на островах.*)

Miller W. Essays on the Latin Orient. Cambridge, 1921. (*Весьма полезная книга.*)

Miller W. The Last Athenian Historian: Laonikos Chalkokondyles. — JHS, Vol. XLII, 1922, P. 36–49.

Miller W. The Emperor of Nicaea and the Recovery of Constantinople. — The Cambridge Medieval History, Vol. IV, Cambridge, London, 1923, P. 478–516.

Miller W. The Finlay Library. — The Annual of the British School at Athens, Vol. XXVI, 1923–1925, P. 46–66.

Miller W. The Finlay Papers, George Finaly as a Journalist and the Journals of Finlay and Jarvis. — The English Historical Review, Vol. XXXIX, 1924, P. 386–398, 552–557; Vol. XLI, 1926, P. 514–525.

Miller W. The Historians Doukas and Phrantzes. — JHS, Vol. XLVI, 1926, P. 63–71.

Millet G. Recherches sur l'iconographie de l'Evangile. Paris, 1916.

Millet G. L'Ancient Art serbe. Les Églises. Paris, 1919.

Millet G. La Renaissance byzantine. — Compte-rendu du deuxième Congrès International des Études Byzantines, Belgrade, 1927. Belgrade, 1929.

Minorsky V. Roman and Byzantine Campaigns in Atropatene. — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol. XI, 2, 1944.

Mioni E. Romano il Melode. Saggio critico e dieci inni inediti. Torino, 1937.

Miracula S. Wulframi. — Ed. D. T. Mabillon. Paris, 1668–1701. (Acta Sanctorum ordina S. Benedicti in saeculorum classes distributa. III).

Misch G. Die Schriftsteller-Autobiographie und Bildungsgeschichte eines Patriarchen von Konstantinopel aus dem XIII. Jahrhundert. Eine Studie zum byzantinischen Humanismus. — Zeitschrift für Geschichte der Erziehung und des Unterrichts, Bd. XXI, 1931, S. 1–16.

Mitchison N. Anna Comnena. — Representative Women. London, 1928.

Mohler L. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsman. Padeborn, 1923. (Quellen und Forschungen, herausgegeben von der Görres-Gesellschaft, XX).

Monnier H. Études du droit byzantine. — Nouvelle revue historique de droit, Vol. XVI, 1892, P. 497–542; 637–672.

Monnier Ph. Le Quatrocento. Essai sur l'histoire littéraire du XVe siècle italien. Paris, 1912.

Montelatici G. Storia della letteratura bizantina (324–1453). Milano, 1916.

Monumenta Germaniae Historica. Epistolarum III–IV. Epistolae Merowingi et Karolingi aevi. Ed. E. Dümmler. Berlin, 1892–1895.

Moravcsik G. Zur Geschichte der Onoguren. — Ungarische Jahrbücher, Vol. X, 1930, S. 68–69.

Moravcsik G. Zur Quellenfrage der Helenaepisode in Goethes Faust. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. VIII, 1931, S. 41–56.

Moravcsik G. L'Édition critique du 'De administrando imperio'. — Byzantion, Vol. XIV, 1939, P. 353–360.

Moravcsik G. Byzantinoturcica. Vols. 1–2, Budapest, 1942–1943.

Mordtmann J. H. Die erste Eroberung von Athen durch die Türken zu Ende des 14 Jahrhunderts. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. IV, 1923, S. 346–350.

Morey C. R. East Christian Paintings in the Freer Collection. New York, 1914. (University of Michigan Studies, Humanities Series, XII).

Morey C. H. The Mosaics of Antioch. New York, 1932.

Müller A. Der Islam im Morgen- und Abendland. Bd. I–II, Berlin, 1885.

Müller C. Fragmenta historicorum graecorum. Paris, 1870.

Müller J. Documenti sulle relazione della città toscane coll' Oriente Cristiano e coi Turchi. Firenze, 1879.

Munro D. C. Speech of Pope Urban II at Clermont, 1095. — The American Historical Review, Vol. XI, 1906, P. 231–242.

Munro D. C. Did the Emperor Alexius I Ask for the Aid at the Council of Piacenza, 1095? — American Historical Review, Vol. XXVII, 1922, P. 731–733.

Muntaner Ramon. Chronica o descpricio fets e hazanyes dell iclyt rey Don Juane. Ed. J. A. Buchon — Chroniques étrangères relatives aux expéditions pendant le XIIIe siècle. Paris, 1840–1860; Ed. K. Lanz — Chronik des edlen En Ramon Muntaner. Stuttgart, 1844. (Bibliothek des Literarischen Vereins in Stuttgart, VIII); *L. Goodenough*. The Chronicle of Muntaner. Oxford, 1921. (Publications of the Hakluyt Society, L.).

Munru G. L'Origine des Comnènes. — Bulletin de la Section Historique de l'Académie roumaine, Vol. XI, 1924, P. 212–216.

Nasir-i-Khusrau. A Diary of a Journey Through Syria and Palestine. Transl. by G. Le Strange. London, 1896. (Palestine Pilgrim's Text Society, IV).

Negri G. L'imperatore Giuliano l'Apostata. Milano, 1902.

Nersessian Sirarpie der. Remarks on the Date of the Menologium and the Psalter Written for Basil II. — Byzantion, Vol. XV, 1940–1941, P. 104–125.

Nersessian Sirarpie der. Armenia and the Byzantine Empire. Cambridge, Mass., 1945.

Neuhaus L. Die Reichsverwesenschaft und Politik des Grafen Heinrich von Anjou, des zweiten Kaisers im Lateinerreiche zu Byzanz. Leipzig, 1904.

Neumann C. Die Weltstellung des Byzantinischen Reiches vor den Kreuzzügen. Leipzig, 1894. Французский перевод этой работы — La situation mondiale de l'Empire Byzantin avant les croisades. — Revue de l'Orient Latin, Vol. X, 1905, P. 37–171. (*Весьма важно общим описанием картины жизни Империи в XI в.*)

Neumann C. Die byzantinische Marine. — Historische Zeitschrift, N. S., Vol. XLV, 1898, S. 1–23.

Neumann C. Byzantinische Kultur und Renaissancekultur. — Historische Zeitschrift, Bd. XCI, 1903, S. 215–232. Статья опубликована также отдельным изданием — Berlin, Stuttgart, 1903.

Nicetas Choniates. Historia. Ed. I. Bekker. Bonn, 1835. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Nicholas Mysticus. Epistolae. Ed. J-P. Migne. — PG, Vol. CXI, Paris, 1863.

Nickles H. G. The Continuatio Theophanis. — Transactions of the American Philological Association, Vol. LXVIII, 1937, P. 221–227.

Niederle L. Manuel de l'antiquité slave. Vols. 1–2, Paris, 1923–1926.

Nöldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leyden, 1879.

Nöldeke Th. Ueber Mommsen's Darstellung der römischen Herrschaft im Orient. — Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, Bd. XXXIX, 1885.

Nöldeke Th. Aufsätze zur persischen Geschichte. Leipzig, 1887.

Norden E. Einleitung in die Altertumswissenschaft. Leipzig, Berlin, 1914.

Norden W. Der vierte Kreuzzung im Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zu Byzanz. Berlin, 1898.

Norden W. Das Papsttum und Byzanz. Die Trennung der beiden Mächte und das Problem ihrer Wiedervereinigung bis zum Ende des byzantinischen Rechts. (1453). Berlin, 1903. (*Книга содержит много нового и весьма важного о норманно-византийских отношениях.*)

Nuova serie di documenti sulle relazioni di Genova coll'Impero Bizantino. Ed. A. Sanguinetti, G. Bertolotto. — Atti della Società ligure di storia patria, Vol. XXVIII, 1896–1898, P. 351–360.

O'Conner J. B. John Damascene. — Catholic Encyclopedia, Vol. VIII, 1910, P. 459–461.

Oeconomos L. La Vie religieuse dans l'empire byzantin au temps des Comnènes et des Anges. Paris, 1918.

Oeconomos L. L'État intellectuel et moral des Byzantins vers le milieu du XIVe siècle d'après une page de Joseph Bryennios. — Mélanges Diehl: Études sur l'histoire et sur l'art de Byzance. Paris, 1930.

Olmstead A. T. [рецензия] Spinka and Downey (eds.) «The Chronicle of John Malalas». — Chicago Theological Seminary Register, Vol. XXXI, 4, 1912, P. 22–23.

Oman C. A History og the Art of War in the Middle Ages. London, 1924.

Omont H. Le Glossaire grec de Du Cange. Lettres d'Anisson à Du Cange relatives à l'impression du Glossaire (1682–1688). — Revue des études grecques, Vol. V, 1892, P. 219–249.

Orderici Vitalis. Historia ecclesiastica. Ed. J.-P. Migne. — PL, Vol. CLXXXVIII, cols. 17–986, Paris, 1855.

Orosius. Pauli Orosii historiarum adversum paganos libri VII. Ex recognitione C. Zangemeister. Leipzig, 1889.

Oster E. Anna Komnena. Bd. I–III, Rastatt, 1868–1871.

Ostrogosky G. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhhundert. — Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, Bd. XX, 1927.

Ostrogorsky G. Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929.

Ostrogorsky G. Die wirtschaftlichen und sozialen Entwicklungsgrundlagen des byzantinischen Reiches. — Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, Bd. XXII, 1929.

Ostrogorsky G. Über die vermeintliche Reformtätigkeit der Isaurier. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXX, 1929–1930, S. 394–400.

Ostrogorsky G. Das Projekt einer Rangtabelle aus der Zeit des Caren Fedor Aleksмevič. — Jahrbuch für Kultur und Geschichte der Slaven, Bd. IX, 1933, S. 86–148.

Ostrogorsky G. Theophanes. — RE, Zweiter Reihe, fünfter Band, zehnter Halbband, Stuttgart, 1934, cols, 2127–2132.

Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940.

Ostrogorsky G. L'Expedition du prince Oleg contre Constantinople. — Annales de l'Institut Kondakov, Vol. XI, 1940, P. 47–62.

Ostrogorsky G. Agrarian Conditions in the Byzantine Empire in the Middle Ages. — The Cambridge Economic History, Vol. I, Cambridge, London, 1941, P. 194–223. (*Важно.*)

Ostrogorsky G. Die Periode der byzantinischen Geschichte. — Historische Zeitschrift, Bd. CLXIII, 1941, S. 229–254.

Otto von Freising. Gesta Friderici imperatoris. Ed. G. Waitz. (Scriptores Rerum Germanicarum in Usum Scholarum, Vol. XXXIII).

Pachymeres G. De Michaele Paleologo. De Andronico Palaeologo. Ed. I. Bekker. Bonn, 1835. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Palaeologus M. Lettres de l'empereur Manuel Paléologue. Ed. E. Legrand. Paris, 1893.

Palaeologus M. De vita sua opusculum. Греческий текст и русский перевод опубликованы в журнале «Христианское Чтение» за 1885 г. Французский перевод есть в книге: *Chapman M.* Michel Paléologue, restaurateur de l'Empire Byzantin. (1261–1282). Paris, 1926.

Palanque J. R. Essai sur la préfecture du prétoire du Bas-Empire. Paris, 1933.

Palanque J. R. Sur la Liste des préfets du prétoire au IVe siècle. Réponse à M. Ernest Stein. — Byzantion, Vol. IX, 1934, P. 703–713.

Palgrave F. The History of Normandy and of England. London, 1864.

Pall P. Ciriaco d'Ancona e la crociata contro i Turchi. — Bulletin de la Section Historique de l'Académie roumaine, Vol. XX, 1937, P. 9–60.

Papadopoulos J. Les Palais et les églises des Blachernes. Athènes, 1928.

Pappadopoulos J. B. Theodore II Lascaris empereur de Nicée. Paris, 1908.

Pappadopoulos J. B. La Satire du précepteur, oeuvre inédite de Théodose II Lascaris. — Compterendu du deuxième Congrès International des Études Byzantines, Belgrade, 1927 — Belgrade, 1929.

Paparrigopoulo K. Histoire de la civilisation hellénique. Paris, 1878.

Paris G. La Légende de Saladin. — Journal des Savants, 1893, P. 7–34.

Parisot V. Cantacuzène homme d'état et historien. Paris, 1845.

Pascal P. Le 'Digenis' slave ou la 'Geste de Devgenij. — Byzantion, Vol. X, 1935, P. 301–334.

Pauli Diaconi Historia Langobardorum. Ed. L. Bethmann, G. Waitz. Hannover, 1878. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum).

Peears E. The Destruction of the Greek Empire and the Stiry of the Capture of Constantinople by the Turks. New York, 1903.

Peeters P. S. Romain le néomartyr († 1 Mai 780) d'après un document géorgien. — Analecta Bollandiana, Vol. XXX, 1911, P. 393–427.

Peeters P. La Prise de Jérusalem par les Perses. — Mélanges de l'Université Saint Joseph, Vol. IX, 1923.

Pegolotti Francesco Balducci. La practica della mercatura. Della decima e delle altre gravazze. Lisboa, Lucca. 1766.; Ed. A. Evans. Cambridge, Mass., 1936. (The Medieval Academy of America Publications, no. 24).

Pelliot P. Les Mongoles et la Papauté. — Revue de L'Orient Chrétien, Vol. XXIV, 1924, P. 330–331; Vol. XXVII, 1931–1932, P. 3–84.

Pernice A. L'Imperatore Eraclio. Firenze, 1905.

Pernot H. Études de littérature grecque moderne. Paris, 1916.

Pernot H. Le Poème de Michel Glykas sur son emprisonnement. — Mélanges Charles Diehl: Études sur l'histoire et sur l'art de Byzance. Paris, 1930.

Perrier P. Jean Damascène: Sa Vie et ses écrits. Strassbourg, 1863.

Pervanoglu J. Historische Bilder aus dem byzantinischen Reiche. I. Andronik Comnenus. Leipzig, 1879. (*Значения не имеет.*)

Petrus Venerabilis. Opera Omnia. Ed J-P. Migne. — PL, Vol. CLXXXIX, Paris, 1890, cols.61–1054.

Petit L. Manuel II Paléologue. — Dictionnaire de théologie catholique, Vol. IX, 2, 1926, col. 1925–1932. (*Хорошая статья с библиографией*).

Petit L. Marcus of Ephesus. — Dictionnaire de théologie catholique, Vol. IX, 2, 1927, cols. 1968–1986.

Petrarca F. Itinerarium Syriacum — Opera omnia, Vols. 1–2, Basel, 1554.

Petrarca F. Rerum senilium libri VII. — Opera omnia, Vols. 1–2, Basel, 1554.

Petrarca F. Epistolae de rebus familiaribus et variae. Ed. G. Francasetti. Firenze, 1859–1863.

Petrarca F. Lettere sinili di Francesco Petrarca. Ed. G. Francasetti. Firenze, 1869–1870.

Petrarca F. Lettere di Francesco Petrarca. Ed. G. Francasetti. Firenze, 1892.

Pétridès S. Jean Apokaukos, lettres et autres documents inédits. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе. Т. XIV, 2–3, 1909, С. 1–32.

Pfister K. Der Untergang der Antiken Welt. Leipzig, 1941.

Phillipson A. E. Zur Ethnographie des Peloponnes. — Peterman's Mitteilungen, Bd. XXXVI, 1890.

Phillipson A. E. Das Byzantinische Reich als Geographische Erscheinung. Leyden, 1939.

Philostorgius. Historia Ecclesiastica. — Ed. J. Bidez. Paris, Bruxelles, 1913.

Phrantzes G. Annales. Ed. I. Bekker. Bonn, 1839 (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae); Ed. J. B. Pappadopoulos. Leipzig, 1935.

Pichon R. Lactance. Étude sur le mouvement philosophique et religieux sous le règne de Constantin. Paris, 1901.

Picotti G. B. Sulle navi papali in Oriente al tempo della caduta di Constantinopoli. — Nuovo Archivo Veneto, N. S., Vol. XXII, 1911.

Pierce H., Tyler R. Byzantine Art. New York, 1926.

Pierling L. P. La Russie et le Saint Siège. Paris, 1896, второе издание — Paris, 1906.

Piganiol A. L'Empereur Constatin le Grand. Paris, 1932.

Piganiol A. L'Empire Chrétien 325–395. Paris, 1932.

Piganiol A. L'État actuel de la question constantinienne 1939–1949. — Historia, Vol. I, 1, 1950.

Pipe Rolls. Vols. XXVI, XXVIII. London, 1905, 1907. (The Great Roll of the Pipe for the Reign of King Henry the Second. Published by the Pipe Roll Society.)

Pirenne H. À propos de la lettre d'Alexis Comnène à Robert le Frison, comte de Flandre. — Revue de l'instruction publique en Belgique, Vol. L, 1907, P. 217–227.

Pirenne H. Mahomet et Charlemagne. — Revue belge de philologie et d'histoire, Vol. I, 1922. Отдельное издание по-английски — New York, 1949.

Pirenne H. Medieval Cities. Princeton, 1925. Французское издание — Les villes du moyen âge. Bruxelles, 1927.

Pitra J. B. Analecta sacra et classica spicilego Solesmensi parata. Paris, Rome, 1891.

Plethon Georgios Gemistos. Ad Sanctissimum Dominum Nostrum Leonem Decimum Pontificem Maximum, Ioannis Gemisti Graeci, secretarii Ancone, Protrepticon et Pronosticon. Ed. C. Sathas. — Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen Âge. Vol. VIII, 1888, pp. 545–591.

Plethon Goergios Gemistos. De Rebus Peloponnesiacis Orationes duae. Ed. A. Ellissen — Analekten der mittel- und neugrichischen Literatur, Bd. IV, 2, 1860.

Pniower O. [рецензия] Schmitt «Die Chronik von Morea». — Deutsche Literaturzeitung, Bd. XX, 1904, cols. 2739–1741.

Procopius. Opera Omnia. Ed. J. Haury, Vol. I–III. Leipzig, 1906–1913 (Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum); English transl. by J. Dewing. Vols. 1–7, London, New York, 1914–1940.

Prutz H. Kulturgeschichte der Kreuzzüge. Berlin, 1883.

Psellus Micahel. Chronographia. Ed. C. Sathas. Paris, 1874. (Bibliotheca Graeca Medii Aevi, Vol. IV); ed. E. Renauld. Vols. 1–2, Paris, 1926–1928.

Puigi i Cadafalch J. L'Architecture religieuse dans le domaine byzantin en Espagne. — Byzantion, Vol. I, 1924, P. 519–533.

Rackl M. Demetrios Kydones als Vertreidiger und Uebersetzer des hl. Thomas von Acquin. — Der Katholik. Zeitschrft für Katholische Wissenschaft und Kirchliches Leben, Bd. XV, 1915, S. 241–246.

Radojčić N. Dva posljednja Komnena na carigradskom prijestolu. Zagreb, 1907.

Radojčić N. Die Griechischen Quellen zur Schlacht am Kossovo Polje. — Byzantion, Vol. VI, 1931, S. 241–246.

Radonić J. Critobulus, a Byzantine Historian of the Fiftheenth Century. — Glas of the Royal Academy of Belgrad, Vol. CXXXVIII, 1930, P. 59–83.

Rambaud A. L'Empire grec au dixième siècle. Constantin Porphyrogénète. Paris, 1870.

Rambaud A. Études sur l'histoire byzantine. Paris, 1912.

Ramsay W. M. Historical Geography of Asia Minor. London, 1890.

Ramsay W. M. The Cities and Bishoprics of Phrygia. Oxford, 1895.

Ramsay W. M. The War of Moslem and Christian for the Possession of Asia Minor. — Contemporary Review, Vol. XC, 1906, P. 1–15.

Ramsay W. M. The Attempts of the Arabs to Conquer Asia Minor (641–694 A. D.) and the Causes of Its Failure. — Bulletin de la Section Historique de l'Académie roumaine, Vol. XI, 1924.

Ranke L. von. Weltgeschichte. Bd. VIII, Leipzig, 1887.

Rappaport B. Einfälle der Goten in das Römische Reich bis auf Constantin. Leipzig, 1899.

Rauschen G. Jahrbücher der christlichen Kirche unter dem Kaiser Theodosius dem Grossen. Freiburg, 1897.

Recueil des historiens des Gaules et de la France. — Ed. D. Bouquet. Paris, 1833. Второе издание — Paris, 1879.

Reinach S. Cultes, mythes et religions. Vol. I, Paris, 1922.

Renaudin R. P. Christodoule, higoumene de Saint-Jean, à Patmos (1020–1101). — Revue de l'Orient chrétien, Vol. V, 1900, P. 215–246.

Renauld E. Étude de la langue et du style de Michel Psellos. Paris, 1920.

Renauld E. Lexique choisi de Psellos. Paris, 1920.

Renauld E. Michel Psellos Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance, 976–1077. Vols. 1–2, Paris, 1926–1928.

Riant P. E. Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre-Sainte. Paris, 1865.

Riant P. E. Innocent III, Philippe de Souabe et Boniface de Montferrat. — Revue des questions historiques, Vol. XVII, 1875, P. 321–374; Vol. XVIII, 1875, P. 5–75.

Riant P. E. Excuviae sacrae constantinopolitanae, Vols. 1–2, Genève, 1876.

Riant P. E. Le Changement de direction de la quatrième croisade d'après quelques travaux récents. — Revue des questions historiques, Vol. XXIII, 1878, P. 71–114.

Riant P. E. Alexii I Comneni ad Roberum I Flandriae comitem epistola spuria. Geneve, 1879.

Riant P. E. Inventaire critique des lettres historiques de croisades. — Archives de l'Orient Latin, Vol. I, 1881, P. 1–224.

Rienzi Cola di. Epistolatio. Ed. A. Gabrielli. Roma, 1890. (Fonti per la Storia d'Italia. Epistolari, XIV, N. 6).

Roby H. J. Introduction to Justinian's Digest. Cambridge, 1884. (*Полезно.*)

Rocholl R. Bessarion. Studie zur Geschichte der Renaissance. Leipzig, 1904.

Röhricht R. Geschichte der Kreuzzüge im Umriss. Innsbruck, 1898.

Röhricht R. Gewschichte des Königreichs Jerusalem. Innsbruck, 1898.

Le Roman de Phlorios et Platzia Phlore. Ed. D. C. Hesseling. Amsterdam, 1917.

Romein J. Byzantium. An Historical Review of the State and Civilization in the Eastern Roman Empire. Zutphen, 1928.

Rose A. Kaiser Anastasios I. Die äussere Politik des Kaisers. Halle, 1882.

Rose A. Die byzantinische Kirchenpolitik unter dem Kaiser Anastasios I. Wohlau, 1888.

Rosenberg A. Einleitung und Quellenkunde zur römischen Geschichte. Berlin, 1921.

Rossini C. Storia d'Ethiopia. Bergamo, 1928.

Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxfrod, 1926.

Roth K. Studie zu den Briefen des Theophylactos Bulgarus. Ludwiksafen am Rhein, 1900.

Rouillard G. Les Archives de Lavra (Mission Milet). — Byzantion, Vol. III, 1926, P. 253–264.

Rouillard G. L'Administration civile de l'Egypte byzantine. Paris, 1928.

Rouillard G. A propos d'un ouvrage récent sur l'histoire de l'état byzantin. — Revue de philologie, Vol. XIV, 1942, P. 169–180.

Rouillard G. La politique de Michel VIII Paléologue à l'égard des monstères. — Études byantines, Vol. I, 1944, P. 73–84.

Rouillard G., Collomp P. (eds.) Actes de Lavra. Paris, 1937.

Royou M. Histoire du Bas-Empire. Paris, 1803. Переиздания — Paris, 1836; Paris, 1844.

Rubió y Lluch A. La expedición y Dominación de los Catalanes en Oriente, Juzgadas por los Griegos. Memorias de la Real Academia de Buenas Letras de Barcelona, vol. IV, 1883.

Rubió y Lluch A. Atenes en temps dels Catalans. — Annuari de l'Institut d'Estudis Catalans, Vol. I, 1907, P. 225–254.

Rubió y Lluch. A. Els Castells catalans en la Grecia continental. — Annuari de l'Institut d'Estudis Catalans, Vol. II, 1908, P. 364–425.

Rubió y Lluch A. La Grecia catalana de la mort de Roger de Lluria fins a la de Frederic III de Sicilia (1370–1377). — Annuari de l'Institut d'Estudis Catalans, Vol. V, 1913–1914, P. 393–485.

Rubió y Lluch A. La Grecia catalana de la mort de Frederic III fins a la invasió navarresa (1377–1379). — Annuari de l'Institut d'Estudios Catalans, Vol. VI, 1915–1920, P. 127–199.

Rubió y Lluch A. Une figure athénienne de l'époque de la domination catalane: Dimitri Rendi. — Byzantion, Vol. II, 1925, P. 193–225.

Rubió y Lluch A. Los Catalanes en Grecia: Ultimos años de su Dominación: Cuadros históricos. Madrid, 1927.

Rubió y Lluch A. Paquimeres i Muntaner. — Secció Historico-Arqueologica del Institut d'Estudis Catalans, Memòries, Vol. I, 1927, P. 33–66.

Rugammer P. W. Leontios von Byzanz. Würzburg, 1894.

Runciman S. The Emperor Romanus Lecapenus and His Reign. A Study of Tenth Century Byzantium. Cambridge, 1929. (*Важно.*)

Runciman S. A History of the First Bulgarian Empire. London, 1930. (*Важно.*)

Runciman S. Byzantine Civilization. London, 1933.

Runciman S. Charlemagne and Palestine. — The English Historical Review, Vol. L, 1935, P. 606–619.

Runciman S. A History of the Crusades. Vol. I, Cambridge, 1951.

Sabbadini R. Ciriaco d'Acona e la sua descirizione autografa del Peloponneso trasmessa de Leonardo Botta. — Miscellanea Ceriani, 1910, P. 203–204.

Saewulf. Pilgrimage of Saewulf to Jerusalem and the Holy Land. London, 1896. (Palestine Pilhrim's Text Society).

Saidak J. Que Signifie Κυριώτης Γεωμέτρης? — Byzantion, Vol. VI, 1931, P. 343–353.

Saidak J. Literatura Bizantyńska. Warszawa, 1933.

Salaville S. L'Affaire de l'Hénotique ou le premier schisme byzantin au Ve siècle. — Échos d'Orient, Vol. XVIII, 1910, P. 225–265; 389–397; Vol. XIX, 1920, P. 49–68; 415–433.

Salaville S. Deux manuscrits du 'De Vita Christi' de Nicolas Cabasilas. — Bulletin de la Section Historique de l'Academie roumaine, Vol. XIV, 1928.

Salaville S. Le second centenaire de Michel le Quien (1733–1933). — Échos d'Orient, Vol. XXXII, 1933, P. 257–266.

Salaville S. Nicolas Cabasilas: Explication de la divine liturgie. Paris, 1944.

Salomon R. [рецензия] Silberschmidt «Das orientalische Problem». — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXVIII, 1928, S. 143–144.

Salutari C. Epistolario di Coluccio Salutari. Ed. P. Novati. Roma, 1891–1911. (Fonti per la Storia d'Italia Epistolari, XIV–XV).

Sanudo M. Istoria del regno di Roumaina. Ed. C. Hopf. — Chroniques gréco-romanes inédites ou peu connues. Berlin, 1873.

Sathas C. Bibliotheca graeca medii aevi. Vols. 1–7, Venezia, Paris, 1872–1894.

Sathas C. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge. Vols. 1–9, Paris, 1880–1890.

Savage H. L. Reguerrand de Coucy VII and the Campaign of Nicopolis. — Speculum, Vol. XIV, 1939, P. 423–442.

Scala R. von. Das Griechentum seit Alexander dem Grossen. — Hemolt H. F. (ed.) Weltgeschichte, Bd. V, Leipzig, Wien, 1905.

Schaeder H. Moscau das Dritte Rom. Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der slavischen Welt. Hamburg, 1929. (*Автор хорошо знаком с русскими источниками.*)

Schanz M. von. Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian. Bd. III. München, 1905.

Schaube A. Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelmeergebietes bis zum Ende der Kreuzzüge. München, Berlin, 1906.

Schechter S. An Unknown Khazar Document. — Jewish Quarterly Review, N. S., Vol. III, 1912–1913, P. 181–219.

Schenk K. Kaiser Leon III. Bd. I, Halle, 1880.

Schenk K. Kaiser Leons III Walten im Innern. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. V, 1896, S. 257–301.

Schiller H. Geschichte der römischen Kaiserzeit. Bd. II, Gotha, 1887.

Schillmann F. Zur byzantinischen Politik Alexanders IV. — Römische Quartalschrift, Bd. XXII, 1908, S. 108–131.

Schiltberger H. Reisebuch. Ed. V. Langmantel. Tübingen, 1885. (Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart, Bd. CLXXII.)

Schlauh M. The Palace of Hugon de Constantinople. — Speculum, Vol. VII, 1932, P. 500–514.

Schlosser F. C. Geschichte der bilderstürmenden Kaiser des oströmischen Reiches. Frankfurt, 1912.

Schlumberger G. Un Empereur byzantin au dixième siècle. Nicéphore Phocas. Paris, 1890. Перепечатка без иллюстраций — Paris, 1923.

Schlumberger G. L'Épopée byzantine à la fin du dixième siècle. Vols. 1–3, Paris, 1896–1905.

Schlumberger G. Renaud de Chatillon. Paris, 1898.

Schlumberger G. Expédition des 'Almugavares' ou routiers catalans en Orient. Paris, 1902.

Schlumberger G. Un Empereur de Byzance à Paris et à Londres. — Revue de Deux Mondes, Vol. XXX, 1915, P. 786–817.

Schlumberger G. Le Siège, la prise et le sac de Constantinople par les Turcs en 1453. Paris, 1915.

Schlumberger G. Byzance et croisades. Paris, 1927.

Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. Bd. I, Berlin, 1904.

Schmidt T. La 'Renaissance' de la peinture byzantine au XIVe siècle. — Revue archéologique, Ser. 4, Vol. XX, 1912, P. 127–142.

Schmitt J. Die Chronik von Morea. Eine Untersuchung über das Verhältnis ihrer Handschriften und Versionen. München, 1889.

Schmitt J. La 'Théséide' de Boccace et la Théséide grecque. — Études de philologie néogrecque. Paris, 1892. (Bibliothèque de l'École des Hautes Études. Sciences philologiques et historiques. Vol. XCII).

Schneider G. A. Der heilige Theodor von Studion, sein Leben und Werke. München, 1900.

Schoenebeck H. von. Beiträge zur Religionspolitik des Maxentius und Constantin. Leipzig, 1939.

Schramm P. Kaiser, Rom und Renovatio. Leipzig, Berlin, 1929.

Schubart W. Einführung in die Papyruskunde. Berlin, 1918.

Schubart W. Justinian und Theodora. München, 1943.

Schultze F. Geschichte der Philosophie der Renaissance. I. Georgios Gemistos Plethon und seine reformatorischen Bestrebungen. Jena, 1874.

Schwartz E. Kaiser Constantin und die christliche Kirche. Leipzig, Berlin, 1913.

Schwartz E. Kyrillos von Skythopolis. Leipzig, 1939.

Schwarzlose K. Der Bilderstreit, ein Kampf der Griechischen Kirche um ihre Eingart und ihre Freiheit. Gotha, 1890. (*Важно.*)

Scriptor incertus de Leone Bardae filio. Ed. I. Bekker. Bonn, 1842. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Тот же том, в котором опубликована «Хроника» Льва Грамматика.)

Scriptores Historiae Augustae. Recensuit P. Hermannus. Vols. 1–2. Leipzig, 1865.

Scriptores originum Constantinopolitarum. Ed. T. Preger. Leipzig, 1901.

Scylitzes Johannes. Excerpta ex breviario historico. Ed. I. Bekker. Bonn, 1838–1839. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Seek O. Das sogenannte Edikt von Mailand. — Zeitschrift für Kirchengeschichte. Bd. XII, 1891, S. 381–386.

Seek O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Bd. 1–6, Berlin, Stuttgart, 1895. (Переиздания — первый том: Berlin, Leipzig, 1897, 1910; второй и третий тома — Berlin, Leipzig, 1921.)

Seek O. Collatio lustralis. — RE, Siebenter Halbband, Stuttgart, 1901, cols. 370–376.

Seek O. Der Codex Theodosianus. — O. Seek (ed.) Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311 bis 476 n. Chr. Stuttgart, 1919.

Seek O. Die Quellen des Codex Theodosianus. — O. Seek (ed.) Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311 bis 476 n. Chr. Stuttgart, 1919.

Serruys M. D. Les Actes du Concile Iconoclaste de l'an 815. — Mélanges d'archéologie et d'histoire, Vols. XXIII, 1903, P. 345–351.

Serruys M. D. Une source byzantine des Libri Carolini. — Comptes-rendus de l'Académie des inscriptions et belleslettres, Vol. I, 1904, P. 360–363.

Setton K. M. Athens in the Later Twelfth Century. — Speculum, Vol. XIX, 1944, P. 179–207.

Setton K. M. Catalan Domination of Athens 1311–1388. Cambridge, Mass., 1948.

Sewell R. Roman Coins in India. — Journal of the Royal Asiatic Society, Vol. XXXVI, 1904, P. 620–621.

Shepard A. M. The Byzantine Reconquest of Crete (A. D. 960) Annapolis, 1941. (U. S. Naval Institute Proceedings, Vol. LXVII, no. 462.)

Shestakov S. P. The Question of the Author of the Continuation of Theophanes. — Comterendu du deuxième Congrès International des Études byzantines, Belgrade, 1927. Belgrade, 1929.

Siciliano V. L. Diritto bizantino. — Enciclopedia Giuridica Italiana, Vol. IV, 5, 1906, P. 72.

Sickel W. Die Kaiserwahl Karls des Grossen. Eine rechtgeschichtliche Erörterung. — Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung, Bd. XX, 1899, S. 1–38.

Silberschmidt M. Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des Türkischen Reiches. Leipzig, Berlin, 1923.

Simeon, Metropolitan of Varna and Preslava. The Letters of Theophylact of Ochrida. Sofia, 1931.

Šišić F. Geschichte der Kroaten. Zagreb, 1917.

Skok P. Les Origines de Ragouse. — Slavia, Vol. X, 1931, P. 449–500.

Skrzinska E. Inscriptions latines de colonies génoises en Crimée. — Atti della Società Ligure di Storia Patria, Vol. LVI, 1928, P. 1–180.

Socrates Scholasticus. Ecclesiastica historia. — Ed. R. Hussey, Vols. I–III, Oxonii, 1853.

Sölch J. Historisch-geographische Studien über bithynische Siedlungen. Nikomedia, Nikäa, Prusa. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. I, 1920, S. 263–286.

Sommerard L. du. Deux princesses d'orient au XIIe siècle. Anne Comnène témoin des croisades. Angès de France. Paris, 1907.

Sorel A. Montesqieu. Paris, 1889.

Soteriou G. Die byzantinische Malerei des XIV. Jahrhunderts in Griechenland. Bemerkungen zum Stilproblem der Monumentalmalerei des XIV. Jahrhunderts. — Ἑλληνικά, Vol. I, 1928, P. 95–117.

Soyter G. Prokop als Geschichtschreiber der Vandalen- und Gotenkriege. — Neue Jahrbücher für Antike und Deutsche Bildung, Bd. II, 1939, S. 97–103.

Sozomenis Historia ecclesiastica, ed. J.-P. Migne. — PG, Vol. LXVII. Paris, 1864.

Spintler R. De Phoca imperatore Romanorum. Jena, 1905.

Spulber C. A. L'Éclogue des Isauriens: texte, traduction, histoire. Cernautzi, 1929.

Stadelmann H. Theodora von Byzanz. Bd. I–II, Dresden, 1926.

Stadtmüller G. Michael Choniates Metropolit von Athen (ca. 1138–ca. 1222). — Orientalia Christiana, Vol. XXXIII, 2, Roma, 1934, P. 125–325.

Stanojevitch S. History of the Serbian People. Belgrade, 1926

Stein E. Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus und Tiberius Constantinus. Stuttgart, 1919. *(Весьма важно.)*

Stein E. Ein Kaiptel vom persischen und vom byzantinischen Staate. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. I, 1920. S. 50–89.

Stein E. Untersuchungen über das Officium der Prätorianenpräfektur seit Diocletian. Wien, 1922.

Stein E. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte. — Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte, Bd. II, 1924.

Stein E. Untersuchungen zur spätrömischen Verwaltungsgeschichte. — Rheinisches Museum für Philologie, N. S., Bd. LXXIV, 1925, S. 347–354.

Stein E. Geschichte des spätrömischen Reiches. Bd. I. Wien, 1928; Histoire du Bas-Empire, Vol. II, Paris-Bruxelles-Amsterdam, 1949; французское издание первого тома — Paris-Bruxelles-Amsterdam, 1959. (*Важно.*)

Stein E. Justinian. Johannes der Kappadozier und das Ende des Konsulats. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXX, 1930, S. 376–381.

Stein E. Une nouvelle Histoire de l'Église. — Revue belge de philologie et d'histoire, Vol. XVII, 1938, P. 1024–1044.

Stein E. [рецензия] Baynes. «The Byzantine Empire». — Gnomon, Vol. IV, 1928, P. 410–414.

Stein E. [рецензия] Vasiliev. «History of the Byzantine Empire». — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXIX, 1930, P. 347–360.

Stephanus Secundus. Vita Ed. J.-P. Migne. — PG, Vol. C, Paris, 1860, cols. 1070–1186.

Stéhanou P. E. Spyridon Lambros (1851–1919); Xenophon Sidéridès (1851–1929). — Échos d'Orient, Vol. XXIX, 1930, P. 73–79.

Stéphanou P. E. Jean Italos, philosophe et et humaniste. — Orientalia Christiana Analecta, Vol. CXXIX, 1949, P. 121 ff.

Stöckle A. Spätrömische und byzantinische Zünfte. Leipzig, 1911. *(Интересно.)*

Streit L. Venedig und die Wendung des vierten Kreuzzugs gegen Konstantinopel. Anklam, 1877.

Struck A. Die Eroberung Thessalonikes durch die Sarazenen im Jahre 904. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XIV, 1905, S. 535–562.

Struck A. Mistra, eine mittelalterische Ruinenstadt. Wien, Leipzig, 1910.

Strzygowski J. Die Baukunst der Armenier und Europa. Wien, 1918.

Strzygowski J. Ursprung der christlichen Kirchenkunst. Leipzig, 1920.

Suetonius Caius Tranquillus. C. Suetoni Tranquilli quae supersunt omnia. Recensuit C. L. Roth. Leipzig, 1891; C. Suetoni Tranquilli de vita Caesarum libri 8. Recensuit Maximillianus Ihm. Lipsiae, 1907. (C. Suetoni Tranquilli opera. Ex recensione Maximilliani Ihm., Vol. 1.)

Suidas. Lexicon. Ed. A. Adler. Vols. I–V, Leipzig, 1928–1938.

Sundwell J. Abhandlungen zur Geschichte des ausgehenden Römertums. Helsingfors, 1919.

Swift E. H. The Latins at Hagia Sophia. — American Journal of Archaeology, Vol. XXXIX, 1935, P. 458–459; 473–474.

Swift E. H. Hagia Sophia. New York, 1940. *(Исчерпывающая библиография.)*

Sybel H. Geschichte des ersten Kreuzzuges. Leipzig, 1841. Переиздания — Leipzig, 1881; 1900. (*До сих пор — самое важное исследование по данному вопросу.*)

Sybel H. Ueber den zweiten Kreuzzug. — H. Sybel. Kleine Historische Schriften, Bd. I. München, 1863.

Symeon Magister (*Logothete*) Chronica. Ed. I. Bekker. Bonn, 1838. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Synesius. Opera Ed. J.-P. Migne. — PG, Vol. LXVII, cols. 1020–1615. Paris, 1864.

Synesius. The Letters of Synesius of Cyrene. Ed. A. Fitzgerald. London, 1926.

Synesius. The Essays and Hymns of Synesius of Cyrene, including the Address to the Emperor Arcadius and the Political Speeches. Trans. and ed. A. Fitzgerald. Oxford, London, 1930.

Synodicon Orientale ou Recueil de Synodes Nestoriens. Trad. et éd. par J.-B. Chabot. — Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale, Vol. XXXVII, Paris, 1902.

Tabari. Annales. Ed. M. J. de Goeje. Vols. 1–15, Leyden, 1879–1901.

Tacchi-Venturi P. S. I. Commentariolum de Joanne Geometra ejusque in S. Gregorium Nazianzenum inedita laudatione in cod. Vaticano-Palatino 402 adversata. — Studi e documenti di storia e diritto, Vol. XIV, 1893.

Tafel G. L. F. Komnenen und Normannen. Stuttgart, 1870.

Tafel G. L. F., Thomas G. M. Urkunden zur ältern Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. Bd. I–III, Wien, 1856–1857. (Fontes rerum austriacarum. Diplomata et acta, XII–XIV).

Tafrali O. Thessalonique au quatorzième siècle. Paris, 1913.

Tafrali O. Thessalonique des origines au XIVe siècle. Paris, 1919.

Tafur Pero. Andanças è viajes de Pero Tafur por diversas partes del mundo avidos (1435–1439). Madrid, 1874. (Colleccion de libros españoles raros y curiosos. VIII–IX). Английское издание — M. Letts (ed.) New York, London, 1926.

Taylor J. W. Georgius Gemistus Pletho's Criticism of Plato and Aristotle. Menasha, Wis., 1921.

Tennent J. E Ceylon. London, 1860.

Tessier J. Quatrième croisade. La diversion sur Zara et Constantinople. Paris, 1884.

Testaud G. Les rapports des puissants et petits propriètaires ruraux dans l'Empire Byzantin au Xe siècle. Bordeaux, 1898.

Thalloszy L. von. Illyrisch-Albanische Forschungen. München, Leipzig, 1916.

Thallon I. C. Medieval Humanist: Michael Acominatus. New Haven, 1923. (Vassar Medieval Studies by the members of the Faculty of Vassar College.)

Theiner A. Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia. Roma, 1859.

Theodorus Monachus Θεοδοσίου Μοναχοῦ τοῦ καὶ γραμματικοῦ ἐπιστολὴ πρὸς Λέοντα Διάκονον περὶ τῆς ἁλώσεως Συρακούσης. Ed. M. Hase. Paris, 1819; ed. C. Zuretti. — Centenario della nascita di Michele Amari, Vol. I. Palermo, 1910, P. 165–168.

Theodorus Scutariota. Addidamenta ad Georgii Acropolitae Historiam. Ed. A. Heisenberg. Leipzig, 1903.

Theodoretus Cyrrensis. Historia Ecclesiastica. Ed. L. Parmentier. Paris, 1911.

Theodosius II. Theodosiani libri XVI. Ed. Th. Mommsen and P. Meyer. Vols. 1–2, Berlin, 1905. Английский перевод — The Theodosian Code by C. Pharr. Princeton, 1952.

Theophanes. Chronographia. Ed. C. de Boor. Vols. 1–2, Leipzig, 1883–1885.

Theophanes Continuatus. Historia. Ed. I.Bekker. Bonn, 1838. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).

Theophylactus Bulgarensis. Epistulae. Ed. J. P. Migne. — PG, Vol. CXXXVI, Paris, n. d.

Theophylactus Simocatta. Historiae. Ed C. de Boor. Leipzig, 1887.

Thomas A. La Légende de Saladin en Poitou. — Journal des Savants, N. S. Vol. VI, 1908, P. 467–471.

Thomas C. Theodor von Studion und sein Zeitalter. Osnabrück, 1892.

Thompson E. A. A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948.

Thompson J. W. An Economic and Social History of the Middle Ages. New York, London, 1928.

Thompson J. W. The Age of Mabillon and Montfaucon. — The American Historical Review, Vol. XLII, 1942, P. 225–244.

Thuasne L. Gentile Bellini et Sultan Mohammed II. Notes sur le séjour du peintre vénitien à Constantinople (1479–1480). Paris, 1888.

Timario sive de passionibus ejus. Dialogus satyricus. Ed. M. Hase — Notices et extraits des manuscrits de la Bibiothèque Nationale, Vol. IX, Paris, 1813; Ed. A. Ellissen. Analecten der mittel- und neugriechischen Literatur, Bd. IV, Leipzig, 1860.

Tomaschek W. Die Goten in Taurien. Wien, 1881.

Tozer H. F. Byzantine Satire. — JHS, Vol. II, 1881, P. 233–270.

Tozer H. F. A Byzantine Reformer (Gemistus Plethon). — JHS, Vol. VII, 1886, P. 353–380.

Traub E. Der Kreuzzugsplan Kaiser Heinrichs VI im Zusammenhang mit der Politik der Jahre 1195–1197. Jena, 1910.

Treu M. Mazaris und Holobolos. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. I, 1892, S. 86–97.

Treu M. Dichtungen des Grosslogothet Theodoros Metochites. Potstdam, 1895.

Treu M. Manuel Holobolos. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. V, 1896, S. 538–559.

Turchi N. La civilità bizantina. Torino, 1915.

Tzetzes Johannes. Historiarum variarum Chiliades. Ed. T. Kiesslingius. Leipzig, 1826.

Tzetzes Iohannes. Argumentum et allegoriae in Illiadem. Ed. P. Metranga — Anecdota Graeca, Paris, 1850.

Ubicini J. H. Chronique du règne de Mahomet II, par Critobule d'Imbros. — L'annuaire de l'association pour l'encouragment des études grecques, Vol. V, 1871, P. 49–74.

Unbegaun B. Les relations vieurusses de la prise de Constainople. — Revue des études slaves, Vol. IX, 1929, P. 13–38.

Usener H. Vier Lateinische Grammatiker. — Rheinisches Museum für Philologie, Bd. XXIII, 1868, S. 490–507.

Vailhé J. Projet d'alliance turco-byzantine au VI° siècle. — Échos d'Orient, Vol. XII, 1909, P. 206–214.

Vance J. M. Beiträge zur byzantinische Kulturgeschichte am Anfange des IV. Jahrhunderts aus den Schriften des Johannes Chrysostomos. Jena, 1907.

Vandercook J. W. Empress of the Dusk. A Life of Theodora of Byzantium. New York, 1940.

Van Millingen A. Byzantine Constantinople, the Walls of the City and Adjoining Historical Sites. London, 1899.

Vasiliev A. A. La guerre de cent ans et Jeanne d'Arc dans la tradition byzantine. — Byzantion, Vol. III, 1926, P. 241–250.

Vasiliev A. A. Das genaue Datum der Schlacht von Myrionkephalon. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXVII, 1927, S. 288–290.

Vasiliev A. A. History of the Byzantine Empire. Vols. 1–2, Madison, 1928–1929. (University of Wisconsin Studies in the Social Sciences and History, nos. 13, 14).

Vasiliev A. A. Quelques remarques sur les voyageurs du Moyen Âge à Constantinople. — Mélanges Charles Diehl: Études sur l'histoire et sur l'art de Byzance. Paris, 1930.

Vasiliev A. A. Il Viaggio dell'Imperatore Bizantino Giovanni V Paleologo in Italia (1369–1371) e l'Unine di Roma del 1369. — Studi Bizantini e Neoellenici, Vol. III, 1931, P. 151–193.

Vasiliev A. A. Harun-ibn-Yahya and His Description of Constantinople. — Annales de l'Institut Kondakov, Vol. V, 1932.

Vasiliev A. A. Histoire de l'Empire byzantine. Vols. 1–2, Paris, 1932.

Vasiliev A. A. Pero Tafur, a Spanish Traveler of the Fifteenth Century and his visit to Constantinople, Trebizond and Italy. — Byzantion, Vol. VII, 1932, P. 75–122.

Vasiliev A. A. Justin I (58–527) and Abyssinia. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXXIII, 1933, S. 67–77.

Vasiliev A. A. Justinian's Digest in commemoration of the 1400th anniversary of the publications of the Digest. — Studi Bizantini e neoellenici, Vol. V, 1939, P. 711–734.

Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936. (Medieval Academy of America. Monographs, no. 11).

Vasiliev A. A. [рецензия] Ch. Diehl, G. Marçais. «Le Monde oriental». — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. XIII, 1, 1937, P. 114–119.

Vasiliev A. A. An Edict of the Emperor Justinian II, September 688. — Speculum, Vol. XVIII, 1943, P. 1–13.

Vasiliev A. A. Medieval Ideas of the End of the World: West and East. — Byzantion, Vol. XVI, 2, 1944, P. 462–502.

Vasiliev A. A. The First Russian Attack on Constantinople in 860–861. Cambridge, Mass., 1946. (Medieval Academy of America. Monographs. no. 46).

Vasiliev A. A. Justin the First: An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge, Mass., 1950.

Vasiliev A. A., Kratschkovsky I. (Eds and transl.) Histoire de Yahya-ibn-Sa'ïd d'Antioche. Continuateur de Sa'ïd-ibn-Bitriq. — Patrologia Orientalis, Vol. XVIII, 1924, P. 699–834; Vol. XXIII, 1932, P. 348–520.

Vast H. Le cardinal Bessarion (1403–1472). Études sur la chrétienté et la renaissance vers le milieu du XVe siècle. Paris, 1878.

Veniero A. Paulo Silenziario. Studio sulla letteratura bizantina del VI secolo. Catania. 1916.

Vernadsky G. Sur les Origines de la loi agraire byzantine. — Byzantion, Vol. II, 1926, P. 169–180.

Vernadsky G. Die kirchlich-politische Lehre der Epanagoge und ihr Einfluss auf das russische Leben im XVII. Jahrhundert. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. VI, 1928, S. 121–125.

Vernet F. Versus Pauli Diaconi. — Poetae Latini Aevi Carolini. Berlin, 1881. (Monumenta Germaniae Historica).

Vernet F. Nicolas Cabasilas. — Dictionnaire de théologie catholique, Vol. II, 2, 1923, cols. 1292–1295.

Vernet G. Le second Concile oecuménique de Lyon, 7 mai–17 juillet 1274. — Dictionnaire de théologie catholique, Vol. IX, 1926, cols. 1374–1391.

Vie de Saint Athanase l'Athonite. Ed. L. Petit. — Analecta Bollandiana, Vol. XXV, 1906, P. 5–89.

Villehardouin G de. La Conquête de Constantinople. Ed. N. de Wailly. Paris, 1872; ed. E. Faral — Paris, 1938–1939.

Viller M. La Question de l'union des églises entre Grecs et Latins depuis le concile de Lyon jusqu'à celui de Florence (1274–1438). — Revue d'histoire ecclésiastique, Vol. XVI, 1921, P. 260–305; 525–532.

Vincent H., Abel F. Jérusalem. Recherches de topographie, d'archéologie et d'histoire. Paris, 1914. Второе издание — Paris, 1926.

Vincent H., Abel F. Bethléem: Le Sanctuaire de la Nativité. Paris, 1914.

Vita Agapeti papae. Ed. L. Duchesne. — Liber Ponitificalis. Paris, 1886.

Vita Euthymii: Ein Anecdoten zur Geschichte Leo's des Weisen A. D. 886–912. Ed. C. de Boor. Berlin, 1888. (*Издание, помимо греческого текста, содержит ценное исследование памятника с исторических позиций, написанное К. де Боором.*)

Vogt A. Basile Ier empereur de Byzance (867–886) et la civilisation byzantine à la fin du IXe siècle. Paris, 1908.

Vogt A., La Jeunesse de Leon VI le Sage. — Revue historique, Vol. CLXXIV, 1934, P. 389–428.

Vogt J. Constantin der Grosse und sein Jahrhudert. München, 1949.

de Vogüé M. Les Églises de la Terre Sainte. Paris, 1860.

Voigt G. Enea Silvio Piccolomini. Vol. II, Berlin, 1862.

Wagner W. Trois Poèmes du moyen âge. Berlin, 1881.

Warmington E. The Commerce between the Roman Empire and India. Cambridge, 1928.

Wartenberg G. Das Geschichtswerk des Leon Diakonos. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. VI, 1897, S. 106–111; 285–317.

Wartenberg G. Das Mittelgriechische Heldenlied von Basileios Digenis Akritis. Ostern, 1897.

Warton T. History of English Poetry. Ed. W. C. Hazlitt. Vol. II, London, 1871.

Weil G. Geschichte der Chalifen. Bd. 1–3, Mannheim, 1846–1851.

Wellhausen J. Das arabische Reich und sein Sturz. Berlin, 1902.

Wellhausen J. Die Kämpfe der Araber mit den Romäern in der Zeit der Umajaden. Göttingen, 1901. (Nachrichten von der Klassische Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philosophisch-historische Klasse.)

Wellnhofer M. Johannes Apokaukos, Metropolit von Naupaktos in Aetolien (c. 1155–1233). Sein Leben und seine Stellung in Despotate von Epirus unter Michael Doukas und Theodoros Komnenos. Freising, 1913.

Wendel C. Planudes Maximos, byzantinischer Grammatiker. — RE, Zwanzigster Band, vierzigster Halbband, Stuttgart, 1950, cols. 2202–2253.

Whittemore Th. The Mosaics of St. Sophia at Istambul. Preliminary Reports. Vols. I–IV, Oxford, 1933–1952.

Wigram W. A. An Introduction to the History of the Assyrian Church. London, 1910.

Wigram W. A. The Separation of the Monophysites. London, 1923.

Wilcken F. Andronikus Comnenus. Historisches Taschenbuch von Raumer. Bd. II, Leipzig, 1831.

Wilcken F. Rerum ab Alexio I, Joanne et Manuele Comnenis Gestarum Libri IV. Heidelberg, 1811.

Wilckenhauser A. Zur Frage der Existenz von Nizänischen Synodalprotocolen. — Gesammelte Studien herausgegeben von F. Dölger. Freiburg, 1913.

Willermus Tyrensis. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum. (Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux, Vols. I, II). Paris, 1869–1881.

William of Tyre. A History of Deeds Done Beyond the Sea. — Ed. and transl. by E. A. Babcock and A. C. Krey. New York, 1943.

Willibaldi. Vita Herausgegeben von G. H. Pertz. Hanover, 1887. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. XV).

Winstedt E. O. The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes. Cambridge, 1909.

Wittek P. Das Fürstentum Mentesche. Studie zur Geschichte Westkleinasiens im 13–15. Jahrhunderts. Istambul, 1934.

Wittek P. Von der byzantinischen zur türkischen Toponymie. — Byzantion, Vol. X, 1935, P. 12–53.

Wittek P. Deux Chapitres de l'histoire des Turcs de Roum. — Byzantion, Vol. XI, 1936, P. 285–302.

Wittek P. The Rise of the Ottoman Empire. London, 1938. (*Интересно*).

Wolff R. L. The Second Bulgarian Empire; Its Origin and History to 1204. — Speculum, Vol. XXIV, 1949, P. 167–206.

Wolters P. De Constantini Cephalae Anthologia. — Rheinisches Museum für Philologie, Bd. XXXVIII, 1883, S. 97–119.

Wright F. A. A History of Later Greek Literature from the Death of Alexander in 323 B. C. to the Death of Justinian in 565 A. D. New York, 1932.

Wright W. C. The Works of the Emperor Julian. Cambridge, 1913.

Wright W. S. (ed.). The Chronicle of Joshua the Stylite, composed in Syriac A. D. 507. Cambridge, 1882.

Wroth W. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908.

de Xivrey B. Mémoire sur la vie et les ouvrages de l'empereur Manuel Paléologue. Paris, 1853. (Mémoires de l'Institut de France. Académie des Inscriptions et belles-lettres, XIX, 2). (*Прекрасная работа*

о личности и литературной деятельности Мануила II. Работа содержит также очень хорошее описание его времени.)

Yaballah III. Histoire de Mar Yaballaha III, patriarche des Nestoriens (1281–1317), et du moine Rabban Çauma, ambassadeur du roi Argoun en Occident (1287). Ed. et trad. de J.B. Chabot. — Revue de l'Orient Latin, Vol. II, 1894, P. 82–87.

Yacut (*Yaqut*). Geographisches Wörterbuch. Herausgegeben von H. F. Wüstenfeld. Vols. 1–6, Leipzig, 1866–1870.

Yahia Ibn Said Antiochensis. Annales. Ed. L. Cheikho. Beyrouth, Paris, 1909.

Yaqubi. Historiae. Ed. Houtsma M. T. Vols. 1–2, Leyden, 1883.

Yewdale R. B. Bohemund I, Prince of Antioch. Princeton, 1924.

Yule H. J. Cathay and the Ways Thither. London, 1914. (Publications of the Hakluyt Society, Vol. XXXVII).

Zachariä von Lingenthal K. E. Historiae juris graeco-romani delineatio. Heidelberg, 1839.

Zacharia von Lingenthal K. E. Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini. Leipzig, 1852.

Zachariä von Lingenthal K. E. Jus graeco-romanum. Bd. I, Lipsiae, 1856; Bd. II, Lipsiae, 1857; Bd. III, Lipsiae, 1865.

Zachariä von Lingenthal K. E. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Berlin, 1892.

Zachariä von Lingenthal K. E. Wissenschaft und Recht für das Heer vom 6. bis zum Anfang des 10. Jahrhunderts. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. III, 1894, S. 437–457.

Zachariah of Mitylene. The Syriac Chronicle. Trans. by F. J. Hamilton and E. W. Brooks. London, 1899.

Zakythinos D. A. Le Chrysobulle d'Alexis III Comnène empereur de Trébizonde en faveur des Vénétiens. Paris, 1932.

Zakythinos D. A. Le Despotat grec de Morée. Paris, 1932.

Zakythinos D. A. Crise monetaire et crise économique à Byzance du XIIe au XVe siècle. Athens, 1948.

Zakythinos D. A. Processus de féodalisation. — L'Hellénisme Contemporain, 1948, P. 499–534.

Zeller C. F. Andronikus der Komnene Römischer Kaiser. Ein historisches Gemälde aus dem oströmischen Kaiserthume im zwölften Jahrhundert, Bd. I, Stuttgart, 1804.

Zenghelis C. Le Feu grégeois. — Byzantion, Vol. VII, 1932, P. 265–286.

Zepos J. and P. (Eds.) Jus graeco-romanum. Athens, 1930–1931.

Zervos Chr. Un philosophe néoplatonicien du XIe siècle, Michael Psellus, sa vie, son oeuvre, ses luttes philosophiques, son influence. Paris, 1920.

Zimmert K. Der deutsch-byzantinische Konflikt vom Juli 1189 bis Februar 1190. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XII, 1903, S. 42–77.

Zinsser H. Rats, Lice and History. Boston, 1935.

Zlatarsky V. N. Geschichte der Bulgaren. I. Von der Gründung des bulgarischen Reiches bis zur Türkenzeit (679–1396). Leipzig, 1918.

Zoras G. Le corporazioni bizantine. Studio sull' Ἐπαρχικὸν Βιβλίον dell' imperatore Leone VI. Roma, 1931.

Zosimus. Historia nova. Herausgegeben von L. Mendelssohn. Leipzig, 1887.

АРХИВ А. А. ВАСИЛЬЕВА В DUMBARTON OAKS (ВАШИНГТОН)[1]

С. П. Карпов

Выдающийся русский византинист А. А. Васильев (1867–1953)[2] прожил долгую и творчески активную жизнь, обогатив своими трудами отечественную науку и создав школу американского византиноведения. Выпускник Петербургского университета, оставленный для подготовки к профессорскому званию, стажер Русского Археологического Института в Константинополе (1899), после защиты в 1902 г. докторской диссертации — профессор Дерптского университета (1904–12), приват-доцент (1912–17), экстраординарный профессор (1917–25) Петербургского/Петроградского университета и славяно-исторического факультета Первого Петроградского гос. педагогического

---

[1] Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 97—06—80144).

[2] См. об А. А. Васильеве: *Вернадскии Г. В.* А. А. Васильев (К семидесятилетию его). — SK, 1940, T. XI, C. 11–17 ; *Grégoire H.* A. A. Vasiliev. — Byz., 1952, №. 22, P.526–531; *Der Nersessian S.* Alexander Alexandrovich Vasiliev (1867–1953). — DOP, 9–10, 1956. P. 1–21 (с библиогр., P. 13–21); *Медведев И. П.* Васильев А. А. — Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979, С. 92–93; *Басаргина Е. Ю.* А. А. Васильев и Русский Археологический Институт в Константинополе. — Российские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993, С. 127–135. Ср.: *Куклина И. В.* «Труды и дни» А. А. Васильева (по материалам его писем к С. А. Жебелеву). — Российское византиноведение. Итоги и перспективы. Тезисы докладов и сообщений на Международной конференции, посвященной 100-летию Византийского Временника и 100-летию Русского Археологического Института в Константинополе (Санкт-Петербург, 24–26 мая 1994). М., 1994, С. 68–70; *Она же.* А. А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки. — Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995, С. 313–338; *Бонгард-Левин Г. М., Тункина И. В.* М. И. Ростовцев и А. А. Васильев (новые архивные материалы). — ВДИ, 1996, № 4, С. 168–188; Скифский роман / под общ. ред. ак. РАН Бонгард-Левина Г. М. М., 1997, С. 259–286.

института, председатель РАИМК (1920–25), член-корреспондент РАН (с 1919) — таким был cursus honorum ученого на родине. Однако, все возраставшая изолированность византиноведения в Советской России тех лет от науки других стран, серьезные препятствия в проведении исследований, большие материальные трудности заставили А. А. Васильева, оказавшегося в заграничной командировке в США (1925–28), остаться за границей. Это было не легкое для него решение и, приняв его, он стремился продолжать общение со своими коллегами и друзьями в России, вел со многими из них переписку, обменивался публикациями и информацией. Он болел за судьбы российской науки и делал все возможное, чтобы не порывать связей с Академией и университетом. С конца 20-х гг. это стало практически невозможно для человека, причисленного к эмигрантам.

В начале 1926 г. А. А. Васильев получает приглашение в Каирский университет, инициированное деканом факультета, выдающимся византинистом А. Грегуаром и поддержанное королем Египта. Не отвергая его, А. А. Васильев подает заявление на замещение кафедры в Кингс Колледже Лондонского университета, но вскоре отзывает его и останавливает свой выбор на Америке. По рекомендации его друга, академика М. И. Ростовцева, он становится профессором Висконсинского университета США в Мэдисоне. Там он проработал с 1925 по 1938 г., сначала временно, затем — в штате. Оставив университет по возрасту и уйдя на пенсию, Васильев успешно продолжал свои штудии и был приглашен в новый Центр византиноведения при Гарвардском университете — Думбартон Окс в Вашингтоне в качестве старшего исследователя (Senior Scholar, 1944–48), а затем был почетным исследователем (Scholar Emeritus, 1949–53). Оказавшись в Думбартон Оксе, А. А. Васильев перевез туда и часть своего архива, включающего разнообразные материалы, за многие годы его жизни, начиная с 1922 г.

У нас нет оснований, таким образом, говорить о том, что архив Васильева не обнаружен и что материалов к его биографии очень мало [1]. В настоящее время, благодаря исследованиям Г. М. Бонгард-Левина [2], исследователям стала известна часть архива А. А. Васильева в Архиве Висконсинского университета, состоящая из 7 картонов (Univ. of Wisconsin. Division of Archives. College of Letters and Science. Department of History. General Correspondence. A. A. Vasiliev. Series № 7/16/16. Box 1–7). Другая часть, из 4 больших картонов,

---

[1] *Куклина И. В.* «Труды и дни»... С. 69; *Она же*. А. А. Васильев: «Труды и дни»... С. 313.

[2] *Бонгард-Левин Г. М., Тункина И. В.* М. И. Ростовцев и А. А. Васильев...

описание которой приводится ниже, находится в архиве Думбартон Окса (Вашингтон) и исследовалась нами [1]. Многие письма А. А. Васильева к М. И. Ростовцеву за 1925–42 гг. хранятся также в Библиотеке особых коллекций Дьюкского университета США (Duke University. William R. Perkins Library. Special Collections Department. Box 3. Correspondence. Language Russian. Fol. 1–4)[2], его письма к другим лицам (более 20 адресатов) и некоторые рукописи — в личных фондах ряда ученых в России и зарубежом [3].

Архив А. А. Васильева в Думбартон Оксе состоит из 4 картонов (boxes), разделенных на фолдеры. В нем содержатся отдельные материалы, относящиеся к Петроградскому периоду (1922–25), а также, более полно — ко времени его научной и педагогической работы в Мэдисоне (1925–44) и в Вашингтоне (1944–53). Состав материалов следующий (мы используем английские обозначения единиц хранения):

Box 1.

Folder 1.

1. Перевод на русский язык поздневизантийского любовного романа «Вельтадр и Хрисанца»[4]. В рукописи имеются многочисленные исправления переводчика, отдельные строки пропущены (оставлены незаполненные текстом номера строк). Иногда на полях карандашом отмечены знаки вопроса. На С. 46 сделана помета о времени и месте работы над переводом: 1 дек. 1922. Птг (Петроград). А. А. Васильев приводит также варианты перевода и рассуждения по содержанию текста. Ряд страниц и листов рукописи не имеет нумерации. На небольших отдельных листочках выписаны некоторые термины и их перевод. Все тексты только на русском и греческом языках. Нет никаких следов продолжения этой работы в эмиграции. Перед нами, таким образом, черновой перевод, выполненный А. А. Васильевым еще в Петрограде и взятый им с собой в заграничную командировку для завершения работы.

---

[1] Я приношу глубокую благодарность дирекции и научным сотрудникам Думбартон Окса за возможность ознакомиться в этими материалами во время моей исследовательской работы в Думбартон Оксе в 1994–95 гг.

[2] *Бонгард-Левин Г. М., Тункина И. В.* М. И. Ростовцев и А. А. Васильев... С.168.

[3] См., напр.: *Куклина И. В.* А. А. Васильев: «Труды и дни»... С. 318–319; *Герцен А. Г.* О двух рукописях сочинения А. А. Васильева в Архиве ЛОИА АН СССР. — ВВ, 40, 1979, С. 191–192.

[4] Перевод осуществлен по изданию: *Legrand T.* Bibliothèque grecque vulgaire, T. 1, Paris, 1880, P. 125–168.

2. «Портреты» византийских императоров и императриц. Материал к готовящейся им книги. На каждом отдельном листочке приведены ссылки на иконографический материал и библиография. Хронологически охвачены все императоры от Константина Великого до Константина XI и Андрея Палеолога, сына деспота Фомы. Многие заметки носят предварительный, эскизный характер и не отличаются библиографической полнотой. Весь текст — также на русском языке и, вероятно, относится в значительной мере также к Петроградскому периоду творчества ученого.

3. Наброски к исследованию о Дигенисе Акрите. Заметки сделаны по-английски. Отдельные слова и термины выписаны на листочках с переводами на русский и английский языки. На русском языке сделан перевод первой песни (начало его утрачено), 2, 3, 4 песен. Перевод черновой, с лакунами.

4. Черновые материалы и конспекты работ, озаглавленные: Тана, Тмуторакань. Они содержат:

1) Библиографические пометы о Тмуторакани (С. 1–5). Конспекты на 5 ненумерованных листах публикаций генуэзских документов из серии: Atti della Societa Ligure di Storia Patria.

2) Конспекты работ, относящихся к истории Таны: Н. Веселовского. Танаис Младший. — Гермес, IV, 1909, № 6, С. 246–252. — 1 с.; выписки из различных источников о чуме 1348 г.— 2 с.; выписки из книги: *Canale M., da.* Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai dm nostri. Genova, 1855, Vol. 1, P. 193–194 — 1 с.; отдельные библиографические пометы — 1 с.; различные краткие конспекты на 19 листочках. Характер материалов свидетельствует о начальной стадии работы А. А. Васильева (не завершенной впоследствии) над историей средневекового Азова/Таны.

3) Выписки, относящиеся к истории Саркела и Таны-Саркела — 3 с. библиографических материалов и конспектов.

4) Средневековый Крым (заголовок автора). Конспекты материалов, относящихся к нотициям епископий Крыма.

5) Выписки из «Практики торговли» Франческо Балдуччи Пеголотти. Использовано издание 1766 г.[1] с пометой (более позднего времени) о новом издании 1936[2].—38 с. Выписки не содержат каких-либо комментариев к тексту.

---

[1] *Pagnini del Ventura G. F.* Della decima e delle altre gravezze imposte dal comune di Firenze, della moneta e della mercatura de'Fiorentini fino al secolo XVI. Lisbona e Lucca, 1766, 4 vol.

[2] *Pegolotti Francesco Balducci.* La Pratica della mercatura/ ed. by A. Evans. Cambridge, Mass., 1936.

6) Конспекты, библиографические пометы и выписки из источников к семинарам — на отдельных, ненумерованных листах. На л. 1, например, материалы к семинару А. А. Васильева в 1927–1928 гг., посвященного Юлиану Отступнику.

Folder 2.

Русские эмигрантские газеты. Вырезки из них. Чаще других представлена газета «Последние новости» за 1929–41 гг.

Folder 3.

TREBIZOND A–E, F–L.

Конспекты различных работ и источников по истории Трапезунда и Трапезундской империи, сгруппированные в алфавитном порядке.

Folder 4.

TREBIZOND M–Z, Trebizond before 1204.

Конспекты различных работ и источников сгруппированные в алфавитном порядке.

Folder 5.

Материалы о Трапезундской империи:

1.The Empire of Trebizond (Febr. 24, 1936, in the Classical Club, NY City). 27 с. — видимо, текст выступления или лекции в Нью Йорке. Без научного аппарата.

2. Черновые материалы к книге о Трапезундской империи и к статье об образовании Трапезундской империи [1]. Черновик популярной статьи или лекции «The Empire of Trebizond». — 14 p. Madison-Wisconsin. Черновик предисловия или введения к работе о Трапезунде, заглавие: Trebizond. Foreword.

3. Подготовительные материалы и краткие заметки на отдельных листах (явно не все) к статье: The Empire of Trebizond in History and Literature. — Byzantion, 1940–41, XV/1, P. 316–377.

Folder 6.

TREBIZOND. Различные подготовительные материалы по истории Трапезундской империи.

1. Выписки из восточных источников.

2. Переписанная от руки Хроника Панарета по изданию 1907 г.[2] Не содержит каких-либо комментариев.

3. Выписки из источников, в т. ч. античных. Набросок начальной части плана лекций по истории Трапезундской империи (на русском языке).

---

[1] Статья опубликована: *Vasiliev A. A.* The Foundation of the Empire of Trebizond (1204–1222). — Speculum, 1936, Vol. 11, № 1, P. 3–37.

[2] *Lampros Sp. P.* Τὸ Τραπεζουντιακὸν Χρονικὸν τοῦ πρωτοσεβάστου καὶ πρωτονοταρίου Μιχαὴλ Παναρέτου. — Νέος Ἑλληνομνήμων, 1907, Т. 4, S. 257–295.

4. «Трапезунтъ». Греческие надписи в Трапезунде. Библиография. Выписки из рукописей.

5. Конспекты по истории Трапезунда. Вырезка малоизвестной газетной статьи А. А. Васильева: Trebizond, the ancient gateway to Asia. — The Milwaukee Journal, 25/XI 1934 .

Box 2.

Folder 7.

1. Материалы о Язиде II. Рукопись статьи : The Iconoclastic Edict of the Caliph Jazid II A.D.721. 86 с.[1] Текст написан ранее апреля 1953 и был отредактирован для издания М. Канаром.

2. Материалы под заголовком «for Paris». (Видимо, для лекций и выступлений А. А. Васильева в Париже). Библиографические и иные заметки о трапезундском императоре Андронике I Гиде (1222–1235). Набросок статьи о нем (С.88–90).

Folder 8.

Заметки об Александре Македонском и его отображении в византийской и исламской литературе и искусстве. Текст лекции на французском языке: «Alexandre le Grand, Byzance et l'Islam». Рукопись — 40 с., машинопись — беловая, 23 с. Имеется помета на отдельном листе — «for my French lecture». Тот же текст также в рукописи на английском — 39 с.[2]

Отдельные заметки и конспекты по теме: «Александр и Магомет».

Folder 9.

Переписка, заметки, рецензии, относящиеся к новому изданию «Истории Византии» («The History of Byzantine Empire»), 1950–51 гг. (Среди корреспондентов и рецензентов — П. Каранис, Дж. Хассей, издатель Т. Уэбб). Библиография рецензий на книги А. А. Васильева, оттиски и копии некоторых рецензий и аннотаций.

Folder 10.

Материалы к симпозиуму, проводимому Исследовательской библиотекой Думбартон Окса (Dumbarton Oaks Research Library) 28–30/IV 1949. Машинопись с авторской правкой (20 с.) и рукопись (26 с.) доклада: «Byzantium and the Arabs under Muhammed and his Immediate Successors, 622–661. The Causes of the Arab Military Successes.» Отзыв М. Канара о незавершенной работе А. А. Васильева «Византия и арабы» (4 с.).

---

[1] Опубликовано: The Iconoclastic Edict of the Caliph Yazid II, A.D.721. — DOP, 9–10, 1956, P. 23–47.

[2] Нам известна публикация резюме: *Vasiliev A. A.* Alexandre le Grand, Byzance et l'Islam. — Πεπραγμένα τοῦ Θ' Διεθνοῦς Βυζαντινολογικοῦ Συνεδρίου (Θεσσαλονίκη, 12–19.4 1953) Φ. Β'. Athenai, 1956, P. 630.

Folder 11.

2 фотографии 1946 г.: А. А. Васильев в Мексике, в Таско, с ослико-ком (10/VII 1946) и групповой снимок на плоту.

Материалы к симпозиуму Думбартон Окса 1947 г.: машинопись доклада «The Contribution made by the Russians and Slavs to Byzantine Scholarship» с краткой оценкой вклада русских и славянских уче-ных в изучение истории Византии.

Наброски статьи или доклада (на русском яз.) о принудительных работах в Египте по устройству и поддержанию плотин, каналов и рудников (по законодательным актам и папирусам). Выписки из мно-гочисленных источников и ссылки. Работа не завершена (20 не-нумерованных с.). Имеется помета архивиста: Symposium 1952 (?).

Folder 12.

Рукопись курса лекций А. А. Васильева в Коллеж де Франс — «Byzance et l'Ancienne Russie». Сохранились С.1–42 и 60–146[1].

Folder 13.

1. Материалы, названные А. А. Васильевым: «My Papers and talks in Madison», т. е. учебные курсы в Висконсинском университе-те. Среди них: средневековый Константинополь (на англ. яз.); про-исхождение славян. Текст выступления по радио об истории Крыма (1/V 1942). Популярный обзор истории полуострова, с особым вни-манием к периоду раннего средневековья.

2. Материалы, относящиеся к 1924–1926 гг. Письма 1924–25 гг. (от М.М.Мурко — Прага, 5/X 1924, П. Смирнова — Петербург, 2/IX 1924, Н. П. Кондакова, из Праги 22/VIII 1924). Речь А. А. Васильева в марте 1926 г. перед членами исторического факультета Виском-синского университета о научной деятельности ученого.

3. Речь на банкете FKF Fraternity 16/XII 1936 о научной дея-тельности в 1932–36 гг.

4. Инаугурационная речь (The Opening Address) на открытии Первого Конгресса Византино-Славяно-Восточных исследований в Нью Йорке 26/IV 1946. Часть машинописного и рукописный текст.[2] Наброски других выступлений на Конгрессе 1946 г.

5. Письма А. Грегуара А. А. Васильеву из Нью Йорка 17/III и 2/IV 1946 (даты установлены по штампам на конверте) относительно подготовки вышеупомянутого Конгресса.

6. Памяти Ш.Диля. Написано в Нью Йорке в 1945. Машинопись и рукописный текст на франц. яз.

---

[1] Вероятная датировка: 1939 г. Ср.: в Folder'е 18 есть объявление о шести лекциях в College de France, Fondation G. Schlumberger 15–26/V 1939.

[2] Опубликовано в: Byzantion, 1948, T. XVIII, P. 217–221.

7. Прощальная речь перед сотрудниками Библиотеки Висконсинского университета 20/I 1948. Содержит критику порядков библиотеки последних лет. (4 машинописных с. и рукописный оригинал).

8. Вводная часть к воспоминаниям А. А. Васильева [1]. План воспоминаний: «музыка — преподавание и научная работа — путешествия — интимная жизнь (если достанет времени)» (3 с.) 9/XI 1940.

Folder 14.

1. Отчет о научной работе 1933–34 гг. Отмечена работа над историей Трапезундской империи и завершение работы над арабским текстом и французским переводом Яхьи Антиохийского.

2. Черновики писем. Отчеты о работе в Думбартон Оксе в 1945–46; 1946–47; 1947–48; 1948–49; 1949–50; 1951; 1952 гг.

Folder 15.

«Оберлинские лекции»: «Византия и славяне»; «Сербы»; «Несторианство». «История Византии до иконоборчества»; «Иконоборчество». «Византия и ислам». «Схизма и Фотий». Конспекты отдельных работ.

Box 3.

Folder 16.

Заметки по отдельным вопросам, часто — библиографического характера. Конспекты. Пустые конверты (15) писем И. Ю. Крачковского (1932–36 гг).

Folder 17.

1. Заметки о путешествии на Аляску. (Июнь-июль 1941 г.).

2. Решение Наркомпроса СССР о продлении А. А. Васильеву заграничной командировки на год, до 15/ IX 1926. Переписка с деканом факультета языкознания и материальной культуры Ленинградского университета Н. С. Державиным, с должностными лицами РАН по поводу продления заграничной командировки после 15/ IX 1926 до 1928 г. В письме к непременному секретарю РАН С. Ф. Ольденбургу, отмечая, что в Ленинграде ему почти не на что было жить, А. А. Васильев пишет: «Порывать с Россией отнюдь не хочу и эмигрантом делаться не желаю. И думается мне, что работая за границей, не порывая с Россией и ни от кого этого не скрывая, я делаю посильное доброе дело для своей родины» (Париж, 4/VII 1926). По ходатайству АН СССР командировка А. А. Васильеву была продлена до 1/VII 1927. 2/VI 1927 он из Мэдисона просит Президиум АН продлить командировку далее, для издания «Истории Византии» и чтения лекций в Мэдисоне в 1927–28. Официальное заявление

---

[1] Фрагменты из нее цитируются в статье: *Der Nersessian S.* Alexander Alexandrovich Vasiliev (1867–1953)...

А. А. Васильева от 16/XII 1926 г. в Совет Археологического Отделения РАИМК о желании продолжить работу в Академии по намеченной разрядом теме по социально-экономической истории Византии и византийскому быту. Письмо А. А. Васильева в Отдел виз Государственного Департамента США от 7/III 1926 с сообщением о предоставлении ему Висконсинским университетом постоянного места профессора истории и принятии им этого предложения.

3. Черновики писем Л. Брейе, А. Грегуару 1926 г. Материалы, связанные с получением визы. Прошение А. А. Васильева о занятии кафедры новогреческой и византийской истории в Кингс Колледже Лондонского университета (Koraes Chair of Modern Greek and Byzantine History) от 14/I 1926. Копия письма М.И. Ростовцева в поддержку этого прошения. Телеграмма Ректора Каирского университета с предложением А. А. Васильеву кафедры истории средних веков в Каире (24/I 1926). Письмо из Каира декана факультета А. Грегуара с условиями предоставления этой кафедры (23/II 1926). Прошение А. А. Васильева снять его имя из списка кандидатов на кафедру Лондонского университета в связи с принятием им другого предложения (23/III 1926). Письмо А. А. Васильева А. Грегуару (28/II 1926) с просьбой отсрочить поездку в Каир из-за принятия им профессорской должности в Висконсинском университете.

4. Газетные вырезки и частные письма. Заметки А. А. Васильева о Таити, Сан-Пьер э Микелоне. Материалы, относящиеся к его путешествиям.

Folder 18.

1. Биографические и личные материалы А. А. Васильева (1925–40 гг.). Извещение об избрании его Почетным доктором Афинского университета (19/V 1937). Газетные вырезки, в т. ч. отражающие деятельность А. А. Васильева.

2. Наброски воспоминаний А. А. Васильева о К. Крумбахере, бароне В. Р. Розене, В. Г. Васильевском[2]. Лекция о русских византинистах: В. Г. Васильевском, В. Р. Розене, Ф. И. Успенском, Н. П. Кондакове (на французском языке). Возможно, для выступления в Брюсселе 7/V 1934 (как значится на конверте). Личные письма из России племянника Кирилла и сестры Надежды 1944–45 гг.

---

[1] Некоторые эпизоды из воспоминаний приводятся Васильевым в письмах и др. бумагах. См., напр., эпизод знакомства с В. Г. Васильевским, изложенный близко к тексту «Воспоминаний» в письме из Флоренции С. А. Жебелеву (10 августа 1931): *Медведев И. П.* Honor sepulcri (размышления А. А. Васильева у могилы В. Г. Васильевского). — ВВ. 55 (80), Ч. 1, 1994, С. 24–26.

3. Рубрики воспоминаний (без расшифровки) о гимназических годах. План заметок о музыке.

Folder 19.

Вырезки из газет и отзывы о музыкальной и исполнительской деятельности А. А. Васильева, одного из лучших пианистов, певца и пропагандиста русской классической музыки. Музыкальные воспоминания. Любовь к музыке у А. А. Васильева, как им отмечается, была рождена прежде всего русской и итальянской оперой.

Folder 20.

Личные и деловые бумаги и письма, телеграммы, визитные карточки, приглашения. Письма от русских ученых — С. А. Жебелева (1939 г.). Д. С. Спиридонова (1937г., с благодарностью за отправку ему «Готов в Крыму»), а также иностранных коллег: Ш. Диля (21/V 1938), Ю. Бирна (1935 г., с приглашением А. А. Васильева прочитать курс лекций в Колумбийском университете).

Box 4.

Folder 21.

1. Конспекты различных источников и трудов. Темы: 1) византийский театр; 2) Житие Св. Панкратия Таорминского; 3) Фемы Talaya-Tafla-Tafra во Фракии.

2. Материалы к семинару по ранней Византии 1933–34 гг. Библиографические и иные краткие выписки из источников. Машинопись латинского текста «*Monumentum Antiochenum*».

3. Копии рекомендательных писем: П. Топпингу (14/I 1944), Анне Михайловне Бургиной (4/X 1943), выпускнице Московского университета, преподававшей затем в Париже русский язык и литературу, письма П. Каранису (10/I 1935), Дж. Шнейдеру (об оксиринхских папирусах, 4 наброска, 7/VI 1930), Д. Манро (15/I 1933), в защиту проекта организации кафедры тюркологии (без адреса и даты).

4. Два письма Л. Гринберга А. А. Васильеву из Нью Йорка с сообщением о смерти Г. Л. Лозинского в Париже (26VI, 23/VII 1942) и просьбой к Васильеву написать некролог для «Нового русского слова» и журнала Алданова. Набросок некролога.

Folder 22.

Бумаги Васильева, как указано, поврежденные затоплением (damaged by flood) 21/VI 1983 и затем разобранные сотрудниками Византийской библиотеки Думбартон Окса 13/IV 1984. Повреждения имеющихся материалов незначительны.

1. Термины византийской податной системы (1 л.).

2. Рукопись: «Византия и Древняя Русь». Вып. 1. Предисловие. (1/VII 1924). 2 с. Оглавление: 1. Вопрос о Древней Руси. 2. Византия и государственная власть в Древней Руси. 3. Экономические

связи Византии с Древней Русью. Вопрос о монете. 4. Византия и древнерусская литература. 5. Византия и древняя русская церковь.

Выписки из источников и научных трудов.

3. Список русских таможенных пошлин (1 с.). Поместная система (1 с.) Конспекты по темам: Управление на Руси. Областное деление. Аренда. Податная система — в Византии и на Руси, экономические отношения, право и образование (8 с.). Набросок о титуле проедра и жаловании его на Руси, о печати Николая, проедра России.

Folder 23.

Бумаги Васильева, поврежденные затоплением 21/VI 1983 и разобранные сотрудниками Византийской библиотеки Думбартон Окса 13/IV 1984.

1. Вырезки газетных статей об А. А. Васильеве, в том числе о награждении его орденом Большого креста за Гражданские заслуги в 1934 г. болгарским царем Борисом III.

Вырезки статей о России, о революции, о политике, некрологи.

Folder 24.

Машинопись монографии: «Священник Иоанн. Легенда и история». Написана в Думбартон Оксе. На англ. яз.

Folder 25.

Оттиски рецензии на Византийский сборник 1945 г. (Speculum, 1947, № 1) с посвящением П. Ундервуду и статьи: Economic Relations between Byzantium and Old Russia. — Journal of Economic and Business history, 1932, Vol. IV, N 2, P. 314–334.

Box 3, Folder 12.[1]

И. Ю. Крачковскому, без даты [сент.? 1927 г.]

Дорогой Игнатий Юлианович!

Письмо Ваше от 11 сент. Получил. Пишу в Упсалу. Я думаю, Вы не совсем правы, упрекая меня в лаконичности и редкости писем. Временами бывает так нестерпимо больно писать в Россию, выбирая безобидные сюжеты и описательные приемы. Ведь не могу же я Вам писать о многом, о чем хотел бы, в Петроград. Не хочется подводить ни Вас, ни своих. Вот и теперь: шлю это письмо Zettersteen'у и прошу его, если паче чаяния Вы не будете в Упсале, не посылать этого письма Вам в Россию, а вернуть его мне сюда. И я думаю, это не напрасная предосторожность. Ведь Россию я покинул сравнительно недавно: всего два с небольшим года, и положение ее учитываю.

[1] Особенности правописания и пунктуации автора сохраняются.

А кроме того, я кое-кого из приезжавших видел в Париже и Германии. Итак, я провел более двух лет заграницей. Скажу Вам по правде: свою жизнь заграницей я никогда не сравню с моей жизнью в России. Вы представить не можете, что была у меня за жизнь в Петрограде в 1924–1925 г., после моего возвращения из заграницы и до моего вторичного отъезда. Я никогда об этом не говорил. Конечно, временами на чужбине также бывает нелегко. Но здесь я делаю свое дело, получаю скромное, но достаточное содержание и живу интересною культурною с моей точки зрения жизнью. От мысли возвратиться в Россию я не отказался. Но когда это будет, я не знаю: во всяком случае в будущем учебном году я вряд ли вернусь. Это, конечно, осложнит мне отношения к оффициальным органам СССР. Но что делать? В Петрограде мне теперь делать нечего, и Вы, если захотите быть откровенным, сами это признаете. Я даже думал бы, что в моем случае Петроград должен был бы рад тому, что одному лицу, который не имеет приложения своим занятиям дома, предоставляется временная возможность работать в ином месте. Я, Вы знаете, человек скромный и нетребовательный, и та обстановка, которую имею теперь, меня всецело удовлетворяет. К чему я теперь поеду в Россию, когда в РАИМК я даже не утвержден до моего возвращения членом Академии? Если бы я даже получил кое-что в Университете, кого и чему я буду учить? На что я буду жить?

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абеляр Пьер (1079–1142), известный французский философ, богослов, поэт и писатель — *128*

Абу-ль-Фида, арабский географ XIV в. — *388*

Авраамий, епископ Суздальский, участник Флорентийского собора 1439 г. — *383*

Агнесса (Анна), дочь французского короля Людовика VII, супруга Алексея, наследника Мануила I (см.) — *76, 78*

Адриан IV, папа римский в 1154–1159 гг. — *130*

Айналов Д. В. (1862–1939), византинист и искусствовед — *430, 431, 434*

Александр Север, римский император в 222–235 гг. — *248*

Александр III, папа римский в 1159–1181 гг. — *130*

Александр IV, папа римский в 1254–1261 гг. — *219, 220*

Александр Македонский, македонский царь в 336–323 гг. до н. э. — *59, 349*

Алексей I Комнин, византийский император в 1081–1118 гг. — *9, 14–25, 32, 35, 38, 41, 44, 45, 47, 48–56, 58, 85, 123, 124, 126, 128, 134–136, 141, 143, 146, 148, 155, 164, 165, 180, 263, 371*

Алексей I Комнин, император трапезундский в 1204–1222 гг. — *173*

Алексей II Комнин, византийский император в 1180–1183 гг. — *11, 13, 76, 78, 140*

Алексей III Ангел, брат Исаака II Ангела, византийский император в 1195–1203 гг. — *86, 87, 91, 96, 97, 99, 101, 104, 106, 110, 113, 129, 132, 142, 144, 175, 183*

Алексей IV, сын Исаака II Ангела, византийский император в 1204 г. — *86, 87, 102, 104, 110, 111*

Алексей V Дука Мурзуфл, византийский император в 1204 г. — *87, 111, 112, 113, 175*

Алексей Апокавк, глава финансового ведомства и дука флота, противник Иоанна Кантакузина (см.) в гражданской войне — *277*

Алексей Комнин, племянник Мануила I (см.), протосеваст и фаворит Марии Антиохийской (см.) — *11, 13, 14, 78*

Алляций Лев (1586–1669), итальянский византинист греческого происхождения — *364, 385*

Альфонсо V, Великолепный, король Арагона и Сицилии в 1416–1458 гг. Он же — Альфонсо I, король Обеих Сицилий в 1442–1458 гг. — *346, 382*

Амари М., итальянский византинист — *293*

Амори I, король иерусалимский в 1163–1174 гг. — *71*

Анасберт, немецкий хронист XII в. — *89*

Анастасий I, византийский император в 491–518 гг. — *310*

Андреадес А. (1876–1935), греческий византинист — *139*

Андрей Палеолог, сын Фомы Палеолога (см.) — *284*

Андроник Комнин, двоюродный брат Мануила I (см.) и племянник Иоанна II (см.) византийский император в 1183–1185 гг. — *11, 12, 14, 78–85, 87, 89, 95, 131, 137, 140, 149, 153, 164, 263*

Андроник II Старший, византийский император в 1282–1328 гг. — *274, 275, 276, 299, 301, 303, 304, 306, 308, 309, 311, 312, 314 369, 370, 371, 372, 389, 391, 398, 401, 402, 413, 418–422*

Андроник III Младший, византийский император в 1328–1341 гг. — *274–277, 299, 306, 308, 311, 312, 314, 323, 327, 372, 398, 436*

Андроник IV, византийский император в 1376–1379 гг. — *278*

Анна, дочь московского князя Василия I, супруга Иоанна VIII (см.) — *281*

Анна, первая супруга Андроника II (см.) — дочь угорского (венгерского) короля Стефана V — *275*

Анна Далассина, мать Алексея I Комнина (см.) — *146*

Анна Комнина (1083–1148), дочь Алексея Комнина (см.), сестра Иоанна II Комнина (см.), известная византийская писательница — *9, 14, 17, 19, 20, 21, 24, 44, 45, 52, 123, 146, 147*

Анна Савойская, вторая супруга Андроника III (см.) — *276, 277, 327, 379*

Анна, супруга Феодора Ласкаря, дочь Алексея III Ангела (см.) — *174*

Анното Г. (Hannotaux), французский византинист — *106*

Ансельм из Хавельберга, немецкий хронист — *130*

Антониадис Е. М., греческий византинист — *212*

Апостолий (Апостолис) Михаил, автор надгробной речи Виссариону Никейскому (см.) — *445*

Аристид (ум. 468/467 гг. до н. э.), древнегреческий (афинский) политический деятель аристократического направления, активный участник греко-персидских войн. Аристид — стратег афинского войска в битве при Марафоне, участник битвы при Саламине, предводитель афинского войска в сражении при Платеях — *151*

Аристотель (384–322 гг. до н. э.), знаменитый древнегреческий философ — *127, 229, 239, 357, 399, 416, 423, 444*

Аристофан (450–388 гг. до н. э.), известный древнегреческий комедиограф — *147, 159, 239*

Арсений, патриарх Константинопольский в 1255–1259 и 1261–1264 гг. — *218, 367, 368*

Асень, один из лидеров антивизантийского восстания в Болгарии в 1186 г. — *88–91*

Атциг, турецкий полководец — *31*

Ауриспа Джованни (ок. 1370–1459), итальянский гуманист и собиратель рукописей — *445*

Афанасий I, патриарх Константинопольский в 1289–1293 гг. и 1303–1309 гг. — *413*

Афанасий, афонский монах, основатель так называемых монастырей-«метеоров» — *319*

Ахилл, греческий мифологический герой, один из центральных персонажей поэмы «Илиада» — *428*

Аякс, греческий мифологический герой — *151*

Балдуин брат Годфрида Бульонского (см.), один из участников Первого Крестового похода, в последующем — князь эдесский и король иерусалимский — *46, 50*

Балдуин Фландрский, участник Четвертого Крестового похода, впоследствии Балдуин I, император Латинской империи в 1204–1205 гг. — *100, 113, 114, 119, 164, 173, 176, 182, 189, 214*

Балдуин II, император Латинской империи в 1228–1261 гг. Будучи малолетним, был коронован в 1240 г. — *195, 209, 216, 285, 287*

Балдуин III, король иерусалимский в 1131–1163 гг. — *70*

Барбаро Николай, итальянец, автор «Дневника осады» Константинополя в 1453 г. — *350, 353*

Барвинок В. И. (1879–?), русский византинист — *228*

Бароний, кардинал (XVI в.), автор «Церковных анналов» — *240*

Барский В. Г., русский путешественник XVIII в. — *386*

Баязид I, турецкий султан в 1389–1402 гг. — *278, 280, 323, 328, 329, 332, 333, 335, 336, 340, 350*

Безобразов П. В. (1859–1918), историк-византинист — *127, 247*

Бейбарс, египетский султан — *296*

Бекон (Бэкон) Р. (Bacon, ок. 1214–ок. 1292), известный английский философ и естествоиспытатель — *441*

Беллини Джентиле (ок. 1429–похоронен 23 февр. 1507), венецианский художник, представитель семьи живописцев-основоположников искусства Возрождения в Венеции — *348*

Беноццо Гоццоли (настоящее имя — Бенноццо ди Лезе ди Сандро, 1420–1497), итальянский живописец Раннего Возрождения — *383*

Берже де Ксивре (Berger de Xivrey), французский византинист — *342, 401*

Берке (Береке), хан Золотой Орды — *297*

Бернар Клервоский (1090–1153), проповедник, известный теолог-мистик, идейный вдохновитель Второго Крестового похода, в 1174 г. причислен католической церковью к лику святых — *61, 62, 66*

Берта Зульцбахская (Ирина), сестра Конрада III (см.), первая жена Мануила I Комнина (см.) — *10, 60*

Бертрандон де ла Брокьер (Bertrandon de la Broquière), бургундский рыцарь, автор паломничества в Святую Землю, содержащего описание Константинополя начала XV в. — *344, 397*

Бицилли П. М (1879–1953), историк-русист — *105*

Бланка (Бланш), французская королева, мать Людовика IX (см.) — *192*

Богомил, болгарский священник, преобразовавший учение павликиан — *18*

Боемунд Тарентский, младший сын Гуискара Роберта (см.), участник Первого Крестового похода, князь Антиохийский — *15, 16, 45, 47, 50, 51, 52, 53, 58*

Боккаччо Джованни (1313–1375), знаменитый итальянский писатель эпохи Возрождения. Один из первых представителей гуманистической литературы Возрождения — *325, 426, 436, 439, 440*

Бонавентура (настоящее имя — Джованни Фиданца, 1221–1274), итальянский религиозный философ, кардинал, один из крупнейших представителей поздней схоластики. В 1482 г. причислен к лику святых (католических), в 1587 г. был объявлен одним из пяти величайших учителей Церкви. С 1257 г. был генералом францисканского ордена — *363*

Бонифаций, маркиз Монферратский, глава крестоносного ополчения Четвертого Крестового похода после смерти Тибо (Теобальда) Шампанского, впоследствии — император фессалоникийский — *102, 105, 107, 113, 114, 115, 120, 173, 189*

Боняк, половецкий вождь — *20, 21*

Браччолини Поджо (1380–1459), итальянский гуманист и собиратель рукописей — *444, 445*

Брейе Л. (Bréhier L., 1868–1951), французский византинист — *23, 28, 29, 98, 379, 431*

Брянцев Д., русский исследователь — *127*

Буондельмонти, итальянский путешественник из Флоренции, оставивший описание церкви Святых Апостолов — *388*

Бусико (Boucicaut), маршал Франции — *331, 332*

Бьюри Дж. Б. (Bury, 1861–1927), английский филолог и историк-византинист — *145, 233, 237, 262*

Валериан, римский император в 253–260 гг. — *338*

Валла Лоренцо (1406–1457), итальянский гуманист, профессор риторики в Павии, с 1455 г. — папский секретарь — *444*

Вальтер Неимущий, проповедник, один из идеологов крестоносного движения — *45, 46*

Варлаам (ок. 1290–1348), греческий монах из Калабрии — *372, 374, 375, 377, 378, 405, 436–439, 441, 442*

Василий I Македонянин, византийский император в 867–886 гг., выходец из фракийских крестьян, основатель Македонской династии — *255*

Василий II Болгаробойца, византийский император в 967–1025 гг. — *15, 19, 44, 56, 77, 88, 178, 262, 302*

Василий I Дмитриевич, великий князь московский в 1389–1425 гг. — *331*

Василий II Темный, великий князь московский в 1425–1462 гг. — *383*

Василий, архиепископ Солунский — *130*

Васильевский В. Г. (1838–1899), русский византинист — *20, 22, 62, 66, 88, 91, 107, 159, 178, 187, 189, 191, 238, 239, 259, 265*

Вениамин Тудельский, еврейский путешественник XII в. — *137*

Вергилий (Публий Вергилий Марон, 70–19 гг. до н. э.), знаменитый римский поэт — *235, 352*

Веселовский А. Н. (1838–1906), историк литературы, как русской, так и западноевропейской. Труды Веселовского являются фундаментальным вкладом в истории русской и мировой науки о литературе — *438, 441*

Викелас Д., греческий византинист — *48*

Виллардуэн Ж., маршал Шампани, летописец Четвертого Крестового Похода — *106, 109, 112*

Виллардуэн Ж., племянник историка, маршала Шампани. Племянник — участник Четвертого Крестового похода и, впоследствии, завоеватель Мореи (Пелопоннеса) и князь Ахайский — *116, 173*

Вильгельм (Гийом) Виллардуэн, князь Ахайский — *209, 271, 337*

Вильгельм Завоеватель, норманский вождь, завоевавший Англию, впоследствии (1066–1087) король английский — *141*

Вильгельм Рыжий, король английский в 1087–1100 гг. — *46*

Вильгельм I, король Королевства Обеих Сицилий в 1154–1166 гг. — *67, 68*

Вильгельм II, король Королевства Обеих Сицилий в 1166–1189 гг. — *82, 87*

Вильям, граф Ангулемский — *36*

Виноградов П. Г., русский медиевист — *244*

Виоланта (Ирина), вторая супруга Андроника II (см.), вторая супруга Андроника II Старшего (см.), сестра итальянского маркграфа монферратского — *275*

Виссарион Никейский (1403–1472), кардинал, итальянский общественный деятель, грек по происхождению — *409, 413, 442–445*

Владислав III, польский король в 1434–1444 гг. из династии Ягеллонов. Он же — Уласло I, король венгерский в 1440–1444 гг. — *346*

Гавалас Л., глава византийской администрации на Родосе — *224*

Гагенмейер Д. (Hagenmeyer), немецкий исследователь крестовых походов — *23*

Ганнибал (247–183 гг. до н. э.), знаменитый карфагенский полководец, главнокомандующий карфагенской армией во Второй Пунической войне. Известен более всего своим переходом через Альпы и победой над римлянами при Каннах — *59*

Гаральд Гардрад, варяг на византийской службе — *30*

Гарднер А. (Gardner), немецкий византинист — *186*

Гейзенберг А. (Heisenberg, 1869–1930), немецкий византинист — *214, 215, 226, 229, 233*

Гельцер Г. (Gelzer, 1847–1906), немецкий византинист — *85, 374, 379*

Гемист Плифон (ок. 1360–1452), знаменитый византийский философ — *338, 339, 340, 347, 399, 414, 416, 417, 421, 434, 442, 443, 445*

Геннадий (Георгий) Схоларий, патриарх Константинопольский в 1454–1456 гг. — *386, 413, 414*

Генрих Фландрский, император Латинской империи в 1206–1216 гг. — *177, 182, 184, 185, 186, 190, 215*

Генрих II Плантагенет, король английский в 1154–1189 гг. — *70, 72, 76*

Генрих IV, германский император в 1056–1106 гг. — *15, 46, 95*

Генрих VI, сын Фридриха Барбароссы (см.), германский император в 1190–1197 гг. — *96–99, 285*

Генрих VIII, король английский в 1509–1547 гг. — *200*

Георгий Акрополит, византийский историк XIII в. — *194, 209, 212, 226, 227, 230, 231, 232, 241, 363, 364*

Георгий Вардан, митрополит Керкирский — *238, 240, 241*

Георгий Кедрин, византийский хронист — *164*

Георгий Кипрский, византийский историк — *225*

Георгий Пахимер (1242–ок. 1310), византийский историк — *367, 402, 404*

Георгий Франдзи, византийский историк — *282, 295, 335, 351, 355, 356, 406*

Герланд Е. (1870–1934), немецкий византинист — *184, 186*

Герман II, патриарх Константинопольский в 1222–1240 гг. — *216, 217, 226*

Геродот (484–425 гг. до н.э.), знаменитый древнегреческий историк, получивший у потомков почетное прозвище «отца истории» за подробное, прекрасно написанное и важное во многих отношениях сочинение по истории греко-персидских войн — *150, 408, 409*

Герцберг Г. Ф. (G. F. Gerzberg, 1826–1907) немецкий византинист — *77*

Гесиод (родился около 700 г. до н. э., год смерти неизвестен), известный древнегреческий поэт. Первый достоверный, не легендарный, персонаж в истории древнегреческой литературы — *145, 159*

Гете И. Ф. (1749–1832), известный немецкий поэт, писатель и философ. Классик немецкой литературы — *118*

Гиббон Э. (Gibbon, 1737–1794), английский историк-просветитель, антиковед и византинист — *10, 48*

Гийан Р. (Guilland), французский византинист — *406, 415*

Гийом Тирский (ок. 1130–1186), французский хронист, историк крестовых походов — *69, 71*

Гийом Шамплит, граф шампанский, один из завоевателей Мореи (Пелопоннеса), впоследствии князь Ахайский — *116, 173*

Глика Михаил, византийский хронист — *165*

Годфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, один из предводителей рыцарского ополчения в Первом Крестовом походе — *46, 50, 263*

Гомер, легендарный автор древнегреческих эпических поэм «Илиада» и «Одиссея» — *138, 145, 147, 155, 159, 212, 239, 352, 359, 428, 439*

Гопф К. (Hopf, 1832–1873), немецкий византинист — *106, 302*

Гонорий II, папа римский в 1124–1130 гг. — *129*

Гонорий III, папа римский в 1216–1227 гг. — *189, 192*

Гораций (Квинт Гораций Флакк, 8 дек. 65 – 27 ноября 8 гг. до н. э.), знаменитый римский поэт — *235*

Грегоровиус Ф. А. (Gregorovius), немецкий византинист — *152*

Грегуар А. (Grégoire, 1881–1964), бельгийский филолог-классик и византинист — *109*

Григорий VII, папа римский в 1073–1086 гг. — *15, 33, 34, 35, 128*

Григорий IX, папа римский в 1227–1241 гг. — *197, 217*

Григорий X, папа римский в 1271–1276 гг. — *291, 363*

Григорий III (Георгий) Кипрский, патриарх Константинопольский в 1283–1289 гг. — *413, 418*

Григорий Синаит, основатель исихазма на Афоне — *414*

Гросвенор Е. А., английский византинист — *358*

Грот К. Я. (1853–1934), филолог-славист, историк-славист, архивист — *56*

Гуарино да Верона (1375–1460), итальянский гуманист — *442*

Гуго Вермандуа, брат французского короля, один из предводителей рыцарского ополчения в Первом Крестовом походе — *46*

Гуниади Ян, венгерский полководец — *346*

Гюнтер, епископ Бамбергский — *36*

Давид Строитель (ок. 1073 – янв. 1125), грузинский царь с 1089 г. — *40*

Далтон О. М. (Dalton O. M., 1866–1945), английский историк византийского искусства — *165, 430*

Дандоло Энрико (ок. 1108–1205), венецианский дож с 1192 г. — *100, 101, 102, 105, 107, 110, 113, 114, 115, 119, 177*

Даниил, игумен, автор знаменитого в древнерусской литературе описания паломничества в Палестину — *30*

Даниил, игумен сербского Хиландарского монастыря на Афоне — *304*

Данте Алигьери (1265–1321), великий итальянский поэт — *435*

Дёльгер Ф. (Dölger, 1891–1968), известный немецкий византинист — *298*

Демосфен (384–322 гг. до н. э.), знаменитый древнегреческий оратор и политический деятель — *145, 147, 444*

Джеффри де Хей (Geoffrey de Haie, Galfridus de Haia), английский дипломат XII в. — *76*

Джованни Джустиниани, командир генуэзского отряда, сражавшегося против турок во время падения Константинополя в 1453 г. — *351, 356, 357*

Джотто ди Бондоне (1266/1267–1337), итальянский художник, представитель искусства Проторенессанса, работал в Падуе и Флоренции. Пользовался широким признанием среди своих современников — *428*

Дигенис Акрит, византийский эпический герой — *428*

Диль Ш. (Diehl, 1859–1944), известный французский византинист — *12, 160, 237, 260, 265, 272, 282, 340, 395, 420, 427, 429, 430, 431*

Димитрий Кидонис (ок. 1324–1397/8), византийский писатель, богослов — *321, 409–412, 421*

Димитрий Палеолог, брат Константина XI Палеолога (см.) — *282*

Димитрий Триклиний, византийский филолог — *423*

Димитрий Хоматин, автокефальный (независимый) архиепископ Охриды и всей Болгарии — *190, 191, 238, 241*

Диоген (из Синопы) (412–323 гг. до н. э.), известный древнегреческий философ кинического направления — *151*

Дионисий Ареопагит (I в.), ученик апостола Павла, первый епископ Афин, имя которого стало алонимом византийского философа-неоплатоника и богослова V или начала VI века (Псевдо-Дионисий) — *279, 335, 414, 415*

Длугош Ян, польский хронист — *359*

Дука, византийский историк — *328, 335, 344, 350, 352, 357, 359, 406, 408*

Евгений III, папа римский в 1145–1153 гг. — *61, 66*

Евгений IV, папа римский в 1431–1447 гг. — *346, 381*

Евклид (365–300 гг. до н. э.), известный древнегреческий математик. Автор сохранившегося до наших дней сочинения («Элементы»), в котором систематизировались все математические достижения своего времени. Сочинение Евклида оказало огромное влияние на все последующее развитие математической науки вплоть до XIX в. — *425*

Еврипид (485 или 480 – 406 гг. до н. э.), знаменитый древнегреческий драматург — *239, 423*

Евстафий, епископ Фессалоникийский (Солунский) — *13, 70, 76, 77, 84, 149, 154, 155, 418*

Евфимий Зигавин, автор сочинения «Догматическая Паноплия православной веры» — руководства в борьбе с еретическими учениями — *126, 154*

Елена, дочь Иоанна Кантакузина, супруга Иоанна V (см.) — *277*

Елена, дочь Константина Драгоша (Драгоса), супруга Мануила II (см.), мать Константина XI, последнего византийского императора — *279*

Епифаний, византийский монах, паломник, составивший описание Палестины до крестовых походов. Время жизни автора и время составления паломничества точно неизвестно — *37*

Ефрем, византийский хронист — *409*

Ефросинья, княгиня Полоцкая — *78*

Жоселин, князь Эдессы — *61*

Зенги, правитель Мосула — *61*

Зибель Х. (Sybel), немецкий исследователь истории крестовых походов. Заложил основы критической разработки источников по истории крестовых походов — *23, 35, 63*

Зоя (София), дочь Фомы Палеолога (см.), супруга Ивана III, царя Московского — *284, 285*

Ибн ал-Каланиси, арабский историк XII в. — *49*

Иван III Васильевич, великий князь московский в 1462–1505 гг. — *285*

Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584), великий князь «всея Руси» с 1533 г., с 1547 г. — первый русский царь — *80*

Изабелла, королева Кастилии (1451–1504), ее брак в 1469 г. с Фердинандом Арагонским и, затем, воцарение Фердинанда в 1479 г. в Арагоне означали объединение Испании — *284*

Иннокентий III, папа римский в 1198–1216 гг. — *89, 92, 98, 99, 100, 101, 107, 119, 213, 215, 216*

Иннокентий IV, папа римский в 1243–1254 гг. — *203, 204, 217, 218*

Иоланта, сестра Балдуина и Генриха латинских, впоследствии (1217–1219) императрица латинская — *189*

Иоанн, сын Иоанна Кантакузина (см.) — *281*

Иоанн Анагност, автор сочинения «О последнем взятии Фессалоники» — *344, 406*

Иоанн Апокавк, митрополит Навпактский — *187, 191, 238, 239, 240, 241*

Иоанн Безземельный, король английский в 1199–1216 гг. — *100*

Иоанн Векк, патриарх Константинопольский в 1275–1282 гг. — *363, 409, 410, 413*

Иоанн Вриенский (Жан де Бриен), «титулярный» король иерусалимский, регент в Константинополе при малолетнем Балдуине II, императоре Латинской империи (1231–1237 гг.) — *195, 216*

Иоанн Евгеник, византийский писатель — *282*

Иоанн Итал, византийский философ — *126, 127, 128, 157, 416*

Иоанн Канан, автор сочинения об осаде Константинополя в 1422 г. — *341, 406*

Иоанн Каматир, патриарх Константинопольский в 1198–1206 гг. — *175, 176, 215*

Иоанн Киннам, византийский историк — *150, 153*

Иоанн Кипариссиот, византийский писатель (XIV в.), автор первого изложения православной догматики по западному образцу — *379, 414*

Иоанн Месарит, профессор экзегезы в Константинополе, брат Николая Месарита (см.) — *232*

Иоанн II Комнин, византийский император в 1118–1143 гг. — *9, 10, 44, 54–60, 69, 129, 130, 136, 143, 148, 150, 153, 164, 166*

Иоанн III Дука Ватац, император никейский в 1222–1254 гг. — *175, 186, 187, 188, 190, 192, 194, 196, 197, 199–207, 216, 218–221, 224, 225, 226, 227, 230, 234, 310*

Иоанн IV, император никейский в 1258–1261 гг. — *175, 206, 208, 211, 225, 290, 367, 369*

Иоанн V, византийский император в 1341–1391 гг. — *276–280, 314, 318, 320, 322, 323, 328, 331, 372, 378, 379, 380, 381, 387, 388, 390, 392, 393, 395, 396, 401*

Иоанн Кантакузин (он же — Иоанн VI), византийский император (1341–1354) и историк — *276, 277, 278, 309, 314, 318, 319, 320, 322, 324–326, 338, 370, 372, 378, 387, 393–396, 401, 402, 405, 412, 432*

Иоанн VII, византийский император в 1390 г. — *278*

Иоанн VIII, византийский император в 1425–1448 гг. — *279, 281, 341, 342, 344–347, 381, 383, 384, 386, 388, 398, 406, 416*

Иоанн Скилица, византийский хронист — *164, 432*

Иоанн Цец, византийский писатель XII в. — *138, 157, 158, 159*

Иоанн Цимисхий, византийский император в 969–976 гг. — *18, 28, 44*

Иоанн (Иван), младший брат Петра и Асеня, царь Болгарии. Известен также под именем-прозвищем Калоян. Он же — Иоанн Асень I — *89, 91, 173, 194*

Иоанн (Иван) Асень II, царь Болгарии в 1218–1241 гг. — *173, 176–179, 187, 192, 194, 195, 196, 197, 204, 310*

Иоанн, пресвитер, автор легендарного письма Мануилу I — *78*

Иоиль, византийский хронист XIII в. — *233*

Иосиф Вриенний, византийский полемист — *381*

Иосиф, патриарх Константинопольский в 1416–1439 гг. — *383*

Ираклий, экзарх Африки — *261*

Ираклий, сын предыдущего, византийский император в 610–641 гг. — *261, 307*

Ирина, дочь Исаака II Ангела (см.), сестра Алексея IV (см.) и супруга Филиппа Швабского (см.) — *86, 104*

Ирина, византийская императрица в 797–802 гг. — *255*

Ирина, первая супруга Андроника III — *276*

Ирина, невестка Мануила I Комнина (см.) — *149, 161, 164*

Ирина, дочь Феодора I Ласкаря (см.), супруга Иоанна Ватаца (см.) — *186, 200*

Исаак I Комнин, византийский император в 1057–1059 гг. — *9*

Исаак II Ангел, византийский император в 1185–1195 и в 1203–1204 гг. — *14, 84–88, 91, 93, 94, 96, 99, 101, 105, 107, 110, 111, 122, 131, 132, 139, 144*

Исаак Комнин, правитель Кипра — *83, 95*

Исаак Цец, брат Иоанна Цеца (см.), византийский писатель XII в. — *160*

Исаак, севастократор, младший брат Иоанна II Комнина (см.) — *148*

Исидор (ок. 1380/1390–1463 гг.), митрополит Московский, впоследствии кардинал в Риме — *351, 382–385*

Исократ (436–338 до н. э.), знаменитый древнегреческий оратор — *145, 147*

Йахйа Антиохийский, арабский христианский историк — *29*

Кавасила Николай (1320–после 1391), византийский мистический философ — *371, 395, 414, 415*

Кала'ун, египетский султан в 1279–1299 гг. — *292, 297*

Каликст II, папа римский в 1119–1124 гг. — *129*

Канан Ласкарь, византийский писатель, автор описания путешествия в Германию, Скандинавию и Прибалтику — *406*

Канар М., французский византинист — *298*

Карл Анжуйский, король сицилийский, брат Людовика IX (см.) — *286–295, 297, 298, 299, 300, 310, 362, 364, 365*

Карл Великий, король франков в 771–814 гг. — *27, 28, 189, 260*

Карл Мартелл, франкский полководец — *27*
Карл VI, король французский в 1380–1422 гг. — *331, 332, 333*
Карл VII, король французский в 1422–1461 гг. — *284*
Кёртинг К., немецкий медиевист — *438*
Киреевский И. В. (1806–1856), русский философ-идеалист, литературный критик, публицист. Один из основоположников славянофильства — *436*
Кириак Анконский (Чириако д'Анкона, 1392–1453), итальянский купец, путешественник и археолог — *347, 348*
Клавихо Рюи Гонзалес, испанский путешественник (XV в.), оставивший описание Константинополя — *388*
Ключевский В. О. (1841–1911), знаменитый русский историк — *39, 284*
Ковалевский М. М. (1851–1916), русский историк, юрист, социолог и этнограф — *325*
Козимо Медичи (1389–1464), флорентийский банкир, с 1434 г. — фактический правитель (синьор) Флоренции. Известен своим покровительством ученым и художникам — *416*
Кола ди Риенцо (настоящее имя — Николо ди Лоренцо Габрини, 1313–1354), итальянский политический деятель — *277*
Кондаков Н. П. (1844–1925), известный русский византинист — *429, 434*
Конрад III, германский император в 1138–1152 гг. — *10, 57, 60–64, 66, 67*
Конрад IV, сын Фридриха II (см.), германский император в 1250–1254 гг. — *285*
Константин I Великий (Флавий Валерий, ок. 272–337), римский император в 306–337 гг., единолично правил после 316 г. — *316*
Константин IV Погонат, византийский император в 668–685 гг. — *27*
Константин V Копроним, византийский император в 741–775 г. — *18*
Константин VI, византийский император в 780–797 гг. — *255*
Константин VII Багрянородный (Порфирогенет), византийский император в 913–959 гг., единолично правил после 945 г. — *145, 249*
Константин XI Палеолог, византийский император в 1449–1453 гг. — *279, 282, 347, 350, 351, 384, 385*
Константин Ангел, муж дочери Алексея I, дед Исаака II Ангела, родоначальник династии Ангелов — *85*
Константин Арменопуло, византийский юрист — *423, 424*
Константин Драгош (Драгас), владетель северной Македонии, отец Константина XI (см.) — *279*

Константин Манасси, византийский хронист — *149*

Константин Стилб, византийский гуманист (XII в.) — *162, 164*

Констанция (Анна), дочь Фридриха II (см.), вторая супруга Иоанна Дуки Ватаца — *200*

Коньяссо Ф., итальянский византинист — *85, 139, 144*

Критовул, византийский историк — *354, 355, 407, 409*

Крумбахер К. (Krumbacher, 1854–1909), выдающийся немецкий историк-византинист, основатель и первый редактор «Byzantinische Zeitschrift» — *147, 158, 234, 237, 238, 339, 399, 402, 406, 418, 423, 427*

Ксения-Мария, супруга Михаила IX (см.), армянская принцесса — *275, 276*

Ксенофонт (430–354 гг. до н. э.), известный древнегреческий историк и писатель — *146, 150*

Куглер Б., немецкий исследователь истории крестовых походов — *26, 62*

де Куртене Катерина (Catherine de Courtenay), дочь титулярного императора Романии. Предназначалась в супруги Михаилу IX (см.) — *275*

Кылыч-Арслан I, султан иконийский в 1092–1107 гг. — *10, 41, 69, 71, 72, 74*

Лазарь, князь сербский — *323*

Ламанский В. И. (1833–1914), филолог-славист, историк и этнограф — *299*

Ламброс С. (Λάμπρος, 1851–1919), греческий византинист — *282, 387*

де Лануа Гильберт (Ghillebert de Lanoy), бургундский путешественник — *389*

Лебедев А. П. (1845–1908), русский историк церкви и византинист — *365, 366*

Лев III Исавр, византийский император в 717–741 гг., уроженец Сирии, иконоборец, законодатель (издатель Эклоги), основатель так называемой Исаврийской династии — *27, 302*

Лев VI Мудрый, византийский император в 886–912 гг. — *255, 371*

Лев XIII, папа римский в 1878–1903 гг. — *384*

Лейб Б. (Leib), французский медиевист — *40*

Леонард, архиепископ Хиосский — *352*

Леонтий Пилат, ученик Варлаама (см.) — *438–442*

Лотарь Саксонский, германский император в 1125–1137 гг. — *57*

Лузиньян Гвидо, экс-король иерусалимский, основатель династии Лузиньянов на Кипре — *95*

Лука Нотара, мегадука и главный докладчик при дворе — *351*

Луций III, папа римский в 1181–1185 гг. — *82*

Лукиан (120 после 180), известный греческий писатель римского времени. Влияние творчества Лукиана на византийскую и европейскую литературу — особенно эпохи Возрождения и Просвещения (XVIII в.) — было весьма значительным — *157, 162*

Людовик VII, французский король в 1137–1180 гг. — *10, 61–64, 66, 76*

Людовик IX Святой, французский король в 1226–1270 гг. — *192, 288, 289*

Людовик Блуасский, участник Четвертого Крестового Похода — *100*

Люшер А. (Luchaire), французский медиевист — *108, 218*

Маврикий, византийский император в 582–602 гг. — *260, 261*

Мазарис, византийский писатель — *339, 393, 418*

Максим Исповедник (ок. 580–662), византийский богослов, один из основных оппонентов монофелитской ереси, в своих сочинениях подвел итоги ранневизантийской патристики, умер в ссылке — *415*

Максим (Мануил) Плануд (ок. 1255–1305), византийский ученый, ритор, собиратель и издатель античной литературы, переводчик на греческий произведений латинской литературы, педагог — *419*

Макушев В. В. (1837–1883), русский славист — *290*

Мангу, великий хан монголов — *295*

Мануил I Комнин, византийский император в 1143–1180 гг. — *10, 12, 13, 14, 57, 59, 60, 62–72, 74–77, 81, 101, 122, 123, 124, 126, 130, 131, 136, 137, 139–141, 147, 149, 150, 153, 155, 156, 157, 159, 161, 166, 168, 251*

Мануил II Палеолог, византийский император в 1391–1425 гг. — *279, 280, 281, 328–342, 380, 381, 388, 389, 391, 393, 398, 401, 412, 417, 432*

Мануил, деспот Солунский (Фессалоникийский), брат Феодора Ангела (см.), деспота Эпирского и императора Солунского — *195, 196, 240*

Мануил Калекас, ученик Димитрия Кидониса (см.), автор трактата «Об исхождении Святого Духа» — *411*

Мануил Москопул, византийский писатель — *419, 423*

Мануил Олобол, византийский поэт — *425*

Мануил Панселин, греческий художник XVI в. — *432*

Мануил Хрисолор (1350–1415), византийский писатель — *336, 442, 445*

Мануил Фил (ок. 1275–1345), византийский поэт — *425*

Манфред, побочный сын Фридриха II (см.), король сицилийский — *202, 209, 285, 286, 287, 294, 362*

Мария Антиохийская, дочь антиохийского князя, вторая жена Мануила I Комнина (см.) — *10, 11, 13, 78*

Мария Антуанетта (1755–1793), супруга французского короля Людовика XVI — *11*

Мария, трапезундская принцесса, третья супруга Иоанна VIII (см.) — *281*

Марк Евгеник, митрополит Эфесский — *383, 384, 413*

Марр Н. Я. (1864–1934), кавказовед, археолог, филолог и лингвист — *127*

Мартин IV, папа римский в 1281–1285 гг. — *292, 294, 365*

Мартин V, король арагонский в 1395–1410 гг. — *336*

Мас-Летри М-Л. (Mas-Letrie), французский медиевист — *106*

Матфей Парижский, французский хронист — *203*

Мехмед I, турецкий султан в 1413–1421 гг. — *340, 341*

Мехмед II Фатих, турецкий султан в 1451–1481 гг. — *177, 233, 282, 349, 350, 351, 352, 353, 356–358, 360, 385, 409*

Милле Г. (Millet, 1867–1953), известный французский искусствовед — *387, 431, 434*

Миллер В. (Miller), английский византинист — *204*

Михаил I Ангел Комнин Дука, основатель Эпирского деспотата — *173, 187, 188*

Михаил VII Дука Парапинак, византийский император в 1071–1078 гг. — *33, 34, 128*

Михаил VIII Палеолог, византийский император в 1261–1282 гг. — *175, 206, 208, 210, 211, 212, 220, 224, 227, 271, 272, 274, 275, 285–288, 290–300, 311, 362–367, 369, 397, 400, 402, 410*

Михаил IX Палеолог, старший сын Андроника II (см.), византийский император, соправитель отца — *275, 303*

Михаил IV Автореан, патриарх Константинопольский в 1208–1214 гг. — *179, 215*

Михаил Акоминат (Хониат, ок. 1138–1222), митрополит Афинский, брат Никиты Акомината (Хониата) (см.) — *79, 89, 115, 150–155, 183, 239, 240, 241*

Михаил Асень, болгарский царь — *207*

Михаил Пселл, известный византийский политический деятель и историк — *126, 154, 157, 416*

Михаил Фессалоникийский, византийский писатель XII в., доктор риторики — *156, 157*

Монтелатичи Г. (Montelatici), итальянский византинист — *406*

Мунтанер, испанский хронист — *301, 404*

Мурад I, турецкий султан в 1362–1389 гг. — *279, 280, 322, 323*

Мурад II, турецкий султан в 1421–1451 гг. — *341, 406*

Мухаммед (570–632), аравийский пророк, основатель ислама — *335*

Никита Хониат (Акоминат, сер. XII в. — 1213), известный византийский историк — *10, 12, 55, 72, 80, 84, 86, 89, 97, 98, 104, 109, 112–115, 132, 136, 150, 152, 153, 154, 181, 183, 225, 230, 359*

Никифор Влеммид (1197/8–1271/3), византийский историк, философ и общественный деятель — *180, 217, 218, 222, 226, 227–232, 410, 416, 434*

Никифор II Фока, византийский император в 963–969 гг. — *28, 44, 123, 137, 249*

Никифор Вотаниат III, византийский император в 1078–1081 гг. — *19, 146*

Никифор Вриенний, супруг Анны Комниной (см.) — *9, 146, 147*

Никифор Григора (1293–1361), византийский историк — *292, 314, 320, 363, 366, 370, 377, 379, 390, 404, 405, 406, 414, 420, 421*

Никифор Каллист Ксанфопул, византийский историк XIV века — *404*

Никифор Хумн (1250/55–1327), византийский писатель — *418*

Ников П., болгарский византинист — *179*

Николай из Отранто, аббат Казоле — *214*

Николай Ириник, византийский поэт — *234*

Николай Месарит, митрополит Эфесский — *112, 214, 215, 232, 233*

Николай V, папа римский в 1447–1455 гг. — *360*

Нифон, богомильский проповедник — *126*

Ногай, полководец хана Берке (см.) — *297*

Норден В. (W. Norden), немецкий византинист — *97, 108, 130, 292, 363*

Нур-ад-Дин, сын Зенги (см.) — *61*

Нур-ад-Дин Махмуд, властитель Сирии — *92*

Обилич Милош, серб, убийца турецкого султана Мурада I (см.) на Коссовом поле — *323*

Овидий (Публий Овидий Назон, 43 г. до н. э.–18 г. н. э.), знаменитый римский поэт — *419*

Осман, вождь турецкого племени огузов, родоначальник династии Османов, правившей в Османской империи (Турции) до 1923 г. — *300, 306*

Оттон I Великий, саксонский король в 936–973, германский император в 951–973 гг. — *189*

Оттон II, германский император в 973–983 гг. — *99, 104, 107*

Оттон Фрейзингенский, немецкий хронист — *68*

Павел Самосатский, основатель ереси павликиан — *18*

Павлов-Сильванский Н. П. (1869–1908), знаменитый русский историк — *256*

Палама Григорий (1296–1359), знаменитый византийский богослов, основоположник доктрины исихазма, причислен к лику святых — *375, 377–379, 414*

Паппадопулос Й., греческий византинист — *207*

Папамихаил Г. Х., греческий византинист — *374–376*

Пеголотти Франческо Бальдуччи, флорентийский купец и писатель — *396*

Пелагий, итальянский кардинал — *215*

Перикл, известный политический деятель Древней Греции. Первый архонт Афин (444–429 гг. до н. э.). При нем древние Афины достигли максимального расцвета — *115, 151*

Перо Тафур, испанский путешественник XV в. — *326, 389*

Петр Арагонский (1074–1104), король Арагона и Обеих Сицилий. Монарх — с 1194 г. — *293, 294, 301*

Петр Галезинний (Пьетро Галезино), автор жития кардинала Бонаветуры (см.) — *363*

Петр (Пьер) Куртене, граф Оксеррский, император латинский в 1217 г. — *188, 189, 190*

Петр Амьенский (Пустынник), проповедник, один из предшественников и идеологов крестоносного движения — *45, 46, 47, 49*

Петр (Калопетр), один из лидеров антивизантийского восстания 1186 г. в Болгарии — *88–91*

Петрарка Франческо (1304–1374), знаменитый итальянский мыслитель и поэт — *293, 380, 436–439, 441*

Пий II (Энний Сильвий Пикколомини), папа римский в 1458–1464 гг. — *361*

Пиндар (522–442 гг. до н. э.), известный древнегреческий поэт — *155, 423*

Пиренн А. (H. Pirenne, 1862–1953), бельгийский медиевист — *27*

Пирс Е. (Pears), английский византинист — *355*

Платон (427–347 гг. до н. э.), знаменитый древнегреческий философ — *127, 145, 147, 151, 357, 360, 399, 416, 421, 444*

Плифон — см. Гемист Плифон

Погодин А. Л. (1872–1946), русский историк и филолог-славист — *319*

Полибий (201–120 гг. до н. э.), знаменитый древнегреческий историк — *145, 147*

Порфирий Успенский (Константин Александрович Успенский, 1804–1885), епископ Чигиринский, исследователь христианского Востока, глава Русской Духовной Миссии в Иерусалиме — *386*

Прочида (Прокида) Джованни, вдохновитель Сицилийской Вечерни — *293, 294*

Птолемей Клавдий (ок. 83–161), знаменитый греческий математик и географ римского времени — *149, 309, 425*

Пускул, итальянский поэт, автор поэмы Constantinopolis — *352*

Раббан Саума, сирийский монах — *389*

Раймунд Тулузский, глава провансальского рыцарского ополчения в Первом Крестовом походе — *47, 51*

Рамзай В. (Ramsay), английский востоковед — *31*

Ранке Л. фон (1795–1886), известный немецкий историк — *294*

Регель В. Э. (1857–1932), византинист, медиевист, славист, редактор «Византийского Временника», основатель «Византийского обозрения» — *386*

Рено Шатийонский, князь антиохийский — *69, 70*

Риан П. Е. (Riant P. E., 1836–1888), французский византинист — *22, 107, 108*

Ричард Львиное Сердце, английский король в 1089–1099 гг. — *93, 95*

Роберт, граф Фландрский — *22, 23, 24, 32*

Роберт, император латинский в 1220–1228 гг. — *189, 195*

Роберт Гуискар (Гвискард, 1015–1085), предводитель норманнов, завоевавших Южную Италию и Сицилию, герцог Апулии и Калабрии с 1081 г. — *15–17, 52*

Роберт Диавол, герцог норманский — *30, 46, 47*

Роберт Фриз, сын Роберта Фландрского, один из предводителей рыцарского ополчения в Первом Крестовом походе — *46, 47*

Розен В. Р. (1849–1908), известный русский арабист — *29*

Рожер де Флор, глава каталонских наемников, предложивший свои услуги Андронику II (см.) в борьбе против турок-сельджуков — *301, 303, 404, 306*

Рожер, сын Гуискара Роберта (см.) — *15*

Рожер II Сицилийский (1095–1154), с 1130 г. король Обеих Сицилий — *56, 57, 62–67, 82*

Роман I Лакапин, византийский император в 919–944 гг., соправитель императора Константина VII — *249, 252, 255*

Роман II, византийский император в 959–963 гг. — *249*

Роман IV Диоген, византийский император в 1067–1071 гг. — *157*

де ла Рош Отто, герцог Афин и Фив — *115, 173*

Рубио и Льюч А., испанский византинист — *305*

Саладин (Салах ад-Дин), египетский султан — *83, 92, 93, 95, 211, 296*

Сафа К. (1849–1914), греческий византинист — *387, 414, 420*

Свейн (Svein), предводитель датского отряда крестоносцев — *40*

Свифт Е. Х., английский византинист — *212, 213*

Севастьянов П. И., русский византинист — *386*

Сенахерим, византийский юрист (XIII в.) — *212*

Сигизмунд I Люксембургский (1361–1437), германский император в 1410–1437 гг. Он же король венгерский с 1387 г. — *330, 332*

Сильвестр II (Герберт), папа римский в 996–999 гг. — *33*

Симеон, болгарский царь в 919–927 гг. — *204, 310, 315*

Симеон Гордый, великий князь московский в 1341–1353 гг. — *320, 325*

Соколов И. И., русский византинист — *372, 376*

София Монферратская, вторая супруга Иоанна VIII (см.) — *281*

Софокл (496–406 гг. до н. э.), известный древнегреческий драматург — *423*

Стефан Неманя (1113/4–1200), великий сербский жупан (1170–1196 гг.), основатель сербского государства и династии Неманичей в Сербии. В 1196 г. принял монашество и передал власть сыну — Стефану Первовенчанному — *90, 91, 300, 306, 307*

Стефан Первовенчанный (?–1227), сын Стефана Немани, великий сербский жупан с 1196 г., король сербский с 1217 г. — *307*

Стефан Душан, сербский король в 1331–1355 гг. — *273, 308, 309, 310, 314, 315–319, 322, 393*

Стржиговский Й. (Strzygowski, 1862–1941), австрийский историк византийского искусства — *429*

Суворов Н. С. (1848–?), русский медиевист — *254*

Сугерий, аббат, фактический правитель Франции во время участия Людовика VII в крестовом походе — *66, 67*

Танкред, племянник Боемунда (см.) — *47, 52, 53*
Тафрали О. (1876–1937), румынский византинист — *370, 394, 395, 415*
Тесье Ж. (Tessier), французский историк крестовых походов — *107, 108*
Тибо (Теобальд) Шампанский, первоначальный глава крестоносного ополчения участников Четвертого Крестового Похода — *100, 102*
Тимур (Тамерлан, 1336–1405), среднеазиатский государственный деятель, полководец, эмир Мавераннахра — *335, 336*
Торос, правитель Малой Армении — *69*
Троицкий И. Е. (1832–1901), русский византинист — *368–370, 374*
Тугоркан, половецкий вождь — *20, 21*

Урбан II, папа римский в 1088–1099 гг. — *35, 39, 41, 42, 128, 129*
Урбан V, папа римский в 1362–1370 гг. — *380*
Урхан, турецкий султан в 1324–1362 гг. — *306, 320, 322*
Уск Адам, английский историк XV в. — *334*
Успенский К. Н. (1874–1917), историк-византинист — *258*
Успенский Ф. И. (1845–1928 гг.), византинист, директор Русского Археологического Института в Константинополе, редактор «Византийского Временника» — *13, 22, 62, 63, 75, 78, 79, 127, 152, 154, 176, 228, 247, 249, 250, 374, 378, 421, 438, 440*

Фалльмерайер Я. Ф. (Fallmerayer, 1790–1861), немецкий византинист — *310, 311, 339*
Фемистокл (ок. 524–459 гг. до н. э.), древнегреческий (афинский) политический деятель демократического направления, главнокомандующий афинским флотом в битве при Саламине — *151*
Феодор Ангел, деспот Эпирский (впоследствии, с 1221 г., император фессалоникийский), брат Михаила I Ангела Комнина Дуки (см.) — *188–192, 194, 195, 199, 239, 240, 241*
Феодор Вальсамон, патриарх Антиохийский (XII в.) — *122*
Феодор Мелитениот, византийский писатель — *425, 426*
Феодор Метохит (1270–1332), византийский государственный деятель и писатель — *181, 393, 420, 421, 422, 423*
Феодор, деспот Мореи, сын Мануила II (см.), брат Константина XI (см.) — *338, 339, 348*
Феодор Продром (ок. 1098–1166), византийский поэт — *149, 160, 161, 162, 234, 425*
Феодор I Ласкарь, император Никейской империи в 1204–1222 гг. — *113, 114, 153, 173–177, 179–186, 188, 190, 216, 222, 225, 226*

Феодор II Ласкарь, император Никейской империи в 1254–1258 гг. — *175, 181, 205, 206, 207, 208, 218, 219, 220, 222, 226–232, 367*

Феодор Студит (759–826), игумен Студийского монастыря, известный византийский богослов, автор догматико-полемических и морально-аскетических сочинений, оппонент иконоборчества — *365*

Феодора, вдова иерусалимского короля — *13*

Феодосий II, византийский император в 408–450 гг. — *248, 249, 254, 345*

Феокрит (первая половина III в. до н. э.), известный древнегреческий поэт — *423*

Феофилакт Болгарский (первая половина XI в. — после 1126), византийский богослов и писатель. С 1088/89 по 1126 г. Феофилакт был архиепископом Охридским. Он является автором большого количества писем, а также пользовавшихся популярностью толкований к Евангелиям — *47, 53, 129, 155*

Фердинанд I, король арагонский в 1412–1416 гг. — *284, 336*

Феста Н., итальянский византинист — *231*

Филельфо Франческо (1398–1481), итальянский гуманист — *443*

Филипп I, король французский в 1060–1108 гг. — *46*

Филипп II Швабский, германский император в 1197–1208 гг. — *86, 96, 99, 100, 102, 104, 105, 107, 108*

Филипп II Август, король французский в 1180–1223 гг. — *93, 95, 100*

Филофей, русский монах начала XVI в. — *284*

Финлей Г. (Джордж, George, 1799–1875), известный английский византинист — *302*

Флоринский Т. Д. (1851–1919), русский византинист — *272, 278, 308, 312, 315, 318, 322, 386*

Фома Аквинский (Thomas Aquinas, ок. 1225–1274), итальянский теолог и философ, систематизатор схоластики, доминиканец, католический святой — *363, 411*

Фома Магистр, византийский филолог — *423*

Фома Морозини, латинский патриарх Константинополя — *114, 214, 215*

Фома Палеолог, брат Константина XI Палеолога (см.) — *282*

Фотий, патриарх Константинопольский в 858–867 и 877–886 гг., церковный и политический деятель, ученый и писатель — *145, 410, 418*

Фридрих I Барбаросса, германский король с 1152 г., император с 1153 по 1190 гг. — *67, 68, 69, 72, 74, 75, 81, 91, 93–96, 98, 130, 285, 307*

Фридрих II Гогенштауфен (1194–1250), германский король с 1212 г., император с 1220 г. Одновременно с этим, с 1197 г. — сицилийский король. Внук Фридриха I Барбароссы (см.) и сицилийского короля Рожера II (см.) — *197–202, 209, 218, 240, 242, 285, 286, 360*

Фриман Е. А. (Freeman, 1823–1892), английский историк — *141*

Фукидид (460–395 гг. до н. э.), известный древнегреческий историк — *145, 147, 239, 325, 352, 356, 408, 409*

Фюстель де Куланж Н. Д. (Fustel de Coulanges, 1830–1889), французский антиковед — *248*

ал-Хаким, фатимидский халиф Египта — *29, 30*

Георгий Халкокондил, отец Николая (Лаоника) Халкокондила — *348*

Халкокондил Лаоник (Николай), византийский историк XV в. — *348, 349, 352, 407, 408, 409*

Хан И. Г., немецкий византинист — *311*

ал-Харави, арабский путешественник XII в. — *138, 180*

Харун ар-Рашид, халиф из династии Аббасидов в 786–809 гг. — *28*

Херен А. (A. Heeren), немецкий историк крестовых походов — *25*

Хаскинс Ч. Х. (Haskins), английский византинист — *167*

Христодул, основатель монастыря на острове Патмос — *124, 125*

Хулагу (1217–1265), монгольский хан, внук Чингисхана, основатель династии Хула-Гуидов, правившей на Ближнем и Среднем Востоке. В XIII в. под властью Хулагуидов находились обширные территории — *295, 296, 297, 298*

Цезарь (Гай Юлий Цезарь, 100–44 гг. до н. э.), римский полководец и государственный деятель — *349, 409, 419*

Цицерон (Марк Туллий Цицерон, 106–43 гг. до н. э.), знаменитый римский оратор, политический деятель, писатель — *419*

Чаха, турецкий пират — *19, 20, 21*

Черноусов Е. А. (1869–?) русский византинист — *239, 408*

Шаландон Ф., известный французский византинист — *16, 26, 48, 53, 125, 134*

Шапман К., французский византинист — *274*

Шильтбергер, баварский солдат, участник никопольского сражения — *330*

Шуазель-Делькур М. (M. Choiseul-Daillecourt), французский историк крестовых походов — *25*

Шлюмберже Г. Л. (Schlumberger, 1844–1929), известный французский византинист и археолог — *354*

Эсхил (525–456 гг. до н. э.), известный древнегреческий драматург — *423*

Юлиан Отступник, римский император в 361–363 гг. — *360*

Юстиниан I Великий, византийский император в 527–565 гг. — *99, 248, 252, 254, 256, 257, 258, 310, 316, 338, 305*

Юстиниан II Ринотмет, византийский император в 685–695 и 705–711 гг. — *255*

Яковенко П. А. (1875–1920), русский византинист — *254, 395*

Ярослав Владимирович Осмомысл, князь Галицкий в 1153–1187 гг. Его могущество отмечено в «Слове о полку Игореве» — *12, 13*

Научный редактор настоящего издания выражает глубокую благодарность Татьяне Евгеньевне Сиволап, дополнительно просмотревшей текст книги, а также Наталье Ивановне Пашковской, взявшей на себя труд по макетированию наиболее сложной части текста.

А. Г. Грушевой

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ ЖУРНАЛОВ И МНОГОТОМНИКОВ

ВВ	—	**Византийский Временник**
ЖМНП	—	**Журнал Министерства Народного Просещения**
ППС	—	**Православный Палестинский Сборник**
CIG	—	**Corpus Inscriptionum Graecarum**
DOP	—	**Dumbarton Oaks Papers**
JA	—	**Journal Asiatique**
JHS	—	**The Journal of Hellenic Studies**
JRAS	—	**Journal of the Royal Asiatic Society**
JRS	—	**The Journal of Roman Studies**
MUSJ	—	**Mélanges de l'Université Saint-Joseph**
PG	—	**Patrologia Graeca**
PL	—	**Patrologia Latina**
RB	—	**Revue Biblique**
RE	—	**Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft**
REG	—	**Revue des Études Grecques**
SHA	—	**Scriptores Historiae Augustae**

Оглавление

От редактора 5

Глава I. Византия и крестоносцы.
Эпоха Комнинов (1081—1184) и Ангелов (1185—1204) ... 7

Глава II. Латинское владычество на Востоке.
Эпоха Никейской Латинской империи (1204—1261) 171

Глава III. Падение Византии.
Эпоха Палеологов (1261—1453) 269

Приложения

Византийские императоры 448
Генеалогические таблицы 455
Библиография 461
С. П. Карпов. Архив А. А. Васильева в Dumbarton Oaks (Вашингтон) 546
Именной указатель 558